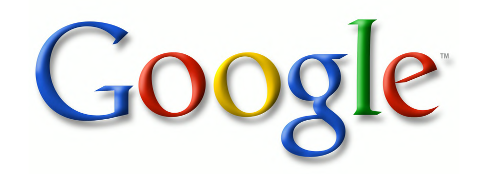
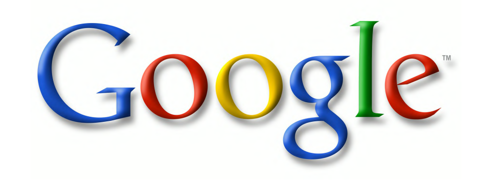
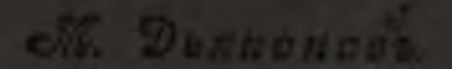

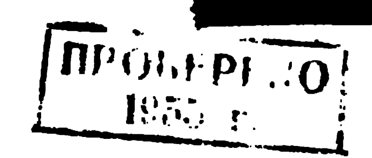

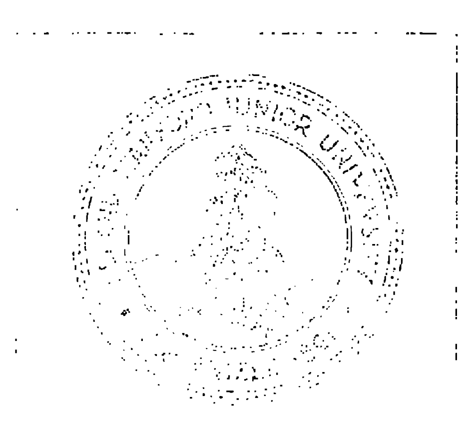
М. Дьяконовъ.

ОЧЕРКИ ОБЩЕСТВЕННАГО И ГОСУДАРСТВЕННАГО СТРОЯ древней Руси.

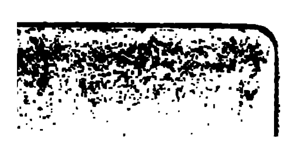
Изданіе вто[illegible]

[illegible]

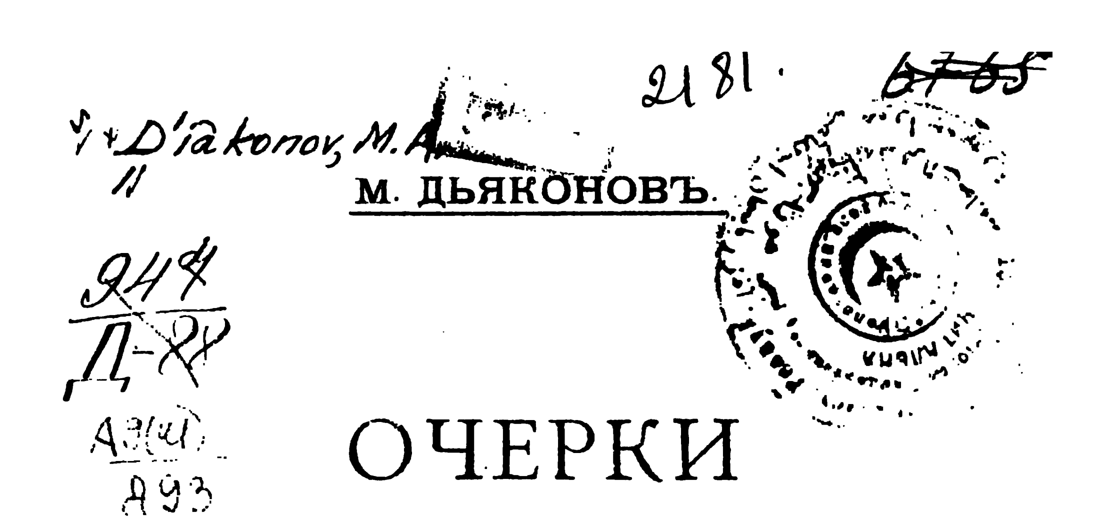

616

М. ДЬЯКОНОВЪ.

ОЧЕРКИ

общественнаго и государственнаго строя

ДРЕВНЕЙ РУСИ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Юридическаго книжнаго склада „ПРАВО".
1908.

Типографія А. Г. Розена (А. Е. Ландау). Театрал. пл., 2.

Предисловіе ко второму изданію.

Первое изданіе „Очерковъ“ печаталось въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и почти все разошлось въ листахъ среди моихъ слушателей. Въ виду спроса на книгу, пришлось приступить къ новому ея изданію еще до окончанія печатанія перваго. Это второе изданіе является буквальнымъ почти повтореніемъ перваго съ самыми несущественными исправленіями.

Петербургъ, Сосновка.
4 марта 1906.

Предисловіе къ первому изданію.

Уступая настойчивымъ желаніямъ своихъ слушателей, студентовъ Юрьевскаго (Дерптскаго) Университета, я съ осени 1904 г. рѣшился приступить къ изданію нѣкоторыхъ отдѣловъ своего курса по исторіи русскаго права. Выполненію этого плана во благовремени помѣшали многія внѣшнія условія какъ моей личной, такъ и общественной жизни, какія пришлось пережить въ теченіе 1905—1906 гг., и которыя весьма неблагопріятно отразились на ходѣ задуманной работы. За это время мнѣ пришлось покинуть Университетъ, въ которомъ я началъ свою преподавательскую дѣятельность. Окончить же изданіе оказалось возможнымъ лишь съ большимъ запозданіемъ противъ первоначальныхъ предположеній. Начатый трудъ все-же надо было довести до конца. Если онъ и не пригодится уже тѣмъ, благодаря почину которыхъ былъ предпринятъ, то, по крайней мѣрѣ, имъ, моимъ бывшимъ слушателямъ по Юрьевскому Университету, онъ долженъ быть посвященъ.

Наша литература весьма небогата общими пособіями по исторіи русскаго права. Кромѣ „Обзора исторіи русскаго права“ проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова собственно нѣтъ никакихъ пособій, обни-

мающихъ весь предметъ. „Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права“ проф. В. И. Сергѣевича съ 1883 г. не появлялись при переизданіи ихъ въ прежнемъ хронологическомъ объемѣ, а со времени появленія „Русскихъ юридическихъ древностей“ въ „Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права“ не включаются и многіе важные отдѣлы, получившіе полную обработку въ „Древностяхъ“. Всѣ другія попытки дать общее пособіе при изученіи такого важнаго предмета не были до недавняго времени доведены до конца и не разъ прерывались на первыхъ почти шагахъ. Исключеніе составляетъ изданный проф. А. Н. Филипповымъ курсъ: „Исторія русскаго права. Конспектъ лекцій. Ч. I, вып. I—III, Москва и Юрьевъ, 1905—1906“, предназначенный для слушателей автора. Вслѣдствіе такой бѣдности въ пособіяхъ приступающіе къ изученію исторіи права поставлены нерѣдко въ серьезныя затрудненія. Этимъ, конечно, въ значительной мѣрѣ и надо объяснить указанное желаніе слушателей имѣть подъ руками доступное пособіе по предмету.

Рѣшаясь сдѣлать опытъ изданія такого пособія, я руководился при его составленіи двумя цѣлями: съ одной стороны, книга должна быть не обширной по объему и доступной для болѣе широкаго круга читателей; съ другой—въ ней должны быть затронуты важнѣйшіе вопросы исторіи права и вмѣстѣ съ тѣмъ указаны главнѣйшія данныя для ихъ рѣшенія. Эти цѣли я старался примирить, хотя осуществленіе каждой изъ нихъ неизбѣжно должно было идти въ разрѣзъ съ другой. Какъ ни заманчивы были по

своей сжатости и краткости типы нѣкоторыхъ французскихъ **Manuel** или **Précis élémentaire** и нѣмецкаго **Grundzüge**, предназначенныхъ для приступающихъ къ изученію предмета, но мнѣ казалось необходимымъ ввести въ текстъ пособія цитаты изъ источниковъ или прямыя на нихъ указанія, такъ какъ безъ этого невозможно сколько нибудь самостоятельное изученіе вопросовъ. Но, чтобы избѣжать большого объема книги, пришлось включить въ нее не всѣ вопросы, относящіеся къ разнымъ отдѣламъ курса. Какъ при отборѣ вопросовъ, такъ и при разсмотрѣніи отдѣльныхъ изъ нихъ въ той или иной полнотѣ, неизбѣжно сказалась субъективная точка зрѣнія, съ которой могутъ не согласиться писатели и преподаватели иныхъ направленій. Возможно, что обнаружится нѣкоторое несоотвѣтствіе по объему между отдѣльными частями книги. Послѣднее объясняется тѣмъ, что отдѣльныя части книги составлялись разновременно, а нѣкоторыя части взяты цѣликомъ изъ моихъ статей, напечатанныхъ въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, хотя большая часть изъ нихъ подверглась переработкѣ.

Издаваемое пособіе обнимаетъ только древнюю исторію права до конца XVII вѣка. Настоящій же томъ доведенъ только до отдѣла объ управленіи въ Московскомъ государствѣ. Обработкѣ этого сложнаго отдѣла предполагаю посвятить цѣликомъ второй томъ „Очерковъ".

С.-Петербургъ, Сосновка.
29 января 1908.

Содержаніе.

А. Періодъ первый.

I. Источники права.

II. Государственное устройство.

III. Государственное управленіе.

Б. Періодъ второй.

I. Источники права.

II. Государственное устройство.

Сокращенія ссылокъ на источники.

А. И. или Ак. Ист.	Акты Историческіе, собранные и изданные Археографическою Коммиссіею. Томы I—V, 1841—42.
А. З. Р. или Ак. зап. Росс.	Акты, относящіе къ исторіи Западной Россіи. Томы I—V, 1846—53.
А. Э. или Акты Эксп.	Акты, собранные въ библіотекахъ и архивахъ Археографической Экспедиціей. Томы I—IV, 1836.
А. Ю. или Ак. Юр.	Акты Юридическіе, или собраніе формъ стариннаго дѣлопроизводства, 1838.
А. Ю. Б.	Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. Изд. Археографич. Коммиссіей подъ ред. Калачова. Томы I—III. 1857—88.
Ак.	Русская Правда по Академическому списку.
Акты Лихачева.	Н. П. Лихачевъ. Сборникъ актовъ собранныхъ въ архивахъ и библіотекахъ, 1895.
Акт. Моск. гос.	Акты Московскаго государства, изд. Академіей Наукъ. Томы I—III, 1890, 1894 и 1901.
Акт. тягл. нас.	М. Дьяконовъ. Акты относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Вып. I—II, 1895, 1897.
Ак. Юшк. (Юшкова)	Акты XIII—XVII вв. представленные въ Разрядный приказъ послѣ отмѣны мѣстничества. Изд. А. Юшковъ. Чтенія Общ. ист. и древн. 1898, книги 2—4.
Ак. Ѳед.-Чех.	Акты, относящіеся до гражданской расправы древней Россіи. Собралъ и издалъ А. Ѳедотовъ-Чеховскій. Тт. I—II, 1860—63.
Арх. ист.-юр. свѣд.	Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Н. Калачовымъ. Книжки I—III. 1855—61.
Арх. ист. и практ. свѣд.	Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Н. Калачовымъ. 1859, кн. I—VI, и 1860—61, кн. I—VI.

Вивл. или Вивліоѳ.	Древняя россійская Вивліоѳика. Изд. Н. Новиковымъ. Изд. 2-е, части I—XX, 1788-1791.
Временн. или Временн. Общ. ист.	Временникъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ, съ 1849 по 1858 г. Книги I—XXV.
Д. къ А. И.	Дополненія къ Актамъ Историческимъ. Изд. Археогр. Комм. Тт. I—XII, 1846—72.
Дворц. Разр.	Дворцовые Разряды, изд. II-мъ Отдѣленіемъ собств. Его Имп. Вел. Канцеляріи. Тт. I—IV, 1850—55.
Древн. разр. кн.	П. Н. Милюковъ. Древнѣйшая разрядная книга оффиціальной редакціи. Чтенія Общ. ист. и древн., 1902; кн. I—II.
Ж. М. Н. Пр. или Журн. Мин. Нар. Пр.	Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
Ж. М. Юст. или Журн. Мин. Юст.	Журналъ Министерства Юстиціи.
Зап. Жолкевскаго.	Записки гетмана Жолкевскаго о Московской войнѣ, 1871.
Зап. Отд. русск. и славян. арх.	Записки Отдѣленія русской и славянской Археологіи Императорскаго Археологическаго Общества. Тт. I—II, 1851—61.
Зап. Нов. Ун.	Записки Императорскаго Новороссійскаго Университета.
Изборн.	Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи. Собралъ и издалъ Андрей Поповъ. 1869.
Ипат. или Ип.	Лѣтопись по Ипатскому списку. Изд. Археогр. Комм., 1871.
Ист. Обозр.	Историческое Обозрѣніе. Сборникъ Историческаго Общества при Петербургскомъ Университетѣ.
Кар.	Русская Правда по Карамзинскому списку.
Кн. разр.	Книги разрядныя, по оффиціальнымъ оныхъ спискамъ, изд. II-мъ Отдѣленіемъ собств. Его Имп. Вел. Канцеляріи. Тт. I—II, 1853—55.
Лавр.	Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изд. Археогр. Комм., 1872.
Лѣт. зан. Арх. Комм.	Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи. Съ 1861 г.
Лѣт. вел. кн. Литов.	Лѣтопись великихъ князей литовскихъ. Ученыя записки II-го Отд. Имп. Акад. Наукъ. Книга I-ая, 1854.

Ник. или Никон. Лѣт.	Русская лѣтопись по Никоновскому списку. Т. VIII, 1792.
Нов. Лѣт.	Новый Лѣтописецъ. Изд. кн. Оболенскимъ во Времени., кн. XVIII.
Новг. или Новг. Син.	Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку. Изд. Археогр. Комм., 1888.
Новг. писц. кн.	Новгородскія писцовыя книги, изд. Археогр. Комм. Тт. I—V. 1859—1900.
Оп. док. и бум. моск. Арх. Мин. Юст.	Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Съ 1869 г.
П. С. З. или Полн. Собр. Зак.	Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи. Изд. II-го Отд.
П. С. Л.	Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Изд. Археогр. Комм. Съ 1841 г.
Памятн. древн. письм.	Памятники древней письменности. Изд. Общества любителей древней письменности.
Памятн. стар. русск. лит.	Памятники старинной русской литературы. Изд. Кушелевымъ-Безбородко. Тт. I—IV, 1860.
Переясл.-Сузд.	Лѣтописецъ Переяславля - Суздальскаго, изд. кн. Оболенскимъ, 1851.
Псков. Лѣт.	Псковская первая и вторая лѣтописи въ тт. IV—V, Полн. Собр. Лѣт.
Р. И. Б. или Русск. Ист. Библ.	Русская историческая Библіотека, изд. Археогр. Комм. съ 1872 г.
Русск. достоп.	Русскія достопамятности, изд. Общ. ист. и древн. Части I и II. 1815 и 1843.
Русск.-ливон. акт.	Русско-ливонскіе акты, собранные Напьерскимъ. Изд. Археогр. Комм., 1868.
С. Г. Г. или Собр. Гос. Гр. и Дог.	Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Изд. графа Н. Румянцева. Тт. I—IV, 1813—1828.
Сб. Арх. Инст.	Сборникъ Археологическаго Института. Книги I—VI.
Сб. акт. Лихачева.	Н. П. Лихачевъ. Сборникъ актовъ, собранныхъ въ архивахъ и библіотекахъ, 1895.
Сб. гос. зн.	Сборникъ государственныхъ знаній подъ ред. В. П. Безобразова. Тт. I—VIII, 1874—1880.
Сб. Муханова.	Сборникъ Муханова. Изд. 2-е, 1866.
Сб. Р. И. О. или Сб. русск. Ист. Общ.	Сборникъ Императорскаго Русского Историческаго Общества.

Сб. Хилкова.	Сборникъ кн. Хилкова. 1879.
Синод.	Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку. Изд. Арх. Комм., 1888.
Сузд.	Суздальская лѣтопись, изд. вмѣстѣ съ Лѣтописью по Лаврентьевскому списку (со стр. 465).
Тр. или Троиц.	Русская Правда по Троицкому списку.
Ул.	Уложеніе 1649 г.
Христ. или В.-Будановъ. Христом.	Христоматія по исторіи русскаго права. Составилъ М. Владимірскій-Будановъ. Вып. I—III, 1899, 1901, 1889.
Чт. Общ. Ист.	Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Исторія русскаго права занимаетъ нѣсколько обособленное положеніе въ ряду наукъ, входящихъ въ кругъ спеціальнаго юридическаго образованія. Она не имѣетъ особаго, своего собственнаго предмета изученія, какъ всѣ другія юридическія спеціальности, которыя и отличаются другъ отъ друга именно особымъ для каждой предметомъ изслѣдованія. Таковы государственное, международное, административное право, право гражданское, уголовное и проч. Исторія права объемлетъ всѣ эти предметы, она изучаетъ и государство, и право во всѣхъ его развѣтвленіяхъ, но изучаетъ ихъ съ особой точки зрѣнія, изучаетъ ихъ въ исторіи, т. е. въ историческомъ развитіи. Эта особая точка зрѣнія обусловливаетъ и иные пріемы изученія, выдѣляющіе исторію права въ особую весьма обширную область знанія, тѣсно связанную съ историческими науками въ силу общности методологическихъ пріемовъ изученія.

Здѣсь нѣтъ нужды входить въ подробное разсмотрѣніе особенностей исторической методы. Но не безполезно остановиться на одномъ техническомъ пріемѣ, завоевавшемъ себѣ въ короткое время право гражданства, именно на пріемахъ сравнительнаго изученія исторіи права.

Первая задача всякаго изслѣдователя сводится къ тому, чтобы установить, констатировать явленіе или явленія, подлежащія изслѣдованію. Для историка эта задача гораздо труднѣе, чѣмъ для догматика, такъ какъ явленія, подлежащія изученію, не доступны непосредственному наблюденію. Явленія безвозвратно исчезли, оставивъ послѣ себя лишь нѣкоторые слѣды въ видѣ вещественныхъ и главнымъ образомъ письменныхъ памятниковъ. По этимъ слѣдамъ и надо прежде всего возстановить явленія. Историку права приходится имѣть дѣло исключительно съ письменными памятниками. По нимъ то и надо возстановлять факты и явленія государственной жизни

и юридическихъ отношеній. Но письменные памятники требуютъ осторожнаго и умѣлаго обращенія съ ними: къ нимъ надо относиться строго критически. Историческая критика прежде всего должна установить, можно ли пользоваться даннымъ историческимъ памятникомъ и въ какой мѣрѣ; она должна убѣдиться въ подлинности памятника, датировать его, опредѣлить его источники. Многіе памятники дошли до насъ только въ позднѣйшихъ спискахъ, что въ свою очередь требуетъ выясненія, въ какой мѣрѣ точно списокъ сохранилъ всѣ особенности оригинала. Всѣ эти вопросы составляютъ область такъ называемой внѣшней исторической критики.

Но задача исторической критики этимъ не исчерпывается. Если памятникъ признанъ подлиннымъ, пріуроченъ точно къ опредѣленному времени, то отсюда еще не слѣдуетъ, что изъ него безъ дальнѣйшихъ предосторожностей можно почерпать всѣ данныя о тѣхъ или иныхъ историческихъ явленіяхъ. Подлинность документа ставитъ его въ ряду безспорныхъ историческихъ источниковъ, но это еще ничуть не предрѣшаетъ вопроса о достовѣрности сообщаемыхъ памятникомъ данныхъ. „Выраженіе подлинный относится только къ происхожденію, а не къ содержанію документа; назвать документъ подлиннымъ значитъ только сказать, что происхожденіе его не подлежитъ сомнѣнію; но отсюда еще не слѣдуетъ, что и содержаніе его заслуживаетъ довѣріе“. Установить достовѣрность сообщаемыхъ письменными памятниками данныхъ—это задача внутренней исторической критики и задача чрезвычайно трудная. Обычный и наиболѣе легкій пріемъ внутренней исторической критики сводится къ тому, что ею провѣряется достовѣрность данныхъ сравненіемъ показаній о томъ или другомъ явленіи нѣсколькихъ письменныхъ памятниковъ, но возможности разнородныхъ. Но это пріемъ далеко не всегда возможный, особенно для болѣе древнихъ эпохъ. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ историку можетъ оказать серьезную помощь сравнительная метода.

Для построенія историческихъ выводовъ историку неизбѣжно группировать явленія. Прежде всего изъ подавляющаго многообразія явленій исторической дѣйствительности онъ выдѣляетъ тѣ, которыя заслуживаютъ, по его мнѣнію,

специальнаго изученія, соединяетъ сходныя явленія данной категоріи и подмѣчаетъ общіе ихъ признаки. Роль историка сводится, главнымъ образомъ, къ подмѣтѣ единообразія или сходства въ явленіяхъ. Группа сходныхъ явленій должна быть объяснена въ связи съ явленіями сосуществующими, предшествующими и послѣдующими. Чѣмъ шире кругъ наблюдаемыхъ явленій, тѣмъ тверже почва наблюдателя, старающагося выяснить причины сходствъ или различій. Сравнительная метода стоитъ въ тѣсной связи съ указаннымъ пріемомъ наблюденія. Съ ея помощью историкъ можетъ провѣрить свои выводы относительно данной группы явленій, сравнивая ихъ съ подобными же явленіями въ исторической жизни другого народа или цѣлой группы народовъ.

Къ сравненіямъ исторической жизни различныхъ націй прибѣгали съ давнихъ поръ. Стоитъ припомнить Монтескье и его школу, чтобъ не углубляться въ болѣе отдаленную древность. Но такое сопоставленіе картинъ изъ историческаго быта разныхъ государствъ, хотя бы для уясненія «Духа законовъ“, не удовлетворитъ современнаго историка. Сравнительная метода, какъ особый научный пріемъ историческаго изученія, зародилась на нашихъ глазахъ, хотя и до сихъ поръ правила пользованія ею не окончательно установлены.

Фриманъ одинъ изъ первыхъ задался вопросомъ, какъ надлежитъ объяснять наблюдаемыя сходства учрежденій у разныхъ народностей. Причины этого сходства, по его мнѣнію, могутъ быть сведены къ одной изъ трехъ слѣдующихъ; это 1) передача однимъ народомъ другому одного или цѣлой совокупности учрежденій; 2) дѣйствіе одинаковыхъ причинъ, вызвавшихъ и тождественные результаты, и 3) происхожденіе отъ одного общаго корня. Проф. Сергѣевичъ третью указанную причину сходства считаетъ сложною изъ первыхъ двухъ. Эту поправку надо принять. Вторая причина сходствъ имѣетъ особенно важное значеніе для историка, т. к. изученіе ея вскрываетъ общія условія развитія общественныхъ явленій.

Но прежде чѣмъ объяснять причины изученныхъ сходствъ, историкъ долженъ твердо выяснить, что, какіе именно институты или учрежденія разныхъ общественныхъ группъ возможно сравнивать. Чтобы такія сравненія не оказались пустою

гимнастикою ума, надо не забывать, что только подобное, близкое, если не по формѣ, то по духу, можетъ дать въ результатѣ сравненія благотворныя обобщенія. Надо прежде всего точно знать, что сравниваешь. А для этого необходимо, чтобы сравниваемыя явленія были предварительно выяснены въ ихъ признакахъ на основаніи мѣстныхъ или національныхъ источниковъ. Сравнительная метода прежде всего никакъ не должна служить средствомъ пополненія по аналогіи недостающихъ чертъ быта. Она можетъ оказать немаловажныя услуги только при разъясненіи чертъ неполныхъ или неясныхъ.

Freeman. Comparative politics, 1873; русск. пер. подъ ред. *Н. Коркунова.* Сравнительная политика; *В. Сергѣевичъ.* „Право и государство въ исторіи", гл. II, въ Сбрн. гос. знаній, т. VII, 1879; *Ковалевскій М. М.* Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и пріемы изученія исторіи права, 1880; *Bernhöft.* Ueber Zweck u. Mittel der vergleichenden Rechtswissenschaft, Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, I, 1878; *Максимейко Н.* Сравнительное изученіе исторіи права, Зап. Харьк. Унив., 1898, I; *I. Kohler.* Ueber die Methode der Rechtsvergleichung, Z. f. Priv. u. Oeff. R., 28 B., 2 Hft. 1900; *Тарановскій Ѳ. В.* Сравнительное правовѣдѣніе въ концѣ XIX в., Варш., 1902.

Однако, эти предосторожности не только не всегда соблюдаются, но даже открыто проповѣдуются совершенно противоположныя начала. Для примѣра вотъ мнѣніе проф. Владимірскаго-Буданова, высказанное въ его „Обзорѣ исторіи русскаго права": „Существованіе славянскаго права, какъ цѣлаго (а не только какъ группы законодательствъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ), не можетъ подлежать сомнѣнію, какъ не подвергается сомнѣнію бытіе права нѣмецкаго, несмотря на постоянную государственную разъединенность нѣмецкаго племени. Дѣйствительно въ началѣ исторіи общность языка, быта и юридическихъ нормъ у всѣхъ славянъ извѣстна и отмѣчена уже нашимъ первымъ лѣтописцемъ: „бѣ единъ языкъ словѣнескъ", говоритъ онъ, при чемъ слово „языкъ" употребляетъ въ смыслѣ націи. Въ частности отношеніе русской націи къ славянской народности опредѣляется у него такъ: „а словѣнескъ языкъ и рускый одинъ... аще и Поляне звахуся, но словѣньская рѣчь бѣ... языкъ словѣньскій бѣ имъ единъ". Въ

силу этого въ начальный періодъ исторіи русскаго права нужно признать его тождественнымъ съ правомъ общеславянскимъ; факты, сообщаемые источниками о правѣ другихъ славянскихъ народовъ въ ту эпоху, могутъ быть безопасно приписаны русскому" („Обзоръ", изд. 4-е, 1905, стр. 3). Это мнѣніе стоитъ не обособленно. Ту же мысль развиваетъ дальше проф. Загоскинъ въ своей „Исторіи права русскаго народа". Онъ признаетъ „общеславянскія начала права, какъ общій и первоначальный источникъ, изъ котораго почерпали свое содержаніе права отдѣльныхъ славянскихъ народовъ, а слѣдовательно и право восточныхъ русскихъ славянъ"; и соотвѣтственно этому созидаетъ особый методъ разработки исторіи древняго русскаго права, который называетъ „сравнительно славянскимъ", слѣдуя во многомъ за проф. Леонтовичемъ — „главнымъ послѣдователемъ сравнительно — славянскаго направленія" („Исторія права русскаго народа". т. I, 1899, стр. 439 — 447). На той же почвѣ стоитъ и проф. Московскаго Университета Филипповъ въ изданномъ курсѣ своихъ лекцій (Исторія русскаго права. 1905, стр. 11—12).

Къ сожалѣнію ни одинъ изъ указанныхъ авторовъ не объясняетъ, откуда появилось общеславянское право, противополагаемое какому то общенѣмецкому. Ссылка на первоначальнаго лѣтописца нисколько не разъясняетъ дѣла, такъ какъ онъ совсѣмъ ничего не говоритъ объ общеславянскомъ правѣ. Въ приведенной цитатѣ онъ удостовѣряетъ только общность языка у славянскихъ племенъ и ничего больше. Мнѣніе составителя первоначальной лѣтописи объ общеславянскомъ правѣ совершенно противоположно мнѣніямъ вышеприведенныхъ ученыхъ: онъ не только не признаетъ его, но рѣзко подчеркиваетъ различіе быта даже среди русскихъ славянъ. О полянахъ, древлянахъ, радимичахъ, вятичахъ и сѣверянахъ въ лѣтописи читаемъ: „Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и предавья, кождо свой нравъ" (Лавр., 12). Въ виду такого, не заподозрѣннаго до сихъ поръ указанія на разнообразіе быта славянскихъ племенъ, какъ можно приписывать древнему русскому праву факты изъ быта другихъ славянскихъ племенъ? Какъ нѣтъ общеславянскаго права, такъ нѣтъ въ началѣ исторіи ни единаго французскаго права,

ни единаго германскаго. О различныхъ гальскихъ племенахъ Цезарь указалъ, что они legibus inter se differunt. Каждое изъ многочисленныхъ германскихъ племенъ жило по своему племенному праву. Объединеніе этихъ племенныхъ правъ обязано своимъ происхожденіемъ преобладанію права салическихъ франковъ надъ другими племенными нормами.

Сторонники „сравнительно-славянскаго метода“ выставляютъ еще требованіе, чтобы историки русскаго права обращались прежде всего къ сравненію русскихъ институтовъ съ славянскими. Противъ такого требованія ничего нельзя бы возразить, если бы этотъ путь былъ въ достаточной мѣрѣ подготовленъ. Но, къ сожалѣнію, нельзя не признать, что исторія права различныхъ славянскихъ племенъ очень мало разработана. Къ сравненію же нельзя и приступить, пока сравниваемыя явленія не выяснены въ своихъ чертахъ по своимъ мѣстнымъ источникамъ. Исторія же правъ французскаго и нѣмецкаго по своей разработкѣ стоятъ далеко впереди. Къ нимъ и естественно обращаться за сравненіемъ прежде всего.

А. Періодъ первый.

I. Источники права.

Подъ источниками права, съ одной стороны, понимаютъ тѣ творческія силы, которыя содѣйствуютъ объективированію права, создаютъ тѣ или иныя формы права, съ другой—самыя формы права, изъ которыхъ почерпаются свѣдѣнія о томъ, что въ данное время, въ данномъ мѣстѣ является положительнымъ или дѣйствующимъ правомъ. Обѣ стороны вопроса стоятъ въ тѣсной связи и для историка одинаково важны. Каждая историческая эпоха характеризуется преобладаніемъ тѣхъ или иныхъ формъ права. Господствуетъ ли въ данное время законъ, или обычай, или комбинируются они межъ собою или съ другими формами права такъ или иначе, — все это и само по себѣ имѣетъ важное значеніе для характеристики эпохи, и въ то же время служитъ показателемъ преобладанія тѣхъ или иныхъ созидающихъ право силъ.

Отъ понятія „источники права“ слѣдуетъ строго отличать понятіе „источники исторіи права“. Подъ послѣдними разумѣются тѣ историческія свидѣтельства, изъ которыхъ почерпаются данныя или свѣдѣнія о состояніи права въ ту или иную историческую эпоху. Это источники для научнаго познанія исторіи права. Иногда эти понятія могутъ и совпасть. Напр., записанный обычай можетъ быть и источникомъ права и въ то же время служить въ качествѣ источника исторіи права. Но это совпаденіе случайное; гораздо чаще или обыкновенно эти понятія расходятся.

Въ древнія историческія эпохи преобладающими и даже почти исключительными формами права являются обычай и

договоръ. Позднѣе появляются и зачатки законодательной дѣятельности, зародыши который можно прослѣдить уже въ древнемъ періодѣ исторіи русскаго права въ видѣ уставной дѣятельности князей. Но эта форма права въ первомъ періодѣ играетъ ничтожную роль по сравненію съ двумя выше указанными, обычаемъ и договоромъ.

Обычай, какъ форма права.

Обычнымъ правомъ называются тѣ юридическія нормы, которыя соблюдаются въ данной общественной средѣ всѣми или опредѣленнымъ кругомъ лицъ вслѣдствіе согласнаго убѣжденія дѣйствующихъ лицъ въ необходимости подчиняться этимъ нормамъ. За обычаемъ не стоитъ авторитетъ власти, вынуждающей соблюденіе обычной нормы. Каждый, дѣйствующій согласно обычной нормѣ, убѣжденъ въ необходимости поступать такъ, а не иначе, ибо всѣ люди его круга поступаютъ такъ же. Онъ увѣренъ въ томъ, что и всѣ другіе эту норму соблюдали и будутъ соблюдать.

Никто не можетъ сказать опредѣленно, съ какихъ поръ началъ примѣняться обычай. Его начало восходитъ къ неопредѣленному прошлому. Каждый обычай окруженъ нѣкоторымъ ореоломъ старины, давности: всѣ поступаютъ такъ, не желая уклониться отъ установившейся практики: „такъ поступали отцы, такъ будемъ поступать и мы“; „не нами уставилось, не нами переставится“.

Но если нельзя указать опредѣленно время возникновенія обычая, тѣмъ болѣе нельзя указать на то лицо, отъ кого данный обычай повелся. Обычай, какъ говорятъ, безличенъ. Это не значитъ, однако, что обычай ведетъ свое начало не отъ людей, а имѣетъ, какъ нѣкогда вѣрили, божественное происхожденіе. Такая вѣра могла возникнуть лишь въ ту отдаленную эпоху, когда религія и право еще недостаточно обособились другъ отъ друга. Обычай возникаетъ въ общественной средѣ и создается людьми даннаго времени и мѣста. Но онъ безличенъ въ томъ смыслѣ, что нельзя назвать лица или лицъ, отъ которыхъ данный обычай пошелъ.

Такъ какъ обычай поддерживается лишь его примѣненіемъ

въ практикѣ, то наличность обычая можетъ быть установлена указаніемъ на рядъ однообразныхъ фактовъ или дѣйствій, подтверждающихъ соблюденіе того или иного правила. Если можетъ быть приведенъ рядъ фактовъ, указывающихъ, что народныя собранія приглашаютъ къ себѣ князей, то можно говорить объ обычаѣ замѣщенія княжескихъ столовъ путемъ народнаго призванія. Подмѣченныя въ дѣйствительной жизни единообразія служатъ самымъ вѣрнымъ шагомъ къ заключенію о томъ, что обычно. Чѣмъ больше число подмѣченныхъ единообразій, тѣмъ надежнѣе заключеніе. Но историкъ очень часто лишенъ возможности подобрать отдѣльные случаи въ желательномъ числѣ. Тогда онъ поставленъ въ необходимость довольствоваться наблюденіями другихъ лицъ, напр., современниковъ событій, если только такія свидѣтельства современниковъ о господствѣ какого либо обычая будутъ признаны заслуживающими довѣрія. Въ нѣкоторыхъ странахъ эти свидѣтельства современниковъ о примѣняемомъ обычномъ правѣ образовали цѣлые сборники обычнаго права. Во Франціи, напр., отъ XIII в. сохранился цѣлый рядъ такихъ сборниковъ (les Coutumiers). У насъ сборники обычнаго права совершенно неизвѣстны. Наконецъ, о наличности обычая можно отчасти судить по сохраняющимся иногда очень долго обрядамъ и словеснымъ формуламъ, каковые играли большую роль въ пору господства формализма въ правѣ. Иные изъ такихъ обрядовъ и формулъ надолго переживаютъ въ нравахъ и пословицахъ народныхъ то время, когда имѣли полное реальное значеніе.

При наблюденіи и изученіи обычнаго права чрезвычайно важное значеніе имѣетъ вопросъ о происхожденіи обычнаго права и то или иное его рѣшеніе. Самый же этотъ вопросъ получилъ научную постановку лишь съ того времени, когда за обычаемъ, какъ формой права, признано самостоятельное значеніе на ряду съ другими формами, въ частности наряду съ закономъ. Это новое ученіе объ обычномъ правѣ составляетъ одну изъ важныхъ заслугъ исторической школы въ нѣмецкой юридической наукѣ. До тѣхъ поръ за обычнымъ правомъ признавали лишь субсидіарное значеніе и лишь въ той мѣрѣ, поскольку законодатель явно или молчаливо допускалъ его примѣненіе. Соотвѣтственно этому и происхожденіе обы-

чаевъ объяснялось чисто механически, случайно образовавшимися привычками поступать одинаковымъ образомъ въ однородныхъ случаяхъ.

Главнѣйшій послѣ Савиньи представитель исторической школы, Георгъ Фридрихъ Пухта, въ своемъ сочиненіи „Das Gewohnheitsrecht“ не только далъ новую постановку ученію объ обычномъ правѣ, но иначе освѣтилъ и все общее ученіе объ источникахъ права. По его ученію право въ той или иной формѣ, и обычное въ частности, имѣетъ свою основу въ національномъ духѣ, и только на этой почвѣ возможно объяснить естественное совпаденіе убѣжденій отдѣльныхъ членовъ націи о правѣ и справедливости. Обычное право—это непосредственная форма, въ которой народъ выражаетъ свои представленія о правѣ. Оно возникаетъ, однако, не путемъ сознательнаго творчества націи, а какъ непроизвольный продуктъ естественнаго единства народнаго духа. Не повторное соблюденіе какого либо правила создаетъ обычную норму; это соблюденіе служитъ только внѣшнимъ выраженіемъ уже существующей нормы, заложенной въ народномъ духѣ. Обычное право, значитъ, представляетъ собою общенародное убѣжденіе о правѣ „въ его непосредственной и естественной формѣ, такъ что вмѣстѣ съ народомъ дано и обычное право“.

Другія формы права—законъ и право юристовъ (Juristenrecht)—также должны выражать національное убѣжденіе о правѣ, но только не прямо, а черезъ посредство или законодательной власти, какъ представительницы народной воли, или ученыхъ юристовъ, которые научно должны обосновать и развить то, что заложено въ народномъ духѣ только въ зародышѣ.

Ученіе Пухты о происхожденіи обычнаго права не можетъ быть, однако, названо историческимъ. Онъ прежде всего самый вопросъ о происхожденіи обычнаго права устраняетъ, говоря, что оно заложено въ національномъ духѣ и дано вмѣстѣ съ народомъ. Національный же духъ это нѣчто мистическое, недоступное научному изслѣдованію. Затѣмъ, съ исторической точки зрѣнія это ученіе не можетъ быть признано правильнымъ, такъ какъ, согласно ему, существуетъ только общенаціональное обычное право, а между тѣмъ въ началѣ исторіи

нигдѣ не существуетъ общенаціональнаго права, которое возникаетъ сравнительно поздно на почвѣ объединенія различныхъ партикулярныхъ (мѣстныхъ, племенныхъ) правъ.

Уже вслѣдъ за появленіемъ труда Пухты критика указала на разные недочеты въ его ученіи объ обычномъ правѣ. Но предложенныя поправки къ этому ученію (Савиньи, Кирульфъ) лишь нагляднѣе подтвердили неосновательность всего ученія. Въ настоящее время ученіе исторической школы объ источникахъ права утратило свой авторитетъ. Открыто никто не раздѣляетъ и мнѣнія Пухты о происхожденіи обычнаго права. Но согласнаго отвѣта на этотъ важный вопросъ не установилось до сихъ поръ.

И въ русской литературѣ можно отмѣтить два противоположныхъ направленія по вопросу о происхожденіи обычнаго права. Согласно одному взгляду, обычай ведетъ свое начало отъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, но при наличности извѣстныхъ условій. При несложности отношеній въ древнихъ обществахъ и сходствѣ условій жизни отдѣльныя лица могутъ поступать одинаковымъ образомъ въ сходныхъ случаяхъ. Но жизнь въ ту пору развивается крайне медленно, а потому условія дѣятельности остаются тѣми же довольно долгое время. Такимъ образомъ можетъ создаться рядъ сходныхъ поступковъ, изъ которыхъ вырабатываются привычки. Сначала отдѣльныя лица дѣйствуютъ, соображаясь въ каждомъ случаѣ съ своими интересами, желаніями, цѣлями. Но затѣмъ прецеденты начинаютъ оказывать свое вліяніе на дѣятельность лица и содѣйствуютъ выработкѣ привычекъ. Это начало личной инициативы или автономіи въ созданіи обычая. Другое лежитъ въ инертной силѣ окружающаго большинства: всѣ молодые и слабые поступаютъ извѣстнымъ образомъ изъ подражанія другимъ энергичнымъ и сильнымъ. Для созданія обычая нужно совпаденіе этихъ двухъ началъ: образъ дѣйствія отдѣльныхъ лицъ долженъ стать болѣе или менѣе общимъ для всѣхъ окружающихъ. Тогда только возникаетъ общее убѣжденіе въ необходимости поступать именно такъ, а не иначе (проф. Сергѣевичъ).

Другой взглядъ на происхожденіе обычая не допускаетъ предложеннаго объясненія на томъ основаніи, что оно въ основу ученія о происхожденіи права кладетъ произвольныя

дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, а произволъ, какъ отрицаніе права, не можетъ быть положенъ въ основу права. „Первоисточникъ права есть природа человѣка физическая и моральная, подчиненная такимъ же законамъ, какъ и природа органическая и неорганическая. Право на первой ступени является чувствомъ (инстинктомъ). Всѣ поступаютъ одинаково не по силѣ подражанія одному, а одновременно и повсюду по силѣ дѣйствія одинаковаго чувства. На второй ступени право проникается сознаніемъ, превращаясь изъ явленій природы въ дѣйствія воли: то, что есть (фактъ), превращается въ то, что должно быть (право). Но законы сознанія и воли у людей также одинаковы, какъ и законы физической природы; сознаніемъ освящаются тѣ же самыя нормы, которыя были установлены природою; такимъ образомъ личная творческая дѣятельность въ правѣ совершенно сливается съ общественною“. (Вл.-Будановъ. Обзоръ, 88—89).

Хотя послѣдній взглядъ не отличается особенною ясностью, однако, ему болѣе посчастливилось въ нашей литературѣ: на его сторонѣ оказалось больше послѣдователей среди историковъ права. Взглядъ этотъ покоится на двухъ положеніяхъ: 1) законы сознанія одинаково дѣйствуютъ во всѣхъ людяхъ, и 2) условія жизни въ эпоху образованія и дѣйствія обычнаго права почти одинаковы для всѣхъ членовъ общества. Но достаточно ли этихъ двухъ положеній для построенія вывода, что „личная творческая дѣятельность въ правѣ сливается совершенно съ общественною“? Законы природы опредѣляютъ лишь условія проявленія чувствъ и сознанія, но не даютъ имъ содержанія. Содержаніе дается имъ переработкой внѣшнихъ впечатлѣній. Но и при полномъ тождествѣ условій жизни, переработка впечатлѣній можетъ дать тождественные результаты, т. е. одинаковыя чувства и тождественныя сознанія, лишь при условіи тождественныхъ индивидуальностей. Чтобы слить въ одно общее цѣлое всѣ индивидуальныя дѣятельности, необходимо допустить тождество психическое у всѣхъ особей даннаго общества. Одинъ изъ послѣдователей проф. Вл.-Буданова и присоединилъ къ двумъ указаннымъ положеніямъ еще третье: „индивидуальность еще не дифференцировалась. [illegible] одна-

кова“. Это третье положеніе является опорой всего построенія, а между тѣмъ оно не можетъ быть принято. Если среди животныхъ одного и того же вида различаютъ особей злыхъ и скромныхъ, горячихъ и спокойныхъ, сильныхъ и слабыхъ, то на какомъ основаніи можно отрицать подобныя различія у самыхъ первобытныхъ людей? Но если не вѣрна опора всего объясненія обычнаго права, не можетъ быть принято и все объясненіе. Оно является къ тому же воспроизведеніемъ цѣликомъ теоріи Пухты. Въ самомъ дѣлѣ, если вся совокупность личностей данной общественной среды представляетъ психическое тождество, то все это построеніе не приводитъ ли насъ опять къ единому духу, творящему право? Дѣйствительно, вся теорія происхожденія обычнаго права, предложенная проф. Вл.-Будановымъ, представляется по существу воспроизведеніемъ ученія исторической школы, лишь иначе выраженнаго, соотвѣтственно современнымъ воззрѣніямъ о вліяніи природы на человѣка и о законахъ, управляющихъ явленіями органической и общественной жизни.

Непонятное и необъяснимое съ точки зрѣнія исторической школы, а также и съ точки зрѣнія только что разсмотрѣнной теоріи, многообразіе обычаевъ среди одной націи или сходство ихъ у націй различныхъ, а равно и видоизмѣненіе обычаевъ, легко понять историку, исходя изъ мысли, что обычай ведетъ свое начало отъ отдѣльныхъ лицъ. Обычаи не только могутъ быть весьма разнообразны среди одной націи въ разныхъ мѣстахъ („что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай“), но они могутъ разниться и въ одномъ пунктѣ поселенія. Дробность обычаевъ, партикуляризмъ обычнаго права явленіе общее въ началѣ исторіи.

Но обычай возникаетъ лишь тогда, если правило поведенія становится болѣе или менѣе общимъ. Тогда только и можетъ возникнуть убѣжденіе о необходимости подчиняться данному правилу. „Повальный обычай, что царскій указъ“, гласитъ пословица, указывающая на обязательность обычая наравнѣ съ царскимъ указомъ. Убѣжденія въ цѣлесообразности или справедливости обычая можетъ и не быть на лицо; нужно только убѣжденіе въ его обязательности. Но несогласныя съ обычаемъ будутъ, конечно, уклоняться отъ его выполненія подобно

тому, какъ уклоняются и отъ выполненія царскихъ указовъ. Этою несогласною съ обычаемъ практикой создается почва для вымиранія одного обычая и зарожденія другого. Въ такіе переходные моменты не всегда возможно установить границу между обычнымъ правиломъ и простою практикой, которая еще не успѣла вылиться въ обычныя нормы. Въ сферѣ обычнаго права поэтому иной разъ не легко провести грань между правомъ и простымъ фактомъ.

При видоизмѣненіи обычаевъ дѣйствуютъ, конечно, тѣ же силы, какъ и при возникновеніи обычаевъ. И здѣсь начало перемѣнѣ кладется дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ. Но чтобы изъ этихъ дѣйствій возникъ новый обычай, необходимы тѣ же благопріятныя условія, которыя разсмотрѣны были выше. Между образованіемъ обычнаго права и его видоизмѣненіемъ не можетъ быть указапо никакой разницы, вопреки мнѣнію проф. Вл.-Буданова, т. к. всякое новое право образуется путемъ измѣненій стараго.

Если обычное право ведетъ свое начало отъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, то таковыми должны быть обыкновенно люди энергичные, сильные, а первыя извѣстныя обычныя нормы являются воплощеніемъ правъ сильнаго: таковы месть, рабство, подчиненное положеніе въ семьѣ женщины и дѣтей.

Наша древность знаетъ уже слово „обычай“, но употребляетъ и другіе термины для обозначенія этого понятія; таковы: „старина“, „пошлина“, „преданья“, „законъ“, „поконъ“. Что терминъ „законъ“ обозначаетъ то же понятіе, видно, напр., изъ словъ первоначальнаго лѣтописца, разсказывающаго о разныхъ обычаяхъ у разныхъ славянскихъ племенъ: „имяху бо обычаи свои, и законъ отець своихъ и преданья, кождо свой нравъ. Поляне бо своихъ отець обычай имуть кротокъ“ и пр. Здѣсь обычаи прямо названы закономъ отцовъ, какъ и въ замѣчаніи о Сирійцахъ: „Сири и законъ имуть отець своихъ обычаи“. Но въ первоначальной лѣтописи терминъ „законъ“ употребляется и для обозначенія божественныхъ правилъ въ выраженіи „законъ Божій“, который противополагается закону языческому въ смыслѣ языческихъ обычаевъ. Это противоположеніе прекрасно рисуется въ слѣдующихъ словахъ: „Си же творяху обычая Кривичи и прочии

поганіи, не вѣдуще закона Божія, но творяще сами собѣ законъ". Въ смыслѣ языческаго обычая терминъ „законъ" наряду съ „покономъ" не одинъ разъ встрѣчается въ договорахъ русскихъ съ греками X вѣка.

Puchta. Das Gewohnheitsrecht, I u. II, 1828 u. 1837; *Adickes*. Zur Lehre von den Rechtsquellen, 1872; *Сергѣевичъ В.* Опыты изслѣдованія обычнаго права, Наблюдатель 1882, №№ 1—2; *Вл.-Будановъ*. Обзоръ, стр. 88—89 и 487 прим; *Леонтовичъ Ѳ.* Старый земскій обычай, Труды VI археологическаго съѣзда, т. IV, 127—135; *Рудневъ Л.* О духовныхъ завѣщаніяхъ по русскому праву, 1895, 30—37, 63—65; *Ясинскій М.* Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права, 1898, 26—28. Ср. Ж. М. Юст., 1895, № 11, 179—185, и 1900 г., № 3, 296 и сл.

Договоръ.

Договоръ, какъ источникъ права, играетъ въ древнее время болѣе крупную роль, чѣмъ въ наше время. Въ сферѣ публичнаго права договоромъ создаются не только нормы, опредѣляющія междугосударственныя отношенія, но и цѣлый рядъ правилъ, регулирующихъ внутренній строй государства. Нѣкоторые изъ элементовъ, образующихъ этотъ строй, только на почвѣ договора создаютъ временную устойчивость часто колеблющихся взаимоотношеній. Такъ, постановленія народнаго собранія являются по существу ничѣмъ инымъ, какъ договоромъ единенія между участниками собранія. Отношенія между княземъ и народомъ, между княземъ и его дружиной создаются и выясняются только при посредствѣ взаимныхъ соглашеній. Въ области частныхъ правоотношеній очень многое впервые создается соглашеніемъ заинтересованныхъ. Это очень часто вынуждается бѣдностью наличныхъ объективныхъ нормъ или ихъ крайнею неопредѣленностью. Значитъ, и въ этой области договоромъ можетъ создаваться новое право.

Но древнее право, занесенное въ договоры, отнюдь не все создано соглашеніями. Многое возникло путемъ практики, творческою силою обычая и внесено въ договоры только для большаго обезпеченія и безспорности. Съ другой стороны, позднѣйшіе договоры нерѣдко повторяютъ почти дословно содержаніе болѣе раннихъ. Поэтому далеко не всегда возможно

отдѣлить въ сохранившихся до насъ договорахъ право обычное отъ права договорнаго. Иногда сами договоры ссылаются на старину, т. е. обычай. Но изъ постояннаго повторенія той или иной нормы въ договорахъ могла возникать старина по договору.

Для обозначенія договора въ древности употреблялись термины: „докончанье", „рядъ", „крестное цѣлованье"; послѣдній терминъ съ тѣхъ поръ, какъ началось для приданія прочности договору принесеніе присяги по христіанскому обряду.

Можно отмѣтить слѣдующіе виды договоровъ въ древнее время: 1) договоры международные, заключенные между русскими княженіями и сосѣдними націями; 2) договоры междукняжескіе, т. е. между русскими князьями; 3) князей съ народомъ, и 4) князей съ дружинниками.

Договоры Руси съ Греками X вѣка.

Первоначальная лѣтопись сохранила тексты четырехъ договоровъ русскихъ князей Олега, Игоря и Святослава подъ 907, 912, 945 и 971 гг. Вопросъ о подлинности этихъ древнѣйшихъ письменныхъ юридическихъ памятниковъ рѣшенъ былъ отрицательно Шлецеромъ, главнымъ образомъ на основаніи того, что въ греческихъ памятникахъ нѣтъ никакихъ указаній на мирные трактаты Византіи съ Русью за эти годы. Кромѣ того Шлецеръ отмѣтилъ и нѣкоторыя хронологическія несоотвѣтствія въ договорѣ 912 г. Упоминаемые въ немъ греческіе цари Левъ, Александръ и Константинъ не царствовали вмѣстѣ ни въ 912 г., ни раньше, а имп. Левъ уже умеръ въ 911 г. Авторитетъ Шлецера увлекъ на путь сомнѣній и нѣкоторыхъ нашихъ историковъ. Но уже въ 1810 г. Ph. v. Krug въ своемъ соч. „Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands" разсѣялъ главнѣйшія сомнѣнія Шлецера и въ частности доказалъ, что Александръ титуловался императоромъ при жизни имп. Льва, а Константинъ былъ вѣнчанъ младенцемъ еще при жизни Льва, который умеръ 11 мая 912 г. Договоръ же заключенъ въ сентябрѣ

911 г. (Акад. Куникъ предложилъ еще болѣе точную дату заключенія договора: это произошло въ воскресенье, 22 сентября 911 г. См. „Лѣтопись занятій Археогр. Комм.“, вып. XI, стр. 126 Протоколовъ. СПБ. 1903.) Въ настоящее время никто не сомнѣвается въ подлинности этихъ древнѣйшихъ договоровъ. Но это заключеніе отнюдь не устраняетъ вопросовъ какъ о полнотѣ и исправности дошедшаго до насъ текста памятниковъ, такъ и весьма важнаго для историка права вопроса о томъ, какое значеніе имѣютъ эти памятники при разработкѣ древнѣйшей исторіи русскаго права.

Начиная съ Эверса, который по этимъ памятникамъ, раскрывая ихъ содержаніе при помощи Р. Правды, рисовалъ картины родового быта древнихъ руссовъ, и кончая недавно появившейся брошюрой А. В. Лонгинова „Мирные договоры русскихъ съ греками“ (Од. 1904), авторъ которой утверждаетъ, что „постановленія договоровъ представляютъ яркую картину древне-русской жизни, отражая въ себѣ ея государственный, общественный, семейный и экономическій строй, религіозный культъ и юридическіе обычаи“ —одна группа изслѣдователей безъ колебаній черпаетъ изъ договоровъ данныя древняго русскаго права. Другіе изслѣдователи, изучая эти памятники, останавливаются передъ ними въ нерѣшительности, т. е. „не всегда можно рѣшить, имѣемъ ли мы передъ собою чистую русскую норму, или разбавленную византійскою примѣсью“ (Ключевскій, „Курсъ р. исторіи“. 187). Третьи, наконецъ, совершенно отвергаютъ достовѣрность этихъ памятниковъ въ качествѣ источниковъ для изученія древняго русскаго права (Сергѣевичъ, „Греческое и русское право въ договорахъ съ греками X вѣка“, Жур. Мин. Нар. Пр. 1882, янв. и Лекціи и Изслѣдованія, изд. 3, 1903 г., приложеніе).

Дѣйствительно, много недоумѣній возбуждаютъ договоры съ греками. Прежде всего неяснымъ представляется соотношеніе договоровъ 907 и 911 гг. Первый изъ нихъ заключенъ подъ стѣнами Константинополя, когда побѣдоносное войско Олега согласилось не губить города и удовлетворилось платежомъ значительной дани. Въ текстѣ лѣтописи условіе о платежѣ дани повторено два раза и затѣмъ прибавлены условія о порядкѣ торговли русскихъ въ Царьградѣ. Слѣду-

ющіе годы до 912 въ лѣтописи проставлены безъ указаній на какія либо историческія событія. А подъ 6420 г. говорится, что Олегъ послалъ „мужи свои построити мира и положити рядъ межю греки и русью“, и далѣе приводится подробный текстъ новаго договора. Зачѣмъ понадобился или чѣмъ вызванъ новый договоръ послѣ заключенія договора 907 г.? Нѣкоторые считаютъ договоръ 907 г. только прелиминарнымъ, а договоръ 911 окончательнымъ. Но если и принять столь искусственную для древнихъ отношеній догадку, то все же недоумѣнія не отпадаютъ. Важныя для грековъ статьи прелиминарнаго договора о порядкѣ торговли русскихъ въ Царьградѣ въ окончательный договоръ не попали. Можетъ быть, Олегъ добился отмѣны этихъ стѣснительныхъ для русскихъ купцовъ условій въ договорѣ 911 г.? Но если онъ согласился на эти стѣснительныя условія, стоя побѣдителемъ подъ стѣнами Константинополя, то какъ онъ могъ добиться ихъ отмѣны при менѣе благопріятныхъ условіяхъ? Но недоумѣнія идутъ и дальше. Договоръ 911 г. считается первымъ письменнымъ трактатомъ руси съ греками. Такое заключеніе выводится изъ слѣдующихъ словъ памятника: „Наша свѣтлость болѣ инѣхъ хотящихъ же о Бозѣ удержати и извѣстити такую любовь, бывшюю между хрестьяны и русью многажды, право судихомъ, не точію просто словесемъ, но и писаніемъ и клятвою твердою, кленьшеся оружіемъ своимъ, такую любовь извѣстити и утвердити по вѣрѣ и по закону нашему“. (Г. Лонгиновъ не принимаетъ такого толкованія и утверждаетъ, что договоры и раньше записывались. Соотвѣтственно этому онъ такъ возстановляетъ начальныя слова заключенія: „На утвержение же и неподвижение быти межи вами хрестьяны и русью, бывший миръ сътворихомъ и ва новомъ написаниемъ на двою харатью царя вашего и своею рукою“, т. е. „для подтвержденія и незыблимости... совершили мы и вы новымъ писаніемъ на двухъ хартіяхъ...“ Но остается невыясненнымъ, какъ понимать при такомъ толкованіи приведенное въ текстѣ выраженіе). Между тѣмъ въ договорѣ 945 г. имѣются три ссылки на предшествующія соглашенія: 1) „Великый князь русьскый и боляре его да посылаютъ въ грекы... корабля, елико хотять, съ послы своими и гостьми,

яко же имъ уставлено есть“; 2) „И отходящи руси отсюду взимають отъ насъ, еже надобе, брашно на путь, и еже надобе лодьямъ, якоже уставлено есть пѣрвое“; 3) если убѣжитъ челядинъ и не будетъ найденъ, „тогда взимають отъ насъ цѣну свою, якоже уставлено есть прежде, двѣ наволоцѣ за челядинъ“. Только первыя двѣ ссылки находятъ подтвержденіе въ текстѣ договора 907 г.; третья же ссылка на прежнее установленіе не подкрѣпляется ни договоромъ 907, ни договоромъ 911 г. (Вл.-Будановъ, Христоматія вып. 1, прим. къ договору 945 г. 9-е, 15-е и 16-е). Кромѣ того могутъ быть указаны и другія сближенія текста дог. 945 г. съ дог. 907 г. (См. Tobien, „Die ältesten Tractate Russlands“, S. 23—26). Какъ все это объяснить, если считать договоръ 907 г. прелиминарнымъ и при томъ словеснымъ? А если признать его самостоятельнымъ, какъ думаютъ нѣкоторые, то все же естественнѣе допустить ссылки на первый письменный и гораздо болѣе полный дог. 911 г. Не естественнѣе ли предположить, что статьи дог. 907 г., помимо условій о дани, выпали изъ дог. 911 г. и ошибочно пріурочены въ лѣтописи къ 907 г.? Такое предположеніе о неполнотѣ текста дог. 911 г. находитъ подтвержденіе и съ другой стороны. Уже давно обращено вниманіе на то, что подлинный текстъ этого договора дѣлился на главы. Объ этихъ главахъ упоминается во вступленіи („суть, яко понеже мы ся имали о Божии вѣрѣ и любви, главы таковыя“) и въ заключеніи договора („не переступати ни намъ, ни иному отъ страны нашея, отъ уставленныхъ главъ мира и любве“); а въ самомъ текстѣ сохранился только одинъ намекъ на эти главы, („а о главахъ, иже ся ключить проказа, урядимся сице“) (Н. Лавровскій, „О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками“, 1853). Эта неполнота текста сопровождается кромѣ того значительною порчею текста переписчиками и, можетъ быть, неудачнымъ переводомъ съ греческаго подлинника. Внѣшней исторической критикѣ предстоитъ еще много работы надъ текстомъ памятниковъ.

Договоры 911 и 945 гг. содержатъ цѣлый рядъ нормъ изъ области частнаго международнаго права. Но что это за нормы: русскія, греческія или смѣшанныя? Нѣтъ согласнаго

отвѣта и на этотъ вопросъ. Въ самомъ текстѣ памятниковъ имѣются ссылки на законъ греческій и на законъ и поконъ русскій. Но гдѣ и въ какихъ случаяхъ примѣняются тотъ и другой? Обыкновенно думаютъ, что договоры примѣнялись на территоріяхъ договаривающихся сторонъ, и что русскій законъ естественно господствовалъ на русской территоріи. Но когда представлялись случаи примѣнять къ отношеніямъ между греками и русью нормы договорнаго права на русской территоріи? Греки къ намъ пріѣзжали вообще рѣдко, а по торговымъ дѣламъ и вовсе не допускались. Наоборотъ, русь постоянно бывала въ Византіи и подолгу тамъ оставалась главнымъ образомъ по торговымъ дѣламъ. По договору 945 г. установлено лишь то ограниченіе, что русь не могла зимовать въ Константинополѣ. Практическій интересъ и требовалъ выработать правила для опредѣленія отношеній между пребывающей въ Византіи русью и греками. Значитъ, нормы договорнаго права имѣли примѣненіе почти исключительно въ предѣлахъ Византіи. Только статьи о лодьѣ или кубарѣ предполагаютъ примѣненіе ихъ внѣ предѣловъ Византіи. Но насколько трудно было византійскому правительству слѣдить за примѣненіемъ статей договоровъ за предѣлами Византіи, показываетъ статья, возлагающая обязательство на русь не воевать корсунскихъ городовъ, не чинить зла корсунянамъ, занимающимся рыболовствомъ въ устьѣ Днѣпра. Эти статьи, равно и обязательство руси защищать корсунянъ отъ черныхъ болгаръ, не имѣютъ никакой санкціи.

Для характеристики отдѣльныхъ нормъ разсмотримъ для примѣра статьи объ убійствѣ и о порядкѣ наслѣдованія. Договоръ 911 г. постановляетъ, что убійца, русинъ или грекъ, „да умретъ, идѣже аще сотворитъ убійство“ (ст. 4). Дог. 945 г. формулируетъ это правило нѣсколько иначе: „да держимъ будетъ створивый убийство отъ ближнихъ убьенаго, да убьютъ и“ (ст. 13). Большинство изслѣдователей не сомнѣвается въ томъ, что этими статьями за убійство русина допускается месть, и что мстители могли умертвить или убить убійцу-грека. Но надлежитъ прежде всего замѣтить, что термины „месть“, „мстити“ въ памятникахъ не встрѣчаются. Употребляемый первымъ договоромъ терминъ „местникъ“

обозначаетъ не мстителя, а хозяина дома (ст. 12). И трудно допустить, чтобы византійское правительство разрѣшило на своей территоріи и даже на улицахъ Константинополя открытое самоуправство. По дог. 911 г. убійцу можно умертвить на мѣстѣ совершенія убійства. Если понимать здѣсь месть, то положеніе мстителей оказывалось чрезвычайно затруднительнымъ: они могли отмстить только на мѣстѣ совершенія преступленія. Въ случаѣ бѣгства преступника, значить, и мстить нельзя? Но дог. далѣе предусматриваетъ случай, что убійца убѣжитъ; тогда „да держиться тяжи, дондеже обрящеться, яко да умреть“. Если требованіе дог. 945 г., чтобы ближніе убитаго задержали убійцу и потомъ убили его, такъ же понимать въ смыслѣ мести, то опять положеніе мстителей окажется невозможнымъ: если убійцу не удастся захватить, то и мстить ему нельзя? Къ тому же, какъ мѣтко указалъ проф. Сергѣевичъ, русь была лишена возможности осуществлять свое право мести, напр., въ Константинополѣ, куда могла входить, согласно постановленію договоровъ, только одними воротами, въ числѣ не болѣе 50 чел. и притомъ безъ оружія. А безоружный человѣкъ, конечно, и мстить не можетъ. Всѣ эти соображенія заставляютъ признать, что выраженіе „да умреть“ обозначаетъ не убійство изъ мести, а смертную казнь по приговору суда, которая приводится въ исполненіе на мѣстѣ совершенія преступленія. Такъ же надо понимать выраженіе „да убьють и“ въ дог. 945 г. Но что въ такомъ случаѣ означаетъ правило, что убійца задерживается ближними убитаго? Надо думать, что греки убійцы нерѣдко укрывались, что въ своемъ городѣ или въ своей странѣ было не трудно. Русь жаловалась на такія невыгодныя условія, а потому ей предоставлено было задерживать преступниковъ. Но это отнюдь не значитъ, что руси разрѣшалось самоуправство. Весьма вѣроятно, что привыкшая къ самосуду по своимъ обычаямъ, она, и вопреки правиламъ договора, прибѣгала къ самоуправству. Самой серьезной противъ этого мѣрой было запрещеніе носить оружіе по улицамъ Константинополя. Но и эта мѣра оказалась повидимому недостаточной. Поэтому въ дог. 945 г. установлено (ст. 12) категоричное запрещеніе самоуправства: „Аще ли ключится проказа нѣкака отъ грекъ, сущихъ

подъ властью царства нашего, да не имате власти казнити я, но повѣленьемь царства нашего да приметь, якоже будеть створилъ". Въ связи съ этимъ стоитъ и другое правило того же дог. (ст. 2), что русь входить въ городъ съ царевымъ мужемъ, „и мужъ царьства нашего да хранить я, да аще кто отъ руси или отъ грекъ створить криво, да оправляеть то". Для самоуправства и въ частности для мести не оставлено никакого мѣста.

Статья о наслѣдованіи въ дог. 911 г. читается такъ: „О работающихъ въ грецѣхъ руси у хрестьяньскаго царя. Аще кто умреть, не урядивъ своего имѣнья, ци и своихъ не имать, да възратить имѣнье къ ма(и)лымъ ближикамъ въ Русь; аще ли створить обряженіе таковый, възметь уряженое его, кому будеть писалъ наслѣдити имѣнье, да наслѣдить е отъ взимающихъ куплю руси отъ различныхъ ходящихъ въ греки и удолжающихъ" (ст. 13). Этою статьей Бѣляевъ и Неволинъ воспользовались для разъясненія нашихъ древнихъ порядковъ наслѣдованія. Но можетъ ли она имѣть такое значеніе? Уже давно обращено вниманіе на то, что первая часть статьи даже по формѣ напоминаетъ римскій источникъ, а именно правило XII таблицъ: „si intestato moritur, cui suus heres nec essit, agnatus proximus familiam habeto". Терминъ „ближайшій агнатъ" превратился у русскаго переводчика въ „ма(и)лаго ближика". Какіе же источники русскаго права можно искать въ этой статьѣ? Къ тому же эта статья имѣетъ въ виду только русь, работающую греческому царю, т. е. состоящую у него на службѣ; а таковые, надо думать, всецѣло подлежали дѣйствію греческаго права. Нельзя поэтому не признать болѣе правильнымъ другое мнѣніе, согласно которому въ этой статьѣ дѣло идетъ не объ установленіи порядка наслѣдованія, а лишь о порядкѣ охраны наслѣдства, и въ частности объ устраненіи претензій византійскаго фиска на выморочное имущество. (Никольскій, „О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ", 11—13. Цитовичъ, „Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія", 14—17).

Указываютъ еще на большую близость съ русскимъ правомъ, чѣмъ съ греческимъ, ст. 6 дог. 911 г. Въ ней рѣчь

идетъ объ убійствѣ вора въ томъ случаѣ, „аще приготовиться татьбу творяй", т. е. если онъ будетъ сопротивляться. Давно уже отмѣчено, что по Русской Правдѣ допускалось безусловное убійство вора (ст. 20 Ак.). Значитъ, въ ней идетъ рѣчь о мести вору, тогда какъ въ договорѣ 911 г. о необходимой оборонѣ. На это, однако, возражаютъ, что по ст. 38 Ак. убійство вора также ограничено, какъ и по ст. 6 дог. Но необходимо имѣть въ виду, 1) что ст. 38 Ак. очень близка съ правиломъ Зак. Судн.: „Аще же въ подкопаніи застанется тать", и 2) что правило о необходимой оборонѣ едва ли могло возникнуть на почвѣ русскаго права въ эпоху господства самоуправства, хотя бы и ограниченнаго какими либо рамками.

Черпать изъ договоровъ съ греками источники древнерусскаго права должно съ величайшею осторожностью. Всѣ попытки въ этомъ направленіи не привели до сихъ поръ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Но это заключеніе нисколько не колеблетъ значенія этихъ памятниковъ, какъ обще-историческаго источника. Въ частности они наглядно вскрываютъ ту почву, на которой зародились культурныя вліянія Византіи на древнюю Русь.

Договоры русскихъ съ нѣмцами.

На почвѣ торговыхъ сношеній возникли и мирные договоры нѣкоторыхъ древнерусскихъ земель съ нѣмецкими городами. Съ русской стороны въ этой торговлѣ принимали участіе земли, лежащія по великому водному пути „изъ варягъ въ греки". Этотъ путь шелъ по р. Невѣ, Ладожскому оз., р. Волхову, затѣмъ по оз. Ильменю, р. Ловати и далѣе до верхнихъ притоковъ Днѣпра; или по р. Западной Двинѣ и ея притокамъ до правыхъ притоковъ Днѣпра. Въ этомъ районѣ расположены были земли: Новгородская, Псковская, Смоленская, Витебская и Полоцкая. Съ нѣмецкой стороны торговлю вели многіе города еще до возникновенія Ганзейскаго союза, а потомъ члены этого союза. Особенно видную роль играли г. Висби на о. Готландѣ и г. Рига со времени ея основанія въ 1201 г.

Древнѣйшій изъ сохранившихся договоровъ заключенъ Новгородомъ и дошелъ въ копіи, приписанной къ другому позднѣйшему договору Новгорода, заключенному въ 1257—1263 г. Оба договора сохранились на одномъ длинномъ кускѣ пергамента, исписаннаго сплошь съ обѣихъ сторонъ; къ нижнему и верхнему краямъ листка привѣшено по три печати, которыя относятся къ болѣе позднему договору. Оба договора не имѣютъ хронологическихъ датъ; но по именамъ упоминаемыхъ въ началѣ каждаго князей, посадниковъ и тысяцкихъ не трудно опредѣлить приблизительно время составленія каждаго. На лицевой сторонѣ сначала записанъ договоръ, начинающійся словами: „Се азъ князь Олександръ и сынъ мои Дмитрии, с посадникомь Михаилъмь и с тысяцькымь Жирославомъ, и съ всѣми новгородци, докончахомъ миръ с посломь нѣмьцкимь Шивордомь“ и пр. Князь Александръ Невскій занималъ столъ въ Новгородѣ въ послѣдній разъ въ 1257—1259 гг.; въ 1259 г. онъ уѣхалъ оттуда, „посадивъ сына своего Дмитрия на столѣ“. Зимою 1257 г. „даша посадничьство Михаілу Федоровичю, выведше изъ Ладоги: а тысячьское Жироху даша“. Александръ Невскій умеръ 14 ноября 1263 г., а въ 1264 г. „выгнаша новгородци князя Дмитрия, сдумавше с посадникомь Михаиломь, зане князь еще малъ бяше“. Изъ этихъ данныхъ явствуетъ, что разсматриваемый договоръ заключенъ въ промежутокъ между зимою 1257 и ноябремъ 1263 гг. Болѣе точное опредѣленіе даты для историка права особаго значенія не имѣетъ. Содержаніе договора чрезвычайно краткое съ неоднократными ссылками на старый миръ. Нѣкоторыя условія изложены столь сжато, что и понять ихъ нельзя; напр.: „А старый миръ до Котлингѣ“. Эта лаконичность условій и ссылки на старый миръ и вызвали, надо думать, слѣдующія слова въ концѣ грамоты: „А се старая наша правда и грамота, на чемь цѣловали отци ваши и наши кресть. А иное грамоты у насъ пѣтуть, ни потаили есмы, ни вѣдаемъ; на томь крестъ цѣлуемъ“. Послѣ этихъ словъ и пробѣла въ одну строку, на той же сторонѣ листка записана старая грамота, начинающаяся словами: „Се язъ князь Ярославъ Володимѣричь, сгадавъ с посадникомь с Мирошкою и с тысяцкымь Яковомь и съ всѣми новгородьци, потверди-

хомъ мира стараго, съ посломь Арбудомь" и проч. На лицевой сторонѣ грамота занимаеть 10 строкъ и продолжается на оборотѣ, который исписанъ весь, кромѣ послѣднихъ трехъ строкъ. Князь Ярославъ Владиміровичъ княжилъ въ Новгородѣ три раза: въ 1182—1184 гг., 1187—1196 и 1197—1199 гг. Въ 1189 г. новгородцы „отяша посадницьство у Михаля вдаша Мирошки Нездиницю"; онъ умеръ посадникомъ въ 1203 г. За это время онъ въ теченіе 2 лѣтъ отсутствовалъ изъ Новгорода, т. к. въ 1195 г. въ качествѣ новгородскаго посла былъ задержанъ кн. Всеволодомъ и вернулся вмѣстѣ съ кн. Ярославомъ въ 1197 г. Когда былъ тысяцкимъ Яковъ, неизвѣстно. Значитъ, договоръ могъ быть заключенъ въ 1189—1195 и 1197—1199 гг. Этотъ древнѣйшій изъ сохранившихся договоровъ съ нѣмцами вовсе не первый мирный трактатъ Новгорода; изъ начальныхъ его словъ видно, что онъ является подтвержденіемъ стараго мира. По содержанію своему онъ гораздо важнѣе дог. Александра Невскаго, т. к. содержитъ рядъ любопытныхъ нормъ изъ области частнаго международнаго права. Но къ сожалѣнію сохранился повидимому не въ полномъ спискѣ. Переписчикъ съ половины оборотной стороны листка, замѣтивъ очевидно, что ему остается еще вписать многое, сталъ писать убористѣе, но все же всего не переписалъ: у грамоты не достаетъ обычнаго конца; не достаетъ той статьи, въ которой содержалось бы разъясненіе непонятнаго условія: „А старый миръ до Котлигнѣ"; очень вѣроятно, что не дописана статья о насиліи робѣ.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ двухъ грамотъ сохранился изъ исторіи сношеній Новгорода съ нѣмцами рядъ другихъ: до конца XIV в. извѣстно ихъ не менѣе 10. Между ними особенно любопытенъ по богатству содержанія договоръ 1270 г. на нижне-нѣмецкомъ языкѣ.

Изъ договоровъ съ нѣмцами другихъ земель старѣйшимъ и самымъ интереснымъ является безспорно договоръ, заключенный смоленскимъ княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ. Дог. сохранился въ семи экземплярахъ, всѣ на русскомъ языкѣ, изъ которыхъ пять, какъ и два старѣйшихъ новгородскихъ договора, найдены въ Рижскомъ городскомъ архивѣ. Всѣ экземпляры напечатаны въ приложеніи къ изд. „Русско-Ли-

вонскіе акты, собранные Напьерскимъ" (СПБ. 1868). Въ предисловіи къ приложенію ученый редакторъ „Актовъ", акад. Куникъ, представилъ первый опытъ ученой разработки этихъ памятниковъ и установилъ, что всѣ экземпляры должны быть раздѣлены на двѣ редакціи: къ первой, готландской, должны быть отнесены экземпляры А, В, С; ко второй, рижской,— D, E, F. Разница между редакціями сводится къ существенному отличію въ строѣ и оборотахъ рѣчи, къ порядку расположенія статей и даже нѣкоторой разницѣ постановленій. Несомнѣнно, что каждая изъ редакцій возникла независимо одна отъ другой. Вмѣстѣ съ тѣмъ Куникъ доказалъ, что это не два разныхъ договора, какъ предполагалось нѣкоторыми раньше, т. к. съ той и другой стороны въ составленіи договора принимали участіе тѣ же города и тѣ же лица, да и постановленія, кромѣ немногихъ дополненій второй редакціи, оказываются тождественными.

Но какъ же возникли эти двѣ редакціи? Въ рѣшеніи этого вопроса Куникъ сдѣлалъ только первый шагъ; второй сдѣлалъ П. В. Голубовскій („Исторія Смоленской земли до конца XV ст.", 1895), хотя полнаго и твердаго рѣшенія нѣтъ до сихъ поръ.

Въ вступленіи къ договору сказано, что князь Мстиславъ Давидовичъ прислалъ въ Ригу своего лучшаго попа Еремея и съ нимъ умнаго мужа Пантелея, которые были послами въ Ригѣ, а оттуда „ехали на Гочкый берьго, тамо твердити миръ"; далѣе указано, что при составленіи договора особо потрудились добрые люди: „Ролфо ис Кашеля, Божій дворянинъ, Тоумаше Смолнянинъ". Послѣдній, нѣмецъ Томасъ, потому и привлеченъ былъ къ выработкѣ статей соглашенія, что владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ (въ ту пору das Niederdeutsche). Это привело Куника къ догадкѣ, что условія сначала вырабатывались по нѣмецки, а потомъ уже переведены по-русски. Подтвержденіе этому онъ нашелъ какъ въ указаніи, что нѣкогда въ Рижскомъ архивѣ хранились нѣмецкіе списки договора, давно уже оттуда исчезнувшіе, такъ и въ языкѣ первой редакціи договора, сохранившей явные слѣды перевода съ нѣмецкаго. Таковы выраженія: 1) „Божій дворянинъ",—терминъ, не встрѣчающійся въ текстѣ 2-й редакціи, есть до-

словный переводъ нѣмецкаго „Ridder Gots“ или „Gottesridder“. Такъ титуловали себя члены ордена меченосцевъ, называвшіе себя по латыни „fratres militiae Christi“. 2) „Албрахтъ фоготь“—не болѣе какъ простая переписка русскими буквами нѣмецкихъ словъ „Albrecht voget“; во 2-й ред. стоитъ: „Алберь, соудия Рижьскый“. 3) „Оустоко море“ изъ нѣмецкаго „Ostsee“; во 2-й ред. правильнѣе „въсточное море“. Грамота датирована въ спискахъ первой ред. такъ: „Коли ся грамота псана, йшлъ былъ отъ Рожества господня до сего лѣта 1000 лѣтъ и 200 лѣтъ и 8 лѣтъ и 20“. Этотъ способъ лѣтосчисленія не соотвѣтствуетъ ни русскимъ обычаямъ, ни русскому языку; у насъ лѣта считали отъ сотворенія міра и написали бы истекло 1228 лѣтъ; „8 лѣтъ и 20“ опять дословный переводъ съ нѣмецкаго „achtundzwanzig“.

Списки же 2-й ред., по догадкѣ г. Голубовскаго, носятъ нѣкоторые слѣды перевода съ латинскаго. Таково выраженіе „коли епископъ Альбрахтъ Рижьскый мертвъ“ безъ вспомогательнаго глагола является неловкимъ переводомъ латинскаго ablativus absolutus: „episcopo Albrachto Rigensi mortuo“. Дата грамоты гласитъ: „А си грамота написана бысть отъ распятья было 1000 лѣтъ и 200 лѣтъ й 30 лѣтъ безъ лѣта“. Непонятное лѣтосчисленіе отъ распятія по формѣ счисленія передаетъ латинскій подлинникъ: „mille ducenti undetriginta“. Названіе города „Жюжажатъ“, вм. „Жатъ“ 1-й ред., не могло произойти отъ нѣмецкаго Soest, а только отъ латинскаго Susatium. Наконецъ терминъ „соудия Рижьскыи“, вм. „фоготь“, соотвѣтствуетъ, вѣроятно, латинскому подлиннику „judex Rigensis“.

Но если и принять выводъ, что одна редакція произошла отъ нѣмецкаго, а другая отъ латинскаго подлинника, то остается неяснымъ, какъ произошли два подлинника, нѣмецкій и латинскій. Проф. Голубовскій предполагаетъ, что и нѣмецкій подлинникъ былъ переводомъ съ латинскаго. На эту мысль дѣйствительно наводитъ начало введенія къ договору—„Что ся дѣетѣ по вѣремьнемь, та отъйде то по вѣрьмьнемь“—передающее латинскую формулу: „Quum ea quae fiunt in tempore labuntur in tempore“ (на что было указано уже Эверсомъ). Отсюда г. Голубовскій заключаетъ, что при заключеніи

договора въ началѣ уполномоченными обѣихъ сторонъ былъ составленъ латинскій текстъ, затѣмъ этотъ текстъ былъ переведенъ на современный нѣмецкій языкъ, п. ч. не всѣ члены союза нѣмецкихъ купцовъ могли понимать латинскій текстъ. Во то же время и съ тѣми же цѣлями сдѣланъ переводъ на смоленское нарѣчіе (2-я ред.). Къ русскому экземпляру нѣмецкія власти привѣсили свои печати и вручили его смоленскимъ представителямъ. Съ нѣмецкаго же экземпляра сдѣланъ еще разъ переводъ на русскій языкъ (1-я ред.); къ этому экземпляру привѣшены были печати смоленскихъ властей, и онъ врученъ нѣмецкимъ представителямъ.

Отдѣльные экземпляры каждой редакціи произошли слѣдующимъ образомъ. Экз. A есть первоначальный оригиналъ, отличающійся наибольшею древностью языка. Къ нему привѣшены печати съ надписями: „Велікого княз. . Ѳедо. . печать“ и „пчат перьо Влъдыкъ . моленско .“. Это печати кн. Мстислава Давидовича (нареченнаго во св. крещеніи Ѳеодоромъ) и смоленскаго епископа Перфилія. Экз. B. имѣетъ такую надпись: „Се язъ князь Смоленскии Олексанъдръ докончалъ есмь с Немьци по давному докончанью, како то докончали отци наши, дѣди наши. На техъ же грамотахъ целовалъ есмь крестъ, а се моя печать“. Кн. Александръ Глѣбовичъ захватилъ смоленскій столъ послѣ смерти своего отца въ 1297 г. и умеръ въ 1313 г. Значитъ, по своемъ вокняженіи онъ подтвердилъ Мстиславовъ дог. и свою крестоцѣловальную грамоту съ своею печатью отослалъ въ Ригу. Экз. C не имѣетъ указаній на свое происхожденіе; но на основаніи большей близости языка его къ оригиналу заключаютъ, что онъ составленъ раньше экз. B. Экземпляры 2-й ред. представляютъ лишь копіи съ того оригинала съ нѣмецкими печатями, который хранился у кн. Мстислава и безвозвратно погибъ. Что экз. D и E позднѣйшаго происхожденія, доказывается слѣдующими къ нимъ приписями: „Што немѣцьскыхъ дворовъ и дворищь Смолѣньскѣ коуплѣнивы и церкве ихъ мѣсто, не надобѣ ни комоужо, комоу дадять ли, посадять ли кого Немци, то по своеі воли; а на которомь подворьи стоять Немци, или гость Немьцьскии, не поставити на томь дворѣ князю ни татарина, ни иного которого посла“. Зависимость Смоленска

отъ татаръ началась не ранѣе второй половины XIII в. Поэтому указанныя приписки могли появиться не ранѣе 60-хъ или 70 хъ гг. этого вѣка.

Надо думать, что всѣ эти копіи списывались при возобновленіи договора по случаю ли смѣны правителей, или послѣ размирья. Мстиславовъ дог., такимъ образомъ, долго сохранялъ свою силу, при чемъ со временемъ сдѣланы были въ немъ незначительныя дополненія статей (ст. 3 б.) или вставлены немногія новыя статьи (ст. 23 и 35). Огромное большинство статей оставалось безъ всякаго измѣненія. Даже имена пословъ изъ оригинальнаго договора продолжали переписываться, хотя при возобновленіи мирныхъ условій являлись, конечно, каждый разъ особые послы.

По содержанію своему дог. 1229 — 1230 г., названный въ текстѣ „Правдою“, богаче древнѣйшаго дог. новгородскаго.

Договоры съ нѣмцами имѣютъ, въ противоположность договорамъ съ греками, весьма важное значеніе въ качествѣ источниковъ изученія древне-русскаго права. Обѣ договаривающіяся стороны стояли приблизительно на одномъ уровнѣ культурнаго развитія и правосознанія. И нормы, опредѣляющія порядокъ возстановленія нарушенныхъ правъ, легко было согласовать. Это, однако, не устраняетъ необходимости каждый разъ строго взвѣшивать, русское ли, или нѣмецкое право нашло большее отраженіе въ той или другой статьѣ. Несомнѣнная близость статей древнѣйшихъ договоровъ съ нѣкоторыми статьями Р. Правды лучше всего подтверждаетъ родство этихъ юридическихъ памятниковъ. (Статьи Мстиславова дог., сходныя съ Р. Правдой, указаны у Калачова „Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Р. Правды“, 1880, стр. 161—167).

Важнѣйшія изданія договоровъ съ нѣмцами: Грамоты, относящіяся до сношенія сѣверо-западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами, изд. Археогр. Ком. 1857; Русско-Ливонскіе акты, изд. Арх. Ком., 1868; Liv—Esth-und Curländisches Urkundenbuch, Bände I—III, 1852—57; Antiquités russes, édités par la société des antiquaires du nord, II, 1852; Hansisches Urkundenbuch bearbeitet von K. Höhlbaum, Bände I—V, 1876—99; Sverges Tractater med främmande Magter utgifue of Rudberg, D. 1, 1877, D. II, 1883.

Важнѣйшія комментаріи и пособія: *Срезневскій.* Древнѣйшія договорныя грамоты Новгорода съ нѣмцами, въ Изв. Акад. Наукъ, т. VI, вып. 2, 1857; *Tobien.* Die ältesten Tractate Russlands, II, 1845; *Андреевскій.* О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, 1855; ср. поправки *Авг. Энгельмана* въ Отеч. Зап., 1855, № 5; *Энгельманъ Авг.* Хронологическія изслѣдованія въ области русской и ливонской исторіи, въ XIII и XIV ст., 1858; *Bonnel E.* Russisch-livländische Chronographie, 1862; *Бережковъ.* О торговлѣ Новгорода съ Ганзою, 1879; *Schiemann.* Russland, Polen und Livland, 1885; *Höhlbaum.* Deutscher Handel mit Nowgorod, въ т. III указаннаго изданія Актовъ, стр. 357 и сл.; *Голубовскій П. В.* Исторія Смоленской земли, 1895; *Владимірскій-Будановъ.* Христоматія, вып. I, изд. 5-е, 1899.

Къ типу международныхъ договоровъ должны быть отнесены и **договоры между отдѣльными русскими князьями,** такъ какъ они заключались между представителями политически независимыхъ княженій. Такіе ряды между князьями должны были возникнуть съ того момента, когда на лицо оказалось нѣсколько князей, стоявшихъ во главѣ отдѣльныхъ земель: уже въ X в. между сыновьями Святослава возникли враждебныя столкновенія и была первая попытка заключить миръ. Враждебныя столкновенія составляютъ повседневное явленіе въ междукняжескихъ отношеніяхъ; но они по большей части завершались мирными соглашеніями. „Рать стоитъ до мира, миръ до рати", говорили въ старину. А сами князья предлагали другъ другу „урядиться либо войною, либо миромъ". На пространствѣ пяти съ лишкомъ вѣковъ до объединенія Московскаго государства было заключено, конечно, значительное число договоровъ между князьями, но первый сохранившійся до насъ договоръ заключенъ между сыновьями Ивана Калиты въ 1341 г. Всѣ болѣе ранніе не дошли до насъ. Вѣроятно, что первые по времени договоры были устными; но уже отъ XII в. имѣются указанія на *крестныя грамоты,* которыя возвращались однимъ княземъ другому въ ознаменованіе прекращенія мирныхъ соглашеній (Ипат. лѣт. 1871, стр. 255 и 451). Хотя всѣ эти грамоты до половины XIV в. и не сохранились, но о содержаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются краткія указанія въ лѣтописи. Судя по этимъ отрывочнымъ даннымъ, можно думать, что содержаніе этихъ недошедшихъ до насъ догово-

ровъ сводилось преимущественно къ двумъ главнымъ темамъ: 1) это были условія о порядкѣ распредѣленія столовъ между князьями; такъ на Любечскомъ съѣздѣ князья въ 1097 г. согласились между собой: „кождо да держить отчину свою". Или же условія имѣли цѣлью обезпечить спокойное владѣніе волостью для даннаго князя со стороны другихъ претендентовъ, которые обязуются даннаго стола „не подозрѣти", „не искати". 2) Это были разнообразныя условія мирнаго союза, основнымъ требованіемъ котораго было обязательство „иматися по едино сердце", „быти за единъ братъ", „не разлучатися ни въ добре, ни въ злѣ", т. е. жить въ согласіи и любви; къ этому присоединялись еще обязательства имѣть общихъ враговъ („кто тобѣ ворогъ, то ти и намъ") и не вступать въ новыя соглашенія безъ вѣдома союзника („како еси послалъ сына своего ко королеви, а со мною не спрошався, соступился еси ряду"; „А нынѣ безъ его думы хочемь миритися; а, брате, повѣдаю ти, сего ти мира зде не улюбить братъ мой Рюрикъ". Ипат., 446, 469). Этими мирными обязательствами въ значительной мѣрѣ опредѣлялись и взаимныя отношенія между князьями (см. ниже).

Иной характеръ носятъ **договоры князей съ народомъ и договоры князей съ дружиною**: ими опредѣляются отношенія между сторонами въ предѣлахъ одного даннаго княженія. Первый видъ договоровъ возникъ изъ права населенія приглашать къ себѣ на столъ того или другого князя. Приглашенный князь утверждался съ людьми крестнымъ цѣлованіемъ. Но и князю, занявшему столъ помимо народной воли, было необходимо утвердиться съ людьми, такъ какъ безъ поддержки населенія ему невозможно было удержаться на столѣ. Такіе ряды заключались обычно при занятіи князьями столовъ, но могли имѣть мѣсто и въ другихъ случаяхъ. При неустойчивости княжескихъ отношеній положеніе князя могло существенно видоизмѣниться въ короткое время; ему могли угрожать непредвидѣнныя прежде опасности со стороны князей-претендентовъ на его столъ или со стороны враждебныхъ ему партій среди населенія. Это нерѣдко приводило къ новымъ соглашеніямъ. Наконецъ, одинъ и тотъ же князь могъ занимать одинъ и тотъ же столъ по нѣскольку разъ въ теченіе своей жизни, и каждое новое за-

нятіе вызывало и новое соглашеніе. Такъ, въ 1169 г. кн. Мстиславъ Изяславичъ былъ приглашенъ на Кіевскій столъ и, явившись туда, „възма рядъ съ братьею и съ дружиною и с Кияны"; вынужденный вскорѣ оставить этотъ столъ, онъ въ 1172 г. снова успѣлъ занять его. „и вшедъ в Киевъ вземъ ряды съ братьею. . . и с Кианы". Поэтому надо думать, что число такихъ рядовъ также было весьма значительно. Съ XII в., а можетъ быть и раньше, они уже заключались письменно: въ 1175 г. жители г. Владиміра посадили кн. Ярополка Ростиславича „в городѣ Володимѣрѣ на столѣ, въ святѣй Богородици весь порядъ положивъше". Но несмотря на такое обиліе памятниковъ этого рода изъ нихъ ни одинъ не сохранился до насъ, за исключеніемъ договоровъ Новгорода съ князьями, каковыхъ сохранилось до 20, при чемъ старѣйшій изъ дошедшихъ до насъ заключенъ съ кн. Ярославомъ Ярославичемъ (1264—1265). Недавно появилось любопытное указаніе, что по тексту Витебскаго земскаго привилея 1503 г. и Полоцкаго привилея 1511 г. можно съ большою вѣроятностью возстановить до 11 статей древнихъ договоровъ, заключенныхъ полоцкими и витебскими князьями съ населеніемъ этихъ областей (И. Якубовскій, Земскіе привилеи великаго княжества Литовскаго, Журн. Мин. Нар Пр., 1903, № 6, стр. 275—276). О содержаніи договоровъ другихъ городовъ съ князьями можно судить только по краткимъ лѣтописнымъ записямъ, случайно упоминающимъ о тѣхъ или другихъ пунктахъ условій (Нѣкоторыя подробности объ этихъ условіяхъ см. въ главѣ о вѣдомствѣ вѣча).

О договорахъ князя съ дружиною лѣтопись упоминаетъ часто одновременно съ другими княжескими соглашеніями, какъ, напр., въ вышеприведенномъ случаѣ съ кн. Мстиславомъ подъ 1169 г. Эти „ряды съ дружиною" могли заключаться какъ съ отдѣльными дружинниками, вступающими въ составъ дружины, такъ и съ цѣлою дружиною, напр., послѣ смерти князя, когда его дружина переходила къ другому князю. Пока существовала вольная служба, такія соглашенія дружинниковъ, позднѣе вольныхъ слугъ, заключались постоянно. Но повидимому они заключались устно: по крайней мѣрѣ въ памятникахъ нѣтъ упоминаній о договорныхъ грамотахъ князей съ

слугами вольными. О содержаніи этихъ условій имѣется еще менѣе извѣстій, чѣмъ о содержаніи другихъ княжескихъ договоровъ. Извѣстно, что главною обязанностью дружинниковъ была ратная служба, а потому, надо думать, въ соглашеніяхъ шла рѣчь о размѣрахъ этой службы и пожалованіяхъ за отбываніе ея. Можетъ быть, въ договоры съ членами старшей дружины входили и условія объ участіи ихъ въ совѣтахъ по дѣламъ внѣшней и внутренней политики. Въ сохранившихся междукняжескихъ договорахъ встрѣчается рядъ условій, обезпечивавшихъ вольнымъ слугамъ право отъѣзда съ сохраненіемъ всѣхъ личныхъ и имущественныхъ правъ (Объ этомъ ниже).

Княжескіе уставы.

Необходимо допустить, что уже съ древнѣйшихъ временъ должна была существовать уставная дѣятельность князей. Князья, какъ представители управленія и суда, давали какія либо распоряженія, что либо установляли. На первыхъ порахъ и здѣсь, какъ и въ области обычнаго права, дѣятельность князей основывается на ихъ могуществѣ. Какъ представитель преобладающей силы, князь, завоевывая волости, установляетъ условія подчиненія и облагаетъ побѣжденныхъ данями. Подъ 882 г. въ лѣтописи сказано, что кн. Олегъ „нача городы ставити, и устави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери“. Какъ установлялась дань, сказано тамъ же подъ 883 г.: „Поча Олегъ воевати Деревляны, и примучивъ а, имаше на нихъ дань“. Въ 946 г., послѣ побѣды надъ древлянами, Ольга „иде по Дерьвьстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки“. Она же въ 947 г. „иде Новугороду, и устави по Мьстѣ повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани... И изрядивши, възратися Киеву“.

Подъ этими уставами нельзя разумѣть какихъ либо общихъ правилъ, подобныхъ современнымъ законамъ. Мысль о законодательномъ творчествѣ совершенно чужда древнимъ эпохамъ. Князья проявляютъ уставную дѣятельность и тогда, когда постановляютъ судебныя рѣшенія. Въ Р. Правдѣ записано рѣшеніе кн. Изяслава Ярославича, разбиравшаго дѣло объ убійствѣ Дорогобужцами его стараго конюха у стада, и это рѣ-

шеніе названо уставомъ. Тамъ же записаны и другіе болѣе общіе уставы.

Уставная дѣятельность князей замѣтно усиливается послѣ принятія христіанства подъ вліяніемъ духовенства. Проникнутое византійскими образцами, оно подаетъ князьямъ совѣты о тѣхъ или иныхъ преобразованіяхъ. Уже кн. Владиміру епископы говорили: „се умножишася разбойници; почто не казниши ихъ?“ Князь отвѣчалъ, что боится грѣха. Но епископы поучали князя: „ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоить ти казнити разбойника, но со испытомъ. Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбойникы“. Въ частности князья издаютъ уставы, опредѣляющіе положеніе въ странѣ церковныхъ учрежденій. Кн. Владиміръ построилъ церковь Богородицы въ Кіевѣ и постановилъ: „даю церкви сей святѣй Богородици отъ имѣнья моего и отъ градъ моихъ десятую часть“. И положи написавъ клятву въ церкви сей, рекъ: „аще кто сего посудить, да будеть проклять“. Это первое указаніе на записанный княжескій уставъ, но онъ не сохранился.

Съ именемъ Владиміра до насъ дошелъ другой памятникъ, т. наз. „церковный уставъ“. Подобные же церковные уставы сохранились и отъ другихъ князей. Въ настоящее время извѣстно до шести такихъ уставовъ, а именно, кромѣ Владимірова, еще: уставъ церковный Ярослава; уставъ новгородскаго князя Всеволода 1125—1136 гг.; того же князя грамота въ пользу церкви Св. Ивана на Опокахъ; уставъ Новгородскаго кн. Святослава 1137 г., и уставъ церковный смоленскаго кн. Ростислава 1150 г. О всѣхъ этихъ уставахъ, за исключеніемъ послѣдняго, высказаны серьезныя сомнѣнія въ подлинности ихъ. Но и защитники подлинности этихъ памятниковъ признаютъ, что въ относительно поздніе списки, въ какихъ эти уставы только и дошли до насъ, внесены переписчиками серьезныя искаженія первоначальнаго текста. Для примѣра остановимся на разборѣ церковнаго устава кн. Владиміра.

Владиміровъ уставъ дошелъ до насъ въ значительномъ числѣ списковъ, которые сводятся разными историками къ 2—3 редакціямъ. Древнѣйшій списокъ сохранился въ новгородской кормчей конца XIII в. По сравненію съ этимъ древнѣйшимъ

спискомъ другіе (XV—XVII) являются или приблизительнымъ его воспроизведеніемъ, или сокращеніемъ, или же дополненіемъ въ тѣхъ или другихъ частяхъ. Нѣкоторые (Неволинъ, Вл.-Будановъ) признаютъ сокращенную редакцію болѣе древней, другіе (митр. Макарій, акад. Голубинскій) болѣе древней считаютъ редакцію списка XIII в. Не приведено никакихъ рѣшающихъ споръ доводовъ въ пользу перваго мнѣнія; между тѣмъ термины, обозначающіе отдѣльныя дѣла, переданныя въ вѣдомство церкви, по списку XIII в. относятся къ болѣе глубокой древности.

Гораздо важнѣе, однако, вопросъ о подлинности устава. Разными авторами приводились и продолжаютъ приводиться слѣдующія соображенія въ подтвержденіе недостаточно искусно совершеннаго подлога: 1) въ началѣ устава отъ имени кн. Владиміра говорится, что онъ „восприялъ св. крещеніе отъ Грецьскаго царя и отъ Фотія патріарха Царегородьскаго“, тогда какъ Фотій умеръ за сто лѣтъ до крещенія Руси; 2) уставъ говоритъ о десятинѣ только въ пользу кіевской церкви Св. Богородицы со всей русской земли, тогда какъ десятина была дана всѣмъ епископіямъ; 3) перечисленныя въ уставѣ дѣла переданы въ вѣдомство церковнаго суда будто бы согласно греческому номоканону („разверзше грецьскыи Номоканонъ, и обрѣтохомъ въ немь, оже не подобаеть сихъ судовъ и тяжь князю судити ни бояромъ его ни судьямъ“; и послѣ перечисленія дѣлъ: „то все далъ есмь по первыхъ царствъ уряженью и по вселенскихъ святыхъ семи зборовъ великихъ святитель“); но въ Византіи судебная компетенція духовенства вовсе не была такъ широка, какъ по уставу, и ничего такого князь не могъ найти въ номоканонѣ; 4) по уставу споры о наслѣдствѣ между дѣтьми переданы церковному суду, а по Р. Правдѣ эти дѣла вѣдаетъ князь; 5) по уставу въ завѣдываніе епископовъ переданы больницы, гостинницы, странноприимницы; но такихъ богоугодныхъ заведеній при Владимірѣ и позднѣе у насъ еще не возникло. Кромѣ того указывается, что въ позднѣйшемъ Смоленскомъ уставѣ перечисляется меньшее число дѣлъ, переданныхъ вѣдомству церковнаго суда; но въ числѣ ихъ такія, какъ многоженство, въ уставѣ Владиміра не упомянуты, изъ чего выводятъ заключеніе, что уставъ Владиміра возникъ въ та-

кую пору, когда языческій обычай многоженства совсѣмъ исчезъ.

Далеко не всѣ изъ приведенныхъ соображеній имѣютъ рѣшающее значеніе, и въ литературѣ представлено нѣсколько указаній, въ значительной мѣрѣ смягчающихъ силу приведенныхъ доводовъ. Быть можетъ, всего ближе къ правильному рѣшенію спорнаго вопроса подошелъ покойный канонистъ А. С. Павловъ, который въ своемъ докладѣ на восьмомъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ указалъ, что въ вопросѣ о подлинности устава необходимо различать два вопроса: 1) содержатся ли въ немъ правила, установленныя при Владимірѣ, и 2) облечены ли они въ форму устава самимъ Владиміромъ? На первый вопросъ, по мнѣнію Павлова, надлежитъ дать скорѣе утвердительный отвѣтъ, т. к. всѣ или почти всѣ постановленія устава могутъ быть приписаны самому Владиміру; на второй же вопросъ долженъ быть данъ рѣшительно отрицательный отвѣтъ. Въ основу устава положенъ записанный уставъ Владиміра въ пользу кіевской церкви, но постановленіе этого устава о десятинѣ частной превратилось въ десятину „со всей русской земли". Далѣе къ уставу приписывались отдѣльныя и разновременныя распоряженія о передачѣ тѣхъ или другихъ дѣлъ въ вѣдомство церковнаго суда. Самая архаичность терминологіи показываетъ, что эти приписки передаютъ распоряженія эпохи кн. Владиміра (смильное заставанье—это не нахожденіе прелюбодѣевъ или любодѣевъ на мѣстѣ преступленія; смильное, смило—это приданое; заставанье, позд. застава—это зарядъ, залогъ; пошибанье отъ пошибати—похищать, и слово умычка есть лишь позднѣйшая глосса). Передача дѣлъ о наслѣдствѣ въ вѣдомство церкви по уставу, тогда какъ по Р. Правдѣ они вѣдаются княземъ, вовсе не доказательство подложности устава, а указываетъ въ нашей исторіи на періодъ двоеправія, на борьбу двухъ теченій. Уставъ Владиміра образовался, какъ и Р. Правда, путемъ частной кодификаціи такихъ правилъ, изъ каковыхъ почти всѣ установлены еще при Владимірѣ.

Судебная компетенція церкви во всѣхъ уставахъ опредѣлена двояко: 1) церкви оказалось подсуднымъ все населеніе по нѣкоторымъ категоріямъ дѣлъ и 2) нѣкоторыя же категоріи

лицъ по всѣмъ дѣламъ переданы въ вѣдомство церкви. Эти категоріи дѣлъ и лицъ опредѣлены въ разныхъ уставахъ различно. Но все же въ общемъ можно отмѣтить, что дѣла, по которымъ подсудно церкви было все населеніе, касались тѣхъ или иныхъ вопросовъ права брачнаго и семейнаго, отчасти и наслѣдственнаго; лицами же подсудными церкви по всѣмъ дѣламъ, кромѣ духовенства, оказались различные разряды населенія, по своему общественному положенію особенно нуждавшіеся въ заботахъ и попеченіи церкви, какъ то: прощенники, задушные люди, паломники и странники, слѣпцы, хромцы, изгои и др. Всѣ эти лица назывались людьми церковными богадѣльными.

Всѣ вышеуказанные церковные уставы перепечатаны въ Христоматіи по исторіи русскаго права, I, изд. 4-е и 5-е. Лучшее изданіе Владимірова устава по древнѣйшему списку у *Е. Голубинскаго.* Исторія русской церкви, т. I, I-я половина тома, изд. 2-е, 1901, стр. 617 и сл. Тамъ же и уставъ Ярослава. У него же см. въ гл. III. Пространство епархіальнаго суда, стр. 394 и сл. *Ср. Неволинъ.* О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра В., въ т. VI Полн. собр. соч.

Византійское право.

Уже въ нѣкоторыхъ церковныхъ уставахъ встрѣчаются ссылки на греческій номоканонъ, какъ на источникъ, изъ котораго князья почерпали указанія въ своей уставной дѣятельности. Не подлежитъ сомнѣнію, что греческіе номоканоны проникли къ намъ на Русь уже вслѣдъ за принятіемъ христіанства и очень рано были извѣстны въ славянскомъ переводѣ. Еще въ домонгольское время извѣстны были въ переводахъ номоканонъ Іоанна Схоластика и номоканонъ въ XIV титлахъ до-фотіевой редакціи. Митр. Кириллъ II на владимірскомъ соборѣ 1274 г. указалъ, что раньше въ церкви были большія неустройства „отъ неразумныхъ правилъ церковьныхъ. Помрачени бо бѣаху преже сего облакомь (тмою) мудрости елиньскаго языка, нынѣ же облисташа, рекше истолкованы быша и благодатью Божиею ясно сияють, невѣдения тму отгоняще и все просвѣщающе свѣтъмь разумнымь“. Въ этихъ

словахъ, изъ которыхъ раньше историки церкви выводили заключеніе, что до митр. Кирилла у насъ были только греческіе номоканоны, кроется прямое указаніе на полученный митр. Кирилломъ отъ болгарскаго деспота Іакова Святислава новый переводъ номоканона съ краткими толкованіями Аристина. Этотъ новый славянскій переводъ былъ сдѣланъ для сербовъ первымъ сербскимъ архіепископомъ Саввою и перешелъ потомъ къ болгарамъ. Въ предисловіи къ переводу Савва и употребилъ вышеприведенныя слова, т. к. у сербовъ не были извѣстны раньше славянскіе переводы номокановъ, а митр. Кириллъ эти слова повторилъ, хотя у насъ они не могли имѣть того значенія, какъ въ Сербіи. (Объ этомъ: А. Павловъ. Первоначальный славяно-русскій номоканонъ, 1869; Е. Голубинскій. Исторія церкви, т. I, I-я половина, изд. 2, стр. 642—660; т. II, I-я половина, 1900, стр. 62—64).

Вскорѣ послѣ полученія новаго перевода номоканона съ толкованіями возникаютъ двѣ редакціи кормчихъ: новгородская или софійская, составленная въ концѣ XIII в. и отличающаяся болѣе полнымъ текстомъ каноническихъ правилъ и чрезвычайно важными дополненіями чисто русскаго происхожденія; и рязанская, составленная при еп. рязанскомъ Іосифѣ по списку митр. Максима и воспроизводящая Кирилловскую кормчую въ томъ видѣ, какъ она получена изъ Болгаріи.

Въ наши кормчія изъ греческихъ номокановъ перешли и сборники свѣтскаго права, а именно: 1) Эклога, изд. въ 740—741 г. имп. Львомъ Исавромъ и сыномъ его Константиномъ Копронимомъ, составляющая гл. 49-ю кормчей подъ заглавіемъ: „Леона царя премудраго и Константина, вѣрною царю, главизны о совѣщаніи обрученія и о иныхъ различныхъ винахъ“; 2) Прохиронъ, изд. въ 870 г. имп. Василіемъ Македоняниномъ въ отмѣну Эклоги, вошедшій въ 48-ю главу кормчей подъ заголовкомъ „Закона градскаго главы различны въ четыредесятихъ гранѣхъ“, и 3) Законъ судный людямъ или Судебникъ царя Константина, представляющій компиляцію, возникшую въ Болгаріи или Моравіи, изъ Эклоги, новеллъ и Моисеева законодательства. Кромѣ того въ XII или XIII вв. появился переводъ юридическаго сборника подъ названіемъ: „Книги законныя, имиже годится всякое дѣло исправляти

всѣмь православнымь княземь". Въ составъ книгъ законныхъ вошли: 1) „Закони земледѣльнія отъ Оустиніановыхъ книгъ о земледѣльцѣхъ"—собственно земледѣльческій уставъ императоровъ иконоборцевъ; 2) „Законъ о казнѣхъ"; 3) „Законъ о раздѣленіи бракомъ", и 4) „Главы о послусѣхъ"—все выдержки изъ соотвѣтственныхъ титуловъ Прохирона съ присоединеніемъ нѣсколькихъ главъ изъ Эклоги.

Чрезвычайно важные вопросы о томъ, съ какихъ поръ, какими способами и въ какой мѣрѣ усвоились эти проникшіе къ намъ юридическіе сборники, еще далеки отъ полнаго ихъ разъясненія. Несомнительно, однако, что уже въ Р. Правдѣ можно отмѣтить слѣды этихъ вліяній. Переводчики и составители этихъ чужеземныхъ сборниковъ и русскіе ихъ списатели имѣли, конечно, въ виду не одни назидательныя цѣли, а и практическое ихъ приложеніе. Но условія русской жизни были столь существенно различны съ византійскими, что не одинъ разъ возникалъ вопросъ о необходимости приспособленія чужихъ нормъ къ русской дѣйствительности. Это было прямо неизбѣжно, такъ какъ въ русскомъ языкѣ нѣкоторыхъ понятій совершенно не существовало. Поэтому и наблюдаются въ славянскихъ текстахъ сборниковъ болѣе или менѣе существенныя отступленія отъ оригинала. Напр., переводчикъ „Законныхъ книгъ" замѣняетъ понятіе „государственной казны" описательнымъ выраженіемъ „*казна обчая*", „*казна господская*", „*казна господская опчая*", *казна обчая, еже ко князю*"; понятіе „жалованье чиновникамъ" выражаетъ формулой „*честь и власти, яже отъ князя*"; вм. фальшивыхъ монетчиковъ стоятъ „*списавшіе лживую грамоту о продажи какова либо мѣста*"; вм. „царь" вездѣ поставлено „*царь или князь*". Въ другихъ случаяхъ приспособленіе византійскихъ нормъ къ русской жизни выражается въ томъ, что вмѣсто тѣлесныхъ наказаній назначались денежныя взысканія, причемъ число ударовъ замѣняется равнымъ числомъ гривенъ кунъ.

Кромѣ указанныхъ трудовъ А. Павлова и Е. Голубинскаго, см. еще: *бар. Розенкампфъ*. Обозрѣніе Кормчей книги, изд. I, 1829, и изд. II, 1839; *Калачовъ Н. В.* О значеніи Кормчей книги въ системѣ древняго русскаго права, 1850; *Васильевскій В. Г.* Законодательство иконоборцевъ, Ж. М. Н. Пр. 1878, №№ 10 и 11; *Павловъ А.* Книги законныя, 1885;

критику на этотъ трудъ помѣстилъ *Васильевскій* въ Ж. М. Н. Пр., 1886, № 2; *Павловъ* отвѣтилъ въ статьѣ: Къ вопросу о времени, мѣстѣ и характерѣ первоначальнаго перевода византійскаго земледѣльческаго устава на славянскій яз., Ж. М. Н. Пр., 1886, № 9; *Панченко Б. А.* Крестьянская собственность въ Византіи. Земледѣльческій Законъ и монастырскіе документы, 1903.

Русская Правда.

Она была впервые найдена Татищевымъ въ одномъ спискѣ новгородской лѣтописи и въ 1738 г. представлена съ переводомъ и примѣчаніями въ Академію Наукъ. Но здѣсь она пролежала до 1767 г., когда была издана Авг. Шлецеромъ по списку Татищева. Съ тѣхъ поръ и до 40-хъ годовъ XIX в. было найдено значительное количество новыхъ списковъ этого памятника. Извѣстный археографъ Павелъ Строевъ насчитывалъ такихъ списковъ до 300. Но и до настоящаго времени изъ нихъ не болѣе 50 приведены въ извѣстность и изданы полностью или только въ варіантахъ.

Въ 1844 г. изданъ трудъ о Р. Правдѣ проф. Дерптскаго Университета Э. С. Тобина (Ewald Sigismund Tobien) подъ заглавіемъ: „Die Prawda Russkaja, das älteste Rechtsbuch Russlands“, гдѣ впервые поставленъ вопросъ о текстѣ памятника по различнымъ до тѣхъ поръ изданнымъ спискамъ, о происхожденіи различныхъ списковъ, о дѣленіи ихъ на редакціи, о системѣ Р. Правды и пр., при чемъ въ изслѣдованіи данъ и текстъ памятника, старательно провѣренный по всѣмъ спискамъ съ указаніемъ всѣхъ варіантовъ. Тобинъ впервые раздѣлилъ всѣ изданные до него списки Р. Правды на двѣ редакціи, краткую и пространную, и установилъ отношеніе между ними такимъ образомъ, что краткая Правда есть древнѣйшая, хотя возникла не сразу, а въ два пріема, именно первая половина при Ярославлѣ, а вторая половина является дополненіемъ къ первой при сыновьяхъ Ярослава. Затѣмъ эта краткая Правда была переработана систематически при Ярославичахъ же и потомъ снова дополнена при Мономахѣ. Тобинъ считалъ Р. Правду во всѣхъ ея частяхъ и при всѣхъ ея переработкахъ памятникомъ оффиціальнымъ.

Въ 1846 г. вышло въ свѣтъ изслѣдованіе Н. Калачова: „Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды“. Текстъ ея авторъ имѣлъ возможность изучить по 50 спискамъ и издалъ систематически, разбивъ на четыре отдѣла: къ первому отнесены понятія и статьи относящіяся къ государственному праву; ко второму—понятія и статьи, относящіяся къ гражданскому праву; къ третьему статьи о преступленіяхъ и наказаніяхъ, и къ четвертому—статьи, относящіяся къ судопроизводству. Къ каждой статьѣ подведены всѣ самые мелкіе варіанты. Это былъ безспорно гигантскій трудъ, безъ справки съ которымъ невозможно изученіе текста Р. Правды и въ настоящее время. Но къ сожалѣнію Калачовъ разбилъ текстъ по привнесенной извнѣ системѣ и тѣмъ нарушилъ цѣльность памятника. Въ своемъ изслѣдованіи онъ поставилъ тѣ же самые вопросы, какъ и Тобинъ, и пришелъ по большинству изъ нихъ къ инымъ выводамъ. Въ частности по вопросу о редакціяхъ Р. Правды онъ значительно уклонился отъ выводовъ Тобина и установляетъ четыре редакціи списковъ. Первая краткая редакція, хронологически по происхожденію ея старѣйшая, у Калачова совпадаетъ съ первой редакціей Тобина. Но пространные списки Калачовъ раздѣлилъ на двѣ редакціи и къ нимъ присоединилъ третью, являющуюся сокращеніемъ пространной редакціи. Между редакціями или фамиліями, какъ говоритъ Калачовъ, пространныхъ списковъ онъ установляетъ то различіе, что одни помѣщены въ однихъ рукописныхъ сборникахъ (Кормчихъ Софійскихъ и Мѣрилахъ Праведныхъ), другіе въ другихъ (Софійскихъ Временникахъ); разнятся подробностями заглавій и тѣми или иными статьями. Отсюда видно, что указываемыя различія между пространными списками сводятся къ признакамъ весьма внѣшнимъ и несущественнымъ; съ точки зрѣнія юридической между списками никакого различія и отмѣтить нельзя. Различіе въ количествѣ статей каждаго изъ пространныхъ списковъ столь постоянно, что самъ Калачовъ отмѣтилъ три вида списковъ среди списковъ одной фамиліи или редакціи. Поэтому представляется совершенно невозможнымъ различать двѣ редакціи пространныхъ списковъ и слѣдуетъ предпочесть точку зрѣнія Тобина, отнесшаго всѣ про-

странные списки въ одну редакцію. По Тобину вовсе не извѣстны были списки, впервые отмѣченные Калачовымъ, представляющіе собою сокращеніе пространныхъ списковъ. Поэтому къ двумъ редакціямъ списковъ, установленнымъ Тобиномъ, слѣдуетъ присоединить еще третью редакцію списковъ, сокращенныхъ изъ пространныхъ.

Эта точка зрѣнія, принимающая три редакціи списковъ Р. Правды, была общераспространенной среди историковъ права до самаго послѣдняго времени. Но недавно (1904 г.) проф. В. И. Сергѣевичъ вновь издалъ текстъ Р. Правды подъ заглавіемъ: „Русская Правда въ четырехъ редакціяхъ по спискамъ Археографическому, Троицкому и князя Оболенскаго съ дополненіями и варіантами изъ другихъ списковъ". Въ предисловіи къ изданію проф. Сергѣевичъ объясняетъ, что господствующій взглядъ на дѣленіе списковъ Р. Правды на три редакціи, который и онъ раздѣлялъ еще въ своихъ Лекціяхъ и Изслѣдованіяхъ, изд. 1903 г., онъ теперь признаетъ ошибочнымъ, послѣ того, какъ имѣлъ возможность ознакомиться съ нѣкоторыми списками Р. Правды въ рукописяхъ. Онъ именно замѣтилъ, что въ краткихъ спискахъ Правды, вторая часть памятника, начинающаяся словами: „Правда уставлена Руской земли, егда ся совокупилъ Изяславъ" и пр., въ текстѣ рѣзко отдѣлена отъ первой, начинается не только киноварной буквой, но и съ новой строки, при чемъ на полѣ рукописи переписчикъ поставилъ слово „зрі". „Лѣтописецъ, значитъ, хорошо понималъ, что онъ вноситъ въ лѣтопись, замѣчаетъ авторъ. Онъ вноситъ въ нее два совершенно различныхъ памятника. Первый онъ приписываетъ Ярославу, второй былъ уже раньше, въ попавшемъ въ его руки документѣ, приписанъ его сыновьямъ. Лѣтописецъ замѣтилъ это, а потому и нашелъ нужнымъ второй документъ отличить не только красной буквой, но новой строкой и особой припиской на сторонѣ" (X). Проф. Сергѣевичъ отмѣчаетъ, что и первый издатель Правды, знаменитый Шлецеръ, въ Татищевскомъ спискѣ увидалъ не одну, а двѣ Правды, и въ этомъ видѣ напечаталъ ихъ въ 1767 г. И Шлецеръ былъ совершенно правъ, печатая двѣ редакціи, двѣ Правды, а не одну, какъ это дѣлаютъ новые издатели. Проф. Сергѣевичъ

послѣдовалъ за Шлецеромъ и напечаталъ вторую половину краткой редакціи Правды въ видѣ отдѣльнаго памятника, съ особой нумераціей статей.

Но правъ ли онъ, различая теперь четыре редакціи Р. Правды? Въ особую, новую редакцію онъ выдѣляетъ не какіе либо списки Р. Правды, а дѣлитъ на двѣ редакціи одни совершенно тождественные между собою списки краткіе, которые прежде относились къ первой редакціи, при томъ дѣлитъ такъ, что первую половину списка относитъ къ 1-й редакціи, а вторую половину ко 2-й редакціи. Но развѣ это редакціи? Первая и вторая части краткой Правды говорятъ вовсе не объ одномъ и томъ же, но въ разныхъ редакціяхъ; они различаются между собой содержаніемъ, а не изложеніемъ; это скорѣе два памятника, соединенные, однако, между собой потому, что одинъ служитъ дополненіемъ другого, а вовсе не разныя редакціи одного и того же. Между частями краткой редакціи Правды необходимо проводить различіе, какъ это и дѣлали Тобинъ и другіе. Но все же это будутъ двѣ части одного и того же списка одной редакціи, а не двѣ разныхъ редакціи одного памятника. Слѣдуетъ ли, при выдѣленіи статей краткой Правды допустить одну общую нумерацію для обѣихъ ея половинъ, какъ дѣлали Тобинъ и другіе, или установить особую нумерацію для каждой части, какъ сдѣлалъ проф. Сергѣевичъ,—это уже вопросъ второстепенный. Итакъ, новыя наблюденія проф. Сергѣевича не могутъ поколебать общепринятаго вывода о дѣленіи всѣхъ извѣстныхъ списковъ Р. Правды на три редакціи.

Новое изданіе Р. Правды проф. Сергѣевичемъ имѣетъ, однако, другую цѣнность. При изученіи текста Р. Правды необходимо выдѣлять въ ея текстѣ отдѣльныя нормы, т. е. особыя статьи по содержанію. Уже Татищевъ насчиталъ 35 статей въ открытомъ имъ краткомъ спискѣ Правды. Тобинъ дѣлилъ текстъ памятника иначе, болѣе дробно. Но принятое имъ дѣленіе, какъ и предложенное Татищевымъ, не удержалось. Общепринятымъ считается дѣленіе на статьи разныхъ списковъ Р. Правды, предложенное Калачовымъ. Одновременно съ своимъ изслѣдованіемъ онъ издалъ „Текстъ Русской Правды на основаніи четырехъ списковъ разныхъ ре-

дакцій" (это изданіе было нѣсколько разъ повторено) и раздѣлилъ каждый списокъ на статьи, при чемъ въ спискѣ Академическомъ краткой редакціи онъ выдѣлилъ 43 статьи; въ Троицкомъ спискѣ пространной редакціи 115 статей; въ Карамзинскомъ спискѣ пространной редакціи — 135 статей и въ спискѣ князя Оболенскаго, редакціи сокращенной изъ пространной — 55 статей. Это дѣленіе разныхъ списковъ на статьи повторяется во всѣхъ другихъ изданіяхъ памятника, между прочимъ и въ Христоматіи Вл.-Буданова. Но правильно ли это дѣленіе? Проф. Сергѣевичъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что „изданіе Правды съ неправильнымъ дѣленіемъ на статьи гораздо болѣе вредно, чѣмъ изданіе безъ всякаго дѣленія. Особенно вредно соединеніе въ одной статьѣ такихъ нормъ, которыя не имѣютъ никакого отношенія одна къ другой . . . Менѣе опасно раздѣленіе одной мысли на двѣ статьи. Это будетъ плохая редакція, но совершенно безвредная(?)". Онъ въ своемъ изданіи предлагаетъ новое дѣленіе Правды на статьи. Въ основу дѣленія онъ принимаетъ правило, что „каждая отдѣльная мысль должна быть выражена въ особой статьѣ; то, что говорится въ ея развитіе, можетъ войти въ ту же статью". Согласно этому правилу, онъ многія статьи нынѣ принятаго (Калачовскаго) дѣленія раздѣлилъ, а нѣкоторыя соединилъ. Въ результатѣ у него получилось: въ первой половинѣ краткой Правды 25 статей вм. 17; во второй половинѣ — также 25 статей вм. 26; въ Троицкомъ спискѣ — 153 (выключая недостающія 24-ю и 114-ю) статьи вм. 115; и въ спискѣ князя Оболенскаго — 68 статей вм. 55. Въ какой мѣрѣ это новое дѣленіе текста Р. Правды на статьи окажется предпочтительнѣе существовавшаго до сихъ поръ, покажетъ дальнѣйшее изученіе отдѣльныхъ статей Р. Правды.

Всѣ извѣстные списки Р. Правды, сохранившіеся въ лѣтописяхъ, кормчихъ и иныхъ сборникахъ, по времени ихъ написанія относятся къ XIII — XVII вв. Древнѣйшимъ спискомъ является находящійся въ новгородской Софійской кормчей конца XIII в.; здѣсь Р. Правда помѣщена впереди церковнаго устава Владиміра; такъ какъ эта кормчая хранится теперь въ московской Синодальной библіотекѣ, то списокъ этотъ иначе называется синодальнымъ. По типу онъ принадлежитъ къ

пространной редакціи. Изданъ былъ этотъ списокъ впервые въ Русскихъ Достопамятностяхъ, ч. I, 1816 г., а затѣмъ неоднократно переиздавался: въ 1885 г. П. Н. Мрочкомъ-Дроздовскимъ и въ 1899 г. Вл.-Будановымъ въ 5-мъ изд. вып. I Христоматіи; Калачовъ положилъ этотъ списокъ въ основу систематическаго изданія Правды въ своемъ изслѣдованіи; въ 1888 г. Срезневскій издалъ палеографическій снимокъ этого списка. Но этотъ древнѣйшій списокъ уже представляетъ рядъ погрѣшностей въ текстѣ, привнесенныхъ переписчикомъ, которыя отчасти могутъ быть исправлены на основаніи позднѣйшихъ списковъ. Изъ нихъ можно отмѣтить списокъ, находящійся въ пергаминномъ сборникѣ XIV в. (принадлежавшемъ нѣкогда гр. Мусину-Пушкину), гдѣ помѣщенъ еще Законъ судный людямъ и списокъ договора смоленскаго князя Мстислава съ Ригой. Этотъ списокъ Р. Правды, названный Калачовымъ Пушкинскимъ, изданъ въ Русскихъ Достопамятностяхъ, ч. 2-й, 1843 г., Д. Дубенскимъ съ варіантами, поясненіями и словаремъ. Далѣе необходимо указать списокъ Троицкій, названный такъ потому, что сохранился въ сборникѣ конца XIV в., извѣстномъ подъ именемъ „Мѣрила Праведнаго", принадлежащемъ библіотекѣ Троицкой Сергіевой Лавры; онъ изданъ Калачовымъ и проф. Сергѣевичемъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ любопытенъ и списокъ Правды, названный Карамзинскимъ, т. к. указанъ Карамзинымъ въ Новгородской лѣтописи по списку XV вѣка; онъ изданъ Калачовымъ и Вл.-Будановымъ. Всѣ эти списки пространной редакціи Р. Правды во многихъ отношеніяхъ взаимно исправляютъ и дополняютъ другъ друга.

Всѣ извѣстные списки первой или краткой редакціи восходятъ къ сравнительно позднему времени, не ранѣе половины и конца XV в., и помѣщены обыкновенно въ спискахъ первой новгородской лѣтописи подъ 1016 г. Только древнѣйшій списокъ этой лѣтописи (Синодальный) не содержитъ текста Р. Правды. Списки же лѣтописи — Археографическій половины XV в. и Академическій конца того же вѣка — уже имѣютъ вставленный текстъ Р. Правды. Въ послѣднемъ спискѣ лѣтописи и нашелъ Правду Татищевъ. По этимъ спискамъ Правда издана въ Новгородской лѣтописи, а также Калачовымъ (спи-

сокъ Академическій) и проф. Сергѣевичемъ (списокъ Археографическій).

Несмотря на то, что краткая Правда сохранилась въ болѣе позднихъ спискахъ, сравнительно съ пространной, первая является безспорно по происхожденію древнѣшей редакціей. Въ первой ея половинѣ не имѣется еще никакихъ указаній на различіе общественныхъ классовъ по размѣрамъ штрафа за убійство: за смерть всякаго свободнаго взимается одинаковая вира. Далѣе, она сохранила еще старое названіе мѣновой единицы „скотъ“ (отсюда „скотница“—казна), хотя уже знаетъ и кунную систему денежнаго счета. Обѣ половины краткой редакціи знаютъ месть въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ пространная Правда, и содержатъ рядъ совершенно конкретныхъ правилъ, которыя въ пространной Правдѣ уже обобщены.

Русская Правда, какъ юридическій памятникъ является важнѣйшимъ источникомъ для изученія нашего древняго права. Вопросы о способахъ ея составленія, объ источникахъ, которыми пользовались составители, о системѣ и общемъ характерѣ ея содержанія не находятъ согласнаго рѣшенія. Первый вопросъ сводится къ тому, есть ли Р. Правда сборникъ оффиціальный или частный. Древніе писатели приписывали Р. Правду, даже въ позднѣйшей пространной редакціи, Ярославу Владиміровичу, называя ее уставомъ или судебникомъ этого князя и даже пріурочивая ея изданіе къ 1016 г., когда Ярославъ, награждая новгородцевъ за оказанную помощь, далъ имъ, будто-бы, этотъ уставъ. Позднѣйшіе изслѣдователи (Татищевъ, Карамзинъ, Эверсъ, Тобинъ, Ланге, Леонтовичъ, Мрочекъ-Дроздовскій, Шершеневичъ, отчасти и другіе) стоятъ на той же почвѣ, различая лишь въ двухъ редакціяхъ Правды три послѣдовательныхъ оффиціальныхъ сборника: Правду Ярослава, дополненія и переработку его сыновей и Мономахову Правду. Противоположное мнѣніе, раздѣляемое большинствомъ современныхъ изслѣдователей, считаетъ Р. Правду частнымъ сборникомъ, составленнымъ сначала (первая половина краткой редакціи) въ концѣ X в. или въ началѣ XI в. и постепенно дополняемымъ и переработываемымъ вплоть до половины XIII в. (третья редакція, сокра-

щенная изъ пространной). Это мнѣніе слѣдуетъ признать правильнымъ. Если отбросить неосновательныя измышленія старинныхъ списателей и придуманныя ими неудачно названія всего памятника, то въ подкрѣпленіе оффиціальнаго происхожденія Р. Правды не останется никакихъ доводовъ. Первыя 17 статей краткой редакціи имѣютъ заголовокъ „Правда Роськая“ и не содержатъ никакихъ указаній на какого-либо князя. Затѣмъ стоитъ заголовокъ „Правда уставлена Руской земли, егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ“. Но этотъ заголовокъ имѣетъ отношеніе не болѣе какъ къ тремъ слѣдующимъ за нимъ статьямъ, потому что въ ст. 21 изложенъ уставъ одного Изяслава, а въ ст. 42 о судебныхъ пошлинахъ сказано: То ти урокъ Ярославль“. Значитъ во второй половинѣ изложены разные уставы, и она не является результатомъ совмѣстнаго законодательства Ярославичей. Это подтверждается и тѣмъ, что въ нее не вошли постановленія Ярославичей, извѣстныя изъ пространной редакціи (Тр. сп., ст. 2 и 58). Наоборотъ, трудъ частнаго лица вскрывается изъ сопоставленія, напр., ст. 2 и 28, 20 и 38. Ст. 28 является буквальнымъ повтореніемъ начала ст. 2; очевидно составитель, замѣтивъ, что это правило уже записано, не счелъ нужнымъ дописывать его вторично. Ст. 20 разрѣшаетъ убійство вора на мѣстѣ преступленія, но излагаетъ это правило казуистично, примѣнительно къ вору-огнищанину; ст. 38 говоритъ вообще объ убійствѣ татя, захваченнаго на мѣстѣ преступленія, и ставитъ нѣкоторыя ограниченія этого права. При наличности ст. 38, ст. 20-ая оказывается совершенно излишней, если разсматривать Р. Правду, какъ законодательный сборникъ: частный же составитель могъ записать и частное судебное рѣшеніе, и общее правило. Относительно пространной редакціи даже изслѣдователи, признающіе оффиціальное происхожденіе Правды, склоняются къ мысли, что она представляетъ собою позднѣйшую частную переработку (Шершеневичъ). Стоитъ только прочесть ст. 2, гдѣ разсказывается, что послѣ Ярослава сыновья его съѣхались снова, отмѣнили убіеніе за голову, ввели выкупъ, а все остальное оставили въ томъ же видѣ, какъ было при Ярославѣ, чтобы убѣдиться, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ разсказомъ бытоописателя, а не съ оффиціаль-

ной редакціей закона. Таковы же статьи 7, 48 и 58 (Тр. сп.). Составитель пространной редакціи — былъ ли это одинъ человѣкъ, какъ предполагаютъ нѣкоторые (Сергѣевичъ), или послѣдовательно нѣсколько,—несомнѣнно имѣлъ передъ собой краткую редакцію, изъ которой кое-что бралъ цѣликомъ, но чаще измѣнялъ и переработывалъ; такъ, всѣ казуистическія нормы здѣсь обобщены, сходныя сгруппированы въ одну и т. д. Главный трудъ заключался въ дополненіяхъ, что явствуетъ изъ сопоставленія 43 статей краткой Правды съ 115 пространной.

Мнѣнія объ источникахъ Правды такъ же расходятся. Старые изслѣдователи—Струбе де Пьермонтъ и Шлецеръ обратили вниманіе на сходство постановленій Правды съ нормами датскаго и шведскаго права и отсюда заключили, что содержаніе Правды заимствовано изъ сѣверныхъ законовъ, принесенныхъ къ намъ варягами. Но Эверсъ доказалъ, что сборники скандинавскаго права моложе Правды и, стало быть, не могли служить источниками послѣдней. Съ своей стороны Эверсъ полагалъ, также основываясь на замѣченныхъ имъ сходствахъ, что источниками Правды послужили варварскіе законы салическихъ и рипуарскихъ франковъ. Въ настоящее время никто этихъ взглядовъ не раздѣляетъ. Сравнительное изученіе права указало сходные юридическіе институты у такихъ народовъ, которые вели совершенно изолированную жизнь и не могли ничего одинъ у другого позаимствовать. Сходство юридическихъ институтовъ находитъ свое объясненіе въ одинаковыхъ условіяхъ быта, переживаемыхъ различными народами на соотвѣтствующихъ ступеняхъ развитія. По общепринятому мнѣнію, Р. Правда возникла на почвѣ мѣстныхъ, національныхъ источниковъ, хотя и не исключительно. Первымъ по объему и важности источникомъ является обычное право. Такіе институты, какъ месть, выкупъ, судъ послуховъ, холопство, устраненіе сестеръ отъ наслѣдства и т. п. у всѣхъ народовъ возникаютъ обычнымъ путемъ и не могутъ быть заимствованы или созданы творческой дѣятельностью законодателя; это самые древніе институты обычнаго права. Вторымъ источникомъ, гораздо менѣе обильнымъ, служили княжескіе уставы. Объ этомъ можно заключить только на основаніи

прямыхъ указаній самой Правды. Поклонъ или поконъ вирный названъ урокомъ Ярослава; ему же приписано постановленіе объ убійствѣ холопа за нанесеніе удара свободному мужу. Совмѣстной дѣятельности Ярославичей приписывается возвышеніе виры за убійство огнищанина и княжаго подъѣзднаго, отмѣна убіенія за голову и введеніе выкуповъ, а также замѣна устава Ярослава объ убійствѣ холопа денежнымъ штрафомъ. Наконецъ, постановленіе о процентахъ названо уставомъ Владиміра Мономаха. Другихъ указаній на уставную дѣятельность князей въ Р. Правдѣ нѣтъ. Но и приведенныя ссылки не доказываютъ, что уставами создавалось новое право; напр., введеніе Ярославичами выкуповъ было возстановленіемъ стараго обычая. Третій источникъ Правды составляли судебныя рѣшенія. Нѣкоторыя изъ нихъ занесены въ Правду во всей ихъ конкретной формѣ; напр., за убійство стараго конюха у стада назначена вира въ 80 гривенъ, „яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убилѣ Дорогобудьци". Другіе сохранили только нѣкоторыя подробности судебнаго случая; такъ, въ статьяхъ о кражѣ скота упоминается въ одномъ случаѣ о 18 ворахъ, въ другомъ о 10, которые „одину овцу укралѣ". Въ пространной Правдѣ всѣ эти рѣшенія обобщены; тамъ идетъ рѣчь о платѣ за убійство конюшаго, о наказаніи за кражу, когда было много воровъ. Подобныя сопоставленія естественно вызываютъ предположеніе, что и рядъ другихъ нормъ взятъ составителями Правды изъ судебныхъ рѣшеній, которыя занесены туда уже въ обобщенной формѣ. Наконецъ, четвертымъ источникомъ было чужеземное, византійское право, которое проникло къ намъ вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства и несомнѣнно не только примѣнялось въ церковныхъ судахъ, но вліяло и на практику судовъ гражданскихъ. Рѣшенія судовъ на основаніи нормъ византійскаго права, приспособленныхъ къ условіямъ древне-русскаго быта, также заносятся въ Правду. Статьи Правды о самовольномъ пользованіи чужимъ конемъ, объ убійствѣ вора на мѣстѣ преступленія почти буквально заимствованы изъ соотвѣтственныхъ правилъ Закона Суднаго людямъ. Весьма вѣроятно, что въ пространной Правдѣ заимствованія еще шире. Нѣкоторыя постановленія о наслѣдствѣ, статьи объ опекѣ очень напоминаютъ правила Эклоги.

Они не тожественны, но, можетъ быть, именно потому, что взяты составителемъ не прямо изъ Эклоги, а изъ судебной практики, которая могла и отступать отъ буквальнаго текста византійскихъ нормъ.

Многіе изъ изслѣдователей ставятъ и рѣшаютъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ о системѣ Р. Правды. Такая система усматривается уже въ древнѣйшей ея редакціи. Тобинъ, напр., указывалъ, что здѣсь изложены преступленія въ порядкѣ ихъ важности: убійство, побои и увѣчья, различнаго рода обиды, нарушенія правъ собственности, правила о возвращеніи украденнаго и проступки холоповъ. Соотвѣтственно этимъ рубрикамъ Правда дополнена и Ярославичами. Пространная редакція составлена подобно краткой: въ 1-ой части переработаны систематически обѣ половины краткой, а во 2-ой находятся дополненія Мономаха, изложенныя въ той же системѣ. Съ несущественными измѣненіями система Тобина принимается и нѣкоторыми другими изслѣдователями (Ланге, Мрочекъ-Дроздовскій). При ближайшемъ разсмотрѣніи нельзя замѣтить, однако, даже указаннаго порядка въ распредѣленіи статей. Вслѣдъ за убійствомъ идетъ рѣчь о кровавыхъ и синихъ знакахъ, затѣмъ объ ударахъ батогомъ, жердью и пр., о нанесеніи удара необнаженнымъ мечемъ, и уже дальше говорится о причиненіи увѣчій. Дополненія не соотвѣтствуютъ и этому порядку: чтобы подогнать ихъ подъ эту схему, изслѣдователи вынуждены прибѣгать къ шаткому предположенію, что Правда дополнялась въ нѣсколько пріемовъ. Но если бы указанный порядокъ и существовалъ, то онъ не соотвѣтствовалъ бы понятію о системѣ права. Къ Р. Правдѣ можетъ быть цѣликомъ примѣнено мнѣнію Мэна о классификаціи предметовъ въ древнѣйшихъ сборникахъ права. Руководящей идеей древнихъ компиляторовъ являются не законъ, не право, не санкція, не различіе между положительнымъ и естественнымъ правомъ, между лицами и вещами, а правосудіе и его органы. Передъ ихъ глазами стоитъ одинъ всеобщій фактъ, что люди спорятъ между собой,—и они собираютъ правила, по которымъ эти споры должны обсуждаться и прекращаться безъ насилія и кровопролитія. Вся классификація сводится къ распредѣленію предметовъ тяжбъ или споровъ, самыя нормы

права формулируются какъ руководство для суда, когда онъ будетъ призванъ къ разбору тяжбъ. Порядокъ занесенія тяжебныхъ дѣлъ въ сборники опредѣляется или важностью самыхъ споровъ, или же тѣмъ, какъ часто они возникаютъ въ данномъ общественномъ быту.

Содержаніе Р. Правды не легко поддается общей характеристикѣ. Обыкновенно изслѣдователи ограничиваются или указаніемъ на преобладающій характеръ нормъ (напр. уголовныхъ, въ краткой редакціи), или подробно перечисляютъ, сколько статей относится къ уголовному праву, сколько—къ гражданскому, процессу, или, наконецъ, предлагаютъ еще болѣе детальный подсчетъ статей, относящихся къ убійству, увѣчьямъ, ранамъ, кражамъ и пр. (см. систематическій указатель статей въ „Христ.“ Влад.-Буданова). Изъ такого подсчета еще болѣе явствуетъ, что древняя Правда является почти исключительно уголовно-процессуальнымъ сборникомъ, а значительную часть дополненій пространной Правды составляютъ нормы гражданскаго права. Но такой подсчетъ имѣетъ весьма относительное значеніе, такъ какъ: 1) самое дѣленіе на статьи есть уже пріемъ интерпретаціи, который можетъ оказаться неправильнымъ, ибо подлинный текстъ памятника на статьи не раздѣленъ; 2) нѣкоторыя статьи можно отнести въ разные отдѣлы: убійство холопа можно разсматривать, какъ убійство и какъ истребленіе чужого имущества; статья о кровавомъ или синемъ человѣкѣ говоритъ о ранахъ и побояхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, заключаетъ рядъ процессуальныхъ правилъ; 3) самое распредѣленіе статей по указаннымъ рубрикамъ привноситъ нѣчто чуждое памятнику, которому совершенно неизвѣстно дѣленіе на право публичное и частное, матеріальное и процессуальное. Если принять во вниманіе вышеуказанную руководящую цѣль—дать правила для прекращенія споровъ, то нужно будетъ признать, что Р. Правда—по преимуществу процессуальный сборникъ. Въ немъ мало говорится о судебной организаціи (упоминаются только князь и судьи, какъ органы суда, и княжъ дворъ, какъ мѣсто суда), но это объясняется въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что въ то время многіе споры кончались безъ участія суда, силами заинтересованныхъ. Р. Правда открывается статьей, установляющей месть за убій-

ство; но это месть не по приговору суда, а по инициативѣ потерпѣвшихъ. Истецъ, послѣ заклича въ своемъ міру, можетъ взять свою вещь у каждаго; безъ наличности этихъ условій долженъ быть примѣненъ сводъ, но и при сводѣ права владѣльца возстановляются безъ участія суда. Вора можно убить на мѣстѣ преступленія, если его не удастся связать или удержать до свѣта. Эти правила и цѣлый рядъ имъ подобныхъ представляютъ собою лишь до нѣкоторой степени упорядоченное и ограниченное самоуправство, и притомъ ограниченное не столько обязательнымъ вмѣшательствомъ суда, сколько обычными правилами и конкретнымъ формализмомъ, въ видѣ ли произнесенія опредѣленныхъ словъ, или привлеченія въ указанномъ числѣ послуховъ, или сдѣлки на торгу и пр. Съ этой точки зрѣнія могутъ быть разсматриваемы многія постановленія Правды, которыя и составляютъ основную почву этого памятника. Разъясненіе отдѣльныхъ постановленій и въ настоящее время вызываетъ много разногласій.

Кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій о Русской Правдѣ Тобина и Калачова, см. еще: *Gustaw Ewers*. Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwickelung, 1826. Русск. пер. *Ив. Платонова*, 1835; *А. Поповъ*. Русская правда въ отношеніи къ уголовному праву, 1841; *Н. Ланге*. Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды. Архивъ истор. и практич. свѣдѣній, относящ. до Россіи, 1859, кн. 1, 3, 5 и 6; *Н. Дювернуа*. Источники права и судъ въ древней Россіи, 1869; *П. Мрочекъ-Дроздовскій*. Изслѣдованіе о Русской Правдѣ, 1885; *В. Сергѣевичъ*. Русская Правда и ея списки. Ж. М. Н. Пр., 1899, № 1 (перепечатанная въ Лекціяхъ и Изслѣдованіяхъ, 1903).

Вѣчевыя грамоты.

До насъ сохранились еще двѣ вѣчевыхъ грамоты, Псковская и Новгородская, послѣдняя не полностью.

Псковская грамота открыта проф. Ришельевскаго Лицея Н. Мурзакевичемъ въ единственномъ спискѣ въ библіотекѣ графа Воронцова, въ Одессѣ и имъ же издана въ 1847 г. и вторично въ 1868 г. Не имѣя особаго заглавія, она начинается слѣдующими словами: „Ся грамота выписана изъ великого князя Александровы грамоты, і изъ княжь Костянти-

новы грамоты, і изо всѣхъ приписковъ псковъскихъ пошлинъ, по благословенію отецъ своихъ поповъ всѣхъ 5 съборовъ, и священноиноковъ, і діаконовъ, и священниковъ и всего Божія священьства, всѣмъ Псковомъ на вѣчи, въ лѣто ҂SЦЕЕ". Послѣдняя дата пріурочиваетъ памятникъ къ 6905 или 1397 году. Но этой датѣ противорѣчатъ два указанія выписанныхъ словъ: подъ княземъ Константиномъ можетъ разумѣться только кн. Константинъ Димитріевичъ, родной братъ вел. кн. Василія Димитріевича, т. к. другихъ князей Константиновъ въ Псковѣ не было; а Константинъ Димитріевичъ былъ въ Псковѣ два или три раза, въ періодъ 1407—1414 гг. Затѣмъ извѣстно, что пятый соборъ въ Псковѣ построенъ въ 1462 г.

Эти хронологическія противорѣчія пытаются устранить разными способами: допускаютъ описку въ цифрѣ даты, гдѣ должно бы стоять ҂SЦОЕ вм. ҂SЦЕЕ; тогда получился бы 1467-й годъ вм. 1397; или предполагаютъ, что позднѣйшій писецъ, переписывавшій грамоту послѣ 1462 г., сдѣлалъ въ текстѣ поправку, проставивъ пять сборовъ вм. числа ихъ, стоящаго въ первоначальномъ текстѣ. Но послѣдняя догадка не спасаетъ первоначальной даты, т. к. кн. Константинъ былъ въ Псковѣ послѣ 1397 г. Нѣкоторые рѣшаютъ этотъ вопросъ примирительно, допуская, что грамота составлена въ нѣсколько пріемовъ, и только первоначальный текстъ надо пріурочивать къ 1397 г. Вѣроятность такого соображенія подтверждается самымъ текстомъ грамоты, которая предусматриваетъ возможность измѣненій и дополненій текста памятника; въ ней читаемъ: „А которой строкѣ пошлинной грамоты нѣтъ, и посадникомъ доложити господина Пскова на вѣчѣ, да тая строка написать. А которая строка въ сей грамоте не люба будетъ господину Пскову, ино та строка волно выписать вонъ из грамотъ" (ст. 108).

Возбуждаютъ разногласія и другія указанія начальныхъ словъ грамоты. Такъ, хотя никакого другого князя Константина, кромѣ Константина Димитріевича, въ Псковѣ не было, однако, какъ указалъ Калачовъ, его грамота Псковичамъ отмѣнена митр. Фотіемъ. Изъ грамоты послѣдняго псковичамъ 1417 г. видно, что псковичи прислали къ митрополиту „уставленную свою грамоту послѣднюю цѣловалную сына моего

князя Костянтина Дмитріевича" и жаловались, „что отъ тое грамоты отъ новые, отъ княжи отъ Костянтиновы Дмитріевича, христіаномъ ставится пакостно и душевредно всей вашей державѣ: а хотите держати свою старину", а потому просили митр. Фотія „то бы цѣлованіе уряженое княже Костянтиново Дмитріевичя сложити". Фотій эту просьбу удовлетворилъ: „А нужно будеть (т. е. если произойдеть нужда отъ) то новое цѣлованье христіанству, и не къ ползѣ душевной, а на нагубу: и вы бы то новое цѣлованье сложили, аще въ немь будеть нужа христіаномъ. А язъ васъ, своихъ дѣтей, благословляю порушити ту новину, нужную грамоту христіаномъ, а благословляю васъ держати вашу старину" (Русск. Ист. Библ., VI, 385—388). Но если митр. предоставилъ псковичамъ отмѣнить грамоту кн. Константина, то остается неизвѣстнымъ, въ какой мѣрѣ псковичи воспользовались этимъ разрѣшеніемъ. Указаніе Псковской грамоты на то, что она выписана и изъ упомянутой Константиновой грамоты, свидѣтельствуетъ, что послѣдняя если и была отмѣнена, то не вся.

Возбуждаетъ разногласія и ссылка на грамоту великаго князя Александра. Кто этотъ князь Александръ? Мурзакевичъ разумѣлъ подъ нимъ кн. Александра Михайловича Тверского. Но Калачовъ первый,—а за нимъ послѣдовало и большинство историковъ права,—высказалъ предположеніе, что кн. Александръ никто иной, какъ кн. Александръ Ярославичъ Невскій, иначе де онъ не былъ бы названъ великимъ княземъ. А такъ титуловали этого князя не только сами псковичи въ своей грамотѣ, но и митрополиты Кипріанъ и Іона. Первый въ грамотѣ 1395 г. псковичамъ обвинялъ суздальскаго архіепископа Діонисія, что онъ „приписалъ къ грамотѣ князя великого Александровѣ, по чему ходити, какъ ли судити, или кого какъ казнити". Съ своей стороны митрополитъ Кипріанъ предписываетъ: „Ажь будеть какову грамоту списавъ положилъ князь великій Александръ, по чему ходити: инъ въ томъ воленъ всякій царь въ своемъ царствѣ, или князь въ своемъ княженьи, всякая дѣла управливаеть и грамоты записываеть; также и тотъ князь великій Александръ въ своемъ княженьи, а списалъ такову грамоту, почему ходити, на христіанское добро: воленъ въ томъ. А что Денисій владыка вылелъся не во

свое дѣло, да списалъ неподобную грамоту, и язъ тую грамоту рушаю". Точно также митрополитъ Іона въ грамотѣ 1461 г. желаетъ псковичамъ жить по христіанству, „какъ то пошло у васъ, ваша добрая старина, отъ великого князя Александра". (Русск. Ист. Библ., VI, №№ 28 и 90). Митрополиты, сторонники московскихъ великихъ князей, никогда не назвали бы великимъ князя Александра Михайловича, кровнаго врага Ивана Калиты.

Но имѣютъ ли эти соображенія рѣшающее значеніе? Знали ли хорошо митрополиты, о какомъ князѣ они говорятъ? Во всякомъ случаѣ грамоты кн. Александра они не видали и даже хорошенько не знали, дана ли дѣйствительно таковая; поэтому Кипріанъ и выразился очень неопредѣленно: „если какую грамоту написалъ князь великій Александръ"... Титулъ же великаго они примѣнили къ князю Александру потому, что такъ называли этого князя псковичи. Свои грамоты псковичи однажды представили великому князю Ивану Васильевичу, когда въ 1475 г. новый намѣстникъ началъ поступать не попсковской старинѣ, и псковичи обжаловали его дѣйствія великому князю. Но Иванъ Васильевичъ, разсмотрѣвъ представленныя грамоты, возвратилъ ихъ со словами: „что деи то грамоты не самыхъ князей великихъ". Что это были за грамоты, неизвѣстно; но весьма вѣроятно, что въ числѣ ихъ была, если не самая Александрова грамота, то Псковская вѣчевая грамота. И однако московскій государь не призналъ ни одной грамоты великокняжескою.

Покойный проф. Варшавскаго университета А. Никитскій, указавшій на эту любопытную справку, привелъ и болѣе существенные доводы противъ господствующаго мнѣнія. Если считать князя Александра Псковской грамоты Александромъ Невскимъ, то необходимо указать, при какихъ условіяхъ такая грамота могла возникнуть. Александръ Невскій сыгралъ въ судьбѣ Пскова крупную роль, нанеся нѣмцамъ пораженіе на Чудскомъ озерѣ. Но тогда Невскій былъ новгородскимъ княземъ и защищалъ новгородскій пригородъ Псковъ во главѣ новгородскаго войска. Эта побѣда должна была скорѣе усилить власть Новгорода надъ Псковомъ, а не могла явиться поводомъ къ дарованію Пскову грамоты съ самостоятельными

княземъ и посадникомъ. Наоборотъ, княженіе въ Псковѣ Александра Михайловича тверского было временемъ послѣдней борьбы псковичей съ новгородцами за политическую самобытность. Князя Александра тверского псковичи приняли не изъ Новгорода и не изъ Москвы, а изъ Литвы. Онъ княжилъ тамъ въ 1327—1330 и 1332—1337 гг. А въ 1348 г. по Болотовскому договору новгородцы признали политическую независимость Пскова, признавъ его своимъ младшимъ братомъ. Поэтому княженіе Александра тверского въ Псковѣ было весьма благовременнымъ моментомъ для первыхъ шаговъ къ выработкѣ мѣстной Правды. Такъ возникла княжъ Александрова грамота. Она должна быть относима не къ половинѣ XIII, а къ первой половинѣ XIV в.

Въ этой Александровой грамотѣ произвелъ какія то измѣненія арх. Діонисій; эти перемѣны не понравились псковичамъ, и они жаловались митрополиту, который въ 1395 г. эти измѣненія отмѣнилъ. Вслѣдъ за этимъ псковичи и приступили въ 1397 г. къ составленію своей вѣчевой грамоты, въ основу которой положена была Александрова грамота и, можетъ быть, какія либо записанныя псковскія пошлины. Эта первая вѣчевая грамота была дополнена въ XV в. изъ Константиновой грамоты и еще какими то пошлинами. Такія дополненія могли имѣть мѣсто и не одинъ разъ. Выдѣлить въ настоящее время эти отдѣльные источники Псковской грамоты дѣло едва ли возможное, и всѣ попытки въ этомъ направленіи являются только чистыми гаданіями.

По содержанію своему Псковская грамота является однимъ изъ самыхъ богатыхъ сборниковъ древняго права. Она стоитъ неизмѣримо выше и первыхъ опытовъ московской кодификаціи. Сравнительное богатство не только процессуальныхъ, но и матеріальныхъ нормъ, объясняется, конечно, большимъ культурнымъ развитіемъ Псковской земли и болѣе развитымъ гражданскимъ оборотомъ.

Псковская грамота издана еще съ дѣленіемъ текста на статьи и съ прим. въ Христоматіи Вл.-Буданова, вып. 1. Литература о ней: *Калачовъ Н.* Псковская Судная Грамота, составленная на вѣчѣ въ 1467 г., Москвитянинъ. 1848, № 2; *Энгельманъ Иванъ.* Систематическое изложеніе гражданскихъ законовъ, содержащихся въ Псковской Судной грамотѣ, 1855;

Дювернуа Н. Источники права и судъ въ древней Россіи, 1869, стр. 279—281; 289—308; *Мрочекъ-Дроздовскій П.* Главнѣйшіе памятники русскаго права эпохи мѣстныхъ законовъ, Юрид. Вѣстн. 1884, №№ 4 и 5; *Никитскій А.* Очеркъ внутренней исторіи Пскова, 1873. стр. 105—109; 241—245; *Энгельманъ И.* Рецензія соч. Никитскаго въ XVII присужденіи наградъ графа Уварова.

Новгородская вѣчевая грамота, въ сохранившемся отрывкѣ ея, по редакціи еще нѣсколько моложе Псковской грамоты. Она начинается словами: „Доложа господы великихъ князей, великого князя Ивана Васильевича всея Руси и сына его, великого князя Ивана Ивановича всея Руси, и по благословенью нареченнаго на архіепископство великого Новагорода и Пъскова священноинока Θеофила, се покончаша посадникы ноугородцкіе, и тысятцкіе ноугородцкіе, и бояря, и житьи люди, и купци, и черные люди, вся пять концовъ, весь государь велики Новгородъ, на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ". Въ этой редакціи грамота составлена не ранѣе 12 августа 1471 г., т. к. по договору Ивана III съ Новгородомъ 11 августа 1471 г. введено такое обязательство: „А что грамота докончалная въ Новгородѣ промежь собя о судѣ, ино у той грамоты быти имени и печати великихъ князей". Но отсюда же явствуетъ, что грамота составлена была уже раньше, хотя и неизвѣстно, когда именно.

Въ начальныхъ словахъ источники грамоты не указаны, но въ отдѣльныхъ статьяхъ нѣсколько разъ сдѣланы ссылки на старину. Сохранившаяся часть грамоты содержитъ почти исключительно процессуальныя нормы. Издана она также у Вл.-Буданова въ вып. 1 Христоматіи.

II. Государственное устройство.

Можно ли говорить о какихъ либо формахъ государственнаго быта въ древней Руси съ древнѣйшихъ историческихъ временъ? Въ исторической литературѣ предложены разные отвѣты на этотъ важный вопросъ. Одни историки (Карамзинъ, Эверсъ и др.) говорятъ о началѣ русскаго государства со времени призванія князей; другіе полагаютъ, что государ-

ственному быту предшествовалъ бытъ родовой, который только съ XII в. начинаетъ смѣняться государственнымъ (Соловьевъ); третьи отодвигаютъ еще позднѣе, къ XVI в., возникновеніе государства и думаютъ, что ему предшествовалъ бытъ частноправовой или вотчинный, развившійся изъ родового быта или съ XII вѣка, какъ думаютъ одни (Кавелинъ), или со времени призванія князей, по мнѣнію другихъ (Чичеринъ).

Причина этихъ разногласій лежитъ въ томъ, что понятіе о государствѣ оказывается не тождественнымъ у разныхъ писателей. Нерѣдко въ это понятіе привносятся такіе признаки, которые являются общими у многихъ современныхъ государствъ. Такъ, Н. М. Коркуновъ называетъ государствомъ общественный союзъ свободныхъ людей съ принудительно установленнымъ мирнымъ порядкомъ посредствомъ предоставленія исключительнаго права принужденія только органамъ государства (Русск. гос. право, т. I, изд. 4, стр. 27). Это надо понимать въ томъ смыслѣ, что въ составъ общественнаго союза входятъ только свободные. Но это не исключаетъ примѣненія понятія о государствѣ и къ такимъ общественнымъ союзамъ, въ которыхъ существуетъ и несвободное населеніе. Но несвободные въ составъ общественнаго союза не включаются. Тотъ же авторъ не считаетъ существеннымъ понятіе о государствѣ ставить въ связь съ территоріей. „Такъ, современныя государства, безъ сомнѣнія всѣ неразрывно связаны съ опредѣленной территоріей. Но относительно государствъ далекаго прошлаго необходимость такой связи съ территоріей по меньшей мѣрѣ сомнительна. Во всякомъ случаѣ это значило бы опредѣленіемъ предрѣшить въ отрицательномъ смыслѣ вопросъ о возможности допустить существованіе государственной организаціи у кочевыхъ народовъ. А между тѣмъ даже у осѣдлыхъ народовъ первоначально территорія вовсе не имѣла того значенія въ государственныхъ отношеніяхъ, какое получила въ настоящее время“ (тамъ же). Но во всякомъ общественномъ союзѣ самостоятельное и принудительное властвованіе должно имѣть внѣшніе предѣлы, за которые оно не простирается. Предѣлы властвованія даются понятіемъ о территоріи, хотя бы это понятіе и подвергалось въ исторіи крупнымъ колебаніямъ. Безпредѣльнаго властвованія нельзя

себѣ и представить, а потому нельзя представить и государства безъ какихъ либо границъ. Другіе авторы къ существеннымъ признакамъ понятія о государствѣ присоединяютъ ту или иную цѣль, преслѣдуемую государствомъ. Что каждый общественный союзъ преслѣдуетъ какія либо цѣли, это стоитъ внѣ спора. Но цѣли не остаются постоянными и въ исторіи сравнительно часто измѣняются. Поэтому выставлять какую либо опредѣленную цѣль существеннымъ признакомъ государства вообще значитъ намѣренно ограничить понятіе государства тѣсными границами.

Существенными признаками государства являются три элемента: 1) совокупность населенія, образующаго общественный союзъ; 2) власть, стоящая во главѣ этого общественнаго союза, и 3) территорія, занятая даннымъ населеніемъ.

Имѣется рядъ указаній, что бытъ русскихъ славянъ еще до призванія варяжскихъ князей заключалъ указанные три элемента. Первоначальный лѣтописецъ указываетъ разселеніе разныхъ племенъ и въ то же время изображаетъ ихъ бытъ. Такъ, разсказавъ преданіе объ основаніи Кіева, онъ продолжаетъ: „И по сихъ братьи (Кія, Щека и Хорва) держати почаша родъ ихъ княженье в Поляхъ, а в Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане. Отъ нихъ же Кривичи, иже сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихже градъ есть Смоленьскъ“ и пр. (Лавр. 9—10). Далѣе подъ 859 и 862 гг. тамъ же разсказано, что кривичи, словѣне, чюдь, меря и весь платили дань варягамъ изъ заморья, а потомъ „изгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти“. Но такъ какъ послѣ этого возникли усобицы между ними, то всѣ они „рѣша сами в себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву“. Итакъ, лѣтопись указываетъ у разныхъ племенъ особыя княженія и мѣста разселенія племенъ, подчиненіе нѣкоторыхъ племенъ иноземцамъ, сверженіе иноземной власти и установленіе власти собственной, которая, однако, оказалась неудовлетворительною и замѣнена другою. Про полянъ, у которыхъ упомянуто свое особое княженіе, сказано, что ихъ обидѣли древляне и другіе сосѣди, и что пришедшіе ко-

зары потребовали съ нихъ дани. „Сдумавше же Поляне и вдаша отъ дыма мечь“. Значитъ, требованіе козаръ было обсуждено и состоялось рѣшеніе, обязательное для всѣхъ, платить иноплеменникамъ оригинальную дань. Несомнѣнно, у полянъ существовала какая то власть, издающая обязательные для населенія приказы. Всѣ эти данныя заставляютъ думать, что элементы государства были на лицо у русскихъ славянъ съ древнѣйшаго историческаго времени. Что это были за государства, покажетъ разборъ отдѣльныхъ элементовъ: территоріи, населенія и власти.

Территорія.

Въ началѣ исторіи не существуетъ единаго русскаго государства. На пространствѣ Европейской Россіи, и то далеко не всей, существуетъ цѣлый рядъ небольшихъ государствъ. Лѣтопись перечисляетъ многія изъ нихъ: она упоминаетъ особыя княженія у полянъ, древлянъ, дреговичей, новгородскихъ славянъ, полочанъ, кривичей и т. д. Территоріи такихъ княженій были очень невелики. Объединеніе нѣсколькихъ территорій подъ властью одного воинственнаго князя представляетъ случайное и кратковременное явленіе: обыкновенно со смертью такого князя и территорія его распадается.

Уже давно замѣчено, что „въ младенческомъ состояніи цивилизаціи не можетъ быть большихъ государствъ“ (Гизо). Это общее наблюденіе подтверждается данными быта древнихъ германцевъ и галловъ. Нѣмецкій историкъ права о германцахъ говоритъ: „Германскій народъ выступаетъ въ исторіи не въ видѣ большого національнаго государства, но раздѣленнымъ на значительное число маленькихъ народностей (Völkerschaften), изъ которыхъ каждая живетъ самостоятельною политическою жизнью... Непрерывныя ожесточенныя войны, возникавшія изъ-за захвата и освоенія годныхъ для заселенія областей на континентѣ Европы, воспитали въ германцахъ воинственный духъ, которымъ проникнуты ихъ религія, право и государственный бытъ... Лишь въ III в. историческія событія вызвали къ жизни среди этой раздробленной націи возникновеніе болѣе крупныхъ союзовъ. Съ теченіемъ

времени изъ договорныхъ отношеній выростаетъ государственное объединеніе, и изъ естественнаго объединенія племенъ образуются политическія единицы. Изъ этихъ племенъ салическіе и рипуарскіе франки, аллеманы, тюринги, саксы, фризы и баварцы прочно осѣли въ предѣлахъ Германіи, а остъ- и вестготы, вандалы, бургунды, англосаксы, лонгобарды и др. разселились за ея предѣлами и на развалинахъ рузрушенной ими западной Римской Имперіи основали новыя государства". (Heinrich Brunner. Grundzüge der deutschen Rechtsgeschichte, 1901, 5—6).

Фюстель де Куланжъ слѣдующимъ образомъ описываетъ бытъ Галліи до завоеванія Цезаремъ: „Галлія не представляла національнаго цѣлаго. Ея жители не были одного происхожденія и пришли въ страну не въ одно время... Между ними не было расоваго единства. Нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что было у нихъ религіозное единство, такъ какъ власть друидическаго духовенства не простиралась на всю Галлію. Навѣрное не было единства политическаго... На пространствѣ между Пиринеями и Рейномъ можно насчитать около 90 государствъ (civitates). Каждое изъ этихъ государствъ или каждый изъ народовъ образовали обширную группу (съ населеніемъ въ 50—400 тысячъ)... Народы Галліи вели войны и заключали мирные союзы, какъ между собою, такъ и съ чужеземцами, какъ это дѣлаютъ независимыя государства. Нѣтъ указанія, чтобы они должны были испрашивать въ своихъ предпріятіяхъ согласіе какого либо центральнаго собранія или получали отъ него приказанія. Никакая верховная власть не занималась разборомъ ихъ ссоръ или ихъ примиреніемъ. Иногда друидическое духовенство выступало въ роли посредника, какъ позднѣе дѣйствовала христіанская церковь относительно средневѣковыхъ государей. Но повидимому его вліяніе было мало дѣйствительно, такъ какъ войны были постоянны. Наиболѣе частымъ исходомъ этихъ войнъ, ежегодно обагрявшихъ кровью страну, было покореніе народовъ болѣе слабыхъ народами болѣе сильными" (Fustel de Coulanges. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. La Gaule romaine, 1891, p. 3, 9—10, 7—8, 50).

Древняя Русь не представляетъ въ этомъ отношеніи никакого исключенія. И въ ней наблюдается значительное число небольшихъ государствъ, границы которыхъ подвержены постояннымъ колебаніямъ. Но не только часто измѣняются границы каждаго государства: очень непостоянно и число этихъ государствъ: одни государства поглащаются другими болѣе сильными; другіе распадаются на нѣсколько самостоятельныхъ частей.

Эти древнерусскія государства носятъ названія „земель“, „княженій“, „волостей“, „уѣздовъ“, „отчинъ“. Терминъ „земля“, въ смыслѣ территоріальной политической единицы, часто встрѣчается и въ лѣтописи, и въ другихъ памятникахъ. Лѣтопись нерѣдко упоминаетъ о разныхъ земляхъ: Кіевской, Галичской, Черниговской, Муромской, Ростовской и пр. Р. Правда упоминаетъ о чужой землѣ, за границу которой не продолжается сводъ (Тр., 35: „А и—своего города въ чюжю землю свода нѣтуть“). Тотъ же терминъ встрѣчается и въ международныхъ договорахъ. Но было бы ошибочно думать, что „терминъ „земля“ точнѣе обозначаетъ какъ объемъ тогдашнихъ русскихъ государствъ, такъ и внутренній характеръ ихъ“; что только „имъ означается, что древнее государство есть государство вѣчевое“ (В.-Будановъ, Обзоръ, 11—13 прим.). Термины „княженіе“ и „волость“ также обозначаютъ древнія государства въ смыслѣ территоріальномъ, какъ и терминъ „земля“. Слово „княженіе“ пошло отъ слова „князь“ и указываетъ на подчиненіе данной территоріи какому либо князю, какъ терминъ „волость“ означаетъ территорію, подчиненную власти какого либо князя. Въ заключительной статьѣ Смоленскаго договора 1229 г. сказано: „тая правда Латинескомоу възяти оу Роуской земли оу вълъсти князя смольнеского и оу полотьского князя вълъсти и оу витьбеского князя вълъсти“. Но волость князя и есть его княженіе. Всеволодъ Ольговичъ, занявъ кіевскій столъ, хотѣлъ изгнать изъ Переяславля кн. Андрея Владиміровича, сына Мономаха, и предложилъ ему перейти въ Курскъ. Но кн. Андрей отвѣчалъ: „лѣпьши ми того смерть и съ дружиною на своей отчинѣ и на дѣдинѣ взяти, нежели Курьское княженье; оже ти, брать, не досити волости, всю землю Рускую (т. е. Кiев-

скую) дьржачи, а хощеши сея волости, а убивъ мене, а тобѣ волость, а живъ не иду изъ своей волости" (Ип. 1140 г.). Здѣсь термины „земля", „княженіе" и „волость" одинаково обозначаютъ территоріи, подчиненныя власти князя.

Но термины „земля" и „волость" употребляются и для обозначенія всего населенія государства: „ходиша вся Руска земля на Галиць", т. е. все населеніе Кіевской земли (Новг. 1145 г.); „Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся" (Лавр. 1176 г.), т. е. населеніе всѣхъ волостей имѣетъ обыкновеніе сходиться на вѣча. Здѣсь именно терминъ „волость" употребленъ для обозначенія вѣчевого устройства древнихъ государствъ, а не терминъ „земля". Поэтому, „признать государствомъ всякое княженіе (и слѣд. волость)" вовсе не значитъ, какъ думаетъ проф. В.-Будановъ, „утратить вовсе твердое представленіе о государственномъ строѣ древней Руси, ибо предѣлы и составъ княженій измѣнялись чуть не ежегодно". Послѣднее совершенно вѣрно, но это является однимъ изъ характерныхъ признаковъ всякаго древняго государства и обусловливается слабостью государственной власти и разрозненностью образующихъ ее элементовъ.

Подчиненную ему территорію князь объѣзжаетъ для производства суда и сбора дани. Куда онъ можетъ въѣзжать для выполненія своихъ функцій, какъ правитель, это составляетъ его уѣздъ, обозначающій то же, что и волость или княженіе. Съ точки зрѣнія князя занимаемый имъ столъ съ подчиненной территоріей составляетъ его отчину или дѣдину, если этотъ столъ занималъ раньше его отецъ и дѣдъ. Кн. Андрей Владиміровичъ потому называетъ Переяславское княженіе своей отчиной и дѣдиной, что раньше тамъ княжили его отецъ Владиміръ Мономахъ и дѣдъ Всеволодъ Ярославичъ. Если же волость досталась князю въ силу раздѣла территоріи княземъ-отцомъ между своими дѣтьми, то такая волость называется удѣломъ.

Всѣ эти термины, употребляемые для обозначенія древняго государства не имѣли строгаго техническаго значенія и употреблялись для обозначенія другихъ понятій. Такъ, „земля", „волость", „уѣздъ" обозначали иногда административныя под-

раздѣленія государственной территоріи, а терминъ „волость" кромѣ того употреблялся въ значеніи частнаго имѣнія, которое называлось также отчиной и дѣдиной, если досталось отъ отца и дѣда.

Какъ были непостоянны территоріи древне-русскихъ государствъ, можно видѣть на судьбѣ нѣкоторыхъ земель или княженій. Земля полянъ, гдѣ было сначала особое княженіе, увеличилась присоединеніемъ земли древлянъ и части дреговичей. Послѣднія два племени утратили свои самостоятельныя княженія. Хотя первоначальная лѣтопись уже обособляетъ земли Новгородскую, Полоцкую и Смоленскую, но по нѣкоторымъ даннымъ можно догадываться, что Полоцкая земля выдѣлилась изъ Новгородской, а отъ Полоцкой обособилась Смоленская, а нѣсколько позднѣе и Витебская. Отъ новгородскихъ же владѣній отдѣлилась земля Ростовско-Суздальская, но новгородцы вознаградили себя присоединеніемъ Двинскаго края и колоніи на р. Вяткѣ. Черниговская земля распалась на княженія Черниговское, Новгородъ—Сѣверское и Переяславское.

При такихъ условіяхъ племенныя границы княженій, указываемыя лѣтописью, не могли удержаться. Каждое княженіе или земля представляли смѣшанный племенной составъ: „Полоцкая составилась изъ вѣтви кривичей съ частью дреговичей, Смоленская изъ другой вѣтви кривичей съ частью радимичей и, кажется, съ нѣсколькими поселками дреговичей и витячей, Черниговская изъ части сѣверянъ съ другой частью радимичей и съ большинствомъ вятичей. Кіевская состояла изъ полянъ, почти всѣхъ древлянъ и части дреговичей. Новгородская изъ племени ильменскихъ славянъ съ изборскою вѣтвью кривичей. Одна Переяславская область имѣла одноплеменное славянское населеніе, состоявшее изъ южной половины сѣверянъ (Ключевскій В. Боярская дума, изд. 3. стр. 25 прим.).

Каждое изъ такихъ маленькихъ государствъ представляетъ изъ себя политически независимое цѣлое. Этотъ признакъ нашелъ свое выраженіе въ правилѣ Р. Правды, что „и— своего города въ чюжю землю свода нѣтуть" (Тр., 35), т. е. что сводъ. какъ способъ отысканія похитителя вещи, при-

мѣняется только въ предѣлахъ своей земли и прекращается на границѣ чужой, гдѣ дѣйствуютъ другія власти и, можетъ быть, другія правила. Въ сохранившихся междукняжескихъ договорахъ то же начало выражено опредѣленнѣе въ обязательствѣ князей не посылать данщиковъ въ чужой удѣлъ, не давать приставовъ, не выдавать грамотъ (В. Сергѣевичъ. Русск. Юр. Др., т. I, изд. 2-ое, 36 и 103).

Каждая земля или волость имѣетъ политическій центръ: это главный или старшій городъ. Въ немъ находится княжескій столъ, отчего городъ называется еще стольнымъ. Политическое значеніе главнаго города всего отчетливѣе выразилось въ томъ, что по имени этого города прозывается и вся земля; напр., Кіевская земля, Смоленская, Ростовская и пр. Первоначально терминъ „городъ" обозначалъ несомнѣнно всякое огороженное или укрѣпленное мѣсто или поселеніе. Такое значеніе этого термина сохраняется довольно долго: лѣтопись въ XII и XIII вв. упоминаетъ о временныхъ укрѣпленіяхъ, именуя ихъ городами. Въ 1149 г. суздальцы, выступивъ въ лодкахъ противъ новгородцевъ „начаша городъ чинити въ лодьяхъ"; въ 1219 г. при осадѣ Галича упомянуто, что „бѣ бо градъ створенъ на церкви"; въ 1224 г. въ описаніи битвы кіевскаго князя Мстислава съ татарами при р. Калкѣ читаемъ: „сталъ бо бѣ надъ рѣкою надъ Калкомь; бѣ бо мѣсто то камянисто, и ту сътвори городъ около себе въ колѣхъ (телѣгахъ) и бися с ними из города того по три дни" (Новг. синод., 138 и 218; Ипат., 493). Нерѣдко встрѣчающіяся въ лѣтописи выраженія „ставить городъ", „заложить городъ", „сдѣлать городъ" обозначаютъ не сооруженіе новыхъ укрѣпленныхъ пунктовъ поселенія, а только возведеніе новыхъ укрѣпленій въ старинныхъ городахъ. Такъ, новгородцы неоднократно ставятъ въ Новгородѣ „новъ градъ".

Но лѣтопись неоднократно упоминаетъ о сооруженіи городовъ на новыхъ мѣстахъ. Про Владиміра св. сказано, что онъ призналъ неудобнымъ, „еже мало городовъ около Киева. И нача ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ и по Стугнѣ, и поча нарубати мужѣ лучьшиѣ отъ словень, и отъ кривичь, и отъ чюди, и отъ вятичь, и отъ сихъ насели грады; бѣ бо рать отъ печенѣгъ,

и бѣ воюяся с ними и одоляя имъ“ (Лавр. 988 г.). Какъ видно изъ этого примѣра, созданіе цѣлаго ряда укрѣпленныхъ пунктовъ въ предѣлахъ территоріи каждаго княженія являлось необходимостью въ интересахъ внѣшней безопасности. Поэтому, кромѣ главнаго города, въ каждой землѣ были и другіе города, которые носили названіе пригородовъ.

Начало нѣкоторыхъ городовъ, стоявшихъ во главѣ княженій, какъ Новгородъ, Полоцкъ, Кіевъ, Переяславль, Любечь, Черниговъ и др., восходитъ къ отдаленной древности. Въ историческое время многіе изъ нихъ были обширными пунктами поселеній. И у каждаго изъ нихъ были свои пригороды. Самое названіе „пригородъ“ показываетъ, что пригородъ ниже города, въ чемъ то отъ города зависитъ, чѣмъ то „тянетъ“ къ нему. Съ точки зрѣнія военной обороны старшій городъ потому выше другихъ городовъ земли, что укрѣпленія его обыкновенно надежнѣе; подъ ихъ охраной каждый находилъ болѣе вѣрную защиту отъ врага. Въ пригородѣ могли укрыться лишь окрестные жители на время, да и то не всегда. Въ 1147 г. кн. Изяславъ Мстиславичъ съ братомъ Ростиславомъ воевали Черниговскую землю, подошли къ г. Всеволожу и „взяша Всеволожь градъ на щитъ и ина в нѣмъ бяста два города вошла. Слышавше инии гради, Уненѣжь, Бѣлавежа, Бохмачь, оже Всеволожь взятъ, и побѣгоша Чернигову, и инии гради мнози бѣжаша“. Итакъ, судьба г. Всеволожа устрашила собравшихся по другимъ пригородамъ черниговскимъ, и всѣ искали спасенія подъ защитою стѣнъ г. Чернигова. Однако г. Глѣбль не послѣдовалъ общему примѣру: глѣбльцы бились подъ защитою городскихъ укрѣпленій и избавили городъ отъ сильной рати (Ипат., 252). Естественно поэтому, что жители земли заботятся объ укрѣпленіи пригородовъ и умноженіи ихъ. Такъ, новгородцы въ концѣ XIII и въ XIV в. въ нѣкоторыхъ пригородахъ возводятъ каменныя укрѣпленія.

Въ политическомъ отношеніи зависимость пригородовъ отъ главнаго города выражена весьма опредѣленно словами лѣтописи: „на что же старѣйшии (города) сдумають, на томь же пригороди стануть“ Лавр. 1176 г.). Это значитъ, что руководительство политикою всей земли исходитъ изъ главнаго города, гдѣ живетъ князь, гдѣ собираются вѣчевыя со-

бранія. Къ рѣшеніямъ, исходящимъ изъ главнаго города, примыкаютъ обычно и пригороды. Но это вовсе не значитъ, что пригороды обречены на безмолвное исполненіе получаемыхъ приказаній. Они принимаютъ такое же участіе въ политической жизни земли, какъ и все свободное населеніе. Но ихъ роль не главная, а второстепенная и подчиненная. Таковъ общій порядокъ. Ту же мысль о второстепенномъ значеніи пригорода выразилъ князь Мстиславъ Мстиславичъ по поводу захвата кн. Ярославомъ Всеволодовичемъ новгородскаго пригорода Торжка: „да не будеть Новый Търгъ Новгородомъ, ни Новгородъ Тържькомь“ (Синод. 1215 г.). Еще рѣзче оттѣненъ разсказъ лѣтописи о столкновеніи ростовцевъ и суздальцевъ съ владимірцами; въ уста старыхъ городовъ Ростова и Суздаля и мѣстныхъ бояръ лѣтопись влагаетъ слѣдующія слова: „како намъ любо, такоже створимъ, Володимерь есть пригородъ нашь“; или еще: „пожьжемъ и, пакы ли посадника в немь посадимъ; то суть наши холопи каменьници“ (Лавр. 358 и 355). Хотя эти рѣчи самъ лѣтописецъ называетъ величавыми, внушенными высокоуміемъ, но они все же показываютъ, какъ позволяли себѣ правящія силы старшихъ городовъ смотрѣть на свои пригороды.

Вслѣдствіе благопріятныхъ условій пригороды могли, однако, возвыситься до такого положенія, когда признавали за собой право на равное и даже преимущественное положеніе по сравненію съ старыми городами. Исходъ неизбѣжной въ такомъ случаѣ борьбы опредѣлялся мѣрою силъ соперничающихъ городовъ. Торжокъ не сдѣлался Новгородомъ, а „новии людье мѣзинии Володимерьстии“ не только выдержали борьбу съ Ростовомъ и Суздалемъ, но возвели пригородъ Владиміръ въ положеніе старшаго города. Новгородъ же, не допустившій возвышенія Торжка, послѣ упорной борьбы съ своимъ пригородомъ Псковомъ долженъ былъ, по Болотовскому договору въ 1348 г., признать Псковъ своимъ младшимъ братомъ съ правомъ имѣть самостоятельнаго князя и посадника, т. е. признать его политическую самостоятельность.

Населеніе.

Составъ населенія каждой земли представляетъ замѣтныя различія какъ съ точки зрѣнія этнографической, такъ и съ точки зрѣнія соціальной. Энтографически населеніе составилось не только изъ различныхъ славянскихъ племенъ, но еще и изъ подмѣси элементовъ не славянскихъ, напр., норманскаго и инородческаго (нѣкоторыя финскія племена, печенѣги, половцы и др., позднѣе татары). Но эта разноплеменность не отразилась замѣтнымъ образомъ на различіи соціальныхъ группъ, и надо думать, что довольно рано произошло слитіе сравнительно немногочисленныхъ не славянскихъ элементовъ съ славянами. Съ точки же зрѣнія общественной группировки прежде всего необходимо расчленить все населеніе на двѣ рѣзко обособленныхъ части: населеніе свободное и несвободное. Положеніе каждой изъ этихъ обособленныхъ группъ должно быть разсмотрѣно особо.

Населеніе свободное.

Среди свободныхъ въ древней Руси въ историческое время наблюдается различіе положеній, но различіе только фактическое, а не юридическое. Это значитъ, что среди населенія существуютъ различные классы, но нѣтъ дѣленія на сословія. Общественнымъ классомъ называется группа населенія, обособившаяся отъ прочаго населенія по своимъ спеціальнымъ занятіямъ или имущественному положенію. Та или иная профессія обыкновенно стоитъ въ связи съ тѣмъ или инымъ видомъ имущественнаго обладанія. Большая или меньшая имущественная состоятельность и виды имущества являются наиболѣе замѣтными отличительными признаками общественныхъ классовъ (крупные и мелкіе землевладѣльцы, владѣльцы движимыхъ капиталовъ, работающіе на другихъ). Отличительнымъ же признакомъ сословія является различіе между группами населенія по правамъ: у каждаго сословія своя совокупность правъ и обязанностей. Эти юридическіе признаки сословій гораздо рѣзче обособляютъ сословныя группы одну отъ другой и создаютъ нѣкоторую замкнутость сословій, которая прояв-

ляется въ наслѣдственности сословныхъ правъ и обязанностей и въ установленіи какихъ либо препятствій къ переходу изъ одного сословія въ другое. Наоборотъ, переходъ изъ класса въ классъ стоитъ единственно въ зависимости отъ условій, благопріятствующихъ перемѣнамъ въ имущественной состоятельности лица и въ его занятіяхъ. Свободное населеніе древней Руси дѣлится только на классы; сословыхъ различій въ его средѣ не существуетъ.

Древніе памятники обозначаютъ свободное населеніе терминами „людіе" или „мужи", когда рѣчь идетъ о населеніи всей земли или какого либо опредѣленнаго пункта поселенія. Въ дог. Игоря съ греками перечисляются посланые „отъ Игоря, великаго князя русьскаго, и отъ вьсея княжия и отъ вьсѣхъ людий Русьскыя земля" (ст. I). Когда печенѣги обступили Кіевъ великою силой, такъ что нельзя было ни выйти изъ города, ни послать вѣсти, то „изнемогаху людье гладомъ и водою". Послѣ смерти кн. Мстислава Владиміровича занялъ кіевскій столъ братъ его Ярополкъ, „людье бо Кыяне послаша по нь" (Лавр. 968 и 1132 гг.). Кн. Всеволодъ Юрьевичъ отказался принять новопоставленнаго епископа грека Николу, мотивируя это тѣмъ, что „не избраша сего людье землѣ нашѣѣ" (Ипат. 1183 г.). Въ Р. Правдѣ терминъ „людіе" нерѣдко употребляется для обозначенія неопредѣленнаго числа свободныхъ жителей, принимающихъ участіе въ тѣхъ или иныхъ актахъ гражданской и судебной жизни страны: „за разбойника люди не платять"; „а людье вылезуть"; „а товаръ дати передъ людми" (Тр., 5, 61, 93). Тамъ же терминъ „людинъ", въ смыслѣ свободнаго человѣка, противополагается княжу мужу, за убійство котораго взыскивается 80 гривенъ, а за убійство людина—40 гр. (Тр. 3). Терминъ „мужи" обозначаетъ свободное мужское населеніе въ противоположность женскому: „И придоша (Ярославичи) ко Мѣньску, и Мѣняне затворишася в градѣ; си же братья взяша Мѣнескъ и исѣкоша мужѣ, а жены и дѣти вдаша на щиты". Кн. Всеволодъ Юрьевичъ пошелъ походомъ противъ Торжка, но не хотѣлъ брать города; дружина же его заявила: „мы не цѣловать ихъ пріѣхали... и се рекше, удариша в конѣ, и взяша городъ, мужи повязаша, а жены и дѣти на щитъ и

товаръ взяша". (Лавр. 1067 и 1178 гг.). И Р. Правда говорить о мужѣ, какъ свободномъ человѣкѣ: „Паки ли будеть что татебно купилъ въ торгу,... то выведеть свободна мужа два или мытника"; „А се аже холопъ ударить свободна мужа". (Тр., 32, 58). По общему правилу послухами въ древнемъ процессѣ должны быть свободные люди: „Ты тяжѣ всѣ судять послухи свободными" (Тр., 81). Быть послухомъ выражается иногда терминомъ „послуховать", который въ отдѣльныхъ актахъ замѣняется равносильнымъ выраженіемъ „мужевать". Значить, послухомъ долженъ быть мужъ.

Когда было необходимо среди всей массы свободнаго населенія указать ту или иную общественную группу, современники старались отмѣтить качественные признаки данной группы, присоединяя къ терминамъ „людіе" или „мужи" характеризующія ихъ положеніе опредѣленія: „лучшіе", „старѣйшіе", „вятшіе", „передніе, „нарочитые"; или: „молодшіе", „меньшіе", „мезинніи", „простые", „черные". Въ 1255 г. среди новгородцевъ произошло разногласіе изъ за князей „і бысть въ вятшихъ свѣтъ золъ, како побѣти меншии, а князя въвести на своеі воли". Тамъ же въ 1259 г. татары просили числа, „і чернь не хотѣша дати числа, но рѣша: умремъ честно за св. Софью і за домы ангельскыя. Тогда издвоишася люди: кто добрыхъ, тотъ по святоі Софьи і по правоі вѣрѣ; и створиша супоръ, вятшии велят ся яти меншимъ по числу" (Синод., 1255 и 1259 гг.). Новгородцы, приглашая къ себѣ князей, посылають за ними то „лѣпьшихъ людий", то „переднихъ мужей" (Синод., 122, 140, 174). Среди новгородцевъ упоминаются и „моложьшая мужи" (тамъ же, 236). Въ числѣ приходящихъ на пиры къ кн. Владиміру св. указаны и „нарочитые мужи" (Лавр. 997 г.). Владимірцевъ, какъ жителей пригорода, лѣтописецъ называетъ „мѣзиними людьми".

Эти разные общественные классы имѣютъ и свои особыя названія. Лучшіе люди земли иначе называются: „бояре", иногда „огнищане", въ извѣстныхъ случаяхъ „княжіе мужи". Низшіе классы общества именуются: „чернь", „простая чадь", „смерды". Средину занимають разные общественные слои, между которыми особо выдѣляются торговые люди — большею частью жители городовъ. Интересное перечисленіе

всѣхъ общественныхъ классовъ земли находится въ описаніи одного военнаго похода: „Попленено бысть около Белза и около Червена Даниломъ и Василкомъ, и вся земля попленена бысть: бояринъ боярина плѣнивше, смердъ смерда, градъ града, якоже не остатися ни единой веси не плѣненѣ“ (Ипат. 1221 г.). Разница имущественной состоятельности этихъ классовъ отчасти характеризуется извѣстіемъ лѣтописи о сборѣ на войну кн. Ярослава съ Болеславомъ и Святополкомъ: „Начаша скотъ събирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старость по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ“ (Лавр. 1018 г.). Если принять, что гривна равна 50 кунамъ, то получится, что старосты платили въ 125, а бояре въ 225 разъ больше, чѣмъ мужи, т. е. вообще свободные.

Высшіе классы. Бояре несомнѣнно лучшіе люди земли. Это явствуетъ прежде всего изъ указаній лѣтописи, которая въ одномъ и томъ же разсказѣ иногда безразлично употребляетъ термины „вящіе люди“ или мужи и бояре. Такъ, въ разсказѣ о татарской переписи въ Новгородѣ сначала говорится, что „вятшии велят ся яти меншимъ по числу“, и что „чернь не хотѣша дати числа“, а ниже пояснено, почему произошло такое раздвоеніе: „творяху бо бояре собѣ легко, а меншимъ зло“ (Синод. 1259 г.). Точно также по поводу занятія новгородскаго стола кн. Мстиславомъ Ростиславичемъ въ лѣтописи сказано, что къ нему „прислаша новгородци мужѣ свои, зовуче и Новугороду Великому“; князь не хотѣлъ было покидать своей отчины Русской земли, но затѣмъ „послушавъ братьи своей и мужѣй своихъ, пойде съ бояры новгородьчкими“ (Ипат. 1178 г.). Хотя здѣсь отправленные за княземъ мужи не названы лучшими, но это необходимо предположить, т. к. въ такихъ посольствахъ обычно участвовали лучшіе люди, какъ это только что указано.

„Огнищанинъ“ происходитъ отъ словъ „огнь“ и „огнище“, что въ древности обозначало домашній очагъ (какъ позднѣе „печище“), какъ символъ хозяйства. Поэтому огнищаниномъ могъ называться домохозяинъ и домочадецъ. У чеховъ огнищаниномъ назывался libertus cui post servicium accedit libertas. Въ болгарскомъ переводѣ одного слова Григорія Богослова, списаномъ у насъ въ XI в., терминомъ „огнище“ не-

ведено греческое слово рабъ. Татищевъ сообщаетъ, что по договору кн. Владиміра св. съ волжскими болгарами 1006 г. болгарскіе купцы получили право торговать только въ городахъ, но имъ запрещено было ѣздить въ села и торговать съ „огневщиной“ и „смердиной“. Отсюда видно, что словомъ „огнище“ и „огневщина“ обозначали домашнюю челядь, какъ необходимую принадлежность всякаго крупнаго хозяйства. Такое перенесеніе названія главнаго предмета на существенную его принадлежность объясняетъ, почему историческіе памятники XI—XIII вв. называютъ огнищанами только крупныхъ домохозяевъ. Р. Правда замѣняетъ терминъ „огнищанинъ“ терминомъ „княжъ мужъ“ (Ак. 19 и Кар. 3) и противополагаетъ огнищанина смерду (Кар. 89 и 90). Изъ лѣтописныхъ сводовъ слово „огнищанинъ“ встрѣчается только въ Новг. синод. лѣтописи всего три раза и всегда въ одномъ и томъ же сочетаніи при перечисленіи классовъ населенія: огнищане, гридь и купцы. Такъ, прибывшій на Луки кіевскій кн. Ростиславъ „позва новгородьце на порядъ: огнищане, гридь, купьце вячшее“. Кн. Всеволодъ пригласилъ новгородцевъ противъ Ольговичей, „и новгородьци не отпьрешася ему: идоша съ княземь Ярославъмь огнищане и грідьба и купци“. При нападеніи литовцевъ на Русу упоминается засада: „огнищанѣ и гридба, и кто куньць и гости“ (Синод. 1166, 1195 и 1234 гг.). Въ другихъ же лѣтописныхъ сводахъ встрѣчается сопоставленіе бояръ и гридней или гридьбы. Такъ, первоначальная лѣтопись въ числѣ приходящихъ на пиры Владиміра перечисляетъ бояръ и гридней. Приглашенный ростовцами кн. Мстиславъ Ростиславичъ „совокупи ростовцы и боляры и гридьбу и пасынки и поеха къ Володимерю“ (Лавр. 996 и 1177 гг.; Переясл.-Сузд. 1177 г.). Изъ этихъ сравненій надо заключить, что термины „огнищанинъ“ и „бояринъ“ очень близко соотвѣтствуютъ одинъ другому.

„Княжъ мужъ“ это членъ княжеской дружины. Изъ того, что Р. Правда ограждаетъ жизнь „княжа мужа“ двойною вирою въ 80 гривенъ, надо заключить, что княжіе мужи были лучшіе дружинники. Лѣтопись гораздо чаще говоритъ о боярахъ такого то князя. По поводу перенесенія мощей Бориса и Глѣба упомянуто, что князья Ярославичи, „от-

пѣвше литургию, обѣдаша на скупь, кождо съ бояры своими" (Лавр. 1072 г.). У князя Даніила Галицкаго войско считалось больше и крѣпче, чѣмъ у другихъ князей, т. к. „бяху бояре велиции отца его вси у него" (Ипат. 1211 г.). Кн. рязанскій Глѣбъ предательски зазвалъ на пиръ рязанскихъ князей съ цѣлью ихъ перебить; „они же не вѣдуще злыя его мысли и прѣльсти, вси 6 князь, кождо съ своими бояры и дворяны, придоша въ шатьръ его". Перебиты были всѣ князья и множество бояръ и дворянъ. "Си же благочестивии князи ... прияша вѣньця отъ Господа Бога и съ своею дружиною" (Синод. 1218 г.). Значитъ, бояре входятъ въ составъ княжескихъ дружинъ и упоминаются тамъ на первомъ мѣстѣ; они также лучшіе дружинники.

Итакъ, бояре, огнищане, княжіе мужи—это все очень близкіе, нерѣдко тождественные, замѣняющіе другъ друга термины для обозначенія лучшихъ людей древне-русскаго общества. Но почему они считаются лучшими людьми? Что ихъ выдвинуло въ составъ высшаго класса населенія?

Лучшіе люди древняго времени это тѣ, въ чьихъ рукахъ предержащая власть. По своему положенію и вліянію это правящій классъ. Древляне послали къ кн. Ольгѣ лучшихъ мужей сватать ее за своего кн. Мала; но Ольга, умертвивъ этихъ пословъ, просила оказать ей большій почетъ и прислать за ней нарочитыхъ мужей. „Се слышавше деревляне, избраша лучьшие мужи, иже дерьжаху Деревьску землю" (Лавр. 945 г.). Въ этомъ же разсказѣ по другой лѣтописи (Переясл.-Сузд.) вмѣсто лучшихъ мужей стоятъ старѣйшіе бояре. Значитъ, управленіе Древлянскою землею, и при наличности князя, было сосредоточено въ рукахъ бояръ. Это властное и могущественное положеніе лучшихъ людей всего отчетливѣе запечатлѣно терминомъ „вельможа", который встрѣчается въ древнихъ, преимущественно литературныхъ, памятникахъ въ значеніи лучшихъ людей или бояръ. Въ приведенномъ разсказѣ о древлянахъ далѣе говорится, что Ольга пришла съ малой дружиной на могилу мужа, оплакала его и велѣла выкопать большую могилу; „посемъ позвавъ вельможи вси деревлянъ повеле ихъ поити и служити отрокомъ своимъ околъ ихъ". Эти вельможи спрашиваютъ у Ольги: „гдѣ суть

друзи наши, ихъ же послаша по тя. мужи наши"? (Пер.-Сузд.). Значитъ, лучшіе мужи, бояре, вельможи—все тождественные термины. Въ житіи Θеодосія Печерскаго словомъ „вельможи" замѣняется терминъ „бояре"; напр.: „Уже зорямъ въсходящемъ и вельможамъ ѣдущемъ къ князю"; или: „Овъгда епистолія пиша, посылаше тому (кн. Святославу), овъгда же вельможамъ его приходящемъ къ нему, обличаше того о неправьдьнѣмь прогнаніи брата". Иногда въ лѣтописи этотъ терминъ стоитъ рядомъ и послѣ слова „бояре". Такъ, въ описаніи похода черниговскихъ князей противъ половцевъ сказано: „И побѣжени быша наши, князи вси изъимани быша, а боляре и велможи и вся дружина избита, а другая изъимана" (Лавр. 1186 г.). Но какъ трудно различить тутъ бояръ отъ вельможъ, видно изъ разсказа лѣтописи о свадьбѣ кн. Юрія Всеволодовича: „и ту сущю великому князю Всеволоду, и всѣмъ благороднымъ дѣтемъ (т. е. княжескимъ) и всѣмъ велможамъ, и бысть радость велика" (Лавр. 1211 г.). Здѣсь признано излишнимъ упоминать о боярахъ рядомъ съ вельможами.

Могущественное и властное положеніе лучшихъ людей обусловливалось прежде всего ихъ обезпеченнымъ и независимымъ имущественнымъ положеніемъ: всѣ они богатые люди. Вопросъ о томъ, какими путями или какими преимущественно профессіями создавались въ древнее время крупныя состоянія, рѣшается весьма различно. Одни предполагаютъ, что лучшіе люди древней Руси вышли изъ среды торговой аристократіи; другіе—что это была по преимуществу военная знать; третьи думаютъ, что землевладѣніе уже издревле выдвигало крупныхъ собственниковъ въ первые общественные ряды. Несомнѣнно одно, что въ ту пору, отъ которой сохранилось достаточное число документальныхъ данныхъ, бояре и огнищане являются землевладѣльцами и рабовладѣльцами. Частныя имѣнія называются въ памятникахъ селами, и памятники нерѣдко упоминаютъ о селахъ бояръ и дружинниковъ. Такъ, когда Изяславъ Мстиславичъ захватилъ Кіевъ подъ Игоремъ Ольговичемъ, плѣнилъ его самого и многихъ бояръ, то въ то же время „розъграбиша кияне съ Изяславомъ домы дружины Игоревы и Всеволожѣ, и села, и скоты, взяша имѣнья много

в домехъ и в манастырехъ“ (Ипат. 1146 г.). Но Изяславу не удалось удержать за собой Кіева противъ дяди своего Юрія Долгорукова; вынужденный покинуть городъ съ дружиною, Изяславъ съ помощью угровъ снова стремится захватить Кіевъ и во время похода говоритъ своей дружинѣ: „вы есте по мнѣ из Руские земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизний лишився, а язъ пакы своея дѣдины и отчины не могу перезрѣти; но любо голову свою сложю, пакы ли отчину свою налѣзу и вашю всю жизнь“ (Ипат. 1150 г.). Въ борьбѣ владимірцевъ съ ростовцами первые съ своимъ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ одолѣли вторыхъ съ кн. Мстиславомъ во главѣ, который съ дружиною обратился въ бѣгство, убили многихъ бояръ, „а ростовци и болярѣ вcѣ повязаша, а у Всеволодова полку не бысть пакости Богомь и крестомъ честнымъ, а села болярьская взяша, и кони и скотъ“ (Лавр. 1177 г.). Князь рязанскій Глѣбъ съ половцами напалъ на Владимірскую землю и, воюя около г. Владиміра, много зла сотворилъ „и села пожже боярьская, а жены и дѣти и товаръ да поганымъ на щитъ, и многы церкви запали огнемь“ (тамъ же).

Эти боярскія села эксплоатировались въ то время невольнымъ трудомъ челяди. По вышеприведенному извѣстію Татищева по селамъ проживаетъ „огневщина“ (челядь) и „смердина“. По другимъ извѣстіямъ иныя села сплошь населены челядью. Княгиня минская, вдова кн. Глѣба Всеславича, оставила послѣ смерти все имущество Печерскому монастырю; это имущество досталось ей послѣ смерти мужа, который „по своемъ животѣ вда княгини 5 селъ и съ челядью, и все да и до повоя“ (Ипат. 1158 г.). Въ концѣ XII в. Варлаамъ далъ Хутынскому монастырю „землю Хутинскую св. Спасу и съ челядію, и съ скотиною“ (Д. къ А. И. I, № 5). Въ 1209 г. новгородцы возстали на посадника Дмитра и на братью его, „идоша на дворы ихъ грабежьмь; а Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажьгоша, а житие ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь, а скровища ихъ изискаша и поимаша бещисла“ (Синод., 191). Князья также были крупными хозяевами. Изяславъ Мстиславичъ захватилъ подъ черниговскимъ княземъ Святославомъ г. Путивль „и ту дворъ Святославль раздѣли на 4 части, и скотьницѣ, и бретьяницѣ (амбары), и

товаръ, иже бѣ не мочно двигнути, и въ погребѣхъ было 500 берковьсковъ меду, а вина 80 корчагъ . . . и не оставиша ничтоже княжа, но все раздѣлиша, и челяди 7 сотъ" (Ипат. 1146 г.). Такое обиліе челяди въ одномъ дворѣ наглядно указываетъ, какое значеніе имѣла челядь въ крупномъ хозяйствѣ. Но тотъ же типъ хозяйства, хотя бы и въ меньшемъ объемѣ, существовалъ у княжескихъ дружинниковъ. Такъ, захвативъ подъ Изяславомъ Давидовичемъ Кіевъ, Мстиславъ Изяславичъ „зая товара много Изяславли дружины, золота и серебра, и челяди, и коний и скота" (Ипат. 1159 г.). Въ житіи Θеодосія разсказано, что послѣ смерти отца, будучи всего 13 лѣтъ, онъ, „отъ толеже начатъ на труды подвижьнеи быти, якоже исходити ему с рабы на село и дѣлати съ всякимъ смиреніемъ" (Яковлевъ, Памятники русской литературы, стр. V). Значитъ, тяжелой земледѣльческой работѣ надо было учиться у рабовъ въ селѣ.

Тѣ же черты хозяйственнаго быта лучшихъ людей нашли отраженіе и въ Р. Правдѣ. Она знаетъ всѣ три термина для обозначенія высшихъ классовъ населенія: бояринъ, огнищанинъ и княжъ мужъ. Но о холопахъ говоритъ только боярскихъ (Кар. 43), а также только о боярскихъ тіунахъ (Кар. 177). Эти боярскіе тіуны завѣдывали отдѣльными частями боярскаго хозяйства и были вѣроятно различные, хотя Р. Правда упоминаетъ только о боярскомъ тіунѣ дворьскомъ (Кар. 77). Но что особенно заслуживаетъ вниманія — это упоминаніе въ Р. Правдѣ о „боярьстѣи дружинѣ" (Кар. 104). Не одни князья имѣютъ дружины; ихъ имѣютъ и бояре. Экономическое положеніе бояръ давало имъ достаточныя средства для содержанія собственныхъ дружинъ, а чрезвычайно слабо обезпеченная общественная безопасность побуждала каждаго состоятельнаго человѣка озаботиться объ огражденіи личныхъ и имущественныхъ правъ отъ посягательствъ каждаго сильнаго человѣка. Памятники нерѣдко упоминаютъ о такихъ дружинахъ у отдѣльныхъ бояръ, называя ихъ отроками, чадью, дружиною или просто „домомъ", „дворомъ". У воеводы Игорева Свѣнельда были свои отроки, съ которыми онъ собиралъ дань съ древлянъ; дружина Игоря завидовала имъ и жаловалась своему князю: „отроці Свѣньлъжи изодѣлися суть

оружьемъ и порты, а мы нази“. У Яна Вышатича, посланнаго за сборомъ дани княземъ Святославомъ, также свои отроки (Лавр. 945 и 1071 гг.). У Ратибора, дружинника Владиміра Мономаха, потомъ Кіевскаго тысяцкаго, собственная дружина: „и начаша думати дружина Ратибора со кн. Володимеромъ о погубленьи Итларевы чади (половецкаго посла)“ (Лавр. 1095 г. Въ Ипат. сказано: „начаша думати дружина Ратиборова чадь съ княземъ“). Про Шимона варяга, принятаго въ дружину кн. Ярослава Владиміровича, а потомъ сдѣлавшагося старѣйшимъ у кн. Всеволода, сказано, что онъ „оставихъ латынскую буесть и истиннѣ вѣрова... и съ всѣмъ домомъ, яко до 3000 душь“ (Яковлевъ, cxiv). Новгородецъ „Сьмьюнъ Емінъ въ 4-хъ стѣхъ“ предпринимаетъ походъ, а потомъ добивается званія тысяцкаго (Синод. 1219 г.). Имѣется и болѣе позднее извѣстіе, что къ Ивану Калитѣ въ 1332 г. пришелъ служить „отъ кіевскихъ благоплеменныхъ вельможъ Родіонъ Несторовичъ и съ нимъ же княжата и дѣти боярскія и двора его до тысящи и до семи сотъ“ (Карамзинъ, IV. прим. 324). Такой значительный составъ домашнихъ слугъ, какъ у Шимона и у Родіона Несторовича, встрѣчался вѣроятно далеко не у всѣхъ князей.

Выше неоднократно шла рѣчь о княжескихъ дружинникахъ, княжеской и боярской дружинѣ. Необходимо ближе установить, что такое представляла изъ себя княжеская дружина. Терминъ „дружина“ имѣлъ въ древности разное значеніе. Въ широкомъ смыслѣ дружиною называлось всякое большое или малое сообщество или товарищество. Въ этомъ смыслѣ дружиною можетъ быть названа совокупность населенія. Такъ, въ 1015 г. Ярославъ сожалѣетъ объ избитыхъ имъ новгородцахъ слѣд. словами: „о люба моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобе“ (Лавр. 1015 г.). Послѣ смерти Андрея Боголюбскаго, „увѣдавше смерть княжю, ростовци и суждалци и переяславци, и вся дружина, отъ мала и до велика, и съѣхашася к Володимѣрю“ (Ипат. 1175 г.) Р. Правда, говоря объ уплатѣ вервью дикой виры, постановляетъ, что каждый членъ этого территоріальнаго союза долженъ „заплатити исъ дружины свою часть“ (Троиц., 4). Но и небольшая группа одновременно работающихъ въ какомъ нибудь общемъ дѣлѣ, рабочая артель въ нашемъ смыслѣ, также называлась дружиною. Въ смолен-

скомъ договорѣ предусмотренъ случай, если у кого погибнетъ учанъ или челнъ, „товаръ его свобонъ на вѣдѣ и на березѣ бес пакости всякомоу; товаръ, иж то потоплъ. брати оу мѣсто своею дроужиною из воды на берего“ (ст. 44).

Княжеская дружина была совокупностью ближайшихъ сотрудниковъ князя по дѣламъ государственнаго управленія и домашняго хозяйства. У каждаго князя непремѣнно имѣлась своя дружина, такъ какъ ни одинъ князь, конечно, не могъ обойтись безъ сотрудниковъ. Съ этими своими сотрудниками князь очень тѣсно связанъ. При перемѣщеніяхъ изъ одного княженія въ другое, обыкновенно князь уводитъ съ собой и свою дружину, или дружинники слѣдуютъ за своимъ княземъ. Такъ, изгнанный новгородцами кн. Всеволодъ Мстиславичъ пристроился въ Вышгородѣ, но былъ призванъ псковичами „и иде с дружиною своею“ (Лавр. 1138). Кн. Святославъ, братъ Кіевскаго кн. Всеволода, узнавъ что новгородцы избиваютъ пріятелей его и самого хотятъ схватить, „убоявъся и бѣжа и с женою и съ дружиною своею“ (Ипат. 1140). Послѣ смерти Юрія Долгорукова, кн. Изяславъ Давидовичъ «иде въ свой Киевъ, и съ княгынею и съ дѣтьми, и съ дружиною весь» (тамъ же, 1158). А умиралъ князь,— его дружина нерѣдко оставалась при его дѣтяхъ, каждый изъ которыхъ тѣмъ и былъ силенъ, что его сотрудниками были великіе мужи или бояре его отца (Ипат. 1211).

Отдѣльныя лица, входящія въ составъ дружины князя, именуются иногда въ исторической литературѣ княжескими слугами. Этотъ терминъ извѣстенъ въ лѣтописи (Ипат. 1152: „снидоша противу ему съ сѣнѣй слугы княжи вси въ черних мятлихъ“). Но названіе дружинника княжескимъ слугою требуетъ существенной оговорки. Въ древнее время понятіе службы было совсѣмъ не то, къ какому привыкли мы, ибо не существовало ни государственной, ни общественной службы. Служба понималась лишь какъ частное услуженіе, и тотъ, кому служатъ, считался господиномъ, а тотъ, кто служитъ— холопомъ. Такое представленіе было столь укоренившимся, что возникло даже обычное правило, въ силу котораго каждый свободный человѣкъ, поступающій въ услуженіе, становился холопомъ. По Р. Правдѣ третьимъ источникомъ хо-

лопства признавалось тіунство и ключничество, т. е обычныя формы частнаго услуженія (Кар. 121). Не подлежитъ сомнѣнію, что не такими домашними слугами становились поступающіе въ дружину къ князю высшіе общественные слои. Вышеприведенное лѣтописное извѣстіе о встрѣчѣ прибывшаго всѣми княжескими слугами далѣе отмѣчаетъ, что прибывшій, взойдя на сѣни, увидѣлъ князя „сѣдящя на отни мѣстѣ въ черни мятли и въ клобуцѣ, такоже и вси мужи его". Значитъ, всѣ слуги противоставлены здѣсь всѣмъ мужамъ, которыхъ слугами и назвать нельзя. Но у князей были, конечно, и многоразличные домашніе слуги, ихъ тіуны (см. ниже). Эти слуги мало по малу также входятъ въ составъ княжей дружины. И князья стремятся на нѣкоторыхъ своихъ слугъ распространить личныя привилегіи своихъ мужей.

Княжеская дружина, такимъ образомъ, по соціальному составу не представляется однородной: она раздѣляется на старшую и младшую. Памятники нерѣдко упоминаютъ о княжеской дружинѣ старѣйшей, передней, большей въ отличіе отъ дружины молодшей. Когда кн. Святополкъ Изяславичъ занялъ кіевскій столъ, къ нему пришли половецкіе послы для переговоровъ о мирѣ; „Святополкъ же, не здумавъ съ болшею дружиною отнею и стрыя своего, совѣтъ створи с пришедшими с нимъ" и захватилъ пословъ (Лавр. 1093 г.). Когда вѣсть объ убіеніи въ Кіевѣ кн. Игоря дошла до кн. Святослава Ольговича, „онъ же съзва дружину свою старѣйшюю и яви имъ, и тако плакася горко по братѣ своемъ" (Ипат. 1147 г). Кн. Василько хотѣлъ мстить ляхамъ за Русскую землю и съ этою цѣлью предполагалъ просить своихъ братьевъ Володаря и Давида: „дайта ми дружину свою молотшюю, а сама пийта и веселитася" (Лавр. 1097).

Входящіе въ составъ младшей княжеской дружины общественные элементы носятъ еще названія: „гридь" (ед. число гридинъ), „гридьба", которыя сопоставляются съ огнищанами и боярами и вмѣстѣ съ тѣмъ имъ противополагаются (см. выше стр. 72); „отроки", „дѣтскіе", „дѣти боярскія", „дворяне". Отроки—это домашніе слуги князя, исполняющіе разныя обязанности какъ по домашнему хозяйству, такъ и во время княжескихъ походовъ и путешествій. Княгиня Ольга, справ-

ляя тризну по мужѣ, пригласила на пиръ древлянъ „и повелѣ отрокомъ своимъ служити передъ ними . . . И яко упишася деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня, а сама отъиде прочь, и потомъ повелѣ отрокомъ сѣчи я“ (Ипат. 945 г.). Владиміръ Мономахъ въ поученіи дѣтямъ указываетъ имъ: „В дому своемь не лѣнитеся, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящии к вамъ и дому вашему, ни обѣду вашему . . . Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни въ селѣхъ, ни в житѣхъ, да не кляти васъ начнуть“. И далѣе о себѣ князь говоритъ: „Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ“. Изъ этихъ указаній объ обязанностяхъ отроковъ надо заключить, что въ числѣ ихъ были и невольные слуги, княжескіе холопы. Но наряду съ этимъ имѣются свѣдѣнія о томъ, что отроки составляли военные княжескіе отряды. Въ виду грозящаго нашествія половцевъ кн. Святополкъ Изяславичъ заявилъ: „имѣю отрокъ своихъ 8 сотъ, иже могутъ противу имъ стати“ (Ипат. 1093). Точно такъ же о кн. Даніилѣ сказано, что онъ, „изрядивъ полки, и кому полкомъ ходити, самъ же ѣха въ малѣ отрокъ оружныхъ“ (Ипат. 1256 г.).

Дѣтскіе — тоже младшіе дружинники, но по своему положенію стоящіе повыше отроковъ. Это надо заключить изъ того, что въ памятникахъ они упоминаются отнюдь не въ качествѣ домашнихъ слугъ, а какъ военная сила при князѣ. Они предупреждаютъ князей о грозящей опасности, помогаютъ имъ въ трудныя минуты боя. Такъ, въ битвѣ подъ Лучьскомъ кн. Андрей Юрьевичъ попалъ въ опасное положеніе, а „дружинѣ не вѣдущимъ его, токмо отъ меншихъ дѣтьскихъ его два видивши князя своего у велику бѣду впадша, зане обиступленъ бысть ратьными, и гнаста по немъ“ (Ипат. 1149 г.). Дѣтскій кн. Ростислава Глѣбовича предупреждаетъ его, чтобъ не ѣхалъ въ Полоцкъ: „не ѣзди, княже, вѣче ти въ городѣ, а дружину ти избиваютъ, а тебе хотять яти“ (Ипат. 1159 г.). Дѣтскіе упоминаются еще въ качествѣ исполнительныхъ органовъ при судѣ: производятъ раздѣлъ наслѣдства по приговору князя (Р. Правда, Карам. 117), выступаютъ приставами при

вызовѣ сторонъ, взысканіи долга (Смолен. дог., ст. 21 и 29). Лучшее сравнительно съ отроками положеніе дѣтскихъ явствуетъ и изъ того, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ упоминаются свои дома (Лавр. 1175); нѣкоторые изъ нихъ назначались даже посадниками (Ипат. 1175 г.: „сѣдящима Ростиславичема въ княженьи земля Ростовьскыя, роздаяла бѣста посадничьства русьскымъ дѣцькимъ"). А кн. Владиміръ Мстиславичъ, когда его мужи отказались за нимъ слѣдовать, сказалъ, „възрѣвъ на дѣцскы: а се будуть мои бояре" (Ипат. 1169 г.). Возможность возведенія дѣтскихъ въ званіе бояръ указываетъ, что вѣроятно въ дѣйствительности это и имѣло мѣсто въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда возрастъ и имущественное положеніе дѣтскихъ обусловливали переводъ ихъ изъ младшей дружины въ старшую. Наконецъ, надо имѣть въ виду, что терминъ „дѣтскіе" позднѣе вытѣсняется повидимому терминомъ „дѣти боярскія", общественное положеніе которыхъ, какъ сыновей бояръ, отчасти характеризуетъ и общественное положеніе дѣтскихъ.

Дворяне — это всѣ тѣ, которые постоянно состоятъ при княжескомъ дворѣ, княжіе дворные люди или слуги. Многіе изъ младшихъ дружинниковъ также проживали постоянно въ княжескомъ дворѣ, на что указываетъ и терминъ „гридьница", т. е. помѣщеніе для гриди. Они могли называться поэтому дворянами. Но въ составъ дворовыхъ людей входили несомнѣнно и холопы княжескіе, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ. Такимъ образомъ, дворянами сначала были и вольные мелкіе слуги, и холопы. Впервые терминъ „дворяне" встрѣчается со второй половины XII в. Подъ 1175 г. разсказано, что послѣ убійства кн. Андрея Боголюбскаго „горожане же Боголюбьскыи и дворяне разграбиша домъ княжь" и принимали участіе въ избіеніи дѣтскихъ и мечниковъ и расхищеніи ихъ домовъ (Лавр. 1175 г.). Здѣсь дворяне отличены отъ дѣтскихъ; въ другихъ случаяхъ они противополагаются боярамъ. Кн. Глѣбъ рязанскій заманилъ лестью шестерыхъ рязанскихъ князей, и всѣ они, „кождо съ своими бояры и дворяны, придоша въ шатръ. Сь же Глѣбъ прѣже прихода ихъ изнарядивъ свое дворяне и братне и поганыхъ половьчь множьство въ оружии, и съкры я" (Синод. 1218 г.;

см. выше, стр. 73). По договорамъ Новгорода съ князьями боярамъ и дворянамъ княжескимъ запрещено было пріобрѣтать земли въ Новгородской волости и выводить оттуда закладниковъ. Бояринъ, конечно, много выше дворянина, положеніе котораго сначала было весьма невидное. Дворяне, правда, участвуютъ въ войскѣ, состоятъ при судѣ, вѣдаютъ сборъ пошлинъ, но только въ качествѣ мелкихъ исполнительныхъ органовъ. Даже у судныхъ тіуновъ были свои дворяне. Но быть дворяниномъ при князѣ было выгодно. На содержаніе дворянъ князья расходовали не малыя средства. Такъ, кн. Мстиславъ, собравъ дань съ чуди, двѣ части дани отдалъ новгородцамъ, „а третюю часть дворяномъ" (Синод. 1214 г.). Близость же къ князю сулила, кромѣ того, и рядъ милостей. Поэтому въ дворовый штатъ поступали и люди съ положеніемъ. Дѣти бояръ не брезгаютъ начинать свою карьеру при княжескомъ дворѣ, въ составѣ младшей дружины. Отъ XII в. имѣются прямыя указанія, что въ разрядѣ дворныхъ слугъ были дѣти боярскія (Ипат. 1281 г.: „токмо два бяста убита отъ полку его (князя): единъ же бяше Прусинъ родомъ, а другий бяшеть дворны и его слуга, любимы сынъ боярьский, Михаиловичь именемь Рахъ"). Это обстоятельство оказало не малое вліяніе на дальнѣйшую исторію дворянства.

Старѣйшая дружина состояла изъ княжихъ мужей и княжихъ бояръ. Изъ сказаннаго ранѣе объ ихъ общественномъ положеніи явствуетъ, что между ними и младшими дружинниками было коренное различіе. Въ составѣ дружины, какъ главной военной силы князя, каждый младшій дружинникъ только лично усиливалъ боевую годность княжескаго войска, тогда какъ каждый старшій дружинникъ цѣнился не только по его личной боевой годности и опытности, но особенно по той силѣ, какая стояла за нимъ въ лицѣ его собственной боярской дружины. Этимъ въ значительной мѣрѣ и условливалось то вліяніе, какимъ пользовался у князя тотъ или иной княжъ мужъ.

Отношенія между княземъ и дружинниками были совершенно свободными и опредѣлялись ихъ взаимнымъ соглашеніемъ и довѣріемъ. Выше было уже сказано, что князья заключали „ряды" съ дружиною (стр. 32). Этотъ обычай под-

тверждается еще и тѣми случаями, когда дружина князя-отца, переходя послѣ его смерти на службу къ князю-сыну, цѣлуетъ ему крестъ. Цѣлованіе креста есть актъ, скрѣпляющій заключенный договоръ. О содержаніи этихъ договоровъ можно только догадываться. Памятники сохранили объ этомъ лишь косвенныя указанія. Когда Изяславъ Мстиславичъ заключилъ съ дядею Вячеславомъ договоръ, что имѣть ему Вячеслава отцомъ, то „на томъ же и мужи ею цѣловаша хрестъ, ако межи има добра хотѣти и чести ею стеречи, а не сваживати ею“ (Ипат. 1150 г.). Это драгоцѣнное извѣстіе указываетъ и на роль дружины въ поддержаніи междукняжескихъ отношеній. Отсюда надо заключить, что желаніе добра своему князю, охрана его чести были главнѣйшими обязанностями дружинниковъ. Въ отношеніи къ князю союзнику доброжелательство выражается въ устраненіи между ними поводовъ къ ссорамъ. А что значитъ желать добра князю въ отношеніи къ его врагамъ? Во Владимірѣ при кн. Всеволодѣ Юрьевичѣ возникъ мятежъ: „всташа бояре и купци, рекуще: княже! мы тобѣ добра хочемъ, и за тя головы своѣ складываемъ, а ты держишь ворогы своѣ просты“ (Лавр. 1177 г.). Итакъ, желаніе добра заключаетъ въ себѣ и обязательство складывать за князя свои головы въ борьбѣ противъ его враговъ. Такія не безкровныя жертвы приносились, конечно, не даромъ: князья должны были „жаловать“ своихъ дружинниковъ. Но постояннаго жалованья дружинники не получали; наша древность не знаетъ даже и понятія „государственное жалованье“. Нашъ древній книжникъ византійскій терминъ „жалованье чиновникамъ“ передалъ такимъ современнымъ ему понятіемъ: „честь и власти, яже отъ князя“ (выше, стр. 39). Почетомъ и назначеніемъ на должности князья награждали своихъ дружинниковъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что и то, и другое сопряжено было съ матеріальными выгодами.

Какъ свободно устанавливались отношенія между князьями и ихъ дружинниками, такъ же свободно могли и прекращаться по усмотрѣнію сторонъ. Имѣется рядъ указаній, что часть дружины или даже вся цѣликомъ по тѣмъ или инымъ причинамъ покидала своего князя. Кн. Святославъ Ольговичъ увѣдомилъ своихъ союзниковъ и дружину о приближеніи къ

Новгороду Изяслава Мстиславича и послѣ совѣщанія рѣшилъ покинуть городъ: „И тако побѣже из Новагорода Корачеву; дружина же его, они по немъ идоша, а друзии осташа его“ (Ипат. 1146 г.). Кн. Ростиславъ Мстиславичъ, узнавъ о смерти дяди Вячеслава, пріѣхалъ въ Кіевъ, похоронилъ дядю и, „изрядивъ вся, поима прокъ дружины Вячеславли“ (Ипат. 1154); значитъ, остальные дружинники Вячеслава не захотѣли остаться у Ростислава. Въ 1118 г. кн. Ярославъ Святополчичъ вынужденъ былъ бѣжать изъ Владиміра, „и бояре его и отступиша отъ него“. Точно такъ же покинула своего князя дружина (старшая) кн. Владиміра Мстиславича, когда тотъ задумалъ вѣроломный походъ на Кіевъ: „И рекоша ему дружина его: о собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали“ (Ипат. 1169 г.). Но и князья, не довольные тѣмъ или другимъ изъ своихъ дружинниковъ, могли ихъ отпустить отъ себя. Такъ, кн. Мстиславъ Изяславичъ отпустилъ отъ себя Петра и Нестера Бориславичей „про ту вину, оже бяху холопи ею покралѣ конѣ Мьстиславли у стадѣ, и пятны своѣ въсклалѣ, розпаменываюче“ (Ипат. 1170).

Итакъ, высшій классъ населенія древнерусскихъ земель слагался изъ двухъ элементовъ. Однимъ изъ нихъ были успѣвшіе подняться на верхнія ступени мѣстные лучшіе люди: огнищане и бояре. Вторымъ были члены старѣйшей княжеской дружины: княжіе мужи и княжіе бояре. Эти элементы тѣсно переплетаются между собой: мѣстные люди входятъ въ составъ княжескихъ дружинъ, а дружинники, становясь мало по малу все болѣе осѣдлыми, переходятъ въ разрядъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и рабовладѣльцевъ. Между этими слоями нѣтъ иного различія кромѣ того, что бояринъ, вступившій въ составъ княжеской дружины, являлся княжимъ бояриномъ, а покидая ее, терялъ званіе княжаго мужа, но не свое общественное положеніе. Памятники, наряду съ боярами того или иного князя, упоминаютъ и о мѣстныхъ боярахъ, и не только новгородскихъ, псковскихъ и галицкихъ; но и о ростовскихъ, владимірскихъ, кіевскихъ и др. Естественныя выгоды заставляли всю эту мѣстную знать группироваться около князя. Этимъ она лучше и прочнѣе укрѣпляла за собой всѣ унаслѣ-

дованныя и благопріобрѣтенныя фактическія преимущества: матеріальное благосостояніе и политическое вліяніе.

Въ качествѣ княжихъ мужей или бояръ, высшій классъ пользовался и нѣкоторыми личными привилегіями: жизнь его членовъ ограждалась двойною вирою въ 80 гривенъ (Р. Правда, Ак. 18 и 21; Кар. 1 и 3) и усиленною продажею тѣлесная неприкосновенность: за муку огнищанина взималось 12 гр. продажи, а за муку смерда только 3 гривны (Ак. 31 и 32; Кар. 89 и 90). Никакихъ другихъ юридическихъ отличій этого класса, придающихъ ему черты сословности, не существовало. Онъ вовсе не замкнутъ: возвышеніе мѣстныхъ людей въ верхніе общественные слои зависѣло отъ благопріятныхъ имущественныхъ условій, а вступленіе въ дружину и выходъ изъ нея были совершенно свободными. Князья могли возвести въ званіе княжаго мужа того или иного изъ своихъ любимцевъ. Владиміръ св. пожаловалъ званіемъ старшаго дружинника того отрока изъ скорняковъ, который побѣдилъ въ единоборствѣ печенѣжскаго богатыря: „великимь мужемъ створи того и отцаего" (Лавр. 992 г.). Въ отдѣльныхъ случаяхъ это было вполнѣ возможно. Но когда Владиміръ Мстиславичъ, за отказомъ его бояръ, возвелъ въ званіе бояръ своихъ дѣтскихъ (Ипат. 1169: „възрѣвъ на дѣцскы, рече: а се будуть мои бояре"), то осуществленіе этой мѣры оказалось выше его силъ: превращеніе всѣхъ младшихъ дружинниковъ въ старшихъ требовало и соотвѣтственнаго повышенія ихъ матеріальныхъ средствъ, а это оказалось бы невозможнымъ и для болѣе могущественнаго князя. О галицкихъ боярахъ сохранилось извѣстіе, что они „Данила княземь собѣ называху, а самѣ всю землю держаху"; въ числѣ этихъ бояръ упомянуты: „Судьичь, поповъ внукъ" и „Лазорь Домажиречь и Иворъ Молибожичь, два безаконьника, отъ племени смердья" (Ипат. 1240 г.). Значитъ, въ составъ боярства проникали лица не только изъ среды духовенства, но и изъ среды крестьянства. Этотъ классъ и не наслѣдственъ: сыновья бояръ вовсе не становятся боярами отъ рожденія; они только дѣти бояръ, а дѣти всегда ниже отцовъ. Многія изъ боярскихъ дѣтей въ молодые годы вступаютъ въ составъ младшихъ дружинъ. Для нихъ не закрытъ доступъ и въ бояре съ

достиженіемъ возраста и выясненіемъ ихъ матеріальнаго положенія. Имъ это званіе, конечно, доступнѣе, но не всѣмъ. Вѣроятно не малое число ихъ по разнымъ причинамъ не успѣло подняться на слѣдующую ступень. Всѣ эти неуспѣвшія такъ до старости и остались дѣтьми боярскими по происхожденію и младшими дружинниками по положенію. Съ XIII в., а особенно въ XIV и XV вв., терминомъ „дѣти боярскія“ обозначается второй послѣ бояръ разрядъ вольныхъ княжескихъ слугъ.

Кромѣ общихъ пособій: *В. Сергѣевичъ*. Русскія юридическія древности, т. I, 331—363; *Вл.-Будановъ*. Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 4-е, 26—32; см. еще; *Н. Загоскинъ*. Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-Петровской Руси, 1876, очеркъ первый; *В. Ключевскій*. Боярская дума древней Руси, изд. 3-е, гл. I и II; *Н. Павловъ-Сильванскій*. Государевы служилые люди. Происхожденіе русскаго дворянства, 1898, гл. I и II.

Среднія классы. Въ ихъ составъ входили лица разныхъ общественныхъ положеній, занимающія мѣста между боярами и княжескими дружинниками съ одной стороны и низшими классами населенія—черными людьми и смердами —съ другой. Это нерѣдко просто „мужи“ или „люди“ безъ ближайшихъ опредѣленій ихъ положенія, а иногда съ указаніемъ на то, что это „житьи“ или „житейскіе“ люди. Послѣднее указаніе содержитъ признакъ нѣкоторой имущественной обезпеченности. Среди этихъ лицъ особенно замѣтную роль играютъ люди, занимающіеся торговою профессіей: гости и купцы.

Торговля издревле играетъ весьма важную роль въ экономической, а стало быть, и въ общественной жизни древней Руси. Первоначальная лѣтопись не только знаетъ и подробно описываетъ „путь изъ Варягъ въ Греки“, но отмѣчаетъ и истоки Днѣпра и Двины изъ „Волковьскаго лѣса“, изъ котораго „потече Волга на въстокъ и вътечеть семьюдесять жерелъ в море Хвалисьское“. И этимъ путемъ „из Руси можеть ити по Волзѣ в Болгары и въ Хвалисы, и на въстокъ доити въ жребий Симовъ“. Эти водные пути и были главными торговыми путями внѣшней торговли, въ которой видное участіе принимали разныя русскія земли. О торговлѣ съ гре-

ками и нѣмцами была рѣчь выше. „Арабскій писатель IX в. Хордадбе замѣчаетъ, что русскіе купцы возятъ товары изъ отдаленныхъ краевъ своей страны къ Черному морю въ греческіе города, гдѣ византійскій императоръ беретъ съ нихъ десятину (торговую пошлину), что тѣ же купцы по Дону и Волгѣ спускаются къ хозарской столицѣ, гдѣ властитель Хозаріи беретъ съ нихъ также десятину; выходятъ въ Каспійское море, проникаютъ на юго-восточные берега его и даже провозятъ свои товары на верблюдахъ до Богдада, гдѣ ихъ и видѣлъ Хордадбе“ (Ключевскій. Курсъ, 146). Вещественными остатками торговыхъ сношеній съ востокомъ служатъ находимые въ Приднѣпровьи клады съ арабскими серебряными диргемами VIII—X вв., которые на ряду съ проникавшей съ запада серебряной монетой обращались у насъ подъ именемъ щьляговъ (отъ skilling). Важное общественное значеніе внѣшней торговли подтверждается не только возобновляемыми мирными трактатами съ греками и нѣмцами, но и особыми заботами княжескихъ правительствъ объ охранѣ торговыхъ путей, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ Приднѣпровьи степь занята была кочевниками—печенѣгами и половцами. Такъ, по почину кн. Ростислава Мстиславича соединились 12 князей „и стояша у Канева долго веремя, дондеже взиде Гречникъ и Залозникъ, и оттолѣ възвратишася въсвояси“ (Ипат. 1168). Мстиславъ Изяславичъ созвалъ не меньше князей и убѣждалъ ихъ: „братье! пожальтеси о Руской земли и о своей отцинѣ и дѣдинѣ . . . а уже у насъ (половци) и Гречьский путь изъотимають, и Соляный, и Залозный; а лѣпо ны было, братье, възряче на Божию помочь и на молитву святоѣ Богородици, поискати отець своихъ и дѣдъ своихъ пути и своей чести“. Предпринятый походъ увѣнчался рѣдкой побѣдой. Но въ томъ же году кн. Мстиславъ снова убѣждаетъ князей: „се, братье, половцемъ есме много зла створили, вежѣ ихъ поимали есмы, дѣти ихъ поимали есмы, и стада и скотъ, а тѣмъ всяко пакостити Гречнику нашему и Залознику; а быхомъ въшли противу Гречнику“. Князья согласились и вышли къ Каневу (Ипат. 1170).

Но развитіе внѣшней торговли стоитъ въ тѣсной связи съ развитіемъ торговли внутренней. Обиліе поселеній, име-

нуемыхъ погостами (отъ гость), и наличность торговищъ или рынковъ въ каждомъ городѣ, а въ нѣкоторыхъ городахъ и не по одному (по свидѣтельству Дитмара въ Кіевѣ было 8 рынковъ), указываютъ, что торговлей, какъ спеціальной профессіей, занимались значительныя группы населенія. Это и были гости и купцы или купчины. О нихъ упоминаютъ уже договоры съ греками; ихъ знаетъ и Р. Правда. Гость (ср. лат. hostis, hospes; гот. gastis; нѣм. Gast; франц. hôte)—это прежде всего пришлецъ, чужеземецъ. Въ поученіи Мономаха сказано: „и боле же чтите гость, откуду же к вамъ придеть, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, брашномъ и питьемь: ти бо мимоходячи прославять человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ“. Такъ и Ольга о посланныхъ за нею древлянахъ говоритъ: „добри гостье придоша“. Гостями же называются и иноземные и чужеземные купцы. Это значеніе термина „гость“ явствуетъ изъ ст. „О долзѣ“ Р. Правды: „Аще кто многымъ долженъ будеть, а пришедъ гость изъ иного города или чужеземець, а не вѣдая запустить зань товаръ“. Здѣсь гость — иногородній или чужеземный пришлецъ съ товаромъ. И далѣе. въ той же ст. гость противополагается „домачнымъ“, т. е. мѣстнымъ жителямъ, и юридически: вырученныя изъ продажи должника деньги поступаютъ прежде всего на уплату долга гостю, а что останется, идетъ въ раздѣлъ домашнимъ (Кар. 69). Въ томъ же смыслѣ говорятъ договоры съ нѣмцами о латинскомъ или нѣмецкомъ гостѣ въ предѣлахъ русскихъ земель и о новгородскомъ и о русскомъ гостѣ на нѣмецкой территоріи. Р. Правда употребляетъ еще терминъ гостьба въ смыслѣ торговли: „Аже кто купецъ купцю дасть въ куплю куны или въ гостьбу“ (Кар. 45). Но здѣсь рядомъ съ гостьбой стоитъ купля также въ смыслѣ торговли, и ими одинаково занимаются купцы. Между этими видами торговли только и можно установить то различіе, что гостьбой называется торговля за предѣлами своей земли. Кн. Ярославъ Всеволодовичъ послѣ Липецкой битвы прискакалъ въ Переяславль „и ту вбѣгъ изыма новогородци и смоляны, иже бяху зашли гостьбою в землю его“ (Сузд. 1216). Но провести рѣзкую границу какъ между куплею и гостьбою, такъ между купцомъ и гостемъ,

конечно. нельзя. Какъ торговля вообще не составляла исключительнаго права купцовъ, такъ и видъ торга зависѣлъ отъ усмотрѣнія и возможности каждаго торгующаго.

Торговлей создаются крупныя состоянія (объ Исакіи Печерскомъ сказано: „яко же сущу ему въ мірѣ, и богату сущу ему, бѣ бо купець, родомъ Торопечанинъ“, Лавр. 1074), а обладающіе ими купцы и гости пріобрѣтаютъ соотвѣтственное общественное вліяніе. Они играютъ поэтому замѣтную роль въ общественной жизни, особенно въ земляхъ съ развитымъ торговымъ оборотомъ, какъ, напр., Новгородъ. „Вячшее купьце“ приглашаются князьями на поряды вмѣстѣ съ огнищанами и дружинниками (Син. 1166 г.; выше, стр. 72); принимаютъ участіе въ посольствахъ (Син. 1215: „Новъгородци послаша по Ярослава по Всеволодиця Гюргя Иванъковиця посадника и Якуна тысяцьскаго и купьць старѣйшихъ 10 мужъ“); играютъ замѣтную роль въ военныхъ предпріятіяхъ (Син. 1195 и 1233 гг.; Лавр. 1177 г.; выше, 73 и 83). Послѣднее было вполнѣ естественно, такъ какъ въ то время, при отсутствіи надлежащей безопасности, особенно при передвиженіяхъ, купцы должны были собственными силами и средствами охранять свои торговые караваны. Для этого они должны были содержать вооруженные отряды, и военное дѣло было имъ хорошо знакомо.

Но хотя торговля и была открытой для каждаго профессіей, однако, лица, посвящающія себя этому занятію, помимо необходимыхъ экономическихъ условій, должны обладать особыми личными способностями, сноровкою, ловкостью и спеціальными практическими знаніями. Все это вмѣстѣ взятое совершенно естественно влечетъ за собой нѣкоторое обособленіе людей, занимающихся торговлею въ особый классъ. Въ болѣе крупныхъ торговыхъ городахъ существовали и нѣкоторыя торговыя организаціи. Такъ, въ Новгородѣ существовали купеческія сотни. По договору съ кн. Ярославомъ 1270 г. должны быть отпущены всѣ закладники новгородскіе: „кто купець, тотъ въ сто, а кто смердъ, а тотъ потягнеть въ свой погостъ“. Любопытныя указанія на купеческую организацію въ Новгородѣ содержитъ уставная грамота кн. Всев. Мстисл. церкви св. Ивана на Петрятинѣ дворищѣ 1135 г. Эта церковь считалась патрональною цер-

ковью новгородскаго рынка. При ней состояла организація изъ трехъ старостъ отъ житьихъ людей, изъ тысяцкаго отъ черныхъ людей и изъ двухъ старостъ отъ купцовъ, „управливати имъ всякіе дѣла Иванская, и торговая, и гостиная, и судъ торговый“. Въ эти дѣла не могли вступаться ни посадникъ, ни бояре. Для вступленія въ Иванское купечество надо было внести „пошлымъ купьцемъ“ 50 гривенъ сер. вкладу. Уплатившій вкладъ становился самъ пошлымъ купцомъ и передавалъ это званіе по наслѣдству: „а пошлымъ купцемъ ити имъ отчиною и вкладомъ“. Въ купеческіе старосты могли избираться только пошлые купцы. Если принять во вниманіе, что по Р. Правдѣ за убійство свободнаго человѣка, и въ частности купца, взыскивалась вира въ 40 грив. кунъ или 10 грив. сер. (1 гр. сер. равнялась 4 гр. кунъ), то вкладъ въ 50 гр. сер. надо признать очень крупнымъ. Отсюда надо заключить, что пошлое Иванское купечество состояло изъ крупной денежной аристрократіи, которая принимала видное участіе въ управленіи торговыми дѣлами.

Въ дополненіе къ пособіямъ, указаннымъ на стр. 29—30, см. еще: *R. Hausmann.* Zur Geschichte des Hofes von St. Peter in Nowgorod. Baltische Monatsschrift 1904. Helt 10/11, гдѣ указана новѣйшая нѣмецкая литература.

Низшіе классы образуютъ главную массу населенія преимущественно сельскаго, отчасти городского. Они называются „черные люди“ и „смерды“. Между этими терминами существуетъ, однако, нѣкоторое различіе. Съ одной стороны терминъ „черные люди“ объемлетъ всѣ группы низшаго населенія, въ томъ числѣ и смердовъ. А терминъ „смердъ“ можетъ обозначать все населеніе въ отличіе отъ князя или самыхъ высшихъ классовъ населенія. Р. Правда противопоставляетъ въ одномъ случаѣ князя смерду, говоря о княжемъ конѣ и о княжей борти въ отличіе отъ смердья коня и отъ смердьей борти (Ак. 25 и 30 съ дополн. по Ростов. сп.); въ другомъ случаѣ смердъ противополагается огнищанину (Ак. 31 и 32; Кар. 89 и 90). Съ другой стороны смерды, какъ сельское населеніе, отличаются отъ черныхъ людей, какъ низшихъ классовъ населенія городского (П. С. Л. V, 1485—86 гг.).

Смерды. Выясненіе юридическаго и хозяйственнаго ихъ положенія вызвало въ исторической литературѣ большія разногласія. Причиной этого являются разныя толкованія постановленій Р. Правды о смердахъ. Два правила въ особенности остановили на себѣ вниманіе изслѣдователей. Одно изъ нихъ касается вознагражденій рабовладѣльца за убійство холоповъ и читается въ краткой редакціи такъ: „А въ смердѣ и въ хопѣ 5 гривенъ“ (Ак. 23); въ пространной же редакціи стоитъ: „А за смердъ и холопъ 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ“ (Кар. 13). Обѣ статьи сопоставляютъ убійство холопа и смерда, назначая одинаковое за нихъ вознагражденіе. Другое правило касается наслѣдованія послѣ смердовъ: „Ожо смердъ умреть безъ дѣти, то задница князю; оже будуть у него дьщери дома, то даяти часть на ня; аже ли будуть за мужьми, то не дати части“ (Кар. 103). Вслѣдъ за этимъ правиломъ указанъ иной порядокъ наслѣдованія для другихъ группъ населенія: „А иже въ боярехъ или же въ боярьстѣи дружинѣ, то за князя задница не идеть; но оже не будеть сыновъ, а въ дщери възмуть“ (Кар. 104). Эти правила понимались и до сихъ поръ толкуются нѣкоторыми въ томъ смыслѣ, что послѣ смердовъ наслѣдуютъ только сыновья, а дочери получаютъ только выдѣлъ, если не выданы замужъ; за отсутствіемъ сыновей дочери не наслѣдуютъ, и имущество смерда идетъ князю. Послѣ же бояръ и членовъ боярской дружины къ наслѣдству, за отсутствіемъ сыновей, призываются и дочери, и князь не получаетъ этого имущества. Такая особенность въ порядкѣ наслѣдованія послѣ смердовъ въ связи съ указаніемъ другихъ памятниковъ, что князья считаютъ смердовъ своими (Лавр. 1071 г.: въ Ростовской области появились волхвы; туда же за сборомъ дани отъ кн. Святослава пришелъ Янъ Вышатичъ. „Янъ же испытавъ, чья еста смерда, и увѣдѣвъ, яко своего князя, пославъ к нимъ, иже около ею суть, рече имъ: выдайте волхва та сѣмо, яко смерда еста моего князя“), и привела нѣкоторыхъ изслѣдователей къ предположенію, что смерды находятся въ личной зависимости отъ князя, а потому за убійство ихъ взыскивается то же вознагражденіе, какъ и за убійство холоповъ.

Такой выводъ, однако, не можетъ быть принятъ. Проф.

П. П. Цитовичъ (см. его соч. „Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія“, 1870) въ корнѣ поколебалъ его правильность. Въ ст. о наслѣдствѣ послѣ смерда сказано: если смердъ умретъ бездѣтнымъ, то наслѣдство идетъ князю, т. е. указаны условія наступленія выморочности имущества, а вовсе не говорится о томъ, что смердъ умретъ безъ сыновей. Правило—„оже не будетъ сыновъ, а дчери возмутъ“— является общимъ и не исключаетъ смердовъ. У князя существуетъ право на выморочное имущество вообще, но изъ этого правила изъемлется наслѣдство послѣ дружинниковъ боярскихъ. Если же наслѣдованіе послѣ смердовъ не установляетъ никакихъ особыхъ правъ князя на ихъ имущество, то и основа всей догадки объ имущественной зависимости смердовъ (вопреки мнѣнію самого автора) отпадаетъ.

Но какъ тогда понять статьи Р. Правды о вознагражденіи за убійство смерда, какъ и за убійство холопа? Для выясненія поставленнаго вопроса необходимо прежде всего принять во вниманіе, что въ одномъ спискѣ краткой редакціи (Археограф.) указанная статья читается иначе: „а въ смердьп въ холопѣ 5 гривенъ“. Тотъ же смыслъ имѣетъ соотвѣтственная статья Троицкаго сп.: „А за смердии холопъ 5 гр.“. Въ этой редакціи смыслъ правила оказывается совершенно инымъ: имъ опредѣляется размѣръ вознагражденія за холопа, принадлежавшаго смерду. Но и редакція статьи по спискамъ Ак. и Кар., при иномъ лишь написаніи ея, допускаетъ то же пониманіе: „А въ смердѣи хопѣ 5 гр.“; „А за смердъи холопъ 5 гр.“. Которому же чтенію слѣдуетъ отдать предпочтеніе? Правильный отвѣтъ можетъ быть полученъ при сопоставленіи разсматриваемой статьи съ другими, опредѣляющими юридическое положеніе смердовъ. Во 2-й половинѣ краткой Правды въ двухъ статьяхъ противоставляется имущество князя имуществу смерда: за княжаго коня съ пятномъ указано вознагражденіе въ 3 гр.; за смердьяго коня—только 2 гр.; точно такъ же за княжую борть 3 гр., а за смердью 2 гр. (Ак. 25 и 30 съ дополн. по Ростов. сп.). Выше рѣчь идетъ о вознагражденіи за истребленіе княжихъ холоповъ: „А въ сельскомъ старостѣ княжи и въ ратаинѣмъ 12 гривнѣ; а въ рядовници

княжѣ 5 гривенъ" (22); и далѣе стоитъ разбираемая статья. Представляется поэтому весьма вѣроятнымъ, что она содержитъ правило о вознагражденіи за смердьяго холопа, какъ противоположеніе княжимъ холопамъ. Почему княжій холопъ сравнивается съ смердьимъ холопомъ, тогда какъ типичнымъ рабовладѣльцемъ является бояринъ, можно объяснить лишь тѣмъ же, чѣмъ объясняется сравненіе княжаго коня съ смердьимъ и княжей борти съ бортью смерда. Здѣсь терминъ „смердій" имѣетъ болѣе широкое значеніе, обнимая все свободное населеніе, которое по положенію стоитъ, конечно, ниже князя.

Но такое значеніе термина „смердъ" вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, что смерды и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ свободные люди. У нихъ имущественныя и личныя права. Помимо только что разсмотрѣнныхъ статей о смердьемъ холопѣ, смердьемъ конѣ и смердьей борти, Р. Правда въ особой статьѣ опредѣляетъ, что имущество смерда передается по наслѣдству (Кар. 103). Здѣсь рѣчь идетъ о смердѣ въ тѣсномъ смыслѣ, п. ч. въ слѣдующей статьѣ говорится о наслѣдствѣ послѣ бояръ и дружинниковъ. Признаніе за смердами личныхъ правъ отразилось въ двухъ статьяхъ Р. Правды: по одной назначается продажа въ 3 гр. за муку смерда безъ княжа слова (за муку же огнищанина 12 гр. продажи. Кар. 89 и 90); въ другой установляется общее правило, что смерды облагаются уголовными карами (Кар. 42: „то ти уроци смердомъ, оже платять князю продажу"). Личная правоспособность смердовъ, какъ свободныхъ людей, особенно ярко вскрывается изъ сопоставленія послѣдней статьи съ слѣдующей, гдѣ сказано, что „холоповъ же князь продажею не казнить, занеже суть несвободни" (Кар. 43).

Хозяйственное положеніе смердовъ было, конечно, весьма разнообразно. Они занимались охотою, бортничествомъ и земледѣліемъ. Но въ качествѣ земледѣльцевъ, напр., они могли жить на чужой землѣ въ качествѣ арендаторовъ или могли быть хозяевами-собственниками. Изъ вышеприведеннаго (стр. 72) указанія Татищева явствуетъ, что по селамъ проживаетъ „огневщина" и „смердина". Здѣсь идетъ рѣчь о большихъ имѣніяхъ, населенныхъ челядью и смердами. Для древняго времени нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ о положеніи смердовъ,

поселившихся на чужой землѣ. На ряду съ этимъ памятники рисуютъ смерда, какъ мелкаго землевладѣльца. На съѣздѣ въ Долобьскѣ между князьями произошли разногласія въ томъ, удобно ли предпринимать походъ противъ половцевъ весною. Кн. Святополкъ съ дружиной доказываетъ, „яко негодно нынѣ веснѣ ити, хочемъ погубити смерды и ролью ихъ“, т. е. онъ считалъ невозможнымъ отрывать смердовъ отъ пашни въ самомъ началѣ полевыхъ работъ, такъ какъ смерды входили въ составъ ополченія. Но Владиміръ Мономахъ возразилъ на это: „дивно ми, дружино, оже лошадий жалуете, еюже кто оретъ, а сего чему не промыслите, оже то начнетъ орати смердъ, и приѣхавъ половчинъ ударитъ и стрѣлою, а лошадь его пометъ, а въ село его ѣхавъ иметъ жену его и дѣти его, и все его имѣнье?“ (Лавр. 1103 г.). Изъ этихъ словъ Мономаха надо заключить, что у каждаго смерда свое собственное село, въ которомъ онъ ведетъ обособленное земледѣльческое хозяйство. Это свидѣтельство особенно важно потому, что является почти единственнымъ яснымъ документальнымъ указаніемъ при рѣшеніи вопроса о формахъ древняго землевладѣнія.

Были ли еще какія либо формы хозяйства у смердовъ, кромѣ двухъ указанныхъ, и какъ велики были каждая изъ указанныхъ группъ,—рѣшить нельзя, не вдаваясь въ область мало достовѣрныхъ, а потому опасныхъ, догадокъ. Въ частности, извлечь какія либо данныя для выясненія этого вопроса изъ статей Р. Правды о верви совершенно невозможно, такъ какъ вервь по этимъ статьямъ является только фискально-полицейскимъ союзомъ для разысканія преступниковъ или уплаты за нихъ уголовныхъ штрафовъ.

Но какъ бы ни было различно хозяйственное положеніе смердовъ, они всѣ признавались самостоятельными хозяевами. Поэтому они обложены данями. А такъ какъ смерды составляли главную массу свободнаго населенія древне-русскихъ земель, то они считались главными плательщиками дани. Памятники неоднократно отмѣчаютъ, что дань взимается съ смердовъ. Такъ, новгородецъ Даньславъ Лазутиницъ отправился собирать дань за Волокъ; дорогой на него напали суздальцы, но были побѣждены; „и отступиша новгородьци, и опять во-

ротивъшеся, възяшя всю дань, а на суждальскыхъ смьрдѣхъ другую". Югра, осажденная новгородцами, лестью убѣждаетъ ихъ: „копимъ сребро и соболи и ина узорочья, а не губите своихъ смьрдъ и своей дани". Новгородцы призвали къ себѣ черниговскаго кн. Михаила Всеволодовича, который цѣловалъ крестъ на всей волѣ новгородской „и вда свободу смьрдомъ на 5 лѣтъ даний не платити, кто сбежалъ на чюжю землю, а симъ повеле, къто сде живеть, како уставили передниі князи, тако платите дань" (Синод. 1169, 1193 и 1229 гг.; ср. Гагемейстеръ. О финансахъ древней Россіи, стр. 104—105, пр. 65 и 66). Въ виду такого значенія смердовъ, князья считаютъ своей обязанностью заботиться о смердахъ, „блюсти ихъ". Новгородцы изгнали кн. Всеволода за разныя вины и первой виной поставили ему то, что онъ „не блюдеть смердъ" (Синод. 1136). Мономахъ ставитъ себѣ въ заслугу, что „тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмъ сильнымъ обидѣти".

Помимо того значенія, какое имѣли смерды въ качествѣ главной податной силы страны, они составляли массу народнаго ополченія. Изъ переговоровъ князей въ Долобскѣ явствуетъ, что они, предпринимая походы, должны были сообразоваться съ періодами хозяйственной жизни смердовъ, чтобы отвлеченіемъ ихъ въ походы не подорвать ихъ хозяйствъ. Имѣются извѣстія, что смерды въ составѣ ополченій являлись пѣшими воинами (Ипат. 1245 г.: „вшедшу ему собравше смерды многы пьшьцѣ, и собра я в Перемышль").

Однако хозяйственная самостоятельность смердовъ была чрезвычайно слабо обезпечена. Не въ меньшей мѣрѣ это замѣчаніе относится и къ тѣмъ изъ нихъ, которые являлись собственниками освоенныхъ ими участковъ земли. Какъ только среди общественныхъ классовъ появились крупные собственники, въ частности крупные землевладѣльцы, между ними и смердами естественно должна была возникнуть борьба за хозяйственное преобладаніе. При слабости государственной власти, она не могла въ большинствѣ случаевъ оказать поддержку въ этой борьбѣ мелкимъ хозяевамъ. Предоставленные своимъ силамъ, они должны были искать защиты противъ сильныхъ людей у другихъ сильныхъ лицъ или учрежденій, отдаваясь подъ по-

кровительство ихъ. Поэтому нужно предположить повсемѣстный процессъ сосредоточенія недвижимой собственности въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ на счетъ мелкаго землевладѣнія. Намеки на такую борьбу сохранили памятники XI—XIII вв. Мономахъ свидѣтельствуетъ, что не давалъ худыхъ смердовъ въ обиду сильнымъ людямъ. Значитъ, уже въ его время обозначилась борьба классовъ: сильные люди стремились поставить въ зависимость отъ нихъ наименѣе самостоятельныхъ мелкихъ хозяевъ. Митр. Климентъ въ посланіи къ пресвитеру Ѳомѣ отстраняетъ отъ себя упрекъ въ стремленіи къ славѣ: „да скажу ти сущихъ славы хотящихъ: иже прилагають домъ къ дому, и села к селомъ, изгои жъ, и сябры и бортіи и пожнии, ляда же, и старины, отъ нихъ же окаанный Климъ зѣло свободенъ“. Итакъ, стремящіеся къ славѣ міра сего (богатые) умножаютъ свои имѣнія, въ частности свои земельныя владѣнія, и привлекаютъ на нихъ поселенцевъ, которые, конечно, попадутъ въ ихъ зависимость. Эта послѣдняя черта процесса сосредоточенія крупной собственности отмѣчена въ одномъ изъ поученій сп. Серапіона: онъ указываетъ, что сильные люди не только „имѣнья не насыщашеся“, но и „свободные сироты порабощаютъ и продаютъ“ (Памятн. древн. письм. № XC; Прав. Собесѣдн. 1858, іюль). „Сироты“—это новый терминъ для обозначенія низшихъ классовъ свободнаго населенія; такъ нерѣдко именуютъ себя крестьяне, прозываясь „государевыми сиротами“. Такъ естественно было назвать и обѣднѣвшихъ смердовъ, нуждавшихся въ особомъ попеченіи. По свидѣтельству Серапіона, они оказались уже въ такой зависимости отъ сильныхъ людей, что послѣдніе порабощаютъ ихъ, т. е. обращаютъ въ рабство и распоряжаются, какъ челядью.

Подробности этого процесса, однако, не могутъ быть изучаемы въ разсматриваемый періодъ за отсутствіемъ документальныхъ данныхъ. Но хотя самый процессъ не завершился и можетъ быть наблюдаемъ и даже подробнѣе изучаемъ въ московское время, все же результаты его ярко выразились, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ земляхъ: мелкіе собственники совершенно заслонены густою массою арендаторовъ. Такое превращеніе собственника въ арендатора должно было от-

разиться на пониженіи хозяйственной обезпеченности земледѣльца. Незавидное хозяйственное положеніе смерда нашло свой отзвукъ въ томъ презрѣніи, съ какимъ произносится иногда это слово. Въ новгородскихъ договорныхъ грамотахъ XIV—XV вв. встрѣчаются уже условія о выдачѣ забѣжавшихъ смердовъ и половниковъ, о судѣ надъ ними лишь въ присутствіи господарей и о не принятіи отъ нихъ жалобъ на господъ (Собр. Госуд. Грам. и Дог. I, №№ 10 и 11; Акты Зап. Рос. I, № 38; Акты Арх. Эксп. I, № 87). Въ разсказѣ о столкновеніи псковичей съ вел. княземъ изъ за смердовъ хотя далеко не все ясно, но едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что смерды всѣ арендаторы (П. С. Л. V, 1485—86 гг.).

Чрезвычайно яркую картину положенія земледѣльческаго и промышленнаго населенія въ Псковской землѣ даетъ Псковская грамота. Она не знаетъ термина „смердъ" и говоритъ объ изорникахъ, огородникахъ и кочетникахъ. Это все арендаторы. Изорникъ (отъ изорати—вспахать) съемщикъ пахатнаго участка, огородникъ — съемщикъ огорода и кочетникъ (отъ кочетъ—колышекъ у лодки, къ которому привязывается весло)—съемщикъ рыбныхъ ловель. Аренду всѣ они уплачиваютъ натурой: изорникъ четверть урожая, двое послѣднихъ—половину добытыхъ продуктовъ, почему и называются еще половниками. Грамота, впервые въ видѣ общей мѣры, ограничиваетъ прекращеніе аренды однимъ срокомъ въ году, въ Филиппово заговѣнье (14 ноября). Это ограниченіе одинаково связывало арендатора и землевладѣльца („государя"): „а иному отроку не быти, ни отъ государя, ни отъ изорника, ни отъ кочетника, ни отъ огородника". При отказѣ изорникъ долженъ уплатить двойной оброкъ или половину урожая, чѣмъ значительно затруднялся переходъ изорника въ интересахъ землевладѣльца. Кромѣ того прекращеніе аренды осложнялось и другими хозяйственными расчетами арендаторовъ съ хозяевами. Послѣдніе ссужали съемщиковъ земли и угодій деньгами и хлѣбомъ, что называлось покрутой („своей покруты и сочити, серебра, и всякой верши по имени, или пшеница ярой, или озимой"). Грамота даетъ подробныя правила о взысканіи покруты въ разныхъ случаяхъ—знакъ, что задолженность

съемщиковъ была явленіемъ широко распространеннымъ. Право взысканія покруты обезпечено за землевладѣльцемъ прежде всего въ случаѣ прекращенія аренды. Значитъ, сама по себѣ задолженность не являлась помѣхой къ прекращенію договора аренды и уходу арендатора. Но, по предъявленіи иска и приговору суда, съемщикъ, хотя и ушедшій, долженъ былъ расплатиться съ хозяиномъ, иначе его ожидала судьба несостоятельнаго должника. Нерѣдко, повидимому, задолжавшіе съемщики скрывались бѣгствомъ за предѣлы Псковской земли. Грамота предусматриваетъ случаи взысканія покруты съ изорниковъ, сбѣжавшихъ за рубежъ: взысканіе обращается на имущество бѣглеца, а въ случаѣ недочета, остатокъ долга кредиторъ могъ взыскать съ изорника, когда онъ явится. Такими же гарантіями обставляетъ грамота взысканіе покруты послѣ смерти изорника. Если изорникъ умретъ безсемейнымъ, то государю предоставлено „животъ изорничъ попродавать, да за свою покруту поимати"; если же послѣ изорника останутся жена и дѣти, а на покруту будетъ запись, хотя бы въ ней не стояло именъ жены и дѣтей, „ино изорничи женѣ и дѣтямъ нѣтъ отклички о государевѣ покрутѣ"; если же записи не окажется, дѣло рѣшается судомъ по псковской пошлинѣ.

Эти подробныя правила взысканія покруты указываютъ на то, что покрута была обычнымъ явленіемъ, и что, значитъ, безъ покруты трудно было съемщику земли приняться за хозяйство. Грамота постоянно предполагаетъ задолженность арендаторовъ: они живутъ въ долгахъ, бѣгутъ отъ долговъ и умираютъ въ долгахъ. При такихъ строгихъ правилахъ взысканія ссуды, задолжавшіе изорники фактически очень рѣдко могли осуществить право отказа отъ аренды, такъ какъ, въ случаѣ несостоятельности ихъ въ уплатѣ долга, имъ грозила участь попасть снова къ прежнему государю, но не въ качествѣ уже изорника, а въ качествѣ его холопа. При наличности такихъ условій и появились старые изорники, которые, по выраженію грамоты, „возы везутъ на государя", т. е. отбываютъ въ пользу землевладѣльца особыя барщинныя повинности сверхъ установленнаго оброка. Слѣдуетъ думать, что именно старые изорники и подобныя имъ лица и оказались первымъ элементомъ въ составѣ сельскаго населенія, навсегда

утратившимъ свободу перехода. Это первыя звенья въ цѣпи возникающаго крѣпостного права на крестьянъ. (Объ изорникахъ см. слѣд. статьи Псковской грамоты по изд. В.-Буданова: 42, 44, 51, 63, 76, 84, 85 и 75).

В. Сергѣевичъ. Юр. Др. I, изд. 2, 178—189, 218, 220, 223—224, 245—247; *В.-Будановъ.* Обзоръ, 34—36; *Б. Чичеринъ.* Холопы и крестьяне въ Россіи до XVI в. въ Опытахъ по исторіи русскаго права; *И. Бѣляевъ.* Крестьяне на Руси (гл. I); *А. Лаппо-Данилевскій.* Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи. 1905, 1—12.

Зависимые люди.

Свободное населеніе не отдѣляется рѣзкой чертой отъ несвободныхъ людей. Древность успѣла создать и юридически закрѣпить переходныя ступени отъ свободы къ неволѣ: въ составѣ населенія можно отмѣтить группы лицъ съ ограниченною свободой. Къ этому разряду людей по древнерусскому праву относятся закупы.

Р. Правда говоритъ просто о закупахъ и о „ролейныхъ“ закупахъ (отъ ролья-пашня). Существеннымъ признакомъ соціальнаго и юридическаго положенія закупа является то, что у него есть господинъ. Постановленія Р. Правды (Кар. 70—73, 75, 77; Тр. 52—55, 57, 59) и посвящены исключительно выясненію отношеній между господиномъ и закупомъ.

Закупъ живетъ въ домѣ или при хозяйствѣ господина. И если онъ убѣжитъ отъ господина, то становится холопомъ; если же явно (съ вѣдома господина) идетъ искать денегъ или жаловаться князю или судьямъ на обиды своего господина, то за это не только не обращается въ рабство, но получаетъ удовлетвореніе, согласно правиламъ („дати ему правда“). Итакъ, у закупа право иска на господина, и въ этомъ его существенное отличіе отъ холопа. У господина, далѣе, право наказывать закупа за вину; если же господинъ бьетъ его „не смысля, пьянъ, безъ вины“, то за такіе побои закупъ вознаграждается такъ же, какъ и свободный. Въ послѣднемъ случаѣ закупъ приравнивается свободному, но изъ этого приравненія явствуетъ, что онъ не свободный человѣкъ. Если

закупъ у кого нибудь уведетъ коня или вола, или возьметъ товаръ, то отвѣтственность за кражу, совершенную закупомъ, падаетъ на господина: онъ или долженъ удовлетворить потерпѣвшаго и въ такомъ случаѣ обращаетъ закупа въ холопство, или можетъ продать его и изъ вырученной суммы покрыть прежде всего убытки потерпѣвшихъ, а остатокъ оставляетъ себѣ. Если же господинъ, помимо указаннаго случая, безъ всякаго повода продастъ закупа въ холопство, то закупу прощается весь долгъ („наймиту свобода во всѣхъ кунахъ"), а господинъ платитъ сверхъ того 12 гривенъ продажи. Кромѣ того Р. Правда ограждаетъ интересы закупа и отъ другихъ посягательствъ господина: послѣдній не можетъ уменьшать причитающейся закупу платы („увередить цѣну"), наносить ущербъ его имуществу („копа"—копить; „купа"—купить; терминомъ „отарица" переведенъ техническій терминъ римскаго права peculium. Ср. Русск. Ист. Библ. VI, 208, прим.), обезпечивать личностью закупа свой долгъ („паки ли приметь на немъ кунъ"). За всѣ эти злоупотребленія господинъ не только обязанъ возмѣстить ущербъ, причиненный закупу, но еще платитъ уголовный штрафъ.

Какія же бытовыя условія могли поставить свободнаго человѣка въ положеніе закупа? Только хозяйственная необезпеченность. Когда не было возможности завести собственное хозяйство, нужда вынуждала пристраиваться къ чужому хозяйству въ качествѣ работника. Закупъ работаетъ на господина на пашнѣ или при дворѣ и получаетъ въ свое завѣдываніе тотъ или иной хозяйственный инвентарь, за цѣлость котораго онъ отвѣтствуетъ. Но у него можетъ быть своя лошадь („свойскы конь"), онъ можетъ заниматься какимъ то своимъ дѣломъ въ отличіе отъ хозяйскаго („орудія своя дѣять" въ противоположность тому, когда „господинъ отошлеть его на свое орудіе"), можетъ имѣть свою копу или отарицу. Работаетъ на господина онъ, конечно, не даромъ, а за плату („цѣну" или „копу").

Какова же была юридическая природа обязательствъ, въ какія вступалъ закупъ къ господину? Вопросъ этотъ въ исторической литературѣ рѣшался и продолжаетъ рѣшаться двояко: одни (Рейцъ, Сергѣевичъ) считаютъ закупа наемнымъ

рабочимъ, наймитомъ, какъ онъ дѣйствительно и названъ въ одной статьѣ Р. Правды (Кар. 73); другіе (Неволинъ, Мейеръ, В.-Будановъ) полагаютъ, что обязательства закупа возникли на почвѣ займа, обезпеченнаго личнымъ залогомъ; наконецъ, высказано мнѣніе, что въ положеніи закупа нельзя не видѣть соединенія личнаго найма съ личнымъ закладомъ (Чичеринъ). Нельзя при этомъ не отмѣтить, что Р. Правда, называя закупа наймитомъ, въ томъ же мѣстѣ точно указываетъ, что закупъ должникъ своего господина (Кар. 73: „наймиту свобода во всѣхъ кунахъ"). Поэтому, изслѣдователи, считающіе закупа наймитомъ, прибавляютъ, что закупъ получалъ наемную плату впередъ и своею работою погашалъ долгъ. При такихъ условіяхъ ученый споръ имѣетъ важное значеніе для выясненія древнихъ формъ залога, а также для рѣшенія вопроса о преемственной связи между древними закупами и московскими кабальными холопами, а не для разъясненія юридическаго положенія закуповъ.

Въ недавно опубликованномъ трудѣ М. Н. Ясинскій привлекъ къ выясненію вопроса о древне-русскихъ закупахъ тексты западно-русскихъ памятниковъ XV—XVI вв. Онъ тамъ нашелъ закуповъ и закупныхъ людей съ очевидными признаками людей, заложившихся въ „пенезѣхъ" и отличаемыхъ отъ наймитовъ. Но эти любопытныя данныя вовсе не имѣютъ того рѣшающаго значенія въ спорѣ о закупахъ Р. Правды, какъ думаетъ авторъ. Онъ не доказалъ, что закупы литовскаго права совершенно сходны по положенію съ закупами Р. Правды, а безъ этого вся аргументація не имѣетъ за собой твердой опоры. Тождество терминовъ не доказываетъ еще тождества отношеній. Литовскому праву извѣстно „вѣно", какъ и древнему русскому праву; но значеніе вѣно въ томъ и другомъ случаѣ существенно различно.

В. Сергѣевичъ. Юр. Др. I, 189—199; *В.-Будановъ*. Обзоръ, 406 и 665 и слѣд. *Неволинъ*. Полн. собр. соч. 1857, т. III, 339 прим. 124 и т. V, 147. *Д. Мейеръ*. Древнее русское право залога. Юрид. Сборникъ 1855, 225—227; *Чичеринъ*. Опыты, 154; *М. Н. Ясинскій*. Закупы Р. Правды и памятниковъ западно-русскаго права. Сборн. статей по исторіи права, посвященный В.-Буданову, 1904, 430—465; здѣсь же подробныя указанія на литературу; ср. указанную выше

статью *А. С. Лаппо-Данилевскаго.* Очеркъ исторіи крестьянскаго населенія, стр. 9 прим.

Населеніе несвободное.

Холопство — состояніе несвободнаго населенія въ древней Руси. Это населеніе обозначалось словами: холопы (собственно только лица мужескаго пола; несвободная женщина наз. роба), челядь (ед. ч. челядинъ), (о)дьрень, обель или обельные и (о)дерноватые холопы, позднѣе просто „люди"; обыкновенно съ указаніемъ на принадлежность ихъ комунибудь. Холопство—исконный институтъ обычнаго права, игравшій весьма важную роль въ общественной организаціи русскихъ земель. Только значеніемъ холопства и можно объяснить тотъ фактъ, что наши древнѣйшіе юридическіе памятники содержатъ сравнительно значительное число нормъ, посвященныхъ выясненію различныхъ сторонъ этого института, хотя и не исчерпываютъ его во всей полнотѣ. Самыя обильныя указанія даетъ Русская Правда. Изъ нея прежде всего явствуетъ, что холопъ—не субъектъ, а объектъ правъ. За убійство холопа не налагается обычный уголовный штрафъ, взыскиваемый за убійство свободнаго человѣка, т. е. вира: „А въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть: но оже будеть безъ вины оубиенъ, то за холопъ оурокъ платити, или за робу, а князю 12 гривенъ продажѣ" (Тр. 84; Кар. 102). Уголовный штрафъ-продажа взыскивался по этой статьѣ за злонамѣренное истребленіе чужого имущества совершенно такъ же и въ томъ же размѣрѣ, какъ и въ томъ случаѣ, если кто „пакощами конь порѣжеть іли скотину" (Тр. 80; Кар. 98). Точно такъ же въ обоихъ случаяхъ въ пользу господина убитаго раба или зарѣзанной скотины взыскивался урокъ, т. е. вознагражденіе за причиненный ему въ имуществѣ ущербъ. Холопъ, однако, не могъ быть субъектомъ правонарушенія. Эта мысль выражена совершенно отчетливо, хотя благодаря свойственной Русской Правдѣ казуистичности, и не въ общей формѣ, а примѣнительно лишь къ кражѣ. „Аже будуть холопи татие, . . . іхъ же князь продажею не казнить, зане суть несвободни" (Тр. 42; Кар. 43). Отвѣтственность за вредъ и убытки, причиненные правонарушеніемъ хо-

лопа, падаетъ на его господина и притомъ, по общему правилу, въ двойномъ размѣрѣ (хотя не всегда; ср. 56). Значеніе объектовъ права, какое придаетъ холопамъ Русская Правда, объясняетъ, почему этотъ памятникъ съ относительною подробностью разсматриваетъ вопросъ о возникновеніи холопства, объ огражденіи господскихъ правъ надъ холопами и объ отношеніи господъ къ третьимъ лицамъ по поводу различныхъ дѣйствій ихъ холоповъ.

Холопство могло возникать разными путями. Русская Правда перечисляетъ всего три случая возникновенія обельнаго холопства (Тр. 102—104; Кар. 119—121); но кромѣ нихъ указываетъ еще особо нѣсколько другихъ (Тр. 50, 52, 57, 93; Кар. 68, 70, 75, 111). Однако, ея указанія неполны: она не говоритъ, напр., о плѣнѣ. Всѣ извѣстные случаи происхожденія холопства можно разбить на двѣ группы: 1) когда холопство возникало помимо воли лица, и 2) когда оно установлялось по почину самого поступающаго въ холопы. Къ первой группѣ относятся: 1) Плѣнъ. Это искониая и всеобщая причина рабства. У насъ въ историческое время лѣтопись неоднократно упоминаетъ о захватѣ плѣнниковъ во время войнъ съ иноземцами или однѣхъ русскихъ земель съ другими, при чемъ иногда отмѣчаетъ, что плѣнниковъ приведено „много“, иногда указываетъ ихъ число, а иной разъ не можетъ и перечислить ихъ великаго множества и тогда сообщаетъ лишь баснословно дешевую цѣну, за какую продавались плѣнники. Напр., въ 1169 г. новгородцы, отбивъ суздальское ополченіе и преслѣдуя отступающихъ, захватили такое множество плѣнныхъ, что „купляху суждальцѣ по 2 ногаты“. Если принять во вниманіе, что въ ту пору коза и овца цѣнились по 6 ногатъ, свинья въ 10 ногатъ и кобыла въ 60 ногатъ, то цѣна плѣнника въ 2 ногаты должна быть объяснена лишь крайнею нуждою поскорѣе сбыть черезъ чуръ обильный товаръ. Характеръ древнихъ войнъ вообще и въ частности обычная цѣль военныхъ походовъ—захватъ возможно большей военной добычи—не оставляютъ сомнѣнія, что плѣнъ былъ однимъ изъ самыхъ обильныхъ источниковъ холопства. 2) Преступленіе. Русская Правда упоминаетъ о такомъ послѣдствіи только для закупа, совершившаго кражу или тайно

убѣжавшаго; но современный Русской Правдѣ смоленскій договоръ съ нѣмцами 1229 г. содержитъ общее указаніе, что разгнѣвавшійся на русина князь могъ отнять „все, жену и дѣти оу холъпство“ (ст. 11). Въ другой редакціи этого памятника стоитъ иное правило, что князь въ гнѣвѣ на русина „повѣлить разграбити его съ женою и дѣтьми“. Здѣсь безспорно имѣется въ виду наказаніе, извѣстное и Русской Правдѣ подъ именемъ потока и разграбленія и назначавшееся за убійство въ разбоѣ, поджогъ и конокрадство. Послѣдствіемъ этого наказанія также могло быть обращеніе преступника въ холопы. Даже въ XIV в. у московскихъ князей были холопы, доставшіеся имъ „въ винѣ“. 3) Несостоятельность въ уплатѣ долга. Русская Правда говоритъ прежде всего о торговой несостоятельности, при чемъ различаетъ причины ея: только несостоятельность, происшедшая по винѣ торговца (пьянство, расточительность), ставила его въ полную зависимость отъ усмотрѣнія кредиторовъ: „ждуть ли ему, а своіімъ воля, продадять ли, а своя имъ воля“ (Тр. 50; Кар. 68). Въ слѣд. статьѣ идетъ рѣчь вообще о задолженности („Аже кто многимъ долженъ будеть“), послѣдствіемъ которой также является продажа должника на торгу (Тр. 51; Кар. 69). То же подтверждается и проектомъ договора Новгорода съ Готландомъ XIII вѣка. 4) Рожденіе отъ несвободныхъ родителей. Русская Правда „плодъ отъ челяди“, наравнѣ съ приплодомъ отъ скота, причисляетъ къ составу движимаго имущества наслѣдователя (Тр. 93; Кар. 111): это былъ естественный приростъ господской челяди.

Во вторую группу относятся случаи возникновенія холопства по доброй волѣ поступающихъ. Ихъ всего три вида, и они перечислены Русскою Правдою, какъ троякое обельное холопство: 1) продажа себя въ присутствіи свидѣтеля хотя бы за полгривны, 2) женитьба на робѣ и 3) поступленіе на службу тіуномъ или ключникомъ. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ особымъ договоромъ возможно было установить и иныя отношенія, въ отмѣну обычныхъ правилъ.

Перечисленными видами источниковъ холопства едва ли исчерпываются всѣ извѣстные практикѣ случаи его установленія. Напр., во время нерѣдкихъ въ ту пору голодовокъ

родители отдавали даромъ своихъ дѣтей („одьренъ изъ хлѣба гостемъ“) и отдавались сами на тѣхъ же условіяхъ. Такія свѣдѣнія имѣются отъ XI, XII и даже XV вѣковъ. Быть можетъ, подобные случаи имѣла въ виду Русская Правда, говоря о вдачяхъ, которые, однако, не причислялись Правдою къ холопамъ и подлежали освобожденію, если проработали годъ за полученную милость (Тр. 105; Кар. 122). Такое ограниченіе практики могло возникнуть не безъ вліянія духовенства, которому хорошо было извѣстно постановленіе Закона Суднаго о человѣкѣ, отдавшемся другому „у тошна веремени“; по Закону, „дернь ему не надобѣ“. Тенденція господъ порабощать нуждающійся людъ очевидна и изъ статьи о вдачѣ. Съ другой стороны, въ ту пору господства силы и безправія, пріютъ въ составѣ челяди богатаго господина сулилъ для многихъ избавленіе по крайней мѣрѣ отъ грозящей голодной смерти.

Юридическое положеніе холоповъ опредѣляется тѣмъ основнымъ положеніемъ, что они составляютъ собственность господъ. Въ отношенія между господами и ихъ челядью древнерусское свѣтское право вовсе не вмѣшивалось; поэтому надо думать, что они опредѣлялись единственно усмотрѣніемъ господъ. Такое усмотрѣніе шло весьма далеко: господа могли безнаказанно убивать своихъ холоповъ. Объ этомъ можно заключить изъ того, что даже постороннія лица отвѣчали только за убійство чужихъ холоповъ „безъ вины“. Значитъ, за вину можно было убить и чужого холопа безнаказанно; надо было только на судѣ доказать виновность убитаго. За убійство собственнаго раба некому было даже и привлечь къ отвѣтственности убійцу, ибо онъ не нарушалъ ничьихъ интересовъ, кромѣ собственныхъ.

Древнее право беретъ подъ свою защиту рабовладѣльческія права отъ посягательствъ со стороны постороннихъ лицъ, но ничѣмъ не ограждаетъ интересовъ холоповъ. Самымъ главнымъ огражденіемъ правъ господина надъ рабомъ было правило Русской Правды о закличѣ: о скрывшемся холопѣ объявлялось на торгу, и если въ теченіе 3 дней холопа никто не приводилъ, то господинъ могъ взять его у всякаго, хотя бы добросовѣстнаго владѣльца (Тр. 26; Кар. 27). Въ позд-

нѣйшихъ памятникахъ формулировано и правило о вѣчности исковъ о холопствѣ, давностью не погашавшихся: „А въ холопѣ и робѣ отъ вѣка судъ". Кто убьетъ холопа безъ вины или окажетъ содѣйствіе его бѣгству, уплачиваетъ господину стоимость раба.

Съ другой стороны, господинъ отвѣчаетъ за дѣйствія своего раба передъ третьими лицами. Русская Правда въ нѣсколькихъ статьяхъ и весьма казуистично рѣшаетъ вопросъ объ отвѣтственности господъ за своихъ рабовъ. Общій смыслъ этихъ постановленій тотъ, что за всѣ дѣйствія холопа, совершенныя по уполномочію господина, послѣдній отвѣчалъ полностью во всѣхъ убыткахъ, причиненныхъ третьимъ лицамъ: „выкупати его господину и не лишитись его" (Тр. 111; Кар. 128). Если холопъ собственными дѣйствіями, безъ вѣдома господина, причинялъ ущербъ третьему (укралъ, вылгалъ деньги), то господину предоставлялось или уплатить убытки или выдать холопа потерпѣвшему (Тр. 110, 114, 115; Кар. 127, 131, 132). Если ко всѣмъ указаннымъ постановленіямъ присоединить еще правило Русской Правды о недопущеніи холоповъ къ послушеству, кромѣ случаевъ крайней нужды, и при томъ только тіуновъ боярскихъ (Тр. 59; Кар. 77), то получится довольно строго проведенный взглядъ на холопа, какъ на объектъ права.

Такая суровая нормировка рабовладѣльческаго права находитъ объясненіе въ томъ, что хозяйственный строй страны основанъ былъ въ значительной мѣрѣ на рабовладѣніи. Трудъ холопа находилъ широкое примѣненіе въ домашнемъ хозяйствѣ при городскихъ и загородныхъ дворахъ и въ селахъ, принадлежавшихъ князьямъ, боярамъ и монастырямъ. Лѣтопись не одинъ разъ упоминаетъ о княжескихъ и боярскихъ селахъ, сплошь населенныхъ челядью. О численномъ составѣ несвободнаго населенія въ частныхъ хозяйствахъ можно отчасти судить по слѣдующему случайному указанію: у одного изъ черниговскихъ князей въ его загородномъ дворѣ побѣдитель захватилъ 700 человѣкъ челяди (выше, стр. 75—76). Челядь не только исполняла земледѣльческія и иныя черныя работы, но и обучалась разнымъ ремесламъ: Русская Правда рѣзко различаетъ обыкновенныхъ холоповъ, „рядови-

чей“, отъ „ремественниковъ“, оцѣнивая послѣднихъ значительно дороже (Тр. и Кар. 11, 12).

Еще выше стояли холопы, которымъ поручались въ завѣдываніе отдѣльныя отрасли хозяйства: это были ключники и тіуны сельскіе, ратайные, огнищные, конюшіе и пр. Они были самыми приближенными людьми своихъ господъ, не исключая и князей, и являлись важными органами государственнаго управленія въ сферѣ суда и особенно финансовъ, такъ какъ въ то время нельзя было отличить частнаго княжескаго хозяйства отъ государственнаго. Поручить такую щекотливую отрасль управленія, какъ хозяйство, было всего удобнѣе несвободному человѣку, именно потому, что свободный не былъ ничѣмъ связанъ съ княземъ, кромѣ своей доброй воли, тогда какъ холопъ былъ вѣчно крѣпокъ господину. Служба холоповъ въ домашнемъ хозяйствѣ господъ явилась прототипомъ государственной службы; изъ отдѣльныхъ обязанностей холоповъ при княжескихъ дворахъ возникли важнѣйшія государственныя должности. Такъ это было не только у насъ, но и въ средневѣковой Европѣ.

Холопство сыграло еще другую немаловажную роль въ хозяйственномъ строѣ страны: челядью древняя Русь выгодно торговала. Наряду съ мѣхами, медомъ и воскомъ, челядь была однимъ изъ главныхъ предметовъ отпускной торговли, о чемъ неоднократно упоминаетъ лѣтопись, и что такъ наглядно выразилъ Святославъ, пожелавъ переселиться въ Переяславецъ на Дунаѣ, какъ центръ, въ который стекались товары со всѣхъ странъ: отъ грековъ золото, паволоки и вина, отъ чеховъ и угровъ серебро, „изъ Руси же скора и медъ, воскъ и челядь“. Въ Константинополѣ, около церкви св. Мамы, былъ спеціальный торгъ русскими невольниками, которыхъ охотно раскупали въ гребцы. Еще отъ XVI в. имѣются свѣдѣнія, что въ Италіи особенно охотно покупали русскихъ рабынь и дорого за нихъ платили. Уже съ древнѣйшихъ временъ—впервые по договорамъ съ греками, потомъ въ Русской Правдѣ—таксировалась стоимость рабовъ: въ 20 золотниковъ по первому договору, отъ 10 до 5 золотниковъ по второму; по Русской Правдѣ рядовой холопъ оцѣненъ въ 5 гривенъ купъ, роба въ 6 гривенъ, ремесленники и сельскіе тіуны въ 12 гривенъ.

боярскіе тіуны въ 40 гривенъ, наконецъ, княжескіе тіуны огнищные и конюшіе въ 80 гривенъ, т. е. въ сумму, равную двойной вирѣ.

Послѣдовательное проведеніе въ практику взгляда на холопа, какъ на объектъ права, было, однако, невозможно и для самой древней эпохи. Что рабъ не скотъ—это вполнѣ понятно и Русской Правдѣ. (Тр. 33; Кар. 34). Холопы, пользовавшіеся въ такой мѣрѣ довѣріемъ своихъ господъ, что имъ поручались въ управленіе важныя отрасли хозяйства, жили въ соотвѣтственной ихъ положенію обстановкѣ: отдѣльнымъ хозяйствомъ, въ особыхъ дворахъ. Русская Правда предусматриваетъ случай, что нѣкто завѣдомо холопу даетъ деньги, и опредѣляетъ: „а кунъ ему лишитися" (Тр. 110; Кар. 127). Значитъ, находились лица, ссужавшія холоповъ деньгами, конечно, съ расчетомъ получить долгъ обратно. Въ огражденіе господскихъ интересовъ Русская Правда объявляетъ такіе долги ничтожными, и если, вопреки этой угрозѣ, холопы могли отыскать кредиторовъ, то это заставляетъ думать, что въ рукахъ холоповъ было имущество, которымъ они самостоятельно распоряжались. Такая практика была, повидимому, вовсе не исключительной, такъ какъ даже иностранцы открывали холопамъ кредитъ. Потому, вѣроятно, въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. и было сдѣлано серьезное отступленіе отъ строгаго правила Русской Правды: постановлено, что если нѣмецъ дастъ взаймы княжескому или боярскому холопу, а послѣдній умретъ, не заплативъ долга, то долгъ переходилъ на того, кто получалъ имущество умершаго (ст. 12). Эта статья не только подтверждаетъ кредитоспособность холоповъ, но показываетъ, что послѣ холоповъ могло оставаться имущество, на которое могли быть предъявлены претензіи ихъ наслѣдниками.

Судя по вышеприведеннымъ даннымъ, строгое право на холоповъ въ практикѣ значительно смягчалось, и холопъ изъ объекта правъ могъ оказаться въ положеніи правомочнаго субъекта. Такое превращеніе нисколько, впрочемъ, не колебало господскихъ правъ, такъ какъ было возможно лишь съ соизволенія самихъ господъ. Однако, такая практика должна была мало-по малу подготовлять почву и для улучшенія юридическаго положенія холоповъ. Этому энергично способ-

ствовала христіанская церковь, представители которой взяли на себя нелегкую задачу смягченія рабовладѣльческихъ нравовъ. Противъ института холопства церковь по существу не только не возражала, но даже въ первое время разрѣшала обладаніе холопами отдѣльнымъ представителямъ клира: по крайней мѣрѣ Р. Правда упоминаетъ о черпеческихъ или черньцевыхъ холопахъ (Тр. 42; Кар. 45). Но въ своихъ заботахъ о спасеніи пасомыхъ, церковь не могла не признать и въ челяди образа и подобія Божія, ибо рабы такіе же люди, только господамъ въ услуженіе данные Богомъ. Въ цѣломъ рядѣ посланій рабовладѣльцы увѣщеваются обращаться съ челядью милостиво, кормить и одѣвать ее и наставлять, какъ своихъ дѣтей или домашнихъ сиротъ. Кто не кормитъ и не обуваетъ свою челядь, и ее убьютъ у воровства, тотъ несетъ отвѣтственность передъ Богомъ за пролитую кровь. За ослушаніе рекомендуется наказать челядь лозою отъ 6 до 30 ранъ, но не болѣе. Однако, увѣщанія церковныхъ поученій едва-ли часто трогали рабовладѣльческую совѣсть; для воздѣйствія на нее необходимы были болѣе внушительныя средства. Ихъ и примѣняла церковь къ жестокимъ господамъ, которые томили свою челядь наготою, ранами и голодомъ и желали затѣмъ успокоить свою совѣсть богатыми приношеніями и вкладами на пользу церкви за упокой своей души: отъ такихъ господъ запрещалось принимать дары и рекомендовалось лучше помогать изобиженнымъ и „сотворить ихъ безпечальными“.

Особенно настойчиво церковь боролась противъ произвольнаго убійства рабовъ и противъ торговли рабами. Весьма вѣроятно, что подъ прямымъ вліяніемъ Закона Суднаго или Градского закона составилось еще болѣе категоричное правило такъ назыв. „Бѣлеческаго устава“ или „Заповѣди“ митр. Георгія, гдѣ сказано: „аще кто челядина убъетъ, яко разбойникъ епитемью пріиметъ“. Но такое строгое правило церковнаго права долго не проникало въ общественные нравы: памятникъ свѣтскаго права конца XIV вѣка (Двинская грамота, ст. 11) еще не далеко ушелъ отъ воззрѣній эпохи Русской Правды на неограниченность рабовладѣльческихъ правъ, обезпечивая безотвѣтственность господаря, если тотъ „огрѣ-

шится, ударить своего холопа или робу", и отъ того случится смерть. Хотя здѣсь не облагается наказаніемъ, повидимому, лишь неумышленное убійство рабовъ, но на практикѣ по этой статьѣ всегда можно было предъявить отводъ противъ всякаго обвиненія въ убійствѣ собственнаго холопа.

Въ борьбѣ съ работорговцами церковныя поученія вооружаются противъ продажи челяди иновѣрцамъ (поганымъ) и назначаютъ для ослушниковъ церковныя наказанія. Осуждаются также обычные пріемы профессіональныхъ торговцевъ: церковь требовала, чтобы челядь продавали за ту же цѣну, по какой она куплена; если же кто взимаетъ лишки, „то обрѣтается наклады емля и прасоля чужими душами", за что поученія угрожали серьезною отвѣтственностью передъ Богомъ. Но и эти увѣщанія едва ли могли имѣть серьезные результаты, какъ и церковныя проповѣди противъ рѣзоиманія.

Успѣшнѣе сказывалось вліяніе церкви въ вопросахъ объ отпущеніи холоповъ на волю. Воздѣйствуя на своихъ сыновъ во время исповѣди, особенно передъ смертью, духовенство имѣло возможность во многихъ случаяхъ настоять на освобожденіи хотя нѣсколькихъ людей изъ состава челяди каждаго рабовладѣльца „на упокой души" или „по душѣ". Такіе отпущенники по духовнымъ завѣщаніямъ назывались, поэтому, „задушными людьми". Далѣе, духовенство стремилось провести въ практику правила объ обязательномъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отпущеніи холоповъ на волю по почину и передъ лицомъ общественной власти. О такой торжественной формѣ отпущенія упомянуто въ Русской Правдѣ (Кар. 118). Здѣсь же указанъ и случай обязательнаго, послѣ смерти отца, отпущенія дѣтей, прижитыхъ имъ отъ своей рабыни: такія дѣти не получали наслѣдства, но освобождались вмѣстѣ съ матерью (Тр. 92; Кар. 110). По уставу Всеволода Гавріила и робичичи получали указную часть изъ имущества отца: „конь, да доспѣхъ и покрутъ, по разсмотрѣнію живота". О другомъ случаѣ освобожденія на волю упомянуто въ договорѣ Новгорода съ нѣмцами 1195 г.; именно, изнасилованная рабыня получала свободу (ст. 14). Хотя смыслъ статьи и ясенъ, но редакція ея возбуждаетъ рядъ сомнѣній: необходимо допустить, что она не полностью переписана. Единственно воз-

можное толкованіе ея сводится къ тому, что здѣсь подразумѣвается изнасилованіе чужой рабыни; иначе статья и не могла бы попасть въ договоръ. Но статья предусматриваетъ послѣдствія дѣянія лишь относительно рабыни и ни словомъ не упоминаетъ о возмѣщеніи господскаго ущерба; надо думать, что въ подлинникѣ было предусмотрѣно и это послѣдствіе правонарушенія. Что церковь заботилась объ охранѣ половой нравственности въ средѣ холоповъ—это подтверждается и другими, чисто церковными памятниками. Весьма вѣроятно, что не безъ вліянія церкви возникла упомянутая статья.

Наконецъ, церковь оказывала содѣйствіе холопамъ, стремившимся выкупиться на свободу, какъ матеріальной поддержкой, такъ и устраненіемъ препятствій къ осуществленію этихъ стремленій. Она боролась, напр., съ обычаемъ брать „изгойство на искупающихся на свободу“ и проповѣдывала, что если кто выкупается на свободу, то долженъ дать за себя столько, сколько заплачено за него. Надбавка свыше обычной цѣны называлась изгойствомъ, конечно, потому, что выкупившіеся изъ холопства причислялись къ составу изгоевъ и въ качествѣ таковыхъ, какъ люди беззащитные, нуждавшіеся въ посторонней поддержкѣ, совмѣстно съ задушными людьми и прощенниками, входили въ категорію людей церковныхъ, богадѣльныхъ, состоящихъ подъ покровительствомъ церковныхъ учрежденій. Для послѣднихъ было бы немыслимо прокормить на собственныя средства всю эту огромную массу несчастныхъ; церковь должна была озаботиться приспособленіемъ этихъ свободныхъ рабочихъ рукъ къ различнымъ отраслямъ хозяйства, въ частности къ земледѣлію. Памятники упоминаютъ о состоящихъ во владѣніи церковныхъ учрежденій „селахъ со изгои“. Любопытныя указанія на практику хозяйственной эксплоатаціи труда церковныхъ людей сообщаетъ Владимірскій соборъ 1274 г.: „отъ нищихъ, насилье дѣюще, или на жатву, или сѣночи, или провозъ дѣяти“. Соборъ это запрещаетъ. (Р. И. Б. VI, 92).

В. Сергѣевичъ. Юр. Др. I, 98—151; *В.-Будановъ.* Обзоръ, 400—408; *Чичеринъ.* Холопы и крестьяне въ Россіи до XVI в. (Опыты по ист. русск. права 1858); *Щаповъ.* Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ лю-

дей, 1859; *В. Ключевскій*. Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи. Русск. Мысль 1886, №№ 5 и 7.

Изгои.

О группѣ лицъ, извѣстныхъ подъ именемъ „изгоевъ" сохранились къ сожалѣнію лишь рѣдкія указанія древнихъ памятниковъ. Р. Правда, перечисляя лицъ, за убійство которыхъ назначается вира въ 40 гривенъ, упоминаетъ послѣ мечника объ изгоѣ и словѣнинѣ (Тр. 1). Значитъ, жизнь изгоя ограждалась отъ посягательствъ наравнѣ съ жизнью вообще свободнаго человѣка и боярскаго тіуна. Наоборотъ, другіе памятники рисуютъ положеніе изгоевъ въ весьма невыгодномъ для нихъ свѣтѣ. Самое важное указаніе на изгоевъ содержитъ церковный уставъ новгородскаго кн. Всеволода. Въ числѣ церковныхъ людей онъ упоминаетъ: „изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣеть, холопъ исъ холопьства выкупится, купець одолжаеть; а се и четвертое изгойство и къ себѣ приложимъ: аще князь осиротѣеть". Къ числу изгоевъ здѣсь причислены лица, принадлежавшія къ разнымъ общественнымъ классамъ и профессіямъ и объединенныя лишь однимъ общимъ признакомъ: они выбыли изъ прежняго своего положенія и покинули свои обычныя занятія. Другая общая у нихъ черта заключается въ томъ, что они причислены къ церковнымъ людямъ, т. е. отданы подъ покровительство церкви.

Еще два памятника содержатъ упоминанія объ изгояхъ. По церковному уставу смоленскаго кн. Ростислава епископіи смоленской отданы: „село Дросенское, со исгои и съ землею, . . . и село Ясенское, и съ бортникомъ и съ землею и съ исгои". А въ упомянутомъ выше (стр. 96) посланіи митр. Климента отмѣчено стремленіе богатыхъ землевладѣльцевъ къ округленію своихъ имѣній и къ привлеченію на нихъ поселенцевъ въ лицѣ изгоевъ и сябровъ. Изъ сопоставленія этихъ данныхъ отнюдь нельзя заключить, что поселенные на землѣ изгои были тѣ же смерды или крестьяне. Князь жертвуетъ села не только съ землею, т. е. и съ участками, на которыхъ поселены изгои, но и съ самими изгоями и съ бортникомъ. Это явно указываетъ на зависимое положеніе изгоевъ. Эта же

необезпеченность или зависимость положенія изгоевъ подтверждается и тѣмъ, что въ Новгородской землѣ они отданы подъ покровительство церкви.

Но кто же такіе изгои, и откуда пошло ихъ названіе? На выясненіе этого вопроса потрачено не мало усилій въ исторической литературѣ. Состояніе изгоевъ хотѣли объяснить то изъ условій родового быта, какъ отпавшихъ или исключенныхъ изъ рода, то изъ условій быта общиннаго, какъ вышедшихъ изъ общины. Корень же слова „изгой" искали то въ готскомъ языкѣ, то въ иллирійскомъ, то въ латышскомъ. Но давно уже указано (Буслаевымъ) и происхожденіе этого слова отъ славянскаго *гоить—жить*. И это словопроизводство надо признать единственно правильнымъ. Слово *гой* произошло отъ *жить* такъ же, какъ *кой* (въ словѣ *покой*) отъ *чить* (*почить*), *пой* (въ словѣ *водопой*) отъ *пить*, или *лой* (жиръ) и *вой* (въ словѣ *повой*) отъ *лить* и *вить*. Слово *гоить* сохранилось и въ современномъ народномъ языкѣ въ смыслѣ *жить, устроить, убирать, ладить, работать*, въ частности въ сложныхъ глаголахъ—*загоить, -ся* и *угоить*; напр. *рана загоилась* (*зажила*), *изба угоена* (*устроена, убрана*), *кони угоены (накормлены)*. Частица *изъ*, соотвѣтствующая латинскому предлогу ex, напр., въ словѣ egens, обозначаетъ изъятіе, исключеніе и даже противоположеніе (напр., избрать, излюбить, износить). По понятіямъ древности „жить" значитъ имѣть средства къ существованію. Поэтому „жизнь" и „животъ" обозначаютъ имущество (Ипат. 1150 г.: кн. Изяславъ говоритъ своей дружинѣ: „Вы есте по мнѣ из Руские земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизнии лишився"; Псковск. грам., ст. 76, 84 и 86: „изорничь животъ"; ср. ст. 87, 89 и др.). То же значеніе термина „жить" сохранилось и въ современныхъ сложныхъ *прожитокъ, зажиточный, нажить*. Наоборотъ, „изгой" обозначаетъ человѣка, лишеннаго средствъ къ существованію, а поэтому нуждающагося въ поддержкѣ и покровительствѣ. Таковы именно всѣ лица, перечисленныя въ новгородскомъ уставѣ: всѣ они лишились обычныхъ для каждаго способовъ существованія, а потому и зачислены въ составъ церковныхъ людей.

Надо думать, что перечисленіе изгоевъ въ новгородскомъ уставѣ только примѣрное, а отнюдь не исчерпывающее. Изъ приведенныхъ примѣровъ самое важное общественное значеніе имѣютъ изгои, вышедшіе изъ состоянія холопства, какъ по численному составу этой группы, такъ и по той хозяйственной роли, какая выпадала на нее въ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Что эта группа изгоевъ была наиболѣе многочисленной, явствуетъ и изъ того, что одинъ древній памятникъ—„Прѣдсловие покаянию“—въ числѣ способовъ неправеднаго обогащенія упоминаетъ и о „емлющихъ изгойство на искупающихся отъ работы“. Терминъ „изгойство“ прежде всего обозначаетъ состояніе изгоя; кн. Всеволодъ говоритъ: „а се и четвертое изгойство и къ себѣ приложимъ“. Но въ выраженіи „имать изгойство“ этотъ терминъ объясняется изъ того же „Прѣдсловия“, гдѣ сказано: „Такоже иже кто выкупается на свободу, то толико же дасть на собѣ, колико же дано на немъ“. Значитъ, „изгойство“—это надбавка въ цѣнѣ свыше стоимости холопа. Рабовладѣльцамъ рекомендовалось продавать челядь за ту же цѣну, какая за нее уплачена; „аще ли лише, то обрѣтается наклады емля и прасоля живыми душами“. Надбавка въ цѣнѣ свыше стоимости раба потому и названа „изгойствомъ“, что выкупающіеся на свободу холопы зачислялись въ разрядъ изгоевъ (Русск. Ист. Библ. VI, 842—843).

В. Сергѣевичъ. Р. Юр. Др., I., 272—275; *В.-Будановъ.* Обзоръ, 399 и сл.; *Н. Калачовъ.* О значеніи изгоевъ и состояніи изгойства въ древней Руси. Архивъ истор.-юрид. свѣдѣній, относящихся до Россіи, кн. 1-я и кн. 2-я, половина вторая; *Авг. Энгельманъ.* Замѣчанія о словѣ изгой, тамъ же, кн. 3-я; *К. Аксаковъ.* Собр. соч., 1, 25—38; *П. Мрочекъ-Дроздовскій.* Изслѣдованія о Р. Правдѣ. Приложенія ко 2-му выпуску. О словѣ „изгой“, 40—78; *П. В. Голубовскій.* Исторія Смоленской земли, стр. 238, прим.

Власть.

Вопросъ объ организаціи государственной власти сводится къ вопросу о формахъ правленія. Еще Аристотель указалъ, что формы правленія различаются въ зависимости отъ того, принадлежитъ ли власть одному лицу, нѣсколькимъ или, на-

конецъ, всѣмъ. Онъ же далъ и названія соотвѣтственнымъ формамъ правленія: монархія, аристократія и политія (у позднѣйшихъ писателей переименованная въ демократію). Къ этимъ простымъ или чистымъ формамъ правленія Полибій присоединилъ смѣшанныя, какъ тѣ или иныя формы комбинаціи простыхъ формъ.

Каковы же были формы власти въ древней Руси? На этотъ вопросъ предложены разные отвѣты, и разногласія изслѣдователей не устранены и до сихъ поръ. Вслѣдъ за Карамзинымъ, старые историки представляли себѣ нашъ древній государственный бытъ монархическимъ. Карамзинъ видитъ въ первыхъ князьяхъ „самовластныхъ монарховъ, повелѣвающихъ народомъ, который сохранилъ лишь нѣкоторыя обыкновенія вольности". Хотя эта точка зрѣнія находитъ сторонниковъ, правда рѣдкихъ, и среди современныхъ изслѣдователей, но она не можетъ быть признана научною. Въ настоящее время господствуетъ мнѣніе, согласно которому формы власти древнерусскихъ земель признаются смѣшанными. Но виды этого смѣшенія представляются спорными. Одни полагаютъ, что въ образованіи власти „участвуютъ два элемента, а именно: монархическій, въ лицѣ князя, и народный, демократическій элементъ, въ лицѣ вѣча" (В. Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія. Изд. 3-е, 130). Другіе находятъ, что въ древнее время у насъ „формы верховной власти были тройственны. Въ составъ власти входятъ: князь, боярская дума и народное собраніе (вѣче)" (В.-Будановъ. Обзоръ, 37). Этотъ послѣдній выводъ надо признать болѣе правильнымъ. Отдѣльное разсмотрѣніе элементовъ, образующихъ государственную власть древнерусскихъ земель, должно оправдать это заключеніе.

Вѣче.

Вѣче (отъ вѣщать) есть народное собраніе, являющееся органомъ государственной власти, чрезъ посредство котораго народъ проявляетъ свою волю въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ. Это институтъ обычнаго права, а потому нельзя указать времени его возникновенія. Обычай обсуждать и рѣшать дѣла въ народныхъ собраніяхъ существуетъ у славянъ из-

давна. Объ этомъ свидѣтельствуютъ византійскіе писатели Прокопій и Маврикій. Наша первоначальная лѣтопись отмѣчаетъ, что отдѣльныя племена русскихъ славянъ предпринимали сообща тѣ или другія дѣйствія, обсудивъ ихъ предварительно: „рѣша сами в себѣ—поищемъ собѣ князя“; „сдумавше же поляне и вдаша отъ дыма мечь“ (выше, стр. 59—60). Какъ въ этихъ, такъ и въ болѣе позднихъ извѣстіяхъ XI—XII вв. нѣтъ прямыхъ указаній на народныя собранія или вѣча, но необходимо заключать о нихъ на основаніи согласныхъ и общихъ дѣйствій всего народа или всѣхъ людей такого то города или такой то земли.

Первое упоминаніе о дѣятельности вѣча записано въ лѣтописи по поводу осады Бѣлгорода печенѣгами. Владиміръ св. не могъ оказать помощи этому пригороду за неимѣніемъ войска, а осажденные испытывали голодъ „и створиша вѣче в городѣ, и рѣша: . . . дадимъ ся печенѣгомъ“. Но одинъ старецъ „не былъ на вѣчи томь, и въпраша: что ради вѣче было? И людье повѣдаша ему“. Тогда старецъ пригласилъ городскихъ старѣйшинъ, просилъ ихъ не сдаваться въ теченіе трехъ дней и предложилъ хитростью обмануть печенѣговъ, доказавъ имъ, что въ городѣ имѣются большіе запасы продовольствія. Совѣтъ старца былъ принятъ, и обманутымъ печенѣгамъ пришлось снять осаду (Лавр. 997 г.). Это древнѣйшее свидѣтельство о вѣчѣ содержитъ и важныя данныя для характеристики нашихъ древнихъ народныхъ собраній.

Къ сожалѣнію такихъ подробныхъ указаній на вѣчевую дѣятельность сохранилось немного, а потому далеко не все можетъ быть въ ней выяснено. Нагляднымъ подтвержденіемъ сказанному можетъ служить все то, что намъ извѣстно о вѣчевой жизни въ Смоленской землѣ. Лѣтопись ни разу не употребляетъ термина „вѣче“ при описаніи политической жизни въ Смоленскѣ. Не слѣдуетъ ли отсюда заключить, что вѣчевой строй тамъ и не существовалъ? Отнюдь нѣтъ. Смоленскій князь Давидъ съ смольнянами отправился въ походъ на помощь южнымъ князьямъ противъ половцевъ. Войско дошло до Треполя. Здѣсь „смолняне почаша вѣчѣ дѣяти, рекуще: мы пошли до Киева, да же бы была рать, билися быхомъ; намъ ли иноѣ рати искати, то не можемь, уже ся есмы

изнемоглѣ" (Ипат. 1185 г.). Итакъ, смольняне въ походѣ собрались на вѣчѣ и постановили важное рѣшеніе, которому подчинился и князь, т. к. вернулся изъ похода. Но можно ли допустить, что смольняне у себя дома не прибѣгали къ тому же способу обсужденія и рѣшенія интересовавшихъ ихъ дѣлъ, какой примѣнили во время военнаго похода? Ниже приведено извѣстіе лѣтописца объ обычаѣ разныхъ русскихъ волостей сходиться на вѣча; въ числѣ ихъ упомянута и Смоленская. Значитъ, вѣчевой строй былъ присущъ и Смоленскому княженію, но не нашелъ надлежащаго отраженія въ сохранившихся памятникахъ. То же надо сказать и о многихъ другихъ княженіяхъ. Но бѣдность прямыхъ указаній памятниковъ на дѣятельность вѣча можетъ быть отчасти пополнена косвенными указаніями на участіе всего свободнаго населенія въ политической жизни страны.

Проф. Сергѣевичъ именно такимъ путемъ подобралъ свѣдѣнія о дѣятельности народныхъ собраній для 50 городовъ и пригородовъ древнерусскихъ земель. Изъ этихъ данныхъ явствуетъ, что вѣчевой бытъ существуетъ не только въ Новгородѣ и Псковѣ, Смоленскѣ и Полоцкѣ; не только во всѣхъ южныхъ и юго-западныхъ княженіяхъ, но также и въ сѣверо-восточныхъ городахъ, какъ старыхъ—Ростовѣ и Суздалѣ, такъ и въ новыхъ—Владимірѣ-Клязьминскомъ и Переяславлѣ Залѣсскомъ. Какъ разъ по поводу борьбы владимірцевъ съ ростовцами и суздальцами современникъ припомнилъ укоренившуюся практику политической жизни нашихъ старыхъ княженій: „Новгородци бо изначала, и смолняне, и кыяне, и полочане, и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся" (Лавр. 1176 г.). Итакъ, не только цѣлый рядъ отдѣльныхъ случаевъ въ различныхъ городахъ, но и свидѣтельство современника согласно подтверждаютъ наличность обычая во всѣхъ волостяхъ („вся власти") сходиться на вѣча для думы, т. е. для обсужденія и рѣшенія вопросовъ, затрогивающихъ интересы страны.

Вѣче—повсемѣстное явленіе въ древней Руси. Это объясняется въ древнее время тѣмъ, что участіе народа въ политической жизни страны съ свободнымъ населеніемъ было совершенно необходимо. Прежде всего, каждый свободный считалъ своимъ правомъ по собственному усмотрѣнію рѣшать

вопросы, его интересующіе и касающіеся. Князь же съ своей стороны постоянно нуждался въ поддержкѣ народа, такъ какъ не располагалъ достаточными собственными средствами для проведенія въ жизнь тѣхъ или иныхъ мѣръ противъ желанія народа. Таковъ общій порядокъ во всѣхъ странахъ со слабо развитою государственною властью, не обладающею достаточно сильными исполнительными органами. Цезарь характеризуетъ власть гальскихъ князьковъ словами одного изъ нихъ: „non voluntate sua fecisse, sed coactu civitatis, suaque esse ejusmodi imperia ut non minus haberet juris in se multitudo quam ipse in multitudinem". Тацитъ о германскихъ конунгахъ говоритъ: „nec regibus infinita aut libera potestas"; что они во всемъ дѣйствуютъ „exemplo potius quam imperio". Адамъ Бременскій о шведахъ свидѣтельствуетъ: „reges habent, quorum tamen vis pendet in populi sententia". При такихъ условіяхъ народныя собранія являются существенною частью политическаго строя страны.

(*Fustel de Coulanges*. La Gaule romaine. Ch. II. Du regime politique des Gaulois; *R. Schröder*. Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte. 5. Die Landesgemeinde und das Königtum; *H. Brunner*. Deutsche, Rechtsgeschichte, I, 2 Aufl., 170; См. *Эд. Фриманъ*. Сравнительная политика. Пер. под. ред. Н. Коркунова).

Вѣче есть форма непосредственнаго участія народа въ обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ, а не чрезъ представителей. На вѣчѣ имѣетъ право присутствовать каждый свободный, хотя отнюдь къ тому не обязанъ: участвовали только желающіе. Это „людіе" такіе то или жители такого то города или земли. „Людье кыевстии прибѣгоша Кыеву, и створиша вѣче на торговищи, и рѣша, пославшеся ко князю" (Лавр. 1068). Послѣ смерти Андрея Боголюбскаго „ростовци, и суждалци, и переяславци, и вся дружина, отъ мала до велика съѣхашася к Володимерю и рѣша" (Лавр. 1175). Князья Володарь и Василько осадили кн. Давида въ г. Владимірѣ-Волынскомъ „и посласта к володимерцемъ, глаголюща: вѣ не придоховѣ на городъ вашь, ни на васъ" и потребовали выдачи Туряка, Лазаря и Василя. „Гражани же слышавше се, и созвониша вѣче, и рекоша Давидови людье на вѣче: выдай мужи сия" (Ипат. 1097). Иногда же перечисляются различные классы

свободнаго населенія, присутствовавшіе на вѣчѣ, какъ это сказано въ заголовкѣ Новгородской грамоты (выше, стр. 57); изъ участвовавшихъ же въ составленіи Псковской грамоты подробно перечислены только разряды лицъ духовныхъ, а про всѣхъ прочихъ упомянуто кратко: весь Псковъ (стр. 53).

Необходимо, однако, отмѣтить два ограниченія къ общему порядку участія на вѣчахъ всѣхъ свободныхъ: одно юридическое, другое фактическое. Не всѣ свободные были въ то же время и дѣеспособны: таково, именно, положеніе сыновей при отцахъ. На вѣчахъ за дѣтей рѣшаютъ вопросы ихъ отцы. На предложеніе кн. Изяслава выступить въ походъ противъ дяди его Юрія, кіевляне отвѣтили: „княже! ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Володимире племя руки възняти; оня же Олговичь хотя и с дѣтми" (Ипат. 1147). Въ томъ же году, спустя нѣсколько дней кн. Изяславъ приглашалъ кіевлянъ противъ Ольговичей, напоминая данное ими обѣщаніе: „доспѣвайте отъ мала и до велика, кто имѣеть конь, кто ли не имѣеть коня, а в лодьи. Кияне же рекоша: ради,... идемъ по тобѣ и с дѣтми, акоже хощеши" (тамъ же). Такъ и куряне заявляютъ своему князю Мстиславу по поводу похода противъ нихъ Глѣба Юрьевича и Святослава Ольговича: „оже се идуть Олговичь, ради ся за тя бьемъ и с дѣтьми, а на Володимире племя на Гюргевича не можемъ руки подьяти" (тамъ же). Дрючане, призывая къ себѣ княземъ Рогволода Борисовича, говорятъ: „поѣди, княже, не стряпай, ради есме тобѣ; аче ны ся и съ дѣтьми бити за тя, а ради ся бьемъ за тя" (тамъ же, 1159).

Фактическое ограниченіе сводилось къ невозможности для цѣлаго круга лицъ свободныхъ принять участіе въ томъ или иномъ собраніи вслѣдствіе того, что до нихъ не доходила своевременно вѣсть о предположенномъ собраніи. Въ такомъ положеніи находились всѣ свободные, проживающіе не въ томъ пунктѣ поселенія, гдѣ собирается вѣче. Такъ какъ важнѣйшія вѣчевыя собранія происходили въ главномъ городѣ земли, то жители пригородовъ, погостовъ и селъ не могли въ нихъ принимать участія, если не знали заранѣе о срокѣ собранія. По общему же правилу ни предварительныхъ оповѣщеній, ни заранѣе установленныхъ сроковъ для созыва вѣчевыхъ собраній

не существовало. Нерѣдко вѣче собиралось внезапно. Такъ, кн. Изяславъ Мстиславичъ явился въ Новгородъ и „наутрии же день пославъ на Ярославль дворъ и повелѣ звонити вѣче". Современникъ говоритъ, что по этому зову „новгородци и плесковичи снидошася на вѣче" (Ипат. 1148); но очевидно, что изъ псковичей могли явиться только тѣ, которые случайно въ этотъ моментъ оказались въ Новгородѣ. Но въ рѣдкихъ случаяхъ имѣли мѣсто приглашенія пригорожанъ на вѣче. Такъ, „новгородьци призваша пльсковиче и ладожаны, и сдумаша, яко изгонити князя своего Всѣволода" (Синод 1136). Здѣсь упомянуто о приглашеніи жителей только двухъ пригородовъ; другіе же пригорожане остались не оповѣщенными.

За указанными ограниченіями, всѣ свободные имѣли право и могли принимать участіе въ собраніяхъ, если желали; но обязанности присутствовать на вѣчахъ вовсе не существовало. Въ Новгородѣ по поводу столкновенія изъ-за посадника Твердислава „възвониша у святаго Николы ониполовіцы (жители той стороны Волхова), а Неревьскый коньчь у святыхъ 40 . . . а загородьци не въсташа ні по сихъ, ни по сихъ" (Синод. 1218). За Твердислава стоялъ Людинъ конецъ и жители Прусской улицы; всѣ другіе концы были противъ него, кромѣ Загородскаго конца, который въ столкновеніи остался нейтральнымъ и никакого участія въ дѣлѣ не принялъ. Не принималъ участія на вѣчѣ въ Бѣлгородѣ и тотъ старецъ, который потомъ предложилъ перерѣшить вопросъ (стр. 116).

Вѣча созывались по почину лицъ, желавшихъ передать на рѣшеніе собраній тотъ или другой вопросъ. Гораздо чаще такимъ лицомъ оказывался самъ князь, который былъ вынужденъ обращаться къ вѣчу за рѣшеніемъ и поддержкой по всѣмъ вопросамъ, когда личный авторитетъ князя являлся недостаточнымъ. Въ лѣтописи отмѣченъ цѣлый рядъ случаевъ созыва князьями вѣчевыхъ собраній то для подкрѣпленія договора съ княземъ (Ипат. 1146: послѣ смерти кн. Всеволода Ольговича братъ его Игорь „ѣха Киеву, и созва кияне вси на гору на Ярославль дворъ, и цѣловавше к нему хресть"), то для обсужденія вопросовъ о военныхъ походахъ (тамъ же, 1178: „Сѣдящю же Мьстиславу в Новѣгородѣ Велицемь, и вложи Богъ въ сердче мысль благу пойти на

чюдь, и созва мужи Новгородскыѣ и рече имъ") или объ избраніи себѣ преемника (Всеволодъ Ольговичъ пріѣхалъ съ братомъ Игоремъ въ Кіевъ „и съзва киянѣ вси" Ипат. 1146; Полн. Собр. Лѣт., т. X, 63: въ 1212 г. „кн. вел. Всеволодъ созва всѣхъ бояръ своихъ з городовъ и съ волостей, и игумены, и попы, и купца, и дворяны, и вси люди, и да сыну своему Юрью Володимерь по себѣ, и води всѣхъ ко кресту, и целоваша вси людии на Юрьи") и пр. Но вѣче могло собраться и безъ княжескаго созыва. Это было неизбѣжно въ тѣхъ случаяхъ, когда князя не было, напр., когда князь умеръ, а вопросъ о замѣщеніи стола надо было рѣшить (см. ниже о призваніи князей); но то же могло имѣть мѣсто и при наличности князя, когда къ нему предъявляются какія либо новыя требованія, или когда возникалъ вопросъ объ удаленіи со стола неугоднаго князя. Въ 1146 г. кіевляне, послѣ собранія на Ярославлѣ дворѣ по созыву князя, „пакы скупишася вси у Туровы божьницѣ" и пригласили на вѣче князя для переговоровъ о порядкѣ суда (объ изгнаніи князей ниже). Обыкновенно въ такихъ случаяхъ нельзя узнать, кому принадлежитъ иниціатива собранія: памятники говорятъ глухо: кіяне или новгородци „сотвориша вѣче" или „совокупишася". Лишь по исключенію иногда указываются отдѣльныя лица, руководящія дѣломъ. Кіяне, недовольные кн. Игоремъ, рѣшили призвать къ себѣ Изяслава Мстиславича. Во главѣ движенія стояли тысяцкій Улѣбъ и другія поименованныя лица; они „совокупиша около себе кияны и свѣщашася, како бы имъ возъмощи перельстити князя своего" (Ипат. 1146). Въ Новгородѣ упомянутъ случай, когда два лица созываютъ вѣче въ одномъ мѣстѣ, два другихъ — въ другомъ (Синод. 1342: „И Онцифоръ с Матфѣемъ созвони вѣче у святѣй Софѣи, а Федоръ и Ондрѣшко другое созвониша на Ярославли дворѣ").

Но кто бы ни созывалъ вѣче, хотя бы это былъ самъ князь, оно могло состояться лишь при наличности достаточнаго числа желающихъ явиться на совѣщаніе. Извѣстны случаи, когда и на вѣче, созываемое княземъ, никто не шелъ. По просьбѣ внуковъ Ростислава, кн. Мстиславъ Мстиславичъ „съзва вѣче на Ярославли дворѣ и почя звати новгородьче

Кыеву на Всѣволода Чьрмьнаго“. Новгородци отвѣчали: „камо, княже, очима возриши ты, тамо мы главами своими вържемъ“, и отправились съ княземъ. Но по дорогѣ поссорились со смольнянами, „а по князи не поидоша. Князь же Мьстиславъ въ вѣче поча звати, они же не поидоша“ (Синод. 1214).

Обычнымъ способомъ созыва на вѣче былъ колокольный звонъ. Отсюда и выраженія: „звонити“ или „созвонити вѣче“, т. е. созвать. Для этого существовали особые колоколы, именуемые „вѣчными“ или „вѣчими“. Они упоминаются не только въ Новгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ и Владимірѣ—Волынскомъ, но и въ сѣверо-восточныхъ городахъ. Сохранилось извѣстіе, что суздальскій кн. Александръ Васильевичъ „из Володимеря вѣчный колоколъ святѣй Богородици возилъ в Суждаль, и колоколъ не почялъ звонити, якоже былъ в Володимерѣ“; кн. Александръ призналъ, что согрѣшилъ передъ св. Богородицей „и повелѣ его пакы вести въ Володимерь; и привезьше колоколъ, поставиша и въ свое мѣсто, и пакы бысть гласъ богоугоденъ“ (Прил. IV къ Синод. лѣт., стр. 437). Вѣчевой колоколъ явился поэтому символомъ вѣчевого быта. Въ 1478 г. уничтоженіе новгородской самобытности Иванъ Васильевичъ формулировалъ словами: „вѣчю колоколу во отчинѣ нашей въ Новѣгородѣ не быти, посаднику не быти, а государство все намъ держати“ (Полн. Соб. Лѣт., т. VI, 215; тамъ же, 19: „а не быти въ Новѣгородѣ ни посадникомъ, ни тысецкимъ, ни вѣчю, и вѣчной колоколъ сняли доловь и на Москву свезоша“). Такъ же и Василій Ивановичъ предъявилъ въ 1510 г. требованіе псковичамъ: „да и колоколъ бы вѣчной свѣсили... и колоколъ ихъ вѣчной къ Москвѣ же отослалъ“ (тамъ же, 251).

Мѣстомъ собраній служили обширные дворы или площади около церквей или на рынкахъ, могущіе вмѣстить значительную народную толпу. Въ Кіевѣ вѣча созывались на Ярославлѣ дворѣ, у св. Софіи, на торговищѣ, у Туровой божницы; въ Новгородѣ также на княжескомъ дворѣ, у св. Софіи, у св. Николы, у 40 святыхъ и пр. Выше были приведены случаи вѣчевыхъ собраній во время походовъ. Имѣются даже указанія о тайныхъ собраніяхъ по дворамъ, которыя, однако, названы вѣчемъ: „начаша новгородьци вѣче

дѣяти, втайнѣ, по дворомъ, на князя своего... приятели его начаша повѣдати: княже! дѣють людье вѣче ночь, а хотять тя яти“ (Ипат. 1169).

При обсужденіи дѣлъ собравшіеся или стояли, или садились на приспособленныя въ мѣстахъ собраній скамейки, или даже пріѣзжали верхомъ и на коняхъ вели переговоры. Одно и то же собраніе кіевлянъ у св. Софіи по приглашенію кн. Изяслава изъ похода описано различно: по одному разсказу, „кияномъ же всимъ сышедшимся отъ мала до велика к святѣй Софьи на дворъ, въставшемъ же имъ въ вѣчи“; по другому—„и придоша киянъ много множство народа, и сѣдоша у святое Софьи слышати“ (Ипат. и Лавр. 1147). Въ собраніи у Туровой божницы кіевляне предъявляютъ кн. Святославу требованіе о смѣнѣ тіуновъ и о производствѣ суда самимъ княземъ. Князь согласился съ этимъ и, „съсѣдъ с коня, на томъ цѣлова хрестъ к нимъ у вѣчи; кияне же вси, съсѣдше с конь, и начаша молвити“ (Ипат. 1146). Значитъ, до этого момента переговоры велись, когда князь и кіевляне сидѣли на коняхъ.

Относительно порядка совѣщанія на вѣчахъ сохранилось очень мало указаній. Прежде всего тотъ, кто созывалъ вѣче, объявлялъ о предметѣ совѣщаній. Такъ, созваннымъ на вѣче кіевлянамъ были указаны послы кн. Изяслава, которымъ и предоставлено было слово. Они выступили и сказали: „цѣловалъ тя (кн. Владиміра) братъ, а митрополиту ся поклонялъ, и Лазаря (тысяцкаго) цѣловалъ й кыяны всѣ“. Кіяне спросили: „молвита, с чимъ васъ князь прислалъ“. Тѣ разсказали о лести черниговскихъ князей и о приглашеніи князя помочь ему, согласно ранѣе данному обѣщанію. Кіевляне изъявили готовность идти биться за своего князя и съ дѣтьми. Итакъ, цѣль совѣщанія достигнута и поставлено рѣшеніе. Но вслѣдъ за этимъ кто-то изъ толпы возбудилъ вопросъ о необходимости убить кн. Игоря до выступленія въ походъ. И это предложеніе было также принято, не смотря на доводы кн. Владиміра, что этого не приказывалъ кн. Изяславъ, ни на убѣжденія митрополита и тысяцкаго.

Если предложеніе не вызывало никакихъ разногласій, то и вопросъ рѣшался скоро и опредѣленно. Въ случаѣ же разно-

гласій, а особенно въ разгаръ борьбы партій, совѣщанія на вѣчахъ принимали совершенно безпорядочный характеръ, сближающій вѣчевыя собранія съ броженіемъ мятежной народной толпы. На закатѣ новгородской свободы, въ періодъ борьбы партіи литовской съ сторонниками Москвы, вѣчевыя собранія созывались часто, партіи подкупали „худыхъ мужиковъ вѣчниковъ, иже на то завсе готови суть по ихъ обычаю", и они крикомъ и колокольнымъ звономъ заглушали рѣчи противной стороны. Лѣтописецъ, сторонникъ Москвы, особенно не щадитъ красокъ въ изображеніи дѣйствій литовской партіи, являвшейся на вѣче съ нанятыми смердами и безыменитыми мужиками, которые, подобно скотамъ и псамъ, только кричали и лаяли (Полн. Собр. Лѣт., т. XII, 126 и 129). Подобныя сцены вовсе не были слѣдствіемъ разложенія политическаго быта Новгорода передъ паденіемъ его политической независимости, а обусловливались единственно неоформленностью древнихъ народныхъ собраній. Придти къ какому либо рѣшенію вопроса, при наличности рѣзкихъ разногласій въ мнѣніяхъ, представлялось особенно труднымъ въ древнее время.

То или иное рѣшеніе вопроса могло состояться лишь при условіи, если противъ предложеннаго рѣшенія не было возраженій, когда всѣ присутствовавшіе единогласно принимали предложеніе. Единогласіе всѣхъ или отсутствіе возраженій— необходимое условіе для дѣйствительности и прочности вѣчевыхъ постановленій. Принципъ коллегіальнаго рѣшенія дѣлъ по большинству голосовъ не былъ извѣстенъ у насъ вплоть до Петра В., а въ древности не могъ и возникнуть, такъ какъ невозможно было провести въ жизнь рѣшеніе большинства противъ сильнаго и упорнаго меньшинства: въ то время не было необходимой для этого сильной и независимой власти. Наоборотъ, для исполненія рѣшенія, одобреннаго и принятаго всѣмъ народомъ, не требовалось никакихъ особыхъ органовъ: это было дѣломъ самого народа.

Единогласное рѣшеніе вѣчевыхъ собраній изображается въ памятникахъ описательно: „весь Новгородъ", „весь Псковъ", „вси кіяне", „однодушно", „едиными усты". Вѣчевыя грамоты составлены соотвѣтственно „всѣмъ Псковомъ" или „всѣмъ

великимъ Новгородомъ". Послѣ смерти отца, князь Ярославъ Всеволодовичъ пріѣхалъ въ Переяславль, созвалъ всѣхъ переяславцевъ къ св. Спасу и спросилъ ихъ, желаютъ ли они имѣть его своимъ княземъ. „Они же вси тогда рекоша: велми, господине, тако буди" (Пер.-Сузд. 1213). Тотъ же князь захватилъ Торжокъ и послалъ оттуда сто мужей новгородскихъ въ Новгородъ подбивать новгородцевъ противъ ихъ кн. Мстислава. „И не яшася по то, нъ вси быша одинодушно, и то 100 мужъ" (Синод. 1215). На просьбу митр. Кипріана въ 1391 г. уступить ему мѣсячный судъ, „новгородцы отвѣщаша единѣми усты: цѣловали есмя крестъ содного" (П. С. Л., т. VIII, 61—62).

Необходимо, однако, замѣтить, что и для современника невозможно было отличить единогласное мнѣніе отъ мнѣнія подавляющаго большинства въ народной толпѣ. Присутствующихъ поименно не переписывали и голосовъ не считали. Если предложенное рѣшеніе одобрялось многими и не было возражающихъ, то это принималось, какъ согласное мнѣніе всѣхъ. Немногіе несогласные не рѣшались выступать противъ рѣшительнаго большинства, а послѣднее считало себя въ правѣ принудить отдѣльныхъ присоединиться къ принятому рѣшенію. Новгородцы, наканунѣ сраженія съ ополченіемъ кн. Святополка, говорятъ своему кн. Ярославу: „яко заутра перевеземъся на ня; аще кто не поидеть с нами, сами потнемъ его (Лавр. 1016). На предложеніе кн. Изяслава отомстить кн. Юрію за обиды, новгородцы отвѣтили: „ради с тобою идемъ своихъ дѣля обидъ. . . ать же поидемъ, и всяка душа; аче и дьякъ, а гуменце ему прострижено, а не поставленъ будетъ, и тъи поидеть" (Ипат. 1148). На предложеніе князей Вячеслава, Изяслава и Ростислава помочь имъ въ походѣ противъ кн. Юрія, кіевляне отвѣчаютъ: „ать же пойдуть вси, како можеть и хлудъ в руци взяти; пакы ли хто не пойдеть, намъ же и дай, ать мы сами побьемы" (тамъ же, 1151).

Но какъ только среди присутствующихъ на вѣчѣ возникло разногласіе, никакое постановленіе было невозможно до тѣхъ поръ, пока разногласіе такъ или иначе не устранено. Возможные компромиссы путемъ уступокъ съ той или другой стороны, или же съ обѣихъ одновременно, достигались

нерѣдко лишь послѣ продолжительной борьбы, принимавшей иногда характеръ кроваваго междуусобія. При этомъ меньшинство вовсе не признавало себя обязаннымъ подчиняться мнѣнію большинства и даже могло добиться принятія своего предложенія. Все зависѣло отъ рѣшимости борющихся сторонъ настаивать на проведеніи своего мнѣнія и отъ соотвѣтствія ихъ силъ. Когда среди новгородцевъ возникла рознь изъ-за посадника Твердислава, то „быша вѣча по всю недѣлю". Три конца были противъ посадника, одинъ остался нейтральнымъ, а за него стоялъ всего одинъ Людинъ конецъ и жители Прусской улицы. Противники, „поидоша въ бръняхъ, акы на рать . . . и бысть сеця у городьныхъ воротъ". Было нѣсколько убитыхъ, „а раненыхъ много обоихъ". „Нъ Богомъ дияволъ попранъ бысть и св. Софиею, крестъ възвеличянъ бысть: и съидошася братья въкупѣ однодушно, и крестъ цѣловаша". Твердиславъ остался посадникомъ (Синод. 1218). Жители новгородскихъ пригородовъ, „Орѣховцы и Корельскыи", явились съ жалобою на посадника своего кн. Патрикія; за него вступился Славянскій конецъ, остальные были противъ него. Въ теченіе двухъ недѣль происходили вѣчевыя собранія въ двухъ мѣстахъ, на Ярославлѣ дворѣ и у св. Софіи, „обои въ оружьи аки на рать, и мостъ великый переметаша; нь ублюде Богъ и св. Софѣя отъ усобныя рати; но отъяша у князя тѣ городы, а даша ему Русу и Ладогу" (Синод. 1384). По другому извѣстію о томъ же событіи, усобная рать уже возникала: Славянскій конецъ ударилъ на дворъ тысяцкаго, но за тысяцкаго вступились и не выдали. „И по усобной той рати поидоша вся пять концовъ въ одиначество" на вышеуказанномъ условіи (П. С. Л., т. IV, 91).

Слѣдуетъ еще добавить, что даже и единогласныя постановленія вѣчевыхъ собраній не отличались надлежащею прочностью и могли перерѣшаться подъ разными вліяніями. Постановленіе Бѣлгородскаго вѣча 997 г. было отмѣнено по предложенію старца, не присутствовавшаго на вѣчѣ. Новгородцы въ 1214 г. рѣшили съ полною готовностью идти въ походъ за княземъ, но въ походѣ его покинули; князь продолжалъ походъ одинъ, а отставшіе новгородцы только послѣ убѣжденій

цосадника Твердислава снова рѣшили идти за княземъ (выше, стр. 117 и 122).

Строй древнихъ народныхъ собраній во многихъ отношеніяхъ представлялъ большія несовершенства. Это не укрылось отъ вниманія изслѣдователей, которые думали смягчить отрицательныя стороны учрежденія предположеніемъ, что были собранія правильныя, законныя или нормальныя въ отличіе отъ неправильныхъ, незаконныхъ или ненормальныхъ. Указывались и признаки, по которымъ можно было бы отличить одни отъ другихъ. Но всѣ эти догадки не могутъ быть приняты. Установить отличительные признаки нормальныхъ или законныхъ вѣчевыхъ собраній совершенно невозможно. Указываютъ, напр., что созывъ княземъ есть признакъ нормальнаго вѣча. Но выше указанъ случай, что на призывъ князя никто на вѣче не явился (стр. 121—122), а наряду съ этимъ извѣстны вѣчевыя собранія, состоявшіяся по почину народа, на которыя являются князья и принимаютъ по соглашенію съ народомъ важныя рѣшенія. Почему первый случай надо признать нормальнымъ, а второй ненормальнымъ? По мнѣнію проф. В.-Буданова, кіевское вѣче 1146 г., подтвердившее избраніе Игоря Ольговича на Ярославлѣ дворѣ, было нормально; но вслѣдъ затѣмъ „кіяне опять скопились у Туровой божницы для требованія дополнительныхъ условій отъ новаго князя; но это было результатомъ неполнаго соглашенія съ княземъ, и самое собраніе поэтому не должно быть признано нормальнымъ“. Но въ примѣчаніи къ этимъ словамъ авторъ оговаривается, что „отсюда отнюдь не слѣдуетъ, что постановленія такого вѣча незаконны“ (Обзоръ 58—59). Но въ чемъ же смыслъ предложенныхъ разграниченій, если постановленія ненормальныхъ собраній слѣдуетъ признавать законными? Новѣйшій авторъ, касавшійся этого вопроса, признаетъ, что по внѣшнимъ признакамъ нельзя разграничить собранія на правильныя, законныя и противоположныя имъ, „т. к. несомнѣнно самые признаки не отличались опредѣленностью и устойчивостью“. Но вслѣдъ за этимъ тотъ же авторъ считаетъ себя въ правѣ „различать, во всякомъ случаѣ, два вида вѣчевыхъ собраній, мирные, обычные, и чрезвычайные“. На первыхъ, при мирномъ теченіи дѣлъ, примѣнялись обычныя, всѣми признаваемыя

и соблюдаемыя, формы вѣчевыхъ собраній; на вторыхъ эти формы легко нарушались при партійной борьбѣ и при всякихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ (А. Филипповъ. Ист. русск. права, 196 — 197). Нельзя не признать этого разграниченія еще менѣе удачнымъ, чѣмъ предложенныя ранѣе. Не говоря уже о противорѣчіяхъ и неудачной терминологіи (надо думать, чрезвычайныя собранія названы такъ отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ?), трудно понять, въ какомъ отношеніи наличность формъ стоитъ къ тому настроенію, съ какимъ являются въ собраніе его члены? И развѣ настроеніе не можетъ измѣняться въ теченіе одного и того же собранія? Во всякомъ случаѣ, разграничивать учрежденія по настроенію входящихъ въ составъ ихъ лицъ едва ли цѣлесообразно въ наукѣ о правѣ.

Предметы вѣдомства вѣчевыхъ собраній не могутъ быть вполнѣ точно обозначены. По идеѣ, любой вопросъ можетъ стать предметомъ разсмотрѣнія на вѣчѣ, такъ какъ полномочія народнаго собранія ничѣмъ не были ограничены. Но практика вѣчевой дѣятельности показываетъ, что такое сложное учрежденіе не могло функціонировать повседневно, по текущимъ вопросамъ государственной жизни. Только наиболѣе важные вопросы восходили на обсужденіе и рѣшеніе народнаго собранія. Въ числѣ таковыхъ обычно встрѣчаются слѣдующія дѣла:

1. Призваніе князей. Памятники нерѣдко упоминаютъ о приглашеніи того или иного князя населеніемъ земли. По преданію, основатель династіи Рюриковичей пришелъ княжить въ Новгородъ по призванію нѣсколькихъ племенъ. Въ историческое время подобныя извѣстія имѣются не только относительно Новгорода, но также Кіева, Полоцка, Смоленска, Ростова, Суздаля и пр. По смерти кн. Святополка, „свѣтъ створиша кияне, послаше к Володимеру, глаголюще: поиди, княже, на столъ отенъ и дѣденъ“. Мономахъ не сразу явился, и кіяне вторично шлютъ за нимъ: „поиди, княже, Киеву; аще ли не поидеши, то вѣси, яко много зло уздвигнеться“ (Ипат. 1113). О смольнянахъ сохранилось извѣстіе, что они въ 1175 г. „выгнаша отъ себе Романовича Ярополка, а Ростиславича Мьстислава вьведоша Смоленску княжить“ (тамъ же).

Какъ только была получена вѣсть о смерти въ Кіевѣ Юрія Долгорукаго, „сдумавши ростовци и суждальци и володимирци вси, пояша Андрѣя сына Дюргева старѣйшаго, и посадиша и на отни столѣ Ростовѣ, и Суждали, и Володимири“ (Ипат. 1158). А когда Андрей былъ убитъ, то ростовцы, суздальцы и переяславцы съѣхались къ Владиміру на совѣщаніе: „се ся уже тако створило, князь нашь убьенъ, а дѣтѣй у него нѣтуть, сынокъ его малъ в Новѣгородѣ, а братья его в Руси; по кого хочемь послати въ своихъ князехъ?“ Приглашены были Ростиславичи (Ипат. 1175).

Но было бы ошибочно думать, что всѣ случаи призванія князей занесены въ лѣтопись. Это было столь обычнымъ явленіемъ, что современникъ, отмѣчая смѣну князей, иной разъ могъ и опустить подробности. Такъ, составитель Ипатскаго свода, вообще подробно передающій событія южной Руси, подъ 1133 г. сообщаетъ, что умеръ кіевскій князь Мстиславъ Владиміровичъ, „оставивъ княженіе брату своему Ярополку“. Можно бы подумать, что кіевляне никакого участія въ этомъ дѣлѣ и не принимали. Но въ другомъ сводѣ это событіе передано такъ: „Преставися Мстиславъ, сынъ Володимерь, и сѣде по немь братъ его Ярополкъ, княжа Кыевѣ; людье бо кыяне послаша по нь“ (Лавр. 1132). Для многихъ другихъ случаевъ такихъ поправокъ могло и не сохраниться.

Столы замѣщались, однако, не только по началу призванія. Въ распредѣленіи столовъ между князьями имѣли значеніе и другія силы. Въ ряду ихъ народное призваніе стояло вовсе не на послѣднемъ мѣстѣ. Мономахъ заключилъ рядъ со Святополкомъ, что отзоветъ изъ Новгорода своего сына, а на его мѣсто сядетъ сынъ Святополка. Мономахъ отозвалъ сына, съ которымъ явились новгородскіе послы и объявили Святополку: „не хощемъ Святополка, ни сына его; аще ли двѣ головѣ имѣеть сынъ твой, то посли и“ (Ипат. 1102). Въ виду такой угрозы, князьямъ пришлось подчиниться народному желанію.

2. Рядъ съ княземъ. Выше было указано (стр. 31—32), что договоры князей съ народомъ обыкновенно заключались при занятіи ими столовъ. Рядъ съ княземъ поэтому стоитъ

въ тѣсной связи съ актомъ избранія. Но древнѣйшіе договоры этого вида, кромѣ новгородскихъ, не сохранились. Лишь немногія указанія на содержаніе ихъ случайно попали въ лѣтопись. Такъ, упоминается, что князь садился на столъ „на всей его волѣ". Новгородцы кн. Святослава „въвѣдоша опять на всѣй воли его" (Синод. 1161). Это вовсе не значитъ, что князю предоставлялась неограниченная власть, а лишь обозначаетъ, что вѣче приняло всѣ условія, предложенныя княземъ. Могло быть и обратно, т. е. что князь принималъ всѣ условія, предложенныя ему вѣчемъ. Это выражалось подобной же формулой. Игорь Ольговичъ, „съсѣдъ с коня, и цѣлова к нимъ (кіяномъ) крестъ на всей ихъ воли" (Ипат. 1146). Изгнанный новгоодрцами кн. Ярославъ потомъ прислалъ къ нимъ съ поклономъ „і взяша миръ на всеі воли новгородьской" (Синод. 1270). Далѣе, имѣются указанія на условія о срокѣ, на какой приглашался князь. Полочане цѣловали крестъ кн. Ростиславу Глѣбовичу на томъ, „яко ты намъ князь еси и дай ны Богъ с тобою пожити, извѣта никакого же до тебе доложити" (Ипат. 1159). Здѣсь условіе о срокѣ выражено весьма неопредѣленно. Въ другихъ случаяхъ князья призывались пожизненно. По смерти Изяслава „посадиша в Киевѣ Ростислава киане, рекуче ему: якоже и братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, тако же и ты чести; а до твоего живота Киевъ твой" (тамъ же, 1154). Новгородцы цѣловали крестъ Ростиславу Мстиславичу на томъ, „якоже имъ имѣти сына его (Святослава) собѣ княземъ, а иного князя не искати, оли ся с нимъ смертью розлучити" (Ипат. 1168). Наконецъ, были случаи призванія князей съ потомствомъ. Такъ, послѣ смерти кн. Михалка владимірцы „цѣловаша крестъ ко Всеволоду князю, брату Михалкову, и на дѣтехъ его, посадиша и на отни и на дѣдни столѣ в Володимери" (Лавр. 1177). Выраженіе „на дѣтяхъ" нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что населеніе этимъ отказывалось отъ права избирать князя; это лишь значитъ, что жители изъявили намѣреніе ограничить кругъ избираемыхъ князей предѣлами нисходящихъ кн. Всеволода. Дѣйствительно, этотъ князь передъ смертью оставилъ своимъ преемникомъ во Владимірѣ сына Юрія, но пригласилъ населеніе подтвердить свое распоряже-

ніе, „и целоваша вси людіи на Юрьи“ (выше, стр. 121). Своему сыну Ярославу Всеволодъ назначилъ г. Переяславль. Послѣ смерти отца Ярославъ явился туда, созвалъ всѣхъ переяславцевъ и сказалъ имъ: „братія переяславци, се отецъ мой иде къ Богови, а васъ оудалъ мнѣ, а мене вдалъ вамъ на руцѣ, да рците ми, братія, аще хощете мя имѣти собѣ, яко же имѣсте отца моего, и головы своя за мя сложити“. Переяславцы отвѣтили утвердительно „и цѣловаша к нему вси крестъ“ (Пер.-Судз. 1213). Итакъ, населеніе по прежнему принимаетъ участіе въ рѣшеніи вопроса о замѣщеніи стола, но кандитатами на столы явились только сыновья Всеволода.

Изъ другихъ условій съ князьями лѣтопись сохранила любопытныя указанія на рядъ кіевлянъ съ Игоремъ Ольговичемъ о порядкѣ суда. Князь обязался выполнить всѣ требованія о смѣнѣ тіуновъ своего брата, Ратши и Тудора, обѣщалъ разбирать дѣла лично и назначить новыхъ тіуновъ по избранію самихъ кіевлянъ (Ипат. 1146).

По новгородскимъ договорамъ власть князя ограничена цѣлымъ рядомъ условій. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: князь обязуется а) не судить суда безъ посадника; б) не раздавать безъ него же волостей и не выдавать грамотъ; в) для управленія волостями назначать не своихъ мужей, а новгородскихъ, и безъ вины ихъ не устранять; г) не пріобрѣтать самому, княгинѣ, боярамъ его и дворянамъ недвижимыхъ имуществъ въ предѣлахъ Новгородской земли. Весьма сомнительно, что какое либо изъ этихъ ограниченій могло имѣть силу въ другихъ земляхъ, кромѣ Новгородской, такъ какъ ни въ какомъ стольномъ городѣ не было посадника рядомъ съ княземъ, и нѣтъ указаній на то, что князья были ограничены въ пріобрѣтеніи селъ въ предѣлахъ своихъ княженій; наоборотъ, извѣстно, что у князей были села, которыми они свободно распоряжались. Точно такъ же извѣстно, что князья назначали посадниковъ изъ своихъ мужей и дѣтскихъ, хотя бы они и не были мѣстными людьми.

3. Изгнаніе князей. Праву призванія князей соотвѣтствуетъ право населенія удалять князей, почему-либо неугодныхъ. Послѣднее обычно имѣло мѣсто лишь при наличности

болѣе желательнаго претендента на данный столъ. Выше былъ приведенъ случай изгнанія изъ Смоленска Ярополка Романовича, п. ч. смольняне пожелали имѣть своимъ княземъ Мстислава Ростиславича (стр. 128). Точно такъ же кіевляне, недовольные Игоремъ Ольговичемъ, шлють къ Изяславу Мстиславичу съ приглашеніемъ: „ты нашь князь, поѣди, Олговичевъ не хочемъ быти акы в задничи“ (Ипат. 1146). Въ Новгородѣ изгнанія князей принимали иногда характеръ формальнаго суда вѣча надъ княземъ. Такъ, новгородцы съ псковичами и ладожанами въ 1132 г. „выгониша кн. Всѣволода изъ города; и пакы съдумавъше, въспятиша и“. Но не долго длилось примиреніе народа съ княземъ: черезъ четыре года новгородцы приглашають псковичей и ладожанъ „и сдумаша, яко изгонити князя своего Всѣволода, и въсадиша и въ епископль дворъ... А се вины его творяху: 1, не блюдеть смердъ; 2, чему хотелъ еси сести Переяславли; 3-е, ехалъ еси съ пълку переди всѣхъ“ (Синод. 1136). Подобнымъ же образомъ возстали новгородцы на кн. Ярослава Ярославича: „начаша ізгонити кн. Ярослава із города, і съзвониша вѣче на Ярославли дворѣ... іспис авше на грамоту всю вину его... а того много вины его; а нынѣ, княже, не можемъ терпѣти твоего насилья; поѣди отъ насъ, а мы собѣ князя промыслимъ“ (Синод. 1270).

4. Вопросы войны и мира. Населеніе принимало участіе въ военныхъ походахъ въ видѣ народнаго ополченія. Это народное войско было совершенно обособлено отъ войска княжескаго, княжей дружины. Нерѣдко оба вида войска дѣйствовали совмѣстно; но возможны были случаи, когда военное предпріятіе велось силами одного княжескаго войска, безъ содѣйствія народнаго ополченія. Конечно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ самъ народъ на вѣчѣ рѣшалъ вопросъ о томъ, будетъ ли принимать участіе въ походѣ ополченіе или нѣтъ. Кн. Ярославъ получилъ извѣстіе въ Новгородѣ о смерти отца, Владиміра св., и о занятіи стола кіевскаго Святополкомъ въ моментъ розмирья съ новгородцами: Ярославъ лестью перебилъ нарочитыхъ мужей за расправу ихъ съ варягами. Онъ созвалъ новгородцевъ на вѣчѣ и сказалъ: „о люба моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобе“; князь

приглашалъ новгородцевъ противъ Святополка, и они согласились: „аще, княже, братья наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти“ (Лавр. 1015). Выше были приведены уже случаи утвердительныхъ и отрицательныхъ отвѣтовъ населенія своимъ князьямъ на просьбы ихъ поддержать ихъ въ борьбѣ съ противниками (стр. 119). Но иногда почипъ вопроса принадлежитъ населенію. Разбитые половцами кіевляне прибѣжали въ Кіевъ съ кн. Изяславомъ „и сотвориша вѣче на торговищи, и рѣша, пославшеся ко князю: се половци росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними“ (Лавр. 1068). Такое же участіе принимаетъ населеніе и въ вопросахъ о заключеніи мира. Передъ приходомъ кн. Юрія къ Кіеву кіевляне говорятъ кн. Изяславу: „мирися, княже, мы не идемъ“ (Ипат. 1179). Осажденные Владимірцы послѣ 7 недѣль осады говорятъ кн. Михалку: „мирися, любо промышляй собѣ“ (тамъ же, 1175). Наоборотъ, ростовцы рѣшительно требуютъ отъ своего кн. Мстислава Ростиславича продолженія войны съ кн. Всеволодомъ Юрьевичемъ: „аще ты миръ даси ему, но мы ему не дамы“ (Лавр. 1177).

5. Законодательство и управленіе. Дѣятельность вѣча по этимъ вопросамъ поставлена на послѣднемъ мѣстѣ, т. к. законодательная функція не обособилась въ то время отъ текущихъ дѣлъ управленія и суда (стр. 33) и вовсе не играла той роли, какъ въ наши дни. Вѣче, однако, могло входить въ обсужденіе и законодательныхъ вопросовъ, что наглядно подтверждается судными грамотами Псковскою и Новгородскою, составленными на вѣчахъ. Въ Псковской грамотѣ предусмотрѣнъ и дальнѣйшій порядокъ измѣненія и дополненія текста памятника по докладамъ посадника и съ утвержденія вѣча (стр. 53). Нѣтъ основаній отрицать подобное же право вѣча и въ другихъ земляхъ. Въ началѣ уставной смоленской грамоты князь Ростиславъ указываетъ: „приведохъ епископа Смоленску, сдумавъ съ людми своими“. А въ концѣ грамоты стоитъ княжеская заповѣдь: „Да сего не посуживай никто же по моихъ днехъ, ни князь, ни людіе“ (В.-Будановъ, Христоматія, в. I. изд. 5, 257 и 262). Въ этихъ словахъ предусматривается возможность отмѣны устава какъ княземъ преемникомъ, такъ и вѣчемъ („людіе“).

Компетенція вѣча проникала и въ сферу судебной дѣятельности. Но участіе въ отправленіи правосудія народнаго собранія, отражавшаго на себѣ всѣ страсти партійной борьбы, едва ли могло представляться цѣлесообразнымъ и желательнымъ. Неудобство такого порядка уже признано Псковской грамотой, которая установляетъ (ст. 4): „А князь и посадникъ на вѣчи суду не судють, судити имъ у князя на сѣнехъ“. Это изолированіе судей отъ вѣчевыхъ вліяній косвенно указываетъ на то, что такія вліянія прежде имѣли мѣсто. Нѣкоторымъ пережиткомъ судебной компетенціи вѣча является и правило Новгородской грамоты, въ силу котораго вѣче назначало приставовъ по жалобѣ на медленность суда (ст. 29). И сравнительно поздно встрѣчаются упоминанія о судебной дѣятельности вѣча по дѣламъ чрезвычайнымъ. Въ Новгородѣ „грабиша коромолницѣ торгъ, и заутра створиша вѣче новгородци, свергоша два коромолника с мосту“ (Синод. 1291). Вѣче вѣдало и политическій судъ надъ князьями (стр. 132) и посадниками. Въ 1141 г. новгородцы свергли съ моста посадника Якуна за то, что тайно бѣжалъ за кн. Святославомъ. Въ 1209 г. они сотворили вѣче на посадника Дмитра и на братью его, перечислили его вины и „идоша на дворы ихъ грабежьмь“ (Синод.; ср. выше, стр. 132).

Вмѣшательство вѣча въ дѣла внутренняго управленія можно отмѣтить, напр., въ случаяхъ назначенія должностныхъ лицъ, хотя въ обычномъ порядкѣ они назначались княземъ. Кіевляне требуютъ отъ Игоря Ольговича смѣны тіуновъ, на что Святославъ, братъ Игоря, отвѣтилъ: „а се вамъ и тивунъ, а по вашей воли“ (Ипат. 1146). Ростовцы, суздальцы и муромцы грозятъ жителямъ своего пригорода Владиміра: „пожьжемъ и, пакы ли посадника в немь посадимъ“ (Лавр. 1175). Назначеніе экстренныхъ сборовъ также происходило съ вѣдома вѣча. Новгородцы не отпустили Ярослава за море и рѣшили биться за него противъ Болеслава и Святополка; для этого „начаша скотъ събирати ... и приведоша варягы, и вдаша имъ скотъ“ (Лавр. 1018). На предложеніе варяжской дружины принять ее на службу, полоцкій князь (rex Vartilavus) отвѣтилъ: „tempus quaeso concede, ut hac de re cum subditis

meis communicem, hi enim reddunt pecunias“ (Сказаніе Эймундовой саги у Голубовскаго, назв. соч., 213).

Въ дополненіе къ сказанному выше (стр. 119—120) о составѣ вѣчевыхъ собраній, надлежитъ прибавить, что фактическая невозможность для жителей пригородовъ принимать постоянное участіе въ вѣчевой жизни главныхъ городовъ вызвала къ жизни народныя собранія въ пригородахъ. Отношеніе пригородныхъ вѣчъ къ вѣчу главнаго города и опредѣлялось указаннымъ правиломъ: „на что же старѣйшии (города) сдумають, на томь же пригороди стануть“. Все, что сказано выше (стр. 66—67) о политической зависимости пригородовъ, сводится въ сущности къ соотношенію силъ пригородовъ и главнаго города, а главною формою выраженія этихъ силъ и были вѣчевыя собранія.

Паденіе вѣчевого строя. Непосредственное участіе всего свободнаго населенія въ политической жизни страны обусловливается двумя коренными причинами: незначительнымъ объемомъ государственной территоріи и извѣстною степенью матеріальной обезпеченности. Съ расширеніемъ территоріи личное участіе каждаго въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ становится невозможнымъ, и народныя собранія въ ихъ первоначальной формѣ съ правомъ участія для каждаго свободнаго замѣняются собраніями народныхъ представителей. Досугъ же въ домашнемъ хозяйствѣ, столь необходимый для поддержанія и развитія интереса къ общественнымъ дѣламъ, выпадаетъ на долю немногихъ, если хозяйственный строй страны или обширныхъ классовъ населенія подорванъ или серьезно потрясенъ.

Борьба классовъ естественнымъ образомъ приводила къ сосредоточенію крупныхъ состояній въ немногихъ рукахъ и къ обѣдненію массы населенія (стр. 95—97). Но помимо этого, массовое разореніе населенія явилось слѣдствіемъ татарскаго нашествія. Что не само по себѣ татарское завоеваніе древне-русскихъ земель вызвало глубокій политическій переворотъ въ силу того, что ханы были достаточно сильны, чтобы приказывать народу, а не входить съ нимъ въ соглашенія, это наглядно подтверждается судьбой Новгорода и Пскова, Смоленска и Полоцка, гдѣ вѣчевой строй сохраняется въ

прежнемъ видѣ и во время татарскаго владычества. Паденіе его въ этихъ земляхъ произошло послѣ присоединенія этихъ земель къ Москвѣ и къ Литвѣ, въ XV и началѣ XVI-го вв. Въ Смоленскѣ еще въ 1440 г. вѣче созывается колокольнымъ звономъ по вопросу о смѣнѣ намѣстника (Лѣт. вел. кн. литовскихъ, стр. 54, Уч. зап. II Отд. Ак. Н. 1854 г., кн. I); а полочане въ 1465—1470 гг. сносятся съ Ригой отъ имени „всего поспольства Полоцкого мѣста" (Русск.-ливон. акты №№ CCXLIX и CCLIX). Вѣче въ Новгородѣ уничтожено въ 1478 г., а въ Псковѣ въ 1510 г. по требованію московскаго правительства. Въ другихъ же земляхъ вѣча заглохли вскорѣ послѣ порабощенія Руси татарами, и только рѣдкія вспышки въ отдѣльныхъ мѣстахъ противъ татарскихъ насилій являются послѣдними отзвуками умирающаго обычая. Большая прочность вѣчевыхъ порядковъ въ указанныхъ сѣверо-западныхъ земляхъ можетъ быть объяснена единственно тѣмъ, что онѣ совсѣмъ не испытали татарскаго погрома, хотя признали власть хана и обязались уплачивать дань.

Когда же Русь начала оправляться отъ страшныхъ послѣдствій народнаго разоренія, то на пути къ возрожденію народныхъ собраній оказались неустранимыя преграды вслѣдствіе территоріальнаго роста русскихъ княженій.

Основнымъ трудомъ о древнерусскомъ вѣчѣ является соч. *В. И. Сергѣевича*—Вѣче и князь, 1867 г.; новая переработка той же темы: Русск. Юр. древн., т. II., 1893, изд. 2, 1900, стр. 1—107; *В.-Будановъ*. Обзоръ, 52—62 и 291; *Костомаровъ*. Сѣверно-русскія народоправства, 2 тома, 1863, и пол. соб. соч., кн. 3-я, 1904; *Градовскій*. Государственный строй древней Россіи (по поводу книги „Вѣче и князь"), Ж. М. Н. Пр., 1868 и Собр. соч., т. I, 1899; *И. Линниченко*. Вѣче въ кіевской области, Унив. изв. (кіевскія), 1881; *В. Ключевскій*. Боярская дума, гл. I и II; *М. Грушевскій*. Очеркъ исторіи Кіевской земли, 1891, гл. V; *П. Голубовскій*. Исторія Смоленской земли, 1895, стр. 212—223.

Князь.

Княжеская власть—столь же исконный и столь же повсемѣстный институтъ, какъ и вѣче. У отдѣльныхъ славянскихъ племенъ „княженья" упоминаются задолго до призванія Рюри-

ковичей (стр. 59). Корни этой власти скрываются въ доисторическомъ патріархальномъ быту, и въ видѣ пережитка свадебныя пѣсни сохранили названія „князя“ и „княгини“ примѣнительно къ новобрачнымъ. Но и въ историческое время сохранились еще остатки племенныхъ князей. Древляне разсказывали Ольгѣ о своихъ добрыхъ князьяхъ, „иже роспасли суть Деревьскую землю“; за одного изъ нихъ, Мала, Ольга получила предложеніе выйти замужъ. Однако, съ размноженіемъ Рюриковичей, только члены этого княжескаго рода занимали столы древнерусскихъ княженій.

Князь—необходимый элементъ въ составѣ государственной власти всѣхъ русскихъ земель; ни одна изъ нихъ не можетъ обойтись безъ князя. Тѣ исключительные моменты въ жизни той или иной земли, когда ей приходилось испытывать послѣдствія вакантности стола, изображаются современниками какъ бѣдственные и опасные для цѣлости страны. Такъ, когда кн. Ростиславъ Мстиславичъ, послѣ смерти Вячеслава, не съумѣлъ удержать Кіева и ушелъ оттуда въ Смоленскъ, то кіевлянамъ предложилъ свои услуги черниговскій кн. Изяславъ Давидовичъ: „хочю к вамъ поѣхати“. При всей нелюбви къ черниговскимъ князьямъ, кіевляне приняли предложеніе. И вотъ почему: „они же боячеся половець, зане тогды тяжко бяше кияномъ, не осталъ бо ся бяше у нихъ ни единъ князь у Киевѣ, и послаша... рекуче: поеди Киеву, ать не возмуть насъ половци; ты еси нашь князь“ (Ипат. 1154). Послѣ убійства Андрея Боголюбскаго жители Ростова, Суздаля, Переяславля и Владиміра поспѣшно съѣзжаются для выбора ему преемника: „по кого хочемъ послати в своихъ князехъ? намъ суть князи муромьскыѣ и рязаньскыи близь в сусѣдехъ, боимся льсти ихъ, еда поидуть внезапу ратью на насъ, князю не сущю у насъ“ (Лавр. 1175). Въ обоихъ случаяхъ боязнь внѣшней опасности заставляетъ принимать мѣры къ скорѣйшему замѣщенію стола. Но и интересы внутренняго порядка требовали того же. Владиміръ Мономахъ не сразу пришелъ въ Кіевъ на зовъ кіевлянъ, и въ Кіевѣ начались грабежи. Поэтому снова зовутъ его кіяне и предупреждаютъ: „аще ли не поидеши, то вѣси, яко много зло уздвигнеться, то ти не Путятинъ дворъ, ни соцьскихъ, но и жиды грабити, и паки ти поидуть на

ятровь твою и на бояры и на манастырѣ, и будеши отвѣтъ имѣлъ, княже, оже ти манастырѣ разъграбять" (Ипат. 1113).

Не составлялъ исключенія и вольнолюбивый Новгородъ; и онъ не могъ существовать безъ князя, хотя и враждовалъ очень часто съ своими князьями. Въ 1140 г. новгородцы выпросили у кн. Всеволода Ольговича себѣ княземъ его брата Святослава, съ которымъ, однако, не могли ужиться за его злобу и насиліе, и въ томъ же году просили у Всеволода его сына. Но тотъ успѣлъ только дойти до Чернигова, какъ новгородцы объявили Всеволоду: „не хочемъ сына твоего, ни брата, ни племени вашего, но хочемъ племени Володимера". Они желали имѣть своимъ княземъ Изяслава Мстиславича. Не желая уступать Новгорода Владиміровичамъ, Всеволодъ уступилъ имъ г. Берестіе подъ условіемъ, чтобы не ходили въ Новгородъ: „Новгорода не березѣта, ать сѣдять сами о своей силѣ, кде князя не налѣзуть". Новгородцы, узнавъ объ этомъ „и не стерпяче бесъ князя сѣдити, и ни жито к нимъ не идяше ни отколѣ же", послали просить князя у Юрія, съ которымъ раньше враждовали (Ипат. 1140—1141). Итакъ, за отсутствіемъ князя, Новгороду грозило бѣдствіе, такъ какъ прекратился подвозъ хлѣба. При такихъ условіяхъ Новгородъ не брезгуетъ и нежелательнымъ кандидатомъ.

Въ составѣ государственной власти каждаго княженія князь занималъ, по сравненію съ вѣчемъ, существенно иное положеніе, такъ какъ былъ органомъ постоянно и повседневно дѣйствующимъ. Онъ былъ поэтому представителемъ власти въ землѣ, и въ его компетенцію входили всѣ вопросы, касающіеся внѣшней и внутренней государственной жизни страны. На обязанности князя прежде всего лежитъ поддержаніе внѣшняго мира и защита земли отъ внѣшняго врага. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, князь—охранитель внутренняго мира, установитель и блюститель порядка или наряда. По преданію князья и призваны были „володѣть и судить". Они—правители и судьи, такъ какъ всѣ несложныя отрасли древняго управленія и суда находятся въ ихъ непосредственномъ завѣдываніи. Отсюда ясно, почему ни одна земля не можетъ обойтись безъ князя: за отсутствіемъ представителя власти, остаются неудовлетворенными тѣ или другія насущныя нужды государственной жизни.

Политическое положеніе князя въ землѣ и обусловливалось прежде всего необходимостью для населенія имѣть представителя власти въ лицѣ какого либо князя. Съ другой стороны, безъ поддержки населенія князь не въ состояніи былъ провести никакого дѣла, такъ какъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточно сильныхъ и независимыхъ отъ народа исполнительныхъ органовъ (стр. 118 и 124). При такихъ условіяхъ авторитетъ князя опредѣлялся степенью довѣрія къ нему со стороны населенія, силою единенія князя съ народомъ. Чѣмъ большимъ довѣріемъ земли пользуется данный князь. тѣмъ положеніе его было прочнѣе, авторитетъ — сильнѣе. Желая доказать угорскому королю свою силу, князья Вячеславъ и Изяславъ велѣли передать ему: „а все ти скажуть твои мужи и братъ твой Мьстиславъ, како ны Богъ помоглъ, и пакы како ся по насъ яла Руская земля вся и черныи клобуци“ (Ипат. 1151). Князья, народные любимцы, какъ Владиміръ Мономахъ, Мстиславъ Ростиславичъ, Всеволодъ Юрьевичъ и др., безспорно обладали болѣе обширною властью, сравнительно со многими князьями, только въ силу довѣрія къ нимъ народа. Про Мстислава Ростиславича современникъ замѣтилъ, что „не бѣ бо тоѣ землѣ в Руси, которая же его не хотяшеть, ни любяшеть, но всегда бо тосняшеться на великая дѣла“ (Ипат. 1178). Конечно, такому князю не спѣшили ставить какихъ либо ограничительныхъ условій о предѣлахъ правящей власти и способахъ ея проявленія. Наоборотъ, князь, внушающій недовѣріе или подозрѣніе, долженъ былъ давать населенію обязательства или обѣщанія даже по мелкимъ вопросамъ текущаго управленія и суда. Игорь Ольговичъ долженъ былъ цѣловать крестъ кіевлянамъ въ томъ, что не только удалитъ судныхъ тіуновъ своего брата Всеволода, но будетъ впредь назначать таковыхъ лишь съ одобренія населенія (Ипат. 1146: „а се вамъ и тивунъ, а по вашей воли“).

На почвѣ недовѣрія могли возникать постоянныя столкновенія у князя съ народомъ. Безъ взаимныхъ уступокъ они грозили князю потерею стола. Неугодному князю нерѣдко указывали „путь чистъ“ изъ города. Предотвратить такой исходъ было возможно только въ томъ случаѣ, если князь най-

детъ себѣ поддержку хоть въ части населенія, въ какой либо вѣчевой партіи. Но и противная князю партія могла найти себѣ союзника въ лицѣ другого князя, претендента на данный столъ. Исходъ такой борьбы зависѣлъ, конечно, отъ соотвѣтствія силъ борющихся. Князя, вынужденнаго покинуть столъ, могъ ожидать рядъ тяжелыхъ невзгодъ: имущество его и его сторонниковъ иногда дѣлалось жертвою грабежа, а иной разъ князя временно лишали свободы, чтобы оградить на ближайшее время землю отъ враждебныхъ дѣйствій разгнѣваннаго князя. Такъ это случилось, напр., съ Всеволодомъ Мстиславичемъ, котораго новгородцы посадили въ епископль дворъ съ женою, дѣтьми и тещей и продержали подъ строгимъ карауломъ въ заключеніи два мѣсяца (Синод. 1136). Только по исключенію дѣло доходило даже до посягательства на жизнь князя. Такая трагическая судьба постигла Игоря Ольговича кіевскаго и Андрея Боголюбскаго.

Итакъ, отношенія князя къ народу покоились преимущественно на взаимномъ довѣріи, степенью котораго опредѣлялись и подробности условій въ заключаемыхъ, при занятіи стола или по поводу возникшихъ недоразумѣній, договорахъ князей съ населеніемъ земли.

Князья Рюриковичи, какъ члены одного владѣтельнаго рода, не стояли изолированно между собой. Между ними постоянно возникали вопросы о взаимныхъ отношеніяхъ какъ по дѣламъ о распредѣленіи столовъ, такъ и при выработкѣ междукняжескихъ соглашеній. Чѣмъ же опредѣлялись эти отношенія въ томъ и другомъ случаѣ?

Распредѣленіе столовъ между князьями. Пока число представителей княжескаго рода было незначительно и подъ ихъ властью были объединены отдѣльныя земли, вопросъ о распредѣленіи столовъ не возбуждалъ никакихъ споровъ: власть переходила отъ отца къ сыну и отъ брата къ брату. Но какъ только появилось нѣсколько претендентовъ на одну и ту же волость, между князьями возникли столкновенія, и со смерти кн. Ярослава это сдѣлалось общимъ явленіемъ политическаго быта древней Руси. Успѣла ли практика выработать какія либо общія правила къ примиренію этихъ враждующихъ интересовъ соперничающихъ князей?

Можно ли говорить о какихъ либо началахъ, регулирующихъ преемство княжескихъ столовъ?

Впервые въ исторической литературѣ опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ предложенъ былъ С. М. Соловьевымъ въ его трудѣ „Взаимныя отоошенія между князьями Рюрикова дома“ (М. 1847). Его выводы и до сихъ поръ продолжаютъ находить сторонниковъ въ средѣ изслѣдователей, а потому и нельзя эти выводы оставить безъ разбора. По мнѣнію Соловьева, въ древнее время господствовалъ родовой бытъ, проникавшій и даже замѣнявшій всѣ стороны общественной и государственной жизни. И отношенія между князьями регулировались началомъ родового старшинства, по которому происходило и распредѣленіе столовъ между князьями. Каждый князь занималъ соотвѣтственный своему старшинству столъ. Это значитъ, что существовали двѣ лѣстницы: лѣстница князей, на которой каждый князь занималъ ступень, соотвѣтственно своему старшинству, и лѣстница городовъ, расположенныхъ по ступенямъ по ихъ политическому значенію. За смертью князя, его ступень занимаетъ слѣдующій за нимъ по старшинству, а вмѣстѣ съ тѣмъ передвигается съ своего стола на столъ умершаго, передавая свой столъ князю, слѣдующему за нимъ по старшинству, и т. д. Князья, значитъ, передвигались со стола на столъ по степени старшинства, путемъ „лѣствичнаго восхожденія“ съ младшаго стола на болѣе старшій, пока не достигали старѣйшаго кіевскаго стола. Хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ этотъ порядокъ могъ нарушаться, но въ существенныхъ чертахъ продержался до тѣхъ поръ, пока не началъ распадаться родовой бытъ. Въ подтвержденіе этихъ наблюденій Соловьевъ указалъ нѣсколько документальныхъ данныхъ. Уже при сыновьяхъ Ярослава столы распредѣляются согласно этому правилу: старшій сынъ получилъ Кіевъ, второй Святославъ—Черниговъ, третій Всеволодъ—Переяславль, далѣе Игорь—Владиміръ-Волынскій и Вячеславъ—Смоленскъ. Черезъ три года Вячеславъ умеръ, „и посадиша Игоря Смолиньскѣ, из Володимеря выведше“. Черезъ 19 лѣтъ Изяславъ, вынужденъ былъ покинуть Кіевъ, который былъ занятъ Святославомъ, а Всеволодъ занялъ Черниговъ (Лавр. 1057 и 1073). Въ концѣ XII в. правило

лѣствичнаго восхожденія формулировано словами черниговскаго князя Ярослава Всеволодовича въ отвѣтъ на предложеніе князей Всеволода Юрьевича, Рюрика и Давида Ростиславичей навсегда отказаться отъ притязаній на Кіевъ: „не буди мнѣ отлучитися великого стола, и главы и славы всеа Руси Кіева, но якоже и отъ прадѣдъ нашихъ лѣствицею кождо восхожаше на великое княженіе Кіевское, сице же и намъ и вамъ, лѣствичнымъ восхоженіемъ кому аще Господь Богъ дасть взыти на великое княженіе великаго Кіева, сего братіе не разаряйте, ни пресецайте, да не Божій гнѣвъ на себе привлецете, хотяще едины во всей Руси господствовати" (П. С. Л., т. X, стр. 26, 1196 г.).

Заслугой проф. Сергѣевича является какъ истинное разъясненіе указанныхъ фактовъ, такъ и вообще выясненіе вопроса о порядкѣ распредѣленія столовъ. Почему Игорь перемѣщенъ въ Смоленскъ на мѣсто Вячеслава—не ясно, т. к. не видно, что онъ былъ младше Вячеслава, а скорѣе—старше, ибо поставленъ при перечисленіи братьевъ выше его. Святославъ занялъ Кіевъ не по праву старшинства, а насильно изгнавъ Изяслава изъ Кіева. Наконецъ, извѣстіе о лѣствичномъ восхожденіи сохранилось въ позднемъ Никоновскомъ лѣтописномъ сводѣ, куда это выраженіе было внесено современникомъ XVI в. изъ мѣстническихъ счетовъ. Въ Ипатскомъ сводѣ слова черниговскаго князя переданы иначе: „ажь ны еси вмѣнилъ Кыевъ тоже ны его блюсти подъ тобою и подъ сватомъ твоимъ Рюрикомъ, то в томъ стоимъ; ажь ны лишитися его велишь отъинудь, то мы есмы не угре, ни ляхове, но единого дѣда есмы внуци; при вашемъ животѣ не ищемъ его, ажь по васъ, кому Богъ дасть" (Ипат. 1195). Итакъ, всѣ эти данныя ни мало не говорятъ въ подтвержденіе того, что столы распредѣлялись по единому началу родового старшинства. Мало того. Надо признать, что вообще не существовало какого либо единаго порядка въ преемствѣ столовъ.

Очень нерѣдко столы захватывались силою. Это называлось—„добывать", „налѣзать" столъ. Изяславъ Мстиславичъ не хотѣлъ уступить Кіева дядѣ своему Юрію и на просьбы епископа помириться съ дядею отвѣчалъ: „добылъ есми головою своею Киева и Переяславля" (Ипат. 1149). Онъ дѣй-

ствительно силою захватилъ столъ подъ Игоремъ Ольговичемъ. Когда кіяне стали звать къ себѣ Изяслава, указывая на то, что не хотятъ быть у Ольговичей „акы в задничи“, то онъ сказалъ: „любо си голову положю передъ вами, любо си налѣзу столъ дѣда своего и отца своего“ (тамъ же, 1146). Захватная политика примѣняется и къ занятію вакантныхъ столовъ. Претенденты на освободившійся столъ другъ передъ другомъ спѣшатъ поскорѣе занять его. Во время одной изъ битвъ Изяслава съ дядей Юріемъ убитъ былъ союзникъ перваго, черниговскій кн. Владиміръ Давидовичъ. Изяславъ совѣтуетъ брату убитаго, Изяславу Давидовичу, поскорѣе ѣхать въ Черниговъ и занять столъ, что тотъ и сдѣлалъ и на другой день былъ уже въ Черниговѣ и „сѣде на столѣ брата своего“. Въ то же время спѣшилъ къ Чернигову союзникъ Юрія, кн. Святославъ Ольговичъ, другой претендентъ на Черниговское княженіе. Но онъ „бѣ тяжекъ тѣломъ, и трудился бѣ бѣжа“, и изъ Городца послалъ вмѣсто себя племянника, „а самъ не може ехати“. Однако, посланный засталъ уже столъ занятымъ (Ипат. 1151). Нѣсколько лѣтъ спустя, Святославъ занялъ столъ въ Черниговѣ и умеръ черниговскимъ княземъ. Въ моментъ его смерти въ Черниговѣ не было ни сына его, ни племянника Святослава Всеволодовича. Вдова и дружина покойнаго князя извѣщаютъ сына его Олега: „княже! не стряпай, ѣди вборзѣ, Всеволодичь бо недобрѣ жилъ съ отцомъ твоимъ и съ тобою; ачи что замыслить лихое?“ А епископъ шлетъ Всеволодовичу грамоту съ извѣщеніемъ: „стрый ти умерлъ, а по Олга ти послали, а дружина ти по городомъ далече, а княгини сѣдить въ изумѣньи с дѣтьми, а товара множество у нея; а поѣди вборзѣ, Олегъ ти ѣще не въѣхалъ, а по своей воли възмеши рядъ съ нимъ“ (тамъ же, 1164). „Beati possidentes“ было правиломъ, хорошо извѣстнымъ уже въ древности.

Въ политикѣ захвата беретъ верхъ тотъ изъ соперничающихъ князей, на сторонѣ котораго перевѣсъ въ ловкости, энергіи, вліяніи, а главное—въ силѣ. И любимому князю населеніе можетъ отказать или не принять его, если его противники значительно сильнѣе. Привязанные къ Изяславу кіяне и черные клобуки говорятъ ему: „княже! сила его ве-

лика (Юрія), а у тебе мало дружины... не погуби насъ, ни самъ не погыни; но ты нашь князь, коли силенъ будеши, а мы с тобою, а нынѣ не твое веремя, поѣди прочь". Изяславъ долженъ былъ согласиться съ этимъ. „Наю не веремя нынѣ есть", говоритъ онъ Вячеславу: „поѣди ты, отце, въ свой Вышегородъ, а язъ поѣду въ свой Володимирь; язъ же пакы по сихъ днехъ како ны Богъ дасть" (Ипат. 1150).

Но соперники могутъ уславливаться и идти на взаимныя уступки. Въ своихъ притязаніяхъ каждый ссылается на доводы, оправдывающіе, по его мнѣнію, его образъ дѣйствій. Въ подтвержденіе своихъ лучшихъ правъ князья приводятъ: 1) физическое старшинство, 2) начало отчины, 3) народное избраніе. Но кромѣ этихъ началъ, имѣющихъ значеніе въ порядкѣ преемства столовъ, столы распредѣлялись еще по волѣ занимающихъ ихъ князей, а со времени татарскаго завоеванія еще и по ханскимъ ярлыкамъ, т. е. по распоряженіямъ хановъ.

Старшинство лѣтъ давало въ древнее время значительныя преимущества. Съ нимъ связана большая опытность, а опытъ практической жизни былъ почти единственной школой образованія. Болѣе старшій опытнѣе, разумнѣе и образованнѣе младшаго. Старшій князь поэтому пользуется большимъ вліяніемъ, лучшими связями, а вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлымъ рядомъ преимуществъ по сравненію съ младшимъ. При такихъ неравныхъ условіяхъ молодому князю трудно конкуррировать съ старшимъ, и естественно, что старшему отдается преимущество передъ младшимъ и въ соперничествѣ изъ-за столовъ. Но лучшія качества старшаго—отнюдь не законъ природы. Ловкіе и энергичные князья опережаютъ не только своихъ сверстниковъ, но и князей старшаго поколѣнія. И это могло быть не рѣдкимъ исключеніемъ. А при такихъ условіяхъ ссылка на старшинство не имѣла, конечно, рѣшающаго значенія. Святославъ и Всеволодъ Ярославичи изгнали изъ Кіева старшаго брата Изяслава, и его столъ занялъ Святославъ. Ѳеодосій Печерскій хотя и обличалъ князя, „яко неправедно створша и не по закону сѣдша на столѣ томъ, яко отца си, брата старѣйшаго прогнавша", но убѣжденія чтимаго старца не оказали никакого вліянія. Изяславъ Мстиславичъ по стар-

шинству долженъ былъ уступить Кіевъ дядѣ своему Юрію, но боролся съ нимъ за Кіевъ. Желая устранить ссылку дяди на старшинство, онъ пригласилъ совладѣтелемъ себѣ дядю Вячеслава, который оправдывалъ свои права на Кіевъ ссылкой на старшинство: „Гюрги мнѣ братъ есть, но моложий мене, а язъ старъ есмь, а хотѣлъ быхъ послати к нему и свое старишиньство оправити, ци будеть ны ся судити предъ Богомъ, а Богъ на правду призрить". Онъ послалъ сказать Юрію: „язъ тебе старѣй есмь не маломъ, но многомъ, азъ уже бородатъ, а ты ся еси родилъ; пакы ли хощеши на мое старишиньство поѣхати" (Ипат. 1151). Но и на этотъ разъ ссылка на старшинство дѣлу не помогла. А Ростиславъ Владиміровичъ, захватившій Тмутораканъ подъ Глѣбомъ Святославичемъ, ушелъ изъ города, какъ только узналъ, что идетъ на него дядя Святославъ, „не убоявься его, но не хотя противу стрыеви своему оружья взяти". Но какъ только Святославъ, посадивъ снова въ городѣ сына Глѣба, ушелъ, Ростиславъ опять выгналъ двоюроднаго брата (тамъ же, 1065).

Итакъ, въ подтвержденіе своихъ правъ на столъ князья нерѣдко ссылаются на старшинство; но часто эти ссылки не имѣютъ никакого успѣха. Это подтверждаетъ Несторъ въ своемъ „Чтеніи о житіи и о погубленіи блаженную страстотерпцу Бориса и Глѣба", указывая, что „многи бо суть нынѣ дѣтьскы князи, не покоряющеся старѣйшимъ и супротивящеся имъ". Но кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что наряду съ старшинствомъ естественнымъ возникло понятіе о старшинствѣ искусственномъ, фиктивномъ. И младшій князь могъ быть названъ старѣйшимъ, если ему удавалось занять лучшій столъ. Въ этомъ смыслѣ въ памятникахъ встрѣчаются выраженія: „искать старѣйшинства", „положить на комъ, дать кому старѣйшинство". Не подлежитъ сомнѣнію, что подъ старшинствомъ здѣсь надо понимать лучшій столъ. Во время борьбы Ростиславичей съ Ольговичами за Кіевъ Ярославъ Изяславичъ Луцкій предложилъ свои услуги сначала Ольговичамъ, „ища собѣ старѣшиньства въ Олговичѣхъ,—и не ступишася ему Кыева. Онъ же сослався с Ростиславичи и урядися с ними о Кыевѣ. . . Ростиславичи же положиша на Ярославѣ старѣйшиньство и даша ему Кыевъ" (Ипат. 1174), Константинъ Всеволодовичъ

велъ борьбу съ младшимъ братомъ Юріемъ за Владиміръ. Союзники перваго, Мстиславъ Мстиславичъ и Владиміръ псковскій, убѣждаютъ своихъ противниковъ: „мы пришли есмя, брате князь Юрьи и Ярославе, не на кровопролитие, крови не дай Богъ створити, да до того управимся; мы есмы племенници себѣ, а дадимъ старейшиньство кн. Костянтину, а посадите и в Володимерѣ, а вамъ земля суздальская вся“ (Сузд. 1216). Старшій братъ оказался не на старшемъ столѣ, а потому ведутся переговоры о томъ, чтобы дать ему старшинство, т.-е старшій столъ.

Отчиной (вотчиной) называлось все то, что переходило къ дѣтямъ послѣ отцовъ, какъ полученное отъ дѣдовъ наз. дѣдиной. Изъ сферы имущественныхъ отношеній эти понятія были перенесены и на отношенія политическія. Князь называлъ столъ своей отчиной, если этотъ столъ былъ нѣкогда занятъ его отцомъ. Въ распредѣленіи столовъ это начало отчины сказалось очень рано, т. к. у отцовъ было естественное желаніе передавать столы своимъ дѣтямъ. Еще Владиміръ св. выдѣлилъ Полоцкъ сыну своему Изяславу отъ Рогнѣды по совѣту бояръ, на судъ которыхъ Владиміръ передалъ свое столкновеніе съ Рогнѣдой; бояре сказали: „уже не убий ея, дѣтяти дѣля сего, но въздвігни отчину ея и дай ей с сыномъ своимъ“ (Лавр. 1128). Постепенно это начало все болѣе укоренялось, но все же не сдѣлалось общимъ правиломъ и не могло сдѣлаться, т. к. на одинъ и тотъ же столъ и одновременно могли быть предъявлены притязанія нѣсколькими князьями, отцы которыхъ ранѣе занимали этотъ столъ. Когда умеръ Всеволодъ Ярославичъ, то сразу открылись столы кіевскій, черниговскій и переяславскій. По праву отчины на кіевскій столъ могли быть предъявлены притязанія Изяславичами, Святославичами и Всеволодовичами. Передъ смертью Всеволодъ вызвалъ въ Кіевъ сыновей Владиміра и Ростислава. Находясь въ Кіевѣ, Владиміръ Мономахъ оказался въ болѣе выгодномъ положеніи, однако, не рѣшился занять кіевскій столъ. Онъ сказалъ: „аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столъ преже отца его былъ“, и послалъ за Святополкомъ, а самъ пошелъ въ Черниговъ, братъ же его Ростиславъ въ Переяславль (Лавр. 1093). Но на Черниговъ

имѣлъ такое же право, какъ Святополкъ на Кіевъ, Олегъ, который и явился съ половцами добывать Черниговъ подъ Владиміромъ. Мономахъ сначала затворился въ городѣ, но скоро уступилъ его Олегу и ушелъ „на столъ отень Переяславлю". На Любечскомъ съѣздѣ князья заключили рядъ, въ силу котораго столы распредѣлены по отчинамъ: „кождо да держить отчину свою: Святополкъ Кыевъ Изяславлю, Володимерь Всеволожю, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святославлю" (тамъ же, 1097). Но этотъ договоръ не устранилъ притязаній на Кіевъ ни Мономаха съ его потомствомъ, ни Ольговичей черниговскихъ. Въ концѣ XII в. Мономаховичи предъявили Ольговичамъ требованіе: „како вы не искати отцины нашея, Кыева и Смоленьска, подъ нами, и подъ нашими дѣтми, и подо всимъ нашимъ Володимеримь племенемь: како насъ роздѣлилъ дѣдъ нашь Ярославъ по Дънѣпръ, а Кыевъ вы не надобѣ". Выше указано, по какимъ основаніямъ Ольговичи это требованіе отвергли (стр. 142). Итакъ, начало отчины играетъ важную роль въ распредѣленіи столовъ, но не исключительную и не рѣшающую.

Призваніе князя на столъ населеніемъ играло безспорно важную роль въ рѣшеніи вопроса о преемствѣ стола (стр. 128). Князьямъ необходимо было считаться съ волею народа, и въ подтвержденіе своихъ правъ они на эту волю ссылаются. Изяславъ Давидовичъ черниговскій занялъ Кіевъ по приглашенію кіянъ въ трудное для нихъ время (стр. 137). Но на Кіевъ предъявилъ права Юрій Долгорукій и послалъ сказать Изяславу: „мнѣ отцина Киевъ, а не тобѣ". Изяславъ Давидовичъ не могъ, конечно, соперничать съ Юріемъ и отвѣчалъ: „ци самъ есмь ѣхалъ Киевѣ? посадили мя кияне, а не створи ми пакости; а се твой Киевъ" (Ипат. 1155). Здѣсь столкнулось начало отчины съ началомъ призванія и одержало верхъ. Но бывало и обратно. Кіевляне признали преемникомъ Всеволода Ольговича его брата Игоря, но затѣмъ пригласили Изяслава Мстиславича и мотивировали свое призваніе ссылкой на то, что не хотятъ быть у Ольговичей, „аки въ задничи".

Распоряженіе столомъ по волѣ занимающаго его князя имѣло также серьезное значеніе въ дѣлахъ о замѣщеніи столовъ. Въ періодъ времени отъ завѣщанія Ярослава Мудраго,

распредѣлившаго волости между своими сыновьями, и кончая завѣщаніемъ Всеволода Юрьевича, можно указать цѣлый рядъ подобныхъ актовъ. Но при всякихъ ли условіяхъ личное распоряженіе князя могло осуществиться? Первоначальная лѣтопись не содержитъ никакихъ указаній на то, при какихъ условіяхъ приводилась въ исполненіе воля Ярослава. Но намъ извѣстно, что передачу Владимірскаго стола Юрію Всеволодъ гарантировалъ крестнымъ цѣлованіемъ всѣхъ жителей волости, а Ярославъ получилъ назначенный ему въ удѣлъ Переяславль лишь послѣ выраженнаго одобренія всѣхъ переяславцевъ (выше, стр. 130 и слѣд.). О замѣщеніи кіевскаго стола послѣ смерти сына Мономаха Мстислава сохранилось два извѣстія. По одному, братъ Мстислава Ярополкъ сѣлъ на столѣ въ силу призванія: „людье бо кыяне послаша по нь“ (Лавр. 1132). По другому— Мстиславъ умеръ, „оставивъ княжение брату своему Ярополку, ему же и дѣти свои съ Богомъ на руцѣ предасть“. (Ипат. 1133). И въ первомъ извѣстіи далѣе указано, что Мстиславъ съ Ярополкомъ урядились о дѣтяхъ Мстислава, и Ярополкъ тотчасъ же выполнилъ условія этого ряда. Поэтому надо думать, что Мстиславъ передалъ столъ брату своему по соглашенію съ кіевлянами. Оставить столъ своему сыну онъ не могъ, такъ какъ сынъ былъ молодъ, а такому князю удержаться въ Кіевѣ было весьма трудно. Въ пользу своихъ дѣтей Мстиславъ могъ только выговорить обязательство съ брата удержать за ними Переяславль, что тотъ и выполнилъ. Много труднѣе оказалось положеніе Всеволода Ольговича, когда онъ задумалъ передать кіевскій столъ брату своему Игорю. Чтобы провести этотъ планъ, онъ долженъ былъ войти въ соглашеніе съ возможными претендентами на Кіевъ. Для этого онъ пригласилъ братьевъ, Игоря и Святослава, Владиміра Давидовича и Изяслава Мстиславича и сказалъ имъ: „Володимиръ посадилъ Мьстислава сына своего по себѣ в Киевѣ, а Мьстиславъ Ярополка брата своего, а се я мольвлю: оже мя Богъ поимѣть, то азъ по собѣ даю брату своему Игореви Киевъ“. На этомъ князья и цѣловали Всеволоду крестъ, но послѣ долгихъ преній. Про Изяслава Мстиславича замѣчено, что „много замышлявшу ему, нужа бысть цѣловати крестъ“. Обезпечивъ за братомъ столъ со стороны князей претендентовъ, Всеволодъ

позднѣе, уже разболѣвшись, призвалъ кіянъ въ Вышгородъ и просилъ ихъ: „азъ есмь велми боленъ, а се вы братъ мой Игорь, имѣтесь по нь“. Кіяне отвѣчали: „княже! ради, ся имемь“. Тогда Всеволодъ въ сопровожденіи Игоря пришелъ въ Кіевъ и „съзва Киянѣ вси; они же вси цѣловаше к нему крестъ, рекуче: ты намъ князь“ (Ипат. 1145 и 1146). Итакъ, Всеволодъ могъ распорядиться кіевскимъ столомъ лишь при посредствѣ цѣлаго ряда предварительныхъ договоровъ съ князьями и народомъ. Распоряжаться же столами лишь по собственному усмотрѣнію князья, конечно, не могли.

Со времени завоеванія Руси татарами важную роль въ распредѣленіи столовъ играютъ ханы. Князья ѣздятъ въ Орду и получаютъ отъ хановъ утвержденія на свои вотчинные столы. Кн. Ярославъ Всеволодовичъ въ 1243 г. ѣздилъ къ Батыю, который встрѣтилъ его съ честью и сказалъ: „Ярославе! буди ты старѣй всѣмъ княземъ в Русскомъ языцѣ“. Въ 1244 г. и другіе князья „поѣхаша в Татары к Батыеви про свою отчину; Батый же почтивъ я честью достойною, и отпустивъ я, расудивъ имъ, когождо в свою отчину“ (Лавр.). Тотъ же порядокъ продолжался и послѣ. Но нельзя сказать, что воля хана сдѣлалась единою силою при замѣщеніи столовъ. Сохраняютъ свое значеніе и старыя начала. Напр., послѣ смерти Ярослава братъ его Святославъ „сѣде в Володимери на столѣ отца своего, а сыновци свои посади по городомъ, якоже бѣ имъ отець урядилъ Ярославъ“ (Лавр. 1247). На этотъ разъ дѣло обошлось безъ всякаго вмѣшательства хана. Но въ слѣд. году Михаилъ Ярославичъ Хороборитъ „согна съ великого княженія Владимерскаго дядю своего великого кн. Святослава Всеволодичя и самъ сяде на великомъ княженіи въ Володимери“ (П. С. Л., т. X, 137). Въ томъ же году Михаилъ былъ убитъ въ войнѣ съ литовцами, и Святославъ снова занялъ великое княженіе: въ Орду же онъ поѣхахъ только въ 1250 г. Итакъ, захватъ, старшинство, отчина, а для Новгорода и призваніе, вовсе не устранены со времени татарскаго завоеванія.

Отношенія между князьями съ того момента, какъ появилось нѣсколько князей, занимающихъ особые столы, изображались въ исторической литературѣ весьма различно. Старые историки представляли себѣ древнюю Русь, раздѣленную

на удѣлы, объединенной въ той мѣрѣ, насколько удѣльные князья признавали авторитетъ великаго князя Кіевскаго. Карамзинъ полагалъ, что „Ярославъ, раздѣливъ Россію на княженія, хотѣлъ, чтобы старшій сынъ его, называясь великимъ княземъ, былъ главою отечества и меньшихъ братьевъ, и чтобы удѣльные князья, оставляя право наслѣдства дѣтямъ, всегда зависѣли отъ кіевскаго, какъ присяжники и знаменитые слуги его“ (т. III, гл. VII). Рейцъ первый указалъ на то, что „Ярославъ, раздѣливъ владѣнія своимъ сыновьямъ, основалъ союзное государство, въ коемъ наслѣдники князей были подчинены верховной власти старшаго брата, княжившаго въ Кіевѣ“ (Опытъ исторіи гос. и гражд. зак., 78). Соловьевъ свелъ эти отношенія на почву родовыхъ отношеній и утверждалъ, что „старшій князь, какъ отецъ, имѣлъ обязанность блюсти выгоды цѣлаго рода, думать и гадать о русской землѣ, о своей чести и о чести всѣхъ родичей, имѣлъ право судить и наказывать младшихъ, раздавалъ волости. Младшіе князья обязаны были оказывать старшему глубокое уваженіе и покорность, имѣть его себѣ отцомъ въ правду, ходить въ его послушаніи, являться къ нему по первому зову, выступать въ походъ, когда велитъ“ (т. II, изд. 5, стр. 5).

Всѣ эти мнѣнія не могутъ быть приняты, такъ какъ источники не содержатъ никакихъ указаній на подчиненіе однихъ князей другому, кромѣ зависимости князей родныхъ дѣтей отъ князя-отца (см. разборъ мнѣнія Соловьева въ Юр. древн., т. II, 320—336). Къ тому же, ни одинъ изъ князей до половины XIII в. и не назывался великимъ. Наоборотъ, каждый владѣтельный князь, какъ представитель независимой волости, по своему положенію юридически равенъ каждому владѣтельному князю. Поэтому, въ междукняжескихъ отношеніяхъ, вмѣсто подчиненія всѣхъ одному великому или старшему, можно скорѣе отмѣтить принципъ равнаго достоинства князей, который нашелъ свое выраженіе въ братствѣ князей. Въ повседневныхъ отношеніяхъ и въ договорахъ князья именуютъ другъ друга братьями. Но какъ въ одной княжеской семьѣ братья различаются по старшинству, причемъ старшій изъ нихъ обыкновенно получалъ лучшій столъ, такъ и вообще между князьями, именуемыми братьями, могли быть старѣйшіе

братья или старѣйшины, просто братья и братья молодшіе. Это различіе въ братствѣ могло соотвѣтствовать естественному различію въ старшинствѣ лѣтъ, но могло разойтись съ нимъ, такъ какъ и старшинство могло быть условнымъ или фиктивнымъ. Конечно, между самостоятельными и независимыми князьями были болѣе могущественные и слабые; послѣдніе фактически постоянно должны были уступать сильнымъ, которые считались и назывались старѣйшими, а слабые молодшими братьями безъ соотвѣтствія физическому старшинству. Иногда въ видѣ особаго почета одинъ князь называетъ другого отцомъ. Юрій Долгорукій старшему своему брату Вячеславу говоритъ: „ты мнѣ еси яко отецъ“ (Ипат. 1151). Отцомъ называютъ того же Вячеслава и его племянники Изяславъ и Ростиславъ. Но это почетное отцовство не имѣетъ ничего общаго съ отцовствомъ естественнымъ, и названный отцомъ не пріобрѣтаетъ никакихъ правъ надъ своимъ названнымъ сыномъ. Юрій вовсе не подчинился требованію Вячеслава уступить ему Кіевъ, хотя и счелъ Вячеслава своимъ отцомъ; а Вячеславъ, всѣмъ обязанный Изяславу, хотя и получилъ прозваніе отца, но самъ называетъ Изяслава такъ: „а ты же мой сынъ, ты же мой братъ“ (тамъ же, 1150).

Но если всѣ владѣтельные князья равны по ихъ достоинствамъ, какъ представители независимыхъ волостей, то не существовало ли какихъ либо элементовъ объединенія для всѣхъ древнерусскихъ княженій? Въ исторической литературѣ можно найти утвердительные отвѣты на этотъ вопросъ. Костомаровъ доказывалъ, что самобытныя земли стремились къ федераціи, что Русь начинала облекаться въ федеративный строй, но этому помѣшало татарское завоеваніе. Элементами объединенія послужили: 1) единство происхожденія и языка, 2) единство религіи и 3) единство княжескаго рода. Но все это элементы культурной связи, а не политической. Проф. В.-Будановъ идетъ дальше. Онъ указываетъ „начала государственнаго объединенія всѣхъ русскихъ земель“. Эти начала нашли свое выраженіе въ слѣдующемъ: „На единствѣ княжескаго рода и національномъ единствѣ Русской земли основывается *союзъ князей*, постоянно признаваемый въ принципѣ, хотя весьма часто нарушаемый въ дѣйствительности. Союзъ состоитъ изъ

равныхъ другъ другу членовъ, именуемыхъ *братьями.* Союзъ основывается не на договорномъ началѣ; напротивъ, иногда частные договоры двухъ или нѣсколькихъ князей клонятся къ его нарушенію . . . Дѣйствія союза простираются какъ на *внѣшнія*, такъ и на *внутреннія* (междукняжескія) отношенія . . . Права и постановленія союза осуществляются преимущественно посредствомъ *княжескихъ съѣздовъ* . . . Съѣздъ для рѣшенія общерусскихъ дѣлъ *предполагаетъ* участіе *всѣхъ князей*; но въ дѣйствительности ни одинъ съѣздъ не имѣлъ фактической полноты, что не лишало думы князей ея общерусскаго значенія. Постановленія думы были обязательны для прочихъ не участвовавшихъ въ съѣздѣ".

Но что же такое союзъ князей и его органъ—княжескіе съѣзды? Дѣйствительные это факты или акты идеальнаго сознанія? Если союзъ признавался лишь въ принципѣ и весьма часто нарушался практикой; если съѣзды предполагаютъ лишь участіе всѣхъ князей, а дѣйствительность не знаетъ ни одного такого съѣзда, то не слѣдуетъ ли отсюда заключить, что все это существовало не въ дѣйствительной жизни, а въ сознаніи современниковъ? Это, можетъ быть, общественные идеалы, факты изъ исторіи общественнаго сознанія, а не изъ исторіи учрежденій. При господствѣ обычнаго права наличность учрежденія констатируется однообразнымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же дѣйствій или явленій, а не принципіальными признаніями или предположеніями.

Княжескіе съѣзды, однако, хотя и не въ качествѣ органа союза князей,—безспорный историческій фактъ. Князья съѣзжались для совмѣстнаго обсужденія и рѣшенія интересующихъ ихъ вопросовъ. Но интересы князей весьма различны. Поэтому съѣзжаются гораздо чаще немногіе изъ наличныхъ князей. Съѣзды со значительнымъ числомъ участвующихъ составляютъ рѣдкое исключеніе, а съѣзда всѣхъ наличныхъ князей и указать нельзя. На съѣздѣ естественно принимаютъ участіе заинтересованные. Несочувствующаго или даже противника можно было только силою принудить явиться на съѣздъ. А кому нуженъ такой совѣтникъ? Святополкъ и Мономахъ приглашали Олега черниговскаго: „поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ епископы, и предъ

игумены, и предъ мужи отець нашихъ, и предъ людми градьскыми, да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ". Подъ вліяніемъ какихъ то навѣтовъ Олегъ отнеся къ этому зову съ большимъ недовѣріемъ: онъ рѣшилъ, что его заманимаютъ для расправы съ нимъ, и отвѣчалъ: „нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменомъ, ли смердомъ". Говорятъ, что Олегъ былъ наказанъ союзною экзекуціею князей за то, что неисполненіе постановленія съѣзда или отказъ отъ участія въ немъ безъ причины влекли наказанія для виновныхъ. Но Святополкъ и Мономахъ пошли войной на Олега по слѣдующему точно указанному ими поводу: „да се ты ни на поганыя идеши, ни на совѣтъ к нама, то ты мысліши на наю и поганымъ помагати хочеши" (Лавр. 1096). Заподозрили въ Олегѣ союзника поганыхъ и потому объявили ему войну. При Мономахѣ княжескіе съѣзды созывались сранительно чаще, такъ какъ этотъ князь съумѣлъ сплотить княжескіе интересы. На Любечскомъ съѣздѣ шестеро князей не только распредѣлили между собой княженія по отчинамъ, но заключили еще слѣдующій договоръ: „да аще кто отселѣ на кого будеть, то на того будемъ вси и кресть честный". Но единеніе князей продержалось не долго: въ томъ же году совершилось ослѣпленіе Василька по инициативѣ кн. Давида Игоревича и при содѣйствіи Святополка. Узнавъ объ этомъ, Мономахъ приглашаетъ черниговскихъ князей исправить зло, и всѣ вмѣстѣ шлютъ къ Святополку съ требованіемъ: „что се зло створилъ еси в Русьстѣй земли, и вверглъ еси ножь в ны? чему еси ослепилъ братъ свой? аще ти бы вина кая была на нь, обличилъ бы и предъ нами; а нынѣ яви вину его". Святополкъ оправдывался тѣмъ, что ему была нужда „своее головы блюсти", и что вся вина лежитъ на Давидѣ (Лавр. 1097). Послѣдній, правда, былъ наказанъ, но только въ силу принятаго князьями обязательства на Любечскомъ съѣздѣ. А со смертью Мономаха рознь между князьями умножилась, и общія дѣйствія князей, по предварительному соглашенію на съѣздахъ, сдѣлались еще болѣе рѣдкими. Таковъ былъ съѣздъ въ Кіевѣ 1170 г., когда былъ предпринятъ общій походъ на половцевъ. Но наряду съ этимъ можно отмѣтить и рядъ неудавшихся съѣздовъ. Кн. Святославъ Всеволодовичъ, „сгадавъ

со сватомъ своимъ Рюрикомъ", пошли на половцевъ и остановились у Олжичъ въ ожиданіи Ярослава черниговскаго; но Ярославъ, встрѣтивъ ихъ, сказалъ: „нынѣ, братья, не ходите, но срекше веремя, оже дасть Богъ, на лѣто пойдемъ". Князья послушали Ярослава и возвратились (Ипат. 1183). Тѣ же Святославъ и Рюрикъ предприняли общій походъ на Галичъ, но во время похода заспорили о раздѣлѣ Галича, „и тако не урядившеся и возвратишася восвояси" (тамъ же, 1189). При такихъ условіяхъ какъ можно считать княжескіе съѣзды органомъ объединенія всѣхъ князей? Наоборотъ, надо признать, что въ древней Руси не существовало никакихъ элементовъ политическаго объединенія между обособленными княженіями и отдѣльными князьями, кромѣ междукняжескихъ соглашеній.

В. Сергѣевичъ. Вѣче и князь, 98—327; Юрид. Древн., II. 119—301; *В.—Будановъ*. Обзоръ. 37—45 и 69—76; *Соловьевъ*. Объ отношеніи Новгорода къ великимъ князьямъ, 1846; Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома, 1847; *Костомаровъ*. Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси, Ист. мон., I, 1863 и 1872 гг.

Княжеская дума.

Среди извѣстій о событіяхъ X—XIII вв. памятники нерѣдко упоминаютъ о совѣщаніяхъ князей съ ихъ дружинами. Въ Р. Правдѣ, напр., читаемъ, что Владиміръ Мономахъ „по Святополцѣ созва дружину свою на Берестовѣмь: Ратибора, киевьско тысячьского, Прокопью, бѣлогородьского тысячьского, Станислава, переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Іванка Чюдиновича, Олгова мужа, и уставили до третьяго рѣза" (Тр. 48, Кар. 66). О Долобьскомъ съѣздѣ сказано въ лѣтописи: „Богъ вложи в сердце княземъ рускымъ Святополку и Володимиру, и снястася думати на Долобьскѣ; и сѣде Святополкъ с своею дружиною, а Володимеръ с своею въ единомь шатрѣ. И почаша думати" (Лавр. 1103). Святославъ Всеволодовичъ черниговскій, нарушивъ крестное цѣлованіе къ Ростиславичамъ нападеніемъ на Давида, „съзва всѣ сыны своя и моложьшюю братью . . . и дружину свою, и поча думати" (Ипат. 1180).

Какую же княжескую дружину здѣсь разумѣютъ памятники: старшую или младшую? Очень часто тѣ же памятники

упоминаютъ о думѣ князя съ старѣйшею дружиною, передними или лѣпшими мужами, съ боярами. Когда Святославъ Ольговичъ узналъ объ убіеніи брата Игоря, то „съзва дружину свою старѣйшюю и яви имъ“ (Ипат. 1147). О смерти Святослава Ольговича немедлено извѣщаютъ сына его Олега; „се же створи княгини, сгадавши съ пискупомъ и с мужи князя своего с передними“ (тамъ же, 1164). Юрій Долгорукій хотѣлъ передать Кіевъ Вячеславу, но „бояре же размолвиша Дюргя, рекуче: брату твоему не удержати Киева; да не будеть его ни тобѣ, ни оному. Дюргеви же послушавшю бояръ“ (Лавр. 1150). Но можно отмѣтить хотя и рѣдкія указанія лѣтописи на совѣщанія князей не съ одною старшею, а со всею дружиною. Во время борьбы Изяслава и Ростислава съ Юріемъ и его союзниками отмѣченъ такой эпизодъ: „И то услышавша Изяславъ и Ростиславъ . . . и начаста думати с мужи своими и с дружиною и с черными клобукы“ (Ипат. 1147). Позднѣе о тѣхъ же князьяхъ сказано: „съзваша бояры свое и всю дружину свою, и нача думати с ними“ (тамъ же, 1149). Простое сопоставленіе числа случаевъ совѣщаній съ старшею дружиною и со всею дружиною указываетъ, какъ надлежитъ понимать тѣ мѣста лѣтописи, гдѣ рѣчь идетъ о совѣщаніи съ дружиною, безъ указанія съ какою именно: тутъ надо понимать совѣщанія съ старшею дружиною. Эта догадка подтверждается самими памятниками: Р. Правда глухо говоритъ сначала, что Мономахъ созвалъ свою дружину, а далѣе указываетъ, что въ составъ совѣщанія вошли тысяцкіе и мужи княжіе. Когда Изяславъ Мстиславичъ получилъ извѣстіе объ убійствѣ Игоря, то „рече своей дружинѣ“, что будутъ подозрѣвать его въ этомъ убійствѣ. Въ отвѣтъ на слова князя „рѣша ему мужи его“ (Ипат. 1147). Дружина и здѣсь оказалась состоящей изъ княжихъ мужей.

Указанное выше (стр. 79—82) различіе между старшей и младшей дружиной даетъ возможность установить, кто были обычные совѣтники князя: это княжіе мужи или бояре. Такое значеніе бояръ, какъ совѣтниковъ князя, отмѣчено и въ памятникахъ. Послѣ половецкаго пораженія сѣверскій кн. Игорь воскликнулъ: „гдѣ *бояре думающеи*, гдѣ мужи храборьствующеи, гдѣ рядъ полъчный“ (Ипат. 1185). Въ отли-

чіе отъ павшихъ воиновъ—мужей, бояре назывались думающими или думцами.

Но участіе въ княжескомъ совѣтѣ было ли исключительнымъ нравомъ бояръ, или князь могъ совѣщаться съ кѣмъ либо помимо бояръ? Лѣтопись указываетъ и такіе факты. Про Всеволода Ярославича сказано, что подъ старость онъ „нача любиті смыслъ уныхъ, и свѣтъ творяше с ними; си же начаша і заводити и негодовати дружины своея первыя“ (Ипат. 1093). Святополкъ захватилъ половецкихъ пословъ, явившихся съ мирными предложеніями, „не здумавъ с болшею дружиною отнею и стрыя своего, совѣтъ створи с пришедшими с нимъ“ (Лавр. 1093). Святославъ Всеволодовичъ черниговскій рѣшается напасть на Давида Ростиславича, „сдумавъ с княгинею своею и с Кочкаремь, милостьникомъ своимъ, и не поведѣ сего мужемь своимъ лѣпшимъ думы своея“ (Ипат. 1180). Но такое устраненіе обычныхъ совѣтниковъ отъ участія въ княжескомъ совѣтѣ сопровождается большею частію неблагопріятными послѣдствіями для самого князя и для управляемой имъ страны. Совѣщанія Всеволода съ юными совѣтниками повлекли за собой то, что „людемь не хотѣти княжѣе правдѣ, і начаша тивунѣ его грабити, людии продаяти, сему невѣдущю у болѣзнѣхь своихъ“. „Мужи смыслении“ едва убѣдили Святополка не выступать одному противъ половцевъ, а просить помощи у Мономаха. Святославъ черниговскій ничего не успѣлъ въ борьбѣ съ Ростиславичами, а только навлекъ на себя укоръ въ нарушеніи крестнаго цѣлованія. Изъ самаго разсказа объ этихъ событіяхъ видно, что современникъ отмѣчаетъ устраненіе обычныхъ совѣтниковъ, какъ нарушеніе обычнаго правила. По другому случаю лѣтописецъ восклицаетъ: „Лютѣ бо граду тому, в немь же князь унъ, любяй вино пити съ гусльми и съ младыми свѣтнікы“ (Лавр. 1015). Возстаніе галицкихъ бояръ противъ своего кн. Владиміра лѣтописецъ объясняетъ тѣмъ, что князь „бѣ бо любезнивъ питию многому, и думы не любяшеть с мужми своими“ (Ипат 1188). Итакъ, устраненіе бояръ изъ состава совѣта было явленіемъ исключительнымъ, не нормальнымъ.

Но въ X в. на княжескихъ совѣтахъ, кромѣ бояръ, участвуютъ еще „старцы градскіе“ или „старѣйшины по всѣмъ

градомъ“. Возвратившись изъ похода на ятвяговъ. Владиміръ съ народомъ рѣшилъ принести жертвы богамъ; „и рѣша старци и боляре: мечемъ жребий на отрока и дѣвицю“. Для рѣшенія вопроса о новой вѣрѣ Владиміръ „созва боляры своя и старци градьскиѣ“, которые посовѣтовали послать для испытанія мужей. Когда посланные вернулись, князь опять „созва боляры своя и старца“ и предложилъ посланнымъ: „скажите пред дружиною“. Тотъ же князь на пиры „съзываше боляры своя, и посадникы, старѣйшины по всѣмъ градомъ“ (Лавр. 983, 987 и 996). Одни полагаютъ, что эти старцы были земскіе бояре въ отличіе отъ княжескихъ, и что въ XI в. они не упоминаются болѣе потому, что княжескіе и земскіе бояре слились между собою (?) (В.-Будановъ). Другіе думаютъ, что старцы „это образовавшаяся изъ купечества военно-правительственная старшина торговаго города. Но съ XI в. городовая старшина, т. е. тѣ высшіе чиновники, тысяцкій съ сотскими, которые сидѣли въ думѣ кн. Владиміра, теперь назначались княземъ изъ его дружины и не были уже представителями городскихъ міровъ“ (Ключевскій).

Помимо обычнаго состава думы въ нее входятъ по временамъ съ конца X в. и духовныя власти, епископы и игумены. Представители духовенства пользуются безспорно большимъ вліяніемъ при княжескихъ правительствахъ. Но они дѣйствуютъ гораздо чаще не какъ члены княжеской думы, а помимо ея; иначе лѣтопись упоминала бы объ актахъ думанія не только съ дружинами и называла бы думающими и думцами не однихъ только бояръ.

Итакъ, обычными и постоянными совѣтниками князей были только бояре. Но нельзя думать, что въ каждомъ совѣщаніи принимали участіе всѣ состоящіе при князѣ его мужи. Одни изъ нихъ могли занимать должности посадниковъ, быть въ посольствахъ, пребывать, наконецъ, въ своихъ селахъ; а если совѣщанія происходили во время похода, то иные изъ старшихъ дружинниковъ могли быть оставлены въ стольномъ городѣ. Немногія указанія памятниковъ о числѣ совѣтниковъ по тому или иному дѣлу перечисляютъ то 5, то 6, то 7 княжихъ мужей. Надо думать, что въ совѣщаніяхъ обыкновенно принимали участіе всѣ наличные думцы князя.

Думы князя съ дружиною составляли повседневное явленіе политической жизни древней Руси. Въ обычномъ порядкѣ вещей князь ничего не предпринималъ, „не повѣдавъ мужемъ лѣпшимъ думы своея“, „не сгадавъ съ мужьми своими“. О Владимірѣ св. сказано, что онъ „бѣ бо любя дружину, и съ ними думая о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и о уставѣ земленѣмъ“. Мономахъ въ поученіи дѣтямъ совѣтуетъ имъ вставать до восхода солнца и, помолясь Богу, „сѣдше думати съ дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати“ (Лавр. 996 и 1096). Въ житіи Ѳеодосія Печерскаго разсказано, что онъ, возвращаясь рано утромъ изъ загороднаго дворца князя, встрѣчалъ по дорогѣ бояръ, отправлявшихся къ князю на совѣтъ.

Но если совѣщанія съ боярами столь обычны и постоянны, то естественно, что политическое положеніе князя въ значительной мѣрѣ опредѣляется составомъ его совѣтниковъ, ихъ качествомъ. Поэтому въ Словѣ Даніила Заточника сказано: „князь не самъ впадаетъ во многія въ вещи злыа, но думцы вводятъ. Съ добрымъ бо думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею думаетъ и малаго стола лишенъ будетъ“ (Пам. Древн. пис., LXXXI, 1889, стр. 20—23).

Порядокъ совѣщаній князя съ его думцами характеризуется тѣми же чертами, какъ и совѣщанія на вѣчахъ. Въ качествѣ вольныхъ сотрудниковъ князя, его думцы держали себя на совѣщаніяхъ вполнѣ свободно и могли спорить съ княземъ. Послѣ пораженія кіевскаго ополченія половцами, когда Изяславъ Ярославичъ съ дружиною и ополченіе прибѣжали въ Кіевъ, то „людіе сотвориша вѣче на торговищи“, а въ то же время „Изяславу же сѣдящю на сѣнехъ с дружиною своею, начаша прѣтися со княземъ“ (Лавр. 1068). Разногласія могли, конечно, произойти и въ средѣ думцевъ. Въ одинъ изъ моментовъ борьбы съ Юріемъ Изяславъ съ братомъ Ростиславомъ и съ Ярополкомъ совѣщались съ дружиною, „хотя поѣхати к Гюрьги на ону сторону за Трубежь“. Но тутъ произошло разногласіе: „мужи же ему едини молвяху: княже! не ѣзди по немъ... друзии же понуживахуть его, рекуче: поѣди, княже, не упустимъ его прочь. Изяславъ же то слышавъ отъ обоихъ, излюби поѣхати“

(Ипат. 1149). Смыслъ преній заключался въ томъ, чтобы отразить доводы противной стороны, поставить ее въ невозможность возражать. На Долобьскомъ съѣздѣ возникли разногласія у Мономаха съ дружиной Святополка (стр. 94). Но Мономахъ привелъ такіе доводы, что „не могоша противу ему отвѣщати дружина Святополча“ (Ипат. 1103). Въ случаяхъ столкновенія мнѣній у князя съ его дружиной одержать верхъ могла та или другая сторона. Памятники отмѣчаютъ тотъ и другой исходъ такихъ столкновеній. Мономахъ и „дружина Ратиборова чадь начаша думати о погубленѣ Итларевы чади (половецкаго посла). Володимеру же не хотящу сего створити“. Каждая изъ сторонъ привела свои доводы, и въ результатѣ „послуша ихъ Володимерь“ (Ипат. 1095). Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ, возвратясь въ Кіевъ подъ напоромъ войска Юрія, созвали братію „и почаша думати. Изяславъ же с братомъ своимъ Ростиславомъ всегда хотяшеть противу имъ бится; дружина же Вячеславля и Изяславля и Ростиславля, и всихъ князий, устягывахуть отъ того, и кияне, наппаче же чернии клобуци отъ того устягоша“. Послѣ обмѣна мнѣніями князья „послушавше дружины своея и киянъ и черныхъ клобуковъ“ (тамъ же, 1151). Въ обоихъ случаяхъ князья подчинились мнѣніямъ своихъ дружинъ. Но извѣстны противоположные случаи. Въ походѣ противъ черниговскихъ князей Ростиславъ получилъ вѣсть о смерти въ Кіевѣ дяди своего Вячеслава и „нача думати (съ союзными князьями) и с мужи своими, хотя поити Чернигову. Мужи же боряняхуть ему, рекучи“. Они совѣтовали ему прежде вернуться въ Кіевъ, заключить новый рядъ съ кіянами и тѣмъ предотвратить опасность внезапнаго нападенія Юрія. „Ростиславъ же всего того не послуша, но пойде на Изяслава на Давыдовича к Чернигову“ (Ипат. 1154). Подъ 1149 г. разсказано объ Андреѣ Юрьевичѣ, что его „дружина, приѣздяче к нему, жаловахуть: что твориши, княже? и поеди, княже, прочь; аже ли добудемъ сорома? Андрей же не послуша ихъ, но възложи надежю на Богъ, пережда до свѣта“ (тамъ же).

Когда одна изъ сторонъ упорно настаиваетъ на проведеніи своего взгляда, другой сторонѣ остается троякій исходъ:

или согласиться съ доводами по существу, или подчиниться мнѣнію для устраненія разрыва, или, наконецъ, съ такимъ же упорствомъ настаивать на своемъ мнѣніи. Въ послѣднемъ случаѣ, безъ взаимныхъ уступокъ съ обѣихъ сторонъ, былъ неизбѣженъ полный конфликтъ между сторонами. При свободѣ отношеній, или князь могъ отпустить своихъ думцевъ, или думцы могли покинуть своего князя. Памятники, однако, не указываютъ случаевъ разрыва отношеній изъ-за различія въ мнѣніяхъ. Но можно предположить, что „въ случаѣ столкновенія мнѣній обѣ стороны соображали, стоитъ ли дѣло того, чтобы изъ-за него разрывать взаимныя связи и расходиться. Такъ разногласіе разрѣшалось не *обязательностью* мнѣній одной стороны для другой, а *возможностью* навязать свое мнѣніе противной сторонѣ“ (Ключевскій).

Высокое положеніе княжескихъ думцевъ съ одной стороны, повседневное участіе ихъ въ обсужденіи и рѣшеніи текущихъ вопросовъ всей политической жизни земли — съ другой указываютъ на то, что компетенція княжеской думы опредѣляется тѣмъ кругомъ дѣлъ, о которыхъ князю необходимо посовѣтоваться съ ближайшими своими сотрудниками. Компетенція думы сливается такимъ образомъ съ компетенціей князя: какого либо самостоятельнаго вѣдомства, отдѣльнаго отъ вѣдомства князя, у княжеской думы и не было. И въ памятникахъ можно дѣйствительно найти подтвержденіе тому, что любой вопросъ внѣшней и внутренней политики той эпохи могъ стать предметомъ обсужденія князей съ ихъ думцами.

Единственно практика совѣщаній князей съ ихъ дружинами служитъ матеріаломъ для рѣшенія основного вопроса о политическомъ значеніи княжеской думы. Въ исторической литературѣ по этому вопросу существуетъ значительное разногласіе. Одни изслѣдователи считаютъ думу органомъ управленія съ чисто совѣщательнымъ значеніемъ, такъ какъ князья призывали на совѣщанія кого хотѣли, и только тогда, когда хотѣли. Эта точка зрѣнія впервые была выставлена проф. Сергѣевичемъ. Изъ числа его послѣдователей одни всецѣло примкнули къ его мнѣнію, другіе—съ нѣкоторыми уклоненіями. Въ настоящее время проф. Сергѣевичъ не считаетъ

возможнымъ говорить о думѣ, какъ и объ органѣ управленія; онъ не считаетъ думу и учрежденіемъ: дума князей съ мужами „это только актъ думанія, дѣйствіе совѣтыванья князя съ людьми, которымъ онъ довѣряетъ". Князья имѣли совѣтниковъ, а не совѣтъ. Но совѣтниковъ избираетъ самъ князь и, вслѣдствіе этого, составъ ихъ опредѣляется его доброю волею; воля же князя опредѣляется его пониманіемъ окружающаго, которое опредѣляется вкусами князя, его привычками, способностями и пр. Проф. Сергѣевичъ идетъ далѣе: на вопросъ — былъ ли князь обязанъ имѣть совѣтниковъ — онъ категорично отвѣчаетъ: „конечно, нѣтъ". Но онъ не указалъ и не могъ указать ни одного князя, у котораго не было бы совѣтниковъ. На это проф. Сергѣевичъ можетъ, конечно, замѣтить, что князья имѣли совѣтниковъ въ силу ихъ доброй воли, а не по обязанности. За отсутствіемъ, однако, писанныхъ уставовъ о княжескихъ правахъ и обязанностяхъ, послѣднія выясняются единственно изъ господствующей практики. А эту практику прекрасно подмѣтилъ и формулировалъ самъ проф. Сергѣевичъ. „Княжіе мужи и бояре, говоритъ онъ, составляютъ высшій классъ служилыхъ людей, переднюю дружину князя. Эти лучшіе служилые люди и суть обыкновенные думцы князя. Понятно почему. Давать совѣты могутъ только опытные въ дѣлахъ люди, а такими и были „старшіе" или „передніе мужи". Согласно этому нормальному порядку вещей, сложилось и общественное мнѣніе относительно того, кто долженъ быть совѣтникомъ князя. Это должны быть пожилые, опытные люди, старые и вѣрные слуги князя". И далѣе: „Пока служба была вольная и князь не могъ приказывать своимъ вольнымъ слугамъ, думцы князя могли въ значительной степени ограничивать его усмотрѣніе. Князю надо было убѣждать думцевъ въ цѣлесообразности своихъ намѣреній. Общее дѣйствіе возможно было только тогда, когда думцы соглашались съ княземъ. Въ противномъ случаѣ князю приходилось отказываться отъ задуманнаго имъ дѣйствія". „Но эта зависимость князя отъ думцевъ была не безусловная. Князь могъ дѣйствовать и помимо воли своихъ вольныхъ слугъ. Онъ могъ дѣйствовать и безъ всякой думы. Но такой способъ дѣйствія всегда представлялъ для него серьезныя опасности.

Служилые люди, мнѣніемъ которыхъ князь не дорожилъ, оставляли его и переходили къ другому, у котораго надѣялись найти большее къ себѣ вниманіе. Необходимымъ слѣдствіемъ такого ухода являлась слабость князя и упадокъ его власти".

Инымъ путемъ приходитъ къ рѣшенію того же вопроса проф. Ключевскій. Онъ признаетъ, что „князю принадлежитъ выборъ совѣтниковъ; онъ могъ измѣнять составъ своего совѣта, но не считалъ возможнымъ остаться совсѣмъ безъ совѣтниковъ, могъ разойтись съ лицами, но не могъ обойтись безъ учрежденія". Княжеская дума „была учрежденіемъ постояннымъ, дѣйствовавшимъ ежедневно". Но каковъ ея политическій авторитетъ? Имѣла ли она обязательный для князя и рѣшающій голосъ, или была только совѣщательнымъ собраніемъ, къ которому князь обращался за справкой, когда хотѣлъ, оставляя за собой рѣшающее слово? Думаемъ, что не можетъ быть и рѣчи ни о совѣщательномъ, ни объ обязательномъ голосѣ". Проф. Ключевскій предполагаетъ, что въ договоръ князя съ дружинниками едва ли могло входить условіе о совѣщаніи или о „сидѣньи въ думѣ о дѣлахъ". „Но если обычай совѣщаться съ боярами не могъ считаться правомъ послѣднихъ, то нарушеніе его создавало важныя неудобства для обѣихъ сторонъ... Совѣщаніе съ боярами было не *политическимъ правомъ* бояръ или обязанностью князя, а *практическимъ удобствомъ* для обѣихъ сторонъ... Изъ совокупности условій вытекла для князя и практическая *необходимость* совѣщаться съ боярами, и возможность не принять ихъ мнѣніе въ иномъ случаѣ. Смѣшивать политическую обязательность съ практической необходимостью значитъ рисковать утратить самое понятіе о правѣ... Обязательность—понятіе изъ области права, а необходимость—простой фактъ". Необходимо, однако, имѣть въ виду, что въ сферѣ обычнаго права фактъ и право не только не могутъ быть противополагаемы, но нерѣдко не могутъ быть и разграничены: право раждается изъ фактовъ, въ фактахъ, т. е. въ практикѣ, выражается и практикой поддерживается (выше, стр. 11—14). Явленія, порождаемыя практическою необходимостью, служатъ самой благопріятной почвой для созданія господству-

ющей практики, т. е. для зарожденія и укрѣпленія обычнаго правила.

Проф. Загоскинъ хотя и считаетъ княжескую думу лишь совѣщательнымъ учрежденіемъ и составъ ея „чисто случайнымъ", но признаетъ, что дружинники смотрятъ на совѣщанія, на *думу* съ ними князей, какъ на свое неотъемлемое право", и что „князь считалъ себя обязаннымъ въ силу самого порядка вещей обо всемъ *думать* съ своими дружинниками. . . фактическая необходимость думы съ ними сводилась для него почти къ юридической обязанности". Но если принять этотъ выводъ во второй его части, то остается непонятнымъ, какъ примирить его съ первою частью вывода.

Ученой заслугой проф. В.-Буданова является окончательное выясненіе политическаго значенія княжеской думы: онъ призналъ ее необходимымъ элементомъ въ составѣ государственной власти каждой земли. Этотъ третій элементъ въ составѣ государственной власти является элементомъ аристократическимъ, такъ какъ думцами князя были лучшіе люди земли—княжіе мужи и бояре. Господствующая практика указываетъ, что князья обязаны были совѣщаться съ своими боярами. Уклоненія отъ выполненія этого обычнаго правила влекли для князей весьма печальные результаты. На нѣкоторые изъ нихъ указано было выше (стр. 156). ~~этого~~ Но памятники содержатъ и болѣе яркія подтвержденія наблюденія. Дорогобужскій князь Владиміръ Мстиславичъ, состоя въ крестномъ цѣлованіи съ кіевскимъ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ, задумалъ напасть на него и о своей думѣ объявилъ своимъ боярамъ. Но дружина отвѣчала князю: „о собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали". Старшіе дружинники отказали своему князю въ содѣйствіи на томъ основаніи, что онъ все дѣло затѣялъ безъ всякаго съ ихъ стороны участія и безъ ихъ вѣдома. Князь, однако, возмнилъ, что онъ можетъ обойтись и безъ своихъ бояръ, и отвѣтилъ на ихъ заявленіе, указавъ на дѣтскихъ: „се будуть мои бояре". Но превратить младшихъ дружинниковъ въ старшихъ княжескимъ словомъ было невозможно. Хотя князь и отправился въ походъ на соединеніе съ своими союзниками Берендичами, но скоро убѣдился, что безъ под-

держки настоящихъ бояръ военный походъ невозможенъ. Берендичи, увидѣвъ одного князя, встрѣтили его словами: „ты намъ тако молвяше, братья вси со мною суть: а кое есть Андрѣевичь Володимиръ, и Ярославъ, и Давыдъ? но се ѣздиши одинъ и без мужий своихъ, а насъ перельстивъ... и начаша въ нь пущати стрѣлы, и удариша князя двѣма стрѣлама". Для Берендичей было достаточно отсутствія при князѣ его мужей для того, чтобы счесть его льстецомъ и превратиться изъ союзниковъ въ враговъ. Тутъ только князь долженъ былъ признать: „язъ уже погинулъ и душею и жизнью" (Ипат. 1169). Рѣшимость князя обойтись безъ содѣйствія своихъ бояръ привела его къ окончательной гибели.

Обязательность для князя совѣщаться съ своими боярами наглядно выражена въ словахъ дружинниковъ кіевскаго князя Мстислава Изяславича. Этотъ князь отпустилъ отъ себя двухъ дружинниковъ за то, что холопы ихъ украли княжескихъ коней. Отпущенные, по злобѣ на князя, оговорили его князьямъ Давиду и Рюрику, будто Мстиславъ хочетъ ихъ захватить. Когда Мстиславъ узналъ о такомъ подозрѣніи на него, то ужаснулся мыслью „и яви дружинѣ своей... И рѣша ему дружина его: княже! не лапь (необдуманно) ти велита брата крестъ цѣловати: цѣ да будуть злии цѣловѣци, завидичи твоей любви, юже къ братьѣ имѣеши, вложили будуть зло слово?.. а ты всякъ правъ предъ Богомъ и прѣдъ человѣкы; тобѣ *без насъ того нѣлзѣ было замыслити, ни створити*, а мы вси вѣдаемъ твою истиньную любовь къ всѣй братьѣ" (Ипат. 1170). Итакъ, сами дружинники хорошо сознаютъ, что князь безъ ихъ содѣйствія не можетъ не только ничего совершить, но даже ничего серьезнаго и задумать. А если бы какой князь отважился поступать вопреки этому правилу, то его ожидала судьба дорогобужскаго князя: „слабость князя и упадокъ его власти". Но кто же врагъ самому себѣ? Политическіе интересы каждаго князя создаютъ для него практическую необходимость обращаться за совѣтомъ и содѣйствіемъ къ своимъ боярамъ. А интересы политики, изо дня въ день повторяющіеся, порождаютъ всѣ государственные порядки и не могутъ не найти отраженія и въ государственномъ строѣ.

В. Сергѣевичъ. Вѣче и князь, 359—362; Юрид. Древн., II, 337—349; *В.-Будановъ.* Новыя изслѣдованія о Боярской Думѣ. Сборн. государ. знаній, т. VIII, 104—121; Обзоръ, 45—52; *Н. Загоскинъ.* Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-петровской Руси, 28—44; Исторія права московскаго государства, т. II, 1—21; *В. Ключевскій.* Боярская дума древней Руси, изд. 3-е, гл. I и II.

III. Государственное управленіе.

Подъ управленіемъ разумѣется дѣятельность органовъ государственныхъ, направленная къ достиженію государственныхъ цѣлей. Послѣднія же могутъ быть весьма разнообразны въ зависимости отъ условій, въ какихъ находится то или иное государство. Степень развитія страны прежде всего отражается на количествѣ и сложности цѣлей, сознанныхъ государственною властью. Въ соотвѣтствіи съ количествомъ и разнообразіемъ государственныхъ цѣлей стоитъ и большая или меньшая сложность системы управленія. Въ общемъ можно лишь отмѣтить, что отъ силы государственной власти зависитъ и степень сложности управленія: чѣмъ сильнѣе власть, тѣмъ сложнѣе управленіе, и обратно.

Въ древней Руси государственная власть отдѣльныхъ земель вовсе не отличалась крѣпостью и силой, такъ какъ составные элементы власти были очень слабо и лишь временно сплочены между собой. При такихъ условіяхъ задачи управленія ограничиваются обезпеченіемъ лишь самыхъ основныхъ условій общежитія и сводятся къ возможному огражденію внѣшней и внутренней безопасности. Поэтому защита земли отъ внѣшнихъ враговъ и отправленіе правосудія являются почти единственными цѣлями управленія. Къ нимъ необходимо лишь прибавить еще заботы о созданіи какихъ либо средствъ для покрытія необходимыхъ расходовъ. Итакъ, судъ, войско и финансы — таковы единственныя отрасли управленія въ древней Руси.

Простота и несложность управленія отразились и на томъ, что въ организаціи управленія нельзя подмѣтить никакой системы, никакого распредѣленія правительственныхъ задачъ

между органами управленія. Нѣтъ различія между центральными и мѣстными органами, судебными и административными. Нерѣдко правительственный органъ являлся одновременно центральнымъ и мѣстнымъ, судилъ, предводительствовалъ войскомъ и собиралъ дань.

Помимо того, характернымъ празнакомъ древняго управленія было смѣшеніе интересовъ и цѣлей частныхъ съ общественными и государственными. Это отразилось и на безразличіи права частнаго и публичнаго. Каждый свободный считалъ себя въ правѣ осуществлять всѣ цѣли, входившія въ сферу его интересовъ, хотя бы онѣ затрогивали и интересы общественные, собственными средствами. Отсюда широкое развитіе самоуправства въ сферѣ судебнаго управленія. Отсюда же и то явленіе, что одни и тѣ же органы вѣдаютъ частное княжеское хозяйство и въ то же время выполняютъ какія либо государстненныя функціи.

Самымъ главнымъ правительственнымъ органомъ былъ самъ князь. Лучшей программой княжеской дѣятельности является „Поученіе“ дѣтямъ Владиміра Мономаха. Оно наглядно подтверждаетъ, до какой степени въ головѣ князя задачи государственнаго управленія сплетаются съ заботами о домашнемъ хозяйствѣ. Князь начинаетъ свои наставленія съ указанія о поддержаніи домашняго порядка: „В дому своемъ не лѣнитеся, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящии к вамъ и дому вашему, ни обѣду вашему“. Но сейчасъ же рѣчь переходитъ на тему о поведеніи князя во время войны: „На войну вышедъ, не лѣнитеся, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣденью не лагодите (не потворствуйте), ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше, около вой тоже лязите, а рано встанѣте; а оружья не снимайте съ себе“. Далѣе идутъ правила о наблюденіи за отроками, о гостепріимствѣ, объ отношеніи къ женѣ и пр. Затѣмъ идетъ подробное распредѣленіе дня по часамъ: „да не застанеть васъ солнце на постели... заутренюю отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящю, и узрѣвше солнце, и прославити Бога с радостью... и сѣдше думати с дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть отъ

Бога присужено полудне“. Свой разсказъ о своихъ дѣяніяхъ за 13 лѣтъ князь заключаетъ такими словами: „Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя; на посадникы не зря, ні на биричи, самъ творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ и в дому своемъ то я творилъ есмь; і в ловчихъ ловчий нарядъ самъ есмь держалъ, и в конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястребѣхъ; тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмъ силнымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы самъ есмъ призиралъ“ (Лавр. 1096). Тутъ все на лицо: нравственныя и религіозныя обязанности, правила домашняго и семейнаго обихода, задачи правителя и охотничьи наряды, и все въ пестрой смѣси одно послѣ другого.

Личное участіе князя во всѣхъ отрасляхъ древняго управленія не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Князь лучшій судья и лучшій правитель. По преданію, для суда и володенья князья и были призваны. Что князь самъ судитъ, это видно прежде всего изъ Р. Правды. Тамъ сказано, что Изяславъ Ярославичъ судилъ дорогобужцевъ за убійство своего стараго конюха (Ак. 21). Задержаннаго до свѣта татя нельзя было убить, а надо было отвести на княжь дворъ, конечно, для суда (Ак. 38). Закупъ имѣлъ право приносить жалобы князю или судьямъ на своего господина (Тр. 52; Кар. 70). Тамъ же предусмотрѣнъ и такой случай: „Аже братья ростяжються передъ княземь о задницю“ (Тр. 100; Кар. 117). Изъ только что приведенныхъ словъ „Поученія“ Мономаха видно, что князь ежедневно обязанъ былъ „люди оправливати“. Кіевляне, признавъ своимъ княземъ Игоря Ольговича, потребовали отъ него: „аще кому насъ будетъ обида, то ты прави“ (Ипат. 1146). О Всеволодѣ Юрьевичѣ современникъ замѣтилъ, что онъ „судя судъ истиненъ и нелицемѣренъ, не обинуяся лица силныхъ своихъ бояръ, обидящихъ меншихъ и роботящихъ сироты и насилье творящимъ“ (Лавр. 1212).

Князь самъ предводительствуетъ войскомъ. Это его прямая обязанность, какъ защитника земли отъ внѣшнихъ враговъ. Онъ лично принимаетъ участіе и въ сраженіяхъ, подавая примѣры отваги своей дружинѣ. Въ предпринятомъ

Ольгою походѣ противъ древлянъ маленькій сынъ ея Святославъ ѣхалъ во главѣ войска и, когда полки сблизились, „суну копьемъ Святославъ на деревляны, и копье летѣ сквозѣ уши коневи, и удари в ноги коневи, бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнелдъ и Асколдъ: „князь уже началъ: потягнѣте, дружина, по князѣ“ (Лавр. 946). Наоборотъ, если князь не принимаетъ участія въ бою или не проявляетъ достаточной энергіи, то дѣло не спорится. Воины Изяслава въ борьбѣ съ его дядей Юріемъ не отстояли брода на Днѣпрѣ. Лѣтописецъ объяснилъ эту неудачу такимъ образомъ: „да тѣмъ нетвердъ ему бѣ бродъ, зане не бяшеть ту князя, а боярина не вси слушають“ (Ипат. 1151). При осадѣ Чернигова Юріемъ Долгорукимъ съ союзными князьями и половцами осада шла очень вяло. Князья объяснили это тѣмъ, что „не крѣпко бьются дружина и половци, оже с ними не ѣздимы сами“. Тогда кн. Андрей сказалъ: „тако створимъ, ать язъ почну день свой, поемъ дружину свою и ѣха подъ городъ; тогда же перевновавъше ему инии князи, ездиша послѣди подъ городъ“ (Ипат. 1152).

Наконецъ, князь самъ собиралъ дань съ населенія. Напр., про Олега сказано, что онъ послалъ къ радимичамъ съ вопросомъ: „кому дань даете? Они же рѣша: козаромъ. И рече имъ Олегъ: не дайте козаромъ, но мнѣ дайте, и вѣдаша Ольгові по щьлягу“ (Лавр. 885). Дружина приглашаетъ князя Игоря: „поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы. И послуша ихъ Игорь, иде в Дерева в дань“ (тамъ же, 945). О князѣ Всеволодѣ Юрьевичѣ два раза замѣчено: „сущю великому князю Ростовѣ в полюдьи“, или „в Переяславли въ полюдьи“. Юрій Долгорукій въ моментъ рожденія своего сына Всеволода „бѣ бо тогда на рѣцѣ на Яхромѣ въ полюдьи“ (Лавр. 1190; Карамзинъ, III, прим. 81).

Однако, и при крайней простотѣ управленія князь лично не могъ удовлетворить всѣ потребности управленія и суда въ цѣломъ княжествѣ. Самъ князь жилъ въ стольномъ городѣ и хотя объѣзжалъ свою территорію для производства суда и сбора доходовъ, но все же долженъ былъ имѣть помощниковъ по другимъ болѣе важнымъ пунктамъ поселеній земли. Даже и въ стольномъ городѣ князь не могъ обойтись безъ

помощниковъ, такъ какъ самъ часто находился въ отсутствіи. При князѣ ближайшими помощниками въ судѣ и хозяйствѣ были **тіуны**. Холопы по положенію, тіуны, конечно, покорнѣйшіе слуги князя и потому должны выполнять порученное имъ дѣло такъ же, какъ бы самъ князь. Но покорнѣйшій слуга по неволѣ очень рѣдко бываетъ преданнымъ своему господину. Тіуны не составляли исключенія изъ этого правила и часто не оказывались на высотѣ положенія въ роли судей. Подъ старость Всеволода Ярославича „начаша тивунѣ его грабити, людии продаяти (т. е. чинити людямъ тяготы продажами или судебными штрафами), сему невѣдущю у болѣзнѣхъ своихъ" (Ипат. 1093). Такія злоупотребленія въ судѣ со стороны тіуновъ имѣли весьма прискорбное слѣдствіе: „людемь не хотѣти княжѣе правдѣ" (въ Лавр. сказано: „людемъ не доходити княже правды"). Это значитъ, что народъ избѣгалъ княжескаго суда, а при такихъ условіяхъ правосудію въ странѣ грозила гибель. Кіевляне жаловались Игорю Ольговичу и его брату Святославу на тіуновъ кн. Всеволода: „Ратша ны погуби Киевъ, а Тудоръ Вышегородъ", и потребовали отъ князя: „аще кому насъ будетъ обида. то ты прави". Князь далъ присягу въ томъ, что впредь не будетъ имъ никакого насилья. и тіунъ будетъ по ихъ указанію (Ипат. 1146). Худая слава судныхъ тіуновъ, какъ неправедныхъ судей, нашла отзвукъ въ любопытномъ литературномъ памятникѣ XIII в.: „Семена епископа тверскаго наказаніе". Здѣсь разсказано, что полоцкій кн. Константинъ спросилъ у себя на пиру попа Семена, гдѣ будетъ на томъ свѣтѣ тіунъ? Попъ отвѣчалъ: гдѣ и князь. Удивленный князь переспросилъ: „тіунъ неправду судитъ, а я что дѣлаю?" Попъ ему разъяснилъ, что добрый князь избираетъ и тіуна добраго; тогда оба попадутъ въ рай. А злой князь поставляетъ и злого тіуна „толико того дѣля, абы князю товара добывалъ, напустилъ его, аки гладна пса на стерво, люди губити", то князь и тіунъ будутъ въ аду (Памятн. старин. русск. литер., IV, 185).

Кромѣ судебныхъ обязанностей тіунамъ поручается выполненіе и другихъ функцій. Р. Правда въ числѣ княжихъ тіуновъ упоминаетъ о тіунѣ огнищномъ и конюшемъ (Кар.

1 и 10). Конюшіе тіуны вѣдаютъ княжескія конюшни и конскіе табуны. Это вовсе не исключительная область частнаго княжескаго хозяйства, такъ какъ княжескіе кони служили для потребностей войны. Еще Владиміру св. епископы и старцы совѣтовали снова ввести виры вмѣсто смертной казни въ виду военныхъ потребностей; они говорили: „оже вира, то на оружьи и на коних буди", т. е. что денежные штрафы пойдутъ на пріобрѣтеніе оружія и коней для военныхъ походовъ. Разбитые половцами кіевляне требуютъ отъ князя Изяслава: „се половци росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними" (Лавр. 996 и 1068). Какъ велики были княжескіе табуны, видно изъ того, что Изяславъ Мстиславичъ съ союзниками „разграбиша Игорева и Святославля стада, въ лѣсѣ, по Рохни, кобылъ стадныхъ 3000, а конь 1000" (Ипат. 1146). Отсюда явствуетъ, какія государственныя функціи выполняли конюшіе тіуны.

Огнищный тіунъ завѣдывалъ княжескимъ огнищемъ, т. е. домомъ или дворомъ. Это, надо думать, то же, что тіунъ дворскій. Р. Правда знаетъ тіуновъ дворскихъ у бояръ (Кар. 77), а лѣтопись упоминаетъ у кн. Мстислава Изяславича „Олексу дворьского" (Ипат. 1171). Въ качествѣ лицъ, завѣдующихъ княжескимъ хозяйствомъ, тіуны играли важное значеніе въ сферѣ финансовой администраціи. Они, напр., назначались на волока для поддержанія порядка при перевозкѣ товаровъ изъ одной рѣки на другую. По договору Смоленска съ нѣмцами установлено: „Аже тиоунъ услышить, латинескыи гость пришелъ, послати ему люди съ колы пьревѣсти товаръ, а не удержати ему; аже удержить, у томь ся можете учинити пагуба" (ст. 23). Въ пользу тіуна съ гостя полагались за это „роукавицѣ пьрстаты готьские". Изъ обязанностей огнищнаго или дворскаго тіуна выросла должность московскаго дворецкаго, какъ изъ обязанностей конюшаго тіуна должность боярина конюшаго. Важное государственное значеніе княжихъ тіуновъ явствуетъ уже изъ того, что за убійство ихъ (кромѣ сельскаго тіуна), какъ и за убійство княжихъ мужей, назначена двойная вира въ 80 гривенъ (Кар. 1).

Кромѣ тіуновъ, отдѣльными отраслями княжескаго хозяй-

ства вѣдали ключники. Ключникъ тоже холопъ и носитъ на себѣ привязанный ключъ, какъ эмблему хозяйства. Думаютъ, что ключники были подчинены тіунамъ. Но этого нельзя подтвердить документально. Наоборотъ, между ключникомъ и тіуномъ чрезвычайно трудно провести какую либо разницу. Р. Правда, напр., рядомъ съ терминомъ „тіунъ" не знаетъ термина „ключникъ"; лишь въ числѣ источниковъ холопства она упоминаетъ „тиуньство безъ ряда или ключь къ себѣ привяжеть" (Кар. 121). Такъ же и по лѣтописи ключника отъ тіуна невозможно отличить. Ростиславъ послѣ смерти Вячеслава пригналъ въ Кіевъ на Ярославль дворъ „и съзва мужа отца своего Вячеславли и тивуны и ключникы, каза нести имѣнье отца своего передъ ся, и порты, и золото, и серебро" (Ипат. 1154). Тіуны и ключники вмѣстѣ хранятъ движимое имущество и казну князя, и нѣтъ возможности различить ихъ функціи и положеніе. Однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ убіенія Андрея Боголюбскаго былъ „Амбалъ ключникъ, Ясинъ родомъ, тотъ бо ключь держашеть у всего дому княжа, и надо всими волю ему далъ бяшеть" (тамъ же, 1175). Этотъ Амбалъ по положенію и значенію былъ огнищнымъ тіуономъ кн. Андрея, такъ какъ управлялъ всѣмъ дворовымъ хозяйствомъ и дворовымъ штатомъ. Но онъ названъ ключникомъ. А кому, кромѣ князя, онъ могъ быть подчиненъ, когда у него была власть надо всѣмъ? Изъ позднѣйшихъ актовъ извѣстно, что ключники завѣдывали селами и деревнями, покупали деревни „за княжимъ ключомъ"; а Р. Правда знаетъ лишь тіуновъ сельскихъ или ратайныхъ у князя, которые оцѣнены только въ 12 грив., но не ключниковъ (Кар. 11).

Тѣ или иныя обязанности при своемъ дворѣ князь могъ поручать и отдѣльнымъ лицамъ изъ состава своей дружины. При князѣ упоминаются: печатникъ, стольникъ, подкладникъ или постельничій, ловчій, меченоша или мечникъ и др. Какъ кругъ обязанностей каждаго изъ этихъ лицъ, такъ и соотношеніе между ними, не были точно установлены. Мечникъ, напр., несетъ исполнительныя обязанности при судѣ и за это получаетъ нѣкоторыя пошлины въ свою пользу (Ак. 41; Кар. 100). Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что мечникъ под-

чиненъ тіуну, какъ предполагаютъ нѣкоторые. Вообще въ то время едва ли могла существовать какая либо система соподчиненныхъ должностей. Всѣ должностныя лица подчинены, конечно, князю; а если это были чьи либо холопы, то подчинялись своимъ господамъ.

Областное дѣленіе. Какъ уже сказано, князь долженъ былъ имѣть помощниковъ и внѣ стольнаго города, которые распредѣлялись по отдѣльнымъ пунктамъ территоріи княженія. Это были органы мѣстнаго управленія, хотя и не въ строго опредѣлившейся обособленности. Какъ же они распредѣлялись по областямъ?

Какого либо единаго и общаго *административнаго дѣленія* государственныхъ территорій древняя Русь не знала. Хотя каждая территорія подраздѣляется на области, но эти подраздѣленія и неоднородны, и измѣнчивы вслѣдствіе распаденія княженій и захвата князьями другъ у друга городовъ.

Изъ ранѣе сказаннаго извѣстно о существованіи въ каждой землѣ, кромѣ стольнаго города, еще пригородовъ (стр. 66—67). Памятники говорятъ сверхъ того о *волостяхъ* въ смыслѣ подраздѣленія территоріи. Уже Рюрикъ „раздая мужемъ своимъ волости“ (Ипат. 862). Но терминъ „волость“ крайне неопредѣленный. Онъ обозначаетъ прежде всего власть или право, а затѣмъ объектъ, подлежащій чьей либо власти. Въ послѣднемъ смыслѣ волостью называется и вся земля, какъ подчиненная власти князя (стр. 62). И отдѣльная область земли, выдѣленная въ управленіе особому лицу, какъ состоящая въ его власти, тоже называется волостью. Наконецъ, и частное недвижимое имущество, находящееся вс власти землевладѣльца, именуется его волостью. Пригородъ съ приписаннымъ къ нему округомъ, если состоялъ въ особомъ управленіи, является волостью земли. Въ такомъ значеніи волости упоминаются въ договорахъ Новгорода съ князьями: всѣ волости новгородскіе князья обязывались „держати (въ управленіи) мужи новгородьскыми“. Для точности волости въ договорахъ перечислены: „А се, княже, волости новгородьскые: Волокъ, Тържькъ, Бежицѣ“ и пр. Въ этотъ перечень вошли и пригороды, но не только одни пригороды. Тамъ упомянуты, напр., „Перемь, Печера, Югра“ и др.—названія

чисто этнографическія. Но въ перечнѣ они обозначаютъ области, для управленія которыми должны назначаться новгородскіе мужи. Точно такъ же въ составѣ Смоленской земли упомянута область „люди Голядь, верхъ Поротве“, которую захватилъ Святославъ Всеволодовичъ по указанію Юрія Долгорукаго. А Юрій взялъ у черниговскаго кн. Владиміра Давидовича область „вси Дрегвичѣ“ (Ипат. 1147 и 1149). Надо думать, волости въ смыслѣ административнаго дѣленія не представляли часто чего либо соизмѣримаго между собой. Иногда даже подъ волостью могла разумѣться совокупность волостей. Такъ, въ перечнѣ новгородскихъ волостей на первомъ мѣстѣ упомянутъ Волокъ, но упомянутъ въ такой формѣ: „Волокъ со всѣми волостьми“. Въ такомъ довольно неопредѣленномъ значеніи провинціи, волости существовали въ каждомъ княженіи. Лѣтопись упоминаетъ о волостяхъ въ княженіяхъ Галицкомъ, Черниговскомъ, Кіевскомъ, Владимірскомъ. Обыкновенно такія упоминанія совершенно случайны.

Дѣленіе на волости, однако, не единственное. Упоминаются еще подраздѣленія княженій на *погосты*, *сотни*, *верви*. *Погосты* исконное явленіе. „Съ развитіемъ торговли среди одинокихъ укрѣпленныхъ дворовъ возникали сборные торговые пункты, мѣста промышленнаго обмѣна, куда звѣроловы и бортники сходились для торговли, для *гостьбы*, какъ говорили въ старину. Такіе сборные пункты получили названіе *погостовъ*. Въ послѣдствіи, съ принятіемъ христіанства, на этихъ мѣстныхъ сельскихъ рынкахъ, какъ привычныхъ людскихъ сборищахъ, прежде всего ставились христіанскіе храмы: тогда погостъ получалъ значеніе мѣста, гдѣ стоитъ сельская приходская церковь. При церквахъ хоронили покойниковъ: отсюда произошло значеніе погоста, какъ кладбища. Съ приходами совпадало или къ нимъ пріурочивалось сельское административное дѣленіе: это сообщало погосту значеніе сельской волости. Но все это позднѣйшія значенія термина: первоначально такъ назывались сборныя торговыя, „гостинныя“ мѣста“ (Ключевскій, Курсъ, I, 148). Однако, еще въ дохристіанское время погосты уже имѣли значеніе администравныхъ пунктовъ и округовъ. О кн. Ольгѣ сказано, что она „иде к Новугороду и устави по Мьстѣ погосты и дань, и по Лузѣ погосты

и дань и оброки; и ловища ея суть по всей земли, и знамения и мѣста и погосты“ (Ипат. 947). Установленіе погостовъ связано здѣсь съ организацией сбора дани. Это податное значеніе погостовъ подтверждается и позднѣйшими памятниками. По договорамъ Новгорода съ князьями, отпущенные закладники должны возвратиться: „кто смердъ, а тотъ потягнеть въ свой погостъ (въ свой *потугъ*)“. По уставной грамотѣ смоленской епископіи 1150 г. назначена десятина въ пользу епископа „отъ всѣхъ даней смоленскихъ“, и эта дань исчисляется далѣе по погостамъ: „въ тыхъ погостехъ во всѣхъ сходится дани . . .“ Такихъ погостовъ перечислено въ грамотѣ до 45 (Христ. В.-Буданова, I, изд. 5-е, 257 и сл.). Но это дѣленіе на погосты, повидимому, не было общимъ для всѣхъ древнерусскихъ княженій.

Сотни—это сохранившійся пережитокъ исконнаго военнаго дѣленія, когда земли составляли *тысячу*, раздѣлившуюся на сотни и десятки. Дѣленіе на сотни извѣстно всѣмъ европейскимъ народамъ. Но наши памятники не сохранили никакого слѣда военнаго значенія сотенъ. Только должность тысяцкаго продолжаетъ сохранять довольно долго военный характеръ. А стоящіе во главѣ сотенъ сотскіе, о которыхъ упоминаетъ лѣтопись при Владимірѣ св., скорѣе финансовые правители, а не военачальники. Приписанный къ нѣкоторымъ спискамъ Р. Правды Уставъ о мостахъ указываетъ на распредѣленіе мостовой повинности въ Новгородѣ по сотнямъ. По сотнямъ же распредѣлялись въ Новгородѣ купцы (стр. 89). Кн. Мстиславъ Даниловичъ обложилъ берестьянъ за ихъ коромолу особымъ сборомъ: „со ста по двѣ лукнѣ меду, а по двѣ овцѣ, а по пятинадесять десяткъвъ лну, а по сту хлѣбовъ, а по пяти цебровъ овса, а по пяти цебровъ ржи, а по 20 куръ; а потолку со всякого ста“ (Ипат. 1289).

Много разногласій вызвало въ нашей литературѣ истолкованіе термина *вервь*, встрѣчающагося въ Р. Правдѣ. Тамъ указано, что за убійство въ разбоѣ, если не ищутъ убійцы, отвѣтственность падаетъ на вервь: „то виревную платити въ чьеи же верви голова лежить“. Эта вира называлось дикою, такъ какъ ее приходилось платить за неизвѣстнаго убійцу. Но головникъ (убійца) могъ оказаться въ верви, тогда вервь

помогаетъ ему платить виру, если онъ вложился въ дикую виру и уплатилъ „исъ дружины свою часть". Точно такъ же за преступленія имущественныя („Аже будеть росѣчена земля іли (на земли) знамение, имъ же ловлено, или сѣть") на вервь падаетъ отвѣтственностъ или „по верви искати татя, ли платити продажю" (Тр. 3, 4, 63; Кар. 3, 4, 80). Отсюда видно, что вервь есть территоріальный округъ, члены котораго связаны круговою отвѣтственностью по нѣкоторымъ судебно-полицейскимъ и финансовымъ дѣламъ. Никакихъ другихъ подробностей о верви ни Р. Правда, ни другіе памятники не даютъ. Желаніе выяснить происхожденіе этого института привело къ цѣлому ряду сближеній и догадокъ. Самое слово „вервь" считается то однокореннымъ съ индоевропейскимъ Warf, Hwarf (Карамзинъ, В.-Будановъ), то чисто славянскимъ, какъ вервіе, веревка (Соловьевъ). Въ древности у насъ землю измѣряли и считали веревками: „земли столько то веревокъ". Но трудно допустить, что границы округа-верви измѣрялись въ X—XII вв. веревками, отчего возникло, какъ думаютъ, и самое названіе округа. Вѣроятнѣе догадка, что вервь обозначаетъ связь родства. Въ Полоцкомъ статутѣ родственники назывались вервными братьями. Въ нашемъ старомъ языкѣ кровный родственникъ обозначался терминомъ „ужикъ крове", отъ „уже"—веревка. На основаніи этого сближенія догадываются, что слово „вервь" имѣетъ совершенно одинаковое значеніе съ латинскимъ „linea" и французскимъ „ligne (la)", которыя означаютъ не только веревку, но и связь родства, „родъ" (*И. Собѣстьянскій*. Круговая порука у славянъ, 1888, стр. 114 и слѣд. Ср. *П. Лавровскій*. Коренное значеніе въ названіяхъ родства у славянъ, 93; *М. Н. Ясинскій*. Село и вервь Р. Правды, Унив. изв., 06, № 3). Но если таково первоначальное значеніе верви, то въ эпоху Р. Правды о кровной связи между членами верви не сохранилось и слѣда.

Органы управленія въ области. Главнымъ мѣстнымъ органомъ княжескаго управленія является посадникъ. Посадники сидятъ по городамъ по назначенію князей. Назначеніе въ тотъ или иной городъ посадника какимъ либо княземъ означаетъ, что этотъ городъ входитъ въ составъ владѣній даннаго князя. Присоединяя къ своимъ владѣніямъ

какую либо землю или захватывая какую либо область, князь спѣшитъ посадить въ города этой области своихъ посадниковъ. Владиміръ Святославичъ, узнавъ что Ярополкъ убилъ брата Олега, испугался и убѣжалъ изъ Новгорода за море; „а Ярополкъ посадники своя посади в Новѣгородѣ“ (Лавр. 977). Олегъ Святославичъ „перея всю землю Муромску и Ростовьску, и посажа посадникы по городомъ“ (тамъ же, 1096). Какъ только Всеволодъ Чермный захватилъ Кіевъ, надѣясь на свою силу, то „посла посадникы по всѣмъ городомъ киевьскымъ“ (тамъ же, 1206). Принять или пригласить посадника отъ какого либо князя значитъ признать надъ собой его власть. При приближеніи Глѣба Юрьевича къ Курску куряне „послаше къ Гюргевичю и пояша у него посадникъ к собѣ; и посади своего у нихъ посадника“ (Ипат. 1147). Здѣсь почипъ принадлежитъ населенію. Но и молчаливое вольное или вынужденное согласіе населенія принять назначеннаго посадника означаетъ то же. Наоборотъ, если посадники бросаютъ городъ, бѣгутъ изъ него, это значитъ, что ихъ князь теряетъ власть надъ этимъ городомъ. Вѣсть о приближеніи союзника Юрія Долгорукаго — кн. Святослава Ольговича имѣла своимъ слѣдствіемъ то, что „выбѣгоша посадничи Володимери (и) Изяславли из Вятичь, изъ Бряньска, и изъ Мьченьска, и изъ Блеве“ (тамъ же, 1147). Если же посадники не успѣвали покинуть города, князь завоеватель полонилъ ихъ. Изяславъ Мстиславичъ отнялъ снова города у дяди Вячеслава „и посадникы исковавъ приведе“ (Лавр. 1146).

Отсюда прежде всего явствуетъ политическое значеніе посадника: онъ является связующимъ элементомъ того города, гдѣ онъ сидитъ, съ землею и съ княземъ, которымъ посаженъ. Поэтому первою обязанностью посадника было охраненіе власти своего князя надъ ввѣренною ему областью. Въ силу этого, посаднику принадлежитъ военная власть: онъ предводительствуетъ войскомъ, ставитъ города для защиты отъ непріятеля, отражаетъ его нападенія. Рюрикъ роздалъ волости своимъ мужамъ и поручилъ имъ „городы рубати“. Шведы подступили подъ Ладогу, „и пожьгоша ладожане хоромы своя, а сами затворишася въ градѣ съ посадникомь съ Нежатою, а по князя послаша. Они же приступиша подъ городъ и не

успѣша ничтоже къ граду, нъ большю рану въсприяшя, и отступиша" (Синод. 1164). Емь явилась на Ладожское оз. съ цѣлями грабежа. „Володиславъ, посадникъ ладозьскый, съ ладожаны гонися в лодияхъ по нихъ въ слѣдъ, кде они воюють, и постиже я, и бися с ними" (тамъ же, 1228). Вслѣдствіе своихъ военныхъ функцій посадники иногда называются воеводами. Когда новгородцы рѣшили отнять у великаго князя Василія Дмитріевича захваченную имъ Двинскую землю, то „воеводы же новгорочкыи: посадникъ Тимофѣй, посадникъ Юрьи и Василіи и вси вои поѣхаша за Волокъ на Двину" (тамъ же, 1398).

Посадникамъ принадлежала и судебная власть. Въ уставной грамотѣ смоленской епископіи, за перечисленіемъ дѣлъ, переданныхъ въ вѣдѣніе церковнаго суда, стоитъ санкція: „Ажъ будетъ или тяжа, или продажа епископля, да непадобѣ ни князю, ни посаднику, ни тивуну, ни иному никомуже". Призванные въ Ростовскую землю Ростиславичи „роздаяла бѣста посадничьства руськымъ дѣцькымъ; они же многу тяготу людемь симъ створиша продажами и вирами" (Ипат. 1175), т. е. судебными штрафами. Въ Псковской грамотѣ постановлено: „А которому посаднику сѣсти на посадничество, ино тому посаднику крестъ цѣловати на томъ, что ему судитъ право. . . а судомъ не мстится ни на когожь, а судомъ не отчитись, а праваго не погубити, а виноватаго не жаловати" (ст. 3). Такъ и по Новгородской грамотѣ положено: „А посаднику судити судъ свой съ намѣстники великого князя по старинѣ" (ст. 2). Въ договорахъ Новгорода съ князьями стоитъ условіе: „А бесъ посадника ти, княже, суда не судити". Весьма вѣроятно, что посадники, какъ и князья, имѣли собственныхъ тіуновъ, которые выполняли за нихъ обязанности судей. Относительно намѣстниковъ, по крайней мѣрѣ, это совершенно безспорно.

Въ общемъ порядкѣ посадниковъ назначаетъ князь. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ и вѣче считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ это дѣло. Ростовцы и суздальцы угрожаютъ своему пригороду Владиміру: „пожьжемъ и, пакы ли посадника в немь посадимъ" (Лавр. 1175). А въ Новгородѣ, гдѣ посадникъ существуетъ рядомъ съ княземъ, съ половины XII в. эти слу-

чаи становятся обычными, такъ что посадникъ Твердиславъ уже ссылается на господствующую практику, обращаясь къ новгородцамъ: „а вы, братье, въ посадничьствѣ и въ князѣхъ волны“ (Синод. 1218). Вмѣстѣ съ тѣмъ, князь ограничивается въ правѣ единолично назначать посадниковъ и въ новгородскія волости; онъ ихъ назначаетъ по соглашенію съ новгородскимъ посадникомъ и исключительно изъ среды новгородцевъ, съ обязательствомъ не лишать ихъ волостей иначе, какъ за преступленія: „Что волостий всѣхъ новгородьскыхъ, того ти, княже, не держати своими мужы, нъ дьржати мужи новгородьскыми. А бесъ посадника тобѣ волостий не раздавати. А безъ вины ти мужа волости не лишити“.

Помимо Новгорода, князья назначаютъ посадниками своихъ дружинниковъ, преимущественно старшихъ — мужей и бояръ. Рюрикъ раздавалъ волости „мужемъ своимъ“. Олегъ, захвативъ Смоленскъ и Любечь, въ каждомъ изъ нихъ „посади мужь свой“. Владиміръ св., по занятіи Кіева, изъ пришедшихъ съ нимъ варяговъ „изъбра мужа добры и смыслены и храбъры, и раздая имъ грады“ (Ипат. 862, 882 и 980). Но Ростиславичи въ Ростовской землѣ „роздаяла бѣста посадничьства руськымъ дѣцькымъ“ (тамъ же, 1175), т. е. младшимъ дружинникамъ. Наконецъ, князья раздаютъ волости и своимъ дѣтямъ или молодымъ племянникамъ, которые управляютъ ими на положеніи посадниковъ. О Всеволодѣ Ярославичѣ сохранилось извѣстіе, что „печаль бысть ему отъ сыновець своихъ, яко начаша ему стужати, хотя власти, овъ сея, овъ же другие; сей же, омиряя ихъ, раздаваше власти имъ“ (Лавр. 1093).

Посадникъ является въ области представителемъ власти князя, а потому, какъ только самъ князь прибывалъ на мѣсто, власть посадника прерывалась; князь лично вѣдалъ тогда всѣ дѣла данной области. Въ этомъ смыслѣ Владиміръ Мономахъ говорилъ о себѣ, что онъ „самъ творилъ что было надобѣ, на посадникы не зря, ні на биричи“.

Должностныя лица получаютъ въ свою пользу извѣстный доходъ. Этотъ доходъ заключался въ судебныхъ пошлинахъ и въ кормѣ. Уголовные штрафы — виры и продажи — шли князю. Такъ какъ онъ не имѣлъ собственной казны, отличи-

мой отъ государственной, то въ суммѣ уголовныхъ штрафовъ онъ имѣлъ и личный доходъ. Но помощники князя получали особый доходъ. Р. Правда установляетъ размѣры этихъ доходовъ въ пользу нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ, вирникъ съ простой виры получалъ 8 гривенъ, а метальникъ 12 вѣкошь; отрокъ съ продажи въ 12 гривн.—2 гр. 20 кун. (Кар. 7 и 85). Что посадники и тіуны получали доходы съ суда, это явствуетъ изъ того, что они допускали злоупотребленія при обложеніи уголовными штрафами: чинили людямъ тяготы продажами и вирами или „продавали" людей (стр. 156 и 169). Но о размѣрахъ этихъ доходовъ за первый періодъ ничего неизвѣстно.

Помимо того судьи и исполнительные при судѣ органы получали отъ мѣстнаго населенія необходимое продовольствіе для пропитанія какъ ихъ самихъ, такъ ихъ слугъ и даже лошадей. Это былъ такъ называемый кормъ въ натурѣ. Сначала размѣръ корма опредѣляется или на каждый день, или на недѣлю, количественно и качественно, или же потребностями человѣка и животныхъ. Эти порядки нашли отраженіе уже въ Р. Правдѣ. Въ ней указанъ слѣдующій кормъ вирнику: „7 ведеръ солоду на недѣлю, да овенъ, или полоть, а въ середу же сыръ, а въ пятницу такоже; а куровъ ему по двое на день, а хлѣбовъ 7 на недѣлю, а пшена семь уборковъ, а гороху такожъ, а соли 7 голважень: то ти вирнику съ отрокомъ" (Кар. 7). Въ краткомъ спискѣ количество хлѣба и пшена опредѣлено весьма приблизительно размѣрами потребностей: „по кольку могутъ ясти". Лошадей вирнику полагалось имѣть не болѣе 4 „и сути имъ на ротъ колько могутъ зобати" (Ак. 42). Отроку при взысканіи продажи полагалось „ѣхати съ отрокомъ на дву конехъ, а овесъ сути на ротъ, а мяса дати овенъ или полоть, а инѣмъ корму, что имъ чрево возметъ" (Кар. 85; ср. Тр. 90 и 91; Кар. 108 и 109). Вполнѣ естественно, что голоднаго судью или пристава надо кормить. Но уже съ древнѣйшаго времени такой кормъ уплачивался населеніемъ независимо отъ того, голоденъ судья или нѣтъ. Сытый же судья уже не нуждается въ кормѣ натурой; отсюда переложеніе натуральной повинности на деньги, извѣстное уже Р. Правдѣ.

Этотъ способъ содержанія должностныхъ лицъ, при всей своей первоначальной естественности, имѣлъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи крайне невыгодныя послѣдствія. Должность, именно вслѣдствіе этого, получила вполнѣ частный характеръ, такъ какъ на нее стали смотрѣть прежде всего какъ на доходную статью. Каждый слуга смотритъ на должность не только какъ на средство прокорма, пропитанія, но соразмѣряетъ всѣ свои должностныя дѣйствія съ расчетомъ, какой за этимъ послѣдуетъ доходъ въ его пользу. Такимъ образомъ добавочный элементъ должности мало по малу выдвинулся на первый планъ и получилъ важнѣйшее значеніе. Оттого и самая должность получила названіе кормленія, которое перешло затѣмъ и въ оффиціальный языкъ. Изъ всего этого ясно, почему „сыновцы" Всеволода Ярославича надоѣдали ему, выпрашивая себѣ волостей: они желали получать доходы. Въ лѣтописи разсказанъ интересный случай, что къ галицкому князю Ярославу прибѣжалъ изъ Царьграда братанъ царевъ киръ Андроникъ, „и прия и Ярославъ с великою любовью, и да ему Ярославъ нѣколико городовъ на утѣшение" (Ипат. 1165). Это утѣшеніе было, однако, вовсе не нравственное: киръ Андроникъ утѣшался въ этихъ городахъ собираемыми доходами.

Итакъ, раздавая волости своимъ дружинникамъ, князья распредѣляли между ними доходы. Это была одна изъ притягательныхъ силъ для поступленія въ княжескую дружину. Соотвѣтственно различію въ доходахъ, соразмѣрялся и большій или меньшій почетъ, оказанный тому или другому дружиннику. Въ этомъ надо видѣть зародышъ государственнаго жалованья. Древній переводчикъ „Земледѣльческаго Устава" передалъ весьма тонко понятіе о жалованіи чиновникамъ формулой: „честь и власти яже отъ князя" (стр. 39).

Предметами управленія въ древнемъ періодѣ, помимо суда, о которомъ должна идти рѣчь въ другомъ мѣстѣ, являются войско и государственное хозяйство.

Войско въ древнерусскихъ государствахъ слагалось изъ двухъ элементовъ: войска княжескаго и народнаго. Княжеское войско—это дружина князя. По соціальному составу она распадалась на старшую и младшую (стр. 78—82), что отрази-

лось и на военномъ значенiи каждаго изъ этихъ дружинныхъ слоевъ. Что младшая дружина въ лицѣ гридей, отроковъ и дѣтскихъ играетъ роль въ военныхъ походахъ, на это указано уже выше. Проживая при княжескомъ дворѣ и на княжескомъ иждивенiи, младшiе дружинники получили отсюда названiе дворянъ или „двора“. Есть указанiя, что этотъ княжiй дворъ игралъ роль самостоятельной рати. Такъ, новгородскiй кн. Ярославъ Владимiровичъ съ небольшимъ числомъ новгородцевъ остался въ Псковѣ, „а дворъ свой пославъ съ пльсковiци воевати“; Александръ Невскiй съ новгородцами отразилъ литовцевъ, послѣ чего новгородцы ушли, „а князь погонися по нихъ (литовцевъ) съ своимь дворомъ і не упусти ихъ ни мужа“ (Синод. 1192 и 1245). Боевая сила и годность этого двора зависѣла главнымъ образомъ отъ численности его, т. к. каждый младшiй дружинникъ лично усиливалъ составъ княжескаго войска. Тогда какъ за каждымъ старшимъ дружинникомъ стояла еще его собственная дружина, иногда весьма значительная (стр. 77 и 82).

Народное войско—это ополченiе народное. Участiе народа въ войнахъ опредѣляется постановленiями вѣча, которое установляетъ и размѣры этого участiя. Выше указаны были случаи, когда жители земли изъявляли готовность выступить въ походъ „и съ дѣтьми“, или что „пойдутъ вси“, „вся душа“ (стр. 119 и 127). Это — поголовныя ополченiя. Но такiя поголовныя ополченiя далеко не всегда были необходимы. Извѣстны случаи, когда въ походѣ принимала участiе только часть народа, и при томъ незначительная. Про новгородскаго князя Ярослава Владимiровича сказано, что онъ „иде Пльскову на Петровъ день, и новъгородци въмале“ (Синод. 1192). Но какъ въ такихъ случаяхъ распредѣлялась воинская повинность, объ этомъ нѣтъ указанiй въ памятникахъ ранѣе XIV в. Съ этого же времени становится извѣстнымъ терминъ „посоха“ для обозначенiя повинности, отбываемой съ сохи (Акты Эксп., I, № 7), почему входящiе въ составъ ополченiя люди стали называться „посошными людьми“, „посохой“. Съ ослабленiемъ вѣчевыхъ порядковъ созывы ополченiй происходятъ по распоряженiямъ княжескихъ правительствъ.

Народное войско составляло обособленную силу отъ войска княжескаго. Эта обособленность выражалась не только въ томъ, что военное предпріятіе могло вестись однѣми силами княжескаго войска, но еще и въ томъ, что народное ополченіе имѣло особаго военачальника въ лицѣ тысяцкаго. Все ополченіе земли называлось тысячей, а предводитель его тысяцкимъ. Но въ качествѣ военачальника тысяцкій назывался и воеводой: при Всеволодѣ Ярославичѣ „воеводьство держащю Кыевьскыя тысяща Яневи“ (Лавр. 1089). Въ историческое время тысяцкіе, за исключеніемъ новгородскихъ, назначались князьями. Кіевскимъ тысяцкимъ при Всеволодѣ Ольговичѣ былъ Улѣбъ. Занявъ столъ по смерти брата, Игорь Ольговичъ сказалъ Улѣбу: „держи ты тысячю, какъ еси у брата моего держалъ“. А когда кіевляне задумали пригласить къ себѣ Изяслава Мстиславича вмѣсто Игоря, то „пославшеся и пояша у Изяслава тысячкого и съ стягомъ и приведоша и к собѣ“ (Ипат. 1146). Какъ начальникъ ополченія, тысяцкій выступалъ въ походъ только во главѣ народнаго ополченія. Если послѣднее не принимало участія въ походѣ, то и тысяцкій оставался дома. Когда кіевское вѣче отказалось помогать Изяславу противъ дяди его Юрія, то и тысяцкій Лазарь остался въ Кіевѣ (Ипат. 1147). А въ походѣ тысяцкій былъ тѣсно связанъ съ ополченіемъ, бился во главѣ его и раздѣлялъ съ нимъ его участь. Смоленскій князь Давидъ, при нападеніи Ольговичей черниговскихъ па Смоленскую землю, послалъ съ своимъ полкомъ сыновца Мстислава Романовича, который съ своимъ отрядомъ и одержалъ сначала побѣду. Тысяцкій же Михалко князя Давида „со смоленскимъ полкомъ“ не смогъ удержаться противъ полоцкаго полка (тамъ же, 1195). Ярославъ Мудрый отправилъ противъ грековъ сына Владиміра со многими войсками, „а воеводьство поручи Вышатѣ“. Но воеводою кн. Ярослава въ этомъ походѣ былъ Иванъ Творимиричъ; значитъ, Вышата былъ тысяцкимъ, что и подтверждается дальнѣйшею его судьбой. Этотъ походъ постигла неудача: корабли были разбиты бурей и войска выкинуты на берегъ. Они хотѣли вернуться въ Русь, „и не идяше с ними никтоже отъ дружины княжее“. Тогда Вышата заявилъ: „азъ поиду с ними: и высѣде ис корабля к нимъ,

и рече: аще живъ буду, то с ними, аще погыну, то с дружиною". Вышату съ ополченіемъ греки захватили въ плѣнъ, отвели въ Царьградъ и многихъ ослѣпили. Только по заключеніи мира черезъ три года Вышата отпущенъ былъ въ Русь (Лавр. 1043).

Если по рѣшенію вѣча ополченіе не принимало участія въ походѣ, то у князя оставалась возможность усилить свое княжеское войско добровольцами изъ среды народа. Такихъ добровольцевъ могло оказаться и много. Но это было не народное войско, а охочіе люди, изъ которыхъ каждый принималъ участіе на свой рискъ. Когда собравшіеся на вѣчѣ кіяне отказали Изяславу помочь въ походѣ противъ Юрія, то Изяславъ, обратившись къ собравшимся, сказалъ: „а тотъ добръ, кто по мнѣ поидетъ", и такимъ образомъ „съвъкупи множество вои" изъ охотниковъ (Ипат. 1147).

Сложный и трудный вопросъ о продовольствіи войска въ мирное время не касался народнаго ополченія, а только княжескаго войска. Къ сказанному выше о способахъ содержанія дружины слѣдуетъ лишь прибавить, что чѣмъ больше была дружина, тѣмъ труднѣе становилось натуральное продовольствіе ея при княжескомъ дворѣ. Въ мирное время князья поэтому распускаютъ дружину „кому куды годно" или „по городомъ далече". Но однимъ изъ главныхъ средствъ содержанія дружины была война. О древнихъ князьяхъ позднѣйшій бытоописатель вспоминалъ, что они „не сбираху многа имѣнія, не творимыхъ виръ, ни продажь въскладаху на люди; но оже будяше правая вира, и ту возма, даяше дружинѣ на оружіе. А дружина его кормляхуся, воюющи иныя страны" (П. С. Л., т. V, 87). Прокармливаться войной возможно было лишь путемъ захвата военной добычи. Въ то время всякій военный походъ сопровождался грабежомъ непріятельской страны. Захватывалось все, что можно было увести или унести съ собой: плѣнники, скотъ, товаръ, т. е. движимое имущество. Военная добыча была той приманкой, изъ-за которой шли въ походъ за княземъ и охочіе люди. Добыча являлась и главнымъ средствомъ содержанія народнаго ополченія. Въ силу этого князья должны были направлять свои войска по такимъ мѣстамъ, гдѣ можно было надѣяться на

захватъ добычи. Предпринимая походъ на Литву. князья Мстиславъ, Владиміръ и Юрій направились было къ Новугородку, но узнали, что татары прошли уже въ этомъ направленіи, а потому на совѣщаніи рѣшили: „оже пойдемь к Новугородъку, а тамо уже татарове извоевали все; пойдемь кдѣ к чѣлому мѣсту“ (Ипат. 1277). При прохожденіи по союзной территоріи войско имѣло право на полученіе корма, что называлось „ходить въ зажитье“. Такъ, Мстиславъ Мстиславичъ, вступивъ въ свою волость, сказалъ новгородцамъ: „идете въ зажития, толико головъ не емлете. Идоша, исполнишася кърма и сами и кони“ (Синод. 1216). Въ походѣ на чудь Александръ Невскій, „яко быша на землі, пусти полкъ весь в зажития“ (тамъ же, 1242).

В. Сергѣевичъ. Вѣчѣ и князь, 331—352 и 362—411; Лекціи и изслѣдованія, изд. 3-е 1903 г., 235—255, 283—286 и 308—320; *В.-Будановъ*. Обзоръ, 76—83 и 86—87.

Государственное хозяйство въ древнее время нельзя отличить отъ частнаго княжескаго хозяйства. Князь собиралъ различные доходы въ свою пользу, но изъ своихъ средствъ удовлетворялъ и государственныя нужды. Въ числѣ княжескихъ доходовъ можно отличить существенно разныя категоріи ихъ.

Князья прежде всего были сравнительно крупными частными собственниками. О недвижимыхъ имуществахъ князей имѣются весьма раннія упоминанія, рядомъ съ указаніями на формы ихъ эксплоатаціи. Въ своихъ имѣніяхъ князья заводили земледѣліе и скотоводство, промысловую охоту и бортничество. Уже у княгини Ольги были „ловища по всей земли, знаменья и мѣста и повосты, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселе“ (Лавр. 947). Древнѣйшая Р. Правда упоминаетъ о сельскихъ и ратайныхъ старостахъ у князей, о княжихъ конюхахъ, о княжей борти (Ак. 21, 22 и 30). Выше было указано на важное значеніе конскаго хозяйства у князей (стр. 170). Въ какихъ размѣрахъ оно велось, показываетъ разсказъ о нападеніи союзныхъ войскъ Изяслава Мстиславича и Давидовичей на Ольговичей черниговскихъ: союзники „заграбиша Игорева и Святославля стада, въ лѣсѣ, по Рахни, кобылъ стадныхъ 3000,

а конь 1000; пославше же по селомъ, пожгоша жита и дворы" (Ипат. 1146). При взятіи г. Путивля захваченъ былъ дворъ кн. Святослава со всѣмъ имуществомъ, въ томъ числѣ одной челяди 700 душъ (стр. 76). Владиміръ Мономахъ въ „Поученіи" придаетъ важное значеніе заботамъ о ловчѣмъ нарядѣ, о соколахъ и ястребахъ, вспоминаетъ о своихъ отважныхъ охотахъ и занятіе ловами ставитъ вслѣдъ за отправленіемъ правосудія. О княжескихъ селахъ въ памятникахъ имѣется рядъ указаній, при чемъ иногда отмѣчается, что князья пріумножали свои села покупкою. Такъ, кн. Андрей Юрьевичъ заложенной имъ церкви св. Богородицы „дая много имѣния, и свободи купленыя и с даньми, и села лѣпшая" (Ипат. 1158). Волынскій кн. Владиміръ Васильковичъ передалъ по духовной своей женѣ нѣсколько селъ, въ томъ числѣ село Березовичѣ, которое онъ „купилъ у Юрьевича у Давыдовича Фодорка, а далъ есмь на немь 50 гривенъ кунъ, 5 локоть скорлата да бронѣ дощатые" (тамъ же, 1287). Въ Новгородѣ, наоборотъ, съ князя брали обязательство въ томъ, что ни ему, ни его женѣ, ни боярамъ и дворянамъ „селъ не дьржати, ни купити, ни даромъ приимати". Но тамъ въ пользованіе князей и ихъ мужей отводились особыя имущества — „пожни". Даже право охоты для новгородскихъ князей было извѣстнымъ образомъ ограничено.

Доходъ съ своихъ имѣній князья получали, какъ и другіе крупные частные собственники. Но этотъ доходъ князья не отдѣляли отъ дохода, какой они получали въ качествѣ представителей власти. Какъ правители, они получали съ населенія сборы въ формѣ налоговъ прямыхъ и косвенныхъ пошлинъ.

Пошлинами въ настоящее время называются сборы, взимаемые правительствомъ за какія либо опредѣленныя услуги, оказанныя частнымъ лицамъ. Таковы судебныя пошлины, крѣпостныя, гербовыя. Этого вида сборы извѣстны уже съ давняго времени, хотя терминъ „пошлина" въ древности обозначалъ обычай и въ частности всякій издавна существующій сборъ. Пошлины съ суда извѣстны уже, напр., Р. Правдѣ. Здѣсь интересно лишь отмѣтить, что въ древности виды этихъ сборовъ были многообразнѣе, такъ какъ рядъ сборовъ, воз-

никшихъ сначала въ формѣ платы за услуги, переходитъ мало по малу въ налоги. Напр., *мытъ* (muta, Mauth) возникъ въ видѣ сбора за разныя услуги, оказанныя торговлѣ при перевозкѣ ли товара съ одной рѣки на другую (стр. 170), или при упорядоченіи торговли на торгахъ при посредствѣ мытниковъ (Кар. 34 и 36), а потомъ превратился въ косвенный налогъ съ торговыхъ операцій. Такъ же *вѣсъ (вѣсчее)* и *мѣра (помѣрное)* взымались за пользованіе провѣренными вѣсами и мѣрами, которые хранились при церквахъ: „се же искони уставлено есть и поручено св. пискупьямъ городьскіе и торговые всякая мѣрила и спуды и звѣсы, ставила . . . блюсти безъ пакости, ни умалити, ни умножити" (Церк. уст. Влад.). Но затѣмъ вѣсчее и помѣрное превратились въ чисто торговые сборы.

Прямые налоги возникаютъ въ формѣ *дани*, уплачиваемой побѣдителю побѣжденными. Данью побѣжденные откупаютъ себѣ право на жизнь и на свободу; безъ этого окупа имъ грозило бы избіеніе или обращеніе въ рабство. Кн. Ольга по взятіи Искоростѣня „старѣйшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другия работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань" (Лавр. 946). Съ такимъ характеромъ дань упоминается еще до призванія варяжскихъ князей: козары брали дань на полянахъ, сѣверянахъ и вятичахъ, а варяги изъ-за моря на чуди, словѣнахъ, мери, веси и кривичахъ. Уплата дани обусловливается именно силой поработителя и слабостью покореннаго. При измѣнившихся условіяхъ неизбѣжна перемѣна отношеній. Сѣверные славяне въ союзѣ съ чудью выгнали варяговъ за море „и не даша имъ дани" (Лавр. 859 и 862). То же значеніе дань сохраняетъ и при первыхъ князьяхъ. По занятіи Кіева, Олегъ „нача городы ставити, и устави дани словѣномъ, кривичемъ и мери, и устави варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля". Какъ установлялись дани, видно изъ дѣйствій того же Олега по отношенію къ древлянамъ: „поча Олегъ воевати деревляны, и примучивъ а, имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ" (Лавр. 882 и 883). Первые князья стремились къ расширенію своего политическаго вліянія, стараясь возможно большее число племенъ по-

ставить въ данническія къ себѣ отношенія. На этомъ пути имъ пришлось столкнуться съ племенемъ-поработителемъ козарами. Такъ Олегъ „иде на сѣверяне, и побѣди сѣверяны, и възложи на нь дань легъку, и не дасть имъ козаромъ дани платити, рекъ: азъ имъ противенъ, а вамъ нечему". Съ радимичами Олегъ поступилъ еще проще: онъ прямо предложилъ имъ платить дань ему вмѣсто козаръ, на что радимичи и согласились. Обложеніе данью это первый шагъ къ замиренію враждебныхъ отношеній и первое звѣно при выработкѣ понятія о подданствѣ.

Размѣры дани-окупа опредѣляются уже съ древнѣйшаго времени; иначе не могло, конечно, и быть. Но размѣры эти крайне не устойчивы. Они мѣняются не только со смѣною князей, но и изъ года въ годъ. Въ 883 г. Олегъ, примучивъ древлянъ, обложилъ ихъ данью, которая уплачивалась по день смерти Олега, хотя, быть можетъ, съ колебаніями въ размѣрѣ. Чрезъ 30 лѣтъ, однако, древляне послѣ смерти Олега пробуютъ отложиться отъ Игоря, но неудачно: Игорь ихъ побѣдилъ „и возложи на ня дань болши Олговы" (тамъ же, 914). А въ 945 г. Игорь снова „нача мыслити на деревляны, хотя примыслити большюю дань". Но эта затѣя окончилась трагически. Игорь пошелъ за данью по требованію дружины, чтобы раздобыться на одѣяніе и оружіе, „и примышляше къ первой дани, и насиляше имъ и мужи его". Недовольный результатами, Игорь вернулся снова за данью и былъ убитъ. Ольга въ отмщеніе за убійство мужа снова ведетъ войну съ древлянами, наказываетъ ихъ и снова облагаетъ данью. Только изъ хитрости Ольга успокаивала древлянъ, что не хочетъ „тяжьки дани възложити, якоже и мужь", но хочетъ „дань имати помалу". Какъ только хитрость удалась, Ольга „възложи на ня дань тяжьку". Отсюда видно, какъ размѣры дани могли мѣняться въ зависимости отъ условій, пока дань продолжала носить характеръ окупа или военной контрибуціи.

Отъ времени княженія Ольги сохранились и первыя извѣстія объ упорядоченіи сбора дани. Ольга съ сыномъ и дружиною обошла Деревскую землю, „уставляющи уставы и *уроки*". Она же установила „по Мьстѣ повосты и дани и по Лузѣ *оброки* и дани" (Лавр. 946 и 947). Эти „уроки"

и „оброки“ вызвали рядъ различныхъ толкованій въ исторической литературѣ. Едва ли, однако, подъ этими терминами можно разумѣть какія либо особые сборы въ отличіе отъ дани. „Урокомъ“ называлось все болѣе или менѣе точно опредѣленное въ цифрахъ. Въ Р. Правдѣ урокомъ названы: кормъ вирнику, пошлины въ его пользу, сборы и кормъ въ пользу городника и мостника, вознагражденіе потерпѣвшему и даже уголовные штрафы (Ак. 42, 43; Тр. 41, 80, 84, 90, 91, 99, 114); и это потому, что всѣ эти уплаты опредѣлены въ цифрахъ. Въ этомъ смыслѣ урокомъ могла быть названа и дань, такъ что въ позднѣйшихъ памятникахъ говорится о „*дани по уроку*“ (Собр. Гос. Гр., I, № 40). Въ такомъ же значеніи опредѣленной въ цифрахъ дани могъ первоначально употребляться и терминъ „оброкъ“, какъ это встрѣчается и въ болѣе позднихъ памятникахъ: „А дань имати по оброку“ (А. Э. I, № 9). Съ установленіемъ болѣе тѣсныхъ и мирныхъ отношеній къ покореннымъ племенамъ, дань въ видѣ урока и оброка становится постоянною прямою податью. Но въ то же время данью стали обозначать и иные прямые и косвенные сборы. Въ этомъ смыслѣ въ уставной смоленской грамотѣ рѣчь идетъ о десятинѣ „отъ всѣхъ даней смоленскихъ, что ся въ нихъ сходитъ истыхъ кунъ, кромѣ продажи и кромѣ виры, и кромѣ полюдья“.

Въ числѣ прямыхъ сборовъ, кромѣ дани, памятники упоминаютъ еще о *дарѣ* и *полюдьи*. Оба эти вида сборовъ стоятъ отчасти въ тѣсной связи. Полюдьемъ собственно назывался объѣздъ княземъ своей территоріи для выполненія правительственныхъ функцій, въ частности для сбора доходовъ. При мирныхъ отношеніяхъ населеніе области съ радостью встрѣчало князя ужъ по одному тому, что онъ лучшій судья по сравненію съ посадниками и тіунами. Населеніе выходило навстрѣчу князю съ поклонами и подносило подарки. Этотъ стародавній обычай, какъ пережитокъ, сохранился и до нашихъ дней: государя у насъ и теперь встрѣчаютъ хлѣбомъ-солью. Это и есть древній „даръ“. Подарки, полученные во время полюдья, стали называться „полюдьемъ даровьнымъ“. Здѣсь полюдье означало уже сборъ, именно сборъ даровъ, такъ что „даръ“ и „полюдье“ здѣсь слились. Но во время объѣзда тер-

риторіи князь могъ получать не только подарки, но и дани, судебныя пошлины, кормъ. Подъ „полюдьемъ" въ смыслѣ сбора могли разумѣться и эти сборы. Въ пользу смоленской епископіи установлена десятина „отъ всѣхъ даней смоленскихъ", но кромѣ полюдья. Отсюда надо заключить, что полюдье есть тоже одна изъ даней, но не включенная въ десятину. Однако, дальше въ грамотѣ въ составъ десятины включено: „на Копысѣ полюдья четыри гривны . . . въ Лучинѣ полюдья . . ." Но „даръ" въ числѣ даней по этой грамотѣ не упомянутъ. Это не значитъ, что въ Смоленской землѣ „даръ" вовсе не взимался. Ярополкъ Владиміровичъ послалъ своего племянника Изяслава Мстиславича „къ братьи Новугороду, и даша дани Печерьскыѣ и отъ Смолиньска даръ, и тако хрестъ цѣловаша" (Лавр. 1133), т. е. князья прислали съ Печеры всѣ дани, а изъ Смоленска только одинъ даръ. Надо думать, что даръ тоже включался въ составъ даней.

По существу даръ есть добровольное приношеніе, зависящее отъ усердія подносившихъ. Но изъ года въ годъ практикуемый порядокъ превращается въ обычай, и даръ изъ добровольнаго приношенія превратился въ обязательный сборъ въ опредѣленномъ размѣрѣ. Мстиславъ Владиміровичъ приказалъ своему сыну Всеволоду передать Юрьеву монастырю Боуицѣ съ данями и „осеньнее полюдіе даровьное полъ третія десяте гривьнъ" (Христ. В.-Буданова, I, изд. 5, 131). Такъ же Святославъ Ольговичъ жертвуетъ св. Софіи въ точныхъ цифрахъ десятину отъ даней по погостамъ со включеніемъ по нѣкоторымъ погостамъ и дара (тамъ же, 255). Въ договорахъ Новгорода съ князьями повторяется условіе: „Что волостий всѣхъ новгородьскыхъ, даръ имати тобѣ отъ техъ волостий. А отъ волостей даръ имати по старинѣ".

Въ составъ прямыхъ сборовъ или дани въ родовомъ значеніи необходимо включить еще и кормъ натурой или замѣну его деньгами въ пользу князя и должностныхъ лицъ.

Сборъ даней составляетъ общее явленіе всѣхъ княженій XI и XII вв. Князья и сами ѣздятъ въ полюдья (стр. 168), и посылаютъ своихъ мужей: „В се время приключися прити отъ Святослава дань емлющю Янови, сыну Вышатину" (Лавр. 1071). Какъ только Олегъ Святославичъ захватилъ земли

Муромскую и Ростовскую, то посадилъ по городамъ посадниковъ „и дани поча брати“. Для этого у него были даже данники (Ипат. 1096). Изъ за даней между князьями идетъ борьба. Изяславъ Мстиславичъ жалуется на своего дядю Юрія, что онъ „из Ростова обидить мой Новгородъ, и дани отъ нихъ отоималъ“; изъ-за этого началась война. Побѣжденный Изяславъ все же добивается „всихъ даний к Новугороду новогородцкыхъ, акоже есть и переже было“, но Юрій „не да даний, а Изяславъ ихъ не отступися“. Наконецъ, уладились на слѣдующемъ: „Изяславъ съступи Дюргеви Киева, а Дюрги възъврати всѣ дани новгороцкыи Изяславу“ (тамъ же, 1148 и 1149). Главными плательщиками даней, какъ извѣстно (стр. 94—95), были смерды, почему на князьяхъ лежитъ особая обязанность заботиться о нихъ. Для нѣкоторыхъ княженій или мѣстностей сохранились даже точно въ цифрахъ вычисленные итоги даней по погостамъ (Уставныя церковныя грамоты Новгородская 1137 и Смоленская 1150 гг.).

Точное исчисленіе прямыхъ сборовъ предполагаетъ установленный порядокъ обложенія ими. Съ чего же они взимались? Каковы были предметы обложенія и существовали ли какія нибудь единицы оклада? Немногія указанія для разъясненія этихъ вопросовъ даетъ лѣтопись. Она сообщаетъ, что поляне согласились платить дань козарамъ „и вдаша *отъ дыма* мечь“. Козары взимали дань „на полянѣхъ, и на сѣверѣхъ и на вятичѣхъ по бѣлѣй вѣверицѣ *отъ дыма*“. Ольга потребовала съ осажденныхъ въ Искоростѣнѣ древлянъ „*отъ двора* по 3 голуби и по 3 воробьи“. Дань съ дыма и двора, очевидно, означаетъ дань съ каждаго отдѣльнаго хозяйства. Сынъ Ольги, Святославъ, въ походѣ на Волгу дошелъ до вятичей и спросилъ ихъ, кому они даютъ дань? Тѣ отвѣчали: „козаромъ по щьлягу *отъ рала* даемъ“. Святославъ побѣдилъ козаръ, потомъ вятичей, и обложилъ ихъ данью. Сынъ его Владиміръ снова побѣдилъ вятичей „и възложи на ня дань *отъ плуга*, якоже и отець его имаше“ (Лавр. 859, 946, 964 и 981). Дань отъ рала и плуга, конечно, одно и то же. Но тѣ же вятичи, какъ о нихъ сказано раньше, платили дань козарамъ отъ дыма. Значитъ,

дань отъ дыма и отъ рала или плуга взимается съ одного и того же объекта, т. е. съ хозяйства, эмблемой котораго можетъ быть и дымъ (очагъ), и рало, если это хозяйство земледѣльческое. Наконецъ, есть и еще извѣстіе, что словени, кривичи и меря „дань даяху варягомъ *отъ мужа* по бѣлѣ и вѣверици". По взятіи Кіева Владиміромъ Святославичемъ, варяги потребовали отъ него: „се градъ нашь, и мы прияхомъ и; да хощемъ имати окупъ на нихъ по двѣ гривнѣ *отъ человѣка*" (Синод. 854 и 980). Новгородцы, желая помочь Ярославу противъ Болеслава, „начаша скотъ събирати *отъ мужа* по 4 куны" (Лавр. 1018). Но и эти сборы съ мужа или человѣка нельзя понимать въ смыслѣ поголовной подати, а лишь въ смыслѣ подати съ представителей семействъ или хозяйствъ. Значитъ, всѣ различныя обозначенія предметовъ, съ которыхъ взималась подать, сводилась къ одному отдѣльному дворохозяйству. Никакихъ дальнѣйшихъ подробностей податной организаціи памятники разсматриваемаго періода, къ сожалѣнію, не содержатъ. Извѣстно лишь, что плательщики расписаны были по погостамъ, потугамъ, сотнямъ или вервямъ (стр. 173—175); что въ смоленскихъ погостахъ, кромѣ тѣхъ, кто платитъ свою дань, упоминаются особо „истужници", уплачивавшіе особо „по силѣ, кто что мога", такъ что сборъ съ нихъ исчисленъ въ особой суммѣ (Христ. В.-Буданова, I, 258); что члены верви складывались по частямъ для уплаты дикой виры; что, наконецъ, иногда оклады сборовъ видоизмѣнялись соотвѣтственно имущественной состоятельности плательщиковъ (стр. 71). Имѣются еще указанія о томъ, какими продуктами уплачивались подати: это медъ, мѣха (бѣлки, вѣверицы, черныя куны) и деньги (щьляги, куны).

Кромѣ прямыхъ сборовъ, памятники упоминаютъ еще о нѣкоторыхъ повинностяхъ. Таковы: повозъ, какъ обязанность населенія доставлять князю, должностнымъ лицамъ и гонцамъ подводы съ проводниками и гребцами, извѣстный уже съ половины XII в. въ Черниговской и Галицкой земляхъ (Ипат. 1151 и 1152), а съ XIII в. въ Новгородѣ (въ договорахъ съ князьями: „дворяномъ вашимъ у купцовъ повоза не имати, развѣ ратные вѣсти"). Позднѣе терминъ „повозъ" замѣняется

терминомъ „подвода“. Далѣе, въ Уставѣ о мостахъ, приписанномъ кн. Ярославу, говорится объ обязанности населенія въ Новгородѣ мостить или гатить улицы и о распредѣленіи этой повинности (Р. Правда по Кар. сп. 134). Кромѣ того, Р. Правда упоминаетъ объ урокахъ въ пользу городника и мостника, получающихъ кормъ при постройкѣ или починкѣ городскихъ укрѣпленій и мостовъ (Тр. 90, 91; Кар. 108, 109). Надо думать, самую повинность постройки или починки отбывало населеніе („донелѣже городъ срубять“).

Дальнѣйшій естественный ростъ податной организаціи и вообще государственнаго хозяйства былъ подорванъ татарскимъ нашествіемъ. Покоренныя татарами русскія земли должны были платить хану дань. Эта дань по своему значенію была совершенно тождественна съ данью—окупомъ, какую платили отдѣльныя славянскія племена первымъ русскимъ князьямъ. Но разоренному нашествіемъ населенію уплата ея была тѣмъ тягостнѣе, что способы ея взиманія были крайне произвольны. Для выясненія количества дани татары производили описи и счисленія, „число“. О Кіевской землѣ разсказано, что населеніе разбѣжалось, укрывалось въ пещерахъ и лѣсахъ, но „нѣ по колѣцѣхъ временехъ осадиша въ градѣхъ, и сочтоша я в число, и начаша на нихъ дань имати“ (Синод. 1245). Въ 1257 г. зимой „приехаша численици, исщетоша всю землю Суждальскую, и Рязаньскую, и Мюромьскую... толико не чтоша игуменовъ, черньцовъ, поповъ, крилошанъ, кто зрить на св. Богородицю и на владыку“ (Лавр.). Въ томъ же году татарскіе послы явились въ новгородъ „и почаша просити десятины и тамгы і не яшася Новгородьци по то, и даша дары цареви, и отпустиша я с миромь“ (Синод.). Но въ 1259 г. и новгородцы принуждены были уступить и дать татарамъ число: „и яшася по число; і почаша ѣздити окаанніи по улицамъ, пишюче домы христьяньскыя“ (тамъ же). Наконецъ, въ 1275 г. „бысть на Руси и въ Новѣгородѣ число второе изо Орды отъ царя, и изочтоша вся, точію кромѣ священниковъ, и иноковъ и всего церковнаго причта“ (П. С. Л., т. X, 152). Это число толкуется въ смыслѣ поголовной переписи населенія на основаніи свидѣтельства Плано-Карпини, который разсказываетъ, что татары послѣ переписи

распорядились, „чтобы каждый, какъ малый, такъ и большой, даже младенецъ однодневный, бѣдный и богатый, давалъ дань". Но трудно допустить возможность такой переписи, сколько нибудь послѣдовательно проведенной: у татаръ не было для того достаточныхъ средствъ. Къ тому же о Новгородѣ прямо сказано, что тамъ татары объѣзжали улицы, „пишюче домы", т. е. дворы.

Сначала эту дань татары собирали сами. Для этого они послѣ счисленія „ставиша десятники, и сотники, и тысящники и темникі" или назначали баскаковъ, которые и откупали дань (Лавр. 1257; П. С. Л., т. X., 147, 151, 162—164). Повидимому, откупъ дани сдѣлался преобладающей формой взиманія дани, а главными откупщиками были бесерменскіе купцы. Злоупотребленія откупщиковъ повели къ цѣлому ряду возстаній противъ нихъ. Такъ уже подъ 1262 г. стоитъ извѣстіе что „избави Богъ отъ лютаго томленья бесурменьскаго люди Ростовьскія земля: вложи ярость въ сердца крестьяномъ, не терпяще насилья поганыхъ, изволиша вѣчь, и выгнаша из городовъ, из Ростова, ис Суждаля, изъ Ярославля; окупахуть бо ти оканьнии бесурмене дани, и отъ того велику пагубу людемъ творяхуть, роботяще рѣзы (работающе люди христіанскіе въ рѣзѣхъ), и многи души крестьяньскыя раздно ведоша" (Лавр.; ср. П. С. Л., т. V, 190; т. X, 143). Вѣроятно, эти причины и вызвали передачу сбора дани въ руки князей, которые уже сами отвозили ее въ орду. Съ этихъ поръ она стала называться еще „выходомъ" или „запросомъ".

Вслѣдствіе того же татарскаго завоеванія въ значительной мѣрѣ осложнилась и система косвенныхъ сборовъ. Татары завели въ русскихъ земляхъ чисто торговой сборъ—*тамгу*.

В. Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія, 324—338; *В.-Будановъ*. Обзоръ, 83—86; *Gust. Ewers*. Das älteste Recht der Russen, 34—39, 1—45, 58—69; *Гагемейстеръ*. Розысканія о финансахъ древней Россіи, 1833, 1—64; *гр. Дм. Толстой*. Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи, 1848, 1—41; *В. Кури*. О прямыхъ налогахъ въ древней Руси, 1855 г. въ Юрид. Сборн. изд. Мейера и отдѣльно; *Е. Осокинъ*. О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ его развитіи въ Россіи, 1856, 29—50.

Б. Періодъ второй.

Политическій бытъ во второмъ періодѣ представляется существенно измѣнившимся. Тѣ три элемента, изъ которыхъ слагается понятіе о государствѣ, являются теперь съ иными характерными признаками. На мѣстѣ значительнаго числа мелкихъ и неустойчивыхъ въ своихъ границахъ территорій здѣсь возникаютъ двѣ крупныя территоріи государствъ Московскаго и Литовскаго, мало по малу поглотившія прежнія княженія древней Руси. Среди свободнаго населенія, на почвѣ различныхъ общественныхъ классовъ, постепенно зарождаются сословныя группы. Наконецъ, въ составѣ государственной власти наблюдаются иныя сочетанія образующихъ ее силъ: монархическій элементъ дѣлаетъ сравнительно быстрые успѣхи въ своемъ развитіи, а элементы демократическій и аристократическій, наоборотъ, постепенно теряютъ ихъ прежній политическій вѣсъ, хотя и не уничтожаются совершенно.

Всѣ эти перемѣны происходятъ чрезвычайно медленно. Новое наслояется мало по малу, годами, десятилѣтіями, полувѣками, а старое продолжаетъ сказываться черезъ столѣтія. Но смѣна стараго новымъ выразилась, наконецъ, во внѣ, когда сѣверовосточная Русь объединилась подъ властью великаго государя московскаго и всея Руси. Перемѣна стала очевидной. Но какъ она произошла? Хотя этотъ вопросъ поставленъ уже очень давно, онъ не нашелъ согласнаго отвѣта до сихъ поръ. Съ этого вопроса, можно сказать, началась обработка русской исторіи. Онъ привлекъ къ себѣ вниманіе русскихъ публицистовъ и историковъ уже на первыхъ шагахъ сознательной оцѣнки прошлаго. Но при выясненіи того, какъ возникло единодержавіе московскихъ государей, этотъ вопросъ

слился съ другимъ: почему это единодержавіе отлилось въ извѣстную политическую форму.

Первые московскіе историки-публицисты XVI в. старались разъяснить, откуда появились московскіе цари-самодержатели. Эти попытки не могутъ не казаться теперь крайне несовершенными и даже наивными. Людямъ той эпохи была совсѣмъ чужда и недоступна идея историческаго развитія. Ихъ міровоззрѣніе складывалось подъ непререкаемымъ авторитетомъ прадѣдовскихъ завѣтовъ, сѣдой старины. Передъ ними стояла задача не объяснить явленіе, а оправдать его право на существованіе, поскольку оно освящалось ореоломъ старины. И на поставленный вопросъ они отвѣтили такимъ образомъ, что русскихъ самодержателей отыскали въ далекомъ прошломъ, начиная съ Владиміра св. и Владиміра Мономаха, самодержавную ихъ власть объявили дарованной изъ Византіи, а родословное ихъ древо вывели отъ римскаго кесаря Августа. При всей своей странности, эта историко-политическая доктрина имѣла глубокое вліяніе на умы послѣдующихъ поколѣній: еще у Карамзина замѣтна унаслѣдованная отъ XVI в. историческая перспектива. Она даже дожила и до нашихъ дней и находитъ защитниковъ среди представителей университетской науки.

Методологически правильная постановка вопроса объ объединеніи Руси и ростѣ власти московскихъ государей появилась лишь съ того времени, когда въ основу историчекихъ изысканій была положена идея постепеннаго развитія всѣхъ сторонъ жизни. Соловьевъ и Кавелинъ первые указали схемы этого развитія и отмѣтили главные моменты въ развитіи власти государей всея Руси. Они выводили ее изъ формъ родового быта и указали постепенное ея преобразованіе: одинъ подъ вліяніемъ особыхъ условій политической жизни на сѣверѣ, гдѣ политическая жизнь самымъ своимъ существованіемъ была обязана князьямъ; другой—подъ вліяніемъ закона распаденія родового быта, при чемъ посредствующую стадію сыгралъ бытъ вотчинный. Кавелинъ уже въ Андреѣ Боголюбскомъ видѣлъ типъ вотчинника, господина, неограниченнаго владѣльца своихъ владѣній,—типъ, который окончательно развивается въ Москвѣ; Соловьевъ также видитъ въ немъ собственника

своего княженія, хозяина полновластнаго, у котораго впервые появляются понятія о самовластцѣ и о подручничествѣ — первые элементы понятій о государѣ и о подданствѣ.

Уже 60 лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ высказаны эти взгляды, но и до настоящаго времени не выработано общаго отвѣта на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ русской исторіи. Обыкновенно указывается цѣлый рядъ причинъ, вызвавшихъ единодержавіе и самодержавіе московскихъ государей: 1) иноземныя вліянія, византійское и монгольское; 2) содѣйствіе объединенію Руси со стороны разныхъ классовъ населенія: духовенства, бояръ и земскихъ людей; 3) особыя бытовыя условія сѣверо-восточной Руси: роль новыхъ городовъ, вотчинное начало; 4) личныя качества московскихъ князей. Но въ относительной оцѣнкѣ указанныхъ причинъ до сихъ поръ господствуетъ полное разногласіе. На первомъ планѣ у историковъ фигурируютъ то личныя качества московскихъ князей, то монгольское иго, то сила земли, въ спеціальномъ смыслѣ низшихъ классовъ населенія, то, наоборотъ, боярская иниціатива и т. д. Такъ, одни все дѣло объединенія Руси приписываютъ личной иниціативѣ московскихъ князей, ихъ ловкости и способностямъ. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ, напр., Вешняковъ. Наоборотъ, проф. Сергѣевичъ полагаетъ, что московскіе князья сыграли въ этомъ дѣлѣ роль вовсе не положительную, а прямо отрицательную: объединеніе произошло вопреки ихъ стремленіямъ. Подобныя антитезы въ мнѣніяхъ можно указать почти о каждой изъ вышеуказанныхъ причинъ.

О монгольскихъ вліяніяхъ еще Карамзинъ сказалъ, что „Москва обязана своимъ величіемъ ханамъ". Многіе изслѣдователи всецѣло приняли эту мысль, а Костомаровъ посвятилъ развитію этого положенія особую монографію, гдѣ утверждалъ, что Русь, покоренная татарами, сдѣлалась военною добычею хана, его собственностью; все населеніе отъ князей до холоповъ стало его рабами. А затѣмъ, съ постепеннымъ ослабленіемъ ига, старѣйшій русскій князь замѣняетъ собою хана со всѣми его аттрибутами государя и собственника русской земли. Значитъ, власть московскихъ государей явилась полной замѣной ханскаго деспотизма. Народъ былъ пріученъ

къ безпрекословному повиновенію своему владыкѣ подъ впечатлѣніемъ татарскаго гнета, и московскіе князья во имя этой непреоборимой силы требовали и себѣ полной покорности и казнили непокорныхъ. „Исчезло чувство свободы, чести, сознанія личнаго достоинства; раболѣпство передъ высшими, деспотизмъ надъ низшими стали качествами русской души". Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, Костомаровъ призналъ, что съ XIV в., съ постепеннымъ уничтоженіемъ удѣловъ на Руси, должна была, казалось бы, развиться монархія, въ которой власть монарха была бы раздѣлена съ боярами. Этого не случилось, и власть возросла до полнаго самодержавія, благодаря эгоизму и отсутствію корпоративной сплоченности среди боярства.

Еще дальше Костомарова идетъ проф. Леонтовичъ. Справедливо замѣтивъ, что мысль о монгольскихъ вліяніяхъ хотя и давно высказывается, но нигдѣ строго и документально не доказывается, онъ, на основаніи сближеній Чингизовой Яссы и Ойратскихъ уставовъ (Цааджинъ-Бичикъ), указываетъ цѣлый рядъ заимствованій изъ монгольскаго права въ политической, общественной и административной жизни московской Руси. У монголовъ заимствованы: воззрѣніе на государя, какъ верховнаго собственника всей территоріи государства; прикрѣпленіе крестьянъ и закрѣпощеніе посадскихъ людей, идея объ обязательной службѣ служилаго сословія и мѣстничество; московскіе приказы, скопированные съ монгольскихъ палатъ и пр. Автору, однако, не удалось найти какихъ либо указаній на то, что въ рукахъ московскаго правительства дѣйствительно находились изученные авторомъ монгольскіе уставы.

Воззрѣнія Карамзина, Костомарова въ большей или меньшей мѣрѣ раздѣляютъ проф.: Загоскинъ, Энгельманъ, Сергѣевичъ. Наоборотъ, другіе (Соловьевъ, Бестужевъ-Рюминъ, Забѣлинъ, В.-Будановъ) не придаютъ монгольскому игу рѣшающаго значенія. Соловьевъ, напр., полагаетъ, что монголы, покоривъ Русь, остались жить вдали отъ нея и не вмѣшивались во внутреннюю жизнь страны, довольствуясь лишь сборомъ дани. Поэтому онъ приравниваетъ значеніе ихъ вліяній вліяніямъ половецкихъ хищниковъ. Признавая это мнѣніе слишкомъ крайнимъ, прочіе признаютъ, что въ москов-

скомъ государствѣ отразились нѣкоторыя черты восточныхъ государствъ, но приписываютъ это гораздо больше отрицательной сторонѣ монгольскаго ига, хотя и допускаютъ незначительныя положительныя вліянія въ области финансовой и военной администраціи.

Съ исключеніемъ монгольскаго ига или независимо отъ него, выдвигаются на первый планъ и другіе созидательные элементы въ дѣлѣ объединенія сѣверо-восточной Руси. Такъ, И. Е. Забѣлинъ полагаетъ, что московское единодержавіе развилось въ тѣсной связи съ народнымъ единствомъ, зерно котораго онъ видитъ въ мирныхъ и промышленныхъ стремленіяхъ рабочаго посадскаго населенія Суздальской земли. Эти стремленія, поддержанныя сѣверными князьями Юрьевичами, и породили борьбу посада съ дружинною боярскою силою, окончившуюся побѣдой перваго. Татарская неволя разрушила правильный ходъ дальнѣйшихъ успѣховъ объединенія, но московскіе князья усвоили себѣ народный завѣтъ объ устроеніи земскаго мира и тишины, а потому именно и оказались во главѣ объединяющейся Руси. Основною почвою для выработки типа самовластнаго государя въ его московской формѣ послужило черное или сѣрое всенародное множество, которому некогда было думать о какихъ либо правахъ и вольностяхъ, въ постоянныхъ заботахъ о насущномъ хлѣбѣ и о безопасности отъ сильныхъ людей. Это государево самовластіе развивалось очень постепенно на русской почвѣ и, быть можетъ, не получило бы такъ скоро окончательной формы царскаго самодержавія, если бы не пришли ему на помощь греки и итальянцы при Иванѣ III.

Съ этой точки зрѣнія боярство является силой, противодѣйствующей общимъ стремленіямъ народа и князей, силой крамольной, нарушающей очень часто земскій миръ и тишину. Но еще со времени Погодина установилось иное воззрѣніе на историческую роль бояръ. Погодинъ пришелъ къ выводу, что свидѣтели духовной Донского были правителями государства во время его малолѣтства, вмѣстѣ съ нѣкоторыми старцами, оставшимися отъ временъ Калиты. Они же, слѣдовательно, правили государствомъ и во время малолѣтства сына Дмитріева Василія и имѣли случай довершить свои благодѣ-

янія отечеству. Эти заслуги боярства рельефно отмѣчены и Соловьевымъ. Согласно этимъ мнѣніямъ, бояре вовсе не враги объединенія, а дѣятельные помощники московскихъ князей.

Выясненію исторической роли боярства особенно посчастливилось за послѣднее время: ему посвящены труды проф. Ключевскаго и проф. Сергѣевича. То, что Костомарову казалось лишь возможнымъ,—а именно, возникновеніе на Руси монархіи, ограниченной боярскимъ правленіемъ,—по мнѣнію Ключевскаго, оказывается исторической дѣйствительностью, если не вполнѣ, то въ значительной мѣрѣ. Московская Русь оказывается вовсе не въ такой мѣрѣ неограниченно—самодержавной, какъ думали раньше, а скорѣе монархически-боярской, такъ какъ царь всея Руси правитъ землею не единолично, а при посредствѣ и съ помощью боярской аристократіи. Отдѣльные же случаи столкновеній монарха съ этою аристократіей приводятъ даже къ попыткамъ спеціальной записью ограничить власть московскихъ самодержцевъ.

Не менѣе важны и выводы проф. Сергѣевича. Вопреки общепринятому мнѣнію о развитіи Московскаго государства изъ удѣла московскихъ князей, онъ доказываетъ, что не изъ этой вотчины выросла объединенная территорія сѣверо-восточной Руси, а на обломкахъ стараго Владимірскаго великаго княженія, послѣ пріобрѣтенія его Дмитріемъ Донскимъ въ наслѣдственное владѣніе своего дома. Не усиліями московскихъ князей и даже вопреки ихъ стремленіямъ начато дѣло объединенія. Московскіе князья, начиная съ Калиты и до Дмитрія Донского, вовсе не были созидателями того порядка, который привелъ Московское государство къ единовластію и величію, а были, наоборотъ, рѣшительными проводниками взгляда на княженіе, какъ на частную собственность, со всѣми его противогосударственными послѣдствіями. Инпціаторами и сторонниками возсоединенія территоріи подъ властью одного князя были бояре, выступившіе защитниками этой идеи еще въ старой Ростовской землѣ. Съ Ивана Калиты за именами князей скрывается боярская рука, создающая камень за камнемъ Московское государство.

Нѣтъ согласія и въ относительной оцѣнкѣ византійскихъ вліяній и политической роли духовенства. Соловьевъ давно

замѣтилъ, что съ принятіемъ христіанства духовенство получаетъ важное политическое значеніе по своему вліянію на княжескія правительства и проводитъ въ жизнь византійскіе идеалы, такъ какъ единственнымъ образцомъ государственнаго устройства для духовенства могла быть только Византія. Для выясненія этого вопроса сдѣлано довольно много въ спеціальной литературѣ. Но рядъ изслѣдователей смотритъ на вопросъ совершенно отрицательно. Такъ, Костомаровъ, настаивая на монгольскихъ вліяніяхъ, утверждалъ, что Софья Палеологъ могла только укрѣплять Ивана III въ помыслахъ самодержавія, а не зарождала ихъ въ немъ. Обстоятельства, къ которымъ приведена была Русь всей ея предшествующей судьбой, были достаточны для возбужденія рѣшительныхъ стремленій къ самодержавію безъ постороннихъ чуждыхъ вліяній. Точно такъ же проф. Сергѣевичъ хотя и признаетъ правильною мысль Соловьева, что для возвышенія московскихъ князей надъ другими нужна была помощь преданій имперіи, но въ то же время утверждаетъ, что власть московскихъ государей является результатомъ вѣковой работы нашей исторіи, а не позаимствованіемъ чего то изъ Византіи.

Столь различныя, нерѣдко исключающія другъ друга, мнѣнія въ вопросѣ столь существенной важности ставятъ изучающаго въ весьма трудное положеніе. Чтобы разобраться въ подобныхъ разногласіяхъ, необходимо овладѣть главнѣйшими фактами и знать, по какой группѣ источниковъ они могутъ быть провѣрены и обоснованы.

Соловьевъ. Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома, 1847; *Соловьевъ.* Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи до Петра В., 1851 и въ Собр. соч. 1882; *Кавелинъ.* Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи, Соврем. 1847, № 1, и въ Собр. соч., т. I, 1897; *Вешняковъ.* О причинахъ возвышенія Московскаго княжества, 1851; *Костомаровъ.* Начало единодержавія въ Россіи, Вѣстн. Евр., 1870, № 12, и Монографіи, т. XII; *Леонтовичъ Ѳ. И.* Къ исторіи права русскихъ инородцевъ: древній монголо-калмыцкій или Ойратскій уставъ взысканій, 1879; *Забѣлинъ И. Е.* Взглядъ на развитіе московскаго единодержавія, Истор. Вѣстн., 1881, №№ 2—4; *Погодинъ.* Древняя русская аристократія, 1847 и въ Истор.-критич. отрывкахъ, кн. 2-я, 1867; *В. Ключевскій.* Боярская дума; *В. Сергѣевичъ.* Какъ

и изъ чего возникла территорія Московскаго государства, Новь, 1886, янв. кн. 2, февр. кн. 1; Вольные и невольные слуги московскихъ государей, Наблюд., 1887, №№ 2 и 3; Юридич. Древн., т. II; *Пыпинъ*. Московская старина, Вѣст. Евр., 1885, № 1; *М. Дьяконовъ*. Власть московскихъ государей, 1889. Дальнѣйшія указанія на литературу см. въ отд. о власти государей.

I. Источники права.

Творческія силы права или формы права остаются тѣ же и въ этомъ періодѣ: это—обычай, договоры и уставы или указы. Но отношенія между ними измѣняются: указная дѣятельность государей мало по малу выдвигается на первое мѣсто.

Творческое значеніе **обычая**, однако, чрезвычайно обширно: имъ создаются новые институты и учрежденія и регулируются вновь унаслѣдованные отъ предшествующаго періода. Но конкурирующимъ съ обычаемъ источникомъ права является воля государей, которая людьми той эпохи и современными изслѣдователями рисуется весьма обширной и сильной. Она и дѣйствительно могуча, но тѣмъ не менѣе не только не исключаетъ дѣйствія обычая, но и сама себя ставитъ подъ защиту и подъ санкцію обычая. Этимъ самымъ государи показываютъ, что свой авторитетъ они ставятъ ниже авторитета пошлины или старины.

Когда вел. кн. Иванъ Васильевичъ рѣшилъ назначить своимъ преемникомъ внука Дмитрія и назначилъ торжественное его вѣнчаніе, то сказалъ: „Божіимъ изволеніемъ отъ нашихъ прародителей великихъ князей старина наша, оттолѣ и до сихъ мѣстъ, отци великіе князи сыномъ своимъ прьвымъ давали великое княженье: и язъ былъ своего сына прьваго Ивана при себѣ же благословилъ великимъ княженіемъ, Божія воля паки сталася, сына моего Ивана въ животѣ не стало, а у него остался сынъ прьвой Дмитрей, и язъ его нынѣ благословляю при себѣ и послѣ себя великимъ княженіемъ“ (П. С.

Л., т. VI., 241). Ссылка на прародительскую старину была тутъ не вполнѣ правильна, такъ какъ назначеніе наслѣдникомъ внука при наличности другого сына случилось впервые. Къ тому же, и самъ Иванъ III въ слѣдующемъ 1499 г. отвѣтилъ псковскимъ посламъ на ихъ просьбу держать свою вотчину въ старинѣ: „чи не воленъ язъ въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтехъ? ино кому хочю, тому тамъ княженство" (тамъ же, т. IV, 271). Тотъ же Иванъ III въ 1504 г. отказался выдать литовскому правительству перешедшаго на московскую службу Ивана Дашковича, мотивируя свой отказъ опять стариной: „и напередъ того при насъ и при нашихъ предкѣхъ и при его (литовскаго князя) предкѣхъ межъ насъ на обѣ стороны люди ѣздили безъ отказу" (Сб. Русск. Ист. Общ., т. XXXV, 470). Но изъ Москвы не только не допускали отъѣзда въ Литву, но наказывали за это.

Иванъ Васильевичъ Грозный мотивировалъ свое намѣреніе вѣнчаться на царство опять ссылкой на исконный обычай: „хочу поискати прежнихъ своихъ прародителей чиновъ: какъ наши прародители, цари и великіе князи, и сродничь нашъ, вел. кн. Владимеръ Всеволодовичь Маномахъ, на царство на великое княженіе садилися" (Цар. кн., 128). Въ чинѣ вѣнчанія весь обрядъ изображенъ „по отечеству древнему преданію" (Собр. Гос. Грам., т. II, № 33). А между тѣмъ, это была полная новизна.

Московскіе государи всѣ свои новыя мѣры ставятъ подъ покровъ старины. Но и недовольные этими мѣрами оппоненты правительства такъ же опираются въ своей критикѣ на старину. Берсень Беклемишевъ жаловался Максиму Греку: „вѣдаешь и самъ, а и мы слыхали у разумныхъ людей: которая земля переставливаетъ обычьи свои, и та земля недолго стоитъ; а здѣсь у насъ старые обычьи князь велики перемѣнилъ; ино на насъ которого добра чаяти?" (Акты Эксп., I, № 172).

Ненарушимость старины была общимъ лозунгомъ правительства и всѣхъ общественныхъ слоевъ. Эта мысль ярко выражена въ наказѣ московскимъ посламъ при веденіи переговоровъ объ избраніи на царство королевича Владислава. На требованіе пановъ рады устроить костелы въ Москвѣ по при-

мѣру Польши и Литвы, гдѣ разрѣшено строить греческіе и люторскіе храмы, послы должны были отвѣтить: „в Полше і в Литвѣ то повелось издавна, а в Московскомъ государстве того не бывало; а толко гдѣ чево не бывало, а всчати которое дѣло вновь, і в томъ будетъ многимъ людемъ сумнѣнье и скорбь великая і печаль“ (Собр. Гос. Гр., т. II, стр. 432).

Но при послѣдовательномъ проведеніи этой точки зрѣнія Московское государство не могло бы возникнуть. Событіе, однако, произошло при дѣятельномъ содѣйствіи правительства, которое не переставало подкрѣплять свои акты авторитетомъ старины. Изъ этого противорѣчія оно вышло только благодаря тому, что въ оправданіе своихъ мѣръ ссылалось не на дѣйствительную, а на вымышленную, фиктивную старину. Стремленіе укрыться за выдуманной стариной, прикрыться фикціей — явленіе хорошо извѣстное исторіи не только московскаго права; это всемірный фактъ. Онъ указываетъ, что въ данную эпоху идея творчества права еще не сознается, и новыя явленія жизни подводятся подъ старыя формулы. Московскіе князья и государи такъ же признаютъ, что по усмотрѣнію они не могутъ творить право. Весьма важное значеніе такого міросозерцанія проявилось въ томъ, что они не издаютъ никакихъ общихъ уставовъ для опредѣленія государственнаго быта на новыхъ началахъ, а передѣлываютъ старый бытъ мало по малу: длиннымъ путемъ отдѣльныхъ мѣропріятій, правительственной практикой. На почвѣ этой практики постепенно слагаются новые обычаи, которые съ теченіемъ времени могутъ попасть и въ указы или уставы.

Такой порядокъ выработки права даетъ изучающему важныя методологическія указанія. Нельзя ознакомиться съ состояніемъ права за данное время лишь по указамъ или уставамъ этого времени, такъ какъ въ нихъ изучающій не найдетъ всего дѣйствовавшаго права. Къ указному праву всегда надо прибавить еще то право, которое примѣняется, но которое еще не успѣло найти отраженія въ уставахъ. Многія части дѣйствовавшаго права такъ и не попали ни въ какіе государевы указы. Это право можно изучать только путемъ тщательнаго наблюденія правительственной и бытовой практики. Подмѣчен-

ныя въ ней единообразія и явятся единственно надежной почвой для установленія руководящихъ нормъ. Съ другой стороны, не все указное право можетъ оказаться правомъ дѣйствующимъ даже и безъ формальной его отмѣны: въ указахъ можетъ найтись и такая старина, которая отжила свой вѣкъ. Указы и уставы необходимо изучать параллельно съ изученіемъ практики, какъ неизбѣжнаго дополненія и корректива оффиціальныхъ источниковъ права.

В. Сергѣевичъ. Опыты изслѣдованія обычнаго права, Наблюдатель, 1882, № 2.

Договоры.

Соглашенія продолжаютъ играть роль источника права для опредѣленія отношеній между княжескими правительствами отдѣльныхъ русскихъ княженій до окончательнаго объединенія ихъ всѣхъ подъ главенствомъ Москвы, а также для установленія взаимныхъ отношеній Москвы съ сосѣдними державами. Наоборотъ, въ области внутреннихъ государственныхъ отношеній договоръ не играетъ прежней роли и теряетъ всякое значеніе въ этой сферѣ съ постепенною замѣною службы вольной службою обязательной.

Междукняжескіе договоры за разсматриваемый періодъ сохранились въ значительномъ числѣ, хотя, конечно, далеко не всѣ. Древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ договоровъ заключенъ между родными братьями, сыновьями Калиты, въ 1341 г., а послѣдній—между вел. кн. Василіемъ Ивановичемъ и роднымъ его братомъ Юріемъ въ 1531 г. (Собр. Гос. Гр., I, №№ 23 и 160—161). За этотъ двухсотлѣтній періодъ между князьми состоялось, безъ сомнѣнія, огромное число мирныхъ и союзныхъ соглашеній. Дошедшіе же до насъ договорныя грамоты (свыше 80) почти всѣ заключены московскими великими князьями преимущественно съ московскими же удѣльными или же съ великими князьями тверскими, рязанскими, суздальскими; грамотъ не московскаго происхожденія сохранилось ничтожное число.

По содержанію своему, эти грамоты представляютъ богатѣйшій матеріалъ для изученія отношеній между князьями

великими и удѣльными, ихъ взаимныхъ правъ и обязательствъ относительно сношеній съ другими княжескими правительствами, порядка доставленія военной помощи другъ другу, сношеній съ Ордой и платы татарской дани, порядка общаго суда, выдачи преступниковъ, рабовъ и должниковъ, огражденія правъ вольныхъ слугъ, порядка торговли и правъ торговыхъ людей и пр. Изъ сличенія договорныхъ грамотъ видно, какъ позднѣйшія повторяютъ многія постановленія предшествующихъ. Такъ возникаетъ договорная старина. Но эта записанная старина можетъ уже оказаться въ противорѣчіи съ практикой, примѣры чему приведены ниже. Договоры, хотя и скрѣпленные крестнымъ цѣлованіемъ, не рѣдко нарушались. Правильно замѣчено, что „договорное право представляетъ величайшую помѣху для образованія единаго государства съ единымъ государемъ во главѣ". И это потому, что договорами обезпечивалась внутренняя независимость владѣній удѣльныхъ князей. Московскіе великіе князья во многихъ случаяхъ, еще до окончательнаго присоединенія удѣловъ, дѣйствовали не по точному смыслу договорныхъ статей, а по праву сильнаго.

Большая часть междукняжескихъ договоровъ напечатана въ прекрасномъ изданія графа Румянцева: „Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ", т. I, 1813 г., а также въ Актахъ Археографической Экспедиціи, т. I. Обработку ихъ см. *Б. Чичеринъ.* Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей въ Опытахъ по ист. русс. пр. 1858; *В. Сергѣевичъ.* Вѣче и князь, 122—265; Юрид. Древн., т. II., 119—229; *Н. Дебольскій.* Древнерусскія междукняжескія отношенія по договорамъ, Ист. Об., т. IV.

Международные договоры продолжаютъ заключаться сначала отдѣльными русскими княженіями, а потомъ объединеннымъ Московскимъ государствомъ съ сосѣдними государствами по западной, юго-западной и восточной границамъ. По мѣрѣ усиленія Москвы, особенно послѣ сверженія татарскаго ига, расширяется и область международныхъ сношеній московскаго правительства. Помимо ближайшихъ сосѣдей— великаго княжества Литовскаго и королевства Польскаго, Тевтонскаго Ордена, Крымской и Ногайской Орды—возникаютъ дипломатическія сношенія съ Германской имперіей,

Папскимъ престоломъ, съ нѣмецкимъ орденомъ въ Пруссіи, Скандинавскими государствами, Голландіей, Англіей, Персіей и пр. Акты этихъ сношеній имѣютъ важное значеніе не только для изученія внѣшнихъ политическихъ и торговыхъ связей Московскаго государства, но и для изученія внутренняго государственнаго и административнаго строя страны. Заключающіяся въ этихъ актахъ подробныя свѣдѣнія о пріемѣ иностранныхъ посольствъ, о переговорахъ съ ними, наказахъ русскимъ дипломатамъ, о статейныхъ спискахъ русскихъ пословъ и пр. рисуютъ нерѣдко яркія картины правительственныхъ и общественныхъ обычаевъ и нравовъ, выясняютъ политическія и экономическія стремленія различныхъ общественныхъ классовъ, а потому являются важнымъ матеріаломъ для изученія правительственной и бытовой практики. Къ сожалѣнію, эти матеріалы еще очень мало изучены и до сихъ поръ не вполнѣ доступны для изученія, такъ какъ далеко еще не всѣ изданы.

Общимъ пособіемъ для ознакомленія съ матеріаломъ можетъ служить трудъ *Н. Н. Бантыша-Каменскаго*: Обзоръ внѣшнихъ сношеній России (по 1800 г.), части I—IV, 1894—1902. Важнѣйшія изданія актовъ международныхъ сношеній: 1) Съ Литвой и Польшей: Книга посольская метрики вел. княжества Литовскаго въ государствованіе королей Сигизмунда Августа и Баторія, 2 тома, 1843; Акты западной Россіи, т. I; Сборникъ Муханова, изд. 2, 1866; Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ за время 1487—1571 гг. въ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., тт. XXXV, LIX и LXXI; Переписка между Россіею и Польшею по 1700 г., сост. *Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ*, ч. I—III (1487—1645), 1862. 2) Съ Германскою имперіей, Папскимъ дворомъ и Итальянскими государствами: Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи, изд. II Отд. собств. Е. И. В. Канц., тт. I—X. 3) Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Крымомъ, Ногаями и Турціей (1474—1521), Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., тт. XLI и XCV; 4) Съ Англіею: Первые сорокъ лѣтъ сношеній между Россію и Англіею (1553—1593). Грамоты изд. *Ю. Толстымъ*, 1875; Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Англіею (1581—1604), Сб. Имп. Русск. Ист. Общ., т. XXXVIII; Статейный списокъ пріѣзда и пребыванія въ Россіи англійскаго посла Елизара Флетчера, Временникъ Общ. ист. и

древн., кн. 8-я; 5) Съ Скандинавскими государствами: Датскій Архивъ. Матеріалы по исторіи древней Россіи, хранящіеся въ Копенгагенѣ (1326—1690), Чт. Общ. ист. и древн. 1893, кн. 1; Русскіе акты Копенгагенскаго архива (1514—1687), Русск. Ист. Библ., т. XVI; Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII в., Сборникъ матеріаловъ касающихся исторіи взаимныхъ отношеній Россіи и Швеціи въ 1616—1651 гг., Чтен. Общ. ист. и древн. 1897, кн. 3 и 4; 1898, кн. 1; Приложенія къ соч. *Н. Лыжина*: Столбовскій договоръ и переговоры ему предшествовавшіе, 1857; Sverges Traktater med främmande Magter, D. III (1409—1520), 1895; D. IV (1521—1571), 1888; D. V (1572—1632), 1903. 6) Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ нѣмецкимъ Орденомъ въ Пруссіи (1516—1520). Сб. Имп. Русск. Ист. Общ., т. LIII.; 7) Донесенія посланниковъ республики Соединенныхъ Нидерландовъ въ Россію въ 1615—1616 и 1630—1631 гг., Сб. Имп. Русск. Ист. Общ., тт. XXIV и CXVI; Посольство Кунраада фанъ-Кленка къ царямъ Алексѣю Михайловичу и Ѳедору Алексѣевичу; 8) Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи, Валахіи и Турціи въ XIV—XVI вв., Чтен. Общ. ист. и древн., 1887, кн. 1; 9) Сношенія Россіи съ Кавказомъ (1576—1613), Чтен. Общ. ист. и древн., 1888, кн. 3; 10) Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній московской Руси съ Персіей, тт. I—III (1588—1621), Труды Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ., тт. XX, XXI и XXII; 11) Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россійскимъ и Китайскимъ государствами съ 1619 по 1792 г., составленное *Н. Бантышъ-Каменскимъ*, Казань, 1882.

Указы государей.

Московскіе великіе князья и государи издаютъ цѣлый рядъ распоряженій или указовъ сначала въ устной формѣ, а потомъ все чаще—въ письменной. Въ послѣднемъ случаѣ эти распоряженія носятъ названіе государевыхъ грамотъ. Число этихъ грамотъ изъ года въ годъ возрастаетъ въ зависимости отъ расширенія территоріи и усложненія управленія. По характеру своему, указныя грамоты не заключаютъ общихъ правилъ или общихъ нормъ. Московскіе государи еще не сознаютъ, что ихъ воля можетъ творить право. Въ ихъ глазахъ всякое право должно имѣть санкцію старины. Поэтому въ своихъ указахъ они даютъ частныя или мѣстныя распоряженія

по тѣмъ или инымъ вопросамъ управленія и суда. Но этими распоряженіями они создаютъ указную практику, на почвѣ которой могутъ выработаться мало по малу общія нормы. Только эти условія правообразованія выясняютъ возникновеніе тѣхъ или другихъ институтовъ и учрежденій въ московскомъ правѣ. Въ силу этого изученіе указной дѣятельности правительства получаетъ первостепенное значеніе.

Но число сохранившихся правительственныхъ грамотъ весьма обширно. Многія изъ нихъ уже изданы, но еще большее ихъ количество хранится въ архивахъ. Отсюда естественное желаніе изслѣдователей установить какую либо классификацію грамотъ, раздѣлить ихъ на группы по содержанію, чтобы изучать каждую группу въ отдѣльности. Изъ различныхъ предложенныхъ классификацій грамотъ, едва ли не самою удачною является классификація, предложенная проф. В.-Будановымъ, хотя ее надлежитъ дополнить нѣкоторыми рубриками, а именно, кромѣ грамотъ жалованныхъ и уставныхъ, въ нее слѣдуетъ еще включить грамоты духовныя и грамоты, адресованныя на имя отдѣльныхъ должностныхъ лицъ, какъ то: таможенныя грамоты, наказы воеводамъ и т. п.

Духовныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей и княгинь содержатъ распоряженія завѣщателей о распредѣленіи волостей и селъ и движимаго имущества между наслѣдниками. По своему значенію эти княжескія завѣщанія тѣмъ только отличаются отъ духовныхъ завѣщаній частныхъ лицъ, что содержатъ распоряженія относительно раздѣла государственной территоріи и правительственныхъ доходовъ между сонаслѣдниками. Но эти правительственныя распоряженія, стоящія рядомъ и въ перемежку съ частно-хозяйственными распоряженіями о раздѣлѣ недвижимой и движимой собственности, всего отчетливѣе рисуютъ, насколько шатка еще граница между публично-правовыми и частно-правовыми отношеніями. Въ качествѣ историческаго источника, княжескія завѣщанія особенно важны при изученіи территоріальнаго роста Московскаго государства и для выясненія подробностей придворнаго управленія. Начиная съ Калиты, сохранилось 14 духовныхъ отъ великихъ князей московскихъ, отъ нѣкоторыхъ при томъ по двѣ и даже три (Вас. Дмитр.); не дошла только духовная Ва-

силія Ивановича. Кромѣ того, сохранилось до 20 духовныхъ отъ удѣльныхъ князей и княгинь. Всѣ княжескія духовныя изданы въ Собр. Гос. Грам. и Дог., т. I, а духовная Грознаго въ Доп. къ Акт. Ист., т. I, № 222.

Б. Чичеринъ. Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей; *В. Дебольскій.* Духовныя и договорныя грамоты московскихъ князей, какъ историко-географическій источникъ, 1901 и 1903 гг.

Жалованныя грамоты составляютъ самую обширную группу различныхъ указовъ. Названіе „жалованная грамота" указываетъ, что данное распоряженіе содержитъ какое то пожалованіе или какую то милость отдѣльнымъ лицамъ, учрежденіямъ или группѣ населенія. Въ этомъ смыслѣ всякое распоряженіе, изданное по челобитью просителей, можетъ быть названо пожалованіемъ. Такъ, напр., уставныя грамоты издаются по челобитьямъ заинтересованныхъ, а потому въ текстѣ ихъ обычно встрѣчается выраженіе: „вел. князь пожаловалъ своихъ людей такихъ то". Но по своему содержанію уставныя грамоты составляютъ особую группу грамотъ. Къ жалованнымъ грамотамъ въ родовомъ значеніи, по классификаціи проф. В.-Буданова, относятся три вида грамотъ, различающихся по предметамъ пожалованій: 1) *жалованныя грамоты въ тѣсномъ смыслѣ,* которыми даруются частнымъ лицамъ, чаще монастырямъ и духовнымъ властямъ, недвижимыя имущества или же укрѣпляются права на недвижимое имущество. Значеніе этихъ грамотъ сводится къ тому, что ими дополняется матеріалъ для изученія вопроса о сосредоточеніи недвижимыхъ имуществъ въ рукахъ духовенства и монастырей. Нерѣдко къ пожалованію недвижимаго имущества или укрѣпленію правъ на него присоединяется пожалованіе какихъ либо льготъ; въ такомъ случаѣ жалованныя грамоты перваго вида переходятъ въ грамоты 2-го вида.

2) *Жалованныя грамоты льготныя* или привилегіи (priva lex) содержатъ какія либо изъятія въ пользу получающаго пожалованіе отъ общихъ порядковъ суда или податныхъ обязанностей. Эти изъятія могутъ быть весьма разнообразны. Въ области суда льготы заключались въ томъ, что населеніе, проживающее въ имѣніи получившаго льготу, освобождалось

отъ подсудности областному правителю и судилось самимъ землевладѣльцемъ; послѣдній же подлежалъ суду великаго князя или его боярина введеннаго или дворецкаго; въ судныхъ же дѣлахъ населенія вотчины съ посторонними образовывался *обчій* или *смѣстный* судъ. Освобожденіе отъ подсудности мѣстнымъ властямъ можетъ быть полнымъ или ограниченнымъ. Съ половины XV в. вотчинный судъ землевладѣльца не распространялся на дѣла о разбоѣ, душегубствѣ и татьбѣ съ поличнымъ, которыя остаются въ вѣдомствѣ мѣстныхъ властей. Льготы податныя могутъ быть еще разнообразнѣе. Прежде всего землевладѣльцу можетъ быть предоставлено право самому собирать всѣ сборы съ населенія своего имѣнія и доставлять эти сборы въ Москву. Въ этомъ случаѣ всякіе сборщики налоговъ не имѣютъ права въѣзда въ предѣлы имѣнія. Далѣе, льгота можетъ состоять въ томъ, что съ населенія имѣнія, вмѣсто различныхъ колеблющихся по размѣрамъ сборовъ и повинностей, взимается одна опредѣленная сумма подъ именемъ оброка. Наконецъ, населеніе даннаго имѣнія можетъ быть освобождено отъ нѣкоторыхъ или всѣхъ податей и повинностей обыкновенно на какой либо опредѣленный срокъ. Освободить отъ податей технически обозначалось терминовъ „обѣлить" или татарскимъ словомъ „отарханить". Поэтому льготныя грамоты отъ податей назывались еще *обѣльными* или *тарханными*, или же просто *тарханами*. Льготы судебныя и податныя нерѣдко совмѣщались, особенно въ жалованныхъ грамотахъ монастырямъ, хотя встрѣчаются и весьма разнообразныя комбинаціи льготъ. Полная льгота создавала и у насъ порядки и отношенія, весьма близкіе съ западно-европейскимъ иммунитетомъ. Важное значеніе жалованныхъ льготныхъ грамотъ явствуетъ уже изъ того, что онѣ представляютъ благопріятную почву для возникновенія сословныхъ привилегій, какъ это было на западѣ Европы. Хотя у насъ почва для возникновенія сословныхъ привилегій оказалась менѣе благопріятной, но все же нѣкоторыя изъ пожалованій получили характеръ общихъ нормъ. Напр., предоставляемое по жалованнымъ грамотамъ землевладѣльцамъ право судить населеніе своихъ имѣній и взимать съ него подати вошло готовымъ элементомъ въ составъ крѣпост-

ного права на крестьянъ вотчинъ и помѣстій. Съ другой стороны, укоренившаяся практика пожалованій нерѣдко оказывала серьезное противодѣйствіе противоположнымъ мѣропріятіямъ правительства. Такъ, Судебникъ 2-й, духовные соборы 1580 и 1584 гг. предписали уничтоженіе тарханъ; а на соборахъ категорически запрещенъ и дальнѣйшій ростъ монастырскаго землевладѣнія. Но выборные на соборѣ 1648 г. жаловались, что эти предписанія не исполнены, и просили у духовныхъ властей и монастырей отобрать земли, которыя пріобрѣтены ими послѣ 1580 г., такъ какъ въ „соборномъ дѣлѣ уложенье написано, что съ тѣхъ мѣстъ въ монастыри вотчинныхъ земель отнудъ не давать, а власти къ тому приговору и руки свои приложили, что имъ и впредъ, кто по нихъ иные власти будутъ, никакихъ земель въ монастыри не имать“ (Ак. Эксп., т. IV, № 33). Хотя Уложеніе подтвердило запретъ давать всякія вотчины въ монастыри (XVII, 42), но ни откуда не видно, чтобы челобитье выборныхъ объ отобраніи земель было исполнено. Но помимо только что указаннаго значенія, льготныя грамоты имѣютъ еще и въ другомъ отношеніи огромную важность при изученіи юридическаго быта. Установляя тѣ или иныя изъятія изъ общаго порядка въ пользу получающихъ пожалованія, эти грамоты косвенно рисуютъ картины общаго порядка, сохраняющаго значеніе для всѣхъ не пользующихся привилегіей. Такъ, напр., при установленіи податныхъ льготъ, грамоты подробно перечисляютъ разные виды податей и повинностей, отъ которыхъ освобождаются пожалованные. Благодаря этимъ косвеннымъ указаніямъ, можно выяснить, какія именно подати и повинности существовали за данное время, въ данномъ мѣстѣ. Точно такъ же можно дѣлать заключенія о порядкѣ общей подсудности и т. п.

3) *Жалованныя грамоты охранительныя* или *заповѣдныя* выдавались заинтересованнымъ по ихъ просьбѣ въ огражденіе принадлежащихъ имъ правъ, нерѣдко съ угрозой наказаніемъ противъ нарушителей. Поэтому такія грамоты называются еще *опасными* или *бережельными*. Такъ, напр., проситель жаловался, что „вотчинишка его, бортной ухожей, на Унжѣ, и сторонніе люди его обидятъ, въ вотчину его ходятъ насильствомъ, борти дерутъ и лѣсъ сѣкутъ“; онъ про-

силъ противъ обидчиковъ дать ему береженную грамоту, каковая и выдана (Ак. Юр. № 359). Уложеніе предписываетъ выдавать опасныя грамоты тѣмъ, кто будетъ о томъ просить, противъ похваляющихся смертнымъ убойствомъ съ заповѣдью въ 5—7 тысячъ рубл. (X, 133). Отсюда отнюдь не слѣдуетъ, что безъ такихъ грамотъ нельзя было защищать своихъ правъ судомъ; грамоты лишь подтверждаютъ за просителемъ такое право на судебную охрану. Но изъ этихъ подтвержденій явствуетъ и то общее правило, которое должно быть примѣнено и въ частномъ случаѣ въ силу заповѣдной или опасной грамоты. Къ этому же типу грамотъ могутъ быть отнесены и *правыя грамоты*, какъ содержащія примѣненіе, въ силу судебнаго рѣшенія, общаго правила къ частному случаю.

Уставныя грамоты по формѣ своей нерѣдко были пожалованіями, но по содержанію тѣмъ отличаются отъ жалованныхъ грамотъ, что опредѣляютъ устройство и порядокъ дѣятельности органовъ мѣстнаго управленія. По различію органовъ, учрежденія которыхъ нормируются въ уставныхъ грамотахъ, онѣ раздѣляются на три вида.

1) *Уставныя грамоты намѣстничьяго управленія* имѣли въ виду поставить въ нѣкоторыя правомѣрныя границы дѣятельность намѣстниковъ и волостей и оградить населеніе области отъ ихъ злоупотребленій: намѣстники должны были „ходити“ по уставнымъ грамотамъ. Онѣ писались поэтому на имя мѣстныхъ жителей и явились въ ихъ рукахъ средствомъ контроля надъ дѣятельностью намѣстника и его людей. Въ уставныхъ грамотахъ исчислялись всѣ обязанности населенія по отношенію къ намѣстникамъ, а именно: установлялись размѣры уплачиваемыхъ въ ихъ пользу судебныхъ пошлинъ, корма и иныхъ сборовъ и доходовъ, а также способъ взиманія ихъ; опредѣлялся численный составъ „пошлинныхъ людей“ у намѣстника, т. е. тіуновъ, доводчиковъ и пр.; порядокъ жалобъ на намѣстниковъ; воспрещался самосудъ въ связи съ обязанностью даваться подъ судъ намѣстнику; указывались нѣкоторыя правила судопроизводства и т. д. Намѣстники же и волостели, въ огражденіе ихъ интересовъ и для устраненія споровъ съ жителями, получали „доходные списки“, по которымъ и взимали съ населенія всякіе сборы. О назна-

ченіи намѣстника населеніе увѣдомлялось особой грамотой, въ которой указывалось, что государь пожаловалъ такого то тaкимъ то городомъ или волостью въ кормленіе, „и вы всѣ люди чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ, и ходитъ, какъ было за прежними намѣстниками“ или „по старой пошлинѣ“, причемъ иногда прибавлялось такое разъясненіе: „а доходъ бы есте ему давали по своей уставной грамотѣ; а не будетъ у васъ уставной грамоты, и вы бъ ему доходъ давали по его доходному списку“ (Ак. Юшкова, № 213). Отсюда видна та близкая связь, какая существовала между уставной грамотой и доходнымъ спискомъ.

2) *Губныя грамоты* опредѣляли составъ и порядокъ дѣятельности учрежденій, возникшихъ въ 20-хъ и 30-хъ гг. XVI в., по челобитьямъ самого населенія, для сыска и казни разбойниковъ и лихихъ людей. Ранѣе эти дѣла состояли въ вѣдомствѣ намѣстниковъ, у которыхъ, однако, не оказалось достаточныхъ средствъ для уголовно-полицейскаго сыска. Поэтому жители отдѣльныхъ округовъ и хлопотали о разрѣшеніи имъ самимъ „сыскивати промежь себя“ лихихъ людей и выбрать для этой цѣли губныхъ старостъ и цѣловальниковъ. По этимъ челобитьямъ и выдавались губныя грамоты, въ которыхъ давались указанія, кого и какъ выбирать въ составъ губныхъ учрежденій, какъ выборныя лица должны были производить сыскъ и при наличности какихъ условій подвергать казни лихихъ людей. Губныя грамоты впервые выдѣлили въ нашемъ старомъ правѣ уголовную юстицію (сыскъ) отъ состязательнаго процесса (суда).

3) *Уставныя земскія грамоты* появляются въ самомъ началѣ второй половины XVI в. и опять по челобитьямъ населенія. На этотъ разъ населеніе просило о полной отмѣнѣ намѣстничьяго управленія съ передачей всѣхъ дѣлъ суда, податнаго и полицейскаго управленія въ руки излюбленныхъ головъ и цѣловальниковъ. Въ грамотахъ и опредѣлялся составъ, порядокъ избранія и вѣдомство новыхъ земскихъ учрежденій и отношеніе ихъ къ губному вѣдомству.

О видахъ грамотъ и ихъ классификаціи см. *В.-Будановъ.* Обзоръ, 217—222; *Н. П. Загоскинъ.* Исторія права Московскаго государства, т. I, 39—58; Уставныя грамоты XIV—

XVI вв., 10—24; *Д. М. Мейчикъ.* Грамоты и другіе акты XIV и XV вв. Московскаго Архива Министерства Юстиціи, Опис. док. и бум. Москов. Арх. Мин. Юст., т. IV, 1884, и отд., 1—25; *М. Липинскій.* Рец. на соч. Мейчика, Ж. М. Н. Пр., 1885, № 9; *М. Ясинскій.* Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства, 1889, 1—36.

О жалованныхъ грамотахъ: *А. Горбуновъ.* Льготныя грамоты, жалованныя монастырямъ и церквамъ въ XIII, XIV и XV вв., Арх. истор. и практ. свѣд., изд. Калачовымъ, 1860—61 г., кн. I, V и VI; здѣсь разсмотрѣны всѣ изданныя до тѣхъ поръ 230 грамотъ, данъ ихъ сводъ съ указаніемъ актовъ, гдѣ онѣ напечатаны; *Мейчикъ* въ назв. соч. указываетъ еще 110 такихъ грамотъ. Жалованныя грамоты еще изданы въ прил. къ соч. проф. *М. И. Горчакова*: О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, 1871, и въ изд. *А. Юшкова*: Акты XIII—XVII вв., представленные въ Разрядный приказъ, Чтен. Общ. ист. и древн., 1898, кн. II—IV. Ср. еще: *Н. П. Павловъ-Сильванскій*, Иммунитетъ въ удѣльной. Руси, Ж. М Н. Пр., 1900, дек., и отд.; Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси, Ж. М. Н. Пр., 1901, іюль и 1902, янв., и отд.; Феодолизмъ въ древней Руси, 07; *Ѳ. В. Тарановскій.* Феодализмъ въ Россіи, 1902 г. *В. Сергѣевичъ.* Древности русск. права, т. III, 291,—304 и 469—475; *В.-Будановъ.* Обзоръ, 292—298.

Объ уставныхъ грамотахъ намѣстничьяго управленія: *Н. П. Загоскинъ.* Уставныя грамоты XIV—XVI вв., опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія, вып. 1 и 2, 1875—76 г.; во 2-мъ вып. данъ сведенный текстъ всѣхъ 15-ти грамотъ; Уставная грамота Устьянскимъ волостямъ 1539 г., Чтенія Общ. Ист. и др., 07, № 1, смѣсь, 47—51. Двѣ древнѣйшихъ уставныхъ грамоты — Двинская 1398 и Бѣлозерская 1488 гг. напечатаны въ Христ. В.-Буданова, вып. I и II. Доходные списки, изд. въ Акт. Юшкова, № 69, 75, 124, 194 и 229; тамъ же значительное число грамотъ, увѣдомляющихъ населеніе о назначеніи намѣстниковъ. Еще *Д. Самоквасовъ.* Архивный матеріалъ, М., 04, 177.

Объ уставныхъ губныхъ и земскихъ грамотахъ: *В. Ерлыковъ.* Сличенный текстъ всѣхъ доселѣ напечатанныхъ губныхъ грамотъ XVI и XVII вв., Чтен. Общ. ист. и древн., 1846, кн. 2-я; *Н. Шалфеевъ.* Объ уставной книгѣ Разбойнаго приказа, 1868; *Н. Ретвихъ.* Органы губнаго управленія въ XVI и XVII вв., Сборн. правов. и обществ. знаній, кн. VI; *С. Шумаковъ.* Губныя и земскія грамоты Московскаго государства, 1895; здѣсь и сводный ихъ текстъ. Всѣхъ губныхъ грамотъ издано до сихъ поръ 13; древнѣйшая Бѣлозерская 1539 г. напечатана и въ Христ. В.-Буданова, вып. II,

гдѣ данъ и полный ихъ указатель съ пропускомъ лишь грамоты жителямъ Слободскаго городка на Вяткѣ 1540 г., изд. въ Древн. актахъ Вятскаго края, № 16. Всѣхъ земскихъ грамотъ издано 12; одна изъ болѣе раннихъ, Важская 1552 г., у В.-Буданова, Христ., вып. II, гдѣ и перечень грамотъ съ пропускомъ: 1) Уставной грам. Соли Переяславской посадскимъ людямъ 1555 г. авг. 11, у Шумакова, стр. 112, и 2) Уставной Торопецкой грамоты 7099 г., изд. въ прил. къ соч. *И. И. Побойнина*: Торопецкая старина, 1902. Еще земская уставная грамота Усольскаго уѣзда отписной сошки Луцкой Пермцы, подтвержденная 1616 г., Чтенія Общ. ист. и др., 07, № 1, смѣсь, 40—47.

Московскіе законодательные сборники и указныя книги.

Судебникъ 1497 г. въ единственномъ сохранившемся спискѣ не носитъ такого названія, а имѣетъ лишь слѣдующій заголовокъ: „Лѣта 7006 мѣсяца септемврія уложилъ князь великій Иванъ Васильевичь всея Руси съ дѣтми своими и съ бояры о судѣ, какъ судити бояромъ и околничимъ“. Въ двухъ лѣтописныхъ замѣткахъ онъ названъ Судебникомъ, и это названіе за нимъ упрочилось по аналогіи со вторымъ Судебникомъ. Объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ изданіе перваго Судебника, и о порядкѣ его составленія ничего неизвѣстно. Лишь въ одной изъ лѣтописныхъ замѣтокъ сказано, что вел. князь „уложилъ судъ судити бояромъ по Судебнику Володимера Гусева“. Этотъ дьякъ въ слѣдующемъ же году былъ казненъ за участіе въ заговорѣ противъ внука вел. князя, Дмитрія. Нужно думать, что съ объединеніемъ государства все болѣе ощущалась недостаточность наличныхъ мѣстныхъ (указныхъ и иныхъ) нормъ, и это естественно навело на мысль имѣть общій сборникъ правилъ для всей территоріи государства.

Первый опытъ московскаго законодательства нельзя назвать удачнымъ: Судебникъ 1-й очень кратокъ и бѣденъ содержаніемъ даже по сравненію съ Р. Правдой, не говоря уже о Псковской судной грамотѣ. Его содержаніе почти исключительно процессуальное: намѣтить основныя начала отправленія правосудія и поставить ихъ подъ контроль центральной власти — вотъ главнѣйшая цѣль законодателя. Въ Судебникѣ идетъ рѣчь сначала о судѣ центральномъ (судъ бояръ, окольничихъ, великаго князя и его дѣтей), затѣмъ о судѣ намѣстниковъ въ го-

родахъ; въ концѣ помѣщены немногія случайныя нормы матеріальнаго права, подъ особыми заголовками: „о займѣхъ“, „о христіанскомъ отказѣ“, „о чюжеземцехъ“, „о изгородахъ“ и проч. Такой порядокъ статей вызвалъ мысль о системѣ Судебника, по которой его содержаніе распадается на три указанныхъ части, съ 4-ою дополнительною. Едва ли, однако, умѣстно называть подобный порядокъ системою, тѣмъ болѣе, что онъ далеко не выдержанъ: среди статей о судѣ центральномъ помѣщена статья „о намѣстничѣ указѣ“ и рядъ уголовныхъ постановленій—„о татбѣ“, „о татехъ“, „о татиныхъ рѣчехъ“, изъ которыхъ только одно первое дословно повторено въ отдѣлѣ о судѣ намѣстниковъ, подъ заглавіемъ: „о татѣхъ указъ“. Съ внѣшней стороны статьи въ подлинникѣ раздѣлены заглавіями, писанными киноварью. Первые издатели памятника насчитали такихъ статей 36. Но не всѣ статьи имѣютъ заглавія; иныя лишь начинаются съ новой строки красною буквой; другія писаны въ строку подъ общимъ заголовкомъ съ предшествующими, хотя не имѣютъ къ нимъ никакого отношенія. Напр., подъ заголовкомъ „о чюжеземцехъ“ сначала изложено правило о искахъ между чужеземцами, потомъ о подсудности духовенства, наконецъ, о порядкѣ наслѣдованія безъ завѣщанія. Впервые проф. В.-Будановъ раздѣлилъ памятникъ на статьи по различію содержанія и насчиталъ такихъ статей 68.

Источниками Судебника являются, главнымъ образомъ, прежніе юридическіе сборники—Р. Правда и Псковская судная грамота, а также княжескія грамоты, опредѣлявшія порядокъ мѣстнаго управленія и суда. Изъ Р. Правды несомнѣнно взята статья „о займѣхъ“ (55), опредѣляющая послѣдствія торговой несостоятельности почти буквально словами источника. Въ статьѣ „о полной грамотѣ“ (66) указываются источники холопства (тіунство и ключничество), извѣстные и Правдѣ, но съ измѣненіями по существу и въ другой редакціи. Изъ Псковской грамоты взято до 9 статей, но съ измѣненіями. Многое редактору Судебника казалось не яснымъ или осталось не понятнымъ: выраженіе „живота не дати“ онъ поясняетъ другимъ—„казнити смертною казнію“; терминъ „истецъ“ онъ понимаетъ по московски, въ смыслѣ „ищеи“, и иногда

дополняетъ его выраженіемъ: „или отвѣтчикъ“, тогда какъ въ грамотѣ этимъ терминомъ обозначается вообще сторона въ процессѣ, и дополненіе оказывается излишнимъ и затемняющимъ смыслъ нормы. Оригинальный институтъ послушества московскій рецепторъ совершенно исказилъ: онъ знаетъ послуха—свидѣтеля, который обязанъ явиться въ судъ и можетъ нанимать за себя наймита на поединокъ, но въ тоже время беретъ изъ грамоты понятіе о послухѣ—пособникѣ, который по самому существу долженъ былъ всегда дѣйствовать лично и не могъ замѣнить себя никѣмъ другимъ. Такое заимствованіе вовлекло редактора въ непримиримое противорѣчіе. Однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ Судебника были уставныя грамоты намѣстничьяго управленія, хотя содержаніе ихъ Судебникомъ далеко не исчерпано. Поэтому онѣ не утратили своей силы и послѣ изданія Судебника, который предписываетъ въ иныхъ случаяхъ поступать по грамотамъ и лишь за отсутствіемъ ихъ примѣнять содержащіяся въ немъ постановленія (ст. 38 и 44). Наконецъ, немногія нормы взяты изъ обычнаго права, напр., понятіе о лихомъ человѣкѣ, о давности, о крестьянскомъ отказѣ и др.

Бѣдность содержанія Судебника 1-го неизбѣжно требовала его дополненія. Изъ позднѣйшихъ памятниковъ извѣстно, что вел. князь Василій Ивановичъ издалъ, напр., уложеніе о вотчинахъ и уставъ о слободахъ, которые не сохранились. Въ 1550 г. изданъ **новый Судебникъ**. Въ его заголовкѣ сказано, что царь Иванъ Васильевичъ, „съ своею братьею и съ бояры, сесь Судебникъ уложилъ“ въ іюнѣ 7058 лѣта. Но изъ рѣчи царя на Стоглавомъ соборѣ 1551 г. извѣстно, что царь представилъ собору новый Судебникъ и уставныя грамоты, просилъ прочесть ихъ и разсудить и, если дѣло будетъ признано достойнымъ, скрѣпить ихъ подписями для храненія въ казнѣ. Значитъ, царь считалъ нужнымъ получить отъ собора санкцію вновь составленнаго Судебника. Какъ отнесся соборъ къ этому предложенію, остается неизвѣстнымъ, а потому и нельзя сказать, въ какой мѣрѣ точно переданъ въ заглавіи Судебника порядокъ его изданія. Изъ той-же рѣчи царя раскрываются и поводы къ переизданію Судебника. Царь вспоминалъ, что „въ предыдущее лѣто“ онъ благословился у пред-

ставителей церкви „Судебникъ исправити по старинѣ“. Предыдущее лѣто—это 7058 годъ, обнимающій, по нашему счисленію, періодъ времени съ 1 сент. 1549 г. по 1 сент. 1550 г. Къ этому году пріурочивали созваніе земскаго собора, на которомъ и могъ быть возбужденъ вопросъ объ исправленіи стараго Судебника. Эта догадка находитъ косвенное подтвержденіе въ сопоставленіи краткихъ указаній объ этомъ соборѣ 1549 г., (можетъ быть, это былъ церковно-земскій соборъ, приближающійся по составу къ Стоглавому собору), сохранившихся, впрочемъ, лишь въ позднѣйшемъ и интерполированномъ памятникѣ, съ нѣкоторыми новшествами Судебника 2-го. Царь говорилъ, между прочимъ, на соборѣ, что его бояре и вельможи впали во многія корысти и хищенія, называлъ ихъ лихоимцами, хищниками, творящими неправедный судъ; но въ то же время онъ призналъ, что всѣхъ обидъ и разореній, происшедшихъ отъ безсудства и лихоиманія властей, исправить невозможно, и просилъ оставить „другъ другу вражды и тяготы“. На Стоглавомъ соборѣ царь подтвердилъ, что онъ заповѣдалъ боярамъ „помиритися на срокъ“ по всѣмъ дѣламъ „со всѣми христіаны“ своего царства, и бояре, приказные люди и кормленщики „со всѣми землями помирилися во всякихъ дѣлѣхъ“. Это извѣстіе толкуется въ томъ смыслѣ, что въ виду массы жалобъ и исковыхъ требованій, предъявленныхъ на намѣстниковъ, волостелей и иныхъ судей, правительство оказалось не въ силахъ разобрать всѣ эти дѣла судебнымъ порядкомъ и предписало окончить ихъ полюбовнымъ соглашеніемъ. Значительное же число исковъ на неправедный судъ слѣдуетъ объяснить не только безпорядками боярскаго правленія въ малолѣтство Грознаго, но и недостаточностью установленныхъ въ огражденіе нелицепріятнаго суда правилъ Судебника 1-го. Въ немъ имѣются только три статьи (1, 2 и 67), которыми запрещено судьямъ дружить или мстить судомъ, брать посулы и отказывать въ правосудіи, а тяжущимся—давать посулы; но эти запреты не имѣли никакой санкціи. Отсюда постоянная трудность въ разрѣшеніи дѣлъ по жалобамъ на намѣстниковъ. На этотъ существенный недостатокъ и было обращено, прежде всего, вниманіе при исправленіи Судебника. Царь указалъ Стоглавому собору, что

онъ „Судебникъ исправилъ и великие заповѣди написалъ, чтобы то было прямо и бережно и судъ-бы былъ праведенъ и безпосулно во всякихъ дѣлехъ“ Это указаніе вполнѣ подтверждается сравненіемъ новаго Судебника со старымъ: въ немъ, вмѣсто прежнихъ трехъ статей безъ всякой санкціи, помѣщено до 10 статей (3—8, 11, 32—34), установляющихъ наказанія за неправильныя обвиненія, посулы и отказъ въ правосудіи, и до 5 статей (44, 47, 54, 66, 74), облагающихъ наказаніями различныя неправильности въ судопроизводствѣ. Въ этомъ заключается одно изъ существенныхъ отличій новаго Судебника.

Общее сравненіе его съ прежнимъ убѣждаетъ въ томъ, что послѣдній положенъ въ основу новаго памятника и является важнѣйшимъ его источникомъ. Даже порядокъ расположенія статей удержанъ прежній, но статьи правильнѣе одна отъ другой отдѣлены и перенумерованы. Всего статей въ Судебникѣ 2-мъ 100, противъ 68 стараго. Излишекъ статей содержитъ дополненія и новости. Нѣкоторыя дополненія заключаются и въ параллельныхъ статьяхъ; напр., правило „о христіанскомъ отказѣ“, кромѣ условія о срокѣ и уплатѣ пожилого за пользованіе дворомъ, установляетъ цѣлый рядъ добавочныхъ нормъ—о платѣ за повозъ, о правѣ крестьянина на оставленную въ землѣ рожь, о продажѣ крестьяниномъ себя съ пашни въ холопство внѣ срока и безъ уплаты пожилого. Новыя статьи или обнимаютъ нормы, обезпечивающія праведный судъ (сюда, помимо вышеуказаннаго, слѣдуетъ еще отнести обязанность намѣстниковъ нести отвѣтственность и за всѣхъ ихъ людей, а также установленіе годовой давности для исковъ на намѣстниковъ, — знакъ, что правительство и впредь ожидало наплыва такихъ исковъ), или же касаются совершенно новыхъ вопросовъ, не затронутыхъ въ старомъ Судебникѣ (правила о родовомъ выкупѣ, о служилой кабалѣ, объ отмѣнѣ тарханныхъ грамотъ и др.). Дополнительныя правила и новыя статьи могли быть заимствованы или изъ обычной практики, или изъ какихъ-либо несохранившихся до насъ указовъ.

И послѣ всѣхъ этихъ дополненій Судебникъ 2-й сохранилъ, однако, значеніе сборника правилъ судопроизводства, съ

сравнительно бѣднымъ содержаніемъ нормъ матеріальнаго права. Восполненіемъ этого недостатка по прежнему могъ служить живой обычай. Судебникъ 2-й кладетъ впервые серьезное ограниченіе такой практикѣ: онъ предписываетъ всякія дѣла судить и управу чинить „по тому, какъ царь и великій князь въ семъ своемъ Судебникѣ уложилъ“ (ст. 97). Относительно дѣлъ новыхъ, которыя „въ семъ Судебникѣ не написаны“, установленъ докладъ государю и боярамъ: „и какъ тѣ дѣла, съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору, вершатся, и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписывати“ (ст. 98). Правило о докладѣ новыхъ дѣлъ едва-ли могло быть въ точности выполнено; иначе надо было-бы допустить, что царь и его дума сейчасъ же послѣ изданія Судебника были завалены огромнымъ числомъ законодательныхъ вопросовъ, о чемъ не сохранилось никакихъ указаній.

Судебникъ 1-й найденъ въ 1817 г. Калайдовичемъ и Строевымъ и изданъ въ 1819 г. вмѣстѣ съ Судебникомъ 2-мъ (изданіе повторено въ 1878 г.). Ранѣе онъ былъ извѣстенъ только въ неполныхъ выдержкахъ, помѣщенныхъ въ запискахъ Герберштейна. Судебникъ 2-й найденъ въ 1734 г. Татищевымъ, который подобралъ нѣсколько дополнительныхъ къ нему указовъ, снабдилъ все это примѣчаніями и представилъ рукопись въ Академію наукъ. Трудъ Татищева изданъ только въ 1768 г., когда появилось въ свѣтъ изданіе Судебника Башиловымъ.

Списковъ Судебника 2-го найдено нѣсколько, тогда какъ Судебникъ 1-й до сихъ поръ извѣстенъ въ одномъ лишь спискѣ. Лучшія изданія Судебниковъ въ Ак. Ист., т. I, №№ 105 и 153, и еще въ Христ. В.-Буданова, вып. II. Ср., однако, указанія Н. П. Павлова—Сильванскаго въ ст. Погрѣшности Актовъ Археографической Экспедиціи, 22—26, Лѣт. зан. Арх. Комм., вып. XVII, 07. См. *Загоскинъ*. Исторія права, I, 58—70; *В.-Будановъ*. Обзоръ, 222—226; *Н. Калачовъ*. О Судебникѣ царя Іоанна Васильевича, Юр. Зап. Рѣдкина, т. I; *И. Ждановъ*. Церковно-земскій соборъ 1551 г., Ист. Вѣстн., 1880, № 2 и соч. I; *В. Ключевскій*. Составъ представительства на земскихъ сборахъ, Русск. Мысль, 1890, № 1; *С. Платоновъ*. Рѣчи Грознаго на земскомъ соборѣ 1550 г., Ж. М. Н. Пр., 1900, № 3.

Указныя книги приказовъ заключаютъ въ себѣ дополнительные указы къ Судебнику 2-му, издававшіеся въ порядкѣ, установленномъ ст. 98 Суд.: „А которые будутъ дѣла новые, а въ семъ Судебникѣ не написаны, и какъ тѣ дѣла, съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору, вершатся, и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписывати". Это правило налагало на всѣ центральныя учрежденія (приказы) обязанность докладывать государю и боярамъ по всѣмъ дѣламъ, которыя не могли быть ими окончательно разрѣшены. Такой докладъ могъ состояться по каждому отдѣльному дѣлу или по цѣлому ряду вопросовъ, возникшихъ въ приказной практикѣ. Въ послѣднемъ случаѣ каждый вопросъ записывался особою статьею, такъ что докладъ состоялъ изъ нѣсколькихъ статей и назывался статейнымъ спискомъ. Но и этотъ способъ доклада по статьямъ не устранялъ чрезвычайной казуистичности возбуждаемыхъ законодательныхъ вопросовъ, которые и разрѣшались государемъ и боярами каждый въ отдѣльности. Рѣшеніе по дѣлу или указъ и боярскій приговоръ на представленный докладъ сообщался докладчику иногда только устно или большею частью письменно помѣчался на самомъ докладѣ краткою формулой. Окончательная же формулировка придавалась указу въ томъ приказѣ, которымъ возбужденъ докладъ, и въ такомъ видѣ указъ заносился въ экземпляръ Судебника, принадлежавшій тому приказу, изъ котораго возбужденъ былъ докладъ. Никакихъ правилъ относительно обнародованія указовъ или, по крайней мѣрѣ, о сообщеніи ихъ въ другіе приказы и подвѣдомственныя имъ учрежденія не существовало. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ предписывалось „бояромъ, въ своемъ приказѣ, всѣмъ людемъ давати управа по сему государеву указу; и изъ своего приказа во всѣ городы, къ намѣстникомъ и ко всѣмъ судіямъ, разослати грамоты, чтобъ приказу его всѣмъ людемъ тотъ государевъ приговоръ вѣдомъ былъ" (А. И., т. I, № 154, VII). Еще рѣже принимались мѣры къ всенародному объявленію указовъ, какъ было, напр., предписано въ 1552 г., „по цареву и вел. князя слову по торгомъ кликати: чтобъ православніи христіане, отъ мала и до велика, именемъ Божіимъ во лжу не клялись, и накривѣ креста не цѣловали"

и пр. (тамъ же, № 154, II). Сравнительно чаще бывало, что приказъ, получившій государевъ указъ, сообщалъ о немъ въ нѣкоторые другіе приказы особою „памятью“. Обычно же и этого не дѣлалось, и дѣло ограничивалось выполненіемъ повелѣнія: „и казначеемъ велѣти то въ Судебникъ написати“; или: „да написати въ Судебникъ къ холопью суду“; или и еще проще: „царь и вел. князь приказалъ казначеемъ о судѣ“ (тамъ же, № 154, IV, V, 16, XII). Результатомъ такой законодательной практики явилось то, что у каждаго приказа возникла своя особая записная книга указовъ, отличающаяся отъ подобныхъ же книгъ во всѣхъ другихъ приказахъ. А это въ свою очередь имѣло своимъ слѣдствіемъ, что законодательный вопросъ, уже рѣшенный разъ по докладу какого либо приказа, могъ быть возбужденъ во второй разъ, въ третій и т. д. другими приказами, которые ничего не знали объ изданномъ указѣ. Это отсутствіе экономіи въ законодательной дѣятельности осложнялось еще тѣмъ, что у государя и его думы не было собственной канцеляріи, гдѣ записывались бы изданные указы. При такихъ условіяхъ государь и бояре могли и не знать, что такой же или подобный вопросъ они уже раньше рѣшали; или же могли не вспомнить, какъ онъ былъ разрѣшенъ. Такой порядокъ неизбѣжно долженъ былъ привести къ несогласію и даже прямому противорѣчію въ указахъ. Съ другой стороны, каждая такая указная книга представляла собою unicum и утрата ея означала окончательную гибель содержащагося въ ней всего законодательнаго матеріала, возстановить который не представлялось возможнымъ. Въ 1626 г. сгорѣлъ Помѣстный приказъ и погибла большая часть его дѣлъ, въ томъ числѣ и указная книга приказа. Не смотря на всѣ старанія возстановить изъ спасенныхъ дѣлъ и изъ дѣлъ другихъ приказовъ изданные указы о помѣстьяхъ и вотчинахъ, это удалось только въ весьма неполномъ видѣ.

До настоящаго времени изданы слѣдующія указныя книги приказовъ: 1) *указная книга судныхъ дѣлъ (вѣдомства казначеевъ*, по терминологіи В.-Буданова, т. к. большинство указовъ ея направлено на имя казначеевъ) составлена искусственно изъ приписокъ къ рукописнымъ Судебникамъ и обнимаетъ время отъ 1550 по 1588 гг. Въ ней содержатся указы

о порядкѣ суда, о правѣ обязательственномъ и другіе. напр., о холопствѣ, о вотчинахъ. 2) *Уставная книга Розбойнаго приказа* является сводным уголовнымъ уложеніемъ, въ основу котораго положена, какъ предполагаютъ, уставная грамота, представленная Грознымъ Стоглавому собору для утвержденія одновременно съ Судебникомъ. Книга начинается словами: „При государѣ царѣ и вел. князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи, въ уставной книгѣ написано, которая книга была въ Розбойномъ приказѣ, за приписью дьяковъ Вас. Щелкалова и Меѳоѣда Вислова“. Но эта книга не сохранилась и возстановлена послѣ смуты: „Списокъ съ уставной книги, какова была въ Розбойномъ приказѣ до московскаго разоренія, а послѣ московскаго разоренія сдѣлали тое книгу діякъ Третьякъ Корсаковъ да подъячей Микита Посниковъ“. Эта возстановленная книга затѣмъ дополнена указами за время 1624—1631 гг. 3) *Указная книга Холопьяго приказа* возникла только въ царствованіе Ѳедора Ивановича, хотя въ нее не вошли нѣкоторые указы о холопствѣ, изданные при этомъ государѣ и до насъ не дошедшіе (1586 и 1593 гг.). Болѣе ранніе указы о холопахъ послѣ Судебника попали въ другія указныя книги. Книга Холопьяго приказа начинается указомъ 1597 г. и доведена до 1620 г. Она содержитъ такіе важные указы, какъ указъ 1597 г. апр. 25 о кабальномъ и добровольномъ холопствѣ и ук. 1597 г. нояб. 24 о давности исковъ на бѣглыхъ крестьянъ. 4) *Указная книга Земскаго приказа* за время 1622—1648 гг. заключаетъ въ себѣ указы о посадскихъ тяглыхъ имуществахъ г. Москвы, объ управленіи городомъ и о нѣкоторыхъ полицейскихъ мѣрахъ. Въ ней, однако, сохранились и важные указы о крестьянахъ и о нѣкоторыхъ подробностяхъ процесса. 5) *Указная книга Помѣстнаго приказа* возстановлена отчасти послѣ пожара 1626 г. изъ спасенныхъ дѣлъ приказа, въ которыхъ отысканы указы за 1587—1624 гг.; изъ другихъ приказовъ присланы списки указовъ за 1611—1625 гг. Затѣмъ въ нее вошли указы, состоявшіеся съ 1626 г. Она является важнѣйшимъ источникомъ для изученія указнаго права о помѣстьяхъ и вотчинахъ до Уложенія.

Первыя четыре указныхъ книги приказовъ изданы въ Акт.

Ист., т. I, № 154 и 221; т. II, № 44, 63 и 85; т. III, № 92 и 167; т. IV, № 6. Книга Помѣстнаго приказа изд. сначала въ Русск. Вѣстн., 1842, № 11 и 12; лучшее ея изданіе приготовлено В. Н. Сторожевымъ и напечатано въ Оп. док. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст., кн. VI, и отдѣльно подъ заглавіемъ: Историко-юридическіе матеріалы, изд. Моск. Арх. Мин. Юст., вып. 1. Указная книга Помѣстнаго приказа, 1889. Всѣ указныя книги изд. и В.-Budановымъ, Христ. по Ист. русск. права, вып. 3-й, изд. 3-е, 1889, но книги Земскаго и Помѣстнаго приказовъ не полностью.

Послѣ изданія Судебника 2-го вплоть до Уложенія не было никакихъ попытокъ кодифицировать накопившіеся указы и привести ихъ въ согласіе съ Судебникомъ. Таково было до недавняго времени общее мнѣніе. Но въ 1900 г. изданъ былъ Коммиссіей печатанія государственныхъ грамотъ при Моск. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, по списку поступившаго въ Архивъ собранія бумагъ Ѳ. Ѳ. Мазурина, „Судебникъ царя Ѳеодора Іоанновича 1589 г.“ Немногія литературныя замѣтки и мнѣнія объ этомъ памятникѣ согласно не признаютъ за нимъ законодательной силы. Но одни считаютъ его оффиціальнымъ проектомъ, не получившимъ законной санкціи, другіе—частною работою юридически мало приготовленнаго грамотея, желавшаго приспособить Судебникъ къ современнымъ и мѣстнымъ условіямъ. Но и при взглядѣ на этотъ памятникъ, какъ на частную литературную работу, за нимъ признается важность въ виду того, что въ немъ содержатся указанія на нѣкоторыя обычныя нормы сѣверной земледѣльческой Руси. Имѣются даже несомнѣнныя указанія, что памятникъ получилъ практическое значеніе и примѣнялся въ судѣ излюбленныхъ судей въ половинѣ XVII в.

Самому изданію предпослано предисловіе нашедшаго этотъ памятникъ *С. К. Богоявленскаго* и мнѣніе проф. *В. О. Ключевскаго*; ср. еще: *А. В. Лонгиновъ*. Значеніе Судебника царя Ѳеодора Іоановича, Вѣстн. Права, 1900, ноябрь; *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*. Судебникъ 1589 г. Его значеніе и источники, 1902; *М. М. Богословскій*. Къ вопросу о Судебникѣ 1589 г., Ж. М. Н. Пр., 05, № 12.

Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича 1649 г. Въ 1648 г. 16 іюля, когда царю шелъ 20-й годъ, онъ, по

совѣщаніи съ освященнымъ соборомъ и думою, поручилъ собрать и подготовить матеріалъ для составленія новаго сборника законовъ особой коммиссіи въ составѣ двухъ бояръ — кн. Н. И. Одоевскаго и кн. С. В. Прозоровскаго, окольничаго кн. Ѳ. Ѳ. Волконскаго и двухъ дьяковъ—Г. Леонтьева и Ѳ. Грибоѣдова. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было созвать земскій соборъ, „чтобы его государево царственное и земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердити и на мѣрѣ поставити, чтобы тѣ всѣ великія дѣла по его государеву указу и соборному уложенью впредь были ничемъ нерушимы". Самое дѣло велось чрезвычайно спѣшно. Уже съ 28 іюля разсылались грамоты по городамъ о присылкѣ выборныхъ къ 1 сентября. Съ 3 октября началось обсужденіе проекта въ двухъ особыхъ помѣщеніяхъ: въ одномъ засѣдалъ царь съ освященнымъ соборомъ и думою; особо въ отвѣтной палатѣ, подъ предсѣдательствомъ боярина кн. Ю. А. Долгорукова, засѣдали выборные люди. Къ 29 января 1649 г. обсужденіе было закончено, и Уложеніе переписано на списокъ, къ которому члены собора приложили свои руки. Съ 7 апрѣля по 20 мая Уложеніе было напечатано. Первое изданіе его скоро разошлось и въ томъ же году было отпечатано второе новое изданіе. Третье же изданіе, почти буквально тождественное со вторымъ, не можетъ быть съ точностью пріурочено къ какому либо году. Столь быстрое завершеніе такого сложнаго и труднаго дѣла, какъ изданіе новаго Уложенія, заставляетъ съ одной стороны предположить наличность чрезвычайно важныхъ мотивовъ, побудившихъ московское правительство взяться за дѣло и провести его съ особою рѣшительностью, съ другой—указываетъ на существованіе благопріятныхъ условій, способствовавшихъ осуществленію столь трудной задачи.

Возникновеніе вопроса о новой кодификаціи въ половинѣ XVII в. объясняется, прежде всего, цѣлымъ рядомъ общихъ причинъ. Со времени изданія Судебника 2-го протекло цѣлое столѣтіе, въ теченіе котораго Московское государство испытало цѣлый рядъ серьезныхъ перемѣнъ и даже потрясеній. Смутное время оставило новому московскому правительству тяжелое наслѣдіе: расшатанность общественныхъ связей, разо-

реніе населенія и разстроенное финансовое положеніе. Съ первыхъ же шаговъ и въ теченіе многихъ лѣтъ пришлось напрягать всѣ скудныя государственныя и общественныя силы для огражденія отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. При такихъ условіяхъ возстановленіе нормальнаго порядка въ сферѣ управленія и суда являлось задачей недостижимой. Злоупотребленія властью со стороны правителей и судей совершались съ полной беззастѣнчивостью; центральная власть была противъ нихъ безсильна. Это въ значительной мѣрѣ обусловливалось состояніемъ тогдашняго законодательства. Установленный въ Судебникѣ 2-мъ порядокъ почина законодательныхъ вопросовъ вызвалъ крайнюю казуистичность указовъ и боярскихъ приговоровъ, и это ихъ несовершенство усугублялось еще тѣмъ, что законодательная власть легко могла впадать въ противорѣчія съ своими ранѣе изданными постановленіями. На такой казуистической почвѣ законодательство продолжало развиваться въ теченіе цѣлаго столѣтія.

Несовершенства законодательства и связанныя съ ними злоупотребленія судей всею тяжестью падали на бѣднѣйшіе классы служилаго и тяглаго населенія. Естественно, поэтому, что изъ среды его шли ходатайства о переизданіи Судебника. Въ грамотѣ 28 іюля 1648 г. упомянуто, что велѣно на всякія расправныя дѣла написать Судебникъ и Уложенную книгу, „по челобитью столниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ московскихъ, и жилцовъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ, и иноземцовъ, и гостей, и гостиныя и суконныя сотни, и всякихъ чиновъ торговыхъ людей“. Когда подано такое челобитье, остается неизвѣстнымъ; весьма возможно, что оно было не единственнымъ. Если правительство вспомнило о немъ и рѣшилось приступить къ его осуществленію именно въ данный моментъ, то на это были особыя причины.

1648-ой годъ былъ для молодого царя и его ближайшихъ совѣтниковъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ. Со 2 іюня возникли въ Москвѣ и по другимъ городамъ серьезныя народныя волненія. Въ Москвѣ они сопровождались открытымъ бунтомъ, съ убійствами и поджогами. Первой жертвой народной ненависти палъ дьякъ Н. Чистой, которому припомнили тяжкій соляной налогъ, введенный 7 февраля 1646 г. и отмѣненный

17 февраля 1648 г. Отъ царя требовали выдачи боярина Б. Морозова, Л. Плещеева и П. Траханіотова, и царь вынужденъ былъ выдать двухъ послѣднихъ, которые подверглись жестокому самосуду мятежной толпы. Царю пришлось лично два раза вступить въ переговоры съ мятежниками и удалось „упросить у міра“, чтобы не казнили Морозова, съ тѣмъ, однако, что онъ будетъ сосланъ въ Кирилловъ монастырь: „а впредь ему на Москвѣ не бывать и всѣмъ роду ево Морозовымъ нигдѣ въ приказѣхъ у государевыхъ дѣлъ, ни на воеводствахъ не бывать и ничѣмъ не владѣть“. Въ подтвержденіе этихъ обѣщаній царь вынужденъ былъ даже прикладываться къ Спасову образу. Волненія на этомъ не прекратились. Еще въ августѣ разсылались по городамъ богомольныя грамоты, въ которыхъ сообщалось, что „учинилась на Москвѣ и по городомъ межуусобная брань, и донынѣ по городомъ мятежъ и хлѣбной недородъ и скотинной надежъ“. Среди разгара волненій и былъ изданъ указъ 16 іюля. Патр. Никонъ совершенно правильно, хотя и съ свойственной ему рѣзкостью, отмѣтилъ связь между указанными событіями; про земскій соборъ онъ сказалъ: „и то всѣмъ вѣдомо, что зборъ былъ не по воли, боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради“; „изложенную книгу“ онъ считалъ „по страсти написанною многонароднаго ради смущенія“.

Коммиссіи, назначенной для подготовки законопроекта, дана была программа дѣятельности, съ указаніемъ источниковъ, изъ которыхъ долженъ быть почерпнутъ необходимый матеріалъ. Въ частности коммиссія должна была: 1) выписать подходящія для государственныхъ и земскихъ дѣлъ статьи изъ правилъ св. апостоловъ и св. отцовъ и изъ градскихъ законовъ греческихъ царей; 2) подобрать прежніе указы государей и боярскіе приговоры по всякимъ дѣламъ и сравнить ихъ съ старыми Судебниками, и 3) по всѣмъ вопросамъ, на которые не нашлось бы отвѣта въ Судебникахъ, старыхъ указахъ и боярскихъ приговорахъ, проектировать „общимъ совѣтомъ“ новыя статьи. Какимъ порядкомъ выполнялась эта программа, остается неизвѣстнымъ. Нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ проливаетъ лишь подлинный столбецъ Уложенія, разысканный, по приказанію Екатерины II. въ 1767 г. Въ немъ

противъ нѣкоторыхъ статей имѣются помѣты съ указаніемъ источника, откуда данная статья взята. Такихъ помѣтъ всего 176, на 967 статей Уложенія; значитъ, источники большинства статей вовсе не указаны. Указанные источники 176 статей распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 62 статьи взяты изъ разныхъ уложеній, 12—изъ старыхъ Судебниковъ, 24—„изъ градскихъ“, 1—изъ Моисеева закона, 1—изъ Второзаконія, 2—изъ Стоглава, 56—изъ Литовскаго статута; противъ 17 статей помѣчено „вновь“. Насколько случайны эти помѣты, видно изъ того, что изъ 62 статей, взятыхъ изъ старыхъ уложеній, на гл. XVII приходится 12 статей; но въ этой же главѣ несомнѣнно заимствованы изъ старыхъ указовъ еще по крайней мѣрѣ 22 ст., которыя не помѣчены.

Особенно любопытны помѣты „вновь“ и „изъ Литовского“. Помѣта „вновь“ обозначаетъ, что данная статья новая. Относительно же новыхъ статей въ указѣ 16 іюля сказано, что онѣ должны были составляться „общимъ совѣтомъ“. Для выясненія этого выраженія необходимо припомнить, что въ предисловіи Уложенія о выборныхъ, вызванныхъ на земскій соборъ, сказано, что они „къ тому общему совѣту выбраны на Москвѣ и изъ городовъ“. Отсюда можно заключить, что они должны были принять участіе въ трудахъ коммиссіи. Эта догадка подтверждается прямымъ указаніемъ грамотъ о присылкѣ выборныхъ; въ грамотахъ говорилось, что выборнымъ „быть на Москвѣ для государева и земского дѣла съ государевы бояры, со кн. Н. И. Одоевскимъ съ товарыщи“. Такъ же и въ дѣлахъ о выдачѣ жалованья выборнымъ дворянамъ упомянуто, что имъ выданы придачи за то, „что они были на Москвѣ для государевыхъ и земскихъ дѣлъ въ приказѣ съ бояры: со кн. Н. И. Одоевскимъ, да со кн. С. В. Прозоровскимъ, да съ околничемъ со кн. Ф. Ф. Волконскимъ и съ дьяками“. Во всѣхъ этихъ документахъ перечисленъ составъ кодификаціонной коммиссіи и сказано, что выборные должны были входить и входили въ ея составъ; значитъ, они принимали участіе въ ея трудахъ, въ частности—въ выработкѣ проекта новыхъ статей. Въ подлинномъ столбцѣ Уложенія указано всего 17 новыхъ статей; но это указаніе, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, оказывается неполнымъ, такъ какъ

въ Уложеніи имѣются несомнѣнно новыя статьи, противъ которыхъ помѣтъ „вновь“ или „вновь пополнено“ нѣтъ (XVI, 16; XVII, 2). Вопреки старому взгляду на совершенно пассивную роль земскаго собора, мало по малу выяснилось, что рядъ статей Уложенія возникъ по челобитьямъ выборныхъ, о чемъ или прямо сказано въ текстѣ статей (XIII, 1; XVII, 42), или можно заключить изъ сопоставленія сохранившихся челобитій выборныхъ съ соотвѣтственными статьями Уложенія (VIII, 1—7; XI, 1 и 2; XIX, 1 и сл.). Таковы постановленія Уложенія о выкупѣ плѣнныхъ, объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ, объ учрежденіи монастырскаго приказа, о запрещеніи духовенству и монастырямъ пріобрѣтать недвижимыя имущества, о конфискаціи на государя всѣхъ частновладѣльческихъ слободъ, смежныхъ съ посадами и пр. Всего такихъ статей, содержащихъ отвѣты на челобитья и дальнѣйшіе выводы изъ такихъ отвѣтовъ, насчитываютъ въ настоящее время до 60. Какъ видно изъ недавно опубликованнаго документа, многіе выборные привезли съ собой челобитья своихъ избирателей о разныхъ ихъ нуждахъ; но не всѣ эти челобитья приняты во вниманіе при составленіи Уложенія. Поэтому выборные, въ частности замосковныхъ и сѣверскихъ украинныхъ городовъ, ходатайствовали о выдачѣ имъ, для охраны отъ гнѣва избирателей, береженыхъ грамотъ, такъ какъ „у твоего государева соборнаго Уложенья по челобитью земскихъ людей о ихъ нуждахъ, не противъ всѣхъ статей твой государевъ указъ учиненъ“. Правительство выдавало такія грамоты на имя мѣстныхъ воеводъ, съ предписаніемъ оберегать выборныхъ противъ горожанъ, которые „шумятъ, что выборные на Москвѣ разныхъ ихъ прихотей въ Уложеньи не исполнили“. Къ сожалѣнію, объ этихъ неудовлетворенныхъ желаніяхъ населенія пока ничего неизвѣстно.

Любопытны также помѣты подлиннаго столбца Уложенія о позаимствованіи нѣкоторыхъ статей „изъ Литовского“. Хотя Литовскій статутъ указомъ 16 іюля не упомянутъ въ числѣ источниковъ для выработки проекта Уложенія, но заимствованія изъ него сдѣланы явно и въ значительно большемъ объемѣ, чѣмъ можно было бы думать на основаніи помѣтъ. Въ подлинномъ столбцѣ отмѣчено всего 56 статей, взя-

тыхъ изъ Статута; но при ближайшемъ изученіи вопроса, по изслѣдованію проф. В.-Буданова, оказалось, что такихъ статей гораздо больше, и что Статутъ является однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ Уложенія. Главы II, III, IV, V, VII и IX являются почти буквальнымъ пересказомъ соотвѣтственныхъ артикуловъ изъ I и II раздѣловъ Статута; въ одной главѣ X по меньшей мѣрѣ 55 статей, взятыхъ изъ разныхъ частей Статута. Въ послѣдующихъ главахъ заимствованіе менѣе замѣтно; но гл. XXII почти цѣликомъ взята изъ раздѣла XI. Въ общемъ, заимствованія изъ Статута сдѣланы съ строгой оцѣнкой всего заимствуемаго и во многихъ случаяхъ съ коренною переработкою нормъ Статута. Въ однихъ случаяхъ норма Статута берется цѣликомъ: таковы, напр., понятія о необходимой оборонѣ (X, 200), о ненаказуемой неосторожности (XXII, 20). Въ другихъ случаяхъ заимствуется только вопросъ, рѣшеніе же его дается иное, иногда прямо противоположное. Это обусловливалось, прежде всего, различіями въ государственномъ строѣ. Конституція Литовскаго государства, въ силу которой верховная власть короля была ограничена сословными привилегіями шляхетства, не нашла никакого отраженія въ Уложеніи. Такъ, заимствуя изъ разд. II „о оборонѣ земской“ гл. VII-ю „о службѣ всякихъ ратныхъ людей“, Уложеніе беретъ рядъ правилъ объ обязанностяхъ служилыхъ людей, но совершенно иначе рѣшаетъ вопросъ о порядкѣ объявленія войны: Статутъ говоритъ о правѣ объявленія войны на сеймѣ; Уложеніе—о томъ, „въ которое время изволитъ государь кому своему государеву недругу мстити недружбу“. Въ отдѣлѣ судоустройства Статутъ выставляетъ положеніе „о вольномъ обиранью вряду земского судий“; а въ Уложеніи этотъ отдѣлъ начинается правиломъ: „Судъ государя царя и великого князя судити бояромъ...“ Весь разд. III „о волностяхъ шляхетъскихъ“ оставленъ совершенно въ сторонѣ; изъ него взята лишь одна статья о порядкѣ выѣзда въ иностранныя государства, но въ Статутѣ рѣчь идетъ „о вольности выеханья с панствъ нашихъ до инъшихъ паньствъ“, а въ Уложеніи—о томъ, что если „кому ѣхати изъ Московскаго государства въ иное государство“, то имъ „безъ проѣзжей грамоты не ѣздити“. Даже въ отдѣльныхъ заимствованныхъ статьяхъ рецепторъ тщательно сглаживаетъ

всѣ сословные слѣды; правило Статута „о головщинахъ, о хроменью члонковъ и о навезкахъ шляхетскихъ“ (XI, 27) передано, напр., въ такой формѣ: „а будетъ кто надъ кѣмъ нибудь учинитъ наругательство“ (XXII, 10); слѣдующій арт.: „хто бы шляхтича взялъ до везенья“ передается такъ: „а будетъ такой ругатель кого нибудь зазвавъ...“ Въ цѣломъ рядѣ случаевъ рецепторъ, придерживаясь своего источника, впадаетъ въ излишнюю казуистичность, иногда въ противорѣчіе съ другими статьями Уложенія, а кое что переноситъ, не понявъ истиннаго смысла источника. Для правильнаго пониманія такихъ статей необходимо сравненіе ихъ съ источникомъ. Заимствуются иногда и формы; слова, какими начинается почти каждая статья Уложенія: „а будетъ кто“, являются простою передачей обычной формулы Статута „кгды бы хто“. Замѣтна и попытка заимствованія самой системы Статута, преимущественно въ первой части Уложенія. Столь многочисленныя заимствованія, строго продуманныя и во многихъ случаяхъ кореннымъ образомъ переработанныя, предполагаютъ продолжительную работу рецепторовъ надъ Статутомъ. Очень трудно допустить, чтобы она могла быть произведена въ то короткое время, какимъ располагала коммиссія, назначенная указомъ 16 іюля. Скорѣе можно предположить, что коммиссія воспользовалась уже готовымъ матеріаломъ, ранѣе, въ теченіе десятилѣтій, подобраннымъ приказною практикой путемъ полуоффиціальнаго заимствованія изъ Статута отдѣльныхъ нормъ, которыя и заносились въ указныя книги приказовъ. Документальнымъ подтвержденіемъ этой догадки является эрмитажный списокъ уставной книги Розбойнаго приказа, представляющій первую стадію переработки заимствованныхъ нормъ. Тѣ же указныя книги приказовъ значительно облегчили трудъ коммиссіи по подбору старыхъ уложеній, указовъ и боярскихъ приговоровъ.

Въ сравненіи съ прежними законодательными сборниками Уложеніе представляетъ, съ точки зрѣнія системы, шагъ впередъ: оно раздѣлено на главы, каждая глава на статьи. Всѣхъ главъ 25, а статей 967. Самою обширною является гл. X „О судѣ“, заключающая 287 статей и соотвѣтствующая, по своему значенію, прежнимъ Судебникамъ. Въ подлинномъ

столбцѣ только первыя 10 главъ перенумерованы церковно-славянскими буквами и имѣютъ заглавія; дальше счетъ главъ прекращается, не всѣ главы имѣютъ заглавія, другія названы указами (XVI—XIX, XXI и XXIII). Текстъ въ большинствѣ случаевъ раздѣленъ на статьи пробѣлами, но статьи не перенумерованы. Всѣ эти техническіе пробѣлы устранены и исправлены въ первомъ же печатномъ изданіи. Не смотря на относительно большую систематичность, все же надо признать систему Уложенія весьма примитивною. Если даже допустить, что составители Уложенія стремились расположить главы въ извѣстномъ порядкѣ, по образцу Статута: сначала главы, относящіяся къ государственному праву (I—IX), потомъ—къ судоустройству и судопроизводству (X—XV), къ вещному праву (XVI—XX, исключая XVIII) и, наконецъ, къ уголовному (XXI—XXII), и считать послѣднія три главы дополнительными, то все же нельзя не замѣтить, что образецъ оказался много выше снимка, и что для пользованія Уложеніемъ такая система не только не окажетъ помощи, во даже можетъ ввести въ заблужденіе. Со стороны содержанія Уложеніе несомнѣнно значительно опередило Судебники, но и оно отнюдь не объемлетъ всего дѣйствовавшаго права и содержитъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ пробѣловъ. Въ немъ нѣтъ отвѣтовъ на цѣлый рядъ важнѣйшихъ вопросовъ изъ области государственнаго устройства и управленія, напр., о власти государя, о боярской думѣ, о приказахъ, о податяхъ и повинностяхъ. Въ сферѣ гражданскаго права болѣе подробно разсматриваются лишь правоотношенія, вытекающія изъ обладанія помѣстьями и вотчинами; отношенія семейныя и обязательственыя затронуты слегка, въ немногихъ статьяхъ, разбросанныхъ по разнымъ главамъ. Наиболѣе подробно уголовное законодательство, но и въ немъ приходится встрѣчаться съ непонятными пробѣлами: Уложеніе, напр., знаетъ оскорбленіе словомъ или непригожимъ словомъ частныхъ и должностныхъ лицъ, но не ограждаетъ отъ такого посягательства личности государя. Принимая во вниманіе эту неполноту, затѣмъ многочисленныя заимствованія изъ Статута и, наконецъ, значительно большее число новыхъ статей, чѣмъ допускали прежніе изслѣдователи памятника, необходимо существенно ограничить мнѣніе объ Уложеніи, какъ

о строго національномъ сборникѣ московскаго права, объемлющемъ собою исторически выработанныя „въ сочувствіи съ народными убѣжденіями всѣхъ областей и всѣхъ классовъ государства“ нормы права. Не впервые на Уложеніи, но на немъ съ особенною ясностью можно доказать справедливость положенія, что и московскій законъ (указъ) расходился съ московскимъ правомъ.

Редакція Уложенія окончена 29 января 1649 г.; печатаніемъ оно окончено 20 мая, но вступило въ дѣйствіе не съ какого-либо опредѣленнаго срока въ цѣломъ, а по частямъ, по мѣрѣ того, какъ утверждались отдѣльныя его части. Отдѣльныя главы разсматривались не въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ расположены въ Уложеніи, а по мѣрѣ выясненія и важности возбужденныхъ вопросовъ. Такъ, XIX гл. возникла по челобитью 30 октября 1648 г., но не сразу; нѣкоторыя ея части докладывались еще 18 дек. и даже 15 янв. Между тѣмъ, по утвержденіи главныхъ основъ новаго положенія о посадахъ, государь указалъ 25 ноября на Москвѣ и въ городахъ собирать закладчиковъ. Гл. XI о крестьянахъ разсматривалась еще въ январѣ, а законъ объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ долженъ былъ вступить въ дѣйствіе со 2 янв. Послѣдними, повидимому, разсматривались нѣкоторыя статьи гл. XVII, что видно изъ запрещенія возобновлять старыя дѣла о вотчинахъ, рѣшенныя по 28 янв.

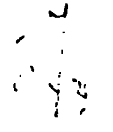
Изданій Уложенія очень много; первыя три послѣдовали одно за другимъ вскорѣ по составленіи Уложенія. Очень много изданій XVIII вѣка, но почти всѣ съ большими погрѣшностями. Тщательно издано Уложеніе въ Полн. Сборн. Зак., т I и въ перепечаткѣ этого тома Карновичемъ. Съ учебною цѣлью Уложеніе издано Историко-филологическимъ факультетомъ Московскаго университета на основаніи старопечатнаго изданія (второго), имѣющагося въ библіотекѣ Университета, М. 07.

В. Строевъ. Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія, изд. царемъ Ал. Мих., 1833; *Ѳ. Морошкинъ.* Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи, 1839; *В. Линовскій.* Изслѣдованіе началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ Уложеніи, 1847; *И. Забѣлинъ.* Свѣдѣнія о подлинномъ Уло-

женіи, Арх. ист.-юрид. свѣд., кн. I, 1850; изд. 2, 1876; *Я. Есиповичъ*. Литературная разработка и общая характеристика Уложенія, Журн. Мин. Юст., 1859, іюнь; *В.-Будановъ*. Отношеніе между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ, Сб. гос. зн., IV, 1877; Новыя открытія въ исторіи Уложенія, Кіев. Унив. Изв., 1880, № 2; *Н. Загоскинъ*. Уложеніе ц. Ал. Мих. и земскій соборъ 1648—49, 1879; *Ваденюкъ и Д. Мейчикъ*. Поѣздка слушателей Арх. Инст. въ Москву, Сб. Арх. Инст., кн. 2, 1879; *Д. Мейчикъ*. Дополнительныя данныя къ исторіи Уложенія, Сб. Арх. Инст., кн. 3, 1880; *К. Верховскій*. Источники Уложенія, Юр. Вѣст., 1889, № 11; *Тиктинъ*. Византійское право, какъ источникъ Уложенія и новоуказныхъ статей, Зап. Новор. Ун., т. 173-й. 1898, и отд., *Г. Н. Шмелевъ*. Источники Уложенія 1649 г., Ж. М. Н. Пр., 1900, окт.

Новоуказныя статьи. Указная дѣятельность государей не прервалась ни на одинъ мигъ съ изданіемъ Уложенія. Наоборотъ, она еще усилилась и по многимъ причинамъ. Прежде всего Уложеніе не затронуло очень многихъ сторонъ правительственной и судебной дѣятельности. Затѣмъ, примѣненіе на практикѣ правилъ Уложенія вызвало цѣлый рядъ недоумѣній и вопросовъ, которые разрѣшались прежнимъ порядкомъ казуистическихъ докладовъ. Наконецъ, вопреки исконному стремленію законодательной власти, ярко сказавшемуся еще въ Уложеніи,—„чтобы то все Уложеніе было прочно и неподвижно,“—ея дѣятельность все рѣшительнѣе выступаетъ на новый путь творческой роли въ законодательствѣ, подготовляя почву для преобразовательной дѣятельности Петра В. Старое борется съ новымъ, но мало по малу уступаетъ дорогу новому. Цѣлый рядъ указовъ издается по почину приказовъ, которые въ практикѣ постоянно встрѣчались съ казусами, рѣшеніе которыхъ ихъ затрудняло, такъ какъ „того въ Уложеньи не написано.“ Но рядомъ съ этимъ издаются цѣлыя частныя уложенія, какъ бы въ замѣну отдѣльныхъ главъ Уложенія. Таковы, напр., статьи „о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ“ 1669 г., числомъ 128, въ исправленіе и дополненіе XXI и XXII гл. Уложенія (П. С. З., № 441). Таковы же „Новоуказныя статьи о помѣстьяхъ“ 1676 г. и „Новоуказныя статьи о помѣстьяхъ и вотчинахъ“ 1677 г. (тамъ же, № 633 и 700), или „Новоуказныя статьи о черно-слободскихъ и бѣломѣстцовыхъ дворахъ“ 1686 г. (№ 1157).

Но что особенно важно, законодатель начинаетъ открыто выражать желаніе „на лучшее преуспѣвати,“ обращаетъ вниманіе на то, „како многое злодѣйство привниде во обычаи человѣческіе“ (№ 122), ставитъ себѣ цѣлью искореніе такихъ злодѣйствъ, а въ преуспѣяніяхъ къ лучшему ставитъ себѣ въ образецъ окрестныя государства. Въ Новоторговомъ уставѣ 1667 г. правительство задается цѣлью, „чтобъ Московскаго государства и порубежныхъ городовъ великія Россіи торговые люди имѣли свободные торги, какъ годится быти, чего и во всѣхъ государствахъ окрестныхъ, въ первыхъ государственныхъ дѣлѣхъ свободные и прибыльные торги, для сбора пошлинъ и для всенародныхъ пожитковъ мірскихъ, со всякимъ береженьемъ остерегаютъ и въ вольности держатъ“ (№ 408). А при Өедорѣ Алексѣевичѣ уставъ о призрѣніи бѣдныхъ задуманъ „по новымъ еуропскимъ обычаямъ“.

II. Государственное устройство.

Территорія. Московское государство выросло на почвѣ древней Ростовско-Суздальской земли, центромъ которой съ Андрея Боголюбскаго становится мало по малу г. Владиміръ, особенно возвысившійся при Всеволодѣ Юрьевичѣ, отчего и вся земля стала называться Владимірскимъ великимъ княженіемъ. Но Московское государство выросло на почвѣ Владимірскаго княженія очень длиннымъ и косвеннымъ путемъ первоначальнаго дробленія этой территоріи, а затѣмъ постепеннаго ея собиранія подъ главенствомъ Москвы.

Сейчасъ же послѣ смерти Всеволода обособились три княженія: Владимірское, Ростовское и Переяславское. Послѣ татарскаго нашествія Переяславское княженіе, однако, снова соединилось съ Владимірскимъ. Вел. князь Ярославъ Всеволодовичъ, признанный въ Ордѣ старѣйшимъ, съ одной стороны объединилъ Владимірское и Переяславское княженія, съ другой же—выдѣлилъ брату Святославу Суздальское княженіе, которое окончательно обособилось съ 1256 г. при Андреѣ Все-

володовичѣ, родоначальникѣ суздальскихъ князей. Послѣ смерти Ярослава выдѣлилось Тверское княженіе при кн. Ярославѣ Ярославичѣ, во время великокняженія котораго снова обособляется Переяславское княжество при кн. Дмитріи Александровичѣ. Еще раньше упомянутъ княземъ въ Москвѣ Михаилъ Хороборитъ (1248 г.), но окончательно Московское княженіе выдѣлилось при кн. Даніилѣ Александровичѣ.

Итакъ, въ потомствѣ Всеволода Владимірское княженіе раздробилось на отдѣльныя княженія, но не уничтожилось вполнѣ: около стольнаго города остается территорія съ приписанными къ нему городами и волостями. Между князьями идетъ борьба изъ-за обладанія вел. княженіемъ. Но счастливый соперникъ продолжаетъ соединять въ своихъ рукахъ велико-княжескій столъ съ своимъ удѣломъ. Своихъ удѣльныхъ территорій князья не покидаютъ, и это составляетъ замѣтное отличіе сѣверо-восточныхъ порядковъ отъ южно-кіевскихъ.

Обособившіяся изъ великаго княженія удѣльныя территоріи въ свою очередь продолжаютъ дробиться и лишь нѣкоторыя изъ нихъ, благодаря примысламъ, округляются и замѣтно выдѣляются среди другихъ, отчего и называются великими княженіями. Таковы Московское, Тверское, Рязанское княжества.

Какъ далеко шло раздробленіе отдѣльныхъ княженій, можно видѣть на примѣрѣ Ростовскаго княженія, составлявшаго зерно древней Ростовско-Суздальской земли. Изъ него уже въ половинѣ XIII в. выдѣлились княжества Углицкое и Ярославское, а остальная территорія въ свою очередь распалась на двѣ части: собственно Ростовское и Бѣлозерское княжества. Каждое изъ этихъ четырехъ княженій дробится и далѣе, благодаря счастливой плодливости нѣкоторыхъ линій удѣльныхъ князей. „Въ продолженіе XIV и XV вв. бѣлозерская половина распадается на такіе удѣлы: Кемскій, Сугорскій, Ухтомскій, Судской, Шелешпанскій, Андожскій, Вадбольскій и др. Ярославское княжество въ продолженіе XIV и XV вв. такъ же подраздѣлилось на удѣлы Моложскій, Шехонскій, Сицкой, Заозерскій, Кубенскій рядомъ съ предыдущимъ, Курбскій, Новленскій, Юхотскій, Бохтюжскій и др. По названіямъ этихъ

удѣловъ можно видѣть, что большая часть ихъ состояла изъ небольшихъ округовъ заволжскихъ рѣчекъ Сити, Суды, Мологи, Кемы, Ухтомы, Андоги, Бохтюги и т. д". Такое дробленіе естественно привело къ крайнему измельчанію территорій. На долю многихъ изъ Всеволодовичей не досталось не только города, а иной разъ и села. Но каждому сыну чадолюбивый отецъ всегда завѣщалъ какую нибудь вотчину. „На р. Андогѣ, напр., среди тянувшихся по ней и по ея притокамъ селъ, селецъ и деревень, не было ни одного городка, а между тѣмъ здѣсь находились стольныя мѣста, резиденціи трехъ удѣльныхъ княжескихъ династій, Андожской, Шелешпанской и Вадбольской". Что это были за резиденціи, видно изъ того, какъ жилъ заозерскій кн. Дмитрій Васильевичъ: „на р. Кубенѣ стоялъ его княжескій дворъ; подлѣ храмъ св. Димитрія Солунскаго, вѣроятно, имъ же и построенный въ честь своего ангела; въ сторонѣ отъ княжескаго двора „весь" Чиркова, которая вмѣстѣ съ нимъ служила приходомъ этого храма: „весь же зовома Чиркова къ нему прихожаше" (Ключевскій. Курсъ, 437—438; Боярская Дума, 86—87).

Измельчаніе княженій значительно облегчило обратный путь собиранія ихъ въ рукахъ болѣе сильныхъ князей, такъ какъ присоединеніе такихъ ничтожныхъ вотчинъ не могло вызвать какого либо серьезнаго сопротивленія. Такое присоединеніе называлось примысломъ. Примышлять къ своему княженію новыя владѣнія можно было разными способами, и прежде всего войной, захватомъ. Такъ Даніилъ московскій захватилъ у рязанскаго князя г. Коломну, а Юрій Даниловичъ — Можайскъ у смоленскаго. Объ Иванѣ Калитѣ сказано: „Наста насилованіе много, сирѣчь княженіе великое Московское досталося кн. вел. Ивану Даниловичу, купно же достася и княженіе Ростовское къ Москвѣ. Увы! увы! тогда граду Ростову, паче же и княземъ ихъ, яко отъяся отъ нихъ власть и княженіе, и имѣніе, и честь, и слава и потягну къ Москвѣ" (П. С. Л., т. XI, 128). Дмитрій Донской въ 1363 г. „съгна съ Галичьскаго княженія кн. Дмитреа галичьскаго" и „съгна съ Стародубьскаго княженіа кн. Ивана Феодоровича стародубскаго. Тогда вси князи ѣхаша въ Новъгородъ Нижній къ кн. Дмитрею Констянтиновичю, скорбяще о княженіахъ

своихъ". Онъ же въ 1367 г. „всѣхъ князей русскихъ привожаше подъ свою волю, а которыя не повиновахуся волѣ его, и на тѣхъ нача посегати" (П. С. Л., т. XI, 2 и 8). Такіе захваты и цѣлый рядъ подобныхъ имъ основывались единственно на правѣ сильнаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сильные князья желали придать подобнымъ захватамъ внѣшнюю правомѣрность, выпрашивая, напр., въ Ордѣ ярлыки на данное княженіе и предъявляя свои права въ силу ханской воли. Такъ, Василій Дмитріевичъ въ 1391 г. отправился въ Орду и выпросилъ ярлыкъ на нижегородское княженіе, хотя такой ярлыкъ только что данъ былъ кн. Борису Константиновичу. Но Василій умздилъ хана и его князей, и ханъ „придасть ему къ великому княженію и Новъгородъ Нижній и Городець съ всѣми что ни есть въ власти ихъ, такоже Мещеру и Торусу" (П. С. Л. т. VIII, 63). Походъ, предпринятый въ силу этого противъ Нижняго, заранѣе былъ подготовленъ, и при приближеніи московской рати кн. Борису измѣнила его дружина. Нижегородское княженіе безъ боя было присоединено къ Москвѣ. Въ послѣдней своей духовной Василій Дмитріевичъ благословилъ своего сына „своими примыслы, Новымъ городомъ Нижнимъ со всѣмъ; да своимъ же примысломъ Муромомъ со всѣмъ же" (С. Г. Гр., 1, № 42). Такими захватами и росла преимущественно территорія Московскаго государства.

Но помимо этихъ способовъ, разныя владѣнія присоединяются къ другимъ нерѣдко частно-правовымъ порядкомъ: завѣщаніемъ, покупкою и даже полученіемъ въ приданое. Такъ, переяславскій кн. Иванъ Дмитріевичъ умеръ бездѣтнымъ, „благослови же въ себе мѣсто вотчиною своею Переславлемъ вел. кн. Данила Александровича московскаго дядю своего, того бо любляше паче инѣхъ" (П. С. Л., т. X, 174). Это завѣщаніе шло въ прямой ущербъ вел. кн. Андрею, котораго и пришлось выгонять изъ Переяславля. Въ договорѣ Ивана Васильевича съ можайскимъ княземъ Михаиломъ Андреевичемъ 1465 г. упомянуто, что послѣдній былъ пожалованъ вел. кн. Василіемъ „Вышегородомъ съ волостьми и съ пути и зъ селы", но затѣмъ подарилъ эту отчину Ивану Васильевичу: „и ты мнѣ вел. князю моей отчины отступился самъ". Въ 1482 г. по новому договору между тѣми же князь-

ями вел. кн. Иванъ обязался блюсти подъ кн. Михаиломъ и его сыномъ Верею и Ярославецъ; Бѣлоозеро же обязался блюсти только до живота кн. Михаила, „а после своего живота ту свою отчину Бѣлоозеро далъ еси мнѣ вел. князю... и грамоту свою на то мнѣ далъ". По новому договору слѣдующаго года кн. Михаилъ Андреевичъ послѣ своего живота отдавалъ вел. князю свою вотчину на Москвѣ и отчину свою Ярославецъ; Вереею же, которую вел. князь взялъ въ своей винѣ у сына кн. Михаила, послѣдній былъ пожалованъ до живота. По духовной 1486 г. кн. Михаилъ всѣ свои вотчины безъ изъятія завѣщалъ въ пользу вел. князя (С. Г. Г., т. I, №№ 93, 413 118 и 121), хотя у него былъ сынъ, вынужденный бѣжать въ Литву отъ гнѣва московскаго государя. Эти подарки и завѣщанія были, конечно, вынужденными, а не добровольными.

Что князья покупаютъ себѣ села въ предѣлахъ своихъ территорій и даже за ихъ предѣлами, это вполнѣ понятно. Междукняжескіе договоры ограничиваютъ покупку селъ князьями въ чужихъ удѣлахъ. Но князья покупаютъ города и волости. Дмитрій Донской въ своей духовной назвалъ города Галичъ, Бѣлоозеро и Угличъ „куплями дѣда своего", т. е. Ивана Калиты. Хотя эта ссылка и возбуждаетъ сомнѣнія, такъ какъ Калита этими городами не распорядился въ своей духовной, и ихъ снова силою захватилъ Донской, но самый фактъ покупки какихъ то правъ на эти города этими сомнѣніями еще не устраняется. Въ договорѣ 1381 г. Дмитрія Донского съ Олегомъ рязанскимъ сказано: „А что купля кн. великаго Мещера, какъ было при Александрѣ Уковичѣ, то кн. великому Дмитрію" (тамъ же, № 32). Но черезъ 10 лѣтъ Василію Дмитріевичу пришлось выхлопатывать въ Ордѣ разрѣшеніе на присоединеніе Мещеры къ великому княженію. Въ 1475 г. вел. князю Ивану Васильевичу ростовскіе князья продали „свою отчину, половину Ростова со всѣмъ", а Иванъ III „дасть матери своей ту половину" (П. С. Л. XII, 157).

Князья получали столы даже въ приданое за женами. Въ 1277 г. одинъ изъ смоленскихъ князей, Ѳедоръ Ростиславичъ, получившій въ удѣлъ г. Можайскъ, узналъ, что въ Ярославлѣ умеръ кн. Василій Всеволодовичъ, „и сѣдящи по смерти его

на Ярославли княгини его съ дщерью его". Өедоръ Ростиславичъ снесся съ князьями ростовскимъ и бѣлозерскимъ и съ княгинею-вдовою, „хотяще поняти дщерь ея; и сему бывшу поятъ ю за себя, и того ради достася ему великое княженіе Ярославское, и тако возпріатъ градъ Ярославль, и начя княжити въ немъ и з тещею своею" (П. С. Л., т. X, 154).

Итакъ, расширеніе границъ сильныхъ княженій совершалось преимущественно захватомъ, съ оружіемъ въ рукахъ или съ помощью хитрости, владѣній слабыхъ сосѣдей цѣликомъ или по частямъ, а также добровольными или вынужденными уступками со стороны послѣднихъ. Для Москвы трудность заключалась, однако, въ томъ, что у московскихъ князей, въ ихъ стремленіи усилиться на счетъ слабыхъ сосѣдей, явились серьезные соперники въ лицѣ великихъ князей тверскихъ, суздальскихъ, рязанскихъ, литовскихъ и др. Благопріятный исходъ этой борьбы въ пользу Москвы зависѣлъ отъ многихъ причинъ. Сюда принадлежатъ: болѣе выгодное экономическое и торговое положеніе Москвы; преимущества московской политики, съумѣвшей расположить въ свою пользу татарскихъ хановъ и привлечь на свою сторону представителя духовной власти въ лицѣ митрополита всея Руси. Благодаря всему этому, Москва быстрѣе и послѣдовательнѣе могла проводить политику собиранія земель. Что именно въ достигнутыхъ успѣхахъ выпадаетъ на долю самихъ князей московскихъ, что-на долю ихъ ближайшихъ сотрудниковъ, бояръ и духовенства, чрезвычайно трудно расчитать.

Необходимо, однако, имѣть въ виду, что первые же успѣхи собиранія земель въ Москвѣ были въ корнѣ подорваны первымъ изъ князей, получившимъ отъ современниковъ прозваніе „собирателя", т. е. Иваномъ Калитою. Какъ и всѣ князья той эпохи, выросшій въ убѣжденіи, что наслѣдственная территорія составляетъ его вотчину, которой онъ можетъ распорядиться, какъ своимъ частнымъ имуществомъ, онъ передъ смертью раздѣлилъ все свое княженіе между тремя сыновьями на три части, не выключая и стольнаго города Москвы. Такъ поступали всѣ князья современники, такъ же и всѣ преемники Калиты на московскомъ столѣ. Каждому изъ нихъ чуть не сызнова приходилось начинать работу собиранія земель.

Выходъ изъ этого заколдованнаго круга сталъ возможенъ съ одной стороны вслѣдствіе сравнительной малоплодливости московскихъ князей, съ другой—благодаря обычаю надѣлять старѣйшихъ сыновей большимъ удѣломъ „на старѣйшій путь“. Съ этимъ преимуществомъ въ положеніи соединялись мало по малу и нѣкоторыя политическія прерогативы, напр., право одного великаго князя „знать орду“, т. е. сноситься съ ханомъ (главнымъ образомъ по дѣламъ объ уплатѣ дани), чеканить монету и пр. Но особенно важную услугу дѣлу объединенія оказалъ Дмитрій Донской: онъ первый счелъ себя въ правѣ распорядиться передъ смертью и судьбою великаго княженія Владимірскаго, территорію котораго онъ безъ раздѣла присоединилъ къ удѣлу старшаго своего сына и тѣмъ сразу поставилъ его въ особо выгодное положеніе по сравненію съ братьями. По примѣру Донского поступали и его преемники.

Если первые изъ московскихъ князей могли и не сознавать всѣхъ невыгодъ раздробленія княженія между наслѣдниками, то послѣдующіе, по собственнымъ и близкимъ примѣрамъ повседневной практики, могли воочію убѣдиться въ чрезвычайной опасности такой политики для могущества государства. Иванъ III прекрасно зналъ о нестроеніяхъ въ землѣ, „коли было государей много“. Узнавъ о намѣреніи вел. князя литовскаго Александра выдѣлить Кіевъ въ удѣлъ кн. Сигизмунду, онъ въ 1496 г. велѣлъ сказать своей дочери: „Ино, дочи, слыхалъ язъ, каково было нестроенье въ Литовской землѣ, коли было государей много; а и въ нашей землѣ слыхала же, каково было нестроенье при моемъ отцѣ, а опослѣ отца моего каковы были дѣла и мнѣ съ братіею, а иное и сама помнишь. И только Жидимонтъ будетъ въ Литовской землѣ, ино вашему которому добру быти?“ Тотъ же Иванъ III писалъ въ 1489 г. крымскому хану Менгли-Гирею: „Ино тобѣ вѣдомо изъ старины, отъ дѣдъ и отъ отцовъ вашихъ: на одномъ юртѣ два осподаря бывали ли? А гдѣ и бывали будутъ два осподаря на одномъ юртѣ, ино которое добро межъ ихъ было?“ (Сб. Русск. Ист. Об., т. XXXV, 225, и т. XLI, 76). И несмотря на эти ясные доводы, Иванъ Васильевичъ назначилъ удѣлы всѣмъ своимъ сыновьямъ. Послѣднимъ москов-

скимъ государемъ, раздѣлившимъ государственную территорію былъ Иванъ Грозный. По сохранившемуся духовному завѣщанію онъ благословилъ старшаго своего сына Ивана „своимъ царствомъ Рускимъ“, но выдѣлилъ удѣлъ и второму сыну Ѳедору. Но объ этомъ удѣлѣ въ духовной сдѣлана серьезная оговорка: „а удѣлъ сына моего Ѳедоровъ ему же (Ивану) къ великому государству“. Удѣльная система перестала существовать въ Московскомъ государствѣ лишь съ пресѣченіемъ династіи Рюриковичей.

Всѣ мелкіе и крупные примыслы московскихъ князей включались въ составъ московской территоріи безъ сохраненія какихъ либо особенностей ихъ строя или порядковъ управленія. Въ подавляющемъ числѣ случаевъ такихъ особенностей и не существовало въ присоединяемыхъ владѣніяхъ, и московскому правительству не предстояло никакихъ хлопотъ съ организаціей управленія въ присоединенныхъ областяхъ. Оно нерѣдко оставляло за прежними владѣтельными князьями, перешедшими на службу въ Москву, нѣкоторую долю автономіи, сохранивъ за ними ихъ прежнія вотчины въ полномъ объемѣ или въ нѣкоторой части, съ предоставленіемъ не только правъ суда и управленія, но даже права имѣть свое войско (Боярская дума, 208, 232—235 и 298). Эти остатки удѣльнаго быта продержались, правда, не долго. При Иванѣ III начинается уже рядъ мѣръ противъ княженецкаго родового землевладѣнія, а съ учрежденіемъ опричнины при Грозномъ произведенъ полный переворотъ въ составѣ наличныхъ титулованныхъ и нетитулованныхъ землевладѣльцевъ (Платоновъ. Очерки по исторіи смуты, 139—160). При томъ же Грозномъ упорядоченъ и военный строй. Но эти перемѣны произошли уже въ Московскомъ государствѣ, а не въ отдѣльныхъ областяхъ въ моментъ ихъ присоединенія.

Только Новгородъ и Псковъ сохранили до присоединенія къ Москвѣ особый политическій бытъ, а потому необходимо было выработать условія ихъ подчиненія. Въ 1478 г. новгородцы вели продолжительные переговоры съ Иваномъ Васильевичемъ, желая добиться возможно большихъ уступокъ въ свою пользу. Они начали съ просьбы, чтобы „государь князь велики свою отчину Великій Новгородъ, волныхъ му-

жей, пожаловалъ, нелюбья отдалъ". Но уничтоженіе новгородской воли было предрѣшено, и государь объявилъ новгородцамъ: „мы великіе князи хотимъ государства своего, какъ есмя на Москвѣ, такъ хотимъ быти на отчинѣ своей Великомъ Новѣгородѣ". Новгородцы и послѣ этого просили о сохраненіи суда посадника, о взиманіи лишь точно установленной дани, о порядкѣ отбыванія военной повинности и пр. Но Иванъ Васильевичъ усмотрѣлъ въ этомъ попытку ограничить его власть и отвѣтилъ: „вы нынѣча сами указываете мнѣ, а чините урокъ нашему государьству быти, ино то которое мое государьство?" Когда же новгородцы сослались на то, что „Низовскіе пошлины не знають", то имъ было отъ имени великаго князя объявлено: „ино наше государьство великихъ князей таково: вѣчю колоколу во отчинѣ нашей въ Новѣгородѣ не быти, посаднику не быти, а государьство все намъ держати". Иванъ III потребовалъ себѣ волостей и селъ, „понеже намъ великимъ княземъ государьство свое держати на отчинѣ В. Новѣгородѣ безъ того нелзѣ", и обѣщалъ ихъ кое чѣмъ пожаловать: не чинить вывода, не вступаться въ ихъ вотчины, не наряжать службы въ Низовскую землю. Новгородцы желали, чтобы въ исполненіе хотя этихъ обѣщаній „государь далъ крѣпость своей отчинѣ, крестъ бы цѣловалъ", но вел. князь отказалъ въ этомъ: „не быти моему цѣлованію"; отказалъ и въ присягѣ бояръ своихъ и своего намѣстника. Отъ новгородцевъ потребовали безусловнаго подчиненія и не желали сохранить за ними никакихъ особенностей политическаго строя, и новгородцы должны были этому подчиниться (П. С. Л., т. VI, 210—216; т. XII, 175—183). Съ Псковомъ Василій Ивановичъ управился гораздо проще. Въ 1510 г. онъ послалъ въ Псковъ съ требованіемъ: „колоколъ бы вѣчной свѣсили", затѣмъ явился туда самъ, привелъ псковичей къ цѣлованію, лучшимъ людямъ велѣлъ ѣхать жить въ Москву, „колоколъ ихъ вѣчной къ Москвѣ же отослалъ", а въ Псковѣ оставилъ двухъ намѣстниковъ, „и учини все какъ лѣпо быти государству его" (тамъ же, т. VI, 251; т. XIII, 12—13). Псковичи безпрекословно исполнили всѣ эти требованія.

Но независимо отъ того, приходилось ли ломать строй

земли въ моментъ ея присоединенія къ Москвѣ, или въ такой ломкѣ не предстояло и надобности, всѣ присоединенныя области и земли включались въ составъ территоріи по началу инкорпораціи, т. е. на положеніи провинцій или частей ихъ. Слѣды территоріальнаго роста Московскаго государства продолжали лишь сохраняться въ оффиціальномъ языкѣ, въ частности въ титулѣ великихъ князей и государей. Они включали въ свой титулъ почти всѣ новыя территоріальныя пріобрѣтенія, иногда даже и сомнительныя, такъ что территоріальная часть титула продолжала расти въ теченіе всего московскаго періода и даже позднѣе. Она и теперь входитъ въ такъ наз. большой титулъ нашихъ императоровъ, но нынѣ это не болѣе, какъ историческое переживаніе, тогда какъ въ XVI и XVII вв. политическая связь земель, образовавшихъ единое государство, вовсе не была еще забыта. Поэтому и послѣ прекращенія удѣльнаго дробленія, когда политическое единство земли не подлежало, казалось бы, сомнѣнію, новые государи, за пресѣченіемъ династіи Рюриковичей, избирались „на Владимерское, и на Московское, и на Ноугоротцкое государства, и на царства Казанское, и на Астороханское, и на Сибирское, и на всѣ великие и преславные государства всего великого Российского царствия“ (С. Г. Г., I, стр. 603 и 614).

Въ Москвѣ, однако, имѣлъ мѣсто случай территоріальнаго присоединенія совершенно отличный отъ разсмотрѣнныхъ выше. Таково было присоединеніе Малороссіи по условіямъ 1654 г. Послѣ неоднократныхъ прошеній представителей малороссійскаго духовенства и казацкой старшины о томъ, чтобы московскіе государи Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ взяли Малороссію подъ ихъ высокую руку, отправлено было въ концѣ 1653 г. къ Богдану Хмельницкому посольство съ бояр. Бутурлинымъ во главѣ для окончательныхъ переговоровъ. На радѣ 8 янв. 1654 г. гетманъ сказалъ: „Вотъ уже шесть лѣтъ живемъ мы безъ государя, въ безпрестанныхъ браняхъ и кровопролитіяхъ съ гонителями и врагами нашими . . . и видимъ, что нельзя намъ жить больше безъ царя. Для этого собрали мы раду, явную всему народу, чтобъ вы съ нами выбрали себѣ государя изъ четырехъ“. Гетманъ назвалъ турецкаго султана, крымскаго хана,

короля польскаго и московскаго государя. Но первые двое бусурманы; „объ утѣсненіяхъ польскихъ пановъ и говорить нечего: сами знаете, что лучше жида и пса, нежели христіанина брата нашего почитали. А православный христіанскій вел. государь царь восточный единаго съ нами благочестія... кромѣ его царской высокой руки благотишайшаго пристанища не обрящемъ; если же кто съ нами не согласенъ, то куда хочетъ—вольная дорога". На этотъ призывъ, не допускавшій никакого обсужденія, послѣдовалъ отвѣтъ: „Волимъ подъ царя восточнаго православнаго! Лучше въ своей благочестивой вѣрѣ умереть, нежели ненавистнику Христову, поганину достаться!" Столь быстрое рѣшеніе вопроса оказалось, однако, довольно непрочнымъ. Недоразумѣнія возникли тотчасъ же по поводу принесенія присяги. Гетманъ и старшина желали, чтобы Бутурлинъ присягнулъ за государя или далъ письмо за своей рукой въ соблюденіи вольностей и обезпеченіи маетностей казацкой старшины и войска. Но Бутурлинъ отвѣтилъ: „того, что за великаго государя присягать, никогда не бывало и впередъ не будетъ. А если польскіе короли подданнымъ своимъ присягаютъ, то этого въ образецъ ставить не пристойно, потому что это короли невѣрные и не самодержцы, на чемъ и присягаютъ, на томъ никогда въ правдѣ не стоятъ". Хотя присяга и состоялась, но не съ прежнимъ энтузіазмомъ, въ отдѣльныхъ слояхъ населенія противъ убѣжденія, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и совсѣмъ отказались отъ принесенія присяги. Въ мартѣ того же года пріѣхали въ Москву посланцы Хмельницкаго бить челомъ о подкрѣпленіи ихъ вольностей и привилегій и получили жалованную грамоту, въ силу которой войску запорожскому и казакамъ предоставлено право выбирать по городамъ и мѣстамъ своихъ урядниковъ для суда и управленія по ихъ правамъ и уставамъ: право выбирать гетмана; число реестровыхъ казаковъ опредѣлено въ 60 тыс.; дано обѣщаніе въ ненарушимости всѣхъ правъ и привилегій, пожалованныхъ прежними великими князьями и королями духовенству и мірскимъ людямъ и пр. По жалованной грамотѣ Малороссіи дарована была широкая автономія. Но помимо всего этого посланцы просили еще о слѣдующемъ: „Послы, которые издавна къ войску запорожскому приходятъ изъ чу-

жихъ краевъ, чтобъ гетману и войску запорожскому, которые въ добру бъ были, вольно приняти; а только бъ что имѣло быть противно царскаго величества, то должны они царскому величеству извѣщати". По этому пункту послѣдовало такое рѣшеніе: „пословъ о добрыхъ дѣлѣхъ принимать и отпускать, а о какихъ дѣлѣхъ приходили и съ чѣмъ отпущены будутъ, о томъ писать царскому величеству подлинно и вскорѣ; а которые послы присланы отъ кого будутъ царскому величеству съ противнымъ дѣломъ, и тѣхъ пословъ задерживать въ войскѣ и писать объ нихъ о указѣ вскорѣ жъ, а безъ указа царскаго величества назадъ ихъ не отпускать; а съ турскимъ салтаномъ и съ польскимъ королемъ безъ указа царскаго величества не ссылаться" (П. С. З. №№ 115 и 119). Малороссія, значитъ, сохранила за собой и право международныхъ сношеній.

На какихъ же началахъ Малороссія присоединилась къ Москвѣ? Въ литературѣ высказаны двѣ точки зрѣнія по этому вопросу. Изъ словъ жалованной грамоты „Малороссія принимается подъ нашу высокую руку и обѣщается служить намъ, сыну нашему и наслѣдникамъ" проф. Сергѣевичъ дѣлаетъ выводъ, „что присоединеніе имѣло характеръ личный, а не реальный. Малороссія не соединилась съ Московскимъ государствомъ, а только признала своимъ государемъ царствующаго въ Москвѣ государя съ его потомствомъ. Это случай личнаго соединенія въ силу избранія. Но такъ какъ избранъ былъ московскій государь съ его потомствомъ, то соединеніе должно было продолжаться до тѣхъ поръ, пока продолжалось потомство Алексѣя Михайловича" (Лекціи и изслѣд., 107). Н. М. Коркуновъ съ этимъ мнѣніемъ не согласился: „Унія предполагаетъ прежде всего и безусловно единство личности правителя. Особенность же Малороссіи въ томъ главнымъ образомъ и выражалась, что она имѣла особаго правителя въ лицѣ гетмана, пользовавшагося даже правомъ вести самостоятельно международныя сношенія. Малороссія не стояла къ Россіи въ равноправныхъ отношеніяхъ, она была ей подчинена. Русскій царь не соединялъ въ своемъ лицѣ двѣ раздѣльныя государственныя власти, но малороссійскій гетманъ подчинялся ему, какъ высшему властителю. Это, очевидно, вассальная зависимость, а

не личная унія“ (Русск. гос. право, т. I, 181). Однако, обѣ эти точки зрѣнія вызываютъ серьезныя сомнѣнія. Личная унія—это случайное и лишь временное соединеніе государствъ. Присоединеніе же Малороссіи къ Москвѣ, по тексту жалованной грамоты, понималось, какъ вѣчное соединеніе. Тамъ сказано, что государь запорожское войско пожаловалъ, „а они его царскому величеству во всякихъ его государскихъ повелѣніяхъ служити будутъ во вѣки“; что войско запорожское учинилось „подъ нашею царскою рукою и вѣру намъ великому государю и нашимъ государскимъ дѣтемъ и наслѣдникомъ на вѣчное подданство учинили“. Эти выраженія показываютъ, что рѣчь идетъ не только о династіи Романовыхъ, а о вѣчной службѣ и о вѣчномъ подданствѣ, т. е. всѣмъ государямъ, кто бы они ни были. Вассальная же зависимость предполагаетъ, что между государемъ сюзереномъ и населеніемъ вассальнаго государства нѣтъ непосредственной связи; между ними стоитъ личность правителя—вассала. Населеніе приноситъ присягу вѣрности своему правителю, который присягаетъ въ вѣрности своему сюзерену. Населеніе же Малороссіи учинило присягу (вѣру) на вѣчное подданство московскому государю, а гетману никакой присяги не приносило. И если нужно присоединеніе Малороссіи подвести подъ какой либо типъ соединеній государствъ, признаваемыхъ современной теоріей, то слѣдуетъ скорѣе признать присоединеніе Малороссіи къ Москвѣ по „статьямъ Богдана Хмѣльницкаго“ реальною уніею.

Но на первыхъ же шагахъ совмѣстной жизни обнаружилось, что соединеніе было очень не прочно. Направленіе внѣшней политики московскаго правительства и казацкой старшины разошлось: Москва заключила миръ съ Польшей и начала войну съ Швеціей, а Малороссія продолжала войну съ Польшей. Послѣ смерти Богдана Хмельницкаго гетманомъ былъ избранъ Выговскій, который болѣе склонялся по своимъ симпатіямъ къ Польшѣ, чѣмъ къ Москвѣ. За нимъ шли значительныя партіи среди населенія особенно правобережной Украйны; населеніе лѣваго берега Днѣпра тянуло сильнѣе къ Москвѣ. Этимъ объясняется и появленіе двухъ гетмановъ въ Малороссіи.

Въ 1665 г. гетманъ лѣвобережной Украйны Брюховецкій ударилъ челомъ московскому государю всѣми малороссійскими городами и мѣстами, и мѣстечками, и съ слободами, и съ уѣзды, и со всякими доходы, такъ какъ „належащее и отъ Бога врученное дѣло городами и землями владѣти и оные заступати монархомъ, а не гетманомъ“. За казацкимъ войскомъ были сохранены лишь привилегіи и маетности, право избранія гетмана и казацкой старшины; но отъ права внѣшнихъ сношеній гетманъ отказался. Брюховецкій учинилъ вѣру государю, его дѣтямъ и наслѣдникамъ, что ему съ войскомъ и всѣмъ населеніемъ „быти въ вѣчномъ и во вѣки неотступномъ и непоколебимомъ подданствѣ на вѣки непремѣнно“. За все это Брюховецкій былъ похваленъ, награжденъ подарками и возведенъ въ званіе боярина (П. С. З. № 375—376). Но этотъ актъ вызвалъ страшное неудовольствіе противъ Брюховецкаго, который долженъ былъ уступить гетманство Дорошенку. По Андрусовскому договору Москвы съ Польшей признано формальное раздѣленіе Украйны на двѣ половины съ присоединеніемъ Кіева къ лѣвобережной Украйнѣ на два года. Въ 1674 г. къ лѣвому берегу присоединились еще 10 полковъ правобережной Украйны, гетманъ Самойловичъ признанъ единымъ гетманомъ, и съ нимъ заключены были новыя статьи на основахъ соглашенія съ Хмельницкимъ, но съ серьезными отступленіями. Самымъ существеннымъ отличіемъ новыхъ статей явилось то, что Малороссія лишена была права внѣшнихъ сношеній, и гетманъ и старшина обязались безъ указа государя ни въ которыя государства ни къ кому ни о чемъ не писать, и ссылки ни съ какими государями ни чинить, такъ какъ отъ того происходятъ многія ссоры въ малороссійскомъ народѣ. Если же случится надобность писать о какомъ либо дѣлѣ въ иное государство, то объ этомъ надлежитъ писать московскому государю, который и будетъ за старшину сноситься и отвѣтные листы имъ пришлетъ. Точно такъ же постановлено, что на посольскихъ съѣздахъ малороссійскіе посланцы не могутъ принимать участія, такъ какъ „межъ великими государи въ ихъ государскихъ великихъ дѣлѣхъ мотчанье и несходство бываетъ“. Кромѣ того были съужены и нѣкоторыя преимущества казацкаго войска. На этихъ статьяхъ

учинена была присяга: быти имъ—гетману, старшинѣ и народу—у государя, его дѣтей и наслѣдниковъ въ вѣчномъ подданствѣ, а ни у которыхъ окрестныхъ государей въ подданствѣ не быть (П. С. З. № 573). Особенности мѣстнаго строя и управленія продолжали еще довольно долго сохраняться, но и онѣ постепенно искоренялись. Въ 1781 г. на Малороссію распространено Учрежденіе о губерніяхъ.

В. Сергѣевичъ. Какъ и изъ чего возникла территорія Московскаго государства, Новь. 1886, янв. кн. 2 и февр. кн. 1; Русск. Юр. Др., 49—84; *В.-Будановъ.* Обзоръ, изд. 4, 108—116; *С. В. Рождественскій.* Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ, 1897, 148—215. По вопросу о присоединеніи Малороссіи, кромѣ общихъ пособій Соловьева и Костомарова, см. еще: *Г. Карповъ.* Переговоры объ условіяхъ соединенія Малороссіи съ Великой Россіей, Ж. М. Н. Пр. 1871, ч. 158; Критическій обзоръ разработки русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся, за время 1654—1672 гг. М. 1870; *А. Я. Ефименко.* Южная Русь, т. I: Очерки исторіи правобережной Украйны, 1905; *М. Грушевскій.* Очерки исторіи украинскаго народа, 1904.

Населеніе.

За три съ половиною вѣка въ составѣ населенія удѣльной Руси и Московскаго государства произошли крупныя перемѣны. Въ теченіе этого періода среди свободнаго населенія обособилось нѣсколько группъ, различающихся одна отъ другой все болѣе и болѣе рѣзко обозначающимися юридическими признаками. Этимъ была подготовлена почва для зарожденія сословій. Среди этихъ группъ важнѣйшими являются: служилые люди, посадскіе люди, обнимающіе главную массу населенія городовъ и посадовъ, и крестьяне, составляющіе массу сельскаго населенія. Несвободное населеніе также не осталось однороднымъ: къ прежнему типу полнаго холопства присоединяется новый типъ неволи ограниченной. Наконецъ, между несвободнымъ населеніемъ и низшими разрядами свободнаго начинается постепенное сближеніе путемъ улучшеній въ положеніи первыхъ и ухудшеній въ положеніи вторыхъ вслѣдствіе возникающаго и развивающагося крѣпостного права.

Служилые люди.

Какъ періодъ объединенія, такъ и пора дальнѣйшаго территоріальнаго роста требовали напряженія военныхъ силъ страны. Московское государство ведетъ постоянныя то оборонительныя, то наступательныя войны на западной, южной и восточной границахъ. Эти потребности страны и вызвали къ жизни образованіе значительнаго контингента лицъ, профессіонально посвятившихъ себя государственной военной службѣ. Но въ составъ служилыхъ людей вошли весьма разнородные общественные элементы, а потому общая для нихъ служебная организація возникла сравнительно поздно. Типъ ея начинаетъ выясняться при Иванѣ III и лишь при Иванѣ Грозномъ получаетъ опредѣленное очертаніе.

Сѣверовосточная Русь унаслѣдовала отъ южной Руси какъ форму свободныхъ отношеній членовъ дружины къ князю, такъ и типъ службы невольной (стр. 107), при чемъ личное услуженіе по прежнему остается слитымъ съ понятіемъ государственной службы. Вольные дружинники и теперь разбиваются на два основныхъ слоя—старшій и младшій, но они не сохраняютъ прежняго названія старшей и младшей дружины, а называются „бояре и дѣти боярскіе“ или „бояре и слуги вольные“. Съ большею осѣдлостью князей прочнѣе осѣдаютъ по княженіямъ и бояре, постепенно мѣняющіе свою воинственную физіономію на скромный обликъ хозяина, помогающаго своему князю управлять его вотчиною и заботиться о примыслахъ къ ней. Вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ у бояръ и вкусъ къ землевладѣнію, такъ что бояринъ и его наслѣдники, дѣти боярскія, становятся типичными землевладѣльцами вслѣдъ за князьями и наряду съ церковными учрежденіями, въ частности монастырями. Правительства отдѣльныхъ земель принимаютъ рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы ограничить стремленія князей и ихъ вольныхъ слугъ къ расширенію ихъ недвижимыхъ имѣній въ предѣлахъ чужихъ территорій. Первые новгородцы по договорамъ обязываютъ своихъ князей: „тобе, княже, ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ слугамъ селъ не дьржати, ни купити, ни даромъ примати, и по всей волости Новгородь-

ской“ (С. Г. Г., т. I, №№ 1 и 3). Нѣсколько позднѣе и князья обязываютъ другъ друга: „(тобѣ селъ въ) нашихъ удѣлѣхъ не купити, ни твоимъ бояромъ, ни слугамъ безъ... ни нашимъ бояромъ, ни слугамъ селъ въ твоемъ удѣлѣ...“; или: „А селъ ти не купити въ моемъ удѣлѣ ни въ великомъ княженьи, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ бояромъ“ (тамъ же, №№ 23 и 33). Памятники XIV—XVII вв. говорятъ о „боярскихъ селахъ, боярскихъ людяхъ“, называютъ боярскія села „боярщинами“ или „боярщинками“, какъ монастырскія села „монастырщинами“, отличаютъ „боярскую пашню“, т. е. хозяйскую запашку, отъ пашни крестьянской, т. е. сданной крестьянамъ въ аренду, обозначаютъ также терминомъ „боярщина“ боярское дѣло или издѣлье, т. е. работу на боярина. Во всѣхъ этихъ обозначеніяхъ „бояринъ“ является землевладѣльцемъ и рабовладѣльцемъ, господиномъ, въ пользу котораго работаютъ, и который живетъ трудами чужихъ рукъ. Пережиткомъ этой терминологіи являются и современные термины—„баринъ“, „барщина“ и пр.

По своей экономической обезпеченности бояре — люди независимаго положенія, „вольные люди“. Таковыми ихъ признаютъ и князья. Почти во всѣхъ междукняжескихъ договорахъ повторяется стереотипное условіе: „а бояромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля“; или: „а бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ межы насъ волнымъ воля“ (тамъ же, №№ 33, 52 и др). Это значитъ, что бояринъ, какъ вольный слуга, можетъ служить или не служить своему (мѣстному) князю, но можетъ служить и другому князю. Для вольнаго человѣка служба не могла быть обязательной, а если бояринъ желалъ служить, то онъ самъ выбиралъ себѣ князя.

Обыкновенно бояре служатъ. Къ военной профессіи они издавна болѣе всего приспособлены. Какъ у старыхъ дружинниковъ были свои собственныя дружины, такъ у бояръ имѣлись собственные дворы, т. е. дворовые люди изъ свободныхъ послужильцевъ и холоповъ. Содержаніе такой дворни вызывалось какъ хозяйственными потребностями, такъ и интересами самообороны. Утилизировать эти домашнія силы на службѣ князю было дѣломъ прямого расчета, такъ какъ это было сопряжено съ различными выгодами. Тотъ же рас-

четъ руководилъ и при рѣшеніи вопроса, какому князю выгоднѣе служить. И теперь бояре при поступленіи на службу заключаютъ съ князьями договоры, но по прежнему не записанные и не сохранившіеся. Послѣ Куликовой битвы Дмитрій Донской хотѣлъ наказать Олега Рязанскаго за помощь Мамаю и двинуться походомъ въ Рязанскую землю; но „бояре же рязанстіи оставиша Олга и пріѣхаша къ великому князю и повѣдаша, что кн. Олегъповергъ отчину свою, землю Рязанскую, а самъ побѣжалъ и со княгинею и з дѣтми и з бояры; и молиша его много о семъ, дабы на нихъ рати не посылалъ, а сами биша ему челомъ въ рядъ и урядишася у него. Великій же князь послуша ихъ челобитья и рати на нихъ не посла" (П. С. Л., т. XI, 67). Вмѣсто терминовъ „бить челомъ въ рядъ" и „урядиться", поступленіе на службу обозначается еще терминомъ „приказаться". Послѣ взятія Смоленска въ 1514 г. „князи и бояря смоленскіе градъ отвориша, а сами поидоша къ шатромъ великому государю челомъ ударити и очи его видѣти, да туто и приказалися вел. государю и крестъ цѣловали"(П. С. Л., т. XIII, 19).

Крестное цѣлованіе представляло лишь гарантію въ точномъ выполненіи принятыхъ на себя обязательствъ. Но какія обязательства принималъ на себя вольный слуга при поступленіи на службу? На это въ памятникахъ содержатся лишь немногія случайныя и неопредѣленныя указанія. Въ приписанныхъ Донскому предсмертныхъ словахъ содержится такое обращеніе къ боярамъ: „нынѣ же помяните словѣса моя и своя, еже рекли есте ко мнѣ во время свое: должни есмы тебѣ служа и дѣтемъ твоимъ главы положити своя" (П. С. Л., т. VI, 107). Въ Никоновской лѣтописи разсказано о нижегородскомъ князѣ Борисѣ Константиновичѣ, что онъ въ виду приближенія къ Нижнему въ 1392 г. московскихъ бояръ обратился къ своимъ боярамъ съ увѣщаніемъ: „господіе мои, и братіа, и боаре, и друзи! попомните, господіе, крестное цѣлованіе какъ естя цѣловали ко мнѣ, и любовь нашу и усвоеніе къ вамъ". На это старшій бояринъ Василій Румянецъ отвѣтилъ: „вси есмя единомыслени къ тебѣ и готови за тя главы своа сложити и кровь изліати" (т. XI, 147). Но клятвенное обязательство проливать кровь и не щадить жизни на службѣ

князю указываетъ лишь на то, что тутъ разумѣется военная служба и ничего больше. Ни о срокѣ вольной службы, ни о ея размѣрахъ не сохранилось никакихъ указаній. Всякій вольный слуга, недовольный условіями службы, могъ „отказаться" отъ службы и отъѣхать отъ даннаго князя къ другому. Въ этомъ не было никакого нарушенія вѣрности и клятвопреступленія. Право отказа и отъѣзда-основная гарантія вольной службы и этимъ правомъ не рѣдко пользуются бояре. По возвращеніи изъ Орды въ Тверь на великокняженіе Александра Михайловича, отъ него „отъѣхаша бояре мнози на Москву къ вел. князю Ивану Даниловичю". Въ 1356 г. въ Москвѣ былъ убитъ тысяцкій Алексѣй Петровичъ, „и бысть мятежь великій на Москвѣ того ради убійства. И тако тоѣ же зимы по послѣднему пути болшіе бояре московстіи отъѣхаша на Рязань з женами и з дѣтми (П. С. Л., т. X, 208 и 229). Въ 1433 г., когда князь Юрій Дмитріевичъ захватилъ Москву подъ вел. княземъ Василіемъ Васильевичемъ и назначилъ послѣднему въ удѣлъ Коломну, „многіе люди начаша отказыватися отъ кн. Юрія за вел. князя и поидоша къ Коломнѣ безъ престани". Въ 1485 г. „бояре вси пріѣхаша тверьскіи служити къ вел. князю на Москву, не терпяще обиды отъ вел. князя" (тамъ же, т. VIII, 97—98; VI, 237). Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ рѣчь идетъ о массовыхъ отъѣздахъ бояръ, что имѣло мѣсто лишь въ экстренныхъ случаяхъ. Но отдѣльные случаи отказовъ и отъѣздовъ могли происходить очень часто.

Отъѣздъ къ другому князю существенно затрагивалъ хозяйственные интересы отъѣздчика. Если въ болѣе древнее время возможны были отъѣзды съ вотчинами, т. е. выведеніе изъ подчиненія князю не только самого отъѣздчика, но и его вотчины, то уже съ половины XIV в. такія явленія по общему правилу не наблюдаются: вотчины оставались подъ властью того князя, въ предѣлахъ территоріи котораго находились. Вотъ въ этихъ случаяхъ бояре-отъѣздчики и могли испытывать неудовольствія со стороны князей, которыхъ они покинули, если не на себѣ лично, то на принадлежащихъ имъ имуществахъ. Однако, и противъ такихъ послѣдствій отъѣзда практика выработала нѣкоторыя гарантіи. Въ древнѣйшихъ изъ сохранившихся междукняжескихъ договоровъ стоитъ

взаимное обязательство сторонъ на отъѣхавшихъ вольныхъ слугъ „нелюбья не держати" (С. Г. Г., т. I, № 23 и 27). Но уже въ договорѣ Донского съ тверскимъ княземъ 1375 г. это обязательство выражено опредѣленнѣе: „А кто бояръ и слугъ отъѣхалъ отъ насъ къ тобѣ, или отъ тобе къ намъ, а села ихъ въ нашей вотчинѣ въ вел. княженьи, или въ твоей вотчинѣ во Тфѣри, въ ты села намъ и тобѣ не въступатися" (тамъ же, № 28). Этимъ гарантировалась неотъемлемость недвижимыхъ имуществъ отъѣздчиковъ. Но и при сохраненіи селъ за отъѣздчиками можно было разорить эти села разными произвольными мѣрами, въ особенности произвольнымъ обложеніемъ данями. Поэтому указанная формула обязательства была замѣнена новою: князья взаимно обязывались: „хто иметъ жити моихъ бояръ въ твоемъ удѣлѣ и твоихъ бояръ въ моемъ удѣлѣ и въ вел. княженьи, и тѣхъ намъ блюсти какъ и своихъ, и дань взяти, какъ и на своихъ" (тамъ же, №№ 33, 37 и др.).

Изъ приведенныхъ словъ явствуетъ, что бояринъ могъ служить одному князю и жить въ удѣлѣ другого. Значитъ, служба князю не налагала на боярина обязанности жить при княжескомъ дворѣ; онъ проживалъ въ своемъ имѣніи и являлся на службу только на время военныхъ походовъ. Тутъ примѣнялось правило, не рѣдко повторяемое въ договорахъ вел. князя съ удѣльными, въ силу котораго „хто которому князю служитъ, гдѣ бы ни былъ (жилъ), полѣсти ему съ тѣмъ княземъ (тому съ тѣмъ княземъ и ходити), которому служитъ" (тамъ же, №№ 37, 43—45 и др.). Изъ этого правила существовало одно исключеніе, касающееся городской обороны: „а городная осада, гдѣ кто живетъ, тому туто сѣсти", т. е. осадную службу бояринъ отбываетъ по мѣстонахожденію своего имѣнія, хотя бы подъ начальствомъ не своего князя или его воеводы, а князя мѣстнаго.

Таковы гарантіи вольной службы. Ими не только обезпечивалась свобода отъѣзда вольнаго слуги, но и его землевладѣльческіе интересы. Типъ вольной службы сложился всецѣло въ интересахъ вольнаго слуги, что было возможно лишь въ пору слабости княжеской власти. Княжескимъ правительствамъ пришлось по необходимости санкціонировать

этотъ типъ службы и съ помощью вольныхъ слугъ приступить къ трудному дѣлу объединенія или округленія удѣльныхъ территорій. Но, какъ правильно замѣчено, вольная служба являлась большимъ анахронизмомъ среди явленій удѣльнаго порядка сѣверо-восточной Руси и противорѣчила стремленію князей „соединить личную службу вольныхъ слугъ съ землевладѣніемъ въ удѣлѣ, закрѣпить первую послѣднимъ“. Право свободнаго отъѣзда не согласовалось и съ другимъ условіемъ тѣхъ же междукняжескихъ договоровъ, на основаніи котораго „для князей и ихъ бояръ затруднялось пріобрѣтеніе земли въ чужихъ удѣлахъ и запрещалось имъ держать тамъ закладней и оброчниковъ, т. е. запрещалось обывателямъ уѣзда входить въ личную или имущественную зависимость отъ чужого князя или боярина“ (Боярская Дума, 94—95).

И московскіе князья должны были признать нормы свободныхъ отношеній между княземъ и его слугами. Съ одной стороны эти нормы были выгодны и для князей, поскольку содѣйствовали притоку служилыхъ людей изъ другихъ княжествъ въ Москву. Но съ другой стороны потеря каждаго отъѣхавшаго была не только не выгодна, но и опасна, такъ какъ каждый отъѣздчикъ, пользуясь выгодами землевладѣнія въ московскомъ княжествѣ, могъ оказаться во враждебныхъ къ князю отношеніяхъ. Московскіе князья хорошо поняли это двойственное значеніе вольной службы и съумѣли, воспользовавшись ея выгодами, устранять по возможности ея невыгодныя стороны. Они сравнительно рано начали борьбу съ свободой отъѣзда. Но эта борьба ведется не путемъ отмѣны нормъ, гарантирующихъ вольную службу. Наоборотъ, во всѣхъ заключенныхъ московскимъ правительствомъ съ другими князьями договорахъ эти нормы категорично подтверждаются и въ послѣдній разъ въ послѣднемъ междукняжескомъ договорѣ, заключенномъ вел. кн. Василіемъ Ивановичемъ съ роднымъ братомъ Юріемъ Ивановичемъ въ 1531 г. (С. Г. Г., т. I, № 160 и 161). Но наряду съ этимъ и вопреки клятвенному обязательству, московскіе князья настойчиво преслѣдуютъ отъѣхавшихъ, прилагая къ нимъ во всѣхъ возможныхъ случаяхъ различныя карательныя мѣры. Въ этой

своей политикѣ они могли бы опереться отнюдь не на право, которое нарушали, а на новыя поученія и правила церкви, проповѣдывавшей начала неизмѣнной вѣрности своему князю. Въ спискахъ Закона Суднаго людямъ князья могли прочесть статью „О бѣганьи“, въ которой изложено: „Аще людинъ отъ князя своего бѣгаеть къ иному князю, да ся тепеть добрѣ (да бьють его добрѣ) и пакы выведуть“. Русскій авторъ „поученія ко всѣмъ крестьяномъ“ въ спискахъ XIV—XV вв. слѣдующимъ образомъ наставляетъ княжескихъ слугъ: „князю же земля вашея покаряйтеся, не рцѣте ему зла въ сердци своемь, и пріяйте ему головою своею и мечемь своимь, и всею мыслью своею и не възмогуть противитися инии князю вашему“. Но къ этому общему правилу авторъ прибавляетъ важную оговорку: „аще кто отъ своего князю ко иному князю отъѣдеть, а достойну честь приемля отъ него, то подобенъ есть Июдѣ, иже любимъ Господомь ти умысли продати е ко княземъ жидовьскымъ... Да и вы, сынове мои милии, не мозите прияти чюжему князю, да не в тоже зло впадете“ (Русск. Дост., ч. 2, 178; Буслаевъ. Истор. христ., 477—479). Не эти, конечно, правила и поученія подвигли московскихъ князей къ преслѣдованію отъѣзчиковъ, а насущный интересъ. Но ссылки на эти авторитетныя писанія могли пригодиться въ оправданіе суровой политики эгоизма и насилія.

Для характеристики этой политики достаточно отмѣтить нѣсколько фактовъ. Въ 1373 г. умеръ послѣдній московскій тысяцкій Вельяминовъ. Въ слѣдующемъ году побѣжалъ съ Москвы въ Тверь сынъ его Иванъ съ какимъ то Некоматомъ Сурожаниномъ. Тверской князь послалъ ихъ въ Орду, откуда Некоматъ и вынесъ ему ярлыкъ на великое княженіе. Вслѣдствіе этого между Москвой и Тверью началась война, неудачная для Твери. Въ новой договорной грамотѣ стороны санкціонируютъ обычную норму вольной службы, какъ это указано выше (стр. 254). Но московскій князь выставилъ и изъятіе изъ этого правила: „а что Ивановы села Васильевича и Нѣкоматовы, а въ ты села тобѣ ся не въступати, а имъ не надобѣ, тѣ села мнѣ“. Отсюда ясно, что недвижимости обоихъ отъѣздчиковъ были конфискованы, и эта произвольная мѣра

получила санкцію въ изъятіе изъ общаго правила. Этимъ, однако, дѣло не кончилось. Въ 1379 г. захваченъ былъ въ Серпуховѣ возвращавшійся изъ Орды въ Тверь Вельяминовъ, приведенъ въ Москву и „мечемъ потять бысть на Кучковѣ полѣ у града у Москвы повелѣніемъ вел. князя“. А въ 1383 г. казненъ былъ и „нѣкій брехъ, именемъ Некоматъ, за нѣкую крамолу“ (П. С. Л., т. XI, 45; т. VIII, 49). Очевидно, въ Москвѣ считали этихъ отъѣздчиковъ особенно опасными, а потому и расправились съ ними такъ круто.

Подобной же случай имѣлъ мѣсто при Василіи Васильевичѣ Темномъ, въ 1433 г., когда изъ Москвы отъѣхалъ ближній бояринъ Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій. Это былъ выдающійся слуга, оказавшій своему князю великія услуги въ Ордѣ „и великое княженіе ему у Махмета царя взя“. Но вел. князь не сдержалъ обѣщанія жениться на дочери Всеволожскаго, изъ за чего и возникли неудовольствія. Отъѣхавшій бояринъ приказался къ галицкому кн. Юрію Дмитріевичу и подбилъ его предпринять походъ на Москву. Счастье улыбнулось галицкому князю, который захватилъ Москву, но не могъ въ ней удержаться и добровольно уступилъ племяннику. Въ заключенномъ договорѣ опять повторены обычныя правила о вольной службѣ, но вставлена и оговорка касательно селъ „Ивановыхъ Дмитриевича“, которыя вел. князь „у него взялъ въ своей винѣ“. Отнятіемъ селъ не удовлетворилъ вел. князь своего гнѣва: во время возникшей вскорѣ затѣмъ распри съ галичскимъ княземъ онъ захватилъ Всеволожскаго въ плѣнъ и приказалъ его ослѣпить (П. С. Л., т. XII, 17—19; т. XV, 290; С. Г. Г., т. I, № 49 и 50). При Василіи Васильевичѣ Темномъ отъѣзды изъ Москвы особенно участились. Въ смутные годы его княженія, въ 1433 и 1446 гг., на короткое время отъѣзжали отъ него почти всѣ вольные слуги. Естественно, что этотъ князь относился къ отъѣздчикамъ очень недружелюбно и не скрывалъ къ нимъ своего презрѣнія. „Сіи смущаютъ насъ“, говорилъ онъ о нихъ и не стѣснялся поступать съ ними самымъ вѣроломнымъ образомъ. Въ житіи Мартиньяна Бѣлозерскаго записанъ такой эпизодъ объ этомъ князѣ. Отъ него къ тверскому князю отъѣхалъ нѣкій бояринъ „отъ ближнихъ его совѣтникъ“. Этимъ отъѣздомъ московскій

князь былъ глубоко огорченъ и желалъ возвратить отъѣздчика назадъ. Онъ обратился за содѣйствіемъ къ преп. Мартиньяну, обѣщая того боярина „много паче перваго честна и богата сотворити“. Преподобный убѣдилъ отъѣздчика вернуться, поручившись за вѣрность княжескаго слова. Но какъ только бояринъ возвратился, вел. князь „не удержа ярости гнѣва на болярина того“ и велѣлъ его заковать. Только энергическое вмѣшательство Мартиньяна и угроза отлученіемъ отъ церкви заставили князя сложить опалу съ вернувшагося отъѣздчика (Лѣт. зан. Археогр. Комм., вып. 1, матер. 6—7).

Политика московскихъ князей не осталась безъ подражанія: другіе князья также наказывали отъѣздчиковъ. Изъ посланія духовенства князю Дмитрію Шемякѣ 1447 г. видно, что этотъ князь, вопреки докончальной грамотѣ, обезпечивающей вольную службу, наказывалъ отъѣздчиковъ конфискаціей имущества. „И опослѣ того вашего докончянія и крестного цѣлованья, которыи бояре и дѣти боярьскіе отъ тобе били челомъ брату твоему старѣйшему вел. князю служити, а села и домы ихъ въ твоей отчинѣ; и ты черезъ то докончянье и черезъ крестное цѣлованіе тѣхъ еси бояръ и дѣтей боярьскихъ пограбилъ, села ихъ и домы ихъ еси у нихъ поотъималъ, и животы и състатки всѣ, и животину еси у нихъ поималъ“ (А. И., стр. 81). Братъ Шемяки, Василій Косой, послѣ смерти отца въ 1434 г. удалился въ Новгородъ, взявъ съ собою кн. Романа Переяславскаго. Послѣдній недолго пожилъ у Косого и побѣжалъ отъ него обратно въ Москву. Но Косой поймалъ своего слугу и за отъѣздъ „повелѣ отсѣщи руку и ногу, и умре“. И Новгородъ усвоилъ ту же политику и наказывалъ за отъѣздъ. Поэтому Иванъ III въ 1478 г. выговорилъ въ пользу новгородскихъ бояръ и дѣтей боярскихъ, которые приказались служить великому князю, „чтобы имъ не мстили никоторою хитростью“ (П. С. Л., т. V, 28; VI, 218; VII, 198).

Такъ, упорнымъ нарушеніемъ нормъ о вольной службѣ московскіе князья расчищали почву для созданія новыхъ отношеній къ служилымъ людямъ.

Но въ разгаръ борьбы съ свободой отъѣзда и съ одновременными успѣхами объединенія контингентъ вольныхъ слугъ московскихъ князей сталъ замѣтно пополняться притокомъ

новыхъ элементовъ въ лицѣ служебныхъ князей. Это были то лишившіеся политической независимости владѣтельные князья Рюриковичи, чаще ихъ потомки, то литовскіе выходцы изъ потомковъ Гедимина, то, наконецъ, татарскіе царевичи и мурзы. Одни изъ нихъ, съ присоединеніемъ ихъ владѣній къ московской территоріи, сдѣлавшись слугами моск. князя, сохранили за собой свои вотчины съ правами суда и управленія и даже съ правомъ выступать въ походы съ своимъ собственнымъ войскомъ подъ ихъ личнымъ предводительствомъ. Другіе били челомъ о принятіи ихъ на службу съ ихъ вотчинами, которыя включались въ составъ московской территоріи и возвращались прежнимъ собственникамъ подъ условіемъ службы. Третьи же приказывались въ службу безъ всякихъ вотчинъ и обыкновенно получали за выѣздъ вотчины или кормленія. Но всѣ они были вольные слуги и могли претендовать на примѣненіе къ нимъ тѣхъ правилъ вольной службы, какія установлены были и для старинныхъ бояръ и вольныхъ слугъ. Однако, по междукняжескимъ договорамъ эти нормы примѣнялись къ нимъ не въ полномъ объемѣ. Впервые въ договорѣ вел. князя Василія Васильевича съ дядею Юріемъ Дмитріевичемъ 1428 г. о служебныхъ князьяхъ установлено такое правило: „А князей ти моихъ служебныхъ съ вотчиною собѣ въ службу не принимати; а которыи имутъ тобѣ служити, и имъ въ вотчину въ свою не вступатися". Въ слѣдующихъ договорахъ къ этому правилу прибавлено разъясненіе: „а вотчины лишены" (С. Г. Г., т. I, № 43, 49 и др. То же правило и въ договорахъ Твери съ Литвой 1427, 1449 и 1483 гг. Ак. Зап. Рос., т. I, № 33, 51 и 79). Смыслъ этого ограниченія заключается не въ томъ, чтобы наложить на служебныхъ князей болѣе строгое обязательство о вѣрной службѣ, а единственно лишь въ томъ, чтобъ закрѣпить въ составѣ московской территоріи богатыя вотчины этихъ слугъ. Косвенно это ограниченіе указываетъ на то, что и въ ту пору считались возможными отъѣзды съ вотчинами. Самъ Иванъ III въ широкихъ размѣрахъ практиковалъ пріемъ на службу литовскихъ выѣзжихъ князей съ ихъ вотчинами: князей Воротынскихъ, Тарусскихъ, Одоевскихъ, Мезецкихъ, Бѣльскихъ и пр., хотя въ отношеніи къ своимъ служебнымъ князьямъ такого отъѣзда

не допускалъ. Къ отъѣзду служебныхъ князей онъ примѣнилъ прежде всего ту политику, какая установилась до него къ вольнымъ слугамъ вообще, т. е. наказывалъ за отъѣздъ. Въ 1479 г. вел. князь судилъ кн. И. В. Оболенскаго-Лыко, бывшаго намѣстникомъ въ Великихъ Лукахъ, по челобитью лучанъ о продажѣ и объ обидахъ. По нѣкоторымъ дѣламъ намѣстникъ былъ обвиненъ по суду, а по другимъ вел. князь „безсудно“ велѣлъ ему заплатить, потакая лучанамъ. Обиженный такою несправедливостью, Оболенскій отъѣхалъ отъ вел. князя къ его брату Борису Васильевичу волоцкому. Вел. князь послалъ за отъѣздчикомъ своего боярина и „велѣлъ его поимати середь двора у кн. Бориса на Волоцѣ“. Но удѣльный князь не допустилъ такого самоуправства у себя на дворѣ и „отнялъ сильно“ отъѣхавшаго князя у великокняжескаго посла. Тогда Иванъ III отправилъ къ брату второго посла, требуя, чтобы Оболенскій былъ выданъ головою. Но Борисъ Васильевичъ его не выдалъ и объявилъ послу: „кому до него дѣло, ино на него судъ да исправа“. Таково было правило междукняжескихъ соглашеній. Но договорное право уже отжило свое время. Вел. князь поручилъ боровскому намѣстнику поймать отъѣздчика тайно, когда и гдѣ его наѣдетъ. У Оболенскаго было на Боровцѣ село, и какъ только онъ туда пріѣхалъ, то былъ схваченъ и въ оковахъ привезенъ въ Москву. Борисъ Васильевичъ обратился къ брату Андрею, жалуясь на вел. князя, „что какову силу чинитъ надъ ними, что неволно кому отъѣхати къ нимъ“. Перечень разныхъ неправдъ вел. князя Борисъ Васильевичъ заключаетъ жалобой: „а нынѣча и здѣ силу чинитъ, кто отъѣдетъ отъ него къ намъ и тѣхъ безсудно емлетъ, уже ни за бояре почелъ братью свою; а духовные отца своего забылъ, какъ написалъ почему имъ жити, ни докончанія, что на чемъ кончали послѣ отца своего“. У Бориса Васильевича былъ дѣйствительно заключенъ съ вел. княземъ въ 1473 г. договоръ, повторяющій дословно какъ правило о вольной службѣ бояръ, такъ и ограниченіе о непринятіи на службу служебныхъ князей съ ихъ вотчинами (П. С. Л., т. VI, 222; С. Г. Г., т. I, № 97).

При Иванѣ III стала примѣняться и одна прямая мѣра

противъ свободы отъѣзда всякихъ вольныхъ слугъ: съ лицъ, заподозрѣнныхъ въ намѣреніи отъѣхать, брались крестоцѣловальныя записи въ томъ, что они будутъ служить до живота и ни къ кому не отъѣдутъ. Древнѣйшая изъ сохранившихся записей этого рода взята въ 1474 г. съ князя Данилы Дмитріевича Холмскаго, который далъ обязательство: „А мнѣ кн. Данилу своему осподарю вел. князю Ивану Васильевичю и его дѣтемъ служити до своего живота, а не отъѣхати ми отъ своего осподаря отъ вел. князя Ивана Васильевича, ни отъ его дѣтей къ иному ни хъ кому“. Санкція этого обязательства была весьма категорична: „осподарь мой кн. велики и его дѣти надо мною по моей винѣ въ казни воленъ“. Чтобы еще болѣе закрѣпить силу обязательства, давшій его долженъ былъ представить за себя нѣсколькихъ поручителей въ значительной денежной суммѣ, а поручители—представить за себя подпоручителей. (С. Г. Г., т. I, №№ 103, 104, 146, 149 и др.). Такъ создавалось понятіе о вѣрности службы до живота, а наказаніе за отъѣздъ пріобрѣтало правомѣрный характеръ. Однако, наряду съ этимъ въ междукняжескихъ договорахъ продолжали повторяться старыя нормы о вольной службѣ бояръ и дѣтей боярскихъ съ указаннымъ ограниченіемъ для служебныхъ князей. Въ послѣдній разъ онѣ повторены въ послѣднемъ договорѣ между князьями братьями 1531 г. Значитъ, одновременно существовало двоякое право: одно умирающее, другое нарождающееся.

Впервые въ 1534 г. митр. Даніилъ взялъ одностороннюю крестоцѣловальную запись съ удѣльныхъ князей Юрія и Андрея Ивановичей на имя малолѣтняго вел. князя, въ которой они, между прочимъ, обязались: „ни людей имъ отъ вел. князя Ивана къ себѣ не отзывати“. А въ 1537 г. кн. Андрей далъ новую запись, гдѣ то же обязательство формулировано такъ: „А кто захочетъ отъ тобя ко мнѣ ѣхати, князь ли, или бояринъ, или діакъ, или сынъ боярской, или кто ни буди на ваше лихо: и мнѣ того никакъ не приняти“. Наконецъ, кн. Владиміръ Андреевичъ по такой же односторонней записи въ 1553. г. обязался: „А князей ми служебныхъ съ вотчинами и бояръ вашихъ не пріимати; также ми и всякихъ вашихъ служебныхъ людей, безъ вашего велѣнья, не пріимати къ

себѣ никого“ (П. С. Л., т. VI, 275; С. Г. Г., т. I, №№ 163 и 167).

Съ конца XV в. безопаснымъ остался отъѣздъ только въ Литву. Изъ мелкихъ удѣловъ сильная рука московскихъ князей могла достать любого отъѣздчика; а послѣ смерти Василія Ивановича удѣльные князья вынуждены были и формально отказаться отъ права принимать къ себѣ въ службу московскихъ слугъ. Отъѣздъ же въ Литву признанъ нарушеніемъ вѣрности своему господарю, т. е. измѣной. Но такова правительственная точка зрѣнія. А слуги перебѣжчики, такой широкой волной мѣнявшіе одно отечество на другое, повидимому не находили ничего предосудительнаго въ своемъ поведеніи. Еще Курбскій упрекалъ Грознаго въ томъ, что онъ своими крестоцѣловальными записями о неотъѣздѣ „затворилъ царство русское, сирѣчь свободное естество человѣческое, словно въ адовой твердынѣ“, и оправдывался отъ обвиненія въ измѣнѣ: „А еже пишеши, имянующе насъ измѣнники для того, иже есмя принуждены были отъ тебя по неволѣ крестъ цѣловати, яко тамо есть у васъ обычай, аще бы кто не присягнулъ, горчайшею смертію да умреть; на сіе тебѣ отвѣтъ мой: всѣ премудрые о семъ згажаются, аще кто по неволѣ присягаетъ или клянется, не тому бываетъ грѣхъ, кто цѣлуетъ, но паче тому, кто принуждаетъ... аще ли же кто прелютаго ради гоненія не бѣгаетъ, аки бы самъ себѣ убойца“. Тѣ же мысли повторяютъ и другіе отъѣздчики—Тетеринъ и М. Сарыгозинъ (Сказанія Курбскаго, изд. 2, 231 и 374).

Но и въ среду вольныхъ слугъ начинаетъ проникать новая точка зрѣнія, что отъѣздъ къ чужому государю роняетъ честь и достоинство вольнаго слуги. Въ 1514 г., послѣ взятія Смоленска, кн. Михайло Мстиславскій перешелъ на службу съ отчиною къ московскому князю и цѣловалъ крестъ. Но какъ только онъ узналъ о приближеніи литовскаго войска, то опять перешелъ на службу къ литовскому князю, объявляя свою вѣрность. Чувствуя, однако, свою неправоту, онъ бьетъ челомъ своему исконному государю о выдачѣ ему охранной грамоты, чтобы „на него никоторое мерзячки за то не мѣли, ажъ бы напотомъ чьти его и дѣтей его въ томъ не тыкало“ (А. З. Р., т. II, № 92). Но понятія о чести въ ту

пору были совершенно своебразны. Московское правительство придумало весьма остроумное наказаніе, поражающее честь отъѣздчика: оно не давало счета о мѣстахъ отъѣзжавшимъ изъ Москвы или понижало ихъ честь на нѣсколько мѣстъ. Для служилаго человѣка это была страшная кара, такъ какъ онъ лишался права мѣстничаться и тѣмъ губилъ свою служебную карьеру.

Вольная служба прекратила свое существованіе безъ формальнаго ея уничтоженія: указа объ отмѣнѣ ея издано не было. Отказываться отъ службы въ XVI в. было уже нельзя. Приказываться же въ службу могли только выѣзжіе служилые люди; свои должны были служить и безъ приказа.

Новая организація службы слагалась отчасти по готовымъ образцамъ. Въ придворномъ штатѣ каждаго владѣтельнаго князя, въ числѣ его дворныхъ людей или дворянъ, наряду съ вольными слугами, были и слуги невольные, княжескіе холопы. Въ духовномъ завѣщаніи Семена Ивановича перечислены слѣдующіе разряды невольныхъ дворовыхъ слугъ: „А что моихъ людий дѣловыхъ, или кого буди прикупилъ, или хто ми ся будеть въ винѣ досталъ, такоже мои тивуни, и посельскиѣ, и ключники, и старосты, или хто ся будеть у тыхъ людий женилъ, всѣмъ тѣмъ людемъ далъ есмь волю" (Въ позднѣйшихъ духовныхъ вел. князей сюда включены еще казначеи. С. Г. Г., т. I, №№ 24—26, 34, 39). Объ отказѣ отъ службы этихъ слугъ, конечно, не могло быть и рѣчи. Они вѣчные слуги до своего живота или до отпуска по милости господина. Но и вольные дворные слуги, состоявшіе въ вѣдѣніи дворскаго или дворецкаго, были въ извѣстной мѣрѣ ограничены въ правѣ выбора господаря-князя. Въ договорѣ Дмитрія Донского съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ 1362 г., наряду съ обычнымъ правиломъ „а бояромъ и слугамъ вольнымъ воля", стоитъ и ограниченіе: „А которыи слуги потягли къ дворьскому, а черныи люди къ сотникомъ, тыхъ ны въ службу не приимати". Въ духовной Владиміра Андреевича 1410 г. указаны слѣдующія правила относительно бояръ и слугъ: „А бояромъ и слугамъ, кто будетъ не подъ дворьскимъ, волнымъ воля. А кто будетъ подъ дворьскимъ слугъ, тѣхъ дѣти мои промежи себе не приимають" (тамъ же,

№№ 27 и 40). Слуги подъ дворскимъ противополагаются вольнымъ слугамъ, но не потому, что они не могутъ отъѣхать: иначе бы князьямъ нечего было условливаться о неприемѣ ихъ въ службу. Противоположеніе это имѣетъ совсѣмъ иной смыслъ. Занимаясь различными хозяйственно-государственными профессіями при княжескомъ дворѣ, слуги подъ дворскимъ содержались или на хозяйскомъ иждивеніи, какъ и многіе младшіе дружинники, или получали въ пользованіе участки земли подъ условіемъ службы. Первое указаніе на этотъ порядокъ содержанія дворныхъ слугъ встрѣчается въ духовной Калиты: „А что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богородичское, а далъ есмь Бориску Воръкову, аже иметь сыну моему которому служити, село будеть за нимь; не имѣть ли служити дѣтемъ моимъ, село отоимуть“ (тамъ же, № 22). Отказъ отъ службы такихъ лицъ сопровождался отобраніемъ у нихъ земель. Владиміръ Андреевичъ благословилъ старшаго сына Ивана въ Москвѣ и станахъ конюшимъ путемъ и другими хозяйственными статьями и относительно лицъ, проживавшихъ при этихъ хозяйствахъ, распорядился такъ: „а (кто) тѣхъ борътниковъ, или садовниковъ, или псарей, или бобровниковъ, или барашовъ, дѣлюевъ не въсхочетъ жити на тѣхъ земляхъ, инъ земли лишенъ, пойди прочь, а сами сыну кн. Ивану не набодѣ, па которого грамоты полные не будетъ, а земли ихъ сыну кн. Ивану“. Отсюда ясно, что всѣ эти лица, кромѣ полныхъ холоповъ, могли уйти, но лишались земельныхъ участковъ. Связанныя съ этимъ хозяйственныя перетасовки и вызвали у союзныхъ князей соглашеніе не принимать въ службу слугъ подъ дворскимъ другъ у друга.

Выгоды придворной службы привлекали въ составъ дворовыхъ слугъ и людей боярскаго происхожденія. Въ XIII в. уже упоминаются дѣти боярскія въ разрядѣ дворныхъ слугъ. По мѣрѣ усиленія Московскаго государства и расширенія его границъ приливъ знати въ составъ придворнаго штата московскихъ государей все болѣе усиливался. Дѣти боярскія служатъ даже въ дворовомъ штатѣ княгинь. Въ духовной Василія Темнаго упомянуто: „А которые дѣти боярьские служатъ моей княгинѣ, и слуги ее, и вси ее люди, холопи еѣ, и кому буду язъ князь велики тѣмъ давалъ свои села, или моя княгини

имъ давала свои села, или за кѣмъ будетъ ихъ отчина или купля: и въ тѣхъ своихъ людехъ во всихъ волна моя княгини и въ тѣхъ селехъ“ (С. Г. Г., т. I, № 87). Здѣсь дѣти боярскія перечислены въ одной группѣ съ слугами и холопами, при чемъ всѣ лица этой группы владѣли или княжескими селами или собственными. Такимъ образомъ дѣти боярскія изъ группы вольныхъ слугъ переходили въ разрядъ слугъ подъ дворскимъ и получали въ этомъ случаѣ въ пользованіе княжескія земли. Въ XV в. лѣтопись проводитъ строгое различіе между дѣтьми боярскими изъ уѣздовъ и дѣтьми боярскими, составляющими дворъ князя. Напр., весною 1470 г. „посла̀ль рать свою князь великій судовую на Казанскіе мѣста... а воевода Костянтинъ Беззубцевъ Александровичь, а съ нимъ многіе дѣти боярскые, дворъ свой, такоже и отъ всея земли своея дѣти боярскые, изо всѣхъ городовъ своихъ и изо всѣхъ вотчинъ своихъ потомуже“ (П. С. Л., т. VI, 188; ср. разряды 7017 г. въ Древн. Разр. кн., 42: „дѣти боярскіе из двора и из городовъ“). Дѣти боярскія изъ всѣхъ городовъ и уѣздовъ— это вольные слуги, которые служатъ съ своихъ вотчинъ и въ нихъ проживаютъ; дѣти боярскія дворовыя служатъ при дворѣ и съ княжескихъ земель. По мѣрѣ присоединенія къ Москвѣ другихъ княженій и расширенія придворнаго штата московскихъ князей, число желающихъ поступить въ дворовую службу постепенно увеличивалось. За дѣтьми боярскими потянулись и ихъ отцы — господа бояре, и даже служебные князья не брезговали служить вблизи вел. князя. Размѣстить всѣхъ желающихъ при московскомъ дворѣ не представлялось никакой возможности. И московскіе князья начали ихъ размѣщать въ службу по разнымъ городамъ, надѣляя ихъ участками земли изъ собственныхъ селъ и деревень. Такъ мало по малу создавалась помѣстная система. Для ея развитія необходимъ былъ обширный земельный фондъ, а потому московскіе князья усиленно создавали его покупками и особенно конфискаціями у заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ и при покореніи новыхъ областей. О Василіи Темномъ сохранилось извѣстіе, что онъ „поималъ у кого у измѣнниковъ многое множество“ селъ и волостей. Иванъ III потребовалъ отъ новгородцевъ половины селъ владычнихъ, монастырскихъ и боярскихъ, такъ

XVC

какъ безъ этого держать государство свое въ Новгородѣ ему было невозможно (П. С. Л., т. VIII, 150; т. XII, 115 и 183; т. VI, 216). Позднѣе конфискаціи селъ у новгородскихъ бояръ и монастырей повторялись. Такъ, въ 1484 г. „поималъ князь великый болшихъ бояръ ноугородцкыхъ и бояринь, а казны ихъ и села всѣ велѣлъ отписати на собя, а имъ подавалъ помѣстья на Москвѣ по городомъ“. Та же мѣра повторена въ 1489 г. Въ 1500 г. вел. князь съ благословенія митрополита „поималъ въ Новѣгородѣ церковные земли за себя, владычни и монастырскіе, и роздалъ дѣтемъ боярскимъ въ помѣстіе“ (тамъ же, т. VI, 36 и 37; т. XII, 215 сл., 220 и 249). Отсюда ясно, почему Иванъ Васильевичъ не считалъ возможнымъ держать государство въ Новгородѣ безъ селъ: они нужны были прежде всего для надѣленія помѣстьями княжескихъ слугъ мелкаго ранга, у которыхъ не было собственныхъ вотчинъ. Новымъ новгородскимъ помѣщикамъ Иванъ III выдавалъ жалованныя грамоты на помѣстья, предоставляя новымъ владѣльцамъ сборъ доходовъ денежныхъ и хлѣбныхъ по старинѣ, какъ собирали ихъ прежніе вотчинники. „А что прибавитъ на крестьянъ своего доходу, и онъ въ томъ воленъ, только бы было не пусто, чтобы вел. князей дань и посошная служба не залегла“ (Самоквасовъ, Архивн. матер., Отд. II, 6—9). Помѣстное землевладѣніе мелкихъ слугъ разросталось въ ущербъ вотчинному землевладѣнію бояръ и дѣтей боярскихъ, а отчасти монастырей (въ Новгородѣ). Но помѣстье было въ такой же мѣрѣ эмблемой зависимой службы, какъ вотчина службы вольной.

Изъ оффиціальныхъ документовъ впервые Судебникъ 1-й упоминаетъ „о помѣстникѣ (помѣсчикѣ), за которымъ земли великого князя“ (ст. 63). При Иванѣ III, какъ видно на примѣрѣ новгородскихъ бояръ, и бояре могли быть помѣщиками. Но это еще не общій порядокъ. Бояре въ смыслѣ бытового термина обыкновенно владѣльцы собственныхъ вотчинъ. Судебникъ сопоставляетъ боярина и помѣщика, ставя боярина на первомъ мѣстѣ, но не отождествляетъ ихъ. Помѣщики это по преимуществу мелкіе слуги, главнымъ образомъ дворяне, а потомъ уже дѣти боярскія. Термины вольной службы—„бояре и дѣти боярскіе“—въ теченіе всей первой половины XVI в.,

во всѣхъ оффиціальныхъ актахъ, стоятъ выше термина дворовой службы—„дворянъ". Но во второй половинѣ вѣка дворяне оказались уже выше дѣтей боярскихъ. Въ подписяхъ подъ приговорной грамотой 1566 г. дворяне названы впереди дѣтей боярскихъ. То же сказалось и въ названіи третьяго думнаго чина: въ первой половинѣ вѣка это были „дѣти боярскіе, которые въ думѣ живутъ", а во второй половинѣ—„дворяне въ думѣ" или „думные дворяне". Во всѣхъ оффиціальныхъ актахъ XVII в. дворяне занимаютъ мѣсто впереди дѣтей боярскихъ. „Въ этомъ торжествѣ термина, возникшаго въ придворной службѣ, надъ терминомъ, возникшимъ въ вольной службѣ, выразилась полная и неоспоримая побѣда новыхъ московскихъ порядковъ надъ отживавшей стариной" (Юрид. Древн., I, 477). Однако, для завершенія этой побѣды понадобилось не менѣе ста лѣтъ.

Какъ сказано выше, въ XVI в. уже нѣтъ отказа отъ службы. Признана обязанность служить до „живота". Челобитье о принятіи въ службу сохранило свое значеніе только для выѣзжихъ слугъ; свои же слуги должны были служить и безъ челобитья, по обязанности. Но долгое время оставались невыясненными многіе существенные вопросы въ организаціи этой обязательной военной службы. На кого упадала обязанность отбывать службу и съ какого возраста? Каковы размѣры этой службы? Все это выяснялось мало по малу продолжительнымъ путемъ разнообразныхъ практическихъ опытовъ.

Составъ служилаго населенія слагался изъ двухъ различныхъ элеметовъ: прежнихъ вольныхъ слугъ и дворянъ. При всемъ ихъ различіи, слитіе между ними происходило на почвѣ все усиливающагося притока вольныхъ слугъ въ составъ дворянства, включавшаго даже элементы полнаго холопства. Притокъ вольныхъ слугъ облагораживалъ составъ дворянства, но одновременно съ тѣмъ вольные слуги теряли въ своемъ прежнемъ общественномъ значеніи въ силу того, что раньше они служили по собственной волѣ и съ своихъ вотчинъ, а теперь начинали служить съ помѣстій и по обязанности. Но самые крупные изъ нихъ довольно долго сохранили за собой возможность имѣть собственные дворовые штаты, свой дворъ,

своихъ дворянъ. Эти многочисленные боярскіе дворы, подъ именемъ послужильцевъ, уходили отъ непосредственной службы великому князю и служили ему лишь въ той мѣрѣ, въ какой ихъ государь-бояринъ обязанъ былъ выходить въ походы съ своими собственными слугами по приказу великаго князя. При оппозиціонномъ настроеніи боярства, боярскіе дворы представляли безспорную опасность, и съ ними началъ борьбу уже Иванъ III. Въ одной разрядной книгѣ о немъ сохранилось слѣд. извѣстіе: „какъ Богъ поручилъ вел. князю Ивану Васильевичу подъ его державу В. Новгородъ, и по его государеву изволенію распущены изъ княжескихъ дворовъ и изъ боярскихъ служилые люди, и тутъ имъ имена, кто чей бывалъ, какъ ихъ помѣстилъ государевъ писецъ Дмитрій Китаевъ". Эти послужильцы изъ боярскихъ дворовъ Тучковыхъ, кн. Ряполовскаго, Шереметева, Кузмина, Есипова, Травина и др. были испомѣщены по государеву указу въ Вотцкой пятинѣ (Кар. VI, пр. 201), т. е. превратились изъ боярскихъ слугъ въ государевыхъ помѣщиковъ. Но наряду съ этимъ можно отмѣтить господство старыхъ порядковъ. По разряду 7001 г. князьямъ Воротынскимъ, Одоевскимъ, Бѣлевскимъ и Мезецкому „велѣл кн. великій быти подлѣ передовой полкъ вел. князя, на правой сторонѣ или на лѣвой, гдѣ похотятъ. А не похочетъ кн. Дмитрей быти вмѣстѣ з братом своим со кн. Семеном, и кн. Дмитрею быти своимъ полкомъ подлѣ болшой полкъ, гдѣ пригоже" и пр. Изъ этой записи явствуетъ, что у названныхъ служебныхъ князей были свои полки, которыми они командовали сами, особо отъ княжескихъ полковъ (Древ. Разр. книга, 1902, 17). Значитъ, ихъ дворовый штатъ былъ весьма многочисленный. Правда, указано на то, что эти князья въ послѣдніе годы княженія Ивана III уже становились во главѣ того или другого московскаго полка и обособленныхъ полковъ не имѣли (Боярская Дума, 208). Но это свидѣтельствуетъ лишь объ исчезновеніи нѣкоторыхъ признаковъ удѣльной особности, но не объ уничтоженіи двороваго штата служебныхъ князей. Послужильцы при дворахъ служебныхъ князей и бояръ существовали не только при Иванѣ III и его сынѣ, но даже и при Грозномъ, около половины XVI в. Въ писцовой книгѣ тверскихъ волостей около 1548 г. имѣ-

ются любопытныя указанія на то, кому служатъ перечисленные въ книгѣ помѣщики и вотчинники. Помѣщики служили тому, отъ кого получили земли въ помѣстья, большею частью царю и вел. князю, но иногда тверскому владыкѣ. Вотчинники же хотя также служили большею частью царю, иногда владыкѣ, но были и такіе, которые служили частнымъ лицамъ, съ поименованіемъ кому именно, а про иныхъ отмѣчено, что они не служили никому (Писц. книги XVI вѣка, Отд. II, 141—290; Указатель къ нимъ, XVII—XIX; И. И. Лаппо. Тверской уѣздъ въ XVI в., 74 и статистическія таблицы, 130—203; В. Сергѣевичъ. Древн. русск. права, т. III, 17—18). Отсюда видно, что и къ половинѣ XVI в. обязательная военная служба московскому государю не успѣла захватить всѣхъ землевладѣльцевъ, не малая часть которыхъ служила не государю московскому, а какимъ либо князьямъ, боярамъ, окольничимъ и даже нечиновнымъ частнымъ лицамъ; иные же вотчинники предпочитали никому не служить.

Съ другой стороны и норма службы опредѣлилась далеко не сразу, а была сначала весьма колеблющейся. Иванъ III, напр., зачислялъ въ службу и новгородскихъ своеземцевъ, по преимуществу мелкихъ вотчинниковъ. Способность ихъ къ службѣ, конечно, оказалась различною. Нашлись и такіе, которые оказались не въ состояніи служить: за это на нихъ положенъ особый оброкъ (Новгород. писц. книги, II, 143, 242). Еще въ 40—60-хъ годахъ XVI в. многіе своеземцы не были въ состояніи каждый единолично отбывать службу, а потому отбывали ее группами: одинъ служитъ, а другой или другіе ему подмогаютъ, или служащій „емлетъ“ съ другихъ подмогу, получаетъ за подмогу лишнія деревни, или двое служатъ съ своихъ участковъ, „по годомъ перемѣняясь“ (тамъ же, IV, 539, 547—549, 552; Самоквасовъ. Архивный матеріалъ, Отд. II, 2).

При такихъ условіяхъ указъ 1556 г., сохранившійся въ лѣтописномъ пересказѣ, имѣлъ весьма важное значеніе для организаціи служилыхъ людей. Этотъ указъ прежде всего содержитъ указанія на ненормальное положеніе дѣлъ относительно условій отбыванія служилой повинности. Государь обратилъ вниманіе на то, что „которые велможы и всякіе воини

многыми землями завладали, службою оскудѣша, — не противъ государева жалованія и своихъ вотчинъ служба ихъ“. Поэтому онъ приказалъ произвести уравненіе: „въ помѣстьяхъ землемѣріе имъ учиниша, комуждо что достойно, такъ устроиша, преизлишки же раздѣлиша неимущимъ“. Итакъ, служба съ помѣстій и вотчинъ отбывалась крайне неравномѣрно, такъ что понадобилась значительная перетасовка въ надѣленіи помѣстьями. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь „съ вотчинъ и съ помѣстья уложеную службу учини же: со ста четвертей добрые угожей земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣсѣ въ полномъ, а въ далной походъ о дву конь“. Такова была норма службы въ зависимости отъ размѣровъ землевладѣнія. За службу „по земли“ обѣщано пожалованіе кормленіями, „и на уложеные люди денежное жалованіе“. А кто „землю держитъ, а службы съ неѣ не платитъ, на тѣхъ на самѣхъ имати денги за люди; а хто даетъ въ службу люди лишніе передъ землею, черезъ уложенные люди, и тѣмъ отъ государя болшее жалованіе самимъ, а людемъ ихъ передъ уложеными въ полътретіа давати денгами“. Въ лѣтописи это извѣстіе заключено указаніемъ что „подлинные тому розряды у царьскихъ чиноначалниковъ, у приказныхъ людей“ (П. С. Л., т. XIII, 268—269). Согласно этому указу требовалось составить подробные списки всѣхъ служилыхъ людей съ обозначеніемъ о каждомъ размѣровъ его службы. Такая мѣра, конечно, и не могла быть проведена сразу. Но она и не являлась совершеннымъ новшествомъ. Несомнѣнно, что правительство и раньше располагало нѣкоторыми данными о составѣ и числѣ служилыхъ людей. Герберштейнъ сообщаетъ о вел. князѣ Василіи Ивановичѣ, что онъ „черезъ годъ или черезъ два дѣлаетъ наборъ по областямъ и переписываетъ боярскихъ дѣтей, чтобы знать ихъ число, и сколько каждый имѣетъ лошадей и служителей. Потомъ каждому опредѣляетъ жалованье“ (Записки о Московіи, пер. Анонимова, 76). Извѣстно, что въ 30-хъ гг. XVI в. производились „пересмотры новгородскихъ помѣщиковъ (Новг. писц. кн., IV, 291, 311, 348, 424). Въ одной грамотѣ въ Новгородъ 1552 г. встрѣчается уже и названіе „десятница“, позднѣе „десятня“, для обозначенія списка служилыхъ людей. Наконецъ, необходимо имѣть въ виду, что списки высшихъ

придворныхъ чиновъ начали составляться гораздо раньше и въ позднѣйшихъ спискахъ сохранились до насъ отъ половины XV в. Указъ, записанный подъ 1556 г., являлся, такимъ образомъ, обобщеніемъ и исправленіемъ уже давно установившейся практики. Въ грамотѣ 1556 г. сохранилось указаніе и на то, что служилый человѣкъ долженъ былъ начинать службу съ 15 лѣтъ и нести ее до смерти или до неспособности по старости и болѣзнямъ (Доп. къ А. И., т. I, № 47).

Въ силу обязательности службы, въ списки служилыхъ людей должны были заноситься всѣ служилые люди и прежде всего дворяне и дѣти боярскія. Это правило выражено примѣнительно къ дѣтямъ боярскимъ въ Судебникѣ Ц. въ такой формѣ: „А дѣтей боярскихъ служивыхъ и ихъ дѣтей, которые не служивали, въ холопи не пріимати никому, опричь тѣхъ, которыхъ государь отъ службы отставитъ". (ст. 81). Это значитъ, что дѣти боярскія не могли располагать своей свободой вслѣдствіе ихъ служебныхъ обязанностей. За отпаденіемъ послѣднихъ по причинѣ отставки отъ службы, дѣтямъ боярскимъ не было преградъ продаться и въ холопы.

Списки дворянъ и дѣтей боярскихъ для приведенія въ извѣстность военныхъ силъ страны составлялись по каждому городу съ уѣздомъ. Для составленія такихъ списковъ командировались изъ Москвы спеціально назначенныя лица, которыя при помощи окладчиковъ, выбранныхъ изъ среды мѣстныхъ служилыхъ людей, производили періодическіе смотры или разборы дѣтей боярскихъ и дворянъ. По указаніямъ окладчиковъ опредѣлялась имущественная состоятельность и служебная годность каждаго служилаго человѣка. Въ списки сначала заносились старинные служилые люди, которые служили государеву службу цѣлый рядъ лѣтъ; затѣмъ такіе, которые по возрасту только что „поспѣли" въ службу и едва успѣли ее начать или должны были начать. Это были такъ наз. „новики" служилые или неслужилые, въ отличіе отъ „недорослей", которые въ службу еще „спѣли", но не доросли до нея. Каждая изъ этихъ группъ въ свою очередь раздѣлялась на статьи, различающіяся между собою по размѣрамъ помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ. По статьямъ сортировали, опять распрашивая окладчиковъ, „кто кому

отечествомъ и службою и прожитками въ версту“, т. е. кто съ кѣмъ могъ быть въ одной статьѣ по равенству служебныхъ силъ. Такихъ статей въ каждой группѣ могло быть въ разныхъ городахъ различное число. Напр., новичные помѣстные оклады переяславцевъ дѣтей боярскихъ въ 1590 г. дѣлились на 3 статьи отъ 250 до 150 четей земли; новгородцевъ дѣтей боярскихъ въ 1601 г. раздѣлялись на 5 статей отъ 300 до 100 четей; оклады дѣтей боярскихъ рязанскаго архіепископа въ 1604 г. дѣлились на 6 статей въ тѣхъ же предѣлахъ помѣстнаго оклада; дворяне же и дѣти боярскія торопчане и холмичи въ 1606 г. были верстаны помѣстными окладами „по послѣднему указу“ по 11 статьямъ отъ 600 до 100 четей. Размѣры денежнаго жалованья по статьямъ колебались въ предѣлахъ отъ 14 р. до 4 р. (Акты Моск. госуд., I, №№ 33, 40, 41, 43). Въ разборныхъ спискахъ или десятняхъ о каждомъ служиломъ человѣкѣ обозначалось, „каковъ онъ будетъ на государевѣ службѣ коненъ и оруженъ и люденъ“, или „что съ кѣмъ на государевѣ службѣ будетъ людей, и коней, и доспѣховъ, и всякого служебнаго наряду“. По этимъ спискамъ о каждомъ можно было заключить, „кто каковъ отечествомъ и службою, и кому кто въ версту, и въ которую статью кто съ кѣмъ помѣстнымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ пригодится, и кому мочно впередъ государева служба служити, и на государевы службы пріѣзжаютъ на срокъ ли и съ государевы службы до отпуску не съѣзжаютъ ли, и которые къ службамъ лѣнивы за бѣдностью и которые лѣнивы не за бѣдностью“ (тамъ же, № 44). Въ частности верстаніе (т. е. соотвѣтственное надѣленіе) помѣстными окладами новиковъ происходило двояко: дѣти прожиточныхъ дѣтей боярскихъ верстались „въ припускъ“, т. е. должны были отбывать службу съ отцовскаго помѣстья, а дѣти неимущихъ родителей верстались „въ отводъ“, т. е. имъ назначался самостоятельный помѣстный окладъ.

Въ зависимости отъ служебной годности, родословности и имущественной состоятельности дѣти боярскія и дворяне раздѣлялись на выборныхъ, дворовыхъ и городовыхъ. Первые назначались начальниками отдѣльныхъ военныхъ отрядовъ, а послѣдніе должны были нести во всякомъ случаѣ осадную

службу съ городомъ, если оказывались не всегда въ состоянiи отбывать полковую службу.

Когда выяснился принципъ обязательности службы для служилыхъ людей и ихъ дѣтей, то въ теченiе второй половины XVI в. все настоятельнѣе назрѣвалъ и другой вопросъ: можно ли верстать въ дѣти боярскiя и дворяне разныхъ лицъ не изъ ихъ среды. Неопредѣленный составъ слугъ подъ дворскимъ прежняго времени, включавшiй разнородные элементы отъ дѣтей боярскихъ до полныхъ холоповъ, не давалъ на этотъ вопросъ готоваго отвѣта. А возрастающiя военныя потребности страны и въ особенности настоятельная нужда обороны южной окраины побуждали московское правительство верстать въ составъ дѣтей боярскихъ и людей не боярскаго происхожденiя. Такъ, до насъ сохранилась по г. Епифани десятня 1585 г. „детей боярскихъ епифанцовъ, которые верстаны исъ казаковъ“ съ помѣстными окладами по 40 и 30 четей. Извѣстно далѣе, что по приказу Бориса Годунова „верстаны въ дѣти боярскiе изъ холопей за доводы“ (В. Сторожевъ. Матерiалы для исторiи дворянства. Десятни и тысячная книга XVI в., стр. 89 и 92). Такiе случаи могли встрѣчаться въ практикѣ и довольно часто. Но интересы служилыхъ людей могли заставить ихъ бороться съ такою практикою уже по тому одному, что помѣстный фондъ, состоявшiй въ распоряженiи правительства для помѣстнаго верстанiя, оказывался весьма недостаточнымъ и для потребностей служилыхъ людей. Поэтому „помѣстныя дачи“, т. е. дѣйствительное надѣленiе помѣстьями, въ большинствѣ случаевъ оказывались ниже помѣстныхъ окладовъ, назначенныхъ новикамъ при ихъ поверстанiи. Только постепенными прибавками къ первоначальнымъ дачамъ помѣстья достигали размѣровъ окладныхъ статей. Къ этому надо присоединить еще и общiй кризисъ, постигшiй землевладѣльцевъ во 2-й половинѣ XVI в. Уже Курбскiй жаловался на то, что вслѣдствiе развитiя монастырскаго землевладѣнiя „земли христiанскiя и такъ уже знищали, иже воинскiй чинъ каликъ хужши учинили“. Почти въ тѣхъ же выраженiяхъ рисуетъ бѣдственное положенiе служилыхъ людей и духовный соборъ 1584 г. Онъ указалъ, что запрещенiе прiобрѣтать вотчины властямъ

и въ монастыри установлено „для воинского оскудҍнья, что воинство веліе пріиде во оскудҍніе“, и уложилъ отмҍнить тарханы въ монастырскихъ и властелинскихъ вотчинахъ, такъ какъ „отъ того великая тощета воинскимъ людемъ пріиде“ (С. Г. Г., I, № 202). При такихъ условіяхъ было совершенно естественно домогаться того, чтобы постороннихъ лицъ въ дҍти боярскія и дворяне не верстали. Въ наказахъ о разборҍ служилыхъ людей еще въ XVI в. стояло предписаніе верстать „по отечеству“. Только въ наказахъ о верстаньи самаго начала XVII в. встрҍчается предписаніе верстать новиковъ дҍтей боярскихъ, „выпрашивая про нихъ про отечество и про службу... чтобы въ нихъ не было худыхъ, которыхъ впередъ въ службу не будетъ, и поповыхъ и мужичьихъ дҍтей, и холопей боярскихъ и слугъ монастырскихъ“; или же окладчикамъ въ болҍе общихъ чертахъ предписывалось „по родству и племени своему и другомъ своимъ по дружбамъ не дружити, а недругомъ по недружбамъ ни по какимъ не мстити и посуловъ и поминковъ ни у кого ничего не имати никоторыми дҍлы, и всякихъ неслужилыхъ отцовъ дҍтей и братью и племянниковъ и посадскихъ людей и пашенныхъ крестьянъ и холопей боярскихъ служилыхъ отцовъ дҍтми и братьями и племянники никого не называти“. Это предписаніе въ теченіе XVII в. многократно повторялось (Ак. Моск. гос., I, №№ 40 и 44; ср. Р. И. Б., т. X, 240—241; П. С. З. № 86, 744 и др.). Такимъ правиломъ, если оно и не выполнялось въ точности, положено было начало дворянской сословности.

Если въ средҍ провинціальныхъ или уҍздныхъ служилыхъ людей наблюдаются качественныя различія, то еще большая разница существовала между ними и дворянами, записанными по московскому списку. Московскіе дворяне стояли значительно выше дворянъ городовыхъ. Попасть въ московскій списокъ всегда было заманчивой, но трудно достижимой цҍлью для каждаго сына боярскаго или уҍзднаго дворянина. Преимущества московскихъ дворянъ сводились къ тому, что служба ихъ протекала на глазахъ государя, и изъ ихъ среды комплектовались всҍ высшія придворныя должности. Служба при московскомъ дворҍ издавна манила къ себҍ вліятельныхъ и знат-

ныхъ слугъ. Туда же потянулись и новые титулованные слуги московскихъ государей. Уже при Иванѣ III пышность придворной обстановки значительно возрасла. Грозный еще болѣе усилилъ придворный штатъ. При немъ, ранѣе принятія общихъ мѣръ по организаціи обязательной службы, въ 1550 г. состоялся приговоръ объ испомѣщеніи въ прилежащихъ къ Москвѣ уѣздахъ, не далѣе 60—70 верстъ, дѣтей боярскихъ, лутчихъ слугъ, 1000 человѣкъ. Они были раздѣлены на три статьи съ окладами въ 200—100 четей. Но помѣстьями надѣлялись лишь тѣ, за которыми не было вотчинъ: „А за которыми бояры и за дѣтми боярскими вотчины въ Московскомъ уѣздѣ или въ иномъ городѣ, которые близко Москвы, и тѣмъ помѣстья не дати". Отсюда видно, что помѣстье должно было служить лишь восполненіемъ недостатка вотчинъ. Всего было набрано по этому приговору 1078 чел., которые и составили кадръ служилыхъ людей по московскому списку. Всякую убыль въ личномъ составѣ предписано было пополнять: „а которой по грѣхомъ изъ тое тысячи вымретъ, а сынъ его къ той службѣ не пригодится, ино въ того мѣсто прибрать иного" (А. Э., т. I, № 225; см. алфавитъ тысячниковъ въ указ. изд. В. Сторожева. Матеріалы для исторіи дворянства; ср. „Тетрадь дворовая", изд. П. Милюковымъ въ Зап. Русск. Арх. Общ., т. XII, вып. 1 и 2). Эти отборные лутчіе слуги московскаго списка и составили главный контингентъ, изъ котораго вербовались всѣ важнѣйшіе чиновные люди придворнаго штата.

Чиновныхъ людей при дворѣ московскихъ государей оказалось великое множество. Они не впервые появляются въ Москвѣ; и при княжескихъ дворахъ древняго періода уже существовали придворныя должностныя лица; но число ихъ въ Москвѣ умножилось, и появился новый терминъ — „чинъ", „чиновный". Собственно слово „чинъ" (отъ „чинить"—дѣлать; „учинить"—сдѣлать) обозначалъ какую либо дѣятельность, профессію. Въ этомъ смыслѣ „чиномъ" называлась группа лицъ опредѣленной профессіи. Служилые люди, напр., составляли особый чинъ въ отличіе отъ крестьянъ или отъ посадскихъ людей, которые въ свою очередь являлись особыми чинами. Вся совокупность населенія или представители всѣхъ

или многихъ его группъ назывались людьми „всякихъ чиновъ Московскаго государства“. Но въ болѣе узкомъ или техническомъ смыслѣ „чиномъ“ назывались тѣ или иные разряды или должности военно-придворной службы. Вел. князья и государи своимъ слугамъ „чины жалуютъ“; по ихъ приказу „чины сказываютъ“ такимъ то лицамъ, т. е. возводятъ ихъ въ то или иное званіе или поручаютъ имъ какія либо должностныя функціи. Московскіе придворные чины тѣмъ существенно отличаются отъ чиновъ по табели о рангахъ, что не представляютъ точной градаціи, не образуетъ чиновной лѣстницы съ обязательно проходимыми ступенями, начиная съ низшей. Сходство между ними то, что московскіе чины, какъ и Петровскіе ранги, возникли изъ опредѣленныхъ должностей, а потомъ превратились въ почетные титулы или званія.

Среди различныхъ чиновъ при московскомъ дворѣ можно отмѣтить прежде всего двѣ группы: „чины думные“ и прочіе придворные чины. Въ общемъ первые выше послѣднихъ. Къ думнымъ чинамъ относились: бояре, окольничіе, думныя дѣти боярскія или думные дворяне и думные дьяки. Къ нимъ слѣдуетъ еще присоединить конюшаго, крайчаго, дворецкаго, оружничаго, казначеевъ, постельничаго и нѣкоторые другіе чины. Всѣ эти чины были сначала опредѣленными должностными порученіями при дворѣ вел. князей; но лишь немногіе сохранили этотъ признакъ за все разсматриваемое время; большинство ихъ превратилось въ почетныя отличія.

Бояре введенные, какъ чиновные люди, упоминаются впервые памятниками XIV—XV в. въ качествѣ судей, замѣнявшихъ личный судъ князя по дѣламъ лицъ, пользующихся привилегированною подсудностью. Въ льготныхъ грамотахъ, освобождающихъ отъ подсудности мѣстнымъ властямъ, обычно указывалось, что пожалованнаго (землевладѣльца, игумена и пр.), въ случаѣ предъявленія на него исковъ, „сужу язъ князь вел. или мой бояринъ введенный“. Проф. Сергѣевичъ полагаетъ, что должность бояръ введенныхъ и создалась въ помощь князю или для замѣны его по всѣмъ дѣламъ лично ему подсуднымъ. Естественно, что помощниками князя являлись лучшіе люди земли, бояре, которые вводились во дворъ князя и въ особое къ нему довѣріе, почему и назы-

вались введенными (Юр. Др., I, 397—399). Проф. Ключевскій иначе понимаетъ эту должность. По его мнѣнію, бояре введенные были управителями отдѣльныхъ вѣдомствъ дворцовой администраціи или дворцоваго хозяйства, и судебная ихъ компетенція была лишь одною изъ фукцій ихъ придворной службы. Этими постоянными обязанностями по дѣламъ дворцоваго управленія и надо объяснить изъятіе, какое установлено междукняжескими договорами въ пользу бояръ введенныхъ относительно „городной осады" (выше, стр. 254): они были освобождены объ обязательства отбывать городную осаду по мѣстонахожденію ихъ вотчинъ, такъ какъ ихъ нельзя было отрывать отъ текущихъ дѣлъ управленія (Бояр. Дума, 121—125).

Отъ половины XV в. до конца XVII сохранились списки всѣхъ бояръ введенныхъ, возведенныхъ въ этотъ чинъ. Но въ этихъ спискахъ (боярскихъ книгахъ) и въ другихъ оффиціальныхъ документахъ ихъ называли просто боярами, такъ какъ терминъ „введенные" выходитъ изъ употребленія. Этихъ чиновныхъ бояръ необходимо строго отличать отъ бояръ въ бытовомъ значеніи, каковыми являлись всѣ землевладѣльцы и рабовладѣльцы, къ какому бы чину они ни принадлежали. Въ XVI и XVII вв. чинъ боярина вовсе не связанъ съ какою либо опредѣленною должностью, кромѣ лишь того, что давалъ право на участіе въ думѣ; это первый думный чинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высшій чинъ въ государствѣ. Помимо этого бояре выполняли самыя различныя порученія въ области военной, придворной и гражданской службы, выступая въ роли полковыхъ воеводъ, пословъ, начальниковъ центральныхъ учрежденій и, наконецъ, областныхъ правителей (намѣстниковъ и воеводъ). Число ихъ постепенно возрастаетъ, а потому не всѣ они пользовались одинаковымъ довѣріемъ государя. Нѣкоторые изъ нихъ пользовались доступомъ въ „комнату", т. е. имѣли разрѣшеніе входить въ государевъ кабинетъ, почему и назывались „комнатными боярами". Но это фактическое отличіе болѣе довѣренныхъ бояръ со временемъ обратилось въ особой чинъ или титулъ, которымъ жаловали внѣ зависимости отъ степени довѣрія государя къ пожалованному. Возведеніе въ чинъ боярина было дѣломъ пожалованія или милости

со стороны государя. Но въ этомъ актѣ милости усмотрѣніе государя было ограничено сложившимися среди служилыхъ фамилій понятіями о родовой чести. Нѣкоторыя фамиліи считали своимъ правомъ получить чинъ боярина, минуя низшіе думные чины; другія же дослуживались до боярства не иначе, какъ пробывъ рядъ лѣтъ въ чинѣ окольничаго.

Окольничіе, упоминаемые уже съ XII в., несли сначала спеціальныя обязанности во время княжескихъ выходовъ и путешествій: наблюдали за исправностью дорогъ и мостовъ, устраивали станы, нанимали дворы для остановокъ и пр. Въ XVII в. эти обязанности окольничихъ исполняли и другія лица: „передъ государемъ шли въ окольничихъ мѣсто дворяне". На оффиціальномъ языкѣ должность квартирмейстеровъ въ войскахъ иноземнаго строя объяснена такъ: „по русски большіе полковые окольничіе" (Ак. Моск. гос., I. № 374). Въ XVI и XVII вв. эта должность продолжала сохранять свое значеніе, но окольничіе сдѣлались прежде всего чиновными людьми, исполняющими самыя разнообразныя обязанности, какъ и бояре, но всегда ниже бояръ. Прежде всего они — второй думный чинъ. Затѣмъ они являлись въ роли военачальниковъ, дипломатовъ, приказныхъ и областныхъ судей и правителей. По Судебникамъ на окольничихъ лежала и спеціальная обязанность наблюденія за „полемъ", т. е. судебнымъ поединкомъ. Пожалованіе этимъ чиномъ для иныхъ фамилій было крайнею ступенью служебной лѣстницы, а для другихъ являлось униженіемъ ихъ родословной чести. Въ 1651 г. пожалованный въ окольничіе Петръ Петровичъ Головинъ отказался отъ этой чести въ виду того, „что въ окольничихъ въ его пору нѣтъ, а отецъ де его былъ въ боярѣхъ". За такое пренебреженіе царскою милостью Головинъ былъ наказанъ тѣмъ, что его написали по московскому списку, а сверхъ того пригрозили, что ни въ какой чести ему у государя не бывать. Но большинство московскихъ дворянъ до окольничества никогда не дослуживалось.

Третьимъ думнымъ чиномъ были думные дворяне. Вопреки мнѣнію, по которому этотъ чинъ созданъ Иваномъ Грознымъ для проведенія въ думу неродословныхъ людей съ цѣлью противодѣйствія боярамъ, теперь документально уста-

новлено, что уже Василій III приглашалъ въ думу лицъ, которыя не имѣли званія боярина и окольничаго. При немъ извѣстны „дѣти боярскіе, которые въ думѣ живутъ". Таковъ упомянутый въ 1517 г. „сынъ боарской Иванъ Юрьевъ сынъ Поджогинъ, которой у государя въ думѣ живетъ". И позднѣе, въ 1536 и 1542 гг., упоминаются „дѣти боярскіе, которые живутъ въ думѣ", въ отличіе отъ другихъ дѣтей боярскихъ, „которые въ думѣ не живутъ" (Сб. Р. И. О., LIII, 40; LIX, 43, 65, 147, 301). Но вслѣдствіе той перемѣны, какая произошла въ соотношеніи между терминами „дѣти боярскія" и „дворяне", во второй половинѣ XVI в., напр. въ 1564 и 1570 гг., уже упоминаются „дворяне, которые живутъ у государя зъ бояры", или „дворяне, которые в думе у государя з бояры". Но въ томъ же 1570 г. встрѣчается вмѣсто описательнаго выраженія болѣе простой терминъ „думные дворяне" (Н. Лихачевъ. Думное дворянство, 10, 12, 8—9). Къ тому же слѣдуетъ имѣть въ виду, что среди фамилій, носившихъ званіе думнаго дворянина въ XVI в., извѣстны именитыя фамиліи князей Телятевскихъ и Буйносовыхъ, а также Воронцовыхъ и Зюзиныхъ. Но большинство думныхъ дворянъ не могло похвалиться своимъ родословіемъ. Въ числѣ ихъ упоминаются и печальной памяти царскіе любимцы Василій Грязной и Малюта Скуратовъ. Роль государственныхъ совѣтниковъ не единственная и не первая обязанность думныхъ дворянъ. Они несутъ и другія обязанности по военной, придворной и приказной службѣ.

Должности дворецкаго, конюшаго, казначеевъ ведутъ свое начало изъ глубокой древности. Но въ древности эти должности поручались холопамъ (выше, стр. 169—171), а въ Москвѣ это виднѣйшія придворныя лица. Дворецкій ведетъ свое начало отъ „дворьскаго тіуна", позднѣе просто „дворьскаго". Они завѣдывали княжескими дворами и принадлежащими къ нимъ имѣніями. Но слово „дворъ" у насъ, какъ и на западѣ въ началѣ среднихъ вѣковъ palatium, aula palatina, domus regia (Fustel de Coulange. La monarchie franque, 136—137), имѣло значеніе и всей совокупности придворнаго штата, который также состоялъ въ вѣдѣніи дворскаго. Отсюда и „слуги подъ дворьскимъ". У каждаго владѣтель-

наго князя былъ, конечно, свой дворскій, какъ и у каждаго землевладѣльца. Съ постепеннымъ присоединеніемъ къ Москвѣ отдѣльныхъ княжескихъ территорій присоединялись и княжескіе дворы или дворцы съ дворьскими или дворецкими. Среди этихъ многихъ дворцовъ и дворецкихъ московскій дворецъ и московскій дворецкій получилъ наименованіе „большого". Значеніе московскаго дворецкаго сильно выросло, а потому должность эта поручалась нерѣдко окольничимъ и даже боярамъ. Дворецкій обыкновенно думный человѣкъ. Онъ же начальникъ Большого Дворца съ обширной компетенціей. Но въ XVII в. и значеніе дворецкаго обратилось въ простой придворный титулъ: при Алексѣѣ Михайловичѣ оказалось уже нѣсколько бояръ-дворецкихъ.

Конюшій въ Москвѣ ведетъ свое начало отъ конюшаго тіуна. Но въ Москвѣ это первѣйшій придворный чинъ: съ Ивана III и до смерти Бориса Годунова должность конюшаго поручалась боярамъ, причемъ бояринъ-конюшій былъ „честію первый". Столь важное значеніе должности конюшаго и конюшаго вѣдомства надо объяснить тѣсною связью его съ организаціей конныхъ дворовыхъ войскъ. Конюшій не только первый думный человѣкъ, но и начальникъ Конюшаго Приказа: въ его вѣдомствѣ были обширные табуны лошадей, огромный штатъ различныхъ придворныхъ конюховъ, съ ясельничимъ во главѣ, и обширныя имѣнія, отведенныя на содержаніе конскихъ табуновъ. Въ лицѣ Бориса Годунова бояринъ-конюшій занялъ царскій престолъ по прекращеніи династіи Рюриковичей. Этимъ надо объяснить, что послѣ паденія Годунова должность конюшаго болѣе не замѣщалась, и во главѣ конюшаго вѣдомства оказался ясельничій, одинъ изъ невидныхъ чиновъ придворнаго штата.

Казначеи также произошли отъ тіуновъ или ключниковъ, которымъ ввѣрялось храненіе княжеской казны. Еще по духовнымъ вел. князей Семена и Ивана Ивановичей, Дмитрія Донского и сына его Василія и даже Ивана III казначеи отпускались на свободу, значитъ, были холопами. Но въ XVI в. одинъ или двое казначеевъ важные придворные чины. Помимо своей прямой обязанности — храненія государевой „казны", они важные приказные люди, такъ какъ имъ под-

вѣдомственны судомъ города; въ ихъ же вѣдѣніи находились и холопьи дѣла. Въ XVII в. Казеннымъ Дворомъ вѣдалъ только одинъ казначей. Котошихинъ говоритъ, что „казначей думной же человѣкъ, и сидитъ въ думѣ выше думныхъ дворянъ". Но въ это время значеніе казначея повидимому упало: компетенція его значительно съузилась.

Кромѣ этихъ должностей существовалъ и рядъ другихъ, возведеніе въ которыя продвигало назначенныхъ лицъ, однихъ обычно, другихъ сравнительно рѣдко, въ составъ думныхъ чиновъ. Таковъ, напр., оружничій, на обязанности котораго лежало храненіе и заготовленіе оружія. Эта должность поручалась обыкновенно боярамъ или окольничимъ. Таковъ же крайчій—должность возникшая при Иванѣ III. Крайчій стоялъ за стуломъ государя во время торжественныхъ обѣдовъ и прислуживалъ государю. Въ крайчіе возводились молодые люди знатныхъ фамилій и иногда уже въ качествѣ крайчихъ сидѣли въ думѣ и затѣмъ продвигались до боярства. Изъ 26 крайчихъ 17 достигли чина боярина. А при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ пожалованъ въ крайчіе кн. Иванъ Куракинъ, которому государь указалъ „сидѣти въ полатѣ съ бояры въ думѣ и имя его поставить выше околничихъ". Наоборотъ, постельничій, ведущій начало отъ древняго подкладника, хотя и занималъ очень близкое къ государю положеніе, такъ какъ завѣдывалъ его бѣльемъ и платьемъ, гораздо рѣже являлся думнымъ человѣкомъ, хотя и занималъ важное положеніе при дворѣ. Въ его вѣдомствѣ состояла Мастерская Палата, на обязанности которой лежало изготовленіе и храненіе государева гардероба и завѣдываніе судомъ и повинностями цѣлыхъ слободъ, изготовлявшихъ на государевъ обиходъ холсты и полотна. Кромѣ того подъ начальствомъ постельничаго состоялъ значительный штатъ спальниковъ, которые помогали государю одѣваться и раздѣваться, разували и обували его. Они вербовались изъ подростковъ болѣе или менѣе близкихъ ко двору родословныхъ фамилій.

Изъ придворныхъ чиновъ не думныхъ, кромѣ спальниковъ, слѣдуетъ отмѣтить стольниковъ и стряпчихъ. Стольники упоминаются уже съ XIII в. Какъ показываетъ самое названіе, это были застольные слуги за княжескимъ столомъ.

Отсюда и другое наименованіе ихъ—чашники. Одинъ изъ чашниковъ рязанскаго князя въ XIV в. былъ думнымъ человѣкомъ. Но въ Москвѣ стольники не думные люди. Ихъ исконная обязанность — прислуживать за столомъ государя, особенно во время торжественныхъ обѣдовъ. Они „въ столы сказываютъ“, т. е. передаютъ указаннымъ лицамъ приглашенія къ обѣду; „въ столы смотрятъ“, т. е. наблюдаютъ за порядкомъ; „ѣсть и пить отпускаютъ“, „передъ государя и гостей пить носятъ и ѣсть ставятъ“. Кушанья для государя отъ стольниковъ принималъ крайчій и ставилъ передъ государемъ; а стольники разносили блюда для приглашенныхъ. Изъ другихъ придворныхъ обязанностей стольниковъ памятники упоминаютъ о пожалованіи стольниковъ „приносомъ“, въ силу чего на пожалованныхъ возлагалась обязанность доставлять государю въ покои какіе либо вещи, напр., блюдо съ яицами во время христосованья. Стольники же выполняли обязанности „возницъ“, т. е. кучеровъ, во время государевыхъ путешествій; „стояли у крюка“, т. е. дежурили у государевой комнаты и не впускали туда никого безъ доклада. Такіе довѣренные стольники назывались ближними или комнатными. Но придворная служба стольниковъ отнюдь не главная ихъ дѣятельность. Они несли по преимуществу военную, а также приказную службу, хотя не въ первыхъ роляхъ, а по большей части товарищами болѣе старшихъ. Чинъ стольника жаловался обыкновенно молодымъ людямъ родовитыхъ фамилій.

Названіе стряпчіе происходитъ отъ слово „стряпать“, „стряпня“. Терминъ „стряпать“ значилъ что либо производить въ качествѣ ремесла или мастерства или прислуживать кому или при чемъ; продукты же такого производства назывались „стряпней“. Придворные стряпчіе прислуживали государю, носили за нимъ или держали разную стряпню: шапку, кушакъ, платокъ и пр.; „стояли на ухабѣ“, т. е. на запяткахъ, во время государевыхъ путешествій, чтобы всегда быть на готовѣ поддержать экипажъ отъ опрокидыванія и т. д. Но и для стряпчихъ придворная служба не главная ихъ обязанность. И они исполняли различныя военныя и приказныя порученія, но всегда стояли ниже столь-

никовъ, и за заслуги возвышались въ стольники или московскіе дворяне.

Всѣ эти придворныя должности, какъ думныя, такъ и не думныя, имѣютъ много общаго по своему происхожденію и значенію съ придворными должностями франкской монархіи. Важнѣйшія должности и тамъ поручались первоначально рабамъ (ministeriales), а позднѣе наиболѣе выдающимся лицамъ изъ среды свободныхъ. Такъ, видная должность сенешала получила и свое названіе отъ того, что поручалась старѣйшему рабу (siniscalh произошло отъ sinis, т. е. senex, и scalh s. scalc, что значитъ famulus-рабъ; этимологическое значеніе франц. слова sénéchal таково: это le plus ancien esclave). Точно такъ же mariscalcus (maréchal) былъ рабомъ, которому ввѣрялось завѣдываніе конюшнями. По латинской терминологіи эти должности назывались major domus или comes palatii и comes stabuli. Естественно, что старѣйшій изъ рабовъ былъ первымъ въ домѣ. Но при Меровингахъ майордомъ получилъ особое значеніе: онъ былъ одинъ на все королевство и ему были подчинены всѣ сенешалы, изъ которыхъ каждый вѣдалъ отдѣльнымъ королевскимъ дворомъ; а такихъ дворовъ было нѣсколько. Съ Пипина Геристальскаго должность майордома сдѣлалась наслѣдственной въ фамиліи Пипинидовъ, которые постепенно узурпировали королевскую власть. Сынъ Карла Мартелла, Пипинъ Короткій, провозгласилъ себя королемъ. При Каролингахъ эта должность осталась не замѣщенной, какъ и у насъ должность боярина-конюшаго послѣ смерти Бориса Годунова. Значеніе сенешала и comte du palais возвысилось. Какъ mariscalcus выросъ въ maréchal, такъ comes stabuli превратился въ connétable. Нашимъ казначеямъ соотвѣтствуютъ thesaurarii или camerarii. При Меровингахъ надъ ними возвышался cubicularius, какъ при Каролингахъ camerarius (chambrier)—главный казначей. Нашимъ стольникамъ или чашникамъ параллельны званія dapifer, buticularius, которому были подчинены pincernae (échansons); онъ былъ ихъ начальникомъ—princeps pincernarum, и т. д. Сходство этихъ придворныхъ должностей заключалось и въ томъ, что всѣ онѣ, будучи сначала чисто домашне-хозяйственными, все болѣе и болѣе получали обще-

государственный характеръ (Fustel de Coulange. La monarchie franque, chap. VIII et IX; Les transformations de la royauté, ch. VI; Paul Viollet. Histoire des institutions politiques et administratives de la France, t. I-er, 228—239; H. Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte, II, 101 — 109; Jacques Flach. Les origines de l'ancienne France, III, 454—469) (О дьякахъ см. въ отд. о приказахъ).

Въ общемъ дворяне провинціальные и московскіе представляли въ XVI и XVII вв. очень пеструю картину различныхъ общественныхъ положеній. Въ составѣ ихъ оказались потомки владѣтельныхъ княжескихъ фамилій, старыхъ бояръ, дѣтей боярскихъ и, наконецъ, простыхъ дворянъ, предки которыхъ нерѣдко всю свою жизнь провели въ холопскомъ званіи. Среди столь разнородныхъ элементовъ едва ли могло существовать много общаго. Служилые люди Московскаго государства и не были ничѣмъ объединены, кромѣ обязательной военной службы и владѣнія помѣстьями и вотчинами. Но и служебные и землевладѣльческіе интересы ихъ не менѣе часто разъединяли, чѣмъ объединяли. Знатныя (родословныя) богатыя фамиліи, сохранившія за собой мѣсто въ высшемъ правящемъ классѣ, съ такимъ же нескрываемымъ презрѣніемъ смотрѣли на служилыхъ людей неродовитыхъ и захудавшихъ, какъ и на прочіе разряды низшаго населенія, и въ институтѣ мѣстничества выработали даже особый порядокъ защиты своего служебнаго и общественнаго положенія отъ сопоставленія и сближенія съ худородными и захудавшими дворянами.

М ѣ с т н и ч е с т в о явилось институтомъ, регулирующимъ взаимныя отношенія между членами служилыхъ фамилій по службѣ военной и приказной и въ обстановкѣ придворнаго этикета, напр., во время торжественныхъ пріемовъ и обѣдовъ въ государевомъ дворѣ, при государевыхъ выходахъ и выѣздахъ и т. п. Самое названіе института возникло отъ того, что взаимоотношеніе между данными служилыми людьми опредѣлялось числомъ мѣстъ, которое раздѣляло ихъ между собой, т. е. ставило одного выше или ниже другого на одно, два, три, четыре и т. д. мѣстъ. Значитъ, должна была выработаться точная градація мѣстъ или ранговъ на службѣ и внѣ

ея, напр., за государевымъ обѣденнымъ столомъ или при размѣщеніи во время засѣданій боярской думы. Съ другой же стороны необходимы были правила, на основаніи которыхъ каждому служилому человѣку отводилось бы опредѣленное мѣсто среди другихъ окружающихъ его лицъ, а именно, выше однихъ и ниже другихъ.

Правила мѣстничества начали слагаться въ ту пору, когда сталъ особенно замѣтенъ усиленный приливъ на службу въ Москву служилыхъ князей, т. е. примѣрно съ начала XV в. Новые титулованные слуги (князья) энергично стремились оттѣснить съ первыхъ наиболѣе вліятельныхъ мѣстъ при особѣ московскаго вел. князя и государя его старинныхъ бояръ и удержать эти мѣста за собой. Въ общемъ эти стремленія увѣнчались успѣхомъ: изъ старыхъ боярскихъ родовъ удержались на первыхъ мѣстахъ среди титулованныхъ слугъ только Захарьины-Кошкины и Воронцовы-Вельяминовы. Но и титулованнымъ слугамъ предстояло размежеваться между собой и опредѣлить относительное положеніе каждаго. Къ сожалѣнію, въ этомъ процессѣ размѣщенія слугъ далеко не все разъяснено. Повидимому, потомки бывшихъ великихъ князей становились выше потомковъ князей удѣльныхъ; принималось во вниманіе также и то, началъ ли службу данный князь прямо въ Москвѣ, или онъ пробовалъ служить раньше какому нибудь другому князю и послѣ этого пристроился въ Москвѣ. Каждый, занявъ то или иное положеніе среди другихъ на службѣ и при дворѣ, передавалъ свое служебное и общественное положеніе и дѣтямъ, для которыхъ это являлось ихъ „отечествомъ" или отеческою честью, что и послужило главнымъ основаніемъ для мѣстническихъ счетовъ.

„Отеческая честь" оказалась понятіемъ весьма своеобразнымъ и довольно сложнымъ. Она слагалась изъ элементовъ генеалогическихъ (родословія) съ одной стороны и служебныхъ съ другой. Сама по себѣ должность или высокій чинъ отца не сообщали ему самому или его дѣтямъ какихъ либо преимуществъ по началамъ выслуги. Въ 1616 г. кн. Ѳедоръ Волконскій, назначенный на второе мѣсто при торжественной встрѣчѣ, билъ челомъ на б—на П. П. Головина, „что ему по своей службѣ б—на П. П. менши быть не мочно". Это

челобитье своего родича поддержалъ и околн. кн. Гр. Волконскій. Назначенные для разбора этого спора бояре спросили кн. Волконскихъ, почему имъ „не вмѣстно быть" ниже б—на Головина? Волконскіе сказали, „что имъ по случаемъ (служебнымъ) менши быть Головина нельзѣ", и обязались представить случаи на судѣ. Но бояре не допустили и до суда, признавъ, что Волконскіе на Головина „въ отечествѣ били челомъ не дѣломъ; люди они не родословные; а по государеву указу неродословнымъ людемъ съ родословными людми суда и счету въ отечествѣ не бывало... а за службу жалуетъ государь помѣстьемъ и денгами, а не отечествомъ" (Кн. разр. т. I, 205—206). Отечествомъ, конечно, никого пожаловать нельзя; это выше власти государя. Отеческая честь пріобрѣтается единственно актомъ рожденія; это прирожденное право каждаго служилаго человѣка.

Съ другой стороны и одна генеалогія сама по себѣ не обезпечивала разъ и навсегда за служилымъ человѣкомъ уже однажды намѣченное служебное положеніе въ ряду другихъ служилыхъ фамилій. Унаслѣдованную отеческую честь необходимо было поддерживать соотвѣтственной службой въ постоянныхъ заботахъ не потерпѣть „поруху чести" или „утерку" принятіемъ несоотвѣтственнаго назначенія. Равнымъ образомъ и продолжительное уклоненіе отъ службы или неполученіе пріемлемыхъ назначеній оставляло лицо и его родичей въ тѣни, приводило къ захуданію рода и принижало его родословную честь. Такъ, кн. Богданъ Касаткинъ-Ростовскій самъ указалъ, „что отецъ его и дѣдъ въ разрядѣхъ не бывали, п. ч. были въ закосненьѣ" (Кн. разр. I, 935). Изъ только что приведеннаго столкновенія кн. Волконскихъ съ Головинымъ явствуетъ, что высокіе по генеалогическому происхожденію Рюриковичи-Волконскіе, не достигшіе высокаго положенія при дворѣ московскихъ государей, въ началѣ XVII в. считались неродословными по сравненію съ Головиными, фамиліей, которая только въ XVII в. особенно возвысилась, и сынъ упомянутаго Головина отказался принять чинъ окольничаго, какъ низкій для него, въ 1651 г. (стр. 278).

Положеніе каждаго лица въ ряду другихъ опредѣлялось двояко: по отношенію къ родичамъ и къ чужеродцамъ. По-

ложеніе среди родичей опредѣлялось по родословцу, т. е. по началамъ родового старшинства. Старшій братъ былъ выше на одно мѣсто слѣдующаго за нимъ, на два мѣста выше третьяго брата и т. д. Дядя былъ выше по крайней мѣрѣ на одно мѣсто своего племянника. Такъ, третій братъ, если онъ былъ самымъ младшимъ, былъ на одно мѣсто выше старшаго сына отъ старшаго брата. Но такъ какъ число братьевъ въ семьѣ бывало различно, то счетъ по родословцу для членовъ многочисленной семьи оказывался менѣе выгоднымъ, чѣмъ для членовъ малолюдной семьи. Для упорядоченія этихъ счетовъ при Грозномъ было издано уложеніе, въ силу котораго „перваго брата сынъ четвертому дядѣ въ версту", т. е. обычно предполагалась семья изъ трехъ братьевъ, и старшій сынъ отъ перваго брата занимаетъ отъ отца четвертое мѣсто. Если бы въ семьѣ оказалось четыре брата, то младшій занялъ бы четвертое мѣсто подъ старшимъ, какъ и первый сынъ послѣдняго. Такимъ образомъ четвертому брату въ семьѣ и первому сыну отъ старшаго брата отводилось равное (четвертое) мѣсто; они были между собой „ровнями" или „въ версту", т. е. каждый изъ нихъ не могъ занять мѣсто ни выше, ни ниже другого. Такой распорядокъ мѣстъ по родословцу съ точностью опредѣлялъ мѣсто каждаго члена семьи въ средѣ его родичей.

Отношеніе къ чужеродцамъ опредѣлялось счетомъ мѣстъ по разрядамъ, т. е. по тѣмъ служебнымъ и придворнымъ назначеніямъ, которыя записывались въ особыя разрядныя книги или „разряды". Между должностями существовала нѣкоторая градація. Напр., войска раздѣлялись на полки, въ каждомъ изъ которыхъ было по одному, по два и даже болѣе воеводъ. Старшимъ воеводою считался воевода большого полка, на второмъ мѣстѣ стоялъ воевода правой руки, на третьемъ воеводы передового и сторожевого полковъ и на четвертомъ—воевода лѣвой руки. Вторые воеводы каждаго изъ полковъ были ниже первыхъ воеводъ. Впрочемъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что строгая градація должностей полковыхъ воеводъ едва ли успѣла сложиться и была видоизмѣняема указами государей, которые желали съузить мѣстническіе счеты полковыхъ воеводъ. Такъ, въ іюлѣ 1550 г.

состоялся слѣдующій приговоръ „гдѣ быти на црве і великого княвя службе бояром и воеводам по полкомъ: в болшомъ полку быти болшому воеводе, а передового полку, и правые руки, и лѣвые руки воеводам и сторожевого полку первым воеводамъ быти менше болшого полку первого воеводы; а хто будет другой в болшомъ полку воевода, и до того болшого полку другого воеводы правые руки болшему воеводе дѣла и счету нѣт: быти им без мѣстъ. А которые воеводы будут в правой рукѣ, и передовому полку да сторожевому полку воеводам первым быти правые руки не менши. А лѣвые руки воеводам быти не менши передового полку и сторожевого полку первыхъ воевод. А быти лѣвые руки воеводам менши правые руки первого воеводы. А другому воеводе в лѣвой рукѣ быт менши другово ж воеводы правые". (Древн. разр. кн., 142). Эта сложная и не вполнѣ вразумительная (какъ понять, что воеводы лѣвой руки меньше воеводы правой, когда они не меньше воеводъ сторожевого и переводового полковъ, а тѣ въ свою очередь не меньше воеводы правой руки?) ариѳметика имѣла въ виду главнымъ образомъ сокращеніе поводовъ къ мѣстническимъ столкновеніямъ. Но эти цѣли далеко не всегда достигались, и мѣстническіе споры возбуждались и вопреки указамъ. Во всякомъ случаѣ, каждый разъ, при назначеніи воеводъ по полкамъ, правительству предстояла нелегкая задача подобрать такихъ лицъ, отеческая честь которыхъ позволяла бы однимъ стоять ниже другихъ. Возбужденіе мѣстническихъ споровъ подтверждаетъ, что правительству не всегда удавалось произвести этотъ подборъ безъ нарушенія отеческой чести кого либо изъ назначенныхъ.

Каждый назначенный долженъ былъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы не оказаться по данному разряду ниже или хотя бы только ровнею такого лица или такихъ лицъ, служить съ которыми въ указанныхъ условіяхъ ему по отечеству своему было невозможно или, какъ выражались тогда, „не вмѣстно". Каждый долженъ былъ хорошо „знать себѣ мѣру", т. е. умѣть хорошо высчитать, ниже кого ему служить „вмѣстно", кто ему „въ версту", и кому въ отечествѣ съ нимъ не доставало многихъ мѣстъ, т. е. кому надлежало служить ниже его. Этотъ

расчетъ своей мѣры или соизмѣреніе своего отечества съ отечествомъ другихъ чужеродцевъ возможны были только по прецедентамъ, т. е. по прежнимъ записаннымъ въ разрядныхъ книгахъ назначеніямъ или „случаямъ“. Если *а* получалъ назначеніе ниже *б*, то ему предстояло подыскать случай совмѣстной службы своего восходящаго родственника съ восходящимъ родственникомъ лица *б*. Если такой случай найденъ, при чемъ *А* служилъ ниже *Б* на нѣсколько мѣстъ, то оставалось только высчитать генеалогическое разстояніе *А* до *а* и *Б* до *б* на основаніи счета по родословцу. При равенствѣ этихъ разстояній *а* могъ служить ниже *б* въ такой же мѣрѣ, какъ *А* служилъ ниже *Б*. Если же разстояніе между *А* и *а* было меньше разстоянія между *Б* и *б* какъ разъ на столько мѣстъ, на сколько *А* служилъ ниже *Б*, то *а* и *б* должны были служить ровнями. При еще большей разницѣ счетовъ по родословцамъ въ пользу *а*, послѣдній долженъ былъ стоять по службѣ выше *б*. Этотъ простой схематическій примѣръ показываетъ лишь общій порядокъ счета мѣстъ между чужеродцами. Въ дѣйствительности отношенія были гораздо сложнѣе. Для выясненія служебныхъ отношеній мѣстничающихся обыкновенно приходилось выбирать такіе случаи, когда родичи соперничавшихъ служили не непосредственно другъ съ другомъ, а съ членами третьей, четвертой и болѣе фамилій, и при посредствѣ этихъ вводныхъ членовъ выяснять отношенія спорящихъ.

Всякій, усмотрѣвшій „поруху“ своему отечеству въ назначеніи служить ниже такого то, обыкновенно обращался съ челобитьемъ къ государю, что ему ниже такого то служить „не вмѣстно“, или просто не являлся къ выполненію служебныхъ функцій, отказывался брать списки служилыхъ людей своего полка и пр. Въ послѣднихъ случаяхъ главный воевода доносилъ государю о причинахъ уклоненія отъ службы заинтересованнаго. Въ свою очередь и то лицо, ниже котораго отказывался служить первый, обращалось къ государю съ челобитьемъ объ „оборони“. Для разбора мѣстническихъ споровъ назначались особыя коммиссіи изъ бояръ, которыя должны были провѣрить представленные сторонами случаи и постановить рѣшеніе. Обыкновенно приговоры бывали неблагопріятны

для возбудившихъ мѣстническій споръ. Имъ объявлялось, что они могутъ служить ниже своихъ соперниковъ „многими мѣсты“, а за обиды, нанесенныя соперникамъ, виновные „выдавались имъ головою“. Эта выдача головою заключалась въ томъ, что приговореннаго отводили на дворъ его соперника и объявляли послѣднему, что приведенный выданъ ему головою за то, что неправильнымъ отказомъ служить ниже его задѣлъ его отеческую честь. Но нерѣдко, повидимому, мѣстническіе споры не доходили до суда, а рѣшались распоряженіями государя, что просителю можно служить ниже такого то; или что проситель пускай служитъ съ такимъ то, а послѣ службы имъ дадутъ счетъ; или же просьба отклонялась на томъ основаніи, что служба просителя съ соперникомъ объявлялась безъ мѣстъ, въ подтвержденіе чего просителю выдавалась „невмѣстная грамота“; или же, наконецъ, соперниковъ просто разводили, т. е. одному изъ нихъ или обоимъ давали другія назначенія. Но какъ судебныя рѣшенія, такъ и распоряженія далеко не всегда удовлетворяли просителей. Они продолжали упорствовать въ своемъ отказѣ служить ниже соперниковъ и готовы были перенести какую угодно государеву опалу, лишь бы только уберечь отъ „утерки“ свою отеческую честь.

Мѣстничество было институтомъ чисто аристократическимъ. Оно допускалось только между членами родословныхъ фамилій, и не родословнымъ людямъ съ родословными „суда и счета въ отечествѣ не давалось“. Оно ограждало членовъ родословныхъ фамилій отъ приниженія ихъ по службѣ случайными людьми темнаго происхожденія и вынуждало правительство подбирать себѣ слугъ на важнѣйшія мѣста по военной и гражданской службѣ изъ среды титулованной знати. Этимъ самымъ мѣстничество существенно ограничивало власть московскихъ государей. Они должны были признать этотъ институтъ и считаться съ его правилами во всѣхъ областяхъ текущаго управленія. Даже Грозный, при всей его рѣшительной нелюбви къ княжатамъ и боярамъ, хотя и сознавалъ вредныя стороны мѣстничества для интересовъ государства, не рѣшился предпринять радикальныхъ мѣръ противъ мѣстничества. Онъ только стремился регулировать его и ограничить, но учрежденіемъ опричнины и раздѣленіемъ служилыхъ людей

на опричныхъ и земскихъ еще болѣе запуталъ мѣстническіе счеты.

Возбужденіе мѣстническихъ споровъ и отказъ отъ выполненія служебныхъ обязанностей особенно въ горячіе моменты военныхъ походовъ прежде всего раскрыли невыгодныя стороны мѣстничества для интересовъ государства. Въ отвращеніе столь очевиднаго вреда и принимались такія мѣры, какъ предложеніе мѣстничающимся возбуждать споры о мѣстахъ лишь послѣ окончанія службы въ данномъ походѣ. Наиболѣе же обычной правительственной мѣрой было объявленіе того или иного похода безъ мѣстъ. Это означало, что изъ даннаго разряда нельзя было впредь приводить случаи въ мѣстническихъ спорахъ. Такъ, передъ казанскимъ походомъ 1549 г. царь и митрополитъ убѣждали бояръ, воеводъ, князей и дѣтей боярскихъ, чтобъ они „служили, сколко имъ Богъ поможет, и розни бы и мѣстъ меж ихъ однолично никоторые не было. А лучитца каково дѣло, кого с ким црь і вел. князь на свое дѣло пошлет, а хотя будет кому с кѣм и не пригож быти своего для отечества, и бояре бъ і воеводы и князи и дѣти боярскіе для земского дѣла всѣ ходили без мѣстъ. А кому будет каково дѣло о счете, и как, оже дастъ Богъ, с своего дѣла и с земского придет, и гдрь имъ счетъ тогды дастъ“ (Древн. разр. кн., 137). Но какъ эти распоряженія исполнялись, видно изъ заготовленнаго обращенія Грознаго къ членамъ Стоглаваго собора: „Отецъ мой, Макарей митрополитъ, и архіепископы, и епископы, и князи, и бояре. Нарежался есми х Казани со всѣмъ христолюбивымъ воинствомъ и положилъ есми совѣтъ своими боляры в пречистой и соборной передъ тобою, отцемъ своимъ, о мѣстѣхъ в воеводахъ и въ всякихъ посылкахъ въ всякомъ разрядѣ не мѣстничатися, кого с кѣмъ куды ни пошлютъ, чтобы воиньскому дѣлу в томъ порухи не было; и всѣмъ бояромъ тотъ былъ приговоръ любъ... И какъ пріѣхали х Казани, и с кѣмъ кого ни пошлютъ на которое дѣло, ино всякой розмѣстничается на всякой посылкѣ и на всякомъ дѣлѣ, и въ томъ у насъ вездѣ бываетъ дѣло не крѣпко; и отселѣ кого куды с кѣмъ посылаю безъ мѣстъ по тому приговору, никако безъ кручины и безъ вражды промежъ себя никоторое дѣло не ми-

нетъ, и въ тѣхъ мѣстѣхъ всякому дѣлу помѣшка бываетъ" (Ждановъ. Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора, Ж. М. Н. Пр., 1876, № 7, стр. 54).

Невыгодныя стороны мѣстничества все сильнѣе ощущались по мѣрѣ усложненія взаимныхъ отношеній между служилыми людьми. А эти отношенія запутывались съ одной стороны вслѣдствіе размноженія членовъ одного рода, при чемъ однѣ линіи родичей упадали въ своемъ значеніи, другія же возвышались. Отсюда естественное стремленіе послѣднихъ отказаться отъ счета по родословцу съ первыми, чтобы оградиться отъ „утягиванья" въ отечествѣ захудалыми линіями. Съ другой стороны мѣры Грознаго противъ бояръ и княжатъ, въ частности введеніе опричнины, значительно содѣйствовали угасанію и искорененію нѣкоторыхъ фамилій. Не мало повліяли въ томъ же направленіи и событія смутнаго времени. Котошихинъ и отмѣтилъ, что многіе боярскіе роды „безъ остатку миновалися". Но тѣ же общественныя событія выдвинули въ верхніе слои служилыхъ людей новыя фамиліи. Благодаря этому, понятіе родословности было значительно поколеблено. При такихъ условіяхъ относительная оцѣнка отечества оказалась болѣе затруднительной какъ для самихъ заинтересованныхъ, такъ и для судей. Въ XVII в. „знать свою мѣру" и разбирать мѣстническіе споры стало много труднѣе, чѣмъ раньше. Къ тому же мѣстничество постепенно утрачивало свое значеніе, какъ охраны аристократическихъ притязаній родословныхъ фамилій: въ XVII в. составъ верхнихъ слоевъ служилыхъ людей оказался гораздо менѣе аристократичнымъ. Затрудненія же, испытываемыя отъ мѣстничества въ военной службѣ, значительно возрасли вслѣдствіе учащенія споровъ изъ за мѣстъ. Все это въ совокупности и привело къ отмѣнѣ мѣстничества, хотя эта отмѣна произошла довольно неожиданно.

Въ концѣ 1681 г. созвано было совѣщаніе изъ выборныхъ отъ всѣхъ чиновъ служилыхъ людей подъ предсѣдательствомъ кн. В. В. Голицына „для лучшаго ратей устроенія и управленія", такъ какъ непріятели „показали новые въ ратныхъ дѣлѣхъ вымыслы". Совѣщаніе проектировало новое раздѣленіе полковъ на роты подъ начальствомъ ротмистровъ и подпору-

чиковъ и составило примѣрный списокъ новыхъ начальниковъ изъ разныхъ разрядовъ служилыхъ людей. Но при этомъ оказалось, что въ этотъ списокъ изъ фамилій Трубецкихъ, Одоевскихъ, Куракиныхъ, Репниныхъ, Шеиныхъ, Троекуровыхъ, Лобановыхъ-Ростовскихъ, Ромодановскихъ и иныхъ никого помѣстить не пришлось, „за малыми лѣты“. Поэтому служилые люди просили писать въ новые чины изъ вышеуказанныхъ фамилій съ достиженіемъ возраста, „чтобы имъ впредь отъ тѣхъ родовъ въ попрекѣ и въ укоризнѣ не быть“. Вмѣстѣ съ тѣмъ выборные возбудили и общій вопросъ, „для совершенной въ его государскихъ ратныхъ и въ посольскихъ и во всякихъ дѣлѣхъ прибыли и лучшаго устроенія, указалъ бы вел. государь всѣмъ бояромъ и околничимъ и думнымъ людямъ и всѣхъ чинамъ быти на Москвѣ въ приказѣхъ и въ полкѣхъ у ратныхъ и у посольскихъ и у всякихъ дѣлъ и въ городѣхъ межъ себя безъ мѣстъ, гдѣ кому вел. государь укажетъ, и никому ни съ кѣмъ впредь розрядомъ и мѣсты не считаться и розрядные случаи и мѣста отставить и искоренить, чтобы впредь отъ тѣхъ случаевъ въ его государевыхъ ратныхъ и во всякихъ дѣлѣхъ помѣшки не было“. Это челобитье было разсмотрѣно государемъ совмѣстно съ освященнымъ соборомъ и думой и постановлено всѣ разрядныя книги, „въ которыхъ писаны бывшіе случаи съ мѣсты“, сжечь, „да погибнетъ, какъ сказалъ патріархъ, во огни оное, Богомъ ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь да не вспомянется во вѣки“. Но какъ бы вмѣсто мѣстничества учреждены были при Разрядномъ приказѣ родословныя книги, куда должны быть занесены различныя служилыя фамиліи „имъ и впредь-будущимъ ихъ родомъ на память“. Для составленія и пополненія ихъ заинтересованные должны были представить родословныя росписи. Въ основу же родословной книги положенъ былъ составленный при Грозномъ „Государевъ родословецъ“. Этотъ приговоръ состоялся 12 янв. 1682 г. Формально мѣстничество было уничтожено. Но переживаніе этого института въ нравахъ наблюдается и очень долгое время спустя.

В. Сергѣевичъ. Юрид. Др., I, 331—521; *В.-Будановъ.* Обзоръ, 119—130; *В. Ключевскій.* Боярская дума, гл. V и

слѣд.; *Н. Павловъ-Сильванскій.* Государевы служилые люди, 16—251; *Н. Загоскинъ.* Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія, очерки 2-й и 3-й; *А. Градовскій.* Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи, 1868, и Собр. соч. т. II, гл. 1: классъ землевладѣльцевъ; *М. Дьяконовъ.* Власть Московскихъ государей, гл. VI; *С. В. Рождественскій.* Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ, 1897; *С. Ѳ. Платоновъ.* Очерки по исторіи смуты, 126—186; Симбирскій сборникъ, М. 1845, предисл. *Д. В(алуева)* къ изданной разр. книгѣ, 13—184; *А. Маркевичъ.* О мѣстничествѣ, 1879; Исторія мѣстничества въ Московскомъ государствѣ въ XV—XVII вв., 1888; *П. Н. Милюковъ.* Оффиціальныя и частныя редакціи древ. разр. кн., Чтен. Общ. ист. и др. 1887, кн. 2; Къ вопросу о составленіи разр. книгъ, Ж. М. Н. Пр. ч. 263, отд. II, 165—194; *В. Сторожевъ.* Десятни какъ источникъ для изученія исторіи русскаго провинціальнаго дворянства, Юр. Вѣстн. 1890, № 3; *Н. Оглоблинъ.* Что такое десятня? Ж. М. Н. Пр. 1891, № 10.

Посадскіе люди.

Посадскіе люди (посажа (е) не) обнимаютъ собою все торгово-промышленное населеніе посадовъ (отъ посадити — поставить, устроить), возникавшихъ обыкновенно около городскихъ укрѣпленій. Естественно, что торговля и промыслы ищутъ болѣе безопасныхъ пунктовъ поселеній. Но въ этомъ отношеніи не всѣ города представляли одинаково надежную охрану для мирнаго населенія. Московское правительство выдвигало цѣлый рядъ укрѣпленій, напр., по южной границѣ для защиты страны отъ татарскихъ набѣговъ. Этимъ городамъ и городкамъ угрожала ежедневная опасность вражескихъ нападеній, а потому въ нихъ еще въ 70-хъ гг. XVII в. не было посадскихъ жильцовъ (Д. А. И., IX, № 106; VIII, № 40). Съ другой стороны, по мѣрѣ возрастанія безопасности въ центрѣ, на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ страны, торговля и промыслы начинаютъ разливаться по селамъ и деревнямъ. Однако, этому нормальному развитію ставятся серьезныя преграды со стороны правительства въ интересахъ чисто фискальныхъ. Различные акты торговаго оборота обложены были различными сборами въ пользу казны. Каковъ бы ни былъ порядокъ взиманія

этихъ сборовъ, происходилъ ли онъ при помощи собственныхъ правительственныхъ органовъ, или сдавался въ откупъ, услѣдить за всѣми торговыми сдѣлками оказалось не подъ силу московскому правительству. Поэтому оно вынуждено было принимать мѣры къ ограниченію торговли въ опредѣленныхъ пунктахъ, преимущественно въ городахъ. Мотивировка такой политики изложена съ полною очевидностью въ предписаніи новгородскимъ воеводамъ по поводу торговыхъ сношеній съ Швеціей въ 20-хъ гг. XVII в.: „велѣно торговымъ людемъ, которые съ нашей стороны ѣздятъ въ Свѣйскіе городы и ѣздя торгуютъ въ ихъ сторонѣ но селамъ и по деревнямъ, учинити заказъ крѣпкой, чтобы они впередъ ѣздили въ Свѣйскую сторону и торговали по городомъ, а по селамъ и по деревнямъ не торговали; а въ нашей бы сторонѣ Свѣйского короля подданнымъ, рускимъ и нѣмецкимъ торговымъ людемъ, потому жъ пріѣзжая велѣти торговать по городомъ, въ Новѣгородѣ, въ Ладогѣ, а не по селамъ и не по деревнямъ, чтобъ въ томъ нашей пошлинѣ истери не было“ (А. Э. Ш., № 180). Опасеніе утерять торговые сборы руководить уже правительствомъ Ивана III. Поэтому оно въ уставной Бѣлозерской грамотѣ 1488 г. предписало всѣмъ пріѣзжимъ изъ иныхъ земель и всѣхъ монастырей „торговати имъ всѣмъ на Бѣлѣозерѣ въ городѣ житомъ и всякимъ товаромъ; а за озеро имъ всѣмъ торговати не ѣздити. А по волостемъ и по монастыремъ не торговати житомъ и всякимъ товаромъ, опрочь одное волости Углы; а на Углѣ быти торгу по старинѣ“. Исключеніе изъ этого правила допущено только для бѣлозерцовъ посадскихъ людей, которымъ разрѣшено „за озеро ѣздити и торговати по старинѣ“ (А. Э., I, № 123). Въ 1539 г. новоторжскіе таможники донесли, что кромѣ села Мѣдны Троицкаго монастыря „тутошніе люди да и пріѣзжіе люди многіе торгують всякимъ товаромъ безпошлинно“ во Владычнѣ слободкѣ Тверского владыки, да у Николы въ Берновѣ, да въ Загорьѣ у Пятницы Св., да въ селѣ въ Ивашковѣ, да въ селѣ въ Ильинскомъ, „и въ томъ де вел. князя тамгѣ чинится убытокъ великъ“. Вслѣдствіе этого было предписано: „одноличто бы во всемъ Новоторжскомъ уѣздѣ не торговалъ никто ничѣмъ, опричь Торжку посаду и села Мѣдны“; въ другихъ же мѣ-

стахъ велѣно всякій товаръ отписывать на государя (тамъ же, № 188; ср. еще №№ 262 и 263).

По тѣмъ же соображеніямъ правительственными распоряженіями совершался переводъ торговыхъ пунктовъ изъ однихъ мѣстъ въ другія. Напр., въ царской грамотѣ 1586 г. датскому королю сообщалось: „А что писалъ еси къ намъ о торговлѣ въ нашей отчинѣ, въ Лопской землѣ, что былъ учиненъ торгъ въ Малміюсѣ, то есть въ Колѣ, и намъ бы то торговое мѣсто опять въ Малміюсѣ велѣти устроити,—и мы нынѣ торгъ изо всего поморья, ис своей вотчины Двинскіе земли, и ис Колы и изъ иныхъ мѣстъ перевели и учинили въ одномъ мѣстѣ на усть Двины рѣки, у нового города у Двинского. И торговымъ людемъ изо всѣхъ изъ вашихъ поморскихъ государствъ со всякими товары къ тому мѣсту, къ Двинскому городу, поволили есмя ходити безъ вывѣта. А въ Колѣ волости торгу есмя быти не велѣли, занеже въ томъ мѣстѣ торгу быти непригоже: то мѣсто убогое" (Р. И. Б., XVI, стр. 235—236; ср. А. Э., I, № 338).

Открытіе новыхъ торговыхъ пунктовъ въ селахъ надо было каждый разъ выхлопатывать особо при условіи, что данное село отъ ближайшихъ торговъ отстоитъ далеко, и что отъ учрежденія новаго торга не произойдетъ недобору въ тамгѣ ближайшаго торговаго пункта. Напр., въ 1588 г. разрѣшено отдать на откупъ сборъ тамги въ с. Еремѣйцовѣ Спасскаго монастыря въ Ярославлѣ, такъ какъ „то село отъ городовъ и отъ торговъ далече, верстъ по 20, и по 30, и по 40, и крестьяномъ того села торговати ѣздити далече; а напередъ того въ томъ селѣ тамга въ откупу не бывала ни за кѣмъ, и на вѣру ее не сбирывалъ никто, и къ Ярославской тамгѣ и къ намѣстничю доходу то село тамгою не приписано, и впередъ Ярославской тамгѣ и намѣстничю доходу отъ того торгу недобору не будетъ никоторого". Точно такъ же въ 1592 г. разрѣшено въ селахъ Чарандѣ и Короткомъ, „уставити торгъ и торговати по вся дни, какъ и въ иныхъ городѣхъ" (А. Э., I, №№ 342 и 356; ср. еще №№ 362 и 366).

Эти мѣры сосредоточенія торговли въ опредѣленныхъ пунктахъ не имѣли такимъ образомъ въ виду сконцентрировать торговлю только въ городахъ и не обособляли посадскаго

населенія отъ сельскаго. Посадскіе люди и лавки упоминаются не только въ городахъ. Напр., Тихвинскому монастырю принадлежалъ посадъ Тихвинскій, и за монастырь поряжались жильцы съ обязательствомъ „жити на Тифинѣ посадѣ съ посадцкими людми, и тягло посадцкое и монастырьское сдѣлье всякое дѣлати“ (А. Ю., № 195 I и II). Въ селѣ Веси Егоньской Симонова монастыря, въ селѣ Клементьевскомъ Троицкаго монастыря, въ дворцовомъ селѣ Дуниловѣ и въ дворцовыхъ слободахъ Гавриловской и Александровской упоминаются ряды лавокъ и посадскіе и непашенные люди (А. Э., I, № 263; Лаппо-Данилевскій. Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 165 пр. 2). По отписнымъ книгамъ села Павлова Острогу 151 (1643 г.), составленнымъ послѣ смерти вотчинника боярина кн. Ив. Бор. Черкасскаго, тамъ описаны различные торговые ряды и посадскіе дворы (ркп. частнаго собранія). Съ другой стороны на посадахъ упоминаются пашенные дворы, и къ посадамъ приписывались пашенныя земли и сѣнокосы. Такъ, въ Устюжнѣ, по сотной 1597 г., описаны 12 пашенныхъ дворовъ, 245 четей пашни и 4892 копны сѣна; въ XVI в., въ псковскихъ пригородахъ земледѣліе являлось преобладающимъ занятіемъ жителей, а въ издавна славившемся торговлею Псковѣ, при церквахъ и монастыряхъ описаны нивы и пожни, о которыхъ сказано: „а пашутъ тѣ нивы и пожни псковичи посадскіе люди и волостные крестьяне и даютъ въ монастыри и къ церквамъ изъ хлѣба четвертый снопъ“. Въ Серпуховѣ показано „земли у города у всѣхъ городскихъ людей съ оброчники и съ слободскими 1033 чети, сѣна 3115 копенъ“. Въ Муромѣ „пашни у всего посаду, и перелогу, и животиннаго выпуску... 608 чети“. И въ XVII в. наблюдаются тѣ же картины. Напр., въ Н. Новгородѣ „за посадскими за всякими людми“ описаны „ихъ старинные пожни, сенные покосы“, всего 745 десятинъ. А въ Шуѣ „всѣ шуяня посацкіе люди“ раздѣляли пахотную землю по тяглахъ „впредь на десять лѣтъ до мірского жъ раздѣлу“ (Н. Чечулинъ. Города Московскаго государства, стр. 73—74, 114, 143, 182 прим.; Р. И. Б., т. XVII, 289—290; В. Борисовъ. Описаніе г. Шуи, 63 сл.).

Торгово-промышленное населеніе посадовъ не представляло

однородной группы и дѣлилось на разряды. Судебникъ Ц., опредѣляя размѣры безчестья для разныхъ категорій лицъ, оцѣниваетъ честь посадскихъ людей весьма различно: „А гостемъ болшимъ безчестія 50 рублевъ... А торговымъ людемъ и посадскимъ людемъ всѣмъ середнимъ безчестія пять рублевъ... А боярскому человѣку молодчему или черному городскому (посадцкому) безчестія рубль“ (ст. 26). Безчестье женамъ назначается вдвое противъ ихъ мужей. Такая оцѣнка чести къ тому же по времени и мѣсту колеблется. Такъ, по грамотѣ замосковной Вохонской волости 1561 г. опредѣлено безчестье „посадскимъ людемъ и волостнымъ добрымъ“ въ пять руб. Такъ же по уставной грамотѣ Устюжны-Желѣзопольской 1614 г. такое же безчестье назначено „посадскимъ торговымъ людемъ“ безъ раздѣленія на группы. (А. Э., т. I, № 257; т. III, № 36). По Уложенію плата за безчестье торговымъ посадскимъ людямъ колеблется отъ 50 до 5 р. (X. 94).

Старинное значеніе гостей, какъ иноземныхъ и иногороднихъ торговцевъ (выше, стр. 88—89), продолжаетъ нѣкоторое время сохраняться. Памятники XIV—XV вв. упоминаютъ о гостяхъ сурожанахъ и суконникахъ. „Сурожане“ это купцы, которые вели торговлю съ г. Сурожемъ (иначе Судакомъ) по р. Дону, какъ старинные „гречники“ съ Греціей. Азовское море называлось раньше Сурожскимъ, а товары, вывозимые сурожанами, наз. сурожскими (нынѣ испорченный терминъ „суровскіе“). Сукно тоже было товаромъ заграничнаго вывоза и доставлялось къ намъ преимущественно изъ нѣмецкихъ городовъ (т. наз. ип(р)ское и фламандское сукно). По своему экономическому достатку богатые купцы занимали видное общественное положеніе. Князья взаимно обязуются „гости и суконьниковъ... блюсти ны съ одиного, а въ службу ихъ не приимати“; у гостей и суконниковъ князья дѣлаютъ крупные займы; напр., перебѣжавшій изъ Москвы въ Тверь Некоматъ, прозванный „сурожаниномъ“, помогъ тверскому князю добыть ярлыкъ на великое княженіе, что сопряжено было съ большими расходами въ Ордѣ. (С. Г. Г., т. I, стр. 57 и 102; выше, стр. 256; А. Э., т. I, стр. 21). Сурожане и суконники принимали участіе и въ военныхъ походахъ. Пред-

принимая въ 1470 г. походъ подъ Казань, Иванъ III „съ Москвы послалъ сурожанъ, и суконниковъ, и купчихъ людей и прочихъ всѣхъ москвичь, коихъ пригоже, по ихъ силѣ". А Дмитрій Донской, выступая въ походъ противъ Мамая, „поятъ же тогда съ собою десять мужей сурожанъ гостей, видѣніа ради: аще что Богъ случитъ, имутъ повѣдати въ далныхъ земляхъ, яко сходници суть з земли на землю и знаеми всѣми и въ Ордахъ, и въ Фрязехъ; и другаа вещь: аще что прилучится, да сіи сътворяютъ по обычаю ихъ" (П. С. Л., т. VI, 188; т. XI, 54). Изъ этихъ указаній явствуетъ, что суконники и сурожане стояли въ близкихъ отношеніяхъ къ княжескимъ правительствамъ: князья въ частности принимали ихъ на службу. Но это была, конечно, не военная служба. Профессіональный опытъ и спеціальныя свѣдѣнія торговыхъ людей нашли гораздо болѣе полезное приложеніе въ нѣкоторыхъ областяхъ финансоваго управленія въ Московскомъ государствѣ.

Еще въ древне-русскихъ княженіяхъ торговля была обложена сборами въ пользу княжеской казны. Таковы были *мытъ* (Maut), который взимался при провозѣ товаровъ черезъ мосты, перевозы и заставы, *вѣсчее* и *помѣрное*, уплачиваемыя при взвѣшиваніи и измѣреніи товаровъ. Со времени татарскаго владычества введенъ и чисто торговый сборъ съ объявленной цѣны товара—*тамга*. Всѣ эти сборы съ дальнѣйшимъ ихъ развѣтвленіемъ продолжаютъ сохраняться и въ Москвѣ. Кромѣ того древне-русскіе князья принимали участіе и въ отпускной торговлѣ, сбывая, напр., въ Грецію продукты натуральныхъ сборовъ съ населенія мѣхами, медомъ и воскомъ и пр. Позднѣе московскіе князья въ значительной мѣрѣ расширили виды и способы казеннаго торга; они сосредоточили въ своихъ рукахъ монопольную продажу питій и табака, обставляли нѣкоторыми преимуществами продажу княжеской соли, дорогого пушного товара, объявляли монополію на нѣкоторые продукты отпускной торговли и проч. Какъ сборъ торговыхъ пошлинъ, такъ и разныя казенныя торговыя операціи требовали отъ приставленныхъ къ этимъ дѣламъ органовъ спеціальной подготовки, какой не могло быть у служилыхъ и приказныхъ людей. Поэтому правительство дово-

льно рано начинаетъ привлекать къ этой финансово-хозяйственной службѣ лицъ изъ среды богатаго купечества. Уже Дмитрій Донской пожаловалъ разными привилегіями какого то торговаго человѣка новоторжца Микулу съ дѣтьми по грамотѣ дѣда своего. Во второй половинѣ XVI в. одинъ оффиціальный актъ свидѣтельствуетъ, „что была у сурожанъ государева жаловалная грамота въ проѣздѣхъ и о всякихъ государевыхъ пошлинахъ; и государь тое грамоты отставилъ, а велѣлъ у сурожанъ имати всѣ свои пошлины по старинѣ“ (Д. къ А. И., т. I, № 9; А. Э., т. I, стр. 325). Подобныя привилегіи давались торговымъ людямъ, конечно, не даромъ; очевидно, они выполняли порученія вел. князей и государей въ сферѣ финансово-хозяйственной службы.

Повидимому, организація этой финансовой службы начала выясняться со второй половины XVI в. Сущность этой организаціи заключалась въ томъ, что лучшіе торговые люди въ Москвѣ и по городамъ призывались къ постоянному выполненію обязанностей по сбору торговыхъ пошлинъ и завѣдыванію казеннымъ торгомъ. Эта служба была обязательной, но безплатной и чрезвычайно отвѣтственной. Интересы государственной казны обезпечивались отъ недоборовъ и недобросовѣстныхъ дѣйствій прежде всего „вѣрой“, т. е. присягой, отчего самая служба на таможняхъ и въ кабакахъ, у „соболиной казны“ и пр. называлась „вѣрной“. А затѣмъ важнѣйшимъ обезпеченіемъ казеннаго интереса являлась имущественная состоятельность этихъ финансовыхъ прикащиковъ московскаго правительства. Взамѣнъ вознагражденія они получали разныя привилегіи, надѣленіе которыми стояло въ связи съ возведеніемъ облеченныхъ довѣріемъ торговыхъ людей въ особые чины, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоялъ чинъ гостя, на второмъ—торговаго человѣка гостиной сотни и на третьемъ—торговаго человѣка суконной сотни.

Гости въ качествѣ чиновныхъ торговыхъ людей существенно отличались отъ гостей, какъ бытового прозванія чужеземныхъ или иногороднихъ купцовъ. Въ чинъ гостя торговые люди возводились пожалованіемъ государя. Вѣроятно честь такихъ чиновныхъ гостей оцѣнена Судебникомъ Ц. въ десять разъ выше чести средняго посадскаго человѣка.

Во всякомъ случаѣ при Грозномъ и при его сынѣ Ѳедорѣ, какъ это видно изъ челобитья гостей 1648 г., чиномъ гостя уже жаловали и въ удостовѣреніе выдавали особыя жалованныя грамоты, въ которыхъ исчислялись дарованныя пожалованнымъ льготы. Но старѣйшая сохранившаяся такая грамота на званіе гостя относится къ 1598 г. (Д. къ А. И., т. I, № 147; см. другія подобныя грамоты: тамъ же, т. IV, № 56; т. VI, № 53 III; А. Э., т. IV, № 152; А. И., т. V, № 43; П. С. З., № 782; Сб. Хилкова, № 92). Привилегіи гостей въ 1613 г. были обобщены и всѣмъ имъ выдана общая жалованная грамота, но взята обратно, вслѣдствіе ошибки въ датѣ. Въ 1648 г., по челобитью гостей и торговыхъ людей гостиной сотни, выдана новая жалованная грамота, въ которой исчислены слѣдующія ихъ льготы: 1) „съ ихъ дворовъ тягла и никакихъ податей имати не велѣли... а велѣли имъ жити въ нашемъ царскомъ жалованьѣ на лготѣ“; 2) “бояре, воеводы и приказные люди ихъ ни въ чемъ не судять, а судитъ ихъ самъ царь или казначей“; 3) „съ черными сотнями никакихъ имъ дѣлъ не дѣлати и не тянути ни въ чемъ, опричь своей гостиной сотни“; 4) „и питье имъ про себя держати безвымочно, и стоялщиковъ у нихъ во дворехъ и всякихъ иноземцевъ не ставити“; 5) „и во дворѣхъ у нихъ избы и мылни топити волно безпенно и печатати у нихъ не велѣли, и огню у нихъ не вымати“; 6) „и подводъ у нихъ во всѣхъ городѣхъ нашего государства по ямомъ и на дорогѣ не имати“; 7) „куда имъ лучится въ дорогу ѣхать для своего промыслу, и у нихъ на рѣкахъ перевозовъ и на мостѣхъ мостовщины и проѣзжего мыту не имати, а перевозити ихъ на рѣкахъ и пропущати на мостѣхъ безденежно“; 8) „а кто ихъ обезчеститъ, и мы указали безчестья гостемъ по прежнему нашему указу, а лутчимъ людемъ по 20 р., середнимъ по 15, а молодчимъ по 10 (Д. къ А. И., т. III, № 44). Сверхъ того гости пользовались правомъ владѣть вотчинами. Правда на земскомъ соборѣ 1642 г. они заявили, что помѣстій и вотчинъ за ними нѣтъ никакихъ, но Котошихинъ удостовѣряетъ, что гостямъ „такъ же волно і вотчину купиті, и держаті, и подъ закладъ иматі“ (X, I). Лишь указомъ 1666 г. это право ограничено въ томъ направленіи, что „впредь гостемъ безъ подписныхъ чело-

битныхъ вотчинъ не покупать и подъ закладъ не имать" (П. С. З. № 390).

О времени возникновенія гостиной сотни такъ же нѣтъ указаній раньше 1598 г., когда члены ея упомянуты въ составѣ земскаго избирательнаго собора. Первая жалованная грамота человѣку гостиной сотни относится къ 1606 г. (А. Э., т. II, № 49; ср. Сб. Хилкова, № 53). Но изъ челобитья гостей и людей гостиной сотни 1648 г. можно заключить, что эта сотня уже успѣла организоваться при Грозномъ. Остается не яснымъ, въ какомъ отношеніи къ этой сотнѣ оказались сурожане, упоминаемые еще въ 1571 г. Случайный намекъ на устройство въ Москвѣ суконной сотни содержится въ грамотѣ 1556 г. о пожалованіи и обѣленіи двора, принадлежавшаго человѣку „суконнаго тягла"; новому владѣльцу (монастырю) продставлено „съ того двора съ суконничимъ старостою и съ тяглецы... ни въ которые проторы, ни въ розметы не тянути" (А. И., т. I, № 164). Люди суконной сотни такъ же упомянуты въ составѣ собора 1598 г. О служебномъ положеніи этихъ двухъ сотенъ по сравненію съ гостями Котошихинъ указываетъ, что „гостиная, суконая сотни, устроены для того: на Москвѣ і въ городѣхъ бываютъ у зборовъ царские казны, зъ гостми въ товарыщахъ, въ целовалникахъ" (X, 2). Соотвѣтственно этому и льготы, какими они пользовались, были нѣсколько уже. Но „за службы и за таможенныя и кабацкія приборы" эти торговые люди получали „государевы жаловальные грамоты съ гостинымъ имянемъ"(Улож. XVIII, 8).

Всѣ эти привилегированные служебные чины торговыхъ людей пополнялись періодическими наборами изъ среды лучшихъ торговыхъ людей въ Москвѣ и по городамъ. На этой почвѣ и возникла борьба городовыхъ посадскихъ людей съ привилегированными сотнями, такъ какъ изъятіе изъ посадской тяглой среды самыхъ состоятельныхъ тяглецовъ отражалось крайне невыгодно на остальныхъ тяглецахъ, которые должны были оплачивать тягло и за выбывающихъ. Съ другой стороны гостямъ и членамъ гостиной и суконной сотенъ было выгоднѣе имѣть въ составѣ каждой группы возможно большее число лицъ, такъ какъ тогда каждому приходилось рѣже от-

бывать очередную службу. Картина этой борьбы наглядно рисуется по челобитьямъ 1648—49 гг. Гости и гостиная сотня указывали, что по ихъ челобитьямъ давали имъ изъ сотенъ и слободъ лучшихъ людей, но что въ смутное время 1648 г. московскіе черные посадскіе люди и городскіе земскіе просили, чтобы взятые изъ ихъ среды были возвращены назадъ и служили бы службы по городамъ. Гости же и гостиная сотня просить противъ ихъ челобитья за боязнью въ то смутное время не смѣли, а между тѣмъ разорились, промысловъ отбыли и одолжали, такъ что государевой службы служить стало некому. Поэтому они вновь просятъ: „дати въ ихъ сотню изъ Кадашева и изъ иныхъ слободъ лутчихъ людей... чтобъ намъ холопемъ твоимъ впредь отъ твоихъ государевыхъ служебъ частыхъ и безпрестанныхъ межъ дворъ не пойтить". Съ своей стороны суконная сотня проситъ о прибавочныхъ людяхъ въ ихъ сотню, такъ какъ до московскаго разоренья въ ихъ сотнѣ было 357 семей, изъ которыхъ ежегодно служили 8 человѣкъ, а нынче ихъ въ сотнѣ всего 42 служилыхъ человѣка, изъ которыхъ ежегодно въ службахъ бываютъ 18 человѣкъ; да въ ихъ же сотнѣ обнищалыхъ и не могущихъ служить за бѣдностью службы 70 чел. Черные же посадскіе люди въ свою очередь били челомъ о томъ, чтобъ не оскудить ихъ новыми наборами изъ ихъ среды; „гости, государь, и гостина и суконна сотни полнятся всѣми твоими государевыми городами, изъ розныхъ слободъ лутчими людми, а мы, бѣдные сироты твои, въ конецъ погибли и всѣ стали бѣдные людишка; а что, государь, у насъ было нарочитыхъ людей, и тѣхъ гостиная и суконная сотни выбрали себѣ же въ сотни" (Д. къ А. И., т. III, № 47). Для примиренія этихъ борющихся интересовъ было постановлено, что московскіе гости, гостина и суконная сотни и взятые въ эти сотни патріаршіе, монастырскіе и властелинскіе крестьяне впредь должны служить службы московскія, у г. Архангельска и на Холмогорахъ „и иныя службы, гдѣ государь укажетъ"; а городовымъ людямъ, взятымъ въ эти сотни для московскихъ и отъѣзжихъ службъ въ 1647 г., указано „быти службами и тягломъ въ городѣхъ на посадѣхъ по прежнему и наши таможенныя и кабацкія и всякія службы служить, гдѣ кто въ которомъ городѣ живетъ" (А. Э., т. IV, № 28).

Въ противоположность привилегированнымъ торгово-промышленнымъ людямъ, набраннымъ въ служебные чины и сотни, главную массу торгово-промышленнаго населенія составляли черные посадскіе люди, отбывавшіе тягло съ своихъ торговъ и промысловъ. Окладной единицей при исчисленіи посадскаго тягла съ XVI в. являлся посадскій дворъ. Поэтому владѣющіе дворами на посадахъ посадскіе люди и должны были принимать участіе въ уплатѣ падающихъ на посадъ прямыхъ сборовъ и въ отбываніи повинностей по мірской раскладкѣ. Но въ какой мѣрѣ было трудно сосредоточить торговлю на посадахъ, въ такой же мѣрѣ представлялось невозможнымъ обособить посадское тягло отъ уѣзднаго. Стремленія къ такому обособленію наталкивались на разнородныя препятствія.

Съ одной стороны то имущество, съ котораго исчислялось и отбывалось посадское тягло, т. е. посадскій дворъ, могло перейти въ другія руки. Интересы посадскаго тягла не страдали бы при этомъ лишь при условіи, если новый владѣлецъ принималъ на себя всѣ обязательства продавца. Такое начало и было прежде всего установлено, сначала по между-княжескимъ договорнымъ грамотамъ, правда, относительно земель: „А хто будетъ покупилъ земли даннѣ, служни или черныхъ людий... а тѣ хто взможетъ выкупити, инѣ выкупятъ; а не взмогутъ выкупити, инѣ потянутъ къ чернымъ людемъ; а хто не въсхочетъ тянути, инѣ ся земль съступятъ, а земли чернымъ людемъ даромъ“ (С. Г. Г., т. I, № 33). Это начало примѣнялось къ посадскимъ чернымъ землямъ и дворамъ еще въ XVII в. Такъ, по уставной грамотѣ Устюжны-Желѣзопольской 1614 г. указано, если „кто учнетъ жити на черной землѣ, сынъ боярской или приказной человѣкъ... или монастырьской, или чей кто ни буди:.. и тягло имъ съ тѣхъ дворовъ оброки и всякіе розметы тянути по вытно, что на нихъ цѣловалники положатъ“. Это правило подтверждено особой грамотой воеводѣ 1623 г.: „Будетъ на Устюжнѣ дворяне и дѣти боярскіе и всякіе съѣзжіе уѣздные люди у посадскихъ людей посадскую землю, пашни и пожни, и дворы и лавки, покупали въ осадное время и нынѣ тѣми посадскими землями... владѣютъ.., а нашихъ податей и мірскихъ розметовъ съ ними съ посадскими людми съ тѣхъ своихъ дворовъ

и съ лавокъ и съ земель не платятъ: и ты бъ тѣмъ людемъ, кто владѣетъ, всякія наши подати велѣлъ платити... по окладу земскихъ цѣловалниковъ, а безданно бъ и безоброчно никто въ избылыхъ не жилъ" (А. Э., т. III, № 37 и 138). Такія же правила примѣнялись въ Сольвычегодскѣ, Устюгѣ, Вяткѣ; а въ 1677 г. издано и общее постановленіе объ обложеніи податями всѣхъ владѣвшихъ черными землями на посадахъ (Лаппо-Данилевскій, назв. соч., 154, пр. 2).

Но служилые люди, владѣвшіе въ городахъ осадными дворами, съ которыхъ посадское тягло не взималось, стремились и пріобрѣтенные ими посадскіе дворы и земли обѣлить, т. е. исключить изъ посадскаго тягла, что имъ нерѣдко и удавалось. По крайней мѣрѣ за 20—40 гг. XVII в. извѣстенъ рядъ челобитій отъ тяглецовъ черныхъ сотенъ и черныхъ слободъ на своихъ же общественниковъ, что они закладываютъ и продаютъ бѣломѣстцамъ тяглые мѣста и дворы, а бѣломѣстцы хотятъ ихъ обѣливать, отчего черныя слободы и сотни пустѣютъ. На эти челобитья послѣдовалъ рядъ указовъ, которыми ограничивался и запрещался переходъ тяглыхъ посадскихъ мѣстъ въ руки бѣломѣстцевъ. Такъ, уже въ 1620 г. велѣно приписывать пустыя черныя мѣста на посадахъ къ посадамъ, „п. ч. мимо посадскихъ людей пустыми мѣсты владѣть иному никому не велѣно" (Выпись изъ Тверск. писц. кн., Тверь, 1901, стр. 80). Въ 1621 г. предписано, „тяглыхъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ бѣломѣстцомъ не продать, и не заложить, и по душѣ и въ приданые никому не отдать". Это подтверждено и въ 1627 г., хотя для завладѣвшихъ уже бѣломѣстцевъ сдѣлано было изъятіе въ томъ смыслѣ, что имъ разрѣшено было жить на своихъ мѣстахъ по прежнему, а вмѣсто этихъ мѣстъ отвести тяглымъ людямъ новыя мѣста. Въ 1634 г. послѣдовалъ новый указъ, запрещающій закладывать и продавать тяглые дворы и мѣста всякихъ чиновъ людямъ, съ тѣмъ дополненіемъ, что если посадскіе люди „для бѣдности или избывая сотенного тягла" будутъ дворы и мѣста закладывать, продавать и пустошить, то по закладнымъ дворы и мѣста „имати въ сотни безденежно" и не обѣливать, „для тягла, чтобъ впредь изъ сотенъ тягла не убывало, а достальнымъ сотеннымъ людемъ въ томъ налога бъ не было", а за-

20

кладчиковъ и продавцовъ „сыскивая бить кнутомъ“. Въ 1642 г. состоялся новый указъ, въ силу котораго имущество стоящихъ на правежѣ тяглыхъ посадскихъ людей, а именно ихъ дворы и лавки, „продавать тяглымъ же людемъ тѣхъ же сотенъ, а бѣломѣстцомъ тѣхъ дворовъ и лавокъ въ искъ продавать и отдавать не велѣно“ (В.-Будановъ. Христоматія, вып. III, изд. 3, стр. 124—126, 144 и 163). Всѣ эти правила перешли и въ Уложеніе, которое хотя и не возбраняло закладывать тяглыя посадскія имущества крестьянамъ и боярскимъ людямъ, но запретило имъ таковыя осваивать и обѣлять; бѣломѣстцамъ же и закладывать было нельзя (Улож., гл. X, 269; XIX, 15, 16 и 39). Но въ 1677 г. состоялось новое предписаніе сводить съ тяглыхъ земель бѣломѣстцевъ. А въ 1686 г. издано общее узаконеніе о чернослободскихъ дворахъ и мѣстахъ, разрѣшившее оставить за бѣломѣстцами пріобрѣтенные ими дворы и мѣста съ обязательствомъ платить съ нихъ тягло; въ случаѣ же уклоненія ихъ отъ тягла, тяглыя мѣста у нихъ отбирать. Впредь же закладывать и продавать бѣломѣстцамъ тяглыя мѣста запрещалось; закладчиковъ и продавцовъ, поступившихъ вопреки указу, предписывалось бить кнутомъ, а отчужденныя мѣста отбирать безденежно; въ иски же продавать лишь хоромы (П. С. З. № 1157, Отд. I, ст. 1 и 2). Такимъ образомъ черезъ весь московскій періодъ проходитъ двойственная политика правительства относительно права владѣнія тяглымъ посадскимъ имуществомъ.

Въ связи съ переходомъ посадскаго тяглаго имущества въ руки бѣломѣстцевъ стоитъ и вопросъ о выходѣ съ посадовъ значительнаго количества тяглецовъ. Это явленіе уже довольно рано обратило на себя вниманіе правительства, такъ какъ отъ такого выхода страдало посадское тягло. Уже въ Судебникѣ Ц. можно отмѣтить первые нерѣшительные шаги къ закрѣпленію посадскихъ людей къ посадамъ; тамъ сказано: „а торговымъ людемъ городскимъ въ монастырѣхъ не жити, а жити имъ въ городскихъ дворѣхъ; а которые торговые люди учнутъ жити въ монастырѣхъ, и тѣхъ съ монастырей сводити“ (ст. 91). Легко понять, почему рѣчь идетъ только о возвращеніи вышедшихъ тяглецовъ изъ-за монастырей. Около посадовъ нерѣдко возникали властелинскія и монастырскія сло-

боды, куда и могли ближайшимъ образомъ выходить посадскіе жильцы. Но что они могли выходить не только за монастыри, и что противъ такихъ выходовъ также принимались мѣры, свидѣтельствуетъ грамота 1646 г. на Вятку, изъ которой видно, что „Слободского городка тяглые люди вышли отъ нихъ жити в Шестаковской городокъ“; слобожане съ приставами пріѣхали требовать обратно ушедшихъ, но шестаковцы приставамъ „на поруки не даются и отъ нихъ отбиваютца, и тѣхъ имъ тяглыхъ людей слобожанъ изъ городка не выдадутъ, а отымаются слобоцкими и полѣтними грамотами на пусто“ (Труды Вятск. Арх. Ком. 1905 г., вып. 3-й, Отд. III, стр. 87). Во второй половинѣ XVI в. можно указать рядъ случаевъ обратнаго вывода въ старые дворы разошедшихся посадскихъ жильцовъ и слобожанъ въ Серпуховѣ, въ Корѣлѣ, Каширѣ и Свіяжскѣ за время 1552—1586 гг. (М. Дьяконовъ. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія, 2—6). Въ уставной Торопецкой грамотѣ 1590 г. предоставлено разошедшихся съ посада жильцовъ вывозить на старыя мѣста безоброчно и безпошлинно въ заповѣдныя лѣта (И. Побойнинъ. Торопецкая старина, 1902, прил. I). Всѣ эти данныя безспорно указываютъ на начинающееся прикрѣпленіе посадскихъ людей къ посадамъ.

Но наряду съ этими данными существуетъ цѣлый рядъ указаній на то, что многіе города, особенно въ центрѣ государства, пустѣютъ. Такъ, по сотной выписи 1574 г. въ Муромѣ на посадѣ было тяглыхъ черныхъ дворовъ жилыхъ 111, дворовъ пустыхъ 107 и пустыхъ дворовыхъ мѣстъ 520, причемъ по сотной 1566 г. тамъ числилось въ живущемъ 587 дв. и убыло „изъ жива въ пусто“ за восемь лѣтъ 476 дв. Въ Коломнѣ въ 70-хъ годахъ было всего жилыхъ посадскихъ 34 дв., пустыхъ 56 дв. и дворовыхъ мѣстъ пустыхъ 606. Въ Можайскѣ въ концѣ XVI в. описано жилыхъ посадскихъ 203 дв., пустыхъ 127 дв. и пустыхъ дворовыхъ мѣстъ 1446 (А. Ю. № 229; Н. Чечулинъ. Города Московскаго государства, 156—158). Послѣ смутнаго времени, когда все государство отъ литовскихъ людей разорилось и запустѣло, наблюдалось общее запустѣніе городовъ, вслѣдствіе чего уплата тягла для оставшихся посадскихъ тяглецовъ сдѣлалась невоз-

можною. На земскомъ соборѣ 1619 г. было указано, что „изъ за-Московныхъ и изъ Украинныхъ городовъ посадцкіе многіе люди, лготя себѣ, чтобъ имъ въ городѣхъ податей никакихъ не платить, пріѣхали къ Москвѣ и живутъ на Москвѣ и по городомъ у друзей, а по городомъ, гдѣ кто жилъ напередъ сего, ѣхати не хотятъ; а изъ иныхъ Украинныхъ и разореныхъ городовъ и всякіе люди бьютъ челомъ о лготѣ, что имъ для ихъ разоренья во всякихъ податѣхъ дати лготы. А иные посадцкіе и уѣздные люди заложились въ закладчики за бояръ и за всякихъ людей, а податей никакихъ съ своею братьею съ посадцкими и съ уѣздными людми не платятъ, а живутъ себѣ въ покоѣ“. Вслѣдствіе этого соборъ приговорилъ послать писцовъ и сыщиковъ для новой описи городовъ и уѣздовъ и для сыска и водворенія на старыя мѣста разошедшихся и заложившихся посадскихъ тяглецовъ (Кн. разр. I, 613). Повидимому результаты этого сыска оказались не особенно плодотворными въ смыслѣ водворенія посадскихъ людей на прежнія ихъ мѣста. По крайней мѣрѣ въ 1638 г. поручено было спеціальному Приказу вновь сыскивать въ Москвѣ и по городамъ, за властями, монастырями и помѣщиками и вотчинниками „закладчиковъ и въ черныхъ сотняхъ и въ слободахъ и въ городѣхъ тяглыхъ людей, которые вышли изъ черныхъ сотенъ и изъ слободъ и въ городѣхъ съ посаду съ тягла, съ московского разоренья“, т. е. съ воцаренія Михаила Ѳедоровича. Производить сыскъ по всѣмъ городамъ предписано было „по росписямъ, каковы росписи подадутъ сотскіе и старосты за руками“ (А. Э., III, № 279). Къ сожалѣнію обширное дѣлопроизводство по этому сыску до сихъ поръ совершенно еще не изслѣдовано.

Всѣ такія мѣры къ возвращенію на посады вышедшихъ оттуда тяглецовъ, хотя бы онѣ далеко не всегда приводили къ намѣченнымъ цѣлямъ, показываютъ, что московское правительство установило и проводило принципъ прикрѣпленія къ посадамъ посадскихъ тяглецовъ. Даже переходъ съ посада на посадъ не признавался правомѣрнымъ. Уложеніе признало этотъ принципъ, хотя въ то же время санкціонировало всѣ состоявшіяся ранѣе перечисленія въ другіе посады и сотни. Въ Уложеніи сказано: „А которые московскихъ слободъ по-

садскіе люди нынѣ живутъ въ городѣхъ, а городовые посадскіе люди живутъ на Москвѣ и въ розныхъ городѣхъ, и тѣмъ тяглымъ посадскимъ людемъ и впредь жити въ тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ они ожилися, а съ Москвы въ городы по старинѣ и изъ городовъ къ Москвѣ и изъ города въ городъ ихъ посадскихъ тяглыхъ людей не переводити" (XIX, 19). Вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ постановлено сыскивать всѣхъ посадскихъ тяглецовъ, покинувшихъ тягло и проживающихъ въ закладчикахъ, „и свозити на старые ихъ посадскіе мѣста, гдѣ кто живалъ напредь сего, безлѣтно и безповоротно" (ст. 13). Цѣлый рядъ статей болѣе детальнаго характера имѣлъ въ виду обезпечить начало прикрѣпленія къ посадамъ (XIX, 22—32). Но и послѣ Уложенія приходилось правительству дѣлать серьезныя уступки настоятельнымъ нуждамъ текущей практики. Въ 1682 г., напр., было предписано не возвращать на старые посады тѣхъ жильцовъ, которые перешли на другіе посады и попали на новыхъ мѣстахъ жительства въ переписныя книги 1674 г.; но впредь переходы съ посада на посадъ вновь запрещались и перешедшихъ велѣно возвращать на старыя мѣста (П. С. З. № 980).

Прикрѣпленіе къ посадамъ имѣло цѣлью прекратить выходъ тяглыхъ людей съ посадовъ и тѣмъ предотвратить увеличеніе платежей для оставшихся, такъ какъ за вышедшихъ должны были платить оставшіеся посадскіе жильцы. Падающее на нихъ бремя платежей возрастало съ выбытіемъ изъ тягла прежнихъ плательщиковъ. Но затрудненія въ отбываніи посадскаго тягла зависѣли не только отъ перехода посадскихъ дворовъ и мѣстъ въ руки бѣломѣстцевъ и ухода тяглецовъ, но еще и отъ конкуренціи въ торговлѣ и промыслахъ, какую приходилось выдерживать посадскимъ жильцамъ съ лицами, не приписанными къ посадамъ, но занимавшимися торгомъ и промыслами. Это были главнымъ образомъ жители слободъ, устраиваемыхъ нерѣдко вплотную съ посадами по почину духовныхъ властей, монастырей и крупныхъ частныхъ собственниковъ. Вліятельные устроители слободъ населяли ихъ своими людьми и крестьянами и выхлопатывали для своихъ слобожанъ разныя льготы (отсюда и названіе „слободы"). Не платя вовсе посадскаго тягла или отбывая его далеко не

въ полномъ объемѣ, слободскіе жильцы занимались торгомъ и промыслами при болѣе выгодныхъ условіяхъ въ ущербъ посадскимъ людямъ. На ненормальность такого положенія дѣлъ уже давно было обращено вниманіе правительства. Грозный на Стоглавомъ соборѣ указывалъ на то, что отъ слободъ „государьская подать и земьская тягль изгибла“, и предлагалъ примѣнять старый „указъ слободамъ“, сохранившійся въ уставныхъ книгахъ его дѣда и отца. Этотъ указъ до насъ не сохранился. Стоглавый соборъ въ своихъ постановленіяхъ подтвердилъ недавній приговоръ 1550 г., по которому предписано „слободамъ всѣмъ новымъ тянути з градскими людми во всякое тягло и з судомъ“. И сверхъ того соборъ установилъ, что „новыхъ бы слободъ не ставити и дворовъ многихъ (новыхъ) въ старыхъ слободахъ не прибавливати“, кромѣ случаевъ выселенія въ новые дворы отдѣлившихся членовъ семьи; „а опричнымъ прихожимъ людемъ градскимъ и сельскимъ въ тѣхъ старыхъ слободахъ новыхъ дворовъ не ставити“; только въ опустѣвшіе старые дворы разрѣшено называть сельскихъ и городскихъ не тяглыхъ людей (Ждановъ. Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора, Ж. М. Н. Пр. 1876, № 7; Стоглавъ, Казань, 1862, 412—414).

Въ какой мѣрѣ эти постановленія собора исполнялись даже относительно властелинскихъ и монастырскихъ слободъ, сказать очень трудно. Несомнѣнно лишь то, что въ XVI и XVII вв. около посадовъ существовали многія слободы, съ которыми посадскіе люди вели упорную борьбу, добиваясь зачисленія ихъ въ тягло, хотя далеко не всегда съ успѣхомъ. Такъ, въ Коломнѣ, гдѣ въ 1577 г. было всего 34 жилыхъ посадскихъ двора, въ двухъ владычнихъ слободкахъ сосчитано 123 дв., жильцы которыхъ владѣли и лавками. Въ концѣ XVI в. въ Можайскѣ на 203 жилыхъ посадскихъ дв. въ четырехъ монастырскихъ слободахъ оказалось 45 дв., въ которыхъ жили „торговые и мастеровые молодчіе люди, а съ посадцкими с черными людми тягла не тянутъ, опричь городового дѣла“. Но въ то же время на Устюжнѣ упомянута „въ Ильинской улицѣ слободка, что поставилъ Никольскій игуменъ на черныхъ мѣстѣхъ послѣ пожару... и послѣ того

по челобитью посадскихъ людей та слободка приписана къ посадскимъ къ тяглымъ людямъ, а къ Ильѣ пророку даютъ руги по 10 р., а сами тянутъ государево тягло съ посадскими людьми ровно“. Въ Серпуховѣ приписаны въ тяглю 127 дв. разныхъ слободокъ; въ Муромѣ на посадѣ показаны „дворы бѣлые, а приписаны они въ тяглые къ чернымъ же дворамъ“, всего 75 дв. (Чечулинъ, н. с. 156, 168, 71, 175 и сл.). Тѣ же данныя наблюдаются и въ XVII в. Съ одной стороны можно отмѣтить приписку слободъ къ посадамъ на томъ основаніи, что жители ихъ „живутъ не на пашнѣ, промышляютъ торжишкомъ“ (Лаппо-Данилевскій, н. с., 166). Съ другой стороны слободы существуютъ при посадахъ на совершенно льготныхъ условіяхъ. Такъ, по нижегородской писцовой книгѣ 1621—22 г. тамъ описаны двѣ слободы, одна Печерскаго монастыря, другая Благовѣщенскаго патріарша монастыря; въ первой насчитано 89 дв. и про жильцовъ сказано: „а тягла тѣ люди с посадцкими людми и никакихъ государевыхъ податей не платятъ, а платятъ с своихъ дворовъ и зъ дворишковъ оброкъ в манастырь на монастырьское строенье и дѣлаютъ въ монастырѣ і в монастырьскихъ в подгородныхъ селехъ всякое монастырьское издѣлье“; во второй—53 дв., „а промышляютъ тѣ люди своимъ рукодѣльемъ, а оброкъ платятъ в монастырь на монастырьское строенье, а с нижегородцы с посадцкими людми никакихъ государевыхъ податей не платятъ и в сошное письмо не положены“ (Р. И. Б., т. XVII, 345 и 352). У нижегородскаго посада съ Благовѣщенскимъ монастыремъ съ 1592 по 1636 г. велись нескончаемыя тяжбы изъ за монастырской слободки и ея жильцовъ съ перемѣннымъ счастьемъ то для одной, то для другой стороны; но все же слобода сохранила свою независимость отъ посада (Дьяконовъ, н. с., 28—30).

Въ общей формѣ вопросъ объ отношеніи слободъ къ посадамъ возбужденъ былъ на соборѣ 1648 г. по челобитью всякихъ чиновъ людей 30 окт. Въ этомъ челобитьи указывалось, что около Москвы и по городамъ заведены дворы, а около посадовъ на государевой землѣ построены слободы духовныхъ и служилыхъ людей, и въ этихъ дворахъ и сло-

бодахъ живутъ многіе торговые и ремесленные люди и крестьяне и торгуютъ большими торгами и занимаются промыслами, а государевыхъ податей не платятъ и службъ не служатъ, отъ чего торговымъ тяглымъ людямъ „въ торгѣхъ и въ промыслѣхъ и въ ихъ многихъ обидахъ чинится смятеніе и межусобіе и ссоры болшіе“. Въ примѣръ челобитчики указали на слободу Благовѣщенскаго монастыря въ Н. Новгородѣ, въ которой за патріархомъ сверхъ писцовыхъ книгъ проживало свыше 600 чел. торговыхъ и ремесленныхъ людей, собравшихся сюда изъ разныхъ городовъ „для своего промыслу и легости“. Челобитчики просили, чтобы такихъ слободъ въ Москвѣ и городахъ не было бы, и велѣлъ бы государь во всѣхъ городахъ, на посадахъ и около посадовъ въ слободахъ всякимъ торговымъ и промышленнымъ людямъ быть за собою вел. государемъ въ тяглѣ со всѣми ровно, чтобы никто въ избылыхъ не былъ, и чтобы во всемъ народѣ мятежа и ссоры и междуусобія отъ той розни не было. Къ этой просьбѣ нѣсколько позднѣе земскіе старосты и посадскіе люди присоединили новое челобитье, чтобы къ посадамъ были приписаны села и деревни на земляхъ частныхъ землевладѣльцевъ, лежащія въ рядъ съ посадами и около посадовъ. (А. Э., т. IV, № 32).

Отвѣтомъ на эти челобитья и явилась XIX гл. Уложенія. Въ ней прежде всего и рѣшенъ вопросъ относительно слободъ и въ томъ смыслѣ, что всѣ слободы на Москвѣ и въ городахъ и около Москвы и городовъ, принадлежащія духовнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ и построенныя на государевой посадской землѣ, со всѣми людьми, кромѣ кабальныхъ, велѣно взять на государя. „А впредь опричь государевыхъ слободъ ничьимъ слободамъ на Москвѣ и въ городѣхъ не быти“ (ст. 1 и 5). Предписано было отобрать и слободы, построенныя на бѣлой купленой и не купленой землѣ за то: „не строй на государевой землѣ слободъ и не покупай посадской земли“ (ст. 7). Далѣе, предписано было взять на государя чьи бы то ни было вотчины и помѣстья па посадахъ или около посадовъ, „а сошлися съ посады дворы съ дворами или близко посадовъ“, равно и построенныя на этихъ земляхъ села и деревни, „и устроити ихъ съ посады

въ рядъ съ своими государевыми тяглыми людьми всякими податьми и службами" (ст. 8 и 9). Крестьянамъ и инымъ людямъ, кромѣ стрѣльцовъ, казаковъ и драгунъ, запрещено было владѣть на посадахъ лавками и промышленными предпріятіями, если они не состоятъ въ посадскомъ тяглѣ; имѣщіяся у нихъ торговыя заведенія они должны были продать посадскимъ людямъ и впредь не пріобрѣтать подъ угрозой конфискаціи (ст. 9, 11 и 12). Всѣ эти мѣры рѣзче выдѣлили посадъ отъ уѣзда, такъ какъ посадскіе люди прикрѣплялись къ посадскому тяглу и мѣсту жительства, но за то въ ихъ рукахъ сосредоточивалась торговая и промышленная дѣятельность на посадахъ. Въ первые три года по изданіи Уложенія отписано было въ посадское тягло изъ состава слободъ и отдѣльныхъ дворовъ всего 10000 дв. съ 21000 населенія (Акты Гарелина, № 140).

В. Сергѣевичъ. Юрид. древн., 308—330; *В.-Будановъ.* Обзоръ, 130—134; *Плошинскій.* Городское или среднее состояніе русскаго народа, 1852; *Пригара.* Опытъ исторіи состоянія городскихъ обывателей въ восточной Россіи, 1868; *А. Градовскій.* Исторія мѣстнаго управленія, 1868, стр. 145—212 и Собр. соч., т. II, 250—314: *Н. Д. Чечулинъ.* Города московскаго государства въ XVI в., 1889; *А. Лаппо-Данилевскій.* Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, 1890, стр. 112—179; *А. Г. Ильинскій.* Городское населеніе Новгородской области въ XVI в. Ж. М. Н. Пр., 1876, № 6 и Историч. Обозр. 1897, т. IX; *К. Неволинъ.* Общій списокъ русскихъ городовъ, Собр. соч., т. VI; *С. А. Богоявленскій.* Нѣкоторыя статистическія данныя по исторіи русскаго города въ XVII в. Древности. Труды археографической коммисс. Москв. археол. Общ., т. I, вып. 3.

Сельское населеніе.

Сельское населеніе въ Московскомъ государствѣ носитъ разныя названія. Чаще всего оно называлось „крестьяне". Это наименованіе возникло послѣ татарскаго завоеванія, когда все русское населеніе въ отличіе отъ поганыхъ татаръ именовало себя „христіане". Но очень скоро терминъ удержался только для обозначенія массы сельскаго населенія. Сами крестьяне нерѣдко называли себя, обыкновенно въ обращеніи къ вел.

князю или государю, „сиротами". Встрѣчается и терминъ „черные люди". Кромѣ того отдѣльные разряды сельскаго населенія назывались „половниками", „серебрениками", „складниками", „бобылями", „сосѣдями", „подсосѣдниками", „захребетниками" „подворниками" и др. въ зависимости отъ хозяйственнаго и тяглаго ихъ положенія.

Выше отмѣченный (стр. 95—96) процессъ обезземеленія мелкихъ собственниковъ смердовъ привелъ къ тому, что въ московское время масса сельскаго населенія не имѣла собственныхъ участковъ и проживала на чужой землѣ въ качествѣ арендаторовъ. Лишь въ сѣверныхъ частяхъ бывшихъ новгородскихъ владѣній еще и въ XVI в. удерживались немногіе остатки мелкихъ землевладѣльцевъ въ лицѣ „земцевъ" или „своеземцевъ" (Сводъ мнѣній о нихъ у М. И. Помяловскаго, „Очерки изъ исторіи Новгорода въ первый вѣкъ московскаго владычества", Ж. М. Н. Пр. 1904, № 7); но они исчезли, разбившись на два слоя, изъ которыхъ одинъ слился съ мелкими помѣстными слугами, а другой—съ крестьянами. Крестьяне же всѣ оказались съемщиками участковъ чужой земли, будь то въ черныхъ или оброчныхъ волостяхъ, въ дворцовыхъ имѣніяхъ, или въ монастырскихъ или частныхъ вотчинахъ и, наконецъ, въ помѣстьяхъ. По различію положеній и дальнѣйшей судьбѣ слѣдуетъ проводить разницу между крестьянами, поселившимися на черной волостной землѣ съ одной стороны, и крестьянами, проживавшими на вотчинныхъ и помѣстныхъ земляхъ—съ другой. Первые назывались государевыми, черными, волостными, тяглыми; вторые—помѣщиковыми и вотчинниковыми, монастырскими, дворцовыми, короче владѣльческими крестьянами. Съ точки зрѣнія податной или тяглой между этими группами крестьянъ нельзя провести никакой разницы. Какъ прежде смерды являлись главными плательщиками дани, такъ въ разсматриваемое время крестьяне составляли главную массу тяглыхъ земледѣльцевъ, почему и назывались еще, въ зависимости отъ способовъ исчисленія и раскладки прямыхъ сборовъ, „численными", „вытными" или „письменными людьми".

По памятникамъ XIV и XV вв. всѣ эти земледѣльцы вполнѣ свободные люди, пользующіеся свободой перехода

и сначала безъ всякихъ ограниченій. По междукняжескимъ договорамъ обезпечивалась свобода перехода изъ одного княженія въ другое вольныхъ людей или крестьянъ: „А межъ насъ людемъ и гостемъ путь чистъ безъ рубежа"; или: „А которые люди съ которыхъ мѣстъ вышли добровольно, ино тымъ людемъ вольнымъ воля, гдѣ похотятъ, тутъ живутъ"; или: „А хрестіаномъ межъ насъ волнымъ воля" (А. Э., т. I, № 14; Сб. Муханова, № 7; С. Г. Г., т. I, №№ 95, 127). Только въ договорахъ московскихъ великихъ князей съ удѣльными стороны обязывались не принимать черныхъ людей: „А которыи слуги потягли къ дворьскому, а черныи люди къ сотникомъ, тыхъ ны въ службу не примати"; но въ большинствѣ грамотъ этого вида выраженіе „въ службу" опущено (С. Г. Г., т. I, №№ 27, 33, 35, 45, 71, 78, 84). И дѣйствительно, было бы не понятно, почему черныхъ людей нельзя принимать въ службу и возможно было принять въ крестьяне. Самая служба въ данномъ случаѣ понимается не въ смыслѣ военной службы, а службы подъ дворскимъ, т. е. въ качествѣ бортниковъ, садовниковъ, бобровниковъ, псарей и пр., которые за эту службу получали участки земли, какъ и крестьяне (выше, стр. 263 — 264). Обязательство не принимать черныхъ людей объясняется тѣмъ, что князья взаимно обязывались „блюсти ихъ съ одиного", какъ и численныхъ людей, т. е. сообща о нихъ заботиться. Черные люди тянули къ сотникамъ или къ становщикамъ уплатою прямыхъ сборовъ, въ частности татарской дани, а эту дань или татарскій выходъ вел. князь московскій уплачивалъ совмѣстно съ удѣльными князьями по долямъ. Вотъ почему эти князья и должны были сообща заботиться о черныхъ и численныхъ людяхъ и не должны были переманивать ихъ одинъ у другого. Такимъ образомъ, это ограниченіе нисколько не умаляло свободы перехода черныхъ людей; оно, наоборотъ, косвенно подтверждаетъ ея существованіе.

Не только выходъ крестьянъ за предѣлы княженій былъ невыгоденъ для княжескихъ правительствъ; столь же невыгоденъ былъ переходъ крестьянъ и въ предѣлахъ одного княженія съ тяглыхъ участковъ на льготные. Поэтому во многихъ льготныхъ грамотахъ на имя духовныхъ и свѣтскихъ

землевладѣльцевъ стояло указаніе, что вотчинники могли призывать поселенцовъ въ свои имѣнія изъ иныхъ княженій, своихъ старыхъ жильцовъ, тѣхъ, „кого окупивъ посадять", и безвытныхъ людей, и вмѣстѣ съ тѣмъ запрещалось принимать „тутошныхъ людей волостныхъ или становыхъ", „моихъ людей вел. князя", „изъ моихъ волостей и изъ моихъ селъ", „изъ нашея вотчины", или еще чаще—„тяглыхъ писменныхъ и вытныхъ людей" (А. Э., т. I, №№ 4, 17, 18, 20, 21, 31, 34, 36, 39, 41, 43, 44, 46, 53, 102; Р. И. Б., т. II, №№ 12—14, 21—23; А. Ю. Б., т. I, № 31; Акты Юшкова, №№ 4, 15, 26, 27, 40 и др.). Всегда было много охотниковъ поселиться на льготныхъ условіяхъ; но князья заранѣе ограждають свои интересы и представляють льготы лишь подъ условіемъ не принимать ихъ тяглецовъ. Хотя сохранились льготныя грамоты, въ которыхъ такого запрещенія не содержится, но отсюда нельзя заключать о томъ, что въ такихъ случаяхъ никакихъ ограниченій въ пріемѣ поселенцевъ и не предъявлялось. Наши древнія грамоты писались не всегда съ исчерпывающей полнотой, и изъ умолчанія въ нихъ дѣлать выводы въ ту или другую сторону весьма рисковано; во всякомъ случаѣ упомянутыя льготныя грамоты не содержать отмѣны указаннаго запрещенія не принимать тяглыхъ людей. Весьма характерно, однако, то, что запретъ относится къ землевладѣльцамъ, а не къ крестьянамъ. Запретить послѣднимъ переселенія князья не могли и по очень простой причинѣ: отъ князя, издавшаго такой запретъ, если не всѣ, то очень многіе крестьяне ушли бы въ сосѣднія княженія, гдѣ переходъ не встрѣчалъ никакихъ стѣсненій.

Отъ половины XV в. становятся извѣстны и ограниченія другого рода, являющіяся, однако, лишь мѣстными и частными. Князья удѣльные, бѣлозерскій и вологодскій, и великіе московскіе за время 1450—1471 гг. въ грамотахъ па имя должностныхъ лицъ и монастырей отдавали распоряженія о порядкѣ отказа и вывода изъ за монастырей Ѳерапонтова (вблизи г. Кириллова Новг. губ.) и Кириллобѣлозерскаго ихъ монастырскихъ половниковъ, серебрениковъ и людей. Изъ грамотъ видно, что раньше монастырскихъ крестьянъ отказывали „межень лѣта и всегды" или „о рождествѣ Христовѣ и о Пе-

трове дни". Впредь князья предписываютъ отказывать только въ Юрьевъ день осенній (26 ноября), а именно „за двѣ недѣли до Юрьева дни и недѣлю по Юрьевѣ дни", или „о Юрьевѣ дни да недѣлю по Юрьевѣ дни"; въ остальное же время, „отъ Юрьева дни до Юрьева дни", изъ монастырскихъ деревень серебрениковъ и всѣхъ монастырскихъ людей князья пускать не велятъ. Кромѣ того въ тѣхъ же грамотахъ о серебреникахъ установлено правило: „который поидетъ о Юрьевѣ дни манастырьскихъ людей, и онъ тогды и денги заплатитъ"; или: „а коли серебро заплатитъ, тогды ему и отказъ". Въ особой грамотѣ Иванъ III далъ указаніе мѣстнымъ властямъ, какъ имъ надлежитъ поступать въ спорныхъ случаяхъ при отказѣ задолжавшихъ крестьянъ Кириллова монастыря: „которой христіанинъ скажется въ ихъ серебрѣ виноватъ, и вы бы ихъ серебро заплатили манастырьское да ихъ христіанина вывезите вонъ; а кто ся скажетъ манастырю серебромъ не виноватъ, и вы бы по томъ манастырю въ ихъ серебрѣ давали поруку" и затѣмъ дѣло рѣшали судомъ. Въ одной изъ грамотъ дана и санкція новаго правила: „а хто откажетъ до Юрьева дни, или послѣ Юрьева дни, ино тотъ отказъ не въ отказъ" (А. Э., т. I, №№ 48 и 73; Д. къ А. И., т. I, № 198). Итакъ, въ шести грамотахъ, касающихся двухъ монастырей, установлены два ограниченія относительно отказа или перехода монастырскихъ крестьянъ: 1) переходъ допускался одинъ разъ въ году, около Юрьева дня, въ теченіе срока отъ одной до трехъ недѣль; 2) задолжавшіе монастырю крестьяне—„серебреники"— должны были при выходѣ возвратить монастырю серебро, т. е. уплатить числившійся за ними долгъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что подобныя же грамоты давались и другимъ монастырямъ и, быть можетъ, волостямъ и свѣтскимъ землевладѣльцамъ. Вѣроятно, большая часть изъ нихъ погибла. Не сохранилась такая грамота даже у Троицкаго Сергіева монастыря, хотя несомнѣнно была выдана. Только потому монастырь и могъ жаловаться въ 1466—1478 г. вел. князю на своихъ крестьянъ, которые вышли изъ ихъ Шухобальскихъ селъ „сей зимы о Сборѣ" (т. е. въ началѣ вел. поста). И вел. князь далъ имъ пристава, который долженъ былъ розыскать вышедшихъ крестьянъ и вывести обратно въ Шухобальскія села „да поса-

дити ихъ по старымъ мѣстомъ, гдѣ кто жилъ, до Юрьева дни до осеннего“ (А. Э., т. I, № 83). Эта же грамота указываетъ, какъ надлежитъ толковать санкцію—„тотъ отказъ не въ отказъ“—, т. е. какъ поступали съ крестьянами, нарушившими правило о срокѣ перехода.

Но на указанныхъ ограниченіяхъ дѣло не остановилось. Отъ 1455—1462 гг. сохранилось двѣ грамоты московскаго вел. князя Троицкому Сергіеву монастырю, по которымъ крестьяне нѣкоторыхъ монастырскихъ селъ совершенно лишены права выхода. Въ одной изъ нихъ, вслѣдъ за обычнымъ пожалованіемъ не ѣздить никому незваннымъ на пиры въ село Присѣки съ деревнями Бѣжецкаго Верха, стоитъ неожиданно еще другое пожалованіе: „которого ихъ хрестьянина изъ того села и изъ деревень кто къ собѣ откажотъ, а ихъ старожилца, и язъ князь велики тѣхъ хрестьянъ изъ Присѣкъ и изъ деревень не велѣлъ выпущати ни къ кому“. Въ другой грамотѣ указано, что изъ Угличскихъ монастырскихъ селъ вышли люди, „не хотя ѣхати на мою службу вел. князя къ берегу“; князь велѣлъ „тѣ люди вывести опять назадь; а которые люди живутъ въ ихъ селехъ нынѣча, и тѣхъ людей не велѣлъ пущати прочь“ (А. И., т. I, № 59; А. Э., т. № 64; А. Ю. Б., т. I, № 37). Въ первомъ случаѣ запрещенъ выходъ старожильцамъ, во второмъ—вообще монастырскимъ людямъ. Мотивы этихъ мѣръ не указаны.

Въ видѣ общей мѣры ограниченіе крестьянскаго перехода установлено въ Судебникахъ 1-мъ и 2-мъ. Тамъ сказано: „А христіаномъ отказыватися изъ волости (во 2-мъ добавлено: „въ волость“), изъ села въ село одинъ срокъ въ году: за недѣлю до Юрьева дня осеннего и недѣля послѣ Юрьева дня осеннего“ (ст. 57 и 88). Такъ обобщено правило о срокѣ перехода. Кромѣ того въ Судебникахъ установлена съ уходящихъ крестьянъ плата пожилого за дворы: „Дворы пожилые платятъ въ полѣхъ за дворъ рубль (во 2-мъ добавлено: „да два алтына“), а въ лѣсѣхъ полтина“ (во 2-мъ добавлено: „да два алтына“). Во 2-мъ Судебникѣ пояснено, что лѣсистою мѣстностью признается та, „гдѣ десять верстъ до хоромного лѣсу“. Указанная сумма пожилого за дворы установлена за четыре года пользованія дворомъ: „А которой христіанинъ поживетъ

за кѣмъ годъ да пойдеть прочь, и онъ платитъ четверть двора; а два года поживетъ да пойдетъ прочь, и онъ полдвора платитъ; а три года поживетъ а пойдетъ прочь, и онъ платитъ три четверти двора; а четыре годы поживетъ, и онъ весь дворъ платитъ". Пожилое взималось, конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянинъ поселялся въ готовомъ дворѣ. Но любопытно, что наемная годовая плата за дворъ опредѣлена въ четверть стоимости двора, что нельзя не признать чрезмѣрно высокимъ. Въ Судебникѣ 2-мъ прибавлено разъясненіе, вызванное вѣроятно возникавшими на практикѣ спорами о порядкѣ уплаты пожилого: „А пожилое имати съ воротъ", т. е. одно пожилое со всѣхъ жилыхъ зданій за одною оградою съ одними воротами.

Кромѣ этихъ общихъ постановленій обоихъ Судебниковъ, во 2-мъ имѣются еще дополнительныя правила касательно крестьянскаго перехода. Сверхъ пожилого при отказѣ крестьянина разрѣшено съ него „за повозъ имати съ двора по два алтына". Повозъ это натуральная повинность, извѣстная еще Псковской грамотѣ, по которой „старые изорники возы везутъ на государя". Въ половинѣ XVI в. изъ селъ и деревень Троицкаго Сергіева монастыря „въ монастырь ѣздятъ съ повозомъ, съ монастырскимъ хлѣбомъ, и съ солью, и съ рыбою, и съ масломъ, и съ сѣномъ, и съ хоромнымъ лѣсомъ, и съ дровы, и со всякимъ запасомъ". Размѣры этого повоза нерѣдко опредѣлены: по уставной Соловецкой грамотѣ крестьяне должны были „повозъ везти къ Вологдѣ съ выти по лошади" (А. Э., т. I, № 203 и 258). Въ случаѣ отказа крестьянъ въ концѣ ноября, они могли еще и не приняться за выполненіе повозной повинности, которая отбывалась главнымъ образомъ зимой. За эту невыполненную повинность Судебникъ 2-й и обложилъ ихъ при отказѣ платою въ 2 алтына. Переложеніе же натуральной повинности (повоза) на деньги извѣстно по памятникамъ съ конца XV в. Но установивъ эту новую плату за повозъ сверхъ пожилого, Судебникъ 2-й прибавляетъ: „а опричь того пошлинъ на немъ нѣтъ". Эта послѣдняя прибавка вызвана, конечно, злоупотребленіями практики: землевладѣльцы, не желая выпускать изъ за себя крестьянъ, требовали вѣроятно съ нихъ разные произвольные сборы. По-

добныя злоупотребленія извѣстны, по крайней мѣрѣ, и послѣ Судебника 2-го: волости и монастыри жаловались на помѣщиковъ и вотчинниковъ, что они не позволяли отказывать изъ за нихъ крестьянъ и „пожилое на нихъ емлютъ не по Судебнику, рублевъ по 5 и по 10“; или: „емлютъ за дворы пожилого да полувытнаго по 5 рублевъ“ (Д. къ А. И., т. I, № 56; А. И., т. I, № 191).

Наконецъ, Судебникъ 2-й предусматриваетъ и еще одно послѣдствіе крестьянскаго отказа: если у ушедшаго крестьянина останется на участкѣ озимый посѣвъ („хлѣбъ въ земли“), то онъ съ того хлѣба долженъ былъ уплатить землевладѣльцу „боранъ два алтына. А по кои мѣста была рожь его въ земли, и онъ подать цареву и вел. князя платитъ со ржи; а боярского ему дѣла, за кѣмъ жилъ, не дѣлати“.

Никакихъ другихъ ограниченій при выходѣ крестьянъ въ Судебникахъ не указано. Въ нихъ обойдены молчаніемъ и извѣстныя ранѣе ограничительныя мѣры, напр., обязательство уплатить серебро при выходѣ крестьянъ серебрениковъ, не говоря уже о полномъ запрещеніи выхода. Но эти ограниченія и не отмѣнены, а потому заключать, что всѣ они съ изданіемъ Судебниковъ отпали, было бы неправильно. Старыя ограниченія могли остаться и къ нимъ могли прибавиться и новыя, хотя бы они и имѣли значеніе лишь мѣстныхъ и частныхъ мѣръ. Что изъ умолчаній Судебниковъ опасно дѣлать какія либо заключенія, можно видѣть на примѣрѣ постановленій ихъ „о христіанскомъ отказѣ“. Эти постановленія не имѣютъ никакой санкціи, и по нимъ нельзя судить о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія наступали при выходѣ или вывозѣ крестьянъ не въ срокъ, безъ отказа и безъ уплаты установленныхъ пошлинъ. Нѣкоторые изслѣдователи сдѣлали отсюда выводъ, что крестьянъ, вышедшихъ не въ срокъ, нельзя было возвращать назадъ, а къ нимъ можно было предъявлять только иски объ убыткахъ. Иски о возвращеніи крестьянъ, ушедшихъ съ нарушеніемъ правилъ перехода, не могли быть, по ихъ мнѣнію, допущены 1) потому, что тогда пришлось бы крестьянъ сравнять съ холопами или считать ихъ прикрѣпленными къ землѣ, чего тогда еще не было, и 2) потому, что до постановленія приговора по такому иску могъ наступить Юрьевъ

день, когда крестьянинъ по праву могъ воспользоваться правомъ перехода (Костомаровъ въ Арх. ист. и практ. свѣд. 1859, кн. 3, стр. 70—71; проф. Сергѣевичъ. Юр. др., т. I, изд. 1, 240—242). Но это мнѣніе не можетъ быть принято, т. к. извѣстны отдѣльные случаи возвращенія крестьянъ, вышедшихъ не въ срокъ и безъ отказа, на прежнія мѣста жительства. Такъ, помѣщики Вотцкой пятины Шубины били челомъ государю на помѣщиковъ Собакиныхъ дѣтей Скобельцына, что „вывезли изъ за нихъ за себя силно, не по сроку, безъ отказу и безпошлинно, крестьянку ихъ съ дѣтми, и та (крестьянка) дворъ свой и сожгла; а они того на нихъ искали, и тѣмъ было Собакинымъ ту ихъ крестьянку со крестьяниномъ и съ дѣтми привезти за нихъ, и дворъ было имъ той крестьянкѣ поставити, и самимъ было имъ къ нимъ пріѣхавъ за то насилство добивати челомъ и выдатися головою“. Правда, Собакины всего этого не исполнили, но челобитчики сослались въ подтвержденіе своихъ словъ на записи, хранящіяся „за третьими“ (судьями). Въ другомъ случаѣ помѣщики той же Вотцкой пятины жаловались па другихъ, что они „ихъ крестьянецъ отъ нихъ розвезли не по сроку и безъ отказу и безпошлинно“. Государь предписалъ новгородскимъ дьякамъ „тѣхъ крестьянъ подавати на поруки и велѣти имъ (за прежними помѣщиками) жити по нашему уложенью, по судебнику, до сроку, и на помѣщика дѣла дѣлати и доходъ давати“. Любопытно, что крестьяне вывезены лѣтомъ 1555 г., а грамота о возвращеніи ихъ помѣчена 17 дек. того же года, т. е. по прошествіи Юрьева дня, и не могла быть исполнена иначе, какъ водвореніемъ крестьянъ на прежнія мѣста жительства до ближайшаго Юрьева дня слѣдующаго года. (Д. къ А. И., т. I, № 51, V и XVIII). Въ обоихъ приведенныхъ примѣрахъ дѣла о возвращеніи вышедшихъ не въ срокъ крестьянъ возникаютъ по почину заинтересованныхъ. Но такія же мѣры принимались и по распоряженію правительства. Такъ въ грамотѣ 1559 г. бѣлозерскимъ властямъ сказано: „которые крестьяне въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ выходили изъ нашихъ изъ черныхъ волостей въ Кирилова монастыря села и деревни, и за князей и за дѣтей боярскихъ не въ срокъ безъ отказу, и вы де, по нашему наказу, тѣхъ крестьянъ изъ Кирилова монастыря

селъ и деревень, изъ-за князей и изъ-за дѣтей боярскихъ выводите назадъ въ наши въ черные волости, на тѣ же мѣста, гдѣ которой жилъ напередъ сего" (Р. И. Б., т. II, № 36). Извѣстны даже случаи, когда крестьянъ, вышедшихъ въ срокъ, но не уплатившихъ пошлинъ, т. к. некому ихъ было отдать за отсутствіемъ помѣщика и его прикащика, вывозили по сыску въ старыя деревни.

Итакъ, отсутствіе санкціи къ статьямъ „о христіанскомъ отказѣ" вовсе не означаетъ, что нельзя было принудительно возвратить обратно крестьянъ, покинувшихъ свои участки съ нарушеніемъ правилъ о выходѣ. Но могли быть случаи, когда иные землевладѣльцы не пользовались этимъ правомъ и не предъявляли соотвѣтственныхъ исковъ по соображеніямъ цѣлесообразности. Наши древніе суды не отличались доступностью, скоростью и дешевизной, а потому заинтересованные не рѣдко предпочитали кончать дѣла миромъ, безъ судебнаго разбирательства. Но это было дѣломъ практической политики, а не права.

Правила Судебниковъ о крестьянскомъ переходѣ сохраняли свою силу до самого конца XVI в. Въ концѣ 70—80 гг. и въ началѣ 90-хъ о нихъ вспоминаютъ правительственные документы, монастырскіе и частные акты. Такъ, въ грамотѣ 1577 г. предписано о спорныхъ крестьянахъ произвести сыскъ, „сколко давно они вышли, о срокѣ ли о Юрьевѣ дни и съ отказомъ, или не о срокѣ, безъ отказу и безпошлинно". Въ частной повидимому переработкѣ Судебника 1589 г. правило объ отказѣ крестьянъ за недѣлю до Егорьева дня и недѣлю спустя воспроизведено лишь съ дефектами относительно платы пожилого (ст. 178). Въ уставной грамотѣ 1590 г. Новинскаго монастыря предусмотрѣно: „а которой крестьянинъ выйдетъ за волость по сроку съ отказомъ, и та выть пахати того села крестьяномъ, а тягль царя и вел. князя и монастырскіе подати давати всякіе и дѣло дѣлати". Наконецъ, въ 1592 г. власти Никольскаго Корельскаго монастыря жаловались на двухъ своихъ выбѣжавшихъ не въ срокъ крестьянъ и про одного сказали, что онъ выбѣжалъ „безъ отказу, безпошлинно", а про другого, что онъ выбѣжалъ, „а пошлинъ монастырскихъ на нынѣшній годъ не платилъ никакихъ". По этому

поводу предписано произвести сыскъ о томъ, живали ли указанные крестьяне за монастыремъ „и въ нынѣшнемъ году изъ за Никольского монастыря безъ отпуску выбѣжали ли“ (Акты тягл. нас., в. II, № 27; Суд. царя Ѳед. Іоанн. 1589 г., стр. 46; Временн. Общ. ист. и древн., кн. 2, смѣсь, стр. 19; Р. И. Б., т. XIV, 136—137). Въ послѣднемъ случаѣ „выйти безъ отказа“ и „выйти безъ отпуска“ оказалось уже синонимами.

За разсматриваемый періодъ времени, съ 1550 по 1592 гг., не было издано никакихъ общихъ указовъ о крестьянахъ, по крайней мѣрѣ такіе до сихъ поръ неизвѣстны. Но въ 1597 г. ноября 24 изданъ весьма важный указъ о крестьянахъ, значеніе котораго и до сихъ поръ толкуется различно. Въ немъ читаемъ: „Которые крестьяне изъ за бояръ, и изъ за дворянъ и изъ за приказныхъ людей, и изъ за дѣтей боярскихъ, и изъ за всякихъ людей, изъ помѣстей и изъ вотчинъ, и изъ патріарховыхъ, и изъ митрополичьихъ, и изъ владычнихъ, и изъ монастырьскихъ вотчинъ, выбѣжали до нынѣшняго 106 году за 5 лѣтъ, и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, за кѣмъ они выбѣжавъ живутъ, тѣмъ помѣщикомъ, изъ за кого они выбѣжали, и патріаршьимъ и митрополичьимъ и владычнимъ дѣтемъ боярскимъ и монастырскихъ селъ прикащикомъ и служкомъ давати судъ и сыскивати накрѣпко всякими сыски, и по суду и по сыску тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и съ дѣтми и со всѣми животы возити назадъ, гдѣ кто жилъ“. Эта первая и главнѣйшая часть указа прежде всего обратила на себя вниманіе историковъ, и старѣйшіе изъ нихъ (Татищевъ, Карамзинъ) истолковали ее въ томъ смыслѣ, что за 5 лѣтъ до 1597 г., т. е. въ 1592 г., изданъ былъ указъ, отмѣнившій правило Судебниковъ о свободѣ перехода въ Юрьевъ день, и крестьяне были прикрѣплены къ землѣ. Но вторая часть указа 1597 г. исключаетъ возможность такого толкованія. Тамъ сказано: „А которые крестьяне выбѣжали до нынѣшняго 106 году лѣтъ за 6, и за 7, и за 10 и болши, а тѣ помѣщики и вотчинники, изъ за кого они выбѣжали, и патріаршьи, и митрополичьи и владычни дѣти боярскіе и монастырьскихъ вотчинъ приказщики и служки, на тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ и на вотчинниковъ, за

кѣмъ они, изъ за нихъ выбѣжавъ, живутъ, до нынѣшняго 106 году лѣтъ за 6 и за 7 и за 10 и болши, государю царю и вел. князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи не бивали челомъ; и государь ц. и в. кн. Ѳедоръ Ивановичь всеа Русіи указалъ и по государеву цареву и в. кн. Ѳедора Ивановича всеа Русіи указу бояре приговорили: на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ и на тѣхъ помѣщиковъ и на вотчинниковъ, за кѣмъ они выбѣжавъ живутъ, суда не давати и назадъ ихъ, гдѣ кто жилъ, не возити" (В.-Будановъ. Христоматія, III, изд. 3, стр. 94—96). Впервые Погодинъ обратилъ вниманіе на то, что здѣсь рѣчь идетъ о бѣглыхъ крестьянахъ, которые бѣжали въ 1591—1587 гг. и еще прежде. Однако, и послѣ этого указанія Костомаровъ, Бѣляевъ и Чичеринъ продолжали говорить о послѣдовавшемъ прикрѣпленіи крестьянъ въ 1592 или 1590 гг., причемъ послѣдній добавилъ оговорку, что помѣщики и раньше бивали челомъ о возвращеніи вышедшихъ изъ за нихъ крестьянъ, но не ранѣе 1584 г. Въ послѣднее время проф. Сергѣевичъ защищаетъ положеніе, что указъ объ общемъ прикрѣпленіи крестьянъ надо относить къ первому или второму году царствованія Ѳедора Ивановича (1584—85). Всѣ упомянутые авторы, за исключеніемъ Погодина, не сомнѣвались въ томъ, что изданъ былъ указъ объ отмѣнѣ Юрьева дня и о прикрѣпленіи крестьянъ, но онъ до насъ не сохранился. По ихъ мнѣнію, только съ изданіемъ такого указа могло появиться понятіе о бѣгломъ крестьянинѣ, когда съ отмѣною Юрьева дня право перехода крестьянъ уничтожено, и всѣ вышедшіе крестьяне считались съ этого времени бѣглыми. Первый Погодинъ въ 1858 г. высказалъ мнѣніе, что такого указа никогда не было издано. Что указъ могъ бы до насъ не сохраниться, если бы былъ изданъ, это еще можно легко объяснить. Но что онъ могъ исчезнуть безслѣдно, не будучи ни разу упомянутъ въ послѣдующихъ указахъ или оффиціальныхъ актахъ, этого невозможно допустить. Правда, въ указѣ 1607 г. содержится прямое упоминаніе о запрещеніи выхода крестьянамъ при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ (во введеніи къ указу сказано, что царь съ освященнымъ соборомъ и съ своимъ сигклитомъ слушалъ докладъ Помѣстной избы, „что переходомъ крестьянъ причинилися великія кромолы, ябеды

и насилія немощнымъ отъ сильныхъ, чего де при ц. Іоаннѣ Васильевичѣ не было, п. ч. крестьяне выходъ имѣли вольный; а ц. Ѳедоръ Іоанновичь, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьяномъ заказалъ, и у кого колико тогда крестьянъ было, книги учинилъ, и послѣ отъ того начался многія вражды, крамолы и тяжи. Царь Борисъ Ѳеодоровичь, видя въ народѣ волненіе веліе, тѣ книги отставилъ и переходъ крестьяномъ далъ, да не совсѣмъ, что судьи не знали, какъ по тому суды вершити" и пр.); но подлинность этого указа заподозрѣна еще Карамзинымъ, и Погодинъ доказывалъ его подложность, по крайней мѣрѣ введенія къ указу. Проще предположеніе проф. Ключевскаго, что Татищевъ, издавшій указъ 1607 г., не хотѣлъ переписывать длинныхъ выдержекъ доклада и изложилъ его своими словами и съ собственными поясненіями, основанными на невѣрной догадкѣ, будто за 5 лѣтъ до указа 1597 г., по внушенію Бориса Годунова, изданъ былъ законъ, прикрѣпившій крестьянъ къ землѣ. Такимъ образомъ, слова доклада: „ц. Ѳедоръ... выходъ крестьянамъ заказалъ" принадлежатъ не подлинному документу, а составляютъ неудачное ученое толкованіе издателя. При такихъ условіяхъ мнѣніе Погодина получаетъ съ формальной стороны твердую опору.

Но если указа объ отмѣнѣ Юрьева дня не было издано, то какъ могъ появиться указъ 1597 г.? О какихъ бѣглыхъ крестьянахъ онъ говоритъ? Вопреки мнѣнію, что помимо законодательной отмѣны Юрьева дня не могло бы и явиться понятіе бѣглаго крестьянина, наши памятники упоминаютъ о выбѣжавшихъ или сбѣжавшихъ крестьянахъ за нѣсколько лѣтъ ранѣе самаго ранняго предположеннаго срока, когда могъ появиться указъ объ отмѣнѣ Юрьева дня. Такъ, въ судномъ дѣлѣ 1554—57 г. Ворбозомской волости съ Троицкимъ монастыремъ монастырскій старецъ сказалъ о крестьянинѣ Якунѣ, что онъ „жилъ въ томъ починкѣ въ монастырьскомъ въ Судцкомъ 11 лѣтъ, да изъ за монастыря ис того починка выбѣжалъ вонъ безъ отказу и безпошлинно въ Петрово говѣйно". Якуня возражалъ, что онъ изъ починка не бѣгивалъ, а выметалъ его игуменъ; онъ отрицаетъ фактъ, но хорошо знаетъ, что значитъ выбѣжать. Въ обыскной книгѣ

Корельскаго присуда 1571 г. перечислено нѣсколько крестьянъ, которые „збѣжали безвѣстно“ или „розбѣжались“, оставивъ въ пустѣ свои участки. Въ Тверской писцовой книгѣ 1580 г. дворцовыхъ земель Симеона Бекбулатовича указано 305 случаевъ крестьянскаго ухода; изъ нихъ въ 53 крестьяне „вышли“, надо думать, съ соблюденіемъ правилъ перехода, т. к. иногда пояснено, что „вышли по сроку, пошлины платили“, или „вышелъ по отказу, пошлины платилъ“; въ 188 случаяхъ крестьяне „вывезены“ безъ обозначенія въ большинствѣ случаевъ подробностей вывоза, иногда съ указаніемъ „безъ отказу и безпошлинно“ или „безъ отказу“, „изъ пошлинъ“, но срокомъ вывоза обозначены чаще всего великій постъ и великій мясоѣдъ; въ 11 случаяхъ показано, что крестьяне „сошли безвѣстно“; въ 32—„выбѣжали“, въ 16—„сбѣжали безвѣстно“ (Акты Ѳед.—Чех., т. I, 126—127; Н. П. Лихачевъ. Государевъ родословецъ, 23, пр. 3; И. И. Лаппо. Тверской уѣздъ въ XVI в., 44—48). Несомнѣнно, что тѣ, которые „сбѣжали“, „выбѣжали“ или „розбѣжались“, и считались „бѣглыми“. Это были тѣ крестьяне, которые ушли не въ срокъ, безъ отказа и безпошлинно, т. е. съ нарушеніемъ правилъ Судебниковъ. Въ такомъ смыслѣ понималъ терминъ „бѣглый“ еще Сперанскій и соотвѣтственно толковалъ указъ 1597 г. „Истинный смыслъ сего указа, утверждалъ Сперанскій, состоялъ въ томъ, чтобъ возвратить бѣглыхъ, т. е. тѣхъ, кои оставили прежнее ихъ жительство или не въ положенный срокъ, или не раздѣлавшись съ владѣльцами земли установленнымъ въ Судебникѣ порядкомъ. Сіе явствуетъ изъ слѣдующаго соображенія. По Судебнику крестьянинъ могъ оставить помѣщика, заплативъ ему пожилыя деньги, возвративъ скотъ, хлѣбъ и другія вещи, у него занятыя, и удовлетворивъ его деньгами, взятыми на расплату съ прежнимъ помѣщикомъ и для новаго хозяйственнаго обзаведенія. Кто не исполнивъ сихъ обязанностей уходилъ съ помѣстья, тотъ считался бѣглымъ и подлежалъ возврату на прежнее жилище. Иски о семъ возвратѣ были безсрочные или сорокалѣтніе. Легко себѣ представить, сколь они были многочисленны и сколь разборъ ихъ былъ многосложенъ и затруднителенъ. Дабы положить предѣлъ симъ безпорядкамъ и уменьшить количество дѣлъ сего рода, указъ

1597 г. отсѣкъ и прекратилъ всѣ иски возникшіе за пять лѣтъ передъ тѣмъ и далъ ходъ тѣмъ только изъ нихъ, кои были не старѣе сего срока. Къ постановленію сего срока принято было то основаніемъ, что *въ 1593 г. учреждены были переписныя книги*" (Арх. истор. и практ. свѣд. 1859, кн. 2, стр. 35). Эта статья Сперанскаго, написанная гораздо раньше, появилась въ печати послѣ статьи Погодина; послѣдній винилъ въ развитіи крѣпостного права „обстоятельства", не опредѣляя ихъ ближе, а Сперанскій уже отмѣтилъ въ качествѣ главной причины крестьянскую задолженность (тамъ же, стр. 50—51). Разработкѣ этой темы и посвященъ рядъ трудовъ, начиная съ статей проф. Ключевскаго.

Для выясненія той почвы, которая подготовила появленіе указа 1597 г., необходимо ближе познакомиться съ условіями крестьянской аренды. Поселяясь на участкахъ земли, крестьяне заключали съ землевладѣльцами договоры, „ряды" или „порядьі", сначала устные, потомъ письменные; въ послѣднемъ случаѣ они обычно назывались „порядными записями". Самая ранняя изъ сохранившихся порядныхъ относится къ 1544 г. Порядныя иногда замѣнялись „поручными записями", особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о поселеніи на участкахъ черной волостной земли. Сущность крестьянскаго порядка состояла въ томъ, что порядчикъ нанималъ хозяйственный (преимущественно пашенный) участокъ и за то принималъ на себя рядъ обязательствъ въ отношеніи хозяина или волости. Въ порядныхъ прежде всего опредѣлялось, въ чьемъ имѣніи или въ какой волости и на какомъ именно участкѣ поселялся порядчикъ. Обычно это выражалось въ такой формѣ, что такой то или такіе то порядились жить „за монастыремъ", „за церковью", или „къ такому то", въ такую деревню, при чемъ размѣры участка опредѣлялись въ обжахъ („на обжю", „полобжи", „штину обжи", „полосмину обжи") или вытяхъ („полвыти", „четверть выти" и пр.). Нерѣдко, однако, размѣры участковъ вовсе не обозначались, а указывалось только, что порядчикъ порядился на всю деревню или полдеревни, или же треть ея и пр., т. к. извѣстно было, какія пашни и угодья составляли хозяйство данной деревни. Въ такихъ случаяхъ на порядчика возлагалась обязан-

ность „межъ не спустити“, т. е. оберегать свой участокъ въ установленныхъ границахъ. По отношенію къ пахотному участку и покосамъ порядчикъ обязывался „орати и сѣяти, и пары парити, и сѣно косити, и огороды у поль и у пожень ставити, и гной (навозъ, наземъ, натраву) на землю возити, и земли не запустошити (пашни не запереложити)“. Далѣе во всѣхъ порядныхъ имѣлись условія объ усадебныхъ постройкахъ. Онѣ могли быть уже на лицо въ крестьянскомъ дворѣ и въ такомъ случаѣ иногда подробно перечислялись: напр. „а хоромовъ на той деревни изба да двѣ клѣти, да хлѣвъ, да мылня“. Такія старыя хоромы порядчикъ обязывался „починивати (охитити) и дертьемъ покрывати“. Если же хоромъ не имѣлось вовсе или онѣ имѣлись не въ полномъ составѣ, то порядчикъ долженъ былъ поставить новыя хоромы полностью или частью, при чемъ иногда обозначалось, какія именно хоромы и какихъ размѣровъ надлежало построить.

Обязательства, какія принимали на себя порядчики за предоставленіе въ ихъ пользованіе хозяйственныхъ участковъ, были чрезвычайно разнообразны въ зависимости отъ условій поселенія и отъ обстоятельствъ мѣста и времени. Въ порядныхъ обязательства съемщиковъ участковъ перечислялись нерѣдко далеко не полностью и притомъ въ самыхъ общихъ чертахъ, а иногда и совсѣмъ не указывались. Иныя порядныя отличались поразительной краткостью. Вотъ для примѣра порядная за Гледенскій монастырь: „Се язъ Торопъ да Артемей порядился есмя у Троицкихъ старцовъ на Вотложмѣ въ Заболоцкую деревню, на ихъ треть, а порука по Торопѣ да по Артемьѣ (такіе то) крестьяня Вотложемскіе волости“ (Р. И. Б., XIV, 955). Очевидно, что такая запись могла подтвердить лишь наличность договора о поселеніи, самыя условія котораго опредѣлялись словесно, согласно мѣстнымъ условіямъ. Краткость и неопредѣленность порядныхъ записей въ частію дополняется и разъясняется другими документальными указаніями, напр., писцовыми и платежными книгами и выписями, различными хозяйственными документами, духовными грамотами, заемными кабалами и т. п.

Главнѣйшіе виды обязательствъ поселенцевъ-арендаторовъ были слѣдующіе: 1) Въ пользу землевладѣльца, у котораго

арендуются участки, крестьяне платятъ *оброкъ* или *празгу*. Это была натуральная плата разными видами земледѣльческихъ продуктовъ, какъ-то: рожью, ячменемъ, пшеницей, овсомъ и пр., размѣры которой обозначались или опредѣленнымъ количествомъ мѣръ (коробей и четвертей) съ участка данной величины, или опредѣленной долею урожая (половиной, третью, четвертью, даже шестою частью; отсюда и названіе половники) изъ числа нажатыхъ сноповъ или умолоченнаго зерна. Кромѣ этого главнаго вида натуральнаго оброка землевладѣльцы получали съ крестьянъ еще *мелкій доходъ* курами, яйцами, мясомъ, масломъ, рыбой, ягодами, грибами и пр. Натуральный оброкъ и мелкій доходъ натурой съ половины XVI в. все чаще и чаще замѣняются денежными сборами, но окончательно ими не вытѣсняются. Такъ, порядчикъ на церковную Спасскую деревню въ Ухтостровѣ (Холмогор. у.) въ 1590 г. обязуется: „а оброку мнѣ давати Спасу въ домъ на церковное строенье въ ту десять лѣтъ на всякой годъ по двадцати алтынъ зъ гривною да по мѣры жита горного доброго, каково жито въ которой годъ Богъ пошлетъ... да мнѣ жъ давати въ тѣ урочные лѣта спаскому прикатчику за боранъ по гривнѣ" (Р. И. Б. XIV., 105).

2) На крестьянахъ арендаторахъ лежатъ и обязательства по уплатѣ различныхъ государственныхъ сборовъ и отбыванію повинностей. Государственное тягло взималось въ XV—XVI вв. съ распаханной пашни и распредѣлялось по сохамъ. Но въ предѣлахъ податного округа между наличными членами тяглой общины каждый сборъ или повинность распредѣлялись не только по размѣрамъ владѣемыхъ участковъ, но и по хозяйственной состоятельности каждаго тяглеца. Поэтому въ порядныхъ большею частью стоитъ лишь общее обязательство отбывать всякое тягло вмѣстѣ съ прочими крестьянами данной волости или стана, или даже отдѣльной вотчины, безъ указанія размѣровъ этого тягла, которые могли мѣняться изъ года въ годъ. Крестьянинъ обязуется „государьскіе подати давати въ волость и посошные службы по волостной ровности" (А. Ю. № 184); или: „и въ тѣ урочные лѣта съ тое деревни государевы подати, дань и оброкъ, и служба, и всякіе становые розрубы съ

хрестьяны Спаского станку платити мнѣ“ (Р. И. Б. XIV, 105; XII, 458). Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ порядчикъ избавлялся отъ уплаты государевыхъ податей, которыя въ такихъ случаяхъ падали на самого землевладѣльца, конечно, съ соотвѣтственнымъ повышеніемъ землевладѣльческаго оброка. Такъ, одинъ изъ порядчиковъ Спасской церкви обязуется „Спасу въ домъ и за всѣ государевы подати давати съ тое деревни въ пять лѣтъ по полутора рубля на годъ да спаскому прикащику за боранъ по гривнѣ, а въ другіе пять лѣтъ давати мнѣ на годъ по рублю и по двадцати алтынъ, да старостѣ за боранъ по гривнѣ. А государевы подати съ тое деревни платити спаскому приказщику казенными деньгами“. (Р. И. Б., XIV, 102—103).

3) Относительно срока аренды въ литературѣ установилось мнѣніе, что въ порядныхъ XVI в. обозначается только срокъ начала аренды, и вовсе не указывается ея продолжительность. Дѣйствительно, такихъ порядныхъ извѣстно около 14. Но во всѣхъ сѣверныхъ порядныхъ (Двинск. у.), а такихъ большинство, точно указанъ срокъ аренды, продолжительность котораго колеблется отъ 1 года до 10 лѣтъ. Чаще всего встрѣчается срокъ въ 5, 6 и 10 лѣтъ. Начало и конецъ аренды сравнительно рѣдко совпадаютъ съ указаннымъ въ Судебникахъ срокомъ перехода въ Юрьевъ день („рядъ и вырядъ Егорьевъ день осенней“); чаще этотъ „рядъ и вырядъ“ выпадаютъ на конецъ марта и начало апрѣля, иногда на Николу осенняго. За „недоживъ“ до срока, равно какъ и за досрочный вырядъ со стороны хозяина установлена неустойка, такъ что это условіе является обоюднымъ (тамъ же, 93, 101); тогда какъ въ Судебникахъ правило объ отказѣ въ Юрьевъ день редактировано односторонне, связывая только крестьянъ.

4) Помимо оброка въ пользу землевладѣльцевъ крестьяне обязывались еще отбывать на нихъ разныя повинности, которыя назывались „издѣльемъ“, „боярскимъ дѣломъ“ (отсюда барщина), „помѣщицкимъ дѣломъ“ или „крестьянскимъ дѣломъ“. Размѣры этихъ повинностей въ порядныхъ не опредѣляются, а установляется только обязанность „на дѣло крестьянское ходити, какъ и прочіе крестьяне ходятъ“, или „из-

дѣлье монастырское дѣлати съ сусѣди врядъ". Подробное перечисленіе издѣльныхъ работъ за XV—XVI вв. можно найти, помимо писцовыхъ книгъ, въ монастырскихъ уставныхъ грамотахъ. Въ болѣе позднихъ порядныхъ XVII в. издѣльная повинность назначается еще болѣе произвольно: „здѣлье дѣлати безъ ослушанья"; „да и на монастырское здѣлье ходити, какъ ключники позовутъ, безъ ослушанія." Здѣсь размѣры здѣлья опредѣлялись усмотрѣніемъ землевладѣльца. Лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ въ порядныхъ точно указано, какое число дней въ году порядчикъ обязанъ выходить на здѣльную работу: „а здѣлья имъ съ того починка дѣлати на годъ по осми дней"; „ихъ боярское дѣло дѣлати въ недѣли по дни съ лошадью"; „на него всякое здѣлье дѣлати въ недѣлю день, а въ другой и два дни съ лошедью"; „а на монастарское здѣлье ходить на день по два человѣка". Но и эти нормы не являлись для землевладѣльцевъ неприкосновенными. Въ одной изъ упомянутыхъ порядныхъ стоитъ оговорка: „а когда братья похотятъ на всѣхъ починочниковъ здѣлья прибавити иль оброкъ наложити, и на нихъ тоже прибавкѣ быть по росмотру и по пашнѣ, и по наживѣ" (Ак. тяг. нас. I, № 47; Р. И. Б., XIV, 945, 410, 1138; Оч. сел. нас., 238). Подробное исчисленіе здѣльныхъ повинностей часто встрѣчается въ половничьихъ порядныхъ.

5) Одной изъ важныхъ подробностей крестьянской аренды является условіе о подмогѣ или ссудѣ и о льготѣ. Нужда крестьянъ въ хозяйственной поддержкѣ со стороны землевладѣльцевъ несомнѣнно исконное явленіе. Объ этомъ свидѣтельствуютъ правила о покрутѣ Псковской грамоты (выше, стр. 97—98). На то же указываютъ и княжескія грамоты объ отказѣ монастырскихъ половниковъ-серебрениковъ, т. е. задолжавшихъ крестьянъ (выше, стр. 316—317). По новгородскимъ писцовымъ книгамъ конца XV в. нерѣдко упоминаются „великого князя подможныя деньги" или сѣмена „за крестьяны". Не вел. князь раздавалъ эти деньги и сѣмена въ подмогу оброчнымъ крестьянамъ. Подмогу давали новгородскіе бояре своимъ крестьянамъ, а послѣ конфискаціи земель у новгородскихъ бояръ, при перечисленіи писцами доходовъ съ крестьянъ, въ отдѣльныхъ боярщинахъ перечислены

по имени прежнихъ бояръ деньги и сѣмена, такъ какъ на нихъ шелъ ростъ. Поэтому доходы эти обозначаются такъ: „великого князя Олферьевскихъ денегъ за крестьяны“ и т. п. (Новг. писц. кн., II; 36, 666; III, 601, 803; IV, 160; V, 37, 47, 50—51, 57, 58; Временникъ О. И. и Др. XI, 145, 148, 238; XII, 36, 78, 79, 82, 84, 86; Самоквасовъ. Архивный матеріалъ, 221—222). Въ одной монастырской грамотѣ 1511 г. упомянуто: „того монастыря серебрецо церьковное въ людяхъ, и которые де добрые люди христіане, и они и нынѣча ростъ даютъ, а иные де христіане ростовъ не платятъ“ (Горчаковъ. О поземельныхъ владѣніяхъ, прил., 42—43). О подмогѣ, ссудѣ и льготѣ упоминаютъ и порядныя, но далеко не всѣ. Было бы, однако, неправильно изъ умолчанія ихъ дѣлать заключенія, что въ этихъ случаяхъ подмога и ссуда не выдавались. Необходимо имѣть въ виду, что въ порядныя включались далеко не всѣ условія аренды. Далѣе, выдача подмоги или ссуды могла имѣть мѣсто послѣ поселенія на участкѣ, по особому документу—„ростовой кабалѣ“ или „подможной записи“, а нерѣдко и „безкабально“, т. е. безъ всякаго документа, когда стороны между собой „вѣрились Божіею правдою“.

О подмогѣ и ссудѣ въ литературѣ высказано двоякое мнѣніе. Одни изслѣдователи (Чичеринъ, Сергѣевичъ, Лаппо-Данилевскій) понимаютъ подмогу какъ денежное и натуральное пособіе крестьянину за приведеніе въ годный для сельскохозяйственной культуры видъ участка пашни дѣвственнаго или запущеннаго; выполненіемъ этихъ работъ подмога погашается. Ссуда же понимается какъ заемъ денежный или натуральный, подлежащій возврату съ истеченіемъ срока займа или при выходѣ крестьянина. Другіе изслѣдователи (Ключевскій, В.-Будановъ) отказываются проводить такое различіе между подмогой и ссудой. Послѣднее мнѣніе едва ли не ближе къ истинѣ. Хотя и существовала большая разница въ условіяхъ поселенія въ зависимости отъ того, садился ли крестьянинъ на готовый участокъ и въ готовый дворъ, или долженъ былъ завести хозяйство вновь, такъ какъ селился „на сукахъ“, „на сыромъ корню“. Въ послѣднихъ случаяхъ крестьяне естественно нуждались въ особой поддержкѣ со стороны земле-

владѣльцевъ, что и проявлялось обыкновенно въ предоставленіи имъ льготнаго срока, въ теченіе котораго они освобождались отъ государева тягла и землевладѣльческаго оброка и здѣлья. Несомнѣнно, что весьма важна была въ такихъ случаяхъ подмога или ссуда. Но утверждать, что приведеніемъ участка въ порядокъ подмога погашалась, нельзя ужъ потому, что это противорѣчило бы прямому смыслу порядныхъ, въ которыхъ выговаривалось возвращеніе подможныхъ денегъ при выходѣ, хотя подмога дана именно подъ условіемъ „на тѣ намъ подможные денги высѣтчи новины въ первой годъ, а въ другой годъ выжетчи и выпрятати и посѣяти“; за невыполненіе этого условія назначается заставка (Р. И. Б., XIV. 944—946, 950—954). Имѣются и такія порядныя, въ которыхъ хотя и нѣтъ условія о возвратѣ подможныхъ денегъ, но возвратъ которыхъ при выходѣ засвидѣтельствованъ припиской на порядной (тамъ же, 877, 878). Съ другой стороны, памятники свидѣтельствуютъ, какъ только что указано, что на подможныя деньги шелъ ростъ. Значитъ, подмога въ этомъ случаѣ являлась процентнымъ займомъ. Провести же разницу между подмогой и ссудой по памятникамъ XVII в. и еще труднѣе (Очерки сел. нас., 111—125; иначе Лаппо-Данилевскій. Разысканія по истор. прикр., 17—30).

Подмога или ссуда въ значительной мѣрѣ осложняла условія крестьянской аренды. Хозяева ссужали своихъ поселенцевъ, конечно, не даромъ. Они получали съ нихъ, во 1-хъ, проценты, иногда только съ истеченія срока займа: на ссуженныя деньги — „серебро“—шелъ „ростъ“, на ссуженный хлѣбъ—„наспъ“. Обычный размѣръ процента въ заемныхъ кабалахъ XVI в. опредѣлялся стереотипной фразой: „какъ идетъ въ людѣхъ на пять шестой“, т. е. равнялся 20%. При такихъ условіяхъ занятый капиталъ („истое“) черезъ пять лѣтъ удваивался. Столь тяжелыя условія займа вызывали неоднократно частныя и общія распоряженія о разсрочкѣ въ уплатѣ долга безъ процентовъ или объ уменьшеніи процентовъ вдвое (А. Э., I, № 48: „платитися въ истое на два года безъ росту“; А. И., I, № 154 VII: „правити долги денежные и хлѣбные въ пять лѣтъ, истину, денги безъ росту, а хлѣбъ безъ наспу“; въ новыхъ долгахъ „правити вся истина сполна

да вполы на денги ростъ, а на хлѣбъ вполы насыпъ“). Но съ другой стороны извѣстны и болѣе тяжелыя условія займа: въ памятникахъ упоминается „недѣльный ростъ“, конечно, болѣе высокій, чѣмъ 20%. Въ указѣ 1588 г. предписано по старымъ кабаламъ „денги правити да росту на 15 лѣтъ, а далѣ того росту не присужати“. Но уже въ переработкѣ Судебника (т. наз. Суд. Ѳед. Ив.) 1589 г. этотъ 15-ти-лѣтній срокъ получилъ исключительно характеръ давности для исковъ по кабаламъ, начисленіе же роста ограничено 5-ю годами: „а по кабаламъ судити, а ростъ правити за пять летъ, а дале нети летъ росту не правити“ (ст. 23). Это правило подтверждено и указомъ 1626 г. (А. И., III, № 92 XIV). Трудность уплаты роста, въ частности для крестьянъ, явствуетъ изъ той же переработки Судебника, куда занесено, конечно, обычное правило о томъ, что „кабалы писати на крестиянъ вдвое, а ростъ правити на пять шестой, а въ чемъ кабала писана, то и справити“ (ст. 23). Это отнюдь не нелѣпость и не указываетъ вовсе на фикцію займа, какъ думаютъ, а на обычную практику: крестьяне не уплачивали своевременно роста, а потому кабалы писались вдвойнѣ, т. к. за пять лѣтъ занятый капиталъ удваивался.

Во 2-хъ, земледѣльцы давали подмогу или ссуду на условіи, вмѣсто уплаты роста, работать или дѣлать дѣло на „государя“—землевладѣльца. Половники, напр. получали подможныя деньги „на прирядъ“, т. е. обязывались выполнить установленныя натуральныя повинности. Рядъ заемныхъ кабалъ начала XVI в. содержитъ обязательство „за ростъ мнѣ у него (заимщику у кредитора) работать; а не похочю на него работать до сроку, и мнѣ ему деньги дать всѣ и съ ростомъ по росчету“ (Акты Юшкова, №№ 78, 93, 94, 98, 102, 106, 108). Отъ второй половины XV в. и начала XVI сохранился рядъ любопытныхъ указаній, что „на серебро“ дѣлаютъ какое-либо дѣло. Такъ, вышедшихъ изъ-за монастыря половниковъ-серебрениковъ князь обязалъ „дѣло додѣлывать на то серебро“. Крестьяне Борисоглѣбскаго монастыря „на серебро монастырское пожни косили“. По духовнымъ завѣщаніямъ упоминаются „денежки на людехъ въ дѣлѣ“. Еще гораздо чаще въ завѣщаніяхъ кня-

зей и княгинь и крупныхъ частныхъ собственниковъ упоминается за крестьянами серебро, при чемъ иногда это серебро различается: одно называется „ростовымъ“, другое „издѣльнымъ“. Завѣщатели нерѣдко половину этого серебра, рѣже все, прощаютъ крестьянамъ, конечно, потому, что крестьяне въ этой милости нуждались. Вел. княгиня Софья Витовтовна половину издѣльнаго серебра своимъ крестьянамъ простила, но сдѣлала такую оговорку: „кто будетъ отъ тѣхъ издѣлниковъ охудѣлъ, а и половины того издѣлного серебра заплатити не взможетъ, и сынъ мой вел. князь тому велитъ отдати все издѣлное серебро; а который будетъ издѣлный серебреникъ взможенъ въ животѣ, а не охудѣлъ, взможетъ заплатити и все серебро, и на томъ сынъ мой вел. князь велитъ все издѣлное серебро взяти“ (С. Г. Г., №№ 83, 96, 112, 122; А. Ю. № 410, 413, 421; А. Э. I, № 48; А. Ѳед. Чех., I, № 94). Крестьянское издѣлье, значитъ, возникало или же увеличивалось на почвѣ крестьянской задолженности.

Какъ широко распространена была эта задолженность, съ точностью сказать, конечно, нельзя. Но скорѣе надо предполагать, что она составляла довольно обычное явленіе. Это подтверждаютъ подробныя правила Псковской грамоты о взысканіи покруты (выше, стр. 97—98). На то же указываютъ нерѣдкія упоминанія московскихъ памятниковъ о крестьянскихъ долгахъ и крестьянахъ—серебреникахъ. Въ отдѣльныхъ княжескихъ грамотамъ было даже запрещено допускать переходъ крестьянъ до уплаты числящагося за ними долга (стр. 317—318). Правда, такого правила нѣтъ ни въ Псковской грамотѣ, ни въ Судебникахъ. Но дѣлать изъ молчанія памятниковъ заключеніе, что задолженность крестьянъ и не составляла общаго явленія, было бы совершенно неправильно. Для половины XVI в. можно отмѣтить еще два общихъ указанія для разъясненія вопроса. Въ постановленіяхъ Стоглаваго собора содержится предписаніе „отнынѣ по священнымъ правиламъ святителемъ и всѣмъ монастыремъ денги давати по своимъ селамъ своимъ крестьяномъ безъ росту и хлѣбъ безъ наспу того для, чтобы за ними хрістіяне жили и села бы ихъ были не пусты“ (Стоглавъ, изд. Каз. Ак., 345). Ссылка на священныя правила касается взиманія роста, который по

этимъ правиламъ запрещенъ. Практическая же бытовая важность этого предписанія сводится къ тому, что, по мнѣнію собора, безъ подмоги или ссуды крестьянамъ владычнія и монастырскія села могутъ запустѣть. Нагляднымъ подтвержденіемъ справедливости такого мнѣнія служитъ хотя бы тотъ фактъ, что во второй половинѣ XVI в. въ селахъ и деревняхъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря арендовалось крестьянами полторы тысячи вытей, изъ которыхъ лишь 464 выти засѣвались крестьянскими сѣменами, а 1075 вытей могли быть засѣяны занятымъ у монастыря хлѣбомъ (Русск. М., 1885, № 10, стр. 8—9). Однако же, общаго указнаго правила объ уплатѣ крестьянами долговъ при переходѣ или при отказѣ издано не было. Судебники обходятъ вопросъ полнымъ молчаніемъ, а Псковская грамота предусматриваетъ даже случаи „отрока“ безъ уплаты изорниками покруты. Значитъ, формально крестьянинъ могъ перейти или въ установленный срокъ ежегодно, если порядъ заключенъ не на срокъ, или по окончаніи срока аренды и безъ уплаты долга. Но долгъ все же надлежало уплатить съ истеченіемъ срока займа или съ наступленіемъ резолютивнаго условія (по порядным XVII вѣка подмога или ссуда подлежала возвращенію лишь въ случаѣ ухода или бѣгства крестьянина). При невыполненія обязательства древнее право поступало съ неисправными должниками весьма сурово: они отдавались головою на продажу (выше, стр. 104); это же правило подтверждаетъ и Судебникъ 1-й (ст. 55). Но уже съ самаго начала XVI в. это суровое начало смягчается: несостоятельные должники отдаются кредиторамъ не въ полное холопство, а „головою до искупа“, т. е. до отработки долга. Такіе случаи извѣстны (А. Ю. № 10; Акты Лихачова № 14; Суд. 2-й, ст. 90). Монахи-нестяжатели, противники монастырскаго землевладѣнія, несомнѣнно рисуютъ картины положенія такихъ несостоятельныхъ должниковъ въ монастырскихъ хозяйствахъ, говоря укоризненно и съ негодованіемъ о томъ, какъ иноки продаютъ своихъ братій христіанъ, истязуютъ ихъ бичемъ безъ милости, расхищаютъ ихъ худыя стяжанища, изгоняютъ изъ селъ или порабощаютъ вѣчнымъ порабощеніемъ. Такое вѣчное порабощеніе допущено было для крестьянъ еще и Судебникомъ 2-мъ. Въ немъ постановлено:

„А которой крестьянинъ съ пашни продастъся кому въ полную въ холопи, и онъ выйдетъ безсрочно, и пожилого съ него нѣтъ“ (ст. 88). Такое отступленіе отъ правилъ о крестьянскомъ переходѣ установлено, конечно, для тѣхъ изъ нихъ, кого мертвая петля долговой зависимости довела до безвыходной нужды. Указъ 1606 г. свидѣтельствуетъ, что крестьянинъ „не отъ самые бы нужи въ холопи не пошелъ“ (А. Э., II, № 40).

Итакъ, выходъ безъ уплаты долга грозилъ крестьянину вѣчнымъ или временнымъ порабощеніемъ. Невозможность же расплатиться съ долгами заставляла такихъ должниковъ и противъ воли оставаться за землевладѣльцами-кредиторами, если тѣ соглашались терпѣть у себя неаккуратныхъ должниковъ въ положеніи крестьянъ. Послѣдніе за эту милость принимали на себя новыя обязательства въ формѣ новыхъ или увеличенныхъ барщинныхъ повинностей, а это еще болѣе подрывало надежду на облегченіе ихъ положенія безъ посторонней помощи. Такая помощь могла придти или отъ своихъ же государей-землевладѣльцевъ, которые иногда по завѣщаніямъ прощали долги своимъ крестьянамъ полностью или въ нѣкоторой части, или же отъ стороннихъ землевладѣльцевъ, которые оплачивали долги крестьянъ и вывозили ихъ за себя. Повидимому на такую практику указываетъ нерѣдко встрѣчающееся въ грамотахъ выраженіе: „кого окупивъ посадятъ“ (выше, стр. 316). Но въ послѣднемъ случаѣ крестьянинъ должникъ мѣнялъ только своего кредитора-землевладѣльца, а не свое положеніе должника.

Указанныя условія въ положеніи крестьянъ-должниковъ привели къ слѣдующимъ чрезвычайно важнымъ слѣдствіямъ. Во 1-хъ, не имѣя собственныхъ средствъ для расчета съ собственникомъ земли за ссуду, пожилое, повозъ и пр., крестьяне не имѣли возможности воспользоваться правомъ перехода, такъ какъ отъ нихъ собственники земли не приняли бы отказа безъ уплаты всего, что они должны выплатить при выходѣ. Невыполненіе этихъ требованій превращало самый выходъ въ неправомѣрный актъ побѣга, безвѣстнаго выхода и грозило вышедшему искомъ о возвратѣ къ прежнему землевладѣльцу, или же искомъ объ уплатѣ долга и выдачѣ головой до искупа,

Если же нужныя для расчета средства платилъ за крестьянина при выходѣ другой землевладѣлецъ, то этимъ „выходъ" превращался въ „свозъ", а „переходъ" въ „перевозъ" крестьянъ, такъ какъ новые кредиторы платили за крестьянъ прежнимъ землевладѣльцамъ подъ условіемъ поселить крестьянъ за собой. Такъ постепенно крестьянскій выходъ вытѣснялся крестьянскимъ вывозомъ. О такомъ крестьянскомъ отказѣ, когда крестьяне играютъ только страдательную роль, говорятъ уже памятники половины XV в. (А. Э., I, № 48 II). Хотя въ обоихъ Судебникахъ правило о переходѣ редактировано въ томъ смыслѣ, какъ и когда крестьянамъ „отказыватися", но изъ памятниковъ, близкихъ къ Судебнику 2-му, видно, что не крестьяне отказываются, а ихъ за себя отказываютъ другіе землевладѣльцы. Отъ 1555 — 56 гг. сохранился рядъ челобитій помѣщиковъ другъ на друга и волостныхъ крестьянъ на помѣщиковъ и обратно по поводу незаконнаго вывоза или незаконнаго задержанія крестьянъ. Такъ, одни жалуются на другихъ помѣщиковъ, что они „вывезли изъ-за нихъ за себя силно" или „отъ нихъ развезли" крестьянецъ ихъ „не по сроку, безъ отказу и безпошлинно". Здѣсь незаконный вывозъ. А вотъ примѣры незаконнаго задержанія крестьянъ. Помѣщикъ Картмазовъ жалуется на помѣщика Лизунова: „что деи дѣялось сеѣ осени за недѣлю до Юрьева дни, посылалъ онъ своихъ людей отказывати изъ за него дву крестьяниновъ изъ одного двора на свою деревню, и тотъ деи Лизуновъ отказъ принялъ и пошлины пожилые взялъ; и онъ посылалъ по тѣхъ крестьянъ возити за собя, и тотъ деи Лизуновъ тѣхъ крестьянъ изъ-за собя не выпуститъ, а держитъ ихъ за собою силно". Крестьянскіе выборные головы Ржевскаго уѣзда жалуются на ржевскихъ, псковскихъ и луцкихъ помѣщиковъ, что они вывозятъ крестьянъ изъ черныхъ Ржевскихъ деревень „по вся дни, безпошлинно"; „а какъ изъ Ржевскихъ деревень пріѣдутъ къ нимъ отказщики съ отказомъ въ срокъ крестьянъ изъ-за нихъ отказывати, которые крестьяне похотятъ идти жити въ тѣ въ черные деревни, и дѣти боярскіе тѣхъ отказщиковъ бьютъ и въ желѣза куютъ, а хрестьянъ изъ-за себя не выпущаютъ, да поимавъ ихъ мучатъ и грабятъ и въ желѣза куютъ, а пожилое на нихъ емлютъ не по судебнику,.

рублевъ по 5 и по 10; и отказати имъ крестьянина изъ-за тѣхъ дѣтей боярскихъ не мочно". На незаконныя притѣсненія при отказѣ крестьянъ жалуются и монастырскія власти (Д. къ А. И., I, № 51 V, XVIII, XXII, XXIV; № 56; А. И., I, № 191). Любопытно, что во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ не крестьяне отказываются и выходятъ, а ихъ отказываютъ и вывозятъ; за крестьянами организована какъ бы охота, и на этой почвѣ между землевладѣльцами происходятъ постоянныя столкновенія. Какъ указано уже выше, въ тверской вотчинѣ Симеона Бекбулатовича на 305 случаевъ крестьянскаго ухода приходится 188 случаевъ вывоза и 59 случаевъ незаконнаго выхода или побѣга. Такъ, безъ всякой законодательной отмѣны постепенно замиралъ крестьянскій выходъ, вытѣсняемый крестьянскимъ вывозомъ.

Не менѣе важно и второе слѣдствіе изъ указанныхъ условій крестьянской задолженности. Отсутствіе средствъ у обѣднѣвшихъ и задолжавшихъ крестьянъ расплатиться съ землевладѣльцемъ при выходѣ лишало ихъ возможности воспользоваться правомъ перехода. А болѣе или менѣе продолжительное непользованіе этимъ правомъ въ связи съ возникновеніемъ или нарастаніемъ издѣльныхъ повинностей, повторенное въ рядѣ случаевъ повседневной жизни, могло дать начало обычаю, въ силу котораго крестьяне, лишенные возможности воспользоваться правомъ перехода, стали считаться утратившими это право въ силу давности или старины. Такъ, простой фактъ, многократно повторенный, могъ дать начало обычаю, т. е. превратиться въ право. Именно такимъ путемъ крестьяне *старинные* или *старожильцы* образовали первую группу владѣльческихъ крестьянъ, утратившихъ право перехода въ силу давности или старины. Это первые наши крѣпостные крестьяне.

Старожильство, т. е. извѣстная давность поселенія или жительства, само по себѣ не было основаніемъ крестьянскаго прикрѣпленія. Примѣнительно къ владѣльческимъ крестьянамъ старина жительства явилась лишь формальнымъ обобщеніемъ фактической невозможности выхода для задолжавшихъ крестьянъ. Обычай возникъ въ огражденіе интересовъ землевладѣльцевъ-кредиторовъ. Но разъ онъ возникъ, то въ силу старины жи-

тельства считались утратившими право выхода всѣ тѣ крестьяне, которые прожили за владѣльцемъ установленный срокъ давности, уже внѣ всякаго отношенія къ тому, должны они владѣльцу или нѣтъ. Съ другой стороны, крѣпость по старинѣ связывала единственно крестьянъ и нисколько не ограничивала правъ землевладѣльцевъ. Они могли и сами отказывать своимъ крестьянамъ-старожильцамъ, т. е. отпускать ихъ на всѣ четыре стороны, или принимать отказы на нихъ отъ другихъ землевладѣльцевъ на извѣстныхъ условіяхъ. Судебники говорять о правѣ крестьянъ „отказываться“ отъ аренды въ указанный срокъ и на извѣстныхъ условіяхъ; другіе памятники говорятъ объ „отказѣ“ крестьянъ изъ-за однихъ землевладѣльцевъ другими съ соблюденіемъ тѣхъ же правилъ. А одинъ оффиціальный памятникъ конца XVI в. предписываетъ, вслѣдствіе жалобы монастырскихъ властей на двухъ крестьянъ, выбѣжавшихъ изъ-за монастыря, „сыскати накрѣпко, тѣ крестьяне напередъ того за Корельскимъ монастыремъ живали ли и въ нынѣшнемъ 100 году безъ *отпуску* выбѣжали ли“. Такъ, „отказъ“, т. е. выходъ или вывозъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ, выродился въ „отпускъ“ крестьянъ, зависящій единственно отъ усмотрѣнія владѣльца земли.

Указанія памятниковъ о прикрѣпленіи старожильцевъ восходятъ уже къ самому началу второй половины XV вѣка. Въ жалованной грамотѣ 1455—62 г. Троицкому монастырю стоитъ предписаніе: „которого ихъ хрестьянина изъ того села и изъ деревень кто къ собѣ откажотъ, а ихъ старожилца, и язъ князь велики тѣхъ хрестьянъ изъ Присѣкъ и изъ деревень не велѣлъ выпущати ни къ кому“. Это былъ мѣстный указъ, изданный, конечно, по челобитью монастырскихъ властей, въ видѣ указной санкціи слагающемуся обычаю. Но общей указной нормы о прикрѣпленіи старожильцевъ вовсе издано не было. Это, однако, не служитъ доказательствомъ, что обычная норма перестала дѣйствовать. Изъ грамоты 1577 г. прикащику дворцоваго села въ Ярославскомъ уѣздѣ узнаемъ, что архимандритъ Спасскаго монастыря въ Ярославлѣ обжаловалъ дѣйствія дворцоваго прикащика, который хотѣлъ вывести изъ монастырской вотчины въ дворцовое село Давыдково 17 чел. крестьянъ, п. ч. „тѣ крестьяне села Давыдкова старожилцы“.

Архимандритъ же утверждалъ, что „тѣ крестьяне въ монастырскихъ селехъ и деревняхъ старожилцы, и за монастырь достались тѣ села и деревни съ тѣми крестьяны". Возникъ споръ о томъ, старожильцами какого мѣста слѣдуетъ считать перечисленныхъ крестьянъ. Но такой споръ предполагаетъ согласное мнѣніе спорящихъ, что старожильцевъ выводить нельзя, а вышедшихъ надлежитъ вернуть на старыя мѣста. Точно такъ же по жалобѣ Троицкихъ властей на Переяславскаго ключника, который „у нихъ взялъ ихъ тротцкого неводчика Левку невѣдомо почему", въ 1587 г. было предписано произвести сыскъ, „да будетъ въ обыску скажютъ, что тотъ неводчикъ Левка истари троетцкой, а Олексѣй будетъ Коробовъ взялъ его насилствомъ, и ты бы его отдалъ назадъ къ Троице". Въ 1592 г. власти Корельскаго монастыря жаловались на двухъ выбѣжавшихъ крестьянъ, утверждая, что эти крестьяне „ихъ Никольскіе вотчины искони вѣчные" (А. И., I, № 59; ср. А. Ю. Б., I, № 37; Ак. о тягл. нас., II, №№ 27 и 29; Р. И. Б., XIV, № LXXIII).

Старина, какъ основаніе прикрѣпленія, нашла примѣненіе не только среди владѣльческихъ крестьянъ, но и среди крестьянъ черныхъ волостей и посадскихъ тяглецовъ. Въ уставной Важской грамотѣ 1552 г. посадскимъ и волостнымъ людямъ предоставлено „старыхъ своихъ тяглецовъ хрестьянъ изъ-за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно, и сажати ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревни жилъ преже того". Почти дословно это предписаніе повторено въ уставной Торопецкой грамотѣ 1590—91 г.: посадскимъ людямъ предоставлено „на пустые мѣста старинныхъ своихъ тяглецовъ изъ-за князей і изъ-за детей боярскихъ, изъ-за монастырей и ізъ волостей, которые у нихъ съ посаду разошлись, въ заповедные лѣта вывозить назадъ на старинные ихъ мѣста, гдѣ хто жилъ напередъ того, безоброчно и безпошлинно" (А. Э., I, стр. 238; Побойнинъ И. И. Торопецкая старина, 359). Согласно этому правилу, старинныхъ тяглыхъ крестьянъ и посадскихъ людей можно было возвращать назадъ безъ соблюденія правилъ Судебника объ отказѣ, конечно, потому, что эти старые тяглецы не имѣли права покидать своихъ тяглыхъ участковъ и дворовъ въ силу давности житель-

ства. Но эта старина для крестьянъ черныхъ волостей и посадскихъ жильцовъ имѣла совершенно другое значеніе, чѣмъ для владѣльческихъ крестьянъ; она крѣпила первыхъ къ ихъ тяглымъ участкамъ или къ тяглой общинѣ, т. е. имѣла чисто фискальное значеніе, тогда какъ владѣльческіе крестьяне закрѣплялись за владѣльцами, попадая къ нимъ въ личную зависимость. И основанія для возникновенія прикрѣпленія старожильцевъ были въ томъ и другомъ случаѣ совершенно разныя. Для владѣльческихъ крестьянъ, какъ только что указано, такимъ основаніемъ послужила невозможность пользоваться правомъ выхода вслѣдствіе ихъ несостоятельности и задолженности владѣльцамъ; главнымъ же основаніемъ закрѣпленія крестьянъ черныхъ волостей и посадскихъ тяглецовъ явилась необходимость обезпечить правильное отбываніе государственнаго тягла, исправное выполненіе котораго обезпечивалось круговой порукой членовъ тяглой общины. Одна старина явилась защитой частныхъ интересовъ землевладѣльца, другая защищала фискальные интересы государства. Однако, обѣ эти старины могли между собой переплетаться и сталкиваться. Въ теченіе XVI в. значительное количество черныхъ земель съ проживающимъ населеніемъ было роздано въ помѣстья служилымъ людямъ и въ вотчины монастырямъ. И помѣщики, и монастырскія власти, конечно, были склонны „старыхъ волостныхъ тяглецовъ“ считать крѣпкими и за собою, хотя въ ввозныхъ и послушныхъ грамотахъ населенію рекомендовалось только помѣщика или вотчинника слушать и оброкъ имъ платить, чѣмъ ихъ изоброчатъ. Наряду съ этимъ изъ-за старожильцевъ могли возникать споры между землевладѣльцами съ одной стороны и тяглыми общинами съ другой. Въ основѣ притязаній каждой стороны лежали различные интересы, но они были оформлены однимъ общимъ началомъ давности. Споры о старожильцахъ вообще представлялись къ тому же очень запутанными, т. к. намъ не извѣстенъ тотъ давностный срокъ, съ истеченіемъ котораго установлялось старожильство и права на старожильца. Но несомнѣнно, что такой срокъ существовалъ. Въ уставной Торопецкой грамотѣ предоставлено возвращать разошедшихся старыхъ тяглецовъ „въ заповѣдные лѣта“, т. е. установленъ былъ для этой цѣли опредѣленный срокъ,

хотя въ грамотѣ онъ и не обозначенъ. Для разныхъ мѣстностей этотъ заповѣданный срокъ могъ и видоизмѣняться. Въ грамотѣ 1592 г. запрещено было вывозить монастырскихъ крестьянъ Корельскаго монастыря въ черныя деревни „въ заповѣдные лѣта до государева указа", хотя опять срокъ опредѣленно не указанъ. Такимъ образомъ на одно и то же лицо могли быть предъявлены права нѣсколькими землевладѣльцами и тяглыми общинами, если это лицо послѣдовательно прожило „заповѣданныя лѣта", напр., пять лѣтъ, за 2—3 землевладѣльцами и одной тяглой общиной.

Кромѣ того споры изъ-за крестьянъ должны были умножиться и осложниться подъ вліяніемъ двухъ крупныхъ событій во внутренней жизни Московскаго государства. Съ завоеваніемъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ открылась широкая возможность колонизаціоннаго движенія въ мѣстности по среднему и нижнему теченію Волги, бассейна Камы и верхняго Дона. Населеніе хлынуло въ эти области и по собственному почину, уходя отъ тяжелыхъ условій хазяйственной жизни и тяжелаго тягла, и по призыву испомѣщенныхъ въ новыхъ областяхъ помѣщиковъ, которые могли поселять у себя нетяглыхъ людей, т. е. отъ отцовъ дѣтей, отъ братьевъ братью, отъ дядей племянниковъ и пр., не имѣвшихъ никакого самостоятельнаго хозяйства. Въ силу этого съ 60-хъ годовъ XVI в. во многихъ центральныхъ уѣздахъ замѣтно стало обнаруживаться возрастающее запустѣніе посадовъ, селъ и деревень, а вмѣстѣ съ тѣмъ должна была возрасти и цѣнность крестьянскаго труда. Поэтому борьба и споры изъ-за крестьянъ между землевладѣльцами съ одной стороны и между ними и тяглыми общинами съ другой неизбѣжно обострились, а стремленія удержать за собой крестьянъ и вернуть обратно бѣглыхъ вызывались потребностью спасти разстроенныя хозяйства отъ полнаго разоренія.

Этотъ чисто хозяйственный кризисъ еще болѣе обострился для землевладѣльцевъ подъ вліяніемъ чисто политической мѣры, какою явилось учрежденіе опричнины. Въ настоящее время установлено, что опричнина была не только институтомъ политической полиціи, но и сопровождалась крупнымъ хозяйственнымъ потрясеніемъ для всѣхъ заподозрѣнныхъ въ вѣрности

землевладѣльцевъ. Въ опричнину были взяты многіе уѣзды для испомѣщенія въ нихъ служилыхъ людей, взятыхъ въ опричнину, а „вотчинниковъ и помѣщиковъ, которымъ не быти въ опричнинѣ, велѣлъ государь изъ тѣхъ городовъ вывести и подавати велѣлъ земли въ то мѣсто въ иныхъ городѣхъ“. Оказывается, что „въ опричное управленіе были введены, за немногими и незначительными исключеніями, всѣ тѣ мѣста въ которыхъ ранѣе существовали старыя удѣльныя княжества“, такъ что „опричнина подвергла систематической ломкѣ вотчинное землевладѣніе служилыхъ княжатъ вообще на всемъ его пространствѣ“ (Платоновъ. Очерки смутнаго времени, 144—146). Въ результатѣ произошло массовое перемѣщеніе вотчинниковъ и помѣщиковъ изъ однихъ владѣній на другія, такъ что во многихъ уѣздахъ многія земли перемѣнили своихъ владѣльцевъ. Такія мѣры, направленныя противъ служилыхъ людей, существеннымъ образомъ затронули и крестьянское населеніе. Онѣ не могли не запутать еще болѣе споровъ изъ-за крестьянъ бѣглыхъ и старожильцевъ и еще болѣе обострили критическое положеніе служилаго землевладѣнія.

Наконецъ, обостренію этого хозяйственнаго кризиса значительно содѣйствовалъ и чрезмѣрный ростъ монастырскаго землевладѣнія какъ уменьшеніемъ государственнаго помѣстнаго фонда, такъ и усиленіемъ податного бремени въ виду тѣхъ широкихъ льготъ, какими обычно пользовались монастырскія власти въ ущербъ населенію непривилегированныхъ землевладѣльцевъ, что констатировано не только оппонентами московскаго правительства, но и самою властью (выше, стр. 273—274).

Этотъ хозяйственный кризисъ вызвалъ со стороны московскаго правительства рядъ частныхъ мѣръ какъ въ огражденіе фискальныхъ интересовъ государства (запрещенія принимать тяглыхъ людей и распоряженія о возвращеніи разошедщихся тяглецовъ), такъ и въ интересахъ служилаго землевладѣнія (мѣропріятія противъ дальнѣйшаго роста монастырскаго землевладѣнія и въ отмѣну податныхъ привилегій святительскихъ и монастырскихъ имѣній). Но эти мѣры проводились далеко не всегда съ необходимою строгостью и послѣдовательностью, а потому и не могли привести къ намѣченнымъ цѣлямъ. Интересы же отдѣльныхъ землевладѣльцевъ въ ихъ взаимныхъ спо-

рахъ и съ тяглыми общинами изъ-за крестьянъ нашли отраженіе только въ указѣ 24 ноября 1597 г., упорядочившемъ предъявленіе исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, и опиравшемся на составленныя въ 1590—93 гг. по многимъ уѣздамъ писцовыя книги, которыя и были положены въ основу рѣшенія споровъ о бѣглыхъ крестьянахъ. (Любопытно отмѣтить, что при описяхъ противъ именъ поименованныхъ крестьянъ нерѣдко встрѣчались указанія, что такой то крестьянинъ „приходецъ"). Такое значеніе упомянутыхъ писцовыхъ книгъ подтверждается указомъ 1607 г., въ которомъ сказано: „которые крестьяне отъ сего числа предъ симъ за 15 лѣтъ въ книгахъ 101 году положены, и тѣмъ быть за тѣми, за кѣмъ писаны". Вслѣдствіе этого по указу 1597 г. назначенъ пятилѣтній срокъ для предъявленія исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, а въ 1607 г. 15-тилѣтній.

Постановленія же Судебника объ отказѣ въ Юрьевъ день отмѣнены не были. Но выше было указано, что крестьянскій отказъ и въ глазахъ правительства превратился въ „отпускъ" крестьянъ, а уходъ безъ отпуска превращалъ крестьянина въ бѣглаго. При такихъ условіяхъ о свободѣ перехода не могло быть и рѣчи. Таковъ былъ повидимому общій порядокъ. Понадобились указы 1601 и 1602 гг., чтобы возстановить отказъ крестьянъ по правилу Судебника, хотя и съ серьезными ограниченіями. По первому указу государи (Борисъ и его сынъ) „пожаловали, во всемъ своемъ государствѣ отъ налога и отъ продажъ велѣли крестьяномъ давати выходъ". Но далѣе въ указѣ идетъ рѣчь не о выходѣ крестьянъ, а объ отказѣ и вывозѣ ихъ: „А отказывати и возити крестьянъ дворяномъ . . . А срокъ крестьяномъ отказывати и возити Юрьевъ день осенняго, да послѣ Юрьева дни двѣ недѣли". Но дѣйствіе указа не распространялось на Московскій уѣздъ, на всѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ духовныхъ и свѣтскихъ и на дворцовыя села и черныя волости. Правомъ отказа и вывоза могли воспользоваться только мелкіе провинціальные дворяне и дѣти боярскія и еще болѣе мелкіе приказные и дворовые чины, но и то съ слѣдующимъ серьезнымъ ограниченіемъ: „А которымъ людемъ промежъ себя въ нынѣшнемъ во 110 году крестьянъ возити, и тѣмъ возити межъ себя одному человѣку, изъ за

одного же человѣка, крестьянина одного или дву, а трехъ или четырехъ одному изъ за одного никому не возити". Указъ 1602 г. былъ повтореніемъ указа 1601 г. со всѣми его ограниченіями. Въ немъ любопытна лишь одна подробность: „а изъ за которыхъ людей учнутъ крестьянъ отказывати, и тѣбъ люди крестьянъ изъ за себя выпускали со всѣми ихъ животы, безо всякія зацѣпки, и во крестьянской бы возкѣ промежъ всѣхъ людей боевъ и грабежей не было, и силно бы дѣти боярскіе крестьянъ за собою не держали и продажъ имъ ни которыхъ не дѣлали; а кто учнетъ крестьянъ грабити и изъ за себя не выпускати, и тѣмъ быти въ великой опалѣ" (А. Э., II, №№ 20, 23 и 24). Значитъ, разрѣшеніе отказа крестьянъ и вывозки ихъ повлекло за собою уже знакомыя намъ злоупотребленія (см. выше, стр. 338—339). Дальнѣйшихъ указаній на повтореніе этой мѣры болѣе не встрѣчается, и сомнительно, чтобы эти мѣры сколько-нибудь помогли крестьянамъ въ испытываемыхъ ими налогахъ и продажахъ. Сомнительно и то, что эта мѣра принята была Борисомъ Годуновымъ въ интересахъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Какую выгоду могло получить мелкое дворянство отъ вывозки другъ у друга 1—2 крестьянъ? Вѣдь изъ за монастырей и крупныхъ свѣтскихъ землевладѣльцевъ крестьянъ вывозить было запрещено, какъ и имъ за себя. Указы лишь еще болѣе обострили землевладѣльческіе споры о крестьянахъ, и этому еще болѣе содѣйствовали наступившіе вслѣдъ затѣмъ голодные годы, какъ это явствуетъ изъ указа 1606 г. (А. Э., II, № 40), и какъ правильно разъяснилъ это Татищевъ во введеніи къ указу 1607 г. („Царь Борисъ Өедоровичъ, видя въ народѣ волненіе веліе, тѣ книги (писцовыя) оставилъ и переходъ крестьяномъ далъ, да не совсѣмъ, что судьи не знали, како по тому суды вершити, и нынѣ великіи въ томъ учинились распри и насилія, и многимъ разоренія и убивства смертныя и многіе разбои и по путемъ грабленія содѣяшася и содѣваются"). Опытъ двухъ лѣтъ указнаго нормированія крестьянскаго отказа кончился полной неудачей и болѣе не повторялся. Наоборотъ, указъ 1607 г., подтвердивъ значеніе писцовыхъ книгъ 101 г. и установивъ 15-тилѣтнюю давность, ввелъ обязательный сыскъ бѣглыхъ крестьянъ и штрафъ за держаніе бѣглаго. Въ договорѣ по поводу избра-

нія королевича Владислава на московскій престолъ стоитъ между прочимъ условіе: „торговымъ и пашеннымъ крестьяномъ въ Литву изъ Руси и изъ Литвы на Русь выходу не быти, тако же и на Руси промежь собя крестьяномъ выходу не быть“ (С. Г. Г., II, стр. 404; А. Э., II, стр. 284; Зап. Жолкевскаго, прил. № 20). Въ цѣломъ рядѣ частныхъ распоряженій отъ 1610—1612 гг. подтверждалось предписаніе крестьянъ „изъ за государя никуды не выпускать, а за государя крестьянъ ни изъ коль не вывозить до государева указа“; или—изъ помѣстій и вотчинъ крестьянамъ не выходить и никому ихъ не вывозить, а вышедшихъ и вывезенныхъ сыскивать и возвращать назадъ; въ одной грамотѣ пояснено, что нельзя выпускать старыхъ крестьянъ и возить ихъ никому не давать (Вивліоѳ., XI, 369; А. З. Р., IV, стр. 409; Д. къ А. И., I, № 168; ср. Р. И. Б., XIV., стр. 187 и А. И., III, стр. 134—135 и 191).

Послѣ смуты установлена была пятилѣтняя давность для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Правда, еще въ указѣ 1606 г. подтверждено, что „на бѣглыхъ крестьянъ по старому приговору далѣ пяти лѣтъ суда не давати“, гдѣ очевидно разумѣлся старый указъ 1597 г. Но эта давность указомъ 1607 г. измѣнена въ 15-тилѣтнюю. При царѣ Михаилѣ, однако, состоялся указъ и боярскій приговоръ, по которому „на бѣглыхъ крестьянъ во крестьянствѣ велѣно судъ давати до челобитья за пять лѣтъ, а далѣ пяти лѣтъ на бѣглыхъ крестьянъ во крестьянствѣ суда давати не велѣно“, о чемъ неоднократно увѣдомлялись областные приказные люди. По челобитьямъ заинтересованныхъ эти „урочныя или указныя лѣта“ для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ были постепенно увеличиваемы. Первымъ такою привилегіею воспользовался Троицкій Сергіевъ монастырь, которому разрѣшено вывозить бѣглыхъ крестьянъ за 9 лѣтъ. Затѣмъ для дворцовыхъ селъ, посадовъ и черныхъ волостей, по особымъ пожалованіямъ, разрѣшено свозить бѣглыхъ крестьянъ и посадскихъ людей за 10 лѣтъ. По челобитьямъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, а потомъ иноземцевъ, имъ „указаны урочныя лѣта противъ Троице-Сергіева монастыря“. Наконецъ, въ 1640—41 г. послѣдовалъ указъ объ установленіи одной общей исковой давности въ 10 лѣтъ для всякихъ бѣг-

лыхъ крестьянъ и 15-тилѣтней для сыска вывозныхъ крестьянъ. (Оч. истор. сел. нас., 49—51).

Урочныя лѣта были, конечно, невыгодны для землевладѣльцевъ. Если бѣглые или вывезенные крестьяне за кѣмъ-либо „урочныя лѣта зажили", то прежніе землевладѣльцы, не предъявившіе исковъ въ установленный срокъ противъ тѣхъ, за кѣмъ ихъ крестьяне жили, теряли на нихъ право, т. к. крестьяне ихъ „изъ урочныхъ лѣтъ вышли" и „застарѣли" за другими землевладѣльцами. Они, въ особенности мелкіе среди нихъ, дворяне и дѣти боярскія, неоднократно обращались къ правительству съ просьбами объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ. Такія челобитья сохранились отъ 1640—41, 1645 и 1648 гг. (А. И., III, № 92 XXXIII; А. Э., IV, стр. 24—25; А. И., IV, № 30). Правительство впервые въ 1646 г., въ наказѣ о переписи дворовъ, дало обѣщаніе, „какъ крестьянъ и бобылей и дворы ихъ перепишутъ, и по тѣмъ переписнымъ книгамъ крестьяне и бобыли, и ихъ дѣти, и братья, и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ". Выполненіе обѣщанія послѣдовало съ изданіемъ Уложенія 1649 г., хотя съ отступленіемъ отъ первоначальныхъ предположеній.

Глава XI Уложенія, подъ заглавіемъ „Судъ о крестьянѣхъ", заново нормируетъ вопросъ о сыскѣ и возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ и считается нѣкоторыми историками первымъ закономъ объ окончательномъ прикрѣпленіи крестьянъ. Въ какой мѣрѣ правильно это мнѣніе, видно изъ дальнѣйшаго изложенія. Въ основаніе сыска бѣглыхъ крестьянъ положены были, однако, не переписныя книги, какъ предполагалось, а писцовыя книги, „которые книги писцы подали въ Помѣстной и въ иные приказы послѣ московскаго пожару прошлаго 134 г.". Права на бѣглыхъ крестьянъ должны были доказываться тѣмъ, если „бѣглые крестьяне или тѣхъ ихъ бѣглыхъ крестьянъ отцы въ тѣхъ писцовыхъ книгахъ за ними (владѣльцами) написаны, или послѣ тѣхъ писцовыхъ книгъ тѣ же крестьяне или ихъ дѣти по новымъ дачамъ написаны за кѣмъ во отдѣльныхъ или во отказныхъ книгахъ" (ст. 2). Впредь съ изданія Уложенія бѣглыхъ крестьянъ можно было искать „безъ урочныхъ лѣтъ", а вмѣстѣ съ тѣмъ виновные въ пріемѣ и укрывательствѣ бѣглыхъ крестьянъ на будущее

время должны не только возвратить этихъ крестьянъ со всѣмъ ихъ имуществомъ прежнимъ ихъ владѣльцамъ, но сверхъ того должны были уплатить 10 р. въ годъ за владѣнье каждымъ крестьяниномъ. Дѣйствіе этого закона распространялось не только на крестьянъ-дворохозяевъ, но и на подчиненныхъ членовъ семьи, которыхъ раньше разрѣшалось называть на пустыя тяглыя мѣста и въ тяглые дворы.

Эти постановленія Уложенія возбуждаютъ рядъ сомнѣній какъ съ формальной стороны, такъ и по существу. Прежде всего новое правило объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ должно было имѣть силу только на будущее время. До Уложенія сохраняла силу исковая давность (5—10 лѣтъ) на бѣглыхъ крестьянъ. Какъ же надлежало согласовать старое правило съ новымъ закономъ? Въ указѣ о переписи 1646 г. стояла объ этомъ совершенно опредѣленная оговорка: „а гдѣ наѣдутъ пустые дворы и учнутъ имъ помѣщики и вотчинники сказывать, что отъ нихъ изъ тѣхъ дворовъ крестьяне и бобыли побѣжали, и имъ о томъ роспрашивать подлинно и писать тѣхъ крестьянъ и бобылей... кто въ которомъ году выбѣжалъ, въ указные десять лѣтъ, а далѣ десяти лѣтъ не писать“ (А. Э., IV, стр. 26). Значитъ, выбѣжавшихъ до 1637 г. крестьянъ по пустымъ дворамъ за старыми помѣщиками писать было запрещено. Въ писцовыхъ же книгахъ, представленныхъ послѣ 1626 г., пустые дворы и бѣглые крестьяне писались по простымъ заявленіямъ землевладѣльцевъ безъ всякихъ ограниченій, и этимъ созданы были большія затрудненія при примѣненіи новаго закона. Хотя въ Уложеніи предусмотрѣны нѣкоторыя изъ возможныхъ коллизій стараго правила съ новымъ закономъ (XI, 5 и 8), но далеко не всѣ. Поэтому, надо думать, для смягченія рѣзкихъ столкновеній между землевладѣльцами изъ за бѣглыхъ крестьянъ въ Уложеніи предписано „владѣнья за бѣглыхъ крестьянъ на прошлые годы до сего нынѣшняго Уложенья не указывати“ и по бѣглымъ дѣвкамъ мужей ихъ прежнимъ владѣльцамъ не отдавать, „потому что по нынѣшней государевъ указъ государевы заповѣди не было, что никому за себя крестьянъ не пріимати, а указаны были бѣглыхъ крестьяномъ урочные годы“ (XI, 3).

Это правило и въ частности его мотивировка въ исто-

рической литературѣ толкуются какъ несомнительное свидѣтельство объ окончательномъ, въ силу закона, прикрѣпленіи крестьянъ. Но такой выводъ едва ли можно признать правильнымъ, т. к. и указанныя постановленія Уложенія возбуждаютъ рядъ сомнѣній. Правительственной практикѣ первой половины XVII в. хорошо были извѣстны не только взысканіе владѣнья за бѣглыхъ крестьянъ, но и пеня за пріемъ ихъ. Такъ, уже по указу 1607 г., помимо возвращенія бѣглыхъ крестьянъ, предписано было съ принявшаго „на царя государя за то, что принялъ противъ уложенія, доправити 10 рублевъ, не принимай чужого, да съ него же за пожилое тому, чей крестьянинъ, за дворъ на всякой годъ по 3 рубли". Въ отдѣльныхъ распоряженіяхъ по поводу сыска и вывозки на прежнія мѣста бѣглыхъ крестьянъ предписывалось взыскивать за нихъ государевы подати и доходы, а также пеню, съ тѣхъ, кто принималъ и держалъ бѣглыхъ крестьянъ, „чтобы имъ впередъ не повадно было воровать, сошлыхъ и бѣглыхъ крестьянъ за себя пріимать и за собою держать". Въ этихъ же распоряженіяхъ не разъ повторялся „заказъ крѣпкой", т. е. та же государева заповѣдь, запрещавшій принимать бѣглыхъ крестьянъ. Въ указѣ 1641 г., когда установлена была исковая десятилѣтняя давность на бѣглыхъ крестьянъ, предписывалось „крестьянства и крестьянскихъ животовъ и владѣнья крестьянского искати вмѣстѣ со крестьяны" (Оч. сел. нас., 57—62). Однимъ словомъ, ссылка Уложенія, будто до его изданія не было установлено государевой заповѣди о непріемѣ бѣглыхъ крестьянъ, совершенно неправильна, и предписаніе его не указывать владѣнья за бѣглыхъ крестьянъ на прошлые годы было новостью.

Сомнительно, что правило ст. 3 оказалось болѣе удачнымъ въ практическомъ его приложеніи и содѣйствовало смягченію столкновеній между землевладѣльцами. Превосходной иллюстраціей къ тому, какія затрудненія вызывало на практикѣ примѣненіе правилъ Уложенія о сыскѣ и возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ, является челобитье дворянъ и дѣтей боярскихъ „розныхъ городовъ" около 1660 года, гдѣ между прочимъ сказано: „А изъ за которыхъ, государь, крестьяня и бобыли вышли до переписныхъ книгъ, а въ

писцовыхъ книгахъ за помѣщики и за вотчинники написаны, и тѣ люди тѣхъ нашихъ крестьянъ и бобылей и готово не отдаютъ потому, что въ твоемъ государевѣ указѣ и въ соборномъ Уложенье за тѣхъ крестьянъ и бобылей за владѣнье ничево не указано, и имъ тѣми нашими крестьяны и бобыли и впредь мочно владѣть безстрашно и безо всякія боязни, потому что отъ тебя, государя, ни едина заповѣдь, ни вина не лежитъ; и тѣхъ, государь, намъ крестьянъ ни которыми дѣлы безъ суда и безъ московскіе большіе волокиты сыскивать нельзя, и до днесь мы, холопи твои, отъ тѣхъ своихъ крестьянъ разоряемся" (Библіогр. зап. 1892 № 1). Эта жалоба показываетъ, какія серьезныя неудовольствія вызвали на практикѣ статьи 3 и 5 гл. XI Уложенія.

Несомнѣнно, важнѣйшею новостью гл. XI Уложенія была отмѣна урочныхъ лѣтъ, т. е. уничтоженіе исковой давности на бѣглыхъ крестьянъ. Однако, и это правило оказалось далеко не столь простымъ. Выше отмѣчено, что дворяне и дѣти боярскія неоднократно обращались къ правительству съ просьбами объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ. Въ одной изъ нихъ (1641 г.) челобитчики сослались на то, что „въ прежнихъ годѣхъ и при прежнихъ государѣхъ въ тѣхъ бѣглыхъ крестьянѣхъ урочныхъ лѣтъ не (вы)бывало; и государь бы ихъ пожаловалъ, бѣглымъ изъ за нихъ крестьяномъ урочные лѣта велѣлъ отставить". Какіе порядки имѣлись въ виду въ этой ссылкѣ? Урочныхъ лѣтъ не существовало у насъ до указа 1597 г. Не возрожденія ли этой отдаленной старины добивались просители? Можетъ быть, хотя имъ не были знакомы обстоятельства, вызвавшія указъ 1597 г. Но они могли имѣть въ виду и болѣе близкіе къ нимъ по времени факты возврата бѣглыхъ крестьянъ безъ урочныхъ лѣтъ. Дѣйствительно, во многихъ правительственныхъ распоряженіяхъ первой половины XVII в. о сыскѣ и вывозѣ бѣглыхъ крестьянъ вовсе не упоминается объ указныхъ годахъ, и крестьянъ возвращаютъ за 8 и 12 лѣтъ во время дѣйствія пяти-и девятилѣтней исковой давности. Въ наказахъ писцамъ, отправленнымъ въ Тотемскій и Усольскій уѣзды въ 1645 г., предписано сыскивать и возвращать назадъ разошедшихся крестьянъ съ 1609 и 1613 гг. (Оч. сел. нас., 67—71). Но во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ

идетъ рѣчь о старинныхъ крестьянахъ записанныхъ въ писцовыхъ книгахъ или породившихся въ данной вотчинѣ или деревнѣ. Поэтому надо признать догадку проф. Ключевскаго, что „на старинныхъ бѣглыхъ крестьянъ, повидимому, не простиралась давность побѣга", заслуживающей полнаго вниманія. А если это такъ, то, вопреки категоричному указанію Уложенія (XI, 3), не всѣмъ категоріямъ крестьянъ „указаны были урочные годы".

Но и отмѣна урочныхъ лѣтъ по Уложенію не была столь полной, какъ можно заключить изъ категоричнаго правила Уложенія. Онѣ вновь возродились послѣ Уложенія въ силу спеціально изданныхъ указовъ, но въ формѣ гораздо болѣе невыгодной для интересовъ землевладѣльцевъ. Вмѣсто точно опредѣленнаго и всѣмъ заранѣе извѣстнаго срока для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, отдѣльные указы установляли совершенно произвольные сроки давности, устраняя совсѣмъ неожиданно для владѣльцевъ пріобрѣтенныхъ правъ ихъ исковыя притязанія о возвращеніи крестьянъ по принадлежности. Вотъ примѣры такой указной политики. При отписаніи къ посадамъ прилегающихъ слободъ, помѣстій и вотчинъ (выше, стр. 312) было разрѣшено вывозить изъ нихъ пашенныхъ крестьянъ, „будетъ которые объявятся по роспросу ихъ помѣстей и вотчинъ старинные крестьяне" (XIX, 5). Уже въ 1649 г. возникло много такихъ дѣлъ. Въ числѣ отписанныхъ съ слободами и взятыхъ въ посады старинныхъ крестьянъ оказались и бѣглые. Одинъ помѣщикъ билъ челомъ о возвращеніи бѣглаго своего крестьянина, который сбѣжалъ въ 1645 г. и жилъ въ с. Спасскомъ за бояриномъ Н. И. Романовымъ, но вмѣстѣ съ другими жильцами этого села взятъ въ Калугу въ началѣ 1649 г. Въ іюлѣ того же года „по той челобитной и объ иныхъ такихъ же" докладывалъ государю бояринъ кн. Ю. А. Долгоруковъ, которому поручено было завѣдываніе сыскомъ посадскихъ жильцовъ, и государь по всѣмъ такимъ дѣламъ указалъ отказать челобитчикамъ, „потому что о тѣхъ крестьянѣхъ на б-на Ивана Никитича и на сына ево б-на Никиту Ивановича государю не бивали челомъ". Со времени бѣгства крестьянина прошло всего четыре года, и по правиламъ до Уложенія его можно было искать еще въ теченіе

шести лѣтъ; но съ уничтоженіемъ урочныхъ лѣтъ, сейчасъ же послѣ изданія Уложенія, всѣ такіе иски признаны не подлежащими удовлетворенію только потому, что заинтересованные не били челомъ о своихъ крестьянахъ раньше. Мало того. Уложеніе, предоставивъ возвращать изъ отписанныхъ къ посадамъ слободъ старинныхъ крестьянъ, не установило никакого срока для этихъ дѣлъ. Многіе возбудили такія дѣла уже послѣ приписки разныхъ людей къ посадамъ, объясняя это тѣмъ, что иные объ этомъ ранѣе не знали, а иные и знать не могли, находясь на государевой службѣ. Но на эти доводы предъявленъ былъ только одинъ формальный отводъ: по указу государя всѣ отписанные къ посадамъ люди переписаны въ переписныя книги, и розыскъ имъ былъ съ 19-го ноября 1648 г., „а тѣхъ всякихъ чиновъ челобитья съ того году и числа на тѣхъ новопринятыхъ людей не бывало". На этомъ основаніи состоялся докладъ государю 12 марта 1652 г., „и той выписки бояре слушали и приговорили: челобитчикомъ всѣмъ сказывать съ сего числа, которые прежъ сего (не) били челомъ о крестьянѣхъ своихъ и о бобыляхъ, и въ Приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ челобитья ихъ, какъ сѣлъ б-нъ кн. Ю. А. Долгоруковъ, не было и по се время, и тѣмъ всѣмъ отказывать и челобитья ихъ съ сего числа не принимать". Итакъ, челобитья отклонены единственно въ силу того, что не возбуждены были раньше, послѣ изданія указа, хотя съ тѣхъ поръ едва протекло три года. Въ 1684 г. декабря 17 изданъ новый важный указъ, въ силу котораго всѣмъ крестьянамъ и бобылямъ, если они пришли въ города послѣ Уложенія 1649 г. и записаны въ переписныхъ книгахъ 1678—79 гг. или хотя и не записаны и пришли послѣ составленія переписныхъ книгъ вплоть до указа 1684 г., велѣно жить на посадахъ безповоротно, „а помѣщикомъ и вотчинникомъ и всякихъ чиновъ людемъ ихъ во крестьянство и въ холопство отдавать не велѣно, а велѣно тѣмъ помѣщикомъ и вотчинникомъ отказать, для того что они великимъ государемъ не били челомъ многіе годы, и на тѣхъ всѣхъ пришлыхъ людей во крестьянствѣ и въ холопствѣ и въ побѣгѣ и въ сносныхъ животахъ суда давать не указано" (Оч. сел. нас., 37, 63—67). Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ не-

ожиданно воскресали урочные годы и при томъ безъ всякой возможности для заинтересованныхъ воспользоваться ихъ примѣненіемъ.

Запретивъ взысканіе владѣнья за держаніе бѣглыхъ крестьянъ на прошлые годы, Уложеніе на будущее время установило заповѣдь, въ силу которой не только подлежали возвращенію по суду и по сыску бѣглые крестьяне и бобыли „съ ихъ животы и съ хлѣбомъ стоячимъ и съ молоченымъ и съ земляным" безъ урочныхъ лѣтъ, но сверхъ того предписывалось на тѣхъ, за кѣмъ бѣглые крестьяне „съ сего государева Уложенья учнутъ жити, за государевы подати и за помѣщиковы доходы взяти за всякого крестьянина по десяти рублевъ на годъ и отдавати истцомъ, чьи тѣ крестьяне и бобыли" (XI, 10). Эта заповѣдь, совсѣмъ не являющаяся новостью Уложенія, не только не прекратила, но и не умалила крестьянскаго бѣгства. Крестьяне не только продолжали бѣгать, но, какъ свидѣтельствуетъ указъ 1658 г., сверхъ того дворянъ и дѣтей боярскихъ „разоряютъ, животы ихъ грабятъ и дома ихъ пожигаютъ, а иныхъ и самихъ и женъ ихъ и дѣтей до смерти побиваютъ". Указъ предписалъ назначить сыщиковъ для сыска бѣглыхъ, а послѣднимъ за разореніе помѣщиковъ чинить наказанье—бить кнутомъ нещадно, за убійство же казнить смертною казнью. Въ 1661 г. назначено наказаніе кнутомъ прикащикамъ имѣній за пріемъ бѣглыхъ, а если такой пріемъ допускали сами землевладѣльцы, то должны были не только доставить бѣглыхъ на своихъ подводахъ, но еще отдать потерпѣвшимъ за каждаго принятаго бѣглаго крестьянина своего крестьянина съ семьей и съ имуществомъ. По указу 1664 г. число такихъ „наддаточныхъ" крестьянъ за каждаго принятаго бѣглаго было увеличено до четырехъ. Дальнѣйшіе указы 1681, 1682, 1683 и 1698 гг., въ борьбѣ съ крестьянскимъ бѣгствомъ, то возвращаются къ правиламъ Уложенія, то повторяютъ правила указовъ 1661 и 1664 гг., то видоизмѣняютъ ихъ увеличеніемъ платы за крестьянское владѣнье до 20 р. въ годъ (П. С. З. №№ 220, 307, 364, 891, 972, 985, 1623 и 1625). Но частое повтореніе такихъ указовъ и усиленіе строгости наказаній за пріемъ бѣглыхъ самымъ нагляднымъ образомъ доказываютъ безрезультатность

правительственной борьбы съ неизбѣжными послѣдствіями разрастающагося крѣпостного права.

Правила гл. XI Уложенія объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ и о взысканіи владѣнія за пріемъ бѣглыхъ еще и потому не могутъ считаться общимъ дѣйствительнымъ закономъ о прикрѣпленіи крестьянъ, что ими вовсе не завершается развитіе крѣпостного права. Слѣдить за этимъ развитіемъ и его характерными особенностями позволяютъ отчасти данныя указной практики, но преимущественно практики бытовой, начиная съ конца XVI в. Измѣненія въ условіяхъ крестьянскаго поряда и ростъ землевладѣльческихъ правъ надъ населеніемъ вотчинъ и помѣстій заслуживаютъ преимущественнаго вниманія.

Отразилось ли и въ какой формѣ прекращеніе крестьянскаго перехода на условіяхъ крестьянскаго поряда? Этотъ вопросъ въ исторической литературѣ рѣшается весьма различно. Одни думаютъ, что „порядныя, писанныя при свободномъ крестьянскомъ переходѣ, и порядныя по прикрѣпленіи крестьянъ и послѣ Уложенія 1649 г. совершенно одинаковы, и вся разница состоитъ только въ томъ, что по прикрѣпленіи стали писать: „а съ той земли мнѣ не сойти и ни за кого не порядиться и не задаться“; но и это условіе, требуемое Уложеніемъ (?), не было постояннымъ“ (Бѣляевъ). Другіе, наоборотъ, полагаютъ, что въ положеніи крестьянъ произошла существенная перемѣна: „Указъ 1597 г. установилъ неразрывность договоровъ между крестьянами и землевладѣльцами. Такимъ образомъ, прикрѣпленными оказывались только тѣ крестьяне, у которыхъ были заключены договоры съ владѣльцами, и судебные иски о бѣглыхъ крестьянахъ должны были опираться на эти договоры, наличность которыхъ предстояло доказывать истцамъ; по прежнему дѣло шло о частно-правовой сдѣлкѣ. Напротивъ, въ писцовомъ наказѣ (1646 г.) договоръ оставленъ совершенно въ сторонѣ, рѣшающее значеніе получилъ фактъ внесенія въ переписныя книги . . . Крестьянинъ и его наслѣдники считались крѣпкими землѣ не потому, что они заключили договоръ объ арендѣ участка земли, а потому, что крестьянинъ былъ приписанъ въ книгахъ къ такому то имѣнію; всѣ его потомки

должны были остаться въ томъ же имѣніи, и владѣлецъ имѣлъ право посадить ихъ на землю, не заключая съ ними новаго договора" (Энгельманъ). Какъ дальнѣйшее слѣдствіе новаго порядка, отмѣчаютъ далѣе, что „порядныя XVII в.—остатокъ старины, фактъ переживанія, не болѣе. Онѣ не соотвѣтствуютъ новому строю жизни, а потому Уложеніе и вводитъ новый способъ поступленія въ крестьянство: записку въ крестьяне въ Помѣстномъ приказѣ . . . Порядныя съ этого времени болѣе не нужны. Записка въ крестьяне (въ приказѣ) дѣлаетъ вѣчнымъ крестьяниномъ и безъ особаго на то условія порядной" (Сергѣевичъ).

Нельзя не признать эти мнѣнія одинаково крайними. Уложеніе, дѣйствительно, вводитъ новый порядокъ поступленія въ крестьяне. По новому правилу помѣщики и вотчинники о всѣхъ желающихъ поступить къ нимъ въ крестьяне должны подлинно провѣдывать, не бѣглые ли они чьи люди или крестьяне, и послѣ такой провѣрки приводить поступающихъ къ запискѣ въ книги Помѣстнаго приказа или воеводскихъ приказныхъ избъ (въ Казани, Новгородѣ и Псковѣ), гдѣ показанія поступающихъ снова провѣрялись, ихъ распросныя рѣчи записывались въ книги, и при отсутствіи сомнѣній приведенные отдавались подъ росписку тѣмъ людямъ, кто ихъ къ запискѣ приведетъ. Если бы отданные по записи въ приказѣ или приказныхъ избахъ оказались чьими-либо чужими крестьянами, то принявшимъ за плохое провѣдываніе угрожалось взысканіемъ въ томъ же размѣрѣ, какъ за завѣдомый пріемъ бѣглаго крестьянина (Ул., XI, 20 и 21). Но какъ плохо прививался этотъ порядокъ, видно, напр., изъ того факта, что въ псковскихъ записныхъ книгахъ такихъ „отдачъ" въ крестьяне по распросу отмѣчено менѣе 30 на тысячу, по крайней мѣрѣ, крестьянскихъ порядныхъ, записанныхъ въ тѣ же книги. Отсюда видно, что порядныя записи въ теченіе XVII в., какъ до Уложенія, такъ и послѣ него, заключались между крестьянами и землевладѣльцами.

Поряжающимися въ крестьяне прежде всего являлись „вольные люди", именующіе себя нерѣдко „гулящими людьми". Таковыми являлись отпущенные на волю холопы или крестьяне и бобыли; выходцы изъ за рубежа, особенно по польско-ли-

товской границѣ; дѣти и родственники тяглыхъ людей, не занесенные еще ни въ какія оффиціальныя описи, хотя лица послѣдней группы и могли возбудить сомнѣнія и споры касательно ихъ вольности. Гораздо чаще, однако, поряжающіеся въ крестьяне, именуя себя вольными людьми, не давали подробныхъ указаній о своемъ происхожденіи. Но кромѣ вольныхъ людей выдавали на себя порядныя записи и старинные крестьяне своимъ прежнимъ господамъ землевладѣльцамъ по какимъ либо спеціальнымъ поводамъ, напр., послѣ возвращенія изъ бѣговъ или изъ полона, въ случаѣ утраты прежнихъ порядныхъ записей, при перемѣнѣ ихъ хозяйственнаго положенія въ случаѣ перехода или перевода на другой участокъ, при переходѣ имѣнія изъ однѣхъ рукъ въ другія и т. п. Но порядныя на старинныхъ крестьянъ только подтверждали или разъясняли землевладѣльческія права на крестьянъ по старинѣ.

Самыя раннія порядныя XVII в. по содержанію почти тождественны съ порядными XVI в., и по нимъ невозможно отмѣтить какія либо измѣненія въ условіяхъ крестьянской аренды, кромѣ лишь одного условія, ранѣе не встрѣчающагося: о невыходѣ изъ за землевладѣльца. Сначала это условіе формулируется довольно мягко. Порядчики обязуются „изъ за монастыря не сбѣжати“, „за волость имъ не выйдти“, „на сторону инуды никуды не рядитца“. Затѣмъ уже опредѣленнѣе: „никуда вонъ не выити и впредь жити неподвижно“, „вонъ не соити и впредь безъ выходу жити“, „а впредь во крестьянствѣ крѣпокъ“ или „проченъ“, иногда съ прибавленіемъ „безвыходно“ или „вѣчно“. Такія условія нерѣдко сопровождались санкціей, въ силу которой, если порядившійся сойдетъ или сбѣжитъ, то его „волно взять и вывесть въ вотчину и въ деревню на участокъ посадить“, гдѣ землевладѣлецъ прикажетъ; или: „и гдѣ насъ (помѣщикъ) сыщетъ, и мы крѣпки ему во крестьянствѣ въ его помѣстьѣ, на тое деревню, гдѣ онъ насъ посадитъ“. Это условіе составляетъ первое существенное отличіе порядныхъ записей послѣ прекращенія свободы переходовъ. Правда, Бѣляевъ совершенно правильно отмѣтилъ наличность порядныхъ, въ которыхъ крестьяне выговариваютъ себѣ право перехода. Но если выдѣлить такія среди нихъ, въ которыхъ

переходъ предоставленъ лишь въ предѣлахъ владѣній того землевладѣльца, на чье имя выдана порядная, то останется совершенно ничтожное число другихъ, которыя предоставляютъ крестьянамъ право выхода послѣ смерти даннаго землевладѣльца, куда имъ угодно. Вольный человѣкъ могъ, конечно, ограничить свою аренду любымъ срокомъ, и Уложеніе, вопреки Бѣляеву, этого вовсе не запрещаетъ. Какъ рѣдкое исключеніе, такія срочныя порядныя нисколько не подрывали обычнаго правила, что въ XVII в. крестьяне поряжались жить „безвыходно" или „вѣчно".

Вторая существенная перемѣна въ условіяхъ крестьянскаго поселенія возникла на старой почвѣ крестьянской задолженности. Выдача подмоги или ссуды, между которыми едва ли возможно провести какую либо разницу въ XVII в., была явленіемъ широко разлитымъ: какъ при заведеніи хозяйства вновь, такъ и при расширеніи или поддержаніи стараго призваніемъ новыхъ поселенцевъ, выдача ссуды является необходимымъ условіемъ и во всѣхъ такихъ случаяхъ всегда предполагается; безъ средствъ на выдачу ссуды нельзя и крестьянъ призвать. Но подмога или ссуда теперь вовсе не являлись уплачиваемымъ впередъ вознагражденіемъ за особые труды и затраты по приведенію крестьянскихъ участковъ въ положеніе, необходимое для сельскохозяйственной культуры: за расчистку пашни, возведеніе новыхъ построекъ и т. п. Поряжавшіеся на дѣвственные или запустѣвшіе участки, конечно, и теперь нуждались въ особой поддержкѣ со стороны землевладѣльцевъ. Но эта поддержка выражалась большею частью не въ выдачѣ подмоги или ссуды, а преимущественно въ предоставленіи порядчикамъ льготъ отъ государственныхъ податей и повинностей и отъ землевладѣльческихъ сборовъ и издѣлья. Сверхъ такой льготы подмога или ссуда были необходимымъ пособіемъ земледѣльцу исключительно для того, чтобы поставить его самого въ возможность приняться за крестьянское хозяйство. Нерѣдко искатели „крестьянской пристани" являлись съ очень малыми достатками, даже безъ всякихъ достатковъ, съ однимъ лишь желаніемъ приняться за крестьянское хозяйство. Если порядчикъ приносилъ „своего живота полтора рубли денегъ да кафтанъ сѣрой", то это можно при-

знать сравнительно благопріятнымъ условіемъ для заведенія крестьянскаго хозяйства. Другой приносилъ съ собой только „шапку да кафтанъ“; третій „своего живота не принесъ ничего“. А были и такіе, которые характеризовали свое имущественное положеніе простодушными, но выразительными словами: пришли де они „душою да тѣломъ“. Какъ можно было при такихъ условіяхъ приняться за крестьянское хозяйство безъ помощи со стороны землевладѣльца? Такимъ поселенцамъ нуженъ рабочій и иной хозяйственный скотъ, хлѣбъ на посѣвъ, да сверхъ того хлѣбъ же „на ѣмена“, „на ѣству“, „на прокормъ“ до перваго урожая. Все это и выдавалось землевладѣльцами натурой или деньгами. Денежная ссуда во всѣхъ записяхъ второй половины XVII в. опредѣленно выдавалась „на лошади, и на коровы, и на дворовое строепье, и на всякую мелкую животину, и на всякую дворовую спосуду“, или: „на лошади, и на коровы, и на всякую животину, и на хлѣбъ, и на сѣмена, и на всякой крестьянской заводъ“. Размѣры этой ссуды колебались отъ 5 до 10 руб., иногда поднимаясь выше этой нормы, пока указомъ 1680 г. не было предписано писать крестьянскія ссудныя записи въ 10 р.

Но если безъ землевладѣльческой ссуды крестьянинъ не могъ обзавестись необходимымъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ инвентаремъ, то, значитъ, все крестьянское хозяйство создавалось землевладѣльческимъ капиталомъ и крестьянскимъ трудомъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда выговаривалось возвращеніе ссуды, и она была крестьяниномъ выплачена, еще можно было наглядно выдѣлить собственное крестьянское имущество, созданное его трудомъ. Но когда ссуда выдавалась безсрочно и возвратъ ея выговаривался лишь на случай ухода или бѣгства крестьянина,—а такая практика съ половины вѣка становится господствующей,— провести грань между крестьянскими „животами“ и господскимъ имуществомъ не представлялось возможности. На этой почвѣ уже довольно рано и возникла естественная склонность землевладѣльцевъ налагать свою руку на крестьянскіе животы въ цѣломъ рядѣ случаевъ для огражденія собственныхъ интересовъ. Такая точка зрѣнія нашла свое отраженіе и въ указной практикѣ. Указы и Уложеніе, правда, говорятъ о крестьянскихъ животахъ, какъ бы призна-

вая за крестьяниномъ право собственности на его имущество. Но рядомъ съ этимъ то же имущество часто не отличается отъ землевладѣльческаго. Напр., въ 1628 г. возникъ вопросъ, какъ взыскивать долги съ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые долговъ не платятъ и на правежѣ отстаиваются, но у которыхъ имѣлись помѣстья и вотчины. По этому докладу состоялся указъ, предписывавшій посылать для взысканія долговъ въ вотчины и помѣстья „и велѣти править на людехъ ихъ и на крѣстьянѣхъ". Этотъ порядокъ отвѣтственности крестьянъ за долги землевладѣльцевъ всецѣло сохраненъ Уложеніемъ и новоуказными статьями (А. И., III, стр. 101 ;Ул., X. 262; П. С. З. № 667). По указамъ и Уложенію предписывалось бѣглыхъ крестьянъ возвращать прежнимъ владѣльцамъ „со всѣми ихъ крестьянскими животы". Объ этихъ животахъ бѣглыхъ крестьянъ могъ возникнуть споръ, но не между выданнымъ изъ бѣговъ крестьяниномъ и помѣщикомъ, отъ котораго крестьянинъ возвращенъ, а между помѣщиками—укрывшимъ и тѣмъ, которому отданъ бѣглый крестьянинъ. Собственникъ имущества остается въ сторонѣ; объ его имуществѣ спорятъ владѣльцы крестьянина. Мудрено ли, что въ практикѣ притязанія землевладѣльцевъ на крестьянскіе животы выходили далеко за предѣлы указныхъ рамокъ.

Общераспространенностью обыкновенія давать крестьянамъ при поселеніи ссуду надо объяснить и тотъ фактъ, что крестьянскія порядныя записи все чаще и чаще стали называться ссудными крестьянскими записями. Послѣднее названіе встрѣчается уже въ памятникахъ 20-хъ годовъ XVII в. и мало-по-малу становится во второй половинѣ вѣка господствующимъ. Многочисленныя новоуказныя статьи говорятъ только о ссудныхъ записяхъ на крестьянъ. Но измѣнилась ли крестьянская запись по формѣ и содержанію, переименовавшись изъ порядной въ ссудную? Сравненіе этихъ двухъ формъ записей даетъ совершенно очевидный отвѣтъ на поставленный вопросъ. Предметомъ порядной записи является поселеніе за кѣмъ либо въ крестьянство или бобыльство на опредѣленный участокъ земли съ пашней или безъ пашни. Въ XVII в., когда такія записи заключались съ условіемъ жить вѣчно или безвыходно, едва ли можно приравнивать крестьянскій порядъ договору

объ арендѣ земли. Уже въ самыхъ древнихъ изъ извѣстныхъ порядныхъ къ условію объ арендѣ участка земли присоединяются обязательства, кромѣ уплаты государственныхъ сборовъ и доходовъ въ пользу землевладѣльца, дѣлать на послѣдняго всякое дѣло, т. е. нести въ его пользу барщинныя повинности, которыя иногда замѣнялись оброкомъ. Въ крестьянской порядной какъ бы соединены два договора: аренды участка земли (locatio conductio rei) и найма личныхъ услугъ (locatio conductio operarum). Къ этимъ двумъ основнымъ сдѣлкамъ присоединялись нерѣдко и другія побочныя условія о льготѣ, о подмогѣ и т. д. Ссудная же запись носитъ совершенно другой характеръ. Порядчикъ по ссудной записи прежде всего заемщикъ. „Се язъ NN взялъ на ссуду у государя своего (игумена) столько то рублей на дворовое строенье и на всякую животину и на всякую дворовую спосуду". Таково основное условіе ссудной записи. Второе необходимое условіе крестьянской ссудной записи выдвигается какъ естественное слѣдствіе займа: „а за тое ссуду (или: „и съ тою ссудою") жити мнѣ за тѣмъ то во крестьянѣхъ или въ бобылѣхъ на такой то деревни или гдѣ посадитъ". Поселеніе въ крестьянство здѣсь отнюдь не главный предметъ сдѣлки, а лишь слѣдствіе сдѣлки о займѣ. Возвращеніе ссуды, пока крестьянинъ живетъ за землевладѣльцемъ, вовсе не выговаривается, равно какъ и уплата по ней процентовъ. Взамѣнъ того и другого заемщикъ долженъ жить у своего кредитора въ крестьянахъ или бобыляхъ. Это обязательство обыкновенно дополнялось условіемъ — жить безвыходно, не сбѣжать и ссуды не снести. Все это скрѣплялось обычной санкціей, въ силу которой, если крестьянинъ сойдетъ или сбѣжитъ, „гдѣ ни сыщутъ, взять ссуду, а крестьянство и впредь крестьянствомъ". Въ словесныхъ распросахъ, при запискѣ ссудныхъ въ книги, заемщики и кредиторы еще нагляднѣе вскрывали характеръ возникающей изъ займа зависимости. Одинъ заемщикъ, напр., объяснялъ, что взялъ на ссуду 15 р., „и въ той де ссудѣ далъ на себя запись, что ему за тое ссуду жить во крестьянехъ вѣчно"; другой заявилъ, что взялъ у землевладѣльца 15 р. денегъ „и за тѣ взятые денги билъ челомъ ему во крестьянство". А одна землевладѣлица, предъявляя къ запискѣ запись на выходца, по-

яснила, что этотъ выходецъ „далъ мнѣ робѣ вашей на себѣ запись жилецкую за денги за 30 рублевъ“.

Указанный типъ ссудной крестьянской записи настолько своеобразенъ, такъ рѣзко отличается отъ порядной крестьянской записи, что въ исторической литературѣ ссудную запись приравняли по существу купчей на вольнаго человѣка во крестьяне. Названіе „купчая запись“, однако, не могло быть допущено будто бы потому, что по Уложенію вольные люди не продаются въ крестьяне, а только записываются въ это состояніе; вслѣдствіе этого явилась практическая необходимость площаднымъ подъячимъ выдумать въ обходъ существа дѣла подходящую формулу въ видѣ ссудной записи. Едва ли, однако, надо идти такъ далеко. Ссудныя записи вовсе не вызваны къ жизни Уложеніемъ, а, какъ показано выше, существовали до него и были ему хорошо извѣстны (XVIII, 40). Ссудныя записи возникли совершенно естественно изъ необходимости снабжать поселенцевъ необходимымъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ инвентаремъ. Тутъ не оставалось никакого мѣста для игры площадныхъ подъячихъ въ юридическое остроуміе; подъячіе же, кстати сказать, писали, когда въ томъ оказалась нужда, и купчія на крестьянъ безъ всякаго смущенія и боязни передъ Уложеніемъ. Ссудная крестьянская запись, конечно, не арендный договоръ, но и не купчая на вольнаго человѣка въ крестьянство. Крестьянство по ссудной записи возникаетъ изъ займа и является вѣчной и потомственной крестьянской страдой за самый долгъ или за долгъ съ процентами. Въ этомъ отношеніи ссудная запись самымъ тѣснымъ образомъ примыкаетъ къ служилой кабалѣ до видоизмѣненія характера послѣдней по указамъ 1586 и 1597 гг. (объ этомъ ниже).

Второй изъ намѣченныхъ выше вопросовъ о ростѣ землевладѣльческихъ правъ надъ населеніемъ вотчинъ и помѣстій стоитъ въ самой тѣсной связи съ болѣе общимъ вопросомъ о характерѣ крестьянскаго прикрѣпленія. Когда въ литературѣ заходитъ рѣчь о прикрѣпленіи крестьянъ, то въ большинствѣ случаевъ подъ этимъ выраженіемъ подразумѣваютъ прикрѣпленіе ихъ къ землѣ. Это давнее въ литературѣ мнѣніе покоилось на столь же давнемъ убѣжденіи объ указномъ прикрѣпленіи крестьянъ при царѣ Өедорѣ Ивановичѣ. Дѣло пред-

ставляли себѣ такъ, что правительство, въ его заботахъ о бездоимочномъ поступленіи тяглыхъ сборовъ и правильномъ отбываніи тяглыхъ повинностей, а также въ видахъ хозяйственнаго обезпеченія служилыхъ людей для правильнаго выполненія ими обязательной военной службы, отмѣнило Юрьевъ день и прикрѣпило крестьянъ къ землѣ. Возникшее такимъ образомъ въ государственныхъ интересахъ прикрѣпленіе крестьянъ и въ законодательныхъ актахъ XVII в. не теряло этого публичноправового значенія. И если тѣмъ не менѣе прикрѣпленіе стало принимать уродливыя формы крѣпостного права надъ личностью крестьянина, то это произошло вслѣдствіе злоупотребленій со стороны землевладѣльцевъ и вопреки прямымъ намѣреніямъ правительства.

Стать на эту точку зрѣнія тѣмъ, кто не вѣритъ въ указное прикрѣпленіе крестьянъ или убѣжденъ въ противномъ, довольно трудно. Если бы даже и допустить мысль объ утратѣ указа о прикрѣпленіи, то все же важно было бы узнать, въ какомъ указѣ болѣе или менѣе опредѣленно выражена мысль о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ? Въ указѣ 1597 г. о возвращеніи по суду и по сыску за пять лѣтъ бѣжавшихъ изъ помѣстій и вотчинъ крестьянъ, правда, предписано, такихъ бѣглыхъ крестьянъ „возити назадъ, гдѣ кто жилъ". Но и это далеко не рѣшающее указаніе парализуется цѣлымъ рядомъ другихъ гораздо болѣе опредѣленныхъ оффиціальныхъ указаній. Такъ, въ указѣ 1607 г. сказано: „которые крестьяне отъ сего числа предъ симъ за 15 лѣтъ въ книгахъ 101 году положены, и тѣмъ быть за тѣми, за кѣмъ писаны"; бѣглыхъ крестьянъ велѣно „отдавати по тѣмъ книгамъ со всѣми ихъ животы тѣмъ, за кѣмъ они писаны"; если же на бѣглыхъ крестьянъ челобитья до 1 сентября не будетъ, „и тѣхъ послѣ того срока по тѣмъ книгамъ не отдавати, а написати ихъ въ книги, за кѣмъ они нынѣ живутъ". Въ 1642 г. дворяне и дѣти боярскія просили „ихъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей отдавати по помѣстныхъ ихъ и по вотчиннымъ дачамъ и по писцовымъ книгамъ и по выписямъ, кто кому чѣмъ крѣпокъ, а людей также отдавати по крѣпостямъ", и государь указалъ изъ за властей, изъ за монастырей, отъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, „чей кто нибудь, бѣглыхъ крестьянъ и

бобылей имати и отдавати за 10 лѣтъ". По Уложенію точно такъ же бѣглыхъ крестьянъ велѣно отдавать по писцовымъ книгамъ, по челобитьямъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, „будетъ тѣ ихъ бѣглые крестьяне въ писцовыхъ книгахъ за ними написаны, или послѣ тѣхъ писцовыхъ книгъ тѣ же крестьяне по новымъ дачамъ написаны за кѣмъ во отдѣльныхъ или во отказныхъ книгахъ. А отдавати бѣглыхъ крестьянъ и бобылей изъ бѣговъ по писцовымъ книгамъ всякихъ чиновъ людемъ безъ урочныхъ лѣтъ". Въ отличіе отъ владѣльческихъ крестьянъ, возвращаемыхъ изъ бѣговъ владѣльцамъ, бѣглые крестьяне дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей, по Уложенію, подлежали возвращенію „на старые ихъ жеребьи" (XI, 1 и 2). Но и относительно крестьянъ черныхъ и дворцовыхъ трудно говорить о прикрѣпленіи ихъ къ землѣ; скорѣе можно объяснить ихъ прикрѣпленіе, какъ и посадскихъ людей, къ тяглымъ общинамъ въ обезпеченіе исправнаго отбыванія тягла.

Отсутствіе идеи о поземельномъ прикрѣпленіи въ указной политикѣ XVII в. вскрывается изъ отдѣльныхъ указныхъ предписаній, когда законодатель не стѣснялся отрывать отъ земли крестьянина даже безъ всякой съ его стороны вины. Такъ, по указу 1625 г. за неумышленное убійство землевладѣльцемъ или членомъ его семьи или его прикащикомъ чужого владѣльческаго крестьянина предписано взять изъ помѣстья виновнаго лучшаго крестьянина съ женою, дѣтьми и имуществомъ и отдать въ крестьянство тому землевладѣльцу, у котораго крестьянина убили. Тѣмъ же порядкомъ выдавался и крестьянинъ, неумышленно убившій другого владѣльческаго крестьянина, или взамѣнъ убійцы лучшій крестьянинъ того же помѣщика. Этотъ указъ цѣликомъ вошелъ и въ Уложеніе (В.-Будановъ. Христоматія, III, изд. 3, 67—68 и 176; Улож., XXI, 71 и 73). Въ Уложеніи можно отмѣтить сверхъ того рядъ статей, допускавшихъ переводъ крестьянъ изъ однихъ вотчинъ въ другія въ удовлетвореніе совершенно частныхъ интересовъ. Напр., тамъ предусмотрѣны случаи, когда будутъ куплены вотчины съ крестьянами, а эти крестьяне по суду и по сыску будутъ отданы какимъ либо истцамъ, то въ возмѣщеніе ущерба предписывалось, „тѣмъ вотчинникомъ (изъ чьихъ купленныхъ вотчинъ крестьяне будутъ отданы) вмѣсто тѣхъ отдаточныхъ

крестьянъ взяти на продавцахъ такихъ же крестьянъ изъ иныхъ ихъ вотчинъ" (XI, 7). При мѣнѣ жилыхъ помѣстій или вотчинъ на пустыя разрѣшалось владѣльцамъ крестьянъ своихъ сводить на иныя свои помѣстныя или вотчинныя земли (XVI, 7). Правда, въ Уложеніи стоитъ и категорическое требованіе: „помѣщикомъ и вотчинникомъ крестьянъ своихъ съ помѣстныхъ своихъ земель на вотчинные свои земли не сводити"; но это требованіе вызвано исключительно невозможностью въ интересахъ фиска допустить разореніе помѣстій („тѣмъ своихъ помѣстій не пустошити") (XI, 30). Но помимо этого случая Уложеніе не только не препятствуетъ переводу крестьянъ изъ однихъ имѣній въ другія, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже разрѣшаетъ совершенно отрывать крестьянъ отъ земли. Владѣльцамъ загородныхъ дворовъ и огородовъ, не имѣвшимъ собственныхъ людей, можно было держать въ дворникахъ крестьянъ и бобылей по одному на дворѣ или огородѣ. Но наряду съ этимъ запрещалось держать постоянно при такихъ дворахъ многихъ крестьянъ подъ угрозой перечисленія ихъ за государя; только „на время, для ремесленнаго дѣла на вотчинниковъ и помѣщиковъ" разрѣшалось крестьянамъ приходить изъ вотчинъ и помѣстій въ загородные дворы своихъ господъ (XIX. 14 и 15). Наконецъ, Уложеніе предусматриваетъ отпускъ крестьянъ на волю съ выдачей имъ отпускныхъ. Вполнѣ санкціонируя такой отпускъ крестьянскихъ дочерей-дѣвокъ или вдовъ при выдачѣ ихъ замужъ за чьихъ либо людей или крестьянъ и разрѣшая взимать въ этихъ случаяхъ плату за выводъ (XI, 19), относительно отпуска крестьянъ Уложеніе не ставитъ вопроса въ такой общей формѣ и подходитъ къ его рѣшенію по совершенно частному поводу и въ другомъ мѣстѣ. Если помѣщикъ или вотчинникъ отпуститъ изъ помѣстья или вотчины крестьянина на волю и отпускную ему дастъ, а потомъ то помѣстье или та вотчина даны будутъ кому другому, и новый помѣщикъ или вотчинникъ будетъ бить челомъ, что тотъ крестьянинъ отпущенъ „не дѣломъ", и чтобы того крестьянина вернуть ему; въ такомъ случаѣ, постановляетъ Уложеніе, „который крестьянинъ отпущенъ изъ вотчины съ отпускною, и того крестьянина новому вотчиннику не отдавати; „а будетъ которой крестьянинъ отпущенъ будетъ изъ помѣстья,

и того крестьянина отдати по писцовымъ книгамъ новому помѣщику, потому что изъ помѣстей помѣщикомъ крестьянъ на волю отпускати не указано“ (XV, 3). Отсюда ясно, что Уложеніе ничего не имѣетъ противъ отпуска крестьянъ на волю изъ вотчинъ, но не допускаетъ такого отпуска изъ помѣстій опять по чисто фискальнымъ соображеніямъ, чтобы отпускомъ крестьянъ временные владѣльцы помѣстій „не пустошили“ ихъ.

Всѣ приведенныя указныя правила не знаютъ никакого прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, но исходятъ гораздо больше изъ предположенія о личной крѣпостной зависимости крестьянъ отъ ихъ владѣльцевъ. Эта точка зрѣнія въ указной практикѣ сказалась не безъ достаточныхъ основаній. Ея корни надо искать въ практикѣ бытовой, а послѣдняя въ свою очередь вырабатывалась подъ вліяніемъ тѣхъ отношеній, какія складывались между землевладѣльцами и крестьянами въ теченіе XVI в. Выше было указано, что выходъ (или вывозъ) крестьянъ обусловленъ былъ по Судебникамъ отказомъ въ опредѣленный срокъ. Недостаточно было заявить объ отказѣ; нужно было, чтобы онъ былъ принятъ землевладѣльцемъ. Только при соблюденіи этого послѣдняго условія уходъ (вывозъ) крестьянина считался вполнѣ правильнымъ и не могъ возбудить никакихъ споровъ о томъ, не нарушены ли правила перехода, и не являлся ли вышедшій (вывезенный) крестьянинъ бѣглымъ. При возрастающей хозяйственной зависимости крестьянъ отъ землевладѣльцевъ, послѣдніе пріобрѣтали все большую возможность отклонить отказъ подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ. Пріемъ отказа все болѣе и болѣе зависѣлъ отъ усмотрѣнія землевладѣльца и естественно превратился къ концу вѣка въ „отпускъ“ крестьянина даже въ представленіи самого правительства. Одна такая санкція владѣльческаго усмотрѣнія при „христіанскомъ отказѣ“ создавала весьма благопріятную почву для различныхъ соглашеній между землевладѣльцами по поводу проживающихъ за ними крестьянъ. Запутанные споры о бѣглыхъ крестьянахъ давали весьма обильную пищу для подобныхъ соглашеній. Такъ подготовлена была удобная почва для возникновенія разнообразныхъ сдѣлокъ на крестьянъ безъ земли. Такія сдѣлки успѣли уже оформиться и получить оффиціальную санкцію еще въ концѣ XVI в. Отъ 1598 г. сохранилась ми-

ровая запись старца Гурія, строителя Голутвина монастыря, съ подьячимъ Пятымъ Григорьевымъ по предъявленному иску о возвращеніи подьячимъ монастырю монастырскихъ крестьянъ. Старецъ Гурій „въ тѣхъ крестьянѣхъ, не дожидаясь сказки по судному дѣлу, съ подьячимъ помирился полюбовно“: взялъ въ монастырскую вотчину четырехъ крестьянъ, „Данила Михайлова роздѣля съ его зятемъ съ Ѳедкою Степановымъ животы ихъ по половинамъ“, а подьячему „по сыску поступился“ двумя крестьнами и обязался на подьячаго „въ тѣхъ крестьянѣхъ не бити челомъ и впередъ тѣхъ крестьянъ не искати“. Изъ мировой записи не видно тѣхъ основаній, въ силу которыхъ стороны рѣшили прекратить процессъ. Но значеніе сдѣлки объ уступкѣ крестьянъ отъ того не умаляется. Гораздо больше подобнаго рода сдѣлокъ сохранилось отъ первой половины XVII в. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились чрезвычайно интересныя указанія и на главныя условія такихъ поступныхъ или сдѣлочныхъ записей на бѣглыхъ крестьянъ. Напр., въ 1620 г. помѣщикъ Писаревъ билъ челомъ на властей Троицкаго Сергіева монастыря о двухъ своихъ крестьянахъ, бѣжавшихъ изъ помѣстной его деревни въ монастырскую вотчину. Но, не ходя въ судъ, Писаревъ помирился съ монастырскимъ стряпчимъ, уступивъ своихъ крестьянъ „въ домъ Живоначальные Троицы зъ женами и съ дѣтьми и со всѣми ихъ крестьянскими животы во вѣки“, и при этомъ обязался за себя, свою жену, дѣтей и свой родъ впредь „въ тѣхъ крестьянѣхъ не бити челомъ, потому что я Дорофей (Писаревъ) за тѣхъ крестьянъ у троецкихъ властей взялъ 50 рублевъ денегъ“. Значитъ, Писаревъ не даромъ уступилъ своихъ крестьянъ монастырю; за каждую крестьянскую семью онъ получилъ по 25 р., т. е. продалъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ. Любопытно, что крестьяне были не вотчинные, а помѣстные, и запись не названа купчею, да и самое упоминаніе въ ней о полученныхъ за крестьянъ деньгахъ проскользнуло въ запись для подкрѣпленія обязательства не искать впредь крестьянъ. Въ поступной записи 1632 г. есаула Бѣльскаго сказано, что онъ поступился Троицкому Сергіеву монастырю вотчиннымъ своимъ крестьяниномъ съ женою и дѣтьми, потому что „тово моево крестьянина Гришку взяла бѣдность, и

была жена ево въ закладѣ у стародубца у Родивона Гринева, и онъ строитель старецъ Симонъ Азарьинъ жену ево изъ закладу выкупилъ монастырскими казенными деньгами". На какихъ условіяхъ состоялась такая уступка, въ записи опять не сказано. А въ 1647 г. братья Протопоповы, поступившись своимъ вотчиннымъ крестьяниномъ помѣщику Веригину, откровенно признали, что отдали крестьянина „за долгъ безповоротно" и предоставили его перевезти съ семьей, „опроче животовъ, что мы ему Титку (крестьянину) давали въ подмогу". Въ другихъ случаяхъ уступка бѣглыхъ крестьянъ мотивировалась тѣмъ, „что тотъ крестьянинъ въ троецкой вотчинѣ застарѣлъ, изъ государевыхъ указныхъ лѣтъ вышелъ"; или что крестьяне „изъ урочныхъ лѣтъ вышли, и мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ, что они въ троецкой вотчинѣ давно". Но едва ли не въ большинствѣ такихъ поступныхъ записей вопросъ объ условіяхъ уступки крестьянъ обходится полнымъ молчаніемъ (Акты о тягл. насел., II, №№ 33, 42, 60; ср. еще №№ 44, 45, 50, 63, 71, 74; Бѣляевъ. Крестьяне, изд. 4, 168). Широкое распространеніе такого рода сдѣлокъ на крестьянъ засвидѣтельствовано Уложеніемъ, которое всѣ ихъ санкціонировало: „у которыхъ помѣщиковъ и у вотчинниковъ о бѣглыхъ крестьянѣхъ и бобыляхъ въ прошлыхъ годѣхъ, до сего государева указу, была полюбовная здѣлка, и по полюбовной здѣлкѣ кто кому своихъ крестьянъ поступился и записми укрѣпилися или челобитные мировые подали, и тѣмъ всѣмъ дѣламъ быти по тому, какъ тѣ дѣла вершены, а вновь тѣхъ дѣлъ не всчинати и не переговаривати" (XI, 8). Значитъ, эти сдѣлочныя записи могли быть признаны и документальнымъ подтвержденіемъ правъ на крестьянъ, о чемъ мелькомъ упоминаетъ и Уложеніе, говоря о крестьянахъ, написанныхъ за кѣмъ либо въ писцовыхъ или отдѣльныхъ книгахъ и въ выписяхъ „или въ иныхъ въ какихъ крѣпостяхъ" (XI, 15). А писцовые наказы 1664 и 1683 гг. уже опредѣленно указываютъ, когда „сдѣлочныя крѣпости" на крестьянъ должны имѣть даже преимущественное значеніе передъ писцовыми и переписными книгами, именно, когда владѣльцы, за которыми проживаютъ люди или крестьяне, „положатъ изъ приказовъ какую отдачу или по полюбовному съ кѣмъ договору вмѣсто бѣглаго

или убитаго человѣка или крестьянина взятую крѣпость или поступную запись", то тѣхъ людей или крестьянъ новымъ помѣщикамъ и вотчинникамъ по писцовымъ и переписнымъ книгамъ не отдавать, „а быть тѣмъ людемъ и крестьяномъ за тѣми помѣщики и вотчинники по сдѣлочнымъ крѣпостямъ" (П. С. З. №№ 364 и 998 пп. 29 и 46).

Такъ, признанная Уложеніемъ практика распоряженія личностью крестьянина была окончательно узаконена. Тѣмъ, конечно, открытѣе и безобразнѣе она становится. Владѣльцы мѣняютъ крестьянъ на крестьянъ и даже на людей, закладываютъ, дарятъ, продаютъ. Въ хозяйствѣ своемъ владѣльцы безконтрольно распоряжаются трудомъ своихъ крестьянъ, облагаютъ ихъ по усмотрѣнію сборами, а за ослушаніе своимъ распоряженіямъ подвергаютъ ихъ наказаніямъ включительно до битья нещадно кнутомъ. Судебная власть владѣльцевъ надъ населеніемъ ихъ вотчинъ имѣетъ весьма отдаленные корни въ жалованныхъ несудимыхъ грамотахъ. Отъ жалованныхъ льготныхъ грамотъ ведетъ свое начало и податная отвѣтственность землевладѣльцевъ за исправное отбываніе тягла проживающими за ними крестьянами. Такъ, мало по малу землевладѣлецъ становился между государственною властью и крестьяниномъ. Чѣмъ болѣе землевладѣлецъ заслонялъ собою крестьянина, тѣмъ шире разростался его произволъ надъ послѣднимъ. Правда, Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что землевладѣльцамъ предписывалось „крестьянъ своихъ отъ стороннихъ людей, отъ всякихъ обидъ и налогъ остерегаті и стояті, а податі съ нихъ иматі по силе, съ кого что мочно взяті, а не черезъ силу, чтобъ тѣмъ мужиковъ своихъ исъ помѣстей и изъ вотчинъ не розогнать і въ нищие не привесть, и насилствомъ у нихъ скота и животины никакой и хлѣба всякого и животовъ не имати". Далѣе онъ указываетъ, что если „помѣщикъ і вотчинникъ, не хотя за собой крестьянъ своихъ держати... учнетъ съ нихъ іматі поборы великие, не противъ силы, чѣмъ бы привести къ нуже и къ бѣдності", то у такихъ отбирались помѣстья и вотчины безденежно, а взятое съ крестьянъ „черезъ силу и грабежемъ" возвращалось потерпѣвшимъ, имѣнья же раздава-

лись „не такимъ разорителямъ“ (О Россіи, изд. 4, 141—142). Но борьба съ такими злоупотребленіями была не подъ силу московскому правительству, хотя бы оно желало съ ними бороться. Такое стремленіе законодателя станетъ вполнѣ естественнымъ и понятнымъ, если его сопоставить съ цѣлымъ рядомъ мѣръ, какими законодатель добивался болѣе мягкаго обращенія и съ холопами.

Постепенное приниженіе крестьянской личности въ области хозяйства и права неудержимо влекло крестьянина къ сближенію и къ слитію съ холопомъ. Смѣщеніе крестьянъ и холоповъ сначала въ практикѣ, въ области хозяйства, мало по малу находило отраженіе и въ указахъ. Во второй половинѣ XVII в. наступилъ моментъ, когда это направленіе практики бытовой и указной завершилось почти полнымъ юридическимъ сліяніемъ двухъ нѣкогда столь различныхъ группъ населенія: свободнаго крестьянства и холопства. Это произошло одновременно съ введеніемъ двороваго обложенія, когда значительная часть холопства включена была въ составъ тяглаго населенія (объ этомъ ниже).

В. Сергѣевичъ. Юр. др., I, 204—272; III, 448—468 и 486—594. *В.-Будановъ.* Обзоръ, 134—151; *Сперанскій.* Историческое обозрѣніе измѣненій въ правѣ поземельной собственности и въ состояніи крестьянъ, Арх. истор. и практ. свѣд. 1859, кн. 2; *Погодинъ.* Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права? Истор.-крит. отрывки, II, 199—274; *Костомаровъ.* Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права? Арх. истор. и практ. свѣд. 1859, кн. 2 и 3; и въ Собр. соч., куда статья вторая почему то не вошла; *Чичеринъ.* Холопы и крестьяне въ Россіи до XVI в. Опыты по истор. права; *Бѣляевъ.* Крестьяне на Руси, 1860; позднѣйшія изд. этого труда, не исключая и изд. 4, 1903, весьма небрежны; *Аксаковъ К.* О крестьянствѣ въ древней Россіи, Собр. соч., т. I; кн. *В. А. Черкасскій.* Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія до отмѣны Юрьева дня и Юрьевъ день, Русск. Архивъ, 1880, № 3; 1882, № 1; *I. Engelmann.* Die Leibeigenschaft in Russland, 1884; русск. пер. подъ ред. *А. Кизеветтера.* Исторія крѣпостного права въ Россіи, 1900; *В. Ключевскій.* Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи, Русск. Мысль, 1885, авг. и окт.; *В. Сергѣевичъ.* Вольные и невольные слуги московскихъ государей. Наблюдатель, 1887, № 1,

стр. 63—76; *А. Лаппо-Данилевскій.* Организація прямого обложенія, 1890, 76—112 и 132—179; *П. Милюковъ.* Крестьяне въ Энцик. слов., 1895; *М. Дьяконовъ.* Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія, Ж. М. Н. Пр. 1893, № 6; Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ, 1898; „Заповѣдныя лѣта" и „старина", Сб. статей по исторіи права, посвященный В.-Буданову, 1904; *А. Лаппо-Данилевскій.* Разысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Московскомъ государствѣ, 1900, въ Отчетѣ о XLI присужденіи наградъ гр. Уварова; Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи, Крестьян. сборн., 1905; *Н. Н. Дебольскій.* Къ вопросу о прикрѣпленіи владѣльческихъ крестьянъ, Ж. М. Н. Пр. 1895, № 11; Гражданская дѣеспособность по русскому праву до конца XVII в., 1903. Акты о тягломъ населеніи, вып. I, крестьянскія порядныя, 1895.

Несвободное населеніе.

Въ теченіе московскаго періода институтъ холопства претерпѣлъ рядъ существенныхъ перемѣнъ. Прежде всего, наряду со старымъ типомъ холопства полнаго, появляется новая форма холопства кабальнаго, постепенно вытѣснявшая первую. Затѣмъ, общая масса несвободнаго населенія разныхъ типовъ, сначала фактически, а потомъ юридически, начинаетъ сближаться съ крестьянами, постепенно утрачивавшими свою гражданскую свободу, и, наконецъ, почти вполнѣ сливается съ ними. Ко всему этому слѣдуетъ еще присоединить все болѣе и болѣе строгую регистрацію правъ на холоповъ.

Источники обельнаго холопства въ этомъ періодѣ мало по малу съуживаются. Такъ, 1) плѣнъ уже не играетъ прежней роли, какъ въ виду постепеннаго объединенія Московскаго государства, такъ и потому, что плѣнниковъ обыкновенно выкупали и даже взаимно выдавали безъ выкупа. Остались только плѣнники отъ международныхъ войнъ по западной, южной и восточной границамъ. Но и относительно ихъ состоялся указъ 1556 г., по которому полонянникъ оставался холопомъ до смерти господина, „а дѣтемъ его не холопъ". Такимъ образомъ плѣнъ становился источникомъ лишь временнаго холопства. Хотя Уложеніе не удержало этого пра-

вила, но относительно холопства плѣнниковъ (литовскаго полону) ввело нѣкоторые ограниченія (XX, 61 и 69). 2) Холопство изъ преступленія совсѣмъ не существуетъ по московскому праву, т. к. всѣ важныя преступленія обложены уголовными наказаніями. 3) Правило о послѣдствіяхъ торговой несостоятельности изъ Р. Правды цѣликомъ заимствовано въ Судебникъ 1-й: задолжавшіе по своей винѣ торговцы отдавались кредиторамъ „въ гибели головою на продажу" (ст. 55), т. е. въ полное рабство (Ср. А. Юшк. № 30: судья въ 1483—1500 г. обвинилъ и выдалъ отвѣтчика „въ польницу обѣль"). Но уже сначала XVI в. въ этой практикѣ наблюдается смягченіе, закрѣпленное Судебникомъ 2-мъ: несостоятельный должникъ выдавался кредитору не на продажу, а „исцу головою до искупа" (ст. 90), т. е. до отработки долга. Въ Уложеніи (X, 266) опредѣлена и норма заработной платы, какая зачиталась въ уплату долга отданныхъ головою до искупа должниковъ: работа взрослаго мужчины цѣнилась въ 5 руб. за годъ, женщины—въ половину. 4) Въ полной силѣ въ теченіе всего періода сохранило значеніе источника полнаго холопства рожденіе отъ холоповъ. Такіе холопы назывались старинными.

Что касается возникновенія холопства по доброй волѣ поступающихъ, то 1) продажа самого себя и родителями дѣтей признается всецѣло Судебникомъ 2-мъ; въ немъ сказано, что холопъ не можетъ продать своего свободнаго сына, „которой ся родилъ у него до холопства; а продастъся онъ самъ, кому хочетъ, тому жъ ли государю, у кого отецъ его служитъ, или иному кому хочетъ". Подобное же правило установлено и относительно чернцовъ (ст. 76). Далѣе Судебникъ 2-й предоставляетъ крестьянину съ пашни продаваться въ полные холопы даже безъ соблюденія правилъ о крестьянскомъ выходѣ: „которой крестьянинъ съ пашни продастъся кому въ полную въ холопи, и онъ выйдетъ безсрочно, и пожилого съ него нѣтъ" (ст. 88). Однако, эта самопродажа въ холопство свободныхъ людей запрещена служилымъ людямъ и ихъ дѣтямъ: „дѣтей боярскихъ служивыхъ и ихъ дѣтей, которые не служивали, въ холопи не пріимати никому, опричь тѣхъ, которыхъ государь отъ службы отставитъ" (ст. 81). Такое

ограниченіе установлено исключительно въ интересахъ государственной службы, а отнюдь не въ огражденіе свободы. Послѣ Судебника появились и новыя ограниченія. Такъ, по указу 1560 г. несостоятельныхъ „заимщиковъ“ велѣлъ государь „исцомъ выдавати въ искѣхъ головою до искупа; а въ полные и въ докладные тѣмъ отвѣтчикомъ исцомъ своимъ не продаватись“. Здѣсь несостоятельные должники ограждались отъ обращенія ихъ въ полное холопство. Судебникъ 2-й уже установилъ отдачу ихъ кредиторамъ головой до искупа. Но повидимому практика успѣла выработать обходъ этого правила подъ видомъ добровольной продажи себя „въ полницу“ несостоятельными должниками. Указъ 1560 г. запретилъ такой обходъ (В.-Будановъ, Христоматія, III, изд. 3, 26—27). Указомъ 1597 г. предписано кабальныхъ людей, которые „учнутъ на себя полные и докладные давати“, отсылати „съ памятми и съ кабалами“ къ постельничему и къ намѣстнику трети Московскія (тамъ же, 92). Здѣсь подъ особый контроль поставленъ переходъ изъ кабальнаго холопства въ полное. Въ Уложеніи, во всѣхъ случаяхъ поступленія въ холопство, подразумѣвается холопство кабальное, а не полное; по одному частному поводу приведена даже ссылка на государевъ указъ, въ силу котораго „крещеныхъ людей никому продавати не велѣно“ (XX, 97). Едва ли, однако, этотъ указъ имѣлъ широкое примѣненіе, т. к. Уложеніе въ другомъ случаѣ разрѣшаетъ въ приданое давать, въ духовныхъ, въ данныхъ и въ рядныхъ писать „полныхъ и докладныхъ и *купленыхъ* и полонениковъ иныхъ земель“ (XX, 61). Можно, однако, думать, что подъ куплеными здѣсь разумѣлись перепроданные полные холопы. 2) Поступленіе на службу тіуномъ или ключникомъ удержано въ числѣ источниковъ полнаго холопства по обоимъ Судебникамъ, но съ нѣкоторыми отступленіями отъ Р. Правды. Въ Судебникахъ вовсе не упомянуто, что особымъ договоромъ можно было оградить свободу при поступленіи въ тіуны, а по Судебнику 2-му тіунство безъ полной или докладной грамоты и вообще не влекло за собой холопства. Холопство по городскому ключу совершенно уничтожено; осталось только холопство по сельскому ключу, при чемъ это послѣднее возникало по Судебнику 1-му „съ докладомъ и безъ докладу“

(ст. 66), а по Судебнику 2-му только по докладу: „по ключу по селскому съ докладною холопъ“ (ст. 76). Наконецъ, прибавлена оговорка о дѣтяхъ, изъ которыхъ слѣдовали въ холопство за родителями только тѣ, которыя были записаны съ ними въ одной грамотѣ или породились въ холопствѣ. Однако, кабальная служба постепенно вытѣсняла и эти формы поступленія на службу полныхъ и докладныхъ холоповъ. 3) Наконецъ, правило Р. Правды о холопствѣ вслѣдствіе женитьбы „на робѣ безъ ряду“ формулировано Судебниками и Уложеніемъ въ категорической формѣ: „по робѣ холопъ, по холопѣ роба“ (Ул., XX, 31, 60, 97). Отъ этого строгаго правила въ Уложеніи сдѣлано было и существенное отступленіе: бѣглыя посадскія и крестьянскія дѣвки или вдовы, вышедшія въ бѣгахъ за чьихъ либо холоповъ, отдавались съ мужьями и съ дѣтьми въ посадъ или владѣльцамъ; но бѣглые холопы, женившіеся въ бѣгахъ на посадскихъ дѣвкахъ или вдовахъ, не зачислялись въ посадъ, а отдавались прежнимъ господамъ съ женами и дѣтьми (XIX, 37 и 38; XI, 17 и 18). Согласно этимъ правиламъ, состояніе супруговъ опредѣлялось состояніемъ бѣглаго. Помимо этого указнаго ограниченія правила „по робѣ холопъ, по холопѣ роба“, и практика допускала отступленія отъ него по особымъ условіямъ.

Вмѣстѣ съ указанными видоизмѣненіями въ источникахъ холопства московское право выработало и болѣе точныя формы укрѣпленія правъ на холоповъ. Съ развитіемъ грамотности стали составлять на поступающихъ въ холопство записи. Еще до Судебника 1-го на продающихся въ холопство писали полныя грамоты (отъ выраженія: „купилъ въ полницу“), при участіи намѣстниковъ и дьяковъ, передъ которыми „ставили“ продающихся. Это предъявленіе властямъ продающихся въ холопство для удостовѣренія въ правильности сдѣлки стало называться „докладомъ“, а грамоты на холопство „докладными“. По имени записей и холоповъ называли полными и докладными. Хотя ни по способу возникновенія, ни по существу нельзя провести разницу между этими видами холопства, однако, въ Судебникѣ и въ Уложеніи эти наименованія сохранились. По названію сдѣлокъ (рядныхъ, духовныхъ завѣщаній, купчихъ), которыми передавались другимъ лицамъ

права надъ холопами, холоповъ называли такъ же: придаными, духовными, куплеными. Въ Судебникахъ опредѣлена и компетенція областныхъ правителей по дѣламъ о холопствѣ. По Судебнику 1-му только намѣстники съ боярскимъ судомъ могли выдавать правыя и бѣглыя на холоповъ; но отпускная, подписанная собственноручно рабовладѣльцемъ, имѣла силу и безъ доклада намѣстнику. По Судебнику 2-му намѣстники съ боярскимъ судомъ имѣли право выдавать лишь полныя и докладныя: правыя же и бѣглыя выдавались ими только съ доклада въ Москву; отпускныя же грамоты выдавались лишь въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ, и безъ доклада, хотя бы собственноручно подписанныя господами, значенія не имѣли. Съ половины XVI в. упоминаются и записныя книги, въ которыя должны были вноситься крѣпости на холоповъ; но обязательное значеніе такая практика получила лишь въ концѣ вѣка.

Самымъ важнымъ явленіемъ въ исторіи холопства въ московскомъ періодѣ надо признать возникновеніе новаго типа несвободы подъ именемъ **кабальнаго холопства**. Впервые о кабальныхъ людяхъ упоминаютъ духовныя завѣщанія удѣльныхъ князей Андрея Васильевича Меньшого 1481 г. и Димитрія Ивановича Жилки 1509 г. По этимъ завѣщаніямъ кабальные люди наряду съ полными людьми отпускаются „на слободу“ (С. Г. Г., I, стр. 272 и 410). Духовныя болѣе позднія все чаще и чаще упоминаютъ о кабальныхъ людяхъ и вскрываютъ характеръ ихъ зависимости отъ завѣщателей. Такъ, въ духовной 1526 г. Даніила Мордвинова сказано, что у него былъ „Григорьевской человѣкъ Митка Папинъ въ полутретье рублѣ по кабалѣ, и тотъ Митка з женою и з дѣтми на слободу... а кабалу ему выдати, а денегъ не правити“. Въ 1534 г. кн. Ногтевъ распорядился въ духовной: „А что мое люди по кабаламъ серебряники и по полнымъ и по докладнымъ грамотамъ холопи, и тѣ всѣ люди по моей душѣ на слободу, а приказщики мое тѣмъ моимъ людемъ полнымъ и докладнымъ отпускные грамоты подаютъ, а кабалнымъ людемъ кабалы выдадутъ“ (Сб. Тр.-Серг. мон. № 532, л. 725; Сборн. Хилкова, стр. 153; ср. Сб. актовъ Лихачева, стр. 20, 27 и др.). Отсюда ясно, что кабальные люди должники

своихъ господъ, живутъ во дворахъ этихъ господъ и отпускаются „на слободу“ въ томъ смыслѣ, что имъ прощались долги и выдавались безденежно „кабалы“. Послѣдній терминъ, слово „кобала“, въ смыслѣ заемной росписки или долгового обязательства упоминается въ нашихъ письменныхъ памятникахъ со второй половины XIV и начала XV вв. Этотъ арабскій терминъ заимствованъ въ нашъ языкъ у татаръ, у которыхъ тоже обозначалъ заемную росписку. Обыкновенно должники на занятыя деньги платили рѣзы или ростъ, т. е. проценты. Но наряду съ этимъ установился обычай вмѣсто уплаты роста кредитору работать на него въ его дворѣ. Такое отношеніе должника къ кредитору устанавливалось особымъ документомъ, т. наз. „служилой кабалой“. Сохранившіеся образцы служилыхъ кабалъ XVI в. (самое раннее указаніе относится къ 1533 г., Зап. кн. крѣпостн. актамъ, № 558, въ Р. И. Б., т. XVII) содержатъ обязательство заемщиковъ „за ростъ служити во дворѣ у государя по вся дни“. Напр., въ 1596 г. нѣкто Осипъ Юрьевъ съ своими дѣтьми, „заняли есмя у человѣка Вас. Вас. Ржевскаго государя его серебра 8 рублевъ денегъ московскихъ ходячихъ на годъ; а за ростъ намъ у государя его служити во дворѣ, по вся дни; а полягутъ денги по сроцѣ, и намъ у государя его служити потому жъ по вся дни во дворѣ; а кой насъ заимщикъ въ лицѣхъ, на томъ денги и служба“ (Ак. Юр., № 252). Такое обязательство заемщика создавало для него совершенно безвыходное состояніе зависимости отъ кредитора. Если весь его трудъ (служба по вся дни) шелъ на уплату только процентовъ, то уплатить долгъ представлялось совершенно невозможнымъ; новый же заемъ для уплаты стараго долга велъ лишь къ перемѣнѣ кредитора, но не мѣнялъ положенія должника. Отсюда ясно значеніе выраженій—„попасть въ кабалу“, „выбиться изъ кабалы“, указывающихъ на трудность положенія закабаленнаго. Надо думать, оно было пожизненнымъ. Только милость господина, какъ видно изъ вышеприведенныхъ духовныхъ, возвращала свободу кабальнымъ людямъ. Безъ этой милости они послѣ смерти господина передавались по наслѣдству. Кн. Никита Ростовскій по духовной 1548 г. пожаловалъ свою княгиню „своими людми кабалными. . . и тѣмъ людемъ жити

у княгини послѣ княжого живота 5 лѣтъ, а отживутъ 5 лѣтъ, и княгиня ихъ отпуститъ на слободу, по княжой душѣ безденежно“ (А. Ю. № 420). Юридически же кабальная зависимость могла быть прекращена въ любой моментъ уплатой долга. Это право выкупа составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ кабальной зависимости въ отличіе отъ холопства.

При какихъ же условіяхъ возникла и развилась кабальная зависимость? Въ исторической литературѣ намѣчено нѣсколько отвѣтовъ на этотъ вопросъ, хотя за отсутствіемъ надлежащихъ данныхъ эти отвѣты являются до настоящаго времени пока еще не достаточно подкрѣпленными догадками. Нѣкоторые изслѣдователи усматривали преемственную связь между кабальными людьми съ одной стороны и закупами и закладнями съ другой (Чичеринъ, отчасти Ключевскій). Но юридическая природа закупничества является спорной (ср. выше, стр., 100—101), итолько проф. В.-Будановъ не сомнѣвается въ полной близости закупа и кабальнаго холопа („Заемъ въ древнее время обезпечивался личнымъ закладомъ. Такимъ образомъ и устанавливалось временное холопство, именуемое въ древній періодъ закупничествомъ, а въ Московскомъ государствѣ — служилою кабалою“; и еще: „статьи о закупничествѣ Р. Правды какъ разъ соотвѣтствуютъ понятію кабалы“. Обзоръ, 406 и 666). Новѣйшая литература о закладняхъ, закладникахъ и закладчикахъ проводитъ существенную разницу между ними и кабальными людьми (Н. Павловъ-Сильванскій. Закладничество-патронатъ, 1897; В. Сергѣевичъ. Закладничество въ древней Руси, Ж. М. Н. Пр. 1901, № 9, и Юр. Др., I, изд. 2, 280—308; Н. Павловъ-Сильванскій. Новое объясненіе закладничества, Ж. М. Н. Пр., 1901, № 10). Другіе изслѣдователи отмѣчали нѣкоторое сходство въ положеніи кабальныхъ людей, иногда называемыхъ „серебрениками“, съ задолжавшими крестьянами-серебрениками (выше, стр. 317; Бѣляевъ, Крестьяне, изд. 4, 36—37; ранѣе В.-Будановъ. Обзоръ, изд. 2, 137). Но эта аналогія скорѣе могла бы объяснить нѣкоторыя черты въ исторіи крестьянскаго крѣпостного права, а не самое происхожденіе кабальной зависимости. Наконецъ, высказано неопредѣленное мнѣніе, что кабальная зависимость возникала „въ силу житейской практики“, безъ вся-

кой попытки ближе опредѣлить эту практику, и что „появленіе въ нашей практикѣ заемныхъ росписокъ кабалъ никакъ не можетъ быть старѣе конца XIII в.“ (Сергѣевичъ).

Древнее наше право, и помимо закупничества, знало и допускало смягченные виды неволи. Поступленіе въ тіуны и ключники влекло полное холопство для поступающихъ, если не сопровождалось рядомъ; по ряду же можно было и ограничить размѣръ несвободы, хотя такіе случаи по памятникамъ и неизвѣстны. Затѣмъ, „вдачъ“ долженъ былъ работать за полученную милость только годъ (выше, стр. 105). Наконецъ, церковь содѣйствовала разными способами освобожденію холоповъ, между прочимъ и обезпеченіемъ имъ возможности „искупиться отъ работы“ или „выкупиться на свободу“ (выше, стр. 114). Такое право выкупа изъ неволи, какъ замѣчено проф. Ключевскимъ, превращало продажу въ холопство въ долговое обязательство, прекращаемое уплатой долга. А это одна изъ чертъ кабальной неволи. Другая ея черта — служба за ростъ—отмѣчена лѣтописью уже въ самомъ началѣ второй половины XIII в. Разсказывая о возстаніи противъ татаръ во многихъ городахъ въ 1262 г., лѣтописецъ объясняетъ это тѣмъ, что „оканьнии бесурмене“ откупали у татаръ даньи, причиняли людямъ великую пагубу, „роботяще рѣзы, и многы души крестьяньскыя раздно ведоша“ (Лавр., 452; П. С. Л., V, 190: „работающе люди христіяньскыя въ рѣзѣхъ, и мнози души разведени быша“; VII, 163: „работяще люди христіаньскіа въ рѣзѣхъ“; въ Никоновской лѣт. это событіе передано такъ, что дани у татаръ откупали „богатыя и корыстоваахуся сами, и мнози люди убозіи въ ростѣхъ работаху“. Тамъ же, X, 143). Значитъ, неисправные плательщики даней, за отсрочку въ платежѣ дани, порабощались въ процентахъ, т. е. должны были работать за проценты бесерменамъ при ихъ хозяйствахъ, чѣмъ и объясняется указаніе лѣтописи, что многіе были разведены. Было бы, однако, рискованно утверждать, что одновременно съ этимъ или вскорѣ послѣ этого создался и извѣстный московскій типъ служилой кабалы. По крайней мѣрѣ еще въ началѣ XVI в. былъ извѣстенъ рязанскій типъ кабалы, не тождественный съ московскимъ, хотя и близкій ему. Всѣ сохранившіяся рязанскія кабалы представлены были

къ докладу, почему и назывались еще докладными. Форма ихъ одинакова: „Доложа в. кн. Ивана Ивановича боярина Кобякова, се язъ такой то занелъ есми, господине, у такого то столько то (отъ 2 до 10) рублевъ денегъ на годъ. А за ростъ мнѣ у него работать; а не похочю у него работать до сроку, и мнѣ ему дати денги его всѣ и съ ростомъ по росчету, какъ даютъ, на пять шестой. А полягутъ денги по сроцѣ, и мнѣ у него за ростъ работать по тому жъ; а не отниматися мнѣ у него отъ сея кабалы ни полѣтною, ни изустною". Въ нѣкоторыхъ содержится и любопытное указаніе на то, для какой цѣли занимались деньги: „и тѣ есми денги платилъ старому своему государю". (Акты Юшкова, №№ 78, 93, 94, 98, 102, 106—108 за 1510—1519 гг.). Въ этихъ докладныхъ кабалахъ стоитъ обязательство за ростъ работать у кредитора вмѣсто обязательства служить за ростъ по вся дни во дворѣ, а кромѣ того помѣщено указаніе, не встрѣчающееся въ служилыхъ кабалахъ, объ обязательствѣ вернуть деньги съ ростомъ, если кабальный не захотѣлъ бы работать на кредитора. Такъ какъ рязанскія докладныя кабалы хронологически старше извѣстныхъ московскихъ, то можно думать, что первыя послужили образцомъ для вторыхъ.

Указы довольно долго молчатъ о кабальной зависимости. Впервые Судебникъ 2-й упоминаетъ о служилыхъ кабалахъ: „А которые люди волные учнутъ бити челомъ княземъ и бояромъ, и дѣтемъ боярскимъ, и всякимъ людемъ, а станутъ на собя давати кабалы за ростъ служити: и болѣ пятинадцати рублевъ на серебряника кабалы не имати" (ст. 78). Старыя кабалы, писанныя на большія суммы, Судебникъ оставляетъ въ силѣ. Но что же значитъ это ограниченіе въ суммѣ займа по кабалѣ? Проф. В.-Будановъ видитъ въ этомъ несомнѣнное доказательство фикціи займа по служилой кабалѣ: „если это долгъ, то какъ могъ законъ предписать, чтобы заемъ не простирался выше 15 рублей?" Поэтому онъ утверждаетъ „что въ дѣйствительности дающій на себя кабалу могъ не получить ни полушки; онъ бьетъ челомъ на службу къ боярину, но не въ вѣчное холопство". Но Судебникъ говоритъ, что вольные люди бьютъ челомъ не просто „служити", а „за ростъ служити"; ростъ же предполагаетъ заемъ. Однако, проф. В.-Бу-

дановъ указываетъ, что Судебникъ запретилъ службу за ростъ въ ст. 82, гдѣ сказано: „А кто займетъ сколко денегъ въ ростъ, и тѣмъ людемъ у нихъ не служити ни у кого, жити имъ о себѣ; а на денги имъ ростъ давати“. По мнѣнію В.-Буданова, „здѣсь очевидное противорѣчіе понятію о служилой кабалѣ, какъ службѣ за ростъ кредитору“. Онъ думаетъ выйти изъ этого противорѣчія, относя ст. 82 къ договору займа, а ст. 78 къ договору личнаго найма, и принимая фикцію займа по служилой кабалѣ. Едва ли, однако, нужны такія натяжки для объясненія приведенныхъ статей Судебника 2-го. Въ разсматриваемый періодъ займы заключались на разныхъ условіяхъ: были займы безъ роста (противъ рѣзоиманія особенно вооружалась церковь; Стоглавый соборъ постановилъ давать крестьянамъ деньги безъ роста, а хлѣбъ безъ насну) и съ ростомъ. Ростъ уплачивался или деньгами, или натурой (наспомъ), или, наконецъ, дѣломъ, работой, службой. Сохранившіяся заемныя кабалы всегда предусматриваютъ обычный размѣръ роста (выше, стр. 333 и слѣд.): по служилымъ же кабаламъ ростъ уплачивался службой. Ст. 82 Суд. относится къ заемной кабалѣ, ст. 78 къ служилой; обѣ статьи относятся къ договору займа, но заключенному на разныхъ условіяхъ. О договорѣ личнаго найма Судебникъ говоритъ въ ст. 83 и называетъ поступающихъ по этому договору наймитами, а не кабальными людьми. Если въ началѣ ст. 78 о займѣ прямо не упомянуто, а только косвенно („служити за ростъ“), то это надо объяснить случайностью принятой редакціи. Далѣе въ текстѣ той-же статьи прямо указано, что поступающимъ въ кабальную службу давались деньги: „кто возметъ на полнаго холопа кабалу, не опытавъ, и у того денги пропали.“ Въ другихъ случаяхъ оффиціальные памятники совершенно ясно говорятъ о займѣ при поступленіи въ кабальную зависимость. Такъ, указъ 1558 г., предписавшій уничтожить служилыя кабалы, выданныя на себя дѣтьми боярскими, не достигшими 15-лѣтняго возраста, начинается указаніемъ: „которые люди учнутъ у кого займовати денги и кабалы учнуть на себя давати за ростъ служити“. (Христом., вып. 3, 20—21). Формуляръ служилой кабалы вполнѣ подтверждаетъ происхожденіе кабальной зависимости изъ займа.

Но что же значитъ предписаніе Судебника, чтобы заемъ по служилой кабалѣ не превышалъ 15 руб.? У кабальнаго человѣка было право выкупиться изъ кабалы, уплативъ числящійся за нимъ долгъ. Осуществить это право безъ посторонней помощи кабальный не имѣлъ возможности. А заемъ для уплаты долга по кабалѣ, какъ это подтверждается рязанскими докладными кабалами, велъ только къ перемѣнѣ „государя". Право выкупа кабальнаго сводилось такимъ образомъ къ перемѣнѣ господина. Но и эта возможность умалялась съ повышеніемъ суммы долга. Надо думать, находились кредиторы, которые эту сумму намѣренно повышали противъ дѣйствительнаго займа, чтобы затруднить кабальному возможность даже перемѣнить господина. При такихъ условіяхъ право выкупа совершенно устранялось, и временная зависимость склонялась къ полной неволѣ. Для устраненія такихъ злоупотребленій Судебникъ въ ст. 78 и ограничилъ размѣръ займа по кабалѣ.

Ст. 82 имѣетъ тѣсную связь съ ст. 78. Въ первой изъ нихъ постановлено по заемной кабалѣ платить ростъ деньгами, а не службой во дворѣ, почему и предписано „жити о себѣ", а не у кредитора. Очевидно, что кредиторы принуждали должниковъ, неисправно уплачивавшихъ проценты, отработывать проценты службой во дворѣ. Если по рязанской докладной кабалѣ допускалось превращать обязательство работать за ростъ, если должникъ не захочетъ работать, въ обязательство уплатить деньги и съ ростомъ, т. е. въ простую заемную кабалу, то почему нельзя было, наоборотъ, превратить заемную кабалу въ служилую при извѣстныхъ условіяхъ? Практикъ обыватель, комментируя и дополняя Судебникъ 2-й, передалъ ст. 82 въ краскахъ окружавшей его дѣйствительности: „А кто казаку дастъ денег взаимы в ростъ, да того чл҃ка станетъ держати у собя силно, а будет до него недобръ, и казак тотъ, не мога терпити, отъ него покрадъчи збежит", то кредиторъ лишался денегъ по кабалѣ (Суд. Ѳед. Ив., ст. 147). Судебникъ 2-й запретилъ такое превращеніе заемной кабалы въ служилую подъ угрозою лишенія данныхъ по заемной кабалѣ денегъ. Это было необходимо сдѣлать, такъ какъ иначе правило ст. 78-й превратилось бы въ мертвую букву. Дѣйствительно, какое практическое значеніе могло

имѣть установленіе maximum'а займа по служилой кабалѣ, если бы оставалась возможность заемную кабалу, размѣръ займа по которой не ограниченъ, превратить въ служилую? (Въ рецензіи на „Обзоръ“ проф. В.-Буданова изложенная мысль формулирована кратко: „предѣлъ займа по служилой кабалѣ установленъ для обезпеченія возможности выкупа кабальному по суммѣ, обозначенной въ кабалѣ, и для устраненія возможности превращать службу за ростъ въ полное холопство. Но чтобы обезпечить примѣненіе этихъ правилъ въ интересахъ кабальныхъ, законодатель установилъ правило, изложенное въ ст. 82. Таково соотношеніе этихъ двухъ статей (78 и 82).“ Авторъ „Обзора“ на это замѣчаетъ: „т. е. для облегченія *выкупа изъ службы* запрещено *совсѣмъ поступать на службу?* Мы искренно желали и старались найти другой смыслъ въ объясненіи проф. Дьяконова, но не нашли“. Надо надѣяться, что вышеприведенное объясненіе не подастъ болѣе повода къ какимъ-либо дальнѣйшимъ недоразумѣніямъ).

Проф. Сергѣевичъ подчеркиваетъ, что „Судебникъ дозволяетъ давать на себя служилыя кабалы только вольнымъ людямъ; вольнымъ людямъ противополагаются здѣсь не рабы, а тяглые люди. Занявшій деньги по служилой кабалѣ долженъ жить въ домѣ кредитора и служить ему, а это не совмѣстимо съ тягломъ“. Едва ли это такъ. Если по Судебнику крестьянинъ съ пашни могъ продаться въ полные холопы, то почему онъ не могъ выдать на себя служилую кабалу? Интересы тягла страдали одинаково въ томъ и другомъ случаѣ. Правда, проф. Сергѣевичъ указываетъ, что запрещеніе крестьянамъ обязываться служилыми кабалами стоитъ въ связи съ особенностями древняго закладничества, но къ сожалѣнію не разъясняетъ своей мысли. Не думаетъ ли онъ, что при продажѣ въ полное холопство нельзя подозрѣвать симуляціи, а по служилой кабалѣ такая симуляція возможна? Но почему казнѣ легче было помириться съ утратой тяглеца, навсегда потерявшаго свободу, чѣмъ съ выходомъ изъ тягла человѣка, попадающаго во временную неволю? Самая мысль, что въ ст. 78 вольные противополагаются тяглымъ людямъ, а не рабамъ, едва ли правильна. „Исключать рабовъ, по мнѣнію проф. Сергѣевича, не было никакой надобности: что рабъ не могъ

поступить на службу другого господина, это было всѣмъ хорошо извѣстно". А составители Судебника были иного мнѣнія и въ ст. 78 записали: „А имати имъ кабалы на волныхъ людей, а на полныхъ людей, и на докладныхъ, и на старинныхъ холопей кабалъ не имати. А кто возметъ на полного, или на докладного, или на старинного холопа кабалу, не опытавъ... и у того денги пропали". Были, значитъ, опасенія, что запиской въ кабальную службу могъ быть причиненъ подрывъ старинному институту холопства, а потому и было предписано выдавать кабалы только на вольныхъ людей, а отнюдь не на холоповъ. На тяглыхъ же людей въ ст. 78 нѣтъ ни малѣйшаго намека.

Изъ указовъ, затронувшихъ вопросъ о служилой кабалѣ послѣ Судебника 2-го, слѣдуетъ отмѣтить указъ 1558 г., который, какъ уже упомянуто, предписалъ уничтожить служилыя кабалы, выданныя дѣтьми боярскими, недостигшими 15-лѣтняго возраста (это правило обобщено Уложеніемъ (XX, 20), запретившимъ писать кабалы на лицъ моложе 15 лѣтъ) и запретилъ давать судъ по кабаламъ „болши пятинадцати рублевъ" (Христоматія, в. 3-й, 20—22). Но существенныя измѣненія въ характеръ кабальной зависимости внесъ, повидимому, указъ 1 іюня 1586 г., который до насъ не дошелъ, но о которомъ упоминаетъ сохранившійся указъ 1 февр. 1597 г. Послѣдній ввелъ обязательную запись всякихъ крѣпостей на холоповъ, въ томъ числѣ и кабалъ, въ „холопьи крѣпостные людскіе книги", заведенныя въ Москвѣ и по городамъ. При перечисленіи служилыхъ кабалъ, указъ 1597 г. расчленяетъ ихъ на слѣдующія три группы: 1. „которые люди до государева царева и в. кн. Ѳеодора Ивановича уложенья, въ прошлыхъ годѣхъ, до лѣта 7094 году іюня до 1 числа, били челомъ въ службу бояромъ... и всякимъ служилымъ людемъ, и гостемъ и всякимъ торговымъ людемъ, и кабалы служилые на себя давали, а въ книги тогда, въ Приказѣ Холопья Суда, тѣ служилые кабалы не писаны" (это всѣ старыя служилыя кабалы, выданныя до 1586 г.); 2. „и которые люди съ государева царева и в. кн. Ѳеодора Ивановича уложенья, лѣта 7094 году іюня съ 1 числа, били челомъ въ службу бояромъ и княземъ... (и пр.) и кабалы служилые на себя давали, на

Москвѣ съ докладу Холопья Суда, и во всѣхъ городѣхъ съ вѣдома приказныхъ людей, и въ записныхъ въ московскихъ въ кабалныхъ книгахъ и въ городѣхъ тѣ служилые кабалы записываны до нынѣшняго государева новаго уложенія 105 году февраля по 1 число“ (это служилыя кабалы, выданныя по правиламъ указа 1586 г.); 3. „и которые люди впредь, съ лѣта 7105 году февраля съ 1 числа, били челомъ въ службу и впредь учнутъ бити челомъ въ службу (такимъ то лицамъ)... съ докладу Холопья Суда, и во всѣхъ городѣхъ съ вѣдома приказныхъ людей, и въ московскихъ въ записныхъ въ кабалныхъ книгахъ, и въ городѣхъ у приказныхъ, людей тѣ служилые кабалы будутъ записаны“ (это новыя служилыя кабалы, выданныя послѣ указа 1597 г.). Относительно всѣхъ трехъ категорій служилыхъ кабалъ указъ 1597 г. постановляетъ: „и тѣмъ всѣмъ людемъ, и женамъ и дѣтемъ, которые жены и дѣти въ тѣхъ служилыхъ кабалахъ писаны въ службу государемъ своимъ, по тѣмъ служилымъ кабаламъ, по старымъ (1-я категорія) и по новымъ (3-я категорія), быти въ холопствѣ, какъ и по докладнымъ (2-я категорія), а отъ государей своихъ имъ не отходити и денегъ по тѣмъ служилымъ кабаламъ у тѣхъ холопей не имати, и челобитья ихъ въ томъ не слушати по старымъ кабаламъ; а выдавать ихъ тѣмъ государемъ, по тѣмъ кабаламъ, въ службу до смерти“.

Изъ этого указа видно, что положеніе кабальныхъ людей существенно измѣнилось. Прежде всего они названы холопами, тогда какъ раньше назывались кабальными людьми, хотя нерѣдко разсматривались, какъ несвободные; далѣе, они лишены права выкупа на волю уплатою долга по кабалѣ („денегъ по служилымъ кабаламъ у холопей не имати“); затѣмъ, они должны служить своимъ господамъ до ихъ смерти, т. е. установлена пожизненность кабальнаго холопства, и, наконецъ, послѣ смерти своихъ господъ они подлежали отпуску на волю безденежно. Это послѣднее правило выражено въ указѣ 1597 г. такъ: „а женамъ послѣ мужей своихъ, и дѣтемъ послѣ отцовъ своихъ, до тѣхъ кабалныхъ записныхъ людей и до ихъ дѣтей, которые дѣти въ кабалахъ будутъ писаны, и которые дѣти въ томъ кабалномъ холопствѣ родятся, дѣла нѣтъ, и денегъ по тѣмъ отцовскимъ каба-

ламъ на тѣхъ кабалныхъ холопѣхъ женамъ и дѣтемъ (умершихъ господъ) не указывати". Но когда именно и подъ какими вліяніями произошли эти перемѣны,— объ этомъ высказаны различныя мнѣнія. Согласно одному, кабальное холопство сложилось по типу холопства докладного (на основаніи выраженія указа: „быти въ холопствѣ, какъ и по докладнымъ"; Ключевскій). Но особый типъ докладного холопства, отличный по существу, а не по формѣ происхожденія, отъ холопства полнаго, установить нельзя. Надо признать болѣе правильной догадку проф. Сергѣевича, что подъ докладнымъ холопствомъ въ указанномъ выраженіи надо понимать докладное кабальное холопство, установленное указомъ 1586 г., когда введенъ былъ докладъ и для служилыхъ кабалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ „тогда же произведено было и важное измѣненіе въ юридическомъ положеніи докладныхъ кабальныхъ людей"; по указу же 1597 г. новыя правила о докладныхъ кабальныхъ распространены на кабальныхъ людей по старымъ кабаламъ, писаннымъ до 1586 г., и на холоповъ по новымъ кабаламъ, писаннымъ съ 1 февр. 1597 г. Въ эту догадку необходимо, однако, внести одну поправку, а именно принять, что и указъ 1597 г. внесъ какія то дополненія или видоизмѣненія въ правила о докладныхъ кабальныхъ 1586 г., т. к. иначе не было бы никакой разницы между кабалами по указу 1586 г. и по указу 1597 г., между тѣмъ какъ послѣднія выдѣлены указомъ въ особую категорію. Но выдѣлить въ текстѣ указа 1597 г., какія правила о докладныхъ кабальныхъ созданы въ 1586 г., и какія установлены вновь въ 1597 г., пока представляется невозможнымъ. Проф. В.-Будановъ, наоборотъ, утверждаетъ, что указъ 1586 г. „установилъ только докладъ кабалъ у установленныхъ для того властей" и не внесъ никакихъ юридическихъ перемѣнъ въ положеніе кабальныхъ людей; послѣднее измѣнено исключительно по указу 1597 г. Но при такомъ толкованіи нельзя понять, зачѣмъ установлены три группы служилыхъ кабалъ, а главное, — что значитъ выраженіе указа 1597 г.: „по тѣмъ служилымъ кабаламъ, по старымъ и по новымъ, быти въ холопствѣ, какъ и по докладнымъ"?

Не трудно понять, подъ какими вліяніями установлена пожизненность кабальнаго холопства. Житейская практика и для нѣкоторыхъ разрядовъ полнаго холопства склонялась къ ихъ пожизненности. Отпускъ же „на слободу“ кабальныхъ людей былъ повидимому широко распространенъ. Указомъ только узаконенъ былъ установившійся обычай. Отмѣна же права выкупа кабальнаго состоялась въ интересахъ рабовладѣльцевъ, не желавшихъ допускать переманиванія кабальныхъ.

Указъ 1597 г. ввелъ и еще одну новость въ институтъ кабальнаго холопства. Наряду съ полнымъ холопствомъ и кабальной зависимостью прежняя практика знала еще добровольную службу безъ крѣпостей. Московское правительство отнеслось сначала къ этой практикѣ отрицательно и указомъ 1555 г. отказалось ограждать интересы господъ отъ возможныхъ посягательствъ добровольныхъ слугъ. Указомъ предписано: „которые люди учнутъ у кого служити доброволно, безъ крѣпостей, а пойдутъ отъ нихъ прочь съ отказомъ, или безъ отказу, и тѣ люди, у которыхъ они служили, учнутъ на нихъ искати сносовъ... и имъ суда не давати, потому что у него служилъ доброволно, и онъ его не хотя отъ себя отпустити, да на немъ ищетъ сносу; а что у него пропало, то у себя самъ потерялъ, того для, что доброволному человѣку вѣритъ и у себя его держитъ безъ крѣпости“. (Христ., в. III, 4—5). Но такое отрицательное отношеніе законодательства не уничтожило добровольной службы безъ крѣпостей. Указъ 1597 г. опять говоритъ о вольныхъ людяхъ, которые служатъ у кого добровольно, и предписываетъ такихъ подвергать допросу; если окажется, что вольные люди послужили недѣль 5—6 и не пожелаютъ дать на себя кабалы, такихъ отпускать на волю; а если кто скажетъ, что „послужилъ у кого доброволно съ полгода и болши“, но кабалы дать на себя не захочетъ, то произвести сыскъ, и если подтвердится, что „тотъ доброволной холопъ у того человѣка служилъ съ полгода“, то „на тѣхъ волныхъ холопей служилые кабалы давати, и челобитья ихъ въ томъ не слушати, п. ч. тотъ человѣкъ того доброволного холопа кормилъ и одѣвалъ и обувалъ“. Значитъ, можно было выдать служилую кабалу безъ всякаго займа и даже противъ воли лица. Это правило перешло, по-

слѣ нѣкоторыхъ колебаній въ указахъ Шуйскаго, и въ Уложеніе, но съ тѣмъ лишь отличіемъ, что принудительная выдача кабалы могла имѣть мѣсто послѣ службы болѣе 3 мѣсяцевъ. Но рядомъ съ этимъ правиломъ Уложеніе воспроизвело и постановленіе указа 1555 г., которое могло примѣняться къ добровольной службѣ лишь въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ (XX, 16 и 17).

По указамъ 1586 и 1597 гг., кабальное холопство получило характеръ личной крѣпости закабаленныхъ по смерть ихъ господина. Это далеко не всегда соотвѣтствовало интересамъ рабовладѣльцевъ, а потому они пытались создать обходъ новаго закона, заставляя выдавать кабалы одновременно на свое имя и на имя своихъ наслѣдниковъ. При такихъ условіяхъ у кабальнаго холопа по смерти господина оставался еще другой господинъ, и кабальный могъ и совсѣмъ не получить отпуска на волю. Указъ 1606 г. запретилъ такую практику и предписалъ писать кабалы порознь: „отцу опроченная кабала, а сыну опроченная кабала, и сыну съ отцомъ, и брату съ братомъ, и дядѣ съ племянникомъ, на людей кабалъ писати и въ книги записывати не велѣти". Впредь по такимъ кабаламъ не только не велѣно давать судъ, но предписано такихъ закабаленныхъ „освободити отъ нихъ на волю" (Христ., вып. III, 100). Уложеніе не только воспроизвело это правило, но и запретило господамъ брать на имя своихъ дѣтей новыя кабалы отъ холоповъ, безъ представленія на нихъ отпускныхъ. Кабальный холопъ, такимъ образомъ, могъ выдать на себя новую кабалу, только сдѣлавшись вольнымъ человѣкомъ (XX, 47 и 9; ср. еще тамъ же ст. 52, 64 и 81).

Когда, съ одной стороны, кабальное холопство изъ службы за ростъ превратилось какъ бы въ службу за самый долгъ, безъ права его уплатить, а съ другой—въ кабальное холопство можно было попасть безъ всякаго займа, старая форма служилыхъ кабалъ потеряла свой реальный смыслъ. Въ практикѣ скоро появились „записи на волныхъ людей, что тѣмъ волнымъ всякимъ людемъ у тѣхъ людей служити по тѣмъ записямъ до своего живота". Такія записи близко подходили къ природѣ кабальнаго холопства, но царь Шуйскій запретилъ указомъ 1608 г. принимать ихъ къ запискѣ

въ крѣпостныя книги, ссылаясь на старое уложеніе. Старая форма служилыхъ кабалъ такимъ образомъ сохранилась и надолго пережила ту сущность кабальной зависимости, которой вполнѣ соотвѣтствовала. Только указомъ 1680 г. одновременно установлены: норма ссуды для крестьянскихъ ссудныхъ записей и новая форма служилой кабалы (этотъ указъ, уже давно напечатанный въ одномъ провинціальномъ изданіи, ускользнулъ отъ вниманія изслѣдователей, пока на него не напалъ А. А. Шиловъ, о чемъ и сообщилъ въ засѣданіи Ист. Общ. при Петерб. унив. въ ноябрѣ 1906 г.). Вотъ новая форма служилой кабалы съ 1680 г.: „Се азъ волной гулящей человѣкъ Пахомъ Титовъ сынъ въ нынѣшнемъ въ 189 году декабря въ 20 день билъ челомъ я Пахомко псковскому помѣщику Сергѣю Игнатьеву сыну Роздеришину въ холопство, что мнѣ Пахомкѣ жить и служить у него Сергѣя по его животъ. А на то послуси“...

Въ связи съ образованіемъ разныхъ группъ въ средѣ холопства и господскія права надъ полными и кабальными холопами оказались неодинаковыми. Срочность кабальнаго холопства до смерти господина исключила de jure право распоряженія кабальными, тогда какъ по отношенію къ полнымъ холопамъ это право не было ничѣмъ ограничено. На практикѣ до указовъ 1586 и 1597 гг. господа не только отпускали на волю кабальныхъ людей, считая ихъ несвободными, хотя таковыми юридически они тогда еще не были, но и распоряжались ими, хотя бы подъ фикціей перевода кабальнаго долга въ другія руки. Та же практика наблюдается и въ XVII в., наперекоръ указнымъ нормамъ. Но въ общемъ въ московскомъ правѣ нельзя не отмѣтить тенденціи ограничить господскій произволъ и наложить на рабовладѣльцевъ рядъ обязательствъ по отношенію къ холопамъ. Такъ, право на жизнь собственныхъ холоповъ, робко признанное Двинскою грамотою, позднѣе было совершенно отвергнуто. Уложеніе предписываетъ при отдачѣ господину бѣглаго его человѣка „приказати накрѣпко, чтобъ онъ того своего бѣглого человѣка до смерти не убилъ, и не изувѣчилъ, и голодомъ не уморилъ“ (XX, 92). При выдачѣ должниковъ головою до искупа, съ тѣхъ, кому они выдавались,

бралась порука съ записью, „что ихъ не убити, ни изувѣчити“ (X, 266).

Въ этомъ нельзя не признать торжества церковной проповѣди противъ жестокихъ рабовладѣльцевъ. И въ московское время эта проповѣдь не прекращалась. Напр., Іосифъ Волоцкій поучалъ, что божественныя писанія повелѣваютъ о холопахъ: „не яко раби имѣти, но яко братію миловати, и питати и одѣвати доволно, и душами ихъ пещися“. Онъ указывалъ, что необходимо отрока женить по достиженіи 15 лѣтъ, а отроковицу выдать замужъ въ 12 лѣтъ, если они не пожелаютъ постричься. Нѣкоторые шли еще дальше. Раціоналистъ Башкинъ призналъ самый институтъ холопства несогласнымъ съ основами христіанства, а потому всѣхъ своихъ холоповъ отпустилъ и держалъ у себя людей по доброй волѣ. Такъ же поступилъ и Сильвестръ, авторъ Домостроя. Такія поученія оказывали серьезное вліяніе на умы. Не оставалось глухо къ церковной проповѣди и законодательство.

Впервые при Борисѣ Годуновѣ указомъ 1603 г. на господъ возложена обязанность кормить свою челядь. Это былъ тяжелый голодный годъ, когда многіе господа высылали съ дворовъ своихъ холоповъ, заставляя ихъ собственными силами снискивать себѣ пропитаніе; но холопы не имѣли возможности куда-нибудь пристроиться, такъ какъ безъ отпускныхъ и безъ крѣпостей ихъ никто не принималъ. Поэтому указомъ предписано такимъ холопамъ выдавать отпускныя изъ приказа помимо господъ (Христ., вып. III, 98). Это правило сохранено и Уложеніемъ, но не только для голодныхъ лѣтъ, а и для „иного какого времени“. Уложеніе предписываетъ по челобитью холоповъ допрашивать господъ, дѣйствительно ли они отпустили отъ себя съ дворовъ своихъ людей безъ отпускныхъ, и если челобитье холоповъ подтвердится, то дать имъ волю, а если не подтвердится, то холоповъ отдать обратно господамъ и одновременно приказать имъ, „чтобы они ихъ въ голодное время кормили, а голодомъ не морили; и за то, что они на нихъ били челомъ, дурна надъ ними никакова не учинили“ (XX, 41 и 42). Въ 1607 г. изданъ указъ, регулировавшій половыя и семейныя отношенія среди холоповъ, въ силу котораго на господъ возложено обязательство не дер-

жать рабынь дѣвками свыше 18 лѣтъ, вдовъ болѣе двухъ лѣтъ послѣ смерти мужей незамужними, а парней свыше 20 лѣтъ холостыми. При нарушеніи этого требованія холопы могли приходить къ казначеямъ и получать отпускныя. На такихъ отпущенныхъ не принималось отъ господъ челобитій о сносѣ по слѣдующему мотиву: „не держи неженатыхъ надъ законъ Божій, да не умножится блудъ и скверное дѣяніе въ людѣхъ“ (Татищевъ. Судебникъ, изд. 2, 244—245). Въ Уложеніе это правило не перешло, но и тамъ обращено вниманіе на прекращеніе блуда господъ съ собственными рабынями; челобитье рабыни на господина о прижитіи съ нимъ въ блудѣ дѣтей подлежало вѣдомству святительскаго суда и обсуждалось на основаніи церковныхъ правилъ (XX, 80). Кромѣ только что указанныхъ случаевъ освобожденія изъ холопства, еще подлежали въ силу закона отпущенію на волю: 1) холопы, взятые въ плѣнъ, но спасшіеся изъ него бѣгствомъ (Суд. 2-й, ст. 80; Улож. XX, 34); 2) всѣ холопы господина, измѣнившаго государю и отъѣхавшаго въ другое государство (Улож., XX, 33); 3) крещеные холопы, если ихъ господа продолжали оставаться некрещенными (XX, 71). Всѣ эти заботы правительства объ улучшеніи положенія несвободныхъ далеко не всегда достигали цѣли, и въ практикѣ нерѣдко оживала до-московская старина. Весьма характерны, напр., простодушныя признанія нѣкоего Соловцова, откровенно изложенныя имъ въ духовной грамотѣ 1627 г., объ обращеніи съ собственными холопами: „такоже и сиротъ моихъ, которые мнѣ служили, мужей ихъ и женъ и вдовъ и дѣтей, чѣмъ будетъ оскорбилъ во своей кручинѣ, боемъ, по винѣ и не по винѣ, и къ женамъ ихъ и ко вдовамъ насилствомъ, дѣвственнымъ растленьемъ, а иныхъ есми грѣхомъ своимъ и смерти предалъ, согрѣшилъ во всемъ и передъ ними виноватъ: простите меня грѣшного и благословите и разрѣшите мою грѣшную душу въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ“ (А. Ю. Б., I, № 86). Это показываетъ, что и въ XVII в. растлѣнія рабынь и убійства холоповъ господами далеко не всегда доходили до судебнаго разсмотрѣнія.

Гораздо важнѣе правительственныхъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы обезпечить несвободному населенію сколько-

нибудь сносное существованіе и оградить его отъ произвола рабовладѣльцевъ, были тѣ законодательныя перемѣны, которыя были вызваны исключительно государственными интересами и привели къ совершенному уничтоженію самаго института холопства. Этотъ переломъ возникъ подъ вліяніемъ той роли, какую сыграло холопство въ хозяйственной исторіи Московскаго государства. Вся масса несвободнаго населенія, не исключая и кабальныхъ холоповъ, позднѣе по преимуществу наполнявшихъ эту среду, въ господскомъ хозяйствѣ занимала неодинаковое положеніе и разбивалась на разряды. Незначительная его часть, пользуясь особымъ довѣріемъ господъ, несла обязанности тіуновъ, ключниковъ и приказчиковъ, т. е. управляла отдѣльными отраслями господскихъ хозяйствъ. Другая небольшая часть, со времени возникновенія обязательной службы, сопровождала своихъ господъ въ походахъ. Эти такъ называемые „большіе" холопы стояли совершенно обособленно отъ другихъ „меньшихъ". Если и въ до-московское время первые занимали весьма самостоятельное положеніе, то въ московскій періодъ оно еще болѣе упрочилось. Къ нимъ по преимуществу относятся указанія памятниковъ о томъ, что у холоповъ было недвижимое имущество, подаренное имъ господами и даже пріобрѣтенное на собственныя средства; что они имѣли собственныхъ холоповъ, занимались торговлею, ссужали капиталы подъ залогъ дворовъ и лавокъ. Уложеніе внесло нѣкоторыя ограниченія въ эту практику: холопамъ было предписано вотчинъ не покупать и въ закладѣ за собою не держать (XVII, 41); въ городахъ дворовъ, лавокъ, амбаровъ и погребовъ не покупать, а имѣющіеся у нихъ продать; подъ залогъ принимать эти имущества не запрещено, но запрещено осваивать (XIX, 15 и 16); по служилымъ кабаламъ людей не держать, а лишь по записямъ на урочные годы (XX, 105). За холопами признана закономъ личная честь, которая у служилыхъ боярскихъ людей оцѣнена въ 5 руб., а у дѣловыхъ людей въ 1 руб., какъ и у крестьянъ (X, 94). Но преимущества такого положенія холоповъ ничѣмъ не были обезпечены и вполнѣ зависѣли отъ милости господъ. Уложеніе даже запретило давать судъ по жалобамъ вольноотпущенныхъ на женъ и дѣтей

ихъ умершихъ господъ объ имуществѣ, „для того, что отпущены безъ животовъ“ (XX, 65).

Остальная самая значительная группа холоповъ составляла въ хозяйствѣ чернорабочую силу, съ помощью которой въ значительной мѣрѣ удовлетворялись несложныя, но иногда очень обширныя потребности натуральнаго хозяйства въ крупныхъ и среднихъ боярскихъ дворахъ. Это были конюхи, псари, повара, хлѣбники и всякая домашняя прислуга; далѣе, кузнецы, плотники, хамовники, скатертницы, тонкопрядицы и иные ремесленные люди. Приставленные къ разнообразнымъ текущимъ дѣламъ, они обыкновенно назывались „дѣловыми людьми“. Въ числѣ ихъ и наряду съ ними упоминаются бортники, пастухи, коровники и рядовые замледѣльцы подъ именемъ „страдныхъ людей“ или „страдниковъ“. Организація труда холоповъ въ сельскомъ хозяйствѣ была довольно разнообразна: они могли обрабатывать боярскую пашню въ качествѣ рабочей челяди, подъ надзоромъ ключника или приказщика, на полномъ господскомъ иждивеніи, проживая въ особыхъ челядинныхъ дворахъ; или же могли проживать въ господскихъ или спеціально имъ отведенныхъ дворахъ, получая мѣсячину или даже жалованье; или же, наконецъ, содержались не на господскій счетъ, а собственными силами, на отведенныхъ въ ихъ пользованіе участкахъ земли, работая на барской пашнѣ и отбывая иные виды барщины, нерѣдко совмѣстно съ крестьянами. Частные акты и поземельныя описи конца XV и особенно XVI вв. упоминаютъ о всѣхъ этихъ формахъ поселенія и хозяйства сельской челяди: въ нихъ перечисляются челядинные дворы; господскіе, въ которыхъ проживала челядь, и особые людскіе дворы; говорится о людской пашнѣ, о людской животинѣ, данной холопамъ въ пользованіе, или собинной, пожалованной господиномъ или купленной холопами на собственныя средства; содержатся указанія на холоповъ-оброчниковъ и на оброчный скотъ, находившійся въ пользованіи холоповъ. Какая изъ перечисленныхъ формъ холопьяго хозяйства была болѣе распространенной или преобладающей въ XVI в.—опредѣлить нельзя; можно лишь указать, что количество людскихъ дворовъ въ разныхъ уѣздахъ по описямъ значительно колебалось, не превышая въ однихъ

3—5%, поднимаясь въ другихъ до 7—17% и достигая въ Каширскомъ и Тульскомъ уѣздахъ 25—30% въ составѣ крестьянскаго и бобыльскаго населенія.

Количество сельскихъ холоповъ стояло въ тѣсной связи съ общими условіями землевладѣльческаго хозяйства и зависѣло какъ отъ размѣровъ боярской запашки, такъ и отъ наличнаго количества крестьянскихъ рабочихъ рукъ. При господствовавшей системѣ сошнаго обложенія, когда боярская запашка включалась въ окладъ наравнѣ съ крестьянской пахотой, увеличеніе размѣровъ первой не могло доставлять особыхъ выгодъ землевладѣльцамъ. Поэтому у нихъ не было прямыхъ побужденій къ ея расширенію и вмѣстѣ съ тѣмъ къ увеличенію сельской челяди. Численность ея могла, однако, возрастать во второй половинѣ XVI в., какъ это и наблюдается для нѣкоторыхъ мѣстностей, вслѣдствіе отлива тяглаго населенія изъ центра и сѣв.-зап. окраинъ въ области. сдѣлавшіяся доступными для колонизаціи. Въ такихъ случаяхъ прямая выгода заставляла поселять холоповъ въ пустые крестьянскіе дворы, на заброшенныхъ участкахъ, чтобъ не платить тягла съ пустоты на то, по крайней мѣрѣ, время, пока удавалось выхлопотать льготу на пустоту или выключить пустые участки изъ живущей пашни. Однако, со времени царя Ѳедора Ивановича наблюдается тенденція правительства облегчить положеніе служилыхъ людей и монастырей обѣленіемъ, т. е. выключеніемъ изъ тягла, собственной ихъ запашки цѣликомъ или въ нѣкоторой части, или же пониженіемъ сошнаго оклада. По указу этого государя, относящемуся до служилыхъ людей, обѣленію подлежала боярская пашня, обрабатываемая холопами на землевладѣльца; людская же пашня, которую холопы пахали на себя, а не на помѣщика, включалась въ окладъ наравнѣ съ крестьянскою пахотой. Эта мѣра несомнѣнно способствовала увеличенію сельской челяди на боярской запашкѣ, но въ довольно тѣсныхъ рамкахъ, такъ какъ обѣленію подлежала не вся боярская запашка, а лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Гораздо болѣе важное значеніе имѣла реформа въ системѣ обложенія при замѣнѣ сошнаго оклада живущею четвертью. На основаніи этой реформы величина оклада опредѣлялась не

размѣрами распаханной пашни, а единственно количествомъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ. Благодаря этому, уничтожены были весьма серьезныя преграды къ расширенію какой бы то ни было запашки—боярской, людской или крестьянской. Всего выгоднѣе и проще было увеличить людскую пашню, такъ какъ увеличеніе крестьянской запашки, безъ соотвѣтственнаго увеличенія крестьянскихъ дворовъ, было возможно только въ незначительной мѣрѣ; заведеніе же въ широкихъ размѣрахъ собственной запашки для подавляющаго большинства землевладѣльцевъ по многимъ причинамъ было невозможно. Въ связи съ этой перемѣной въ порядкѣ обложенія наблюдается все болѣе замѣтное возрастаніе въ составѣ сельскаго населенія помѣстныхъ и вотчинныхъ хозяйствъ задворныхъ и дѣловыхъ людей.

Первый изъ упомянутыхъ терминовъ—„задворные люди“—встрѣчается уже въ памятникахъ послѣдней трети XVI в. наряду съ терминами „люцкая пашня на задворьи“, „задворные дворишки“. При какихъ условіяхъ возникла эта задворная запашка, отличались ли, и чѣмъ именно, задворные люди отъ страдныхъ людей въ XVI в.—эти вопросы остаются открытыми. Впервые указомъ 1624 г. проведено юридическое различіе между задворными и дворовыми людьми: первые самостоятельно несли имущественную отвѣтственность за совершенные ими проступки, тогда какъ за вторыхъ отвѣтствовали ихъ господа (А. И., III, стр. 303; Улож. XXI, 67 и 68). По переписнымъ книгамъ половины XVII в. можно уже изучать составъ задворнаго населенія: туда входили полные и кабальные холопы, порубежные выходцы и всякіе разночинцы, проживавшіе въ задворныхъ людяхъ добровольно или безкабально, въ томъ числѣ и выбившіеся изъ своего положенія элементы тяглой среды—обѣднѣвшіе крестьяне и бобыли или ихъ дѣти и сироты. По итогамъ этой переписи задворное населеніе могло обратить на себя вниманіе правительства съ фискальной точки зрѣнія, такъ какъ по переписнымъ книгамъ и съ двороваго числа Уложеніе предписало взимать новый окладъ полоняничныхъ денегъ. Перепись 1677 — 1678 гг. предпринята была съ очевиднымъ намѣреніемъ ввести новую окладную единицу обложенія—дворъ, такъ какъ вслѣдъ за

ея окончаніемъ указами 1679 г. предписано было взимать всѣ прямые сборы съ двороваго числа.

Въ результатѣ этой реформы въ составѣ плательщиковъ податей, т. е. тяглыхъ людей, наряду съ крестьянами и бобылями оказались и задворные люди, а такъ же тѣ изъ дѣловыхъ, которые проживали въ особыхъ дворахъ. Такимъ образомъ, всѣ полные и кабальные холопы, поскольку они входили въ составъ задворнаго населенія или жили въ дѣловыхъ людяхъ, поселенныхъ особыми дворами, сдѣлались тяглыми людьми. Съ этого времени между ними, съ одной стороны, и крестьянами и бобылями—съ другой нельзя провести никакой разницы, такъ какъ и кабальные холопы сдѣлались вѣчно крѣпкими своимъ господамъ по переписнымъ книгамъ въ качествѣ ихъ задворныхъ людей или дѣловыхъ, если проживали въ особыхъ дворахъ. Разница осталась, но не между холопами и крестьянами, какъ было раньше, а между крестьянами, бобылями, задворными и дѣловыми людьми, съ одной стороны, и дворовыми людьми—съ другой, при чемъ въ составѣ послѣднихъ значились не только полные и кабальные холопы, но также и взятыя въ господскіе дворы крестьянскія и бобыльскія дѣти. Дворовые люди сохранили типическія черты кабальнаго холопства и въ силу этого подлежали отпуску на волю послѣ смерти господина. А полное сліяніе отбившихся элементовъ тяглой среды въ лицѣ крестьянскихъ дѣтей съ массою двороваго населенія подтверждается указомъ 1690 г., на основаніи котораго предписано „послѣ умершихъ всякихъ чиновъ людей дворовымъ ихъ и кабальнымъ и полоннымъ и крестьянскимъ дѣтемъ, которые были изъ крестьянъ взяты во дворъ, давать отпускныя изъ Приказа Холопья Суда“ (П. С. З. № 1383). Дворовые люди остаются не тяглыми и послѣ реформы 1679 г., вплоть до Петровскихъ указовъ о ревизіи. По указу 26 ноября 1718 г. предписано было „взять сказки у всѣхъ, чтобъ правдивыя принесли, сколько у кого въ которой деревнѣ душъ мужеска пола“ (тамъ же, № 3245). Указомъ 22 янв. 1719 г. было разъяснено, что въ переписяхъ необходимо было показать „сколько, гдѣ, въ которой волости, селѣ или деревнѣ, крестьянъ, бобылей, задворныхъ и дѣловыхъ людей (кото-

рые имѣютъ свою пашню) по именомъ есть мужеска пола, всѣхъ, не обходя отъ стараго до самаго послѣдняго младенца"; дѣловыхъ же людей, которые своей пашни не имѣютъ, а пашутъ на помѣщиковъ своихъ, предписано для вѣдома писать особою статьей (тамъ же, № 3287). Изъ этого указа видно, что Петръ имѣлъ сначала въ виду положить въ подушный окладъ лишь тѣ группы сельскаго неселенія, какія положены были въ тягло по переписнымъ книгамъ 1677—1678 г. Лишь вслѣдствіе злоупотребленій, когда государю стало извѣстно, что въ сказкахъ пишутъ только крестьянъ, а людей дворовыхъ и прочихъ не пишутъ, онъ приказалъ сенату подтвердить указомъ, „чтобъ всѣхъ писали помѣщики своихъ подданныхъ, какого они званія ни есть". Сенатъ. при объявленіи этого указа, предписалъ: „буде кто въ поданныхъ сказкахъ дворовыхъ людей и прочихъ подданныхъ своихъ не писали, дабы о тѣхъ всѣхъ своихъ подданныхъ, которые живутъ въ деревняхъ, а именно: о прикащикахъ и о прочихъ мужеска пола дворовыхъ людяхъ, какого они званія ни есть, подавали сказки" (тамъ же, №№ 3481 и 3492). На основаніи этого городскіе дворовые люди исключались изъ оклада, что подтверждено и въ разъяснительномъ указѣ сената 1 іюня 1722 г., гдѣ сказано, что „всякого званія слугъ и служебныхъ и прочихъ людей, которые живутъ у помѣщиковъ въ Петербургѣ, Москвѣ и прочихъ городахъ во дворахъ, а на себя и на вотчинниковъ пашни не пашутъ и имѣютъ пропитаніе только денежною и хлѣбною дачею, тѣхъ въ расположеніе не класть, а только переписать ихъ для вѣдома; а которые всякого жъ званія люди хотя на себя пашни и не пашутъ, а на вотчинниковъ пашутъ; а которые хотя и не пашутъ, а живутъ въ деревняхъ, такихъ въ расположеніе класть, не выключая никого, какого бъ званія ни были" (тамъ же, № 4026).

Такимъ образомъ, по указамъ 1720—1722 гг. изъ дворовыхъ людей должны были попасть въ подушный окладъ всѣ проживавшіе въ деревняхъ безъ исключенія, а изъ городскихъ дворовыхъ лишь тѣ, которые обрабатывали пашню на себя или на господъ. Но и относительно городскихъ дворовыхъ, которые не пахали никакихъ пашенъ и имѣли пропитаніе только денежною или хлѣбною дачею, въ высочайшей

резолюціи на докладные пункты генерала Чернышева 19 янв. 1723 г. опредѣлено: „писать всѣхъ и служащихъ, какъ крестьянъ, и положить въ поборъ“ (тамъ же, № 4145). Съ этого времени всѣ дворовые безъ всякихъ изъятій включены были въ составъ плательщиковъ подушнаго оклада, т. е. включены были въ составъ податного населенія. Холопство, какъ особый юридическій институтъ, прекратило свое существованіе, а холопы разныхъ категорій вмѣстѣ съ крестьянами и бобылями образовали общую массу крѣпостныхъ людей.

В. Сергѣевичъ. Юр. древн., I, изд. 2, 126—172; *В.-Будановъ*. Обзоръ, изд. 4, 403—419 и 665—673; *Чичеринъ и Щаповъ* (см. ихъ сочиненія, указанныя на стр. 111); *В. Ключевскій*. Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи, Русск. Мысль, 1886, №№ 9 и 10; *В. Сергѣевичъ*. Вольные и невольные слуги московскихъ государей, Наблюд., 1887, № 1; *Н. Павловъ-Сильванскій*. Люди кабальные и докладные, Ж. М. Н. Пр., 1895, № 1; *М. Дьяконовъ*. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія, 134—142 и 241—294; *Н. Рожковъ*. Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в., гл. 2-я и 266—269; *А. Лаппо-Данилевскій*. Предисловіе къ Записной книгѣ крѣпостнымъ актамъ и Разысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ, 76—103; Акты, записанные въ крѣпостной книгѣ XVI в. въ Арх. историко-юрид. свѣд., кн. 2-я, половина 1-я; Акты юрид. быта, II, №№ 127 и 131; Новгородскія кабальныя книги 1597—1600 гг. въ Русск. Ист. Библ., т. XV; Записная книга крѣпостнымъ актамъ XV-XVI вв. въ Русск. Ист. Библ., т. XVII.

Власть московскихъ государей.

Власть московскихъ великихъ князей, позднѣе государей и царей, постепенно все болѣе и болѣе усиливается. Ростъ этой власти стоитъ въ тѣсной связи съ ростомъ могущества Московскаго княженія, внѣшнимъ выраженіемъ котораго являлось постепенное расширеніе предѣловъ московской территоріи. Но возрастающее могущество само по себѣ вовсе не предрѣшало вопроса о формѣ политическаго быта въ Московскомъ государствѣ. Эта послѣдняя цѣликомъ зависѣла отъ соотношенія силъ, игравшихъ главную роль въ созданіи могущества Москвы. Изъ составныхъ элементовъ,

образующихъ правящую власть въ древне-русскихъ княженіяхъ, раньше другихъ утратилъ значеніе элементъ демократическій, въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ татарскаго порабощенія, сопровождавшагося опустошеніемъ страны и разореніемъ населенія. Потрясенный хозяйственный бытъ массы свободнаго населенія ставилъ грозный вопросъ о насущномъ хлѣбѣ, а не объ участіи въ управленіи страной. Съ расширеніемъ территорій поголовныя народныя собранія становились невозможны и сами по себѣ. Татарское иго (выше, 135—136), помимо чисто отрицательныхъ вліяній, каковы разореніе страны и огрубѣніе нравовъ, оказало Москвѣ положительныя услуги лишь постольку, поскольку московское правительство съумѣло воспользоваться помощью хановъ въ борьбѣ за преобладаніе съ другими княженіями. Въ этомъ смыслѣ, и только въ этомъ, справедливы слова Карамзина, что „Москва обязана своимъ величіемъ ханамъ".

Изъ другихъ политическихъ силъ продолжаютъ сохранять свое значеніе и послѣ татарскаго завоеванія, помимо князя, аристократическій элементъ, въ лицѣ бояръ и вольныхъ слугъ, и духовенство, пріобрѣтшее вліяніе не только какъ провозвѣстникъ христіанскаго ученія, но и какъ гражданская власть и бытовая сила съ того момента, какъ духовныя власти и монастыри становились все болѣе и болѣе крупными землевладѣльцами.

Заслуги бояръ и вольныхъ слугъ на пользу Москвы засвидѣтельствованы самими московскими князьями. Симеонъ Ивановичъ въ своей духовной (1353 г.) совѣтуетъ братьямъ слушать митрополита, „такоже старыхъ бояръ, хто хотѣлъ отцю нашему добра и намъ". Умирающему Димитрію Донскому лѣтопись приписываетъ слѣдующія слова, обращенныя къ дѣтямъ: „бояры своя любите, честь имъ достойную воздавайте противу служеній ихъ, безъ воли (думы) ихъ ничтоже не творите". Самимъ же боярамъ онъ сказалъ: „съ вами на многи страны мужествовахъ, вами въ бранѣхъ страшенъ быхъ, и Божіею помощію низложихъ враги своя и покорихъ подъ себе, съ вами великое княженіе велми укрѣпихъ, и миръ и тишину княженію своему сътворихъ, и дръжаву отчины своея съблюдохъ; велику же честь и любовь свою къ вамъ имѣхъ,

и подъ вами городы дръжахъ и великія власти, чяда же ваша въ любви имѣхъ, и никому же васъ зла сътворихъ, ни силою что отъяхъ, ни досадихъ, ни укорихъ, ни разграбихъ, ни обезчестихъ, но всѣхъ чествовахъ и любихъ и въ чести велицей дръжахъ, радовахся и скорбѣхъ съ вами; вы же не нарекостеся у мене бояре, но князи земли моей" (П. С. Л., IV, 352; VIII, 56; XI, 114). Даже сквозь явныя преувеличенія послѣднихъ словъ наглядно рисуется какъ дѣятельное участіе бояръ въ политикѣ Москвы, такъ и почетъ, какимъ они пользовались въ качествѣ сотрудниковъ князей. При слабомъ Иванѣ Ивановичѣ, въ малолѣтство Димитрія Ивановича и Василія Васильевича, поддержка бояръ въ значительной мѣрѣ обезпечила первенствующее положеніе этихъ князей. Эти и другія подобныя историческія заслуги бояръ сохранили за ними и при иныхъ условіяхъ, даже послѣ замѣны свободной службы службою обязательною, значеніе крупной правящей силы въ теченіе всего московскаго періода. Политическое значеніе боярства усилилось съ притокомъ въ его среду потерявшихъ независимость владѣтельныхъ князей и ихъ потомковъ. Съ потерею своихъ княженій, присоединенныхъ къ территоріи Московскаго государства, они вынуждены были вступать на службу въ Москвѣ и при этомъ съумѣли занять высшія ступени служебной лѣстницы и правилами мѣстническихъ счетовъ оградить за собой преимущества своего положенія. Изъ среды этой титулованной и старой служилой знати вышло нѣсколько оппозиціонныхъ теченій въ отпоръ усиливающейся власти московскихъ государей.

Московскіе же государи нашли дѣятельную поддержку своимъ новымъ стремленіямъ въ другой силѣ, эти стремленія въ нихъ воспитавшей. Эту роль въ развитіи власти московскихъ государей сыграло духовенство. Еще Соловьевъ сказалъ, что „немедленно послѣ принятія новой вѣры мы видимъ уже епископовъ совѣтниками князя, истолкователями воли Божіей; но христіанство принято изъ Византіи; русская земля составляетъ одну изъ епархій, подвѣдомственныхъ константинопольскому патріарху; для русскаго духовенства единственнымъ образцомъ всякаго строя служитъ устройство византійское: отсюда понятно и гражданское вліяніе имперіи на юное рус-

ское общество“ (Исторія, I, изд. 6, 248). Въ числѣ новыхъ взглядовъ, перенесенныхъ изъ Византіи на русскую почву, одно изъ важныхъ мѣстъ занимаетъ новое ученіе о власти. Прежде всего духовенство пропагандируетъ общехристіанское ученіе о богоустановленности власти и объ обязанности повиновенія ей. Подъ властью подразумѣвался исключительно единоличный представитель власти: властитель, князь, цесарь. Кромѣ этой общей темы, въ нашу письменность проникли довольно рано и византійскія ея обработки съ дополненіями библейскихъ мотивовъ и извлеченіями изъ отческой литературы. Такъ, уже въ Святославовомъ Изборникѣ помѣщенъ слѣдующій вопросъ Анастасія Синаита: „да еда убо всякъ царь и князь отъ Бога поставляется?“ На вопросъ данъ слѣдующій отвѣтъ: „ови князи и царіе, достойни таковыя чти, отъ Бога поставляются; ови же паки недостойни суще противу достоиньствомъ людемъ, тѣхъ недостоинства по Божію попущенію или хотѣнію поставляются“. Отсюда Синаитъ и заключаетъ: „егда узришь недостойна кого и зла царя или князя, не чудися, ни Божія промысла потязай, но разумѣй и вѣруй, яко противу беззаконіемъ нашихъ тацѣмъ мучителемъ предаемся“. Въ старѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ, по поводу убіенія Андрея Боголюбскаго, помѣщено поученіе на чисто теократическую тему о высотѣ сана представителя власти: „естьствомъ бо земнымъ подобенъ есть всякому человѣку цесарь, властью же сана яко Богъ“ (Лавр., 351; Ипат., 402). Въ связи съ такою высотою сана представителя власти на него возложена не только отвѣтственная обязанность — „безъ блазна Богомъ данные люди управити“ —, но еще и забота объ охранѣ чистоты правовѣрія. Такъ, митр. Никифоръ поучалъ Владиміра Мономаха: „въ стадо Христово не даси влъку внити, и аще въ виноградъ, иже насади Богъ, не даси насадити тръніа, но съхранити преданіа старое отецъ твоихъ“.

Всѣ эти политическія темы древне-русской проповѣди хотя и могли вліять на умы современниковъ, но почва для ихъ воспріятія въ окружающей дѣйствительности была крайне неблагопріятна, не только по условіямъ политическаго быта, но и въ виду особыхъ отношеній древней Руси къ Византіи. Съ момента своего возникновенія русская митрополія была

подчинена константинопольскому патріархату, а слѣдовательно и императору, который, въ качествѣ верховнаго покровителя вселенской церкви, былъ главой и въ сферѣ церковнаго управленія. Поэтому онъ принимаетъ участіе въ дѣлахъ о поставленіи митрополитовъ всея Руси, въ рѣшеніи вопросовъ о предѣлахъ митрополіи и о ея единствѣ, о поддержаніи въ ней порядка и уничтоженіи соблазновъ. Сами патріархи всѣми мѣрами стараются поставить въ глазахъ русскихъ авторитетъ императора на недосягаемую высоту. По поводу столкновенія съ патріархатомъ изъ-за неправильностей при замѣщеніи митрополичьей каѳедры, вел. кн. Василій Дмитріевичъ запретилъ поминать во время богослуженій имя царя, мотивируя это тѣмъ, что „мы имѣемъ церковь, а царя не имѣемъ и знать не хотимъ“. Патріархъ Антоній на это отвѣтилъ увѣщательнымъ посланіемъ, гдѣ развивалъ идею всемірной монархіи и вселенской церкви. Византійскій императоръ характеризуется тутъ, какъ „великій царь, господинъ и начальникъ вселенной“, который „поставляется царемъ и самодержцемъ ромеевъ, т. е. всѣхъ христіанъ. На всякомъ мѣстѣ, гдѣ только именуются христіане, имя царя поминается всѣми патріархами, митрополитами и епископами, и этого преимущества не имѣетъ никто изъ прочихъ князей или мѣстныхъ властителей. Власть его, въ сравненіи со всѣми прочими, такова, что и самые латиняне, не имѣющіе никакого общенія съ нашею церковью, и тѣ оказываютъ ему такую же покорность, какую оказывали въ прежнія времена, когда находились въ единеніи съ нами. Тѣмъ болѣе обязаны къ этому православные христіане“ (Р. И. Б. VI, прил. № 40). Таково воззрѣніе грековъ. Но несомнѣнно подъ его давленіемъ нѣкоторые изъ нашихъ князей, въ отличіе отъ мнѣнія Василія Димитріевича, очень высоко цѣнили авторитетъ императоровъ. Напр., вел. кн. Василій Васильевичъ хотя и называлъ себя братомъ и сватомъ императора, но титуловалъ его „святымъ царствомъ“, „благочестивымъ и святымъ самодержцемъ всея вселенныя“ и признавалъ, что онъ „въспріялъ свой царьскый скипетръ въ утверженіе всему православному христіяньству вашихъ державъ и нашимъ владѣтельствамъ рускія земли въ великую помощь“ (Р. И. Б., VI, №№ 62 и 71; А. И., I, №№

39, 41 и 262). При такихъ условіяхъ ученіе о высотѣ сана представителей власти въ русскихъ княженіяхъ получало весьма условное значеніе; но оно подготовляло умы къ воспріятію новыхъ взглядовъ послѣ существенной перемѣны въ отношеніяхъ къ Византіи.

Еще раньше высшіе представители духовенства успѣли оказать серьезныя услуги нѣкоторымъ князьямъ, въ особенности московскимъ. Пользуясь огромнымъ авторитетомъ и вліяніемъ, митрополитъ всея Руси могъ содѣйствовать усиленію авторитета того князя, въ резиденціи котораго онъ проживалъ. Такъ какъ каѳедра митрополита находилась сначала въ Кіевѣ, то всѣ прочія княженія оказались въ церковномъ подчиненіи Кіеву. Политическія невыгоды такой зависимости хорошо сознавались, а потому болѣе сильные князья стремились ослабить эту зависимость, присваивая себѣ право избирать кандидатовъ на епископскія каѳедры; нѣкоторые изъ нихъ старались даже обособить свои княженія въ отдѣльныя митрополіи, съ непосредственнымъ подчиненіемъ ихъ константинопольскому патріарху. Таковы двѣ первыя неудавшіяся попытки: Андрея Боголюбскаго, задумавшаго г. Владиміръ „обновити митропольею, да будетъ градъ сей великое княженіе и глава всѣмъ“ (П. С. Л., IX, 222), и галицкаго князя Даніила. Когда, послѣ татарскихъ опустошеній, митрополитъ вынужденъ былъ покинуть Кіевъ, между князьями возникла сильная борьба изъ-за мѣстожительства митрополита. Сначала она возгорѣлась между тверскими и московскими князьями, а затѣмъ съ особеннымъ упорствомъ продолжалась между Москвою и Литвою — и на этотъ разъ окончилась раздѣленіемъ митрополіи. Борьба эта сама по себѣ указываетъ, какое значеніе придавали митрополиту, какъ политической силѣ, враждующіе за преобладаніе князья. Достаточно привести одинъ примѣръ въ подтвержденіе того, какъ спѣшили воспользоваться выгодами своего положенія болѣе счастливые изъ соперниковъ.

Тверской князь Михаилъ Ярославичъ, успѣвъ заручиться симпатіями митр. Максима, первый показалъ, какъ можно использовать достигнутую удачу: впервые онъ, подражая титулу митрополита, сталъ величать себя великимъ княземъ

всея Руси. Нельзя думать, чтобы этой прибавкой намѣчалась широкая политическая программа объединенія Руси; но очень вѣроятно, что имѣлось въ виду предуказать мѣсто для будущихъ митрополитовъ, такъ какъ самое естественное мѣстопребываніе для митрополита всея Руси было при дворѣ вел. князя всея Руси. Что на это направлены были помыслы тверского князя, указываетъ его попытка имѣть на митрополіи собственнаго кандидата, въ лицѣ игумена Геронтія. Счастливый соперникъ Твери, Иванъ Калита, привлекшій на свою сторону митр. Петра, систематически подражаетъ политикѣ своего врага: и онъ принимаетъ титулъ великаго князя всея Руси, и такъ же выставляетъ собственнаго кандидата въ митрополиты; по его настоянію, надо думать, митр. Петръ „воименовалъ на митрополію“ какого-то архимандрита Ѳеодора, конечно, сторонника Москвы. Услуги, оказанныя Москвѣ митрополитами Петромъ и особенно Алексѣемъ, были столь очевидны и общеизвѣстны, что это успѣли оцѣнить и враждущіе съ Москвой князья: „инымъ же княземъ многимъ немного сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имяше въ себѣ живуща“ (П. С. Л., X, 195).

Указанныя событія и теченія, содѣйствуя усиленію Москвы и возвышенію власти московскаго князя, не создали, однако, твердой опоры для пропаганды мірскихъ политическихъ идеаловъ. Обстоятельства круто измѣнились въ благопріятную сторону со времени Флорентійской уніи и завоеванія Константинополя турками. Послѣ бѣгства митр. Исидора изъ Москвы, тамъ стали говорить, что цареградская церковь поколебалась, отъ православія отступила, что царь и патріархъ иномудрствуютъ, приближаются къ латынамъ. А когда до Москвы дошла вѣсть о завоеваніи Византіи турками, то этотъ ударъ православію объяснили тѣмъ, что „царствующій прежде благочестіемъ великій градъ Костянтинополь ради латиньскыя прелести погибе, и отъ благочестія истребися, и донынѣ погаными туркы одержимъ бысть“, а на святомъ мѣстѣ, въ соборной апостольской церкви (св. Софіи) воцарились „мерзость и запустѣніе“.

Одновременно на Руси церковь была сохранена безнавѣтной и безмятежной, благодаря заботамъ вел. кн. Василія

Васильевича, который прослылъ „благочестія ревнителемъ, мудрымъ изыскателемъ святыхъ правилъ богоуставнаго закона св. апостолъ“, и въ титулѣ его появились соотвѣтственные предикаты: благовѣрный, благочестивый, христолюбивый, въ благочестіи цвѣтущій вел. князь и вел. государь. Нѣкоторыя изъ представителей духовенства называли вел. князя „великимъ государемъ земскимъ“, „царемъ русскимъ“ или „истинныя вѣры православія боговѣнчаннымъ царемъ всея Руси“. Такъ начала создаваться почва для новой политической догмы, что вел. князь московскій и всея Руси долженъ занять во вселенной положеніе византійскаго императора. Но на первыхъ порахъ столь пышная роль представителя власти въ Москвѣ совершенно не гармонировала съ данническими отношеніями къ татарскому хану. Потому-то представители духовенства (епископъ ростовскій Вассіанъ), всемѣрно побуждая Ивана III возможно скорѣе свергнуть татарское иго, называли его „во благочестіи всея вселенныя въ конци возсіявшимъ“, „наипаче же во царѣхъ пресвѣтлѣйшимъ преславнымъ государемъ“. Когда-же позорное иго было свергнуто, и миновало всеобщее опасеніе о кончинѣ міра съ истеченіемъ седьмого тысячелѣтія, впервые въ новой пасхаліи 1492 г. митр. Зосима назвалъ Ивана Васильевича „государемъ и самодержцемъ всея Руси, новымъ царемъ Констянтиномъ новому граду Констянтину—Москвѣ“. Новая политическая теорія о русскомъ царствѣ, заступившемъ мѣсто Византійской имперіи, окончательно формулирована въ посланіяхъ старца Филоѳея. Онъ пропагандировалъ мысль, что престолъ вселенской и апостольской церкви имѣетъ теперь представительницей церковь Успенія пресв. Богородицы въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, просіявшую вмѣсто римской и константинопольской, „иже едина во вселенной паче солнца свѣтится“, т. к. церкви стараго Рима пали „невѣріемъ аполлинаріевы ереси“; церкви-же второго Рима (Константинополя) „агаряне внуцы сѣкирами и оскордами разсѣкоша двери“, т. к. греки „предаша православную греческую вѣру въ латынство“. Соотвѣтственно этому и московскій государь явился „браздодержателемъ св. божіихъ престолъ“ вселенской церкви, единственнымъ во всей поднебесной христіаномъ царемъ,

во едино царство котораго по пророческимъ книгамъ сошлись всѣ пришедшія въ конецъ царства, и что „два Рима подаша, а третій стоитъ, а четвертому не быть“. Такъ Москва прослыла третьимъ Римомъ, а титулы царя и самодержца прочно усвояются московскими государями.

Никто не отрицаетъ, что титулъ „самодержецъ“ заимствованъ у византійскихъ императоровъ, представляя собою дословный переводъ съ греческаго—autocrator. Но почему-то нѣкоторые историки не допускаютъ мысли, что идея самодержавной власти заимствована изъ того-же источника. Если политическія легенды, придуманныя московскими публицистами въ подтвержденіе этого позаимствованія (сказаніе о мономаховыхъ регаліяхъ, о бѣломъ клобукѣ и т. п.), почему-то считаются не достаточно убѣдительными, то едва-ли можно возражать противъ указаній похвальнаго слова Михаилу кн. черниговскому, составленнаго Филологомъ черноризцемъ, позаимствованныхъ и степенной книгой, гдѣ о Мономахѣ сказано, что онъ удостоился получить царскія регаліи „не отъ человѣкъ, но по божіимъ судьбамъ неизреченнымъ, претворяще и преводяще славу греческаго царства на россійскаго царя“. Такова была точка зрѣнія и оффиціальныхъ сферъ. Этимъ еще не рѣшается вопросъ о томъ, какъ понимался въ Москвѣ византійскій самодержавный идеалъ, въ какой мѣрѣ это пониманіе соотвѣтствовало дѣйствительности, и что изъ него проникло въ московскую политическую практику. Разрѣшать этотъ вопросъ отрицательно на основаніи сравненія нѣкоторыхъ сторонъ византійскаго и московскаго политическаго быта, обнаружившихъ тѣ или иныя несходства, было бы неправильно, такъ какъ полнаго тождества, по различію условій быта, невозможно и предполагать.

Что-же такое самодержавная власть по понятіямъ московскихъ оффиціозныхъ и правительственныхъ сферъ? Уже давно указано (проф. Ключевскимъ), что съ понятіемъ о самодержавіи общество того времени прежде всего соединяло мысль о внѣшней независимости страны. Потому и названъ самодержцемъ Иванъ III по сверженіи татарскаго ига; потому-же назывались самодержцами и формально ограниченные государи — Шуйскій и Михаилъ Ѳеодоровичъ. Но значеніе

этого термина этимъ не исчерпывалось. Вскорѣ онъ былъ примѣненъ и для характеристики власти государя въ сферѣ внутренней политики.

Одновременно съ тѣмъ, какъ создавалась новая догма о вселенскомъ значенiи московскаго государя, выработывалась и новая политическая теорiя власти государя. Эта теорiя формулирована главнымъ образомъ трудами Iосифа Волоцкаго, но не въ видѣ стройнаго политическаго ученiя, а по частямъ, въ пылу полемики по самымъ животрепещущимъ вопросамъ современности: о преслѣдованiи новгородскихъ еретиковъ и о правѣ монастырей владѣть недвижимыми имуществами. Добиваясь преслѣдованiя и казни еретиковъ, Iосифъ и теорiю власти построилъ съ этой точки зрѣнiя. Уже ранѣе затронутыя въ древнерусской письменности темы о божественномъ происхожденiи власти, о приравненiи царской власти къ божественной и о главной обязанности государей— заботиться объ охранѣ правовѣрiя—(выше, 400) вошли готовыми элементами въ эту теорiю. Iосифъ училъ, что московскiе государи поставляются отъ Бога самодержцами и государями всея Руси, что Богъ избралъ ихъ на землѣ вмѣсто себя и посадилъ на свой престолъ, даровалъ имъ милость и животъ, вручивъ имъ мечъ вышней божiей десницы. Поэтому государи должны прежде всего спасать врученное имъ стадо отъ волковъ, погубляющихъ душу и тѣло, т. е. еретиковъ, и вообще не давать воли злотворящимъ человѣкомъ. Не исполняющiе своей главной обязанности государи становятся слугами сатаны и несутъ отвѣтственность передъ Богомъ въ земной и будущей жизни, т. к. за грѣхи царя Богъ казнитъ не только его самого, но и всю его землю. Въ виду того, что царь только естествомъ подобенъ людямъ, „властiюже сана яко Богъ", высота этой власти не имѣетъ границъ и объемлетъ всѣ иныя земныя власти, не исключая и власти духовной. Поэтому въ дѣлахъ церковнаго управленiя высшая власть также принадлежитъ государю, ибо онъ „первый отмститель Христу на еретики". Богъ передалъ ему все— „милость и судъ, и церковное, и монастырское, и всего православнаго христiанства власть и попеченiе". Отсюда получался и частный выводъ, что „царскiй судъ святительскимъ

судомъ не посужается ни отъ кого". Съ этой-же точки зрѣнія опредѣлялись и отношенія московскаго государя къ удѣльнымъ князьямъ. Московскій государь—это „всея русскія земли государемъ государь", а удѣльные князья обязаны оказывать богодарованному царю „должная покоренія и послушанія" и „работать ему по всей воли его и повелѣнію его, яко Господеви работающе, а не человѣкомъ".

Эта теорія теократическаго абсолютизма была усвоена всѣми многочисленными послѣдователями Іосифа Волоцкаго и получила оффиціальный характеръ, т. к. неоднократно повторялась высшими представителями духовной власти, которые вербовались почти исключительно изъ среды іосифлянскаго духовенства. Она была цѣликомъ воспринята и Иваномъ Грознымъ. Преимущественно въ полемикѣ съ Курбскимъ онъ повторилъ всѣ основныя положенія теоріи, сдѣлавъ изъ нея и нѣкоторые своеобразные выводы. Такъ, изъ положенія о богоустановленности власти Грозный вывелъ заключеніе, что противящійся власти противится Богу, а потому именуется отступникомъ и раздѣляетъ его судьбу. Въ какой мѣрѣ онъ усвоилъ главную обязанность государя по охранѣ правовѣрія, видно изъ слѣдующихъ его словъ: „тщуся со усердіемъ люди на истину и на свѣтъ наставити, да познаютъ Бога истиннаго и отъ Бога даннаго имъ государя". Врученный государямъ мечъ вышней божіей десницы налагаетъ на нихъ серьезныя обязанности по управленію страной: „царемъ подобаетъ обозрительнымъ быти, овогда кротчайшимъ, овогда же ярымъ; ко благимъ убо милость и кротость, къ злымъ же ярость и мученіе. Аще сего не имѣя, нѣсть царь". Эта тема о полномочіяхъ государя въ сферѣ внутренняго управленія, наряду съ династическими притязаніями, составляетъ самое больное мѣсто въ полемикѣ Грознаго съ Курбскимъ, а потому и сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе государя. Исходя изъ установленной догмы, что земля правится божіимъ милосердіемъ и своими государями, Грозный истолковалъ понятіе самодержавія въ смыслѣ полноты единоличной власти государя, ея самостоятельности и независимости и въ сферѣ внутренняго управленія: „Россійское самодержавство изначала сами владѣютъ своими цар-

ствы, а не бояре и вельможи“, и государь не можетъ называться самодержцемъ, „аще не самъ строитъ“. Это самодержавство сводилось у Грознаго къ праву государя „хотѣніе свое творити отъ Бога повиннымъ рабомъ“, т. е. подданнымъ, которые по Божію повелѣнію не должны отметаться своего работнаго ига и владычества своего государя. Исполненіе хотѣній государя есть первая обязанность подданныхъ и является признакомъ ихъ „доброхотства“; наличностью же этого доброхотства опредѣляются отношенія государя къ подданнымъ: „доброхотныхъ своихъ жалуемъ великимъ всякимъ жалованьемъ, а иже обрящутся въ супротивныхъ, то по своей винѣ и казнь пріемлютъ“. Государю принадлежитъ неограниченное право карать и миловать своихъ слугъ, и въ этомъ онъ не отдаетъ отчета никому, кромѣ Бога. Эта мысль Грознаго еще отчетливѣе выражена въ продиктованныхъ имъ боярскихъ отвѣтахъ на подметныя письма польскаго короля Сигизмунда-Августа: „нашихъ великихъ государей вольное царское самодержство не какъ ваше убогое королевство; а нашимъ великимъ государемъ не указываетъ никто, а тебѣ твои панове какъ хотятъ, такъ укажутъ . . . а наши всѣ государи самодержцы, и никто же инъ имъ чѣмъ не можетъ указа учинити, и вольны добрыхъ жаловати, а лихихъ казнити“.

Всѣ эти новыя политическія доктрины и теоріи задавали московскому правительству новыя трудныя задачи, которыя оно по мѣрѣ силѣ стремилось осуществить, хотя и не безъ серьезныхъ колебаній и отступленій. Уже Иванъ III стремится бережно охранять независимость и полноту своей власти. Ему первому пришлось выяснить значеніе новаго титула „государь“ наряду съ титуломъ „вел. князя всея Руси“.

Терминъ „государь“ давно извѣстенъ нашему языку. По древнерусской терминологіи это слово обозначало, прежде всего, человѣка властнаго, но лишь въ сферѣ отношеній частныхъ, а не публичныхъ. Это былъ господинъ, хозяинъ (dominus), права котораго распространялись на вещи и людей. Термины—господинъ, господарь и государь—въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ употребляются безразлично, означая въ частности рабовладѣльца и землевладѣльца.

Въ Р. Правдѣ господиномъ называется собственникъ украденной вещи, хозяинъ хоромъ, рабовладѣлецъ и хозяинъ закупа. Въ памятникахъ церковной письменности XI—XIV вв. хохозяинъ нивы и собственникъ челяди назывались господарями или государями. Съ XIV в. и оффиціальные памятники свѣтскаго права усваиваютъ эту терминологію. По новгородскому праву не дозволялось судить холопа и раба безъ господаря; по псковскому праву государемъ называется хозяинъ и землевладѣлецъ, которому служатъ наймиты, и у котораго арендуютъ землю изорники, огородники и кочетники. Такое значеніе эти термины сохраняютъ очень долго и въ теченіе московскаго періода. Холопъ, убившій своего господина, названъ въ Судебникахъ „государьскимъ убойцею" (Суд. 1-й 9; Суд. 2-й 61); рабовладѣлецъ всегда именуется въ нихъ государемъ (Суд. 1-й 18, 20, 38, 40—42, 56, 66; Суд. 2-й 62, 65—67, 76—80, 83, 89), и даже хозяинъ пожни названъ „поженнымъ государемъ" (Суд. 1-й 61; Суд. 2-й 86). Оффиціальные памятники XVII в. избѣгаютъ этого термина, замѣняя его терминомъ „бояринъ"; такъ, въ Уложеніи хозяева старинныхъ и кабальныхъ холоповъ называются ихъ боярами. Но въ языкѣ неоффиціальномъ терминъ „государь" долго еще сохранялъ прежнее значеніе и, утерявъ свой смыслъ, дожилъ до нашихъ дней въ обычной формулѣ: „милостивый государь".

Съ половины XIV в. терминъ „государь" начинаетъ проникать и въ сферу политическихъ отношеній для обозначенія представителя верховной власти. Такое примѣненіе произошло совершенно незамѣтно и естественно, т. к. вел. князья были крупными хозяевами, землевладѣльцами и рабовладѣльцами, и въ этомъ качествѣ были государями. Служба имъ на правѣ частномъ, хозяйственномъ, не могла быть отграничена отъ службы государственной: такого различія еще не существовало. Поэтому слуги вольные и даже служилые князья начинаютъ титуловать господарями и государями тѣхъ владѣтельныхъ князей, которымъ служили. „Господаремъ Русскія земли" и „многихъ земель государемъ" называли иногда во второй половинѣ XIV в. польскихъ королей. Ягайло титулуется „многихъ земель государемъ", а Ви-

товта титуловали „многихъ русскихъ земель государемъ" даже великіе князья тверской и рязанскій. Только что указано, при какихъ условіяхъ Василій Темный получилъ титулы „великаго государя" и „государя земскаго". Иванъ III приказалъ отчеканить титулъ „государя всея Руси" на печати и на монетахъ и употреблялъ этотъ титулъ даже въ сношеніяхъ съ Литвой. Но и при немъ этотъ титулъ еще не пользуется общимъ признаніемъ.

До покоренія Новгорода новгородцы называли московскаго великаго князя „господиномъ". Въ 1477 г. ихъ послы ошибочно назвали Ивана Васильевича „государемъ". Съ точки зрѣнія старины — это было безразлично. Но московскій государь уже иначе понялъ ошибочно обращенный къ нему титулъ и спросилъ новгородцевъ, какого государства они хотятъ. Этимъ случаемъ онъ и воспользовался, чтобы наложить руку на новгородскую вольность. Изъ переговоровъ въ 1478 г. явствуетъ, какъ понималъ Иванъ III значеніе терминовъ „государь" и „государство". Онъ объявилъ новгородцамъ: „мы великіе князи хотимъ государства своего, какъ есмя на Москвѣ, такъ хотимъ быти на отчинѣ своей Великомъ Новѣгородѣ". Не понявъ истиннаго значенія этихъ словъ, новгородцы хотѣли выговорить въ свою пользу нѣкоторыя условія. Въ отвѣтъ на это они услышали слова, приведенныя выше (243). Иванъ Васильевичъ не допускалъ и мысли, чтобы государству его положенъ былъ у р о к ъ. Въ его глазахъ государь это неограниченный правитель. Поэтому у московскаго государя и „вина безъ урока"; это значитъ, что его карающая власть не знаетъ ограниченій. Въ противоположность этому новгородцы, вспоминая свою былую вольность, считали, что они еще отъ князя Ярослава „почтени быша самовластіемъ... и данемъ и послушанію положиша урокъ, еже не преходити предѣлъ прежде уставленныхъ", а потому „ни единому изъ прежде бывшихъ князей (до Ивана III) обладати собою попущающе, но уставленная и умѣренная дающе имъ". Вотъ что значитъ урокъ государству, и чего не хотѣлъ допустить Иванъ III. Одnoзначущій съ словомъ урокъ терминъ у р я д ъ обозначаетъ все опредѣленное, договоренное, обусловленное. Отсюда

„урядникъ“ означаетъ правителя съ ограниченными полномочіями въ отличіе отъ государя неограниченнаго. Эту разницу отлично знаетъ Василій Ивановичъ. Когда въ 1533 г. въ Москву явился гость отъ „Бабуръ падши, Индѣйскіе земли государя“, съ предложеніемъ быть съ нимъ въ дружбѣ и братствѣ и обсылаться людьми, то вел. князь отвѣтилъ, „что того хочетъ, чтобы люди промежъ ихъ ѣздили; а о братствѣ къ нему не приказалъ“, т. к. было неизвѣстно, каковъ онъ на Индѣйскомъ государствѣ: „государь ли, или урядникъ, и великому бы государю въ томъ низости не было, будетъ онъ тоя земли урядникъ, и вел. государь того ради о братствѣ ему не писалъ“. Для истиннаго, великаго государя нельзя даже назвать братомъ ограниченнаго правителя. Тотъ-же Василій Ивановичъ отвѣтилъ крымскому хану: „урокомъ поминковъ мы ни къ кому не посылали“. Отецъ Василія въ 1488 г. отклонилъ предложеніе выхлопотать ему у цесаря королевскій титулъ: „мы божіею милостію государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, и поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы, а просимъ Бога, чтобы намъ далъ Богъ и нашимъ дѣтемъ и до вѣка въ томъ быти, какъ есмя нынѣ государи на своей землѣ, а постановленія, какъ есмя напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ“. Такъ бережно охраняли независимость своей власти уже первые два государя независимаго московскаго государства, Иванъ III и его сынъ.

Особенно много хлопотъ московской дипломатіи доставили стремленія создать московскому государю подобающее международное положеніе въ ряду другихъ государей. По идеѣ новаго вселенскаго значенія московскій государь долженъ бы занять первое мѣсто среди всѣхъ прочихъ государей, какъ „наипаче во царѣхъ пресвѣтлѣйшій“, „великостольнѣйшій государь“, „иже во всей поднебесной христіаномъ царь“. Но въ дѣйствительности вчерашнему даннику татарскаго хана пришлось съ удивительнымъ упорствомъ вести продолжительную, подчасъ непосильную борьбу, чтобы добиться отъ сосѣдей признанія тѣхъ или иныхъ почетныхъ притязаній. Въ качествѣ представителя независимаго госу-

дарства, московскій самодержецъ долженъ былъ признать равными себѣ многихъ сосѣднихъ государей и по старинному обыкновенію, возникшему въ практикѣ междукняжескихъ отношеній, „писаться съ ними братствомъ“. Но, по весьма своеобразной московской дипломатической мѣркѣ, не всѣ представители государствъ оказались истинными великими государями, а потому не всѣ могли и удостоиться чести называться братьями московскаго государя. Московской дипломатіи приходилось производить подробнѣйшія изысканія о рангахъ всякихъ королей, князей, кому они равны, „не послушны-ли чѣмъ кому“, т. е. не подчинены-ли, и „послушны-ли имъ люди“ и т. п.

Такъ мало по малу создавалось опредѣленное мѣрило сравнительной оцѣнки международнаго значенія государей и государствъ. Въ основу этого мѣрила положено было многое, позаимствованное изъ чисто національнаго мѣстничества московскихъ служилыхъ людей. Какъ тѣ мѣстничались по родословцу и по разрядамъ, такъ и государи считались честью по родословіямъ и по государствамъ. Царскій родословецъ выводилъ родъ московскихъ государей не отъ Владиміра Св. и Владиміра Мономаха, а черезъ Прусса отъ римскаго кесаря Августа. Кто могъ при такихъ условіяхъ тягаться родословіемъ съ Иваномъ Грознымъ? Но родословная точка зрѣнія хотя играетъ первенствующую роль, но не единственную. Извѣстное значеніе имѣетъ и рангъ государства. Седмиградское воеводство Грозный считалъ „не великимъ мѣстомъ“ по сравненію съ другими королевствами и попрекалъ Стефана Баторія тѣмъ, что онъ учинился королемъ польскимъ съ этого воеводства, а потому и не хотѣлъ называть его братомъ. Точно такъ-же „Свейская земля“ оказалась многихъ государствъ честію ниже, а потому Грозный не допускалъ непосредственныхъ сношеній съ шведскимъ королемъ въ виду того, что это „отстоитъ отъ мѣры, какъ небо отъ земли“, и настаивалъ на томъ, чтобы шведское правительство сносилось съ новгородскими намѣстниками. Далѣе, важное значеніе въ оцѣнкѣ чести государей играетъ степень власти государей. Въ Москвѣ истиннымъ государемъ считали только государя съ неограниченною самодержавною властью. При

этомъ только государь наслѣдственный, получающій свои полномочія отъ Бога и по праву рожденія, могъ быть государемъ истинно самодержавнымъ. Государи же избранные, въ силу своего „поставленья или посаженья“, считались не полноправными, а потому менѣе „честными“. Въ 1562 г. бояре указывали литовскому послу, что московскіе государи „самодержцы никѣмъ не посажены на своихъ государствахъ; а ваши государи посаженые государи; такъ который крѣпче: вотчинный ли государь, или посаженый? сами разсудите“. Посаженный государь не можетъ обладать достаточными полномочіями для устроенія земли. Польскій король потому и послушенъ своимъ паномъ, что „не коренной государь“; самодержавный московскій государь воленъ жаловать и казнить, а „ты (польскій король) по дѣлу не воленъ еси, что еси посаженой государь, а не вотчинный, какъ тебя захотѣли паны твои, такъ тебѣ въ жалованье государство и дали... Не токмо что во ввѣренныхъ тебѣ людѣхъ не воленъ еси, но и въ себѣ не воленъ еси... какъ-же тебѣ вольну быти въ своемъ государствѣ?“ Потому-то въ Москвѣ и считали польское королевство „убогимъ“. Тѣ-же несовершенства были присущи и Шведскому королевству. Грозный писалъ королю Іоанну: „коли бы то ваше совершенное королевство было, ино бы отцу твоему совѣтники и вся земля въ товарищахъ не были, и землю къ государемъ великимъ не приписываютъ... А совѣтники королевства свейского почему отцу твоему товарищи?... а отецъ твой у нихъ въ головахъ, кабы староста въ волости... и тебѣ потому нельзя равнятись съ великими государи, въ великихъ государствахъ тѣхъ обычаевъ не ведется“. Ту-же мысль развивалъ Грозный въ письмѣ 1570 г. къ англійской королевѣ Елизаветѣ: „мы чаяли того, что ты на своемъ государствѣ государыня и сама владѣешь и своей государской чести смотришь и своему государству прибытка. Ажно у тебя мимо тебя люди владѣютъ, и не токмо люди, а мужики торговые, и о нашихъ государскихъ головахъ и о честехъ и о земляхъ прибытка не смотрятъ, а ищутъ своихъ торговыхъ прибытковъ. А ты пребываешь въ своемъ дѣвическомъ чину, какъ есть пошлая дѣвица“. Чтобы ярче оттѣнить свое положеніе по сравненію съ положеніемъ

Баторія, побѣжденный царь Грозный въ письмѣ къ королю титулуетъ себя „дѣдичемъ, отчичемъ и наслѣдникомъ прародительскихъ земель Божіимъ изволеніемъ, а не многомятежнаго человѣчества хотѣніемъ".

При Грозномъ сначала писали братствомъ: цесарю, турецкому султану, королю польскому и крымскому хану. Но цесарь и король польскій, какъ государи избранные, скоро оказались братьями не равными. Съ высокомѣріемъ говоритъ Грозный польскимъ посламъ въ 1576 — 78 гг. объ ихъ королѣ Стефанѣ: „называетъ мене собе братомъ, ино не вѣдаю коимъ чиномъ", и, цѣлымъ рядомъ ссылокъ доказывая свои преимущества, сдѣлалъ выводъ: „и по тѣмъ по всѣмъ случаямъ государю вашему Степану съ нами въ равномъ братствѣ быти не пригоже". Нѣсколько раньше, по случаю переговоровъ въ 1572 г. объ избраніи на польскій престолъ его сына, Грозный поставилъ себя выше цесаря и французскаго короля и приравнялъ къ себѣ только турецкаго султана. А черезъ десять лѣтъ, испытывая униженія побѣжденнаго, онъ уже утверждалъ, что „Божіимъ милосердіемъ никоторое государство намъ высоко не бывало". Такъ онъ оказался первымъ среди всѣхъ государей вселенной, хотя бы только въ области субъективныхъ ничемъ не сдерживаемыхъ притязаній. Суровая дѣйствительность нерѣдко обрывала этотъ безпредѣльный полетъ царской фантазіи и заставляла дѣлать серьезныя уступки требованіямъ реальной дѣйствительности, въ особенности къ концу царствованія Грознаго царя, когда правительство во внѣшней и внутренней политикѣ должно было перенести жестокія испытанія, а царское честолюбіе—мучительныя униженія. Кровнаго своего врага и обидчика, Стефана Баторія, Грозный не только вынужденъ былъ называть братомъ, но и писать ему, „предъ Богомъ и передъ нимъ смиряяся". Первенство въ международномъ положеніи оказалось ничуть не менѣе фиктивнымъ, чѣмъ и царственные корни государства родословца.

Въ области внутренней политики московскіе государи одинаково стремятся осуществить теорію теократическаго абсолютизма. Иванъ III и его сынъ и внукъ прилагаютъ всѣ старанія къ охранѣ правовѣрія, созывая соборы для обличенія

и казни еретиковъ и возвеличенія московскихъ и русскихъ святынь. Они творятъ свои хотѣнія, возвышая доброхотныхъ имъ и преслѣдуя супротивныхъ казнями и иными жестокими карами. Но при всемъ томъ, нельзя утверждать, что московскимъ государямъ удалось осуществить идеалъ неограниченной самодержавной власти. Ихъ власть была безспорно весьма обширна, такъ обширна, что казалась наблюдательнымъ иностранцамъ (напр., Герберштейну) выше власти всѣхъ монарховъ Европы. Однако, какъ правильно замѣчено (проф. Ключевскимъ), могущество этой власти сказывалось въ отношеніи къ лицамъ, а не къ существующему порядку. Порядокъ учрежденія стояли подъ защитой старины, старыхъ обычаевъ и считались неприкосновенными ни для чьей воли. Московскимъ государямъ предстояло перестроить весь старый порядокъ. Они и дѣлаютъ это, но дѣлаютъ не открыто, не путемъ общихъ предписаній, а медленнымъ путемъ частныхъ мѣръ, облекая всѣ новшества покровомъ фиктивной старины (выше, стр. 201—204). Подъ фикціей старины проводится и совершенно новый идеалъ самодержавнаго царства. Связанная завѣтами старины, могущественная воля государей оказывалась нерѣдко безсильной въ борьбѣ даже и съ опасными для государственныхъ интересовъ формами быта. Мѣстничество, напр., было во многихъ отношеніяхъ вредно для интересовъ государственной службы и ставило предѣлы власти государей даже и надъ лицами. Тѣмъ не менѣе московскіе государи въ теченіе двухъ вѣковъ подчиняются правиламъ мѣстническихъ счетовъ. Уже Иванъ III отлично понималъ весь вредъ и опасности, проистекающіе отъ раздѣленія государственной территоріи между дѣтьми, но ни онъ, ни его преемники этого обычая не отмѣнили; онъ выродился лишь съ пресѣченіемъ династіи Рюриковичей (стр. 241—242, 244).

Вслѣдствіе этихъ условій, препятствовавшихъ практическому осуществленію новаго идеала власти, создавалась и благопріятная почва для оппозиціи, которая и выступила противъ новыхъ тенденцій московскихъ государей и при томъ съ двухъ сторонъ: изъ среды духовенства и изъ среды свѣтской.

Оппозиція духовенства возникла въ тѣсной связи съ но

вой теоріей теократическаго абсолютизма. Согласно этой теоріи, главной обязанностью царей являлась охрана правовѣрія. Истолкованіе же основъ правой вѣры духовенство оставило за собой и, конечно, могло по этому вопросу разойтись въ воззрѣніяхъ съ представителя мірской власти. Самъ Іосифъ Волоцкій на первыхъ-же порахъ разошелся съ Иваномъ III во взглядѣ на новгородскихъ еретиковъ: государь не только не начиналъ противъ нихъ никакихъ преслѣдованій, но даже держалъ нѣкоторыхъ еретиковъ въ приближеньи и, можетъ быть, раздѣлялъ ихъ воззрѣнія. Съ точки зрѣнія Іосифа, государь не выполнялъ главнѣйшей своей обязанности — не охранялъ, какъ пастырь, своего стада отъ волковъ. А потому Іосифъ поспѣшилъ къ своему ученію ввести прибавку относительно царя, который надъ собой „имать царствующи скверныя страсти и грѣхи, лукавство и неправду, гордость и ярость, злѣйши же всѣхъ невѣріе и хулу“. Такой царь отнюдь „не божій слуга, но дьяволь, и не царь, но мучитель“. Іосифъ преподаетъ такое правило поведенія по отношенію къ такому представителю власти: „и ты убо такового царя или князя да не послушаеши, на нечестіе и лукавство приводяща тя, аще мучитъ, аще смертію претитъ“. Эта по существу чисто революціонная прибавка не получила, однако, ни дальнѣйшаго развитія, ни практическаго примѣненія, т. к. Иванъ III въ концѣ своего княженія выполнилъ требованія Іосифа и его сторонниковъ и созвалъ соборъ, которымъ и приняты были рѣшительныя мѣры противъ новгородскихъ еретиковъ.

У Іосифа съ Иваномъ III возникло и еще одно разногласіе по вопросу о монастырскихъ недвижимыхъ имуществахъ, т. к. Іосифъ оказался однимъ изъ главныхъ противниковъ секуляризаціи этихъ имѣній. На соборѣ 1503 г. вопросъ былъ рѣшенъ вопреки предположеніямъ государя и онъ подчинился этому рѣшенію. Хотя попытка секуляризаціи не удалась, а самый вопросъ не имѣлъ никакого отношенія къ правовѣрію и его охранѣ, однако, на этой почвѣ возникла серьезная оппозиція правительству, рѣзко выдвинувшая вопросъ объ отношеніи властей церковной и государственной. Въ 1505 г. появилось слово противъ наруши-

телей имущественныхъ правъ церкви, въ которомъ развивается теорія двухъ мечей, духовнаго и вещественнаго, находящихся въ распоряженіи пастырей церкви. Послѣдніе должны дѣйствовать сначала духовнымъ мечемъ, т. е. убѣжденіемъ и наказаніемъ (поученіемъ), до преданія анаѳемѣ включительно. Если же и послѣ третьяго наказанія „непослушніи не сотворятъ повиновенія и сопротивни пребудутъ, не хотяще наказатися, ни вый своихъ гордыхъ пастыремъ подклонити", тогда пастыри помощью „плечій мірскихъ (brachium seculare) дѣйствовати могутъ мечемъ вещественнымъ. на отвращеніе силы сопротивныхъ", въ защищеніе церкви своея „даже и до своего кровопролитія". Въ подкрѣпленіе этого правила анонимный авторъ приводитъ теорію отношеній между авторитетами духовнымъ и свѣтскимъ. Обѣ власти происходятъ отъ Бога, но „толико мірская власть подъ духовною есть, елико отъ Бога духовное достоинство предположено есть". Послѣдняя мысль неоднократно повторялась какъ въ литературныхъ памятникахъ (повѣсть о бѣломъ клобукѣ, Константиново вѣно), такъ и видными представителями духовенства, какъ-то: Максимомъ Грекомъ, митр. Макаріемъ. Такъ, Максимъ Грекъ училъ, что „святительство и царя мажетъ и вѣнчаетъ и утвержаетъ, а не царство святителехъ... Убо больши есть священство царства земскаго, кромѣ бо всякого прекословія меньша отъ большаго благословляется".

Однако, въ XVI в. никакого принципіальнаго столкновенія между властями не произошло, т. к. государственная власть по всѣмъ вопросамъ, касавшимся интересовъ церкви, дѣйствовала въ согласіи съ представителями церкви. Опасность обостренія отношеній усугубилась со времени учрежденія патріаршества. Представитель церкви, въ качествѣ замѣстителя превысочайшаго престола патріаршескаго, еще болѣе импонировалъ своимъ авторитетомъ государю и всему обществу. Съ возведеніемъ въ патріаршій санъ отца Михаила Ѳедоровича, Филарета Никитича, послѣдній присоединилъ къ своему титулу „святѣйшаго патріарха московскаго и всея Руси" еще титулъ „великаго государя". Въ Москвѣ такимъ образомъ оказалось два государя, свѣтскій и духовный. Фактически патр. Филаретъ явился главнымъ руководителемъ

правительственной политики. Современники называли его столь властолюбивымъ, „яко и самому царю боятися его“, и указывали, что онъ не только „слово божіе исправляше, но и земская вся правляше“. Но духовный государь все-же былъ новостью, и въ придворномъ ритуалѣ еще не успѣли приспособиться къ такому двоевластію. Назначенный въ рынды къ патріарху кн. Петръ Репнинъ усмотрѣлъ, что рындой патріарха быть менѣе почетно, чѣмъ рындой государя, и возбудилъ мѣстническій споръ. Этотъ споръ судилъ самъ свѣтскій государь и опредѣлилъ, что никакого повода къ счету о мѣстахъ вовсе нѣтъ: „каковъ онъ государь, таковъ и отецъ его государевъ. . . ихъ государское величество нераздѣльно“. Но такое единеніе властей было возможно лишь при условіи, что государь-сынъ во всемъ подчинялся государю-отцу.

Такое двоевластіе повторилось еще разъ во время патріаршества Никона, котораго въ 1653 г. самъ тишайшій царь Алексѣй Михайловичъ назвалъ „великимъ государемъ“, а Никонъ усвоилъ себѣ этотъ титулъ. Въ предисловіи къ изданному въ 1655 г. по его повелѣнію служебнику сказано, что „Богъ даровалъ Руси два великихъ дара: благочестиваго и христолюбиваго великаго государя царя Алексѣя Михайловича и великаго государя святѣйшаго Никона патріарха“, и далѣе оба великіе государи именуются „богоизбранною, богомудрою и благочестивою двоицею“. На этотъ разъ, однако, два государя не ужились мирно, и дѣло кончилось столкновеніемъ. Недовольный дѣйствіями государя, Никонъ въ іюлѣ 1658 г. оставилъ патріаршество и уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь. Въ началѣ 1660 г. созванъ былъ соборъ для рѣшенія труднаго вопроса о томъ, какъ быть съ Никономъ и съ замѣщеніемъ патріаршескаго престола. Хотя соборъ постановилъ, что надлежитъ избрать преемника Никону, а самаго Никона лишить сана; но государь не рѣшился привести этотъ приговоръ въ исполненіе. Между тѣмъ Никонъ выступилъ съ рѣзкими возраженіями, обличая государя въ неправильныхъ дѣйствіяхъ и даже въ уклоненіи отъ правовѣрія, и при этомъ высказалъ свою точку зрѣнія на отношенія между духовнымъ и свѣтскимъ авторитетами. По его мнѣнію, уже много разъ было доказано, что священство выше царства. Онъ съ своей стороны приводитъ

два довода: 1) „не отъ царей начальство священства пріемлется, но отъ священства на царство помазуются“, и 2) „Господь Богъ Всесильный когда сотворилъ небо и землю, то повелѣлъ двумъ свѣтиламъ, солнцу и мѣсяцу, свѣтить, и чрезъ нихъ показалъ власть архіерейскую и царскую, солнцемъ—власть архіерейскую, мѣсяцемъ—царскую; архіерейская власть сіяетъ днемъ, власть эта надъ душами; какъ мѣсяцъ заимствуетъ свѣтъ отъ солнца, такъ и царь пріемлетъ помазаніе и вѣнчаніе отъ архіерея и властвуетъ въ вещахъ міра сего. Въ частности, по требованію архіерейства царскій мечъ долженъ быть готовъ на враговъ вѣры православной“ (Соловьевъ, XI, 272—273; Макарій, XII, 235, 410, 417—418).

Возникшее столкновеніе, однако, надо было устранить. Собственною властью, даже опираясь на постановленіе мѣстнаго собора іерарховъ, царь не рѣшился на этотъ шагъ изъ справедливаго опасенія, что Никонъ не подчинится этому распоряженію и учинитъ еще большій соблазнъ въ церкви. Алексѣй Михайловичъ обратился за содѣйствіемъ къ вселенскимъ патріархамъ. Лишь въ 1667 г. состоялся соборъ съ участіемъ восточныхъ патріарховъ для суда надъ Никономъ. Его признали виновнымъ въ самовольномъ безъ всякаго понужденія оставленіи патріаршества, въ помѣхахъ къ замѣщенію каѳедры и въ несправедливыхъ обвиненіяхъ „христіаннѣйшаго самодержца“. На основаніи этого соборъ осудилъ Никона, лишилъ его сана и простымъ монахомъ отправилъ въ заточеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ соборъ призналъ, что „царь имѣетъ преимущество въ политическихъ дѣлахъ, а патріархъ—въ церковныхъ“. Если на этотъ разъ царская власть и вышла побѣдительницей, то вовсе не въ силу признанія ея превосходства. Двойственность власти оставлена неприкосновенной и даже подчеркнута постановленіемъ собора. Повтореніе подобныхъ конфликтовъ въ будущемъ ничѣмъ не было предотвращено и являлось неизбѣжнымъ каждый разъ, когда на лицо оказалось бы два неуступчивыхъ представителя двухъ независимыхъ одна отъ другой властей. Только преобразованія Петра въ области церковнаго устройства сдѣлали невозможнымъ „подобные замахи“.

Другое оппозиціонное теченіе шло изъ свѣтской среды и

возникло на почвѣ неудовольствій тѣми или иными перемѣнами, какія проводились московскимъ правительствомъ. Недовольство шло изъ разныхъ общественныхъ слоевъ, иной разъ рѣзко обострялось подъ вліяніемъ взаимной борьбы за насущные интересы, но до активныхъ дѣйствій противъ правительства дѣло не доходило и ограничивалось выраженіемъ недовольства въ частныхъ бесѣдахъ, анонимныхъ памфлетахъ, повѣстяхъ, сказаніяхъ и т. п. Правительство не стѣснялось въ мѣропріятіяхъ по отношенію къ своимъ заподозрѣннымъ оппонентамъ, а послѣдніе лишь въ рѣдкихъ случаяхъ спасались отъ грозящихъ имъ каръ за предѣлами отечества.

Слабыя отраженія оппозиціоннаго настроенія можно отмѣтить, напр., въ новгородско-псковской письменности. То были или радужныя воспоминанія о былой вольности этихъ земель, или горькая критика вновь заведенныхъ московскихъ порядковъ. Авторъ позднѣйшей передѣлки сказанія о праздникѣ иконы Знаменія по поводу нашествія на Новгородъ Андрея Боголюбскаго въ 1169 г. вспоминаетъ, что новгородцы еще со временъ Ярослава „почтени быша самовластіемъ . . . и данемъ и послушанію положиша урокъ, еже не преходити предѣлъ прежде уставленныхъ“. Такой порядокъ „въ зависть многіе грады сподвиже“. Андрей Боголюбскій, названный лютымъ Фараономъ, собралъ на разореніе Новгорода почти всю Русскую землю, и „вси завистью взимающеся на разореніе богатѣйшаго града“. Это процвѣтаніе и богатство города авторъ объясняетъ тѣмъ, что „самовластіемъ управляющееся и ни единому изъ прежде бывшихъ князей обладати собою попущающе, но уставленная и умѣренная дающе имъ“ (Лѣтоп. русск. лит. Тихонравова, т. IV, стр. 19). Нельзя не замѣтить, что авторъ сказанія всего сильнѣе восчувствовалъ тяжесть новаго московскаго тягла, противополагая ему прежнія умѣренныя дани.

Авторъ повѣсти „о Псковскомъ взятіи“ также рисуетъ сначала прежніе псковскіе порядки. Псковичи жили по своей волѣ и не имѣли „князя державнаго, владущаго ими“, но избирали князей „ово отъ Москвы, ово отъ Литовскія земли“ и держали такого князя, „яко наемника, а не яко князя, по закону своему“. А если увидятъ отъ князя „что прискорбно“,

то отсылали его „въ отечество свое ему, откуда взять бысть". Но вотъ взять былъ въ Псковъ по давному обычаю съ Москвы кн. Ив. Оболенскій-Репня, который жилъ у нихъ „грозно и свирѣпо по наказу государя своего, по московскому обычаю, а не по обычаю ихъ и закону". Жалоба на него московскому государю лишь вызвала у государя мысль „превратити Псковъ на своя пошлины". Разсказавъ обстоятельства псковскаго взятія, авторъ замѣчаетъ: „кто сего не восплачетъ и не возрыдаетъ?" и затѣмъ приводитъ аллегорическую жалобу славнѣйшаго града Пскова, какъ на него налетѣлъ многокрылый орелъ съ львиными ногтями и взялъ у него „три кедра Ливанова", и красоту его, и богатество, и чада его восхити. Новыя московскія пошлины вызвали у автора ѣдкую ихъ характеристику: „у московскихъ намѣстниковъ, ихъ тіуновъ и дьяковъ правда ихъ, крестное цѣлованіе, взлетѣла на небо", а начала въ нихъ ходить кривда, и отъ нихъ было много зла, т. к. они были немилостивы къ псковичамъ. А бѣдные псковичи такъ и не узнали правды московской! Отъ такихъ порядковъ всѣ иноземцы разошлись изъ Пскова по своимъ землямъ, т. к. было „не мочно во Псковѣ жити". Остались одни псковичи и то потому только, съ горькой ироніей замѣчаетъ авторъ, что „земля не разступится, а вверхъ не взлетѣть" (П. С. Л., IV, 287—288).

Но и эти немногіе оппозиціонные голоса скоро совершенно замолкли въ сферѣ чисто политической и продолжали еще нѣкоторое время раздаваться въ сказаніяхъ и повѣстяхъ о мѣстныхъ святыняхъ, не безъ успѣха конкурировавшихъ съ московскими.

Большее значеніе имѣла оппозиція, идущая изъ среды высшихъ служилыхъ классовъ. Недовольство этой среды стало выясняться и обостряться уже съ прибытіемъ греческой царевны Зои Палеологъ. Въ настоящее время не удается выяснить многихъ подробностей въ тѣхъ преслѣдованіяхъ и казняхъ, какими сопровождалась опала, постигшая назначеннаго наслѣдникомъ внука Ивана III, Димитрія. Несомнѣнно, что при этомъ разыгралась борьба разныхъ придворныхъ партій. Извѣстно, что, недолго спустя, служилая молодежь жаловалась на новые порядки, заведенные при московскомъ дворѣ. Собираясь

у Максима Грека, какъ у человѣка бывалаго, много видѣвшаго и знающаго, нѣкоторые изъ недовольныхъ новыми порядками распрашивали его, какъ слѣдуетъ государю устроить свою землю, какъ людей жаловать и какъ жить митрополиту. Одинъ изъ собесѣдниковъ жаловался, что государь старые обычаи перемѣнилъ, и, ссылаясь на авторитетъ разумныхъ людей, утверждалъ: „которая земля переставливаетъ обычьи свои, и та земля недолго стоитъ. Ино на насъ котораго добра чаяти?“ Перемѣна обычаевъ приписывалась главнымъ образомъ царицѣ Софьѣ: до ея прибытія „земля наша русская жила въ тишинѣ и въ миру; а какъ пришли сюда грекове, ино и земля наша замѣшалася, и пришли нестроенія великіе“; однимъ словомъ, Софья, „какова ни была, а къ нашему нестроенію пришла“. И позднѣе кн. А. М. Курбскій перемѣну нравовъ предобрыхъ русскихъ князей объяснялъ вліяніемъ „злыхъ женъ, паче же которыхъ поимовали отъ иноплеменниковъ“. Софью же онъ прямо называлъ „греческою чародѣйницею“.

Но въ чемъ же перемѣна нравовъ или старыхъ обычаевъ? Собесѣдники Максима Грека, Берсень-Беклемишевъ и Ѳедоръ Жареный, говорили про Василія III, что „государь пришолъ жестокъ, людей мало жалуетъ, къ людемъ немилостивъ“, и что „государь упрямъ, встрѣчи противъ себя (возраженій) не любитъ, и кто противъ него говоритъ, и онъ на того опаляется“. Берсень вздумалъ ему возразить по поводу смоленскаго похода, но государь на него крикнулъ: „пойди, смердъ, прочь, не надобенъ ми еси“. Самого Максима Грека правительство обвиняло въ томъ, что онъ называлъ Василія III „гонителемъ и мучителемъ нечестивымъ“. А Курбскій этого князя называлъ „великимъ паче же въ прегордости и лютости княземъ“. Недовольные Василіемъ III совсѣмъ иначе отзывались объ его отцѣ: Иванъ III Васильевичъ „былъ добръ и до людей ласковъ, и противъ себя стрѣчю любилъ, и тѣхъ жаловалъ, которые противъ его говаривали“. Отъ этого и результаты были благіе: „пошлетъ людей на которое дѣло, ино и Богъ съ ними“. Курбскій утверждалъ, что политическіе успѣхи Ивана III произошли „воистину многого его совѣта [illegible] мудрыми и мужественными сигклиты его: бо зѣло

глаголють его любосовѣтна быти и ничтоже починати безъ глубочайшаго и многаго совѣта". Берсень жаловался еще, что Василій III отстраняетъ отъ своего совѣта многихъ слугъ и, „запершися самъ третей у постели, всякіе дѣла дѣлаетъ". И Курбскій упрекаетъ Грознаго за то, что онъ особенно вѣритъ дьякамъ, которыхъ избираетъ не изъ шляхетскихъ и благородныхъ родовъ, а изъ поповичей и простого всенародства, и дѣлаетъ это, „ненавидяще вельможъ своихъ, хотяще единъ веселитися на землѣ".

Особенно обострились отношенія у царя Грознаго съ боярствомъ. Отчасти болѣзненная мнительность царя, уязвленная династическими опасеніями, отчасти разыгравшіяся партійныя страсти,—все это преувеличено рисовало нервозному правительству грозящія отовсюду измѣны и тайные заговоры. Борьбу съ ними и искорененіе ихъ и поставило правительство Грознаго одною изъ главныхъ задачъ своей политики. Не даромъ въ похвальномъ словѣ Василію III, по поводу рожденія у него сына Ивана, радостный авторъ утѣшаетъ читателя, что теперь нечего сѣтовать и смущаться мыслью о судьбѣ царства, о православіи; нечего восклицать съ горечью: „кто да посрамитъ еретическое гнилословіе, кто да управитъ исконное въ отечествѣ его любопренное и гордынное о благородствѣ мятежное шатаніе". Значитъ, Грозный какъ бы отъ рожденія предназначался искоренить гордынное и мятежное шатаніе среди благородныхъ. Отсюда опалы, казни, наконецъ, опричнина. Князь А. М. Курбскій съ своей стороны взялся объяснить причины „пожара лютости въ землѣ Святорусской". Гоненія начались удаленіемъ Сильвестра и Адашева и членовъ избранной рады. По объясненію Курбскаго, это произошло вслѣдствіе совѣтовъ царю Вассіана Топоркова—не держать совѣтниковъ мудрѣе себя, а также доносовъ злыхъ ласкателей, царскихъ шурьевъ и другихъ нечестивыхъ, которые про избранную раду говорили: „худые люди, чаровницы, тебя государя, столь великаго и мудраго, боговѣнчаннаго царя, держали аки въ оковахъ, не дающе тебѣ ни въ чесомъ же своей воли, . . . хотяще сами царствовати и нами всѣми владѣти". Курбскій же утверждаетъ, что злые ласкатели все это дѣлали для того,

„да невозбранно будетъ имъ всѣми нами владѣти“. Отсюда вскрывается, что рѣчь идетъ о борьбѣ двухъ партій, борющихся за вліяніе и власть при дворѣ. Что же это за партіи? Курбскій указываетъ, кто были эти презлые ласкатели, губители царства Святорусскаго. Вассіанъ Топорковъ былъ „мнихъ отъ іосифлянскія лукавыя четы“. Затѣмъ упоминаются „прелукавые мнихи“ Мисаилъ Сукинъ и Левка Чудовской. Все это постриженники и послѣдователи Іосифа Волоцкаго. Курбскій очень много и съ горячей ненавистью говоритъ объ этихъ вселукавыхъ іосифлянскихъ мнихахъ, въ томъ числѣ и о прегордомъ и лютомъ митр. Даніилѣ. У каждой партіи свое знамя. Политическіе взгляды іосифлянъ изложены выше, и Курбскій довольно точно ихъ передаетъ. Вассіанъ Топорковъ совѣтуетъ царю, если онъ желаетъ быть самодержцемъ, не держать при себѣ мудрѣйшихъ совѣтниковъ: „тако будеши твердъ на царствѣ и все имѣти будеши въ рукахъ своихъ“. Злые ласкатели утверждали, что царь, когда отогналъ отъ себя мудрѣйшихъ совѣтниковъ, то воистину образумился, „зряще свободно на все свое царство, яко помазанецъ божій, и никто же инъ, точію самъ одинъ, тое управляюще и имъ владѣюще“. Приводя слова Вассіана царю: „ты лучше всѣхъ и не достоитъ ти никого имѣти мудраго“, Курбскій ихъ сопровождаетъ такимъ толкованіемъ: „аки бы реклъ: понеже еси Богу равенъ“. Эта ссылка на іосифлянскую теорію обожествленія власти приводитъ Курбскаго къ сравненію этой теоріи съ гласомъ падшаго ангела, задумавшаго сравняться съ превышнимъ. Такъ ядовито иронизируетъ Курбскій надъ доктриной теократическаго абсолютизма. Ей онъ противоставитъ другую: „самому царю быти яко главѣ и любити мудрыхъ совѣтниковъ яко свои уды“. Порядокъ, существовавшій во время господства избранной рады, когда царь не могъ „безъ ихъ совѣта ничесоже устроити или мыслити“, кажется Курбскому единственно правильнымъ. Онъ подтверждаетъ его и ссылкой на княженіе Ивана III, ничего не починавшаго безъ глубочайшаго и многаго совѣта съ мудрыми и мужественными своими сигклиты, и другими примѣрами и указываетъ, что принесло царю Давиду „непослушаніе сигклитскому совѣту“, какую бѣду навелъ на него Богъ, когда

онъ, вопреки мнѣнію совѣтниковъ, предпринялъ счисленіе израильскаго народа. Такимъ образомъ Курбскій считалъ обязательнымъ для царя наличность совѣта изъ мудрыхъ сигклитовъ, указаніямъ котораго царь и долженъ слѣдовать.

Двѣ борющіяся партіи въ корнѣ разошлись не только по вопсосу о политическомъ строѣ Московскаго царства, но еще и въ вопросѣ насущной соціальной важности: въ вопросѣ о правѣ монастырей владѣть недвижимыми имуществами. Курбскій и его сторонники всецѣло присоединились къ мнѣнію нестяжателей, хотя и по мотивамъ болѣе эгоистичнымъ, т. к. расширеніе монастырскаго землевладѣнія оказалось въ грозномъ противорѣчіи съ интересами служилаго землевладѣнія. Поэтому не менѣе рѣзко и страстно напалъ Курбскій на іосифлянъ за ихъ землевладѣльческія стремленія. По его утвержденію, іосифляне „того ради люты и безчеловѣчны зѣло, и властей и имѣней желатели, иже не надѣются за всѣ прегрѣшенія отвѣта дати на судѣ". Онъ ярко рисуетъ іосифлянскую политику въ дѣлахъ объ увеличеніи монастырскихъ вотчинъ: „Лицемѣрные и любостяжательные иноки учатъ отцовъ и ужиковъ не радѣти о ближнихъ въ родѣ, но совѣтуютъ и глаголютъ—не давати имѣнія аще и убогимъ сродникомъ, а давай къ монастырю, и за то тебѣ умолятъ святые у Бога царствіе небесное". Такой политикѣ Курбскій противополагаетъ картину грозной дѣйствительности: „и такъ земли христіанскія уже знищали, иже воинскій чинъ валикъ хужши учинили". Выше было указано (стр. 273—274), что справедливость этихъ словъ признало и московское правительство на соборѣ 1584 г.

Съ этой именно точки зрѣнія ненормальныхъ отношеній по землевладѣнію выступилъ критикомъ современныхъ порядковъ и анонимный авторъ „Бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ". По его мнѣнію, все зло окружающей дѣйствительности проистекаетъ отъ монастырскаго землевладѣнія. Это есть „отъ бѣса противо новыя благодати новая ересь, что инокомъ волости со христіаны владѣти". Въ этомъ всецѣло авторъ винитъ царей. Раздавая волости инокамъ, цари оказываютъ имъ не милосердіе, но душевредство и безконечную погибель, ибо инокамъ не надлежитъ давать „княжее и

болярское мірское жалованье, аки воинамъ, волости со христіаны". Если цари это дѣлаютъ, то тѣмъ показываютъ, что не могутъ сами собой воздержати своего царства, тогда какъ должны сами управлять, отчего и пишутся самодержцами. И царямъ (современнымъ московскимъ) не слѣдуетъ писаться самодержцами, т. к. они правятъ царствомъ съ пособниками, а „не собою, ниже съ своими пріятелями, князьями и боярами, но не съ погребенными владѣетъ, съ мертвецы (т. е. иноками) бесѣдуетъ таковой царь". По мнѣнію автора, „лучше степень и жезлъ и царскій вѣнецъ съ себя отдать и не имѣть царского имени на себѣ, и престола царства своего подъ собою, нежели иноковъ мірскими суетами отвращати отъ душевнаго спасенія". Обвиняя въ этомъ царей, авторъ жалуется на ихъ „простоту и небреженіе", называетъ ихъ „малоемысленными", „противными Христу". „Таковые цари простотою своею да судятся съ нами предъ небеснымъ царемъ за множество міра и неразсудныя власти своея". Но какъ же исправить зло? Прежде всего, конечно, необходимо уничтожить новую ересь, т. е. отобрать у монастырей „волости со христіаны" (населенныя имѣнія); а затѣмъ царямъ надлежитъ совѣщаться не съ иноками, а съ князьями и боярами и съ ними держать царство и раздѣлять власть. Не замѣчая противорѣчія съ разъясненнымъ выше значеніемъ слова самодержецъ, авторъ объявляетъ указываемый имъ порядокъ божественнымъ закономъ. Къ этой мысли онъ возвращается нѣсколько разъ: „Господь повелѣлъ царемъ царство держати и власть имѣти съ князи и съ боляры"; „таковыя власти (т. е. управленіе городами и волостями) даны міра сего свыше отъ Бога царемъ и великимъ княземъ и мірскимъ властелемъ". Но какъ должны править цари съ князьями и боярами, на этомъ вопросѣ авторъ совсѣмъ не останавливается, разъ мимоходомъ лишь замѣтивъ, что царямъ „достоитъ изъ міру всякіе доходы своя съ пощадою собирати и всякія дѣла дѣлати милосердно"; но сейчасъ же снова сбивается на излюбленную тему, что дѣла дѣлати милосердно надлежитъ „съ своими князи и съ боляры и съ протчими міряны, а не съ иноки". Авторъ, несомнѣнно, кровный врагъ современнаго духовенства, а потому требуетъ совершеннаго устраненія его отъ управленія государствомъ: „святитель-

скому, священническому и иноческому чину заповѣдано ничѣмъ не владѣть, окромѣ ихъ святительскихъ властей въ правду о законѣ и о благовѣріи и о спасеніи міра".

Съ иными преобразовательными планами выступилъ другой неизвѣстный авторъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, новгородецъ по происхожденію, приписавшій свой проектъ къ „Бесѣдѣ" подъ особымъ названіемъ: „Иное сказаніе тоежъ Бесѣды. Авторъ задается цѣлью укрѣпить и привести въ порядокъ Московское царство, объединить его „во благоденство", распространить „сѣмо и овамо" и „задержать вся области" не только съ помощью военной силы, но путемъ улучшенія управленія. Главнѣйшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли авторъ считаетъ „единомысленный вселенскій совѣтъ", состоящій изъ представителей „отъ всякихъ мѣръ всякихъ людей, изъ всѣхъ градовъ и ихъ уѣздовъ". Царю рекомендуется держать при себѣ такой совѣтъ „погодно" и каждый день „смиренно распрашивать про всякое дѣло міра". Наряду съ такимъ вселенскимъ совѣтомъ рекомендуется сохранить при царѣ особый совѣтъ „изъ разумныхъ мужей, мудрыхъ и надежныхъ воеводъ", съ которымъ царю не слѣдуетъ „разлучаться ни на одинъ день". При такомъ устройствѣ „царю будетъ вѣдомо про все всегда", и царь будетъ имѣть возможность „скрѣпить отъ грѣха" своихъ властей и воеводъ. Если справедлива догадка, что эта приписка къ „Бесѣдѣ" возникла въ 70-е годы XVI в., то нельзя не признать особаго интереса за проектомъ автора, т. к. земскіе соборы въ предположенной формѣ въ XVI в. еще не были извѣстны.

Но боярская дума, о которой, какъ необходимомъ элементѣ въ составѣ государственнаго строя, говорятъ всѣ оппозиціонные писатели, начиная съ Курбскаго, являлась исконнымъ учрежденіемъ и не была упразднена съ заведеніемъ новыхъ порядковъ при московскомъ дворѣ. Если о сохраненіи ея и поддержаніи ея значенія заговорили оппоненты московскаго правительства, то отсюда лишь явствуетъ, что они по собственной судьбѣ или судьбѣ отдѣльныхъ лицъ чувствовали непрочность участія въ этомъ совѣтѣ при усиливающейся власти московскихъ государей. Но никто изъ этихъ оппонентовъ не только не додумался до какихъ либо мѣръ, помощью

которыхъ надлежало бы оградить право высшихъ представителей служилаго класса участвовать въ государевомъ совѣтѣ, и не опредѣлилъ, кто же изъ служилой среды должны быть членами такой избранной рады, но даже и не поставилъ о томъ вопроса. Наиболѣе, повидимому, лично заинтересованный Курбскій хотя и упрекалъ Грознаго за ненависть къ вельможамъ и желаніе одному „веселиться на землѣ", но и онъ не только не пытался установить, кто же изъ шляхетскихъ и благородныхъ родовъ имѣетъ право на участіе въ избранной радѣ, но даже указывалъ, что царь долженъ „искати полезнаго и добраго совѣта не только у совѣтниковъ", но и у „всенародныхъ человѣкъ".

Свѣтская оппозиція отнюдь не замыкалась въ узкія рамки политической мысли и, наоборотъ, еще шире выступала въ вопросахъ соціальныхъ. Не касаясь здѣсь уже отмѣченнаго горячаго спора о правахъ духовенства на землевладѣніе, можно отмѣтить и не мало волновавшіе вопросы объ установленіи болѣе справедливой разверстки между различными общественными классами государственнаго тягла. Таковъ, напр., проектъ анонимнаго автора о введеніи, вмѣсто сошнаго оклада, измѣренія земли „поприщами". Но едва-ли не чаще почвой для оппозиціонныхъ настроеній являлись различныя религіозныя мудрствованія. Вольнодумецъ Семенъ Башкинъ, уличаемый въ ереси, объясняя евангельскія ученія, пришелъ къ выводу о необходимости упразднить рабство (выше, стр. 389). А другой „еретикъ", Ѳеодосій Косой, подъ вліяніемъ проникшихъ къ намъ раціоналистическихъ религіозныхъ теченій, пришелъ даже къ выводу, что „не требѣ быти начальству въ христіанствѣ". Это былъ вѣроятно первый нашъ политическій нигилистъ или анархистъ.

Отсюда видно, какіе глубокіе вопросы политическаго и общественнаго быта волновали московскую общественную среду XVI в. Если, однако, оппозиціонныя теченія не нашли видимаго практическаго выраженія, то это надо объяснить не столько тѣмъ, что политическіе и соціальные оппоненты не съумѣли точно выразить своихъ пожеланій, не могли формулировать, какъ и чѣмъ оградить ихъ притязанія отъ погромовъ со стороны власти, а главнымъ образомъ тѣмъ, что

имъ пришлось столкнуться съ другими общественными теченіями, выражавшими интересы классовъ, оказавшихся болѣе сильными экономически и политически. Духовенство, въ частности монашество, успѣло отстоять свое право на владѣніе селами и деревнями и на распоряженіе народнымъ трудомъ, или, по выраженію автора „Бесѣды", на питаніе христіанскими слезами и кровью. Наряду съ этимъ крупное княженецкое и боярское землевладѣніе испытывало рядъ тяжелыхъ хозяйственныхъ и политическихъ потрясеній и было въ значительной мѣрѣ подорвано въ эпоху опричнины. Но эта борьба между двумя сильнѣйшими правящими классами за преобладаніе не могла не затронуть интересовъ среднихъ и низшихъ слоевъ служилыхъ людей.

Эта средняя и низшая служилая масса была совершенно чужда интересамъ привилегированныхъ слоевъ титулованной знати и стараго боярства и не могла сочувственно откликнуться на ихъ стремленія обезпечить за собой привилегированное положеніе. Эту массу влекли серьезныя заботы о своемъ собственномъ, далеко необезпеченномъ, существованіи. А помѣстная система толкала ихъ сильнѣе въ сторону искательства государевыхъ милостей и жалованья. Улучшить свое трудное положеніе городового помѣстнаго дворянина возможно было чаще всего при посредствѣ такихъ милостей. Подобныя условія и подготовили почву для возникновенія міросозерцанія Васютки Грязнова и подобныхъ ему мелкихъ слугъ, которые, воспользовавшись государевыми милостями, энергично пропагандировали, что „государь, аки Богъ, и малаго великимъ чинити". Эта простая политическая доктрина, гораздо болѣе близкая къ теоріи теократическаго абсолютизма, чѣмъ къ не вполнѣ ясно формулированному ученію объ аристократической монархіи Курбскаго, нашла повидимому широкое распространеніе среди менѣе культурныхъ и мало обезпеченныхъ слоевъ служилаго люда. На это между прочимъ намекаютъ и воспоминанія дьяка Ивана Тимоѳеева, который въ эпоху смуты записалъ, что въ прежніе времена подданные были безотвѣтны предъ своими владыками, повиновались имъ съ подобающимъ почтеніемъ, „честь страха ради творяще вмалѣ яко не равну съ Богомъ". Выразителемъ этихъ поли-

тическихъ и общественныхъ міровоззрѣній является весьма характерный публицистическій трудъ, извѣстный то подъ именемъ „челобитной“ или „эпистоліи“ Ивашка или Иванца Пересвѣтова, то подъ именемъ „сказанія Ивана Пересвѣтова о царѣ Турскомъ Магметѣ и о Петрѣ волосскомъ воеводѣ“, сохранившійся въ разныхъ переработкахъ въ многочисленныхъ спискахъ. Авторъ (скорѣе авторы)—защитникъ интересовъ среднихъ и низшихъ служилыхъ классовъ и горячій противникъ родовитаго вельможества. Въ противоположность Курбскому и автору „Бесѣды“, поступившій на службу къ московскому государю выходецъ Иванецъ Пересвѣтовъ безъ колебаній утверждаетъ, что царь долженъ быть „грозенъ и самоуправливъ и мудръ безъ воспрашиванья“. „Какъ конь подъ царемъ—безъ узды, такъ царство безъ грозы“. „Хотя мало царь оплошится и окротѣетъ, ино царство его оскудѣетъ“. Такими и подобными народными афоризмами авторъ защищаетъ и доказываетъ необходимость неограниченной власти государя. Отъ лица волосскаго воеводы Петра онъ критикуетъ современные московскіе порядки. Великое и сильное и славное царство московское, говоритъ Петръ воевода, если бы въ томъ царствѣ была правда, „а правды нѣсть“. Въ чемъ-же корень зла? Главная причина въ той политической и общественной роли, какую захватили вельможи. „Вельможи русскаго царства сами богатѣютъ, имѣніе емлютъ, царство государя оскужаютъ, и тѣмъ они слуги ему называются, что цвѣтно и конно и людно выѣзжаютъ на службу его, а крѣпко за вѣру христіанскую не стоятъ и люто противъ недруга смертною игрою не играютъ“. Петръ воевода того не похваливаетъ, что (вельможи) крестъ цѣлуютъ, а измѣняютъ. Не хвалитъ и того, что (царь) „особною войною на царство свое попущаетъ, даетъ городы и волости держати вельможамъ, и вельможи отъ крови и отъ слезъ рода христіанскаго богатѣютъ нечистымъ собраніемъ. Пошлютъ гдѣ сбирати царьскіе казны, ино царю, гдѣ взяти въ казну царскую 100 рублевъ, и они на царя возмутъ 10 рублевъ, а на себя 100 рублевъ“. А вельможи другъ о другѣ печалуются царю о кормленіяхъ и о городахъ и о намѣстничествѣ, „яко гладные псы хистяся на слезы и на кровь христіанскую“. Демократизмъ автора, однако, далеко

не объективный и не безпристрастный. Его больше всего интересуеть обезпеченное матеріальное положеніе воина, и государь долженъ создать такое положеніе: „такому сильному государю годится со всего государства своего доходы въ казну себѣ имати и изъ казны своей воинамъ сердце веселити; ино казнѣ его конца не будеть, и царство его не оскудѣетъ". Ясно, что веселить сердца воиновъ, значитъ имъ „жалованья государева своего изъ казны прибавливати", быти до нихъ щедру и милостиву: „щедрая рука николи не оскудѣваетъ и славу царю собираетъ; что царю щедрость къ воиномъ, то ему и мудрость". Между прочимъ особенно выхваляетъ Петръ воевода такую мѣру яко бы турскаго султана Магмета: „невѣрный царь добрѣ угодно учинилъ, великую мудрость и правду во царство свое ввелъ, по всему царству своему разослалъ вѣрныя своя слуги, пооброчивши ихъ изъ казны своимъ жалованьемъ, чѣмъ имъ мочи прожить зъ году на годъ" и т. д.

Тяжелыя соціальныя невзгоды и политическія неудачи, постигшія московскую Русь въ теченіе первыхъ трехъ десятилѣтій второй половины XVI в., ставили правительству рядъ неотложныхъ задачъ къ упорядоченію внутренняго быта. Въ послѣдніе несчастные годы царствованія Грознаго и во время краткаго царствованія царя Ѳедора правительство выступило съ рядомъ весьма важныхъ мѣръ къ урегулированію вопіющихъ общественныхъ неурядицъ. Таковы соборныя постановленія 1580 и 1584 гг., направленныя къ отмѣнѣ церковныхъ и монастырскихъ привилегій, рядъ частныхъ указовъ, регламентирующихъ порядокъ отбыванія тягла; наконецъ, извѣстные указы 1597 г. о кабальномъ холопствѣ и о бѣглыхъ крестьянахъ. Вышло-ли бы и какимъ образомъ изъ всѣхъ этихъ серьезныхъ затрудненій исконное московское правительство династіи Рюриковичей—угадать невозможно. Серьезность положенія усугубилась вслѣдствіе пресѣченія этой династіи. Распадъ общественныхъ связей, рѣзко проявившаяся борьба общественныхъ классовъ при новомъ правительствѣ пошли гораздо болѣе быстрымъ ходомъ. Такое новшество, какъ избраніе новаго государя на престолъ московскаго царствія, замѣна искони прирожденнаго государя выборнымъ, должно было произвести въ умахъ современниковъ не малое смущеніе.

Повидимому этимъ обстоятельствомъ намѣрены были воспользоваться бояре, терроризованные эпохой опричнины Грознаго, для предотвращенія на будущее время подобныхъ разгромовъ сверху. Сохранилось историческое преданіе, сообщенное Татищевымъ, что при избраніи Бориса Годунова „боляре хотѣли, чтобъ онъ государству по предписанной грамотѣ крестъ цѣловалъ, чего онъ учинить и явно отказать не хотѣлъ, надѣясь, что простой народъ выбрать его безъ договора бояръ принудитъ". При содѣйствіи патріарха и духовенства выборы и состоялись безъ всякихъ ограниченій. Но въ трудное и тяжелое время общественной розни, еще болѣе обостренной посѣтившими страну неурожайными годами, Годунову не удалось создать твердаго правительства. А при такихъ условіяхъ бороться съ надвигающейся смутой оказалось невозможнымъ. Появившаяся фигура Самозванца сулила всѣмъ недовольнымъ быстрый выходъ къ страстно желаемому лучшему будущему. Въ рѣшительный моментъ войско, во главѣ котораго стояли видные бояре, измѣнило Годунову, и бояре именемъ всего войска Самозванцу „добровольно, яко властному дѣдичному господарю, челомъ ударили, послушенство отдали и крестъ цѣловали, просячи, чтобъ на вѣнчанье господарскимъ вѣнцомъ до Москвы поспѣшился". Какъ прирожденный государь, Самозванецъ вѣнчался безъ ограниченій. Но бояре же и погубили его. Во главѣ заговора стоялъ кн. В. И. Шуйскій. Сговариваясь извести Димитрія, бояре условились между собой: „Розстригу того беззаконнаго убити, а по немъ на царство изъ нихъ кому царемъ быти, и никому за прежніе досады не мстити, но общимъ совѣтомъ россійское царство управляти". Выкрикнутый небольшой группой бояръ и приверженцевъ и прозванный за то „самоизбраннымъ", Шуйскій поспѣшилъ вѣнчаніемъ упрочить свое положеніе. По словамъ современника, „скоропомазаніемъ" Шуйскаго „всѣ людіе о немъ предкпушася". Еще большее впечатлѣніе произвело то, что произошло въ соборной церкви: избранный царь „нача говорити, чего искони вѣкъ въ Московскомъ государствѣ не повелось, что цѣлую де всей землѣ крестъ на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ ничего не сдѣлати безъ собору никакого дурна" (др. ред.: „безъ общаго

совѣта ни надъ кѣмъ ничего творити не хощу") (Ник. VIII, 76; Нов. лѣт., 75). Въ окружной грамотѣ принятыя на себя Шуйскимъ обязательства формулированы опредѣленнѣе: „мнѣ великому государю всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предати, и вотчинъ и дворовъ и животовъ у братьи ихъ и у женъ и у дѣтей не отымати, будетъ которые съ ними въ мысли не были; также у гостей и у торговыхъ и у черныхъ людей, хоти которой по суду и по сыску дойдетъ и до смертныя вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отымати, будетъ они съ ними въ той винѣ невинны; да и доводовъ ложныхъ не слушати, а сыскивати всякими сыски" (С. Г. Г. II, № 141). Это былъ безспорно первый опытъ ограниченія власти московскаго государя, ибо его хотѣніямъ положенъ былъ урокъ, скрѣпленный крестнымъ цѣлованіемъ. Но по содержанію своему эти ограничительные пункты представляются крайне бѣдными, т. к. сводились только къ тремъ ограниченіямъ: 1) никого нельзя было предавать казни иначе, какъ по судебному приговору царя съ боярами; 2) у невиновныхъ родственниковъ нельзя было конфисковать имѣній, и 3) не полагаться на доносы и провѣрять ихъ сыскомъ. Несомнѣнно, здѣсь отразилось самое главное стремленіе боярства оградить себя отъ такихъ произвольныхъ преслѣдованій заподозрѣнныхъ лицъ, какія испытало на себѣ боярство въ царствованіе Грознаго и при Годуновѣ. Но въ той же окружной грамотѣ Шуйскій указалъ и на свое родословіе отъ римскаго кесаря Августа, т. к. по происхожденію былъ Рюриковичъ и принадлежалъ даже къ старшей линіи по сравненію съ московскими князьями.

Положеніе правительства Шуйскаго оказалось еще болѣе критическимъ. Поколебленный политическій укладъ представлялся современникамъ то съ одной, то съ другой его стороны; одни находили, что царь Шуйскій вскорѣ по воцареніи своемъ, „не помня своего обѣщанія, начатъ мстить людемъ, которые ему грубиша, бояръ и думныхъ дьяковъ розосла по городамъ по службамъ, а у иныхъ у многихъ помѣстья и вотчины поотнимаша"; другіе-же утверждали, что бояре тогда имѣли больше власти, нежели самъ царь. Нельзя не отмѣтить и изъ указной практики случая отмѣны боярскою думою цар-

скаго указа о добровольномъ холопствѣ въ подтвержденіе олигархическихъ настроеній новаго правительства. Политическія условія особенно осложнились съ появленіемъ второго Самозванца, т. наз. Тушинскаго вора, и открытіемъ военныхъ дѣйствій со стороны Польши и Швеціи. Въ предѣлахъ Московскаго государства оказалось одновременно нѣсколько враждующихъ правительствъ, и каждый недовольный своимъ положеніемъ могъ искать счастья и милостей во враждебномъ станѣ. Особенно часты были переѣзды изъ Москвы въ Тушино и обратно; такіе переѣздчики получили даже характерное прозваніе „перелетовъ". Одновременно съ этимъ разгоралась и соціальная смута со всѣми ужасами ничѣмъ несдерживаемой междуусобной борьбы. Изъ среды казацкихъ отрядовъ шли открытые призывы („воровскіе листы") къ крестьянамъ и холопамъ, подбивающіе ихъ „на убіеніе и грабежъ", съ приглашеніемъ „побивати своихъ бояръ и жены ихъ, и вотчины и помѣстья имъ сулятъ".

Выкинуто было знамя воли и земли! Правительство Шуйскаго не сразу замѣтило готовящуюся грозную соціальную опасность. А когда замѣтило, то пыталось было сначала ослабить узы неволи (указъ 1607 г. о добровольномъ холопствѣ и того же года объ упорядоченіи семейнаго быта холоповъ), но затѣмъ быстро повернуло въ сторону болѣе суровой регламентаціи (указъ о крестьянахъ 1607 г. и возстановленіе въ силѣ указа 1597 г. о холопствѣ). Но какое значеніе могли имѣть указы правительства, у котораго изъ подъ ногъ уходила всякая твердая опора? со смертью Скопина-Шуйскаго исчезла послѣдняя надежда объединить наиболѣе здоровые общественные слои въ защиту правительства Шуйскаго. Въ началѣ 1610 г. на Лобномъ мѣстѣ партія служилыхъ людей стала возбуждать толпу противъ государя: „царь нашъ сѣлъ на московское государство сильно, а нынѣ его ради кровь проливается многая, потому что онъ человѣкъ нечестивъ и царствованія недостоинъ". Эта партія и отъ бояръ требовала, „чтобъ царя Василія перемѣнити, нарицающе его несчастливымъ царемъ". Патр. Гермогенъ старался успокоить мятежниковъ, но они ворвались къ самому царю, который ихъ встрѣтилъ мужественными и знаменательными словами: „аще убити мя хо-

лете, готовъ есмь умрети; аще ли отъ престола и царства мя изгоняете, то не имате сего учините, дондеже снидутся всѣ большіе бояре и всѣхъ чиновъ люди, и какъ вся земля совѣтъ положитъ, такъ и язъ готовъ по тому совѣту творити". (Изборн. 198 и слѣд.; Никон. VIII, 114; Нов. Лѣт. 101). Государь изъявилъ готовность преклонить свою волю предъ волей всей земли. Но узнать волю земли въ ту пору было невозможно. Ровно черезъ полгода послѣ описанныхъ событій вмѣсто совѣта всей земли состоялся совѣтъ изъ наличныхъ бояръ и иныхъ чиновъ, „и бояря и всякіе люди приговорили бити челомъ царю государю, чтобъ онъ царство оставилъ для того, что кровь многая лиется, а въ народѣ говорятъ, что онъ государь несчастливъ, и городы украиные ево государя на царство не хотятъ-же" (Изборн. 346). И царь принялъ этотъ приговоръ за челобитье бояръ и всей земли и по совѣту патр. Гермогена государство оставилъ. Шуйскій какъ бы предсказалъ себѣ собственную судьбу, когда наказывалъ своимъ посламъ въ Польшу оправдать и объяснить убійство Самозванца; послы должны были объяснить, что „за его богомерзкія злыя дѣла, осудя истинымъ судомъ, весь народъ московскаго государства его убилъ", и сверхъ того добавить: „хотя бъ былъ и прямой прирожденный государь царевичъ Димитрій, но если его на государствѣ не похотѣли, то ему силою нельзя быть на государствѣ". Такъ, за опытами избранія государей пробивалъ себѣ дорогу и опытъ сверженія съ престола негодныхъ представителей власти.

Политическіе опыты смутной эпохи быстро слѣдовали одинъ за другимъ. Недовольство первыми избранными государями натолкнуло русскихъ людей на мысль пригласить кого либо государемъ со стороны. Всякихъ чиновъ люди говорили патріарху, что „не хощемъ своего брата слушати, и ратніи людіе не боятся царя изъ русскихъ, и не слушаютъ его и не служатъ ему" (П. С. Л., V, 60). Иноземный кандидатъ былъ намѣченъ служилыми людьми въ Тушинѣ послѣ исчезновенія оттуда тушинскаго вора, но еще раньше описанныхъ событій въ Москвѣ. 4 февр. 1610 г. представители служилыхъ людей заключили съ королемъ Сигизмундомъ договоръ объ избраніи на московскій престолъ польскаго королевича Владислава на

слѣдующихъ условіяхъ: власть государя ограничивается двумя учрежденіями: земскимъ соборомъ и боярской думой. I. Измѣненіе судебниковъ и судебныхъ порядковъ можетъ быть допущено лишь съ согласія бояръ и всей земли; точно такъ-же всѣ вопросы, предусмотрѣнные договоромъ, перерѣшаетъ государь совмѣстно съ освященнымъ соборомъ, боярами и со всей землей. II. Правящее значеніе боярской думы намѣчено было въ болѣе широкихъ размѣрахъ: безъ согласія думы государь не имѣлъ права рѣшать вопросовъ: а) о новыхъ налогахъ; б) о жалованіи служилыхъ людей, и въ частности объ ихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ; в) о повышеніи въ чинахъ, и г) безъ слѣдствія и суда съ своими боярами никого не карать, лишать чести, ссылать, понижать въ чинахъ. Такъ какъ королевичъ Владиславъ былъ католикомъ, то особо оговаривались незыблемость и неприкосновенность православной вѣры и полное невмѣшательство государя въ духовныя дѣла. Владѣющіе классы, кромѣ того, озаботились обезпеченіемъ за собой имущественныхъ правъ на недвижимыя имущества и на крѣпостное (выше, 347) и невольное населеніе (о послѣднемъ въ записи сказано: „холоповъ невольниковъ боярскихъ заховывати рачить его королевская милость при давныхъ звычаяхъ, абы бояромъ альбо паномъ служили по первшему; а вольности имъ господарь его милость давати не будетъ рачить“). По низверженіи Шуйскаго этотъ договоръ былъ подтвержденъ съ незначительными измѣненіями между гетманомъ Жолкевскимъ и московскими боярами (Записки Жолкевскаго, приб. № 20; С. Г. Г. II, № 199; А. Э. II, № 165). Договору этому не суждено было осуществиться, и онъ остается лишь свидѣтельствомъ того, въ какой мѣрѣ успѣли за короткое время развиться политическіе взгляды московскихъ правящихъ сферъ.

Наступившее междуцарствіе выдвинуло вопросъ о самомъ существованіи Московскаго государства. Сама Москва оказалась въ рукахъ поляковъ. Къ Москвѣ потянулись народныя ополченія, и вмѣстѣ съ тѣмъ все настоятельнѣе ощущалась невозможность оставаться безгосударнымъ столь великому государству. Подъ вліяніемъ національнаго чувства кандидатура польскаго королевича все болѣе отодвигалась на задній планъ.

и неоднократно выражалось желаніе выбрать государя на Московское государство, „сослався со всѣми городы". Послѣ неудачъ перваго ополченія 1611 г., второе (нижегородское) ополченіе весною 1612 г. разсылало по городамъ грамоты о присылкѣ въ Ярославль „изо всякихъ чиновъ людей человѣка по 2 и съ ними совѣтъ свой отписати . . . какъ бы въ нынѣшнее конечное разореніе быти не безгосударнымъ". Но въ Ярославлѣ выборы государя не состоялись. Ополченіе продвинулось къ Москвѣ, и отсюда, послѣ очищенія Москвы отъ поляковъ, вновь созывались выборные изъ городовъ „изо всякихъ чиновъ" для избранія государя „всякими людьми отъ мала до велика". Соборъ 1613 г. избралъ государемъ молодого Михаила Романова, отецъ котораго Филаретъ, по московскому чину ростовскій митрополитъ и бывшій тушинскій патріархъ, находися въ то время въ Польшѣ во главѣ посольства для переговоровъ объ избраніи королевича Владислава и былъ задержанъ плѣнникомъ. О дѣятельности избирательнаго собора сохранился лишь одинъ оффиціальный документъ—„утвержденная грамота объ избраніи М. Ѳ. Романова",—который не содержитъ никакихъ подробностей, предшествовавшихъ избранію, и самъ по себѣ вызываетъ рядъ сомнѣній. Между тѣмъ сохранилось нѣсколько частныхъ извѣстій объ ограниченіи избраннаго государя. Но эти извѣстія, несходныя между собой въ подробностяхъ и даже въ существѣ, вызывали и продолжаютъ вызывать рядъ сомнѣній, такъ что историки права оставляютъ вопросъ безъ разбора или ограничиваются замѣчаніемъ, что „остается совершенно неизвѣстнымъ, въ какой мѣрѣ былъ ограниченъ Михаилъ Ѳедоровичъ и кѣмъ".

Недавно С. Ѳ. Платоновъ подвергъ этотъ вопросъ новому обстоятельному и интересному пересмотру и пришелъ къ выводу, что ни сообщенія позднѣйшихъ иностранцевъ (Страленберга, Факеродта, гр. Миниха), передававшихъ лишь разсказы и воспоминанія русскихъ людей 1725—1730 гг., ни разсказы псковскаго сказанія о смутѣ (П. С. Л., V, 63 и сл.: „Бѣ же царь младъ... и не бѣ ему толика разума, еже управляти землею", а владущіе „царя ни во что же вмѣниша и не боящеся его, понеже дѣтескъ сый"; они „царя лестію уловиша: первіе егда его на царьство посадиша и къ ротѣ приведоша, еже отъ

ихъ вельможеска роду и болярска, аще и вина будетъ преступленію ихъ, не казнити ихъ, но разсылати въ затоки" и пр.) и Гр. Котошихина (онъ записалъ: „какъ прежніе царі после царя Івана Васильевича обираны на царство: и на нихъ были иманы писма, что имъ быть не жестокимъ и непалчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казниті ни за что и мыслиті о всякихъ дѣлахъ зъ бояры и зъ думнымі людмі сопча, а безъ вѣдомості ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлаті . . . А отецъ его (царя Алексѣя) блаженныя памяті царь Михайло Ѳедоровичь, хотя самодержцемъ писался, однако, безъ боярского совѣту не могъ дѣлаті ничего". VIII, 4) не заслуживаютъ довѣрія и не могутъ быть признаны достовѣрными. „Въ такомъ положеніи дѣла, заключаетъ проф. Платоновъ, нѣтъ возможности безусловно вѣрить показаніямъ объ ограниченіяхъ, сколько бы ни нашлось такихъ показаній". Но если даже и принять такую оцѣнку приведенныхъ свидѣтельствъ, то она все же не уполномачиваетъ безусловно ихъ отвергнуть. Поэтому гораздо болѣе важнымъ и плодотворнымъ является опытъ того же автора взвѣсить тѣ общественныя силы, которыя могли играть роль на избирательномъ соборѣ 1613 г. Чрезвычайно интересныя мелкія подробности, какія удалось ему подобрать изъ показаній современниковъ, прежде всего убѣдили его въ томъ, что никакихъ попытокъ къ ограниченію власти государя не могло исходить изъ среды боярства, которое было совершенно скомпрометировано и разбито во время смуты и не могло играть никакой роли на соборѣ. Послѣ освобожденія Москвы отъ поляковъ, большихъ бояръ, съ кн. Мстиславскимъ во главѣ, которые служили королю, не только „въ думу не припускали", но даже выслали изъ Москвы куда-то „въ городы" и произвели государево избраніе безъ нихъ. По показаніямъ захваченнаго въ плѣнъ польскимъ отрядомъ въ концѣ 1612 г. сына боярскаго Ивана Философова, настроеніе умовъ въ Москвѣ въ то время было очень различное: „у бояръ, которые вамъ, великимъ господаремъ (польскимъ), служили, и у лучшихъ людей хотѣніе есть, чтобы просити на господарство васъ, вел. господаря королевича Владислава Жигимонтовича, а имянно де о томъ говорити не смѣютъ, боясь казаковъ, а говорятъ, чтобы обрать на го-

сподарство чужеземца; а казаки де, господари, говорятъ, чтобъ обрать кого изъ русскихъ бояръ, а примѣриваютъ Филаретова сына и Воровского Колужского" (сына Марины Мнишекъ). Къ этому Философовъ добавлялъ, что „во всемъ деи казаки бояромъ и дворяномъ сильны, дѣлаютъ, что хотятъ... А бояръ деи, кн. Ѳ. И. Мстиславскаго съ товарищи, которые на Москвѣ сидѣли, въ думу не припускаютъ, а писали объ нихъ въ городы ко всякимъ людемъ: пускать ихъ въ думу или нѣтъ. А дѣлаетъ всякія дѣла кн. Дмитрей Трубецкой да кн. Пожарской да Куземка Мининъ. А кому впередъ быти на господарствѣ, того еще не постановили на мѣрѣ". На земскомъ соборѣ, который могъ открыться съ конца 1612 или съ самаго начала 1613 г., сразу же возникли крупныя разногласія: „не возмогоша вси на единаго согласитися; овіи глаголаху того, иніи же иного, и всѣ разно вѣщаху, и всякій хотяше по своей мысли учинити, и тако преповодиша не малые дни". Тѣми же чертами рисуется первая стадія совѣщаній въ другомъ извѣстіи: „И тако по многіе дни бысть собранія людемъ, дѣла же толикія вѣщаютъ утвердити не могутъ и всуе мятутся сѣмо и овамо" (Временн. XVII, 161; Дворц. разр. I, 65 прим.). И утверженная грамота свидѣтельствуетъ, что „по многіе дни о томъ говорили всякіе люди съ великимъ шумомъ и плачемъ". Прежде всего успѣли, повидимому, согласиться на томъ, что „литовскаго и свійскаго короля и ихъ дѣтей, за ихъ многія неправды, и иныхъ никоторыхъ земель людей на Московское государство не обирать, и Маринки съ сыномъ не хотѣть". Такъ устранены были кандидатъ бояръ и лучшихъ людей и одинъ изъ казачьихъ кандидатовъ — Воровской Калужской. Потомъ „говорили на соборѣхъ о царевичахъ, которые служатъ въ Московскомъ государствѣ, и о великихъ родѣхъ, кому изъ нихъ Богъ дастъ на Московскомъ государствѣ быти государемъ". Среди засѣданій сдѣлали перерывъ, чтобы выборные люди могли лучше освѣдомиться съ мнѣніями избирателей касательно намѣченныхъ кандидатовъ. Отсюда видно, что у второго казацкаго кандидата были серьезные конкуренты изъ великихъ родовъ. Московское боярство, значитъ, не совсѣмъ утратило свой авторитетъ въ глазахъ всей земли. Это еще рѣзче подтвер-

ждается тѣмъ, что земскій соборъ, уже намѣтивши кандидатуру Михаила Романова, призналъ необходимымъ вернуть обратно въ Москву высланныхъ „въ городы" бояръ, кн. Мстиславскаго съ товарищами, для участія въ засѣданіи собора 21 февр., когда состоялось торжественное провозглашеніе вновь избраннаго государя. Къ этому важному акту соборъ не рѣшился приступить безъ участія великихъ правящихъ бояръ, которые, по приговору всей земли, получили свободу и полную амнистію, такъ что временное правительство Трубецкаго, Пожарскаго и Минина должно было вновь уступить власть кн. Мстиславскому съ товарищами. Поколебленный авторитетъ правящаго боярства былъ возстановленъ самымъ торжественнымъ образомъ передъ лицомъ всей земли. При такихъ условіяхъ догадка о томъ, что изъ среды бояръ могла быть сдѣлана попытка къ ограниченію власти „не ими избраннаго царя", не представляется совершенно недопустимою.

Необходимо, однако, обратить вниманіе еще на одну сторону вопроса. Боярство вовсе не являлось рѣзко отграниченною группою лицъ среди правящихъ классовъ въ Московскомъ государствѣ; незамѣтными ступенями оно примыкало къ среднимъ слоямъ служилыхъ людей. Недаромъ и Философовъ противополагаетъ казакамъ не однихъ бояръ, но бояръ и лучшихъ людей. Въ составѣ правительственныхъ лицъ, окружавшихъ новаго царя со времени его избранія, оказались люди весьма различной родовитости и чиновности. Рядомъ съ вліятельными боярами, Ѳ. И. Шереметевымъ и кн. Б. М. Лыковымъ-Оболенскимъ и князьями Лобановымъ-Ростовскимъ и Черкасскимъ, стояли только что выдвинувшіеся по родству и близости Салтыковы, Троекуровы, Морозовы и др. и даже совсѣмъ „обышные" люди, какъ Михалковъ и Траханіотовъ. Первые двое изъ упомянутыхъ получили боярство еще при Самозванцѣ и состояли членами „семибоярщины", т. е. были въ числѣ товарищей кн. Мстиславскаго въ междуцарствіе и сидѣли въ осадѣ. Если вѣрно извѣстіе, что послѣ освобожденія Москвы бояръ, сидѣвшихъ въ осадѣ, не припускали въ думу и даже выслали по городамъ, то, значитъ, той же участи подверглись Шереметевъ и Лыковъ, хотя первому изъ нихъ приписываютъ видную роль въ дѣлѣ избранія царя Ми-

хаила. Другіе менѣе чиновные и совсѣмъ неродовитые оказались теперь вліятельными соправителями первыхъ двухъ на разныхъ ступеняхъ правительственной лѣстницы. Что же связывало этотъ разношерстый правительственный кружокъ? Проф. Платоновъ даетъ на этотъ вопросъ чрезвычайно интересные, заслуживающіе полнаго вниманія отвѣты. Онъ думаетъ, что этихъ лицъ сплачивали какъ родственныя и свойственныя, такъ и партійныя связи. Послѣднія возникли между ними еще въ ту пору, когда многіе изъ этихъ людей сгруппировались въ Тушинскомъ станѣ около тушинскаго „патріарха“ Филарета и образовали ядро тушинскаго правительства. А если такъ, то изъ этого кружка, послѣ бѣгства вора изъ Тушина, вышелъ и проектъ объ избраніи королевича Владислава на указанныхъ ограниченіяхъ. Отсюда вскрываются политическіе вкусы правительственнаго кружка, державшаго въ своихъ рукахъ власть въ первые годы царствованія Михаила до прибытія его отца и игравшаго, надо думать, опредѣленную роль при избраніи новаго государя. Изъ его среды такъ же могла быть сдѣлана попытка къ ограниченію власти избираемаго государя.

Всѣ эти данныя могутъ склонить наблюдателя разсматриваемыхъ событій къ мысли, что въ общественной средѣ, игравшей роль при избраніи государя, были на лицо элементы, воспитанные въ духѣ новыхъ политическихъ взглядовъ, вызванныхъ къ жизни событіями смутнаго времени. Отъ нихъ и могла исходить попытка ограничить власть избираемаго государя. Была ли дѣйствительно сдѣлана такая попытка при избраніи Михаила, когда и при какихъ условіяхъ, и имѣла ли она какой либо практическій успѣхъ и результатъ, этого къ сожалѣнію, нельзя указать при настоящемъ состояніи источниковъ. Но если запись дѣйствительно была взята, то едва ли она могла имѣть въ ту пору серьезное практическое значеніе. Важно лишь то, что свидѣтельства Псковской лѣтописи и Котошихина получаютъ, при указанныхъ сопоставленіяхъ, значительно большую долю вѣроятности.

Въ дальнѣйшей исторіи XVII в. не встрѣчается болѣе никакихъ упоминаній объ ограниченіяхъ власти государей. О царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Котошихинъ говоритъ, что

„нынешняго царя обрали на царство, а писма онъ на себя не далъ никакого, что прежние царі давывалі, и не спрашивалі, п. ч. разумѣлі его гораздо тихимъ, и потому наівышшее пишетца самодержцемъ и государство свое правитъ по своей волі". Но и со стороны государей не замѣтно какихъ либо стремленій, подобныхъ стараніямъ Грознаго, оправдать и формально оградить свою власть отъ какихъ либо посягательствъ на ея полноту. Впервые Петръ В. далъ въ законѣ опредѣленіе „самовластія" государя, скопировавъ эту формулу съ шведскаго образца.

В. Сергѣевичъ. Юр. Др. II, 481 — 618; Лекціи и изсл., изд. 3, 144 — 161; *В.-Будановъ.* Обзоръ, 152 — 162; *Николаевскій.* Русская проповѣдь въ XV и XVI вв., Ж. М. Н. Пр. 1868, №№ 2 и 4; *Пыпинъ.* Московская старина, Вѣстн. Евр. 1885, № 1; *Дьяконовъ.* Власть московскихъ II—V; Къ исторіи древне-русскихъ церковно-государственныхъ отношеній, Истор. Обозр., т. III, 1891; *И. Ждановъ.* Повѣсти о Вавилонѣ и сказаніе о князехъ Владимірскихъ, 1891; *В. Савва.* Московскіе цари и византійскіе василевсы, 1901; *П. Милюковъ.* Очерки по исторіи русской культуры, ч. III, в. 1, 1901; *А. Маркевичъ.* Избраніе на царство М. Ѳ. Романова, Ж. М. Н. Пр. 1891, №№ 9 и 10; *С. Ѳ. Платоновъ.* Очерки по исторіи смуты, 1900; Московское правительство при первыхъ Романовыхъ, Ж. М. Н. Пр. 1906, № 12; см. еще литературу выше, 200—201. „Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ" изд. въ Лѣт. зан. Арх. Комм. вып. XIII; Челобитная и сказаніе Ивашки Пересвѣтова въ П. С. Л., т. XII, 100—108; Учен. зап. Каз. Унив. 1865, I, 31—46; Изборникъ, 165—167; Чтен. общ. ист. 1902, кн. 4; Избирательная грамота Годунова, А. Э. II, № 7; Утверженная грамота объ избраніи М. Ѳ. Романова, Чтен. общ. ист. и древн. 1906, кн. 3.

Боярская дума.

Боярская дума при московскихъ великихъ князьяхъ и государяхъ является непосредственною преемницей той политической роли, какую играла въ древней Руси княжеская дума. Сами князья современники засвидѣтельствовали огромныя политическія заслуги своихъ ближайшихъ совѣтниковъ-бояръ и оцѣнили ихъ политическую роль (выше, 398—399). Историческія заслуги совѣтниковъ упрочили значеніе и самаго совѣта, которое сохраняется за нимъ въ теченіе всего періода.

Но въ положеніи думы произошли и немаловажныя перемѣны, коснувшіяся какъ ея организаціи, такъ и состава. Главнѣйшія изъ этихъ перемѣнъ сводятся къ слѣдующимъ:

I. Въ Москвѣ возникаютъ думные чины сначала въ лицѣ бояръ введенныхъ, потомъ окольничьихъ и, наконецъ, дѣтей боярскихъ, „живущихъ въ думѣ“, переименованныхъ позднѣе думными дворянами (выше, 278—279). Въ думу проникаютъ и дьяки, одновременно, надо думать, съ дѣтьми боярскими, подъ именемъ дьяковъ „введенныхъ“ или думныхъ. Возникновеніе думныхъ чиновъ должно было отразиться на болѣе точномъ опредѣленіи состава княжескаго совѣта. Хотя въ думные чины возводили по словеснымъ приказамъ вел. князей и государей, и, значитъ, отъ ихъ усмотрѣнія зависѣлъ подборъ своихъ совѣтниковъ; но тѣ, кому „думу сказывали“, въ силу своего думнаго чина являлись постоянными совѣтниками государей. „Думный человѣкъ приглашается не случайно на то или другое засѣданіе государевой думы, а въ силу того, что онъ объявленъ думцемъ царя“. Даже и въ подборѣ своихъ совѣтниковъ воля государей была въ извѣстной мѣрѣ связана мѣстническими правилами, по которымъ въ высшіе думные чины возводились лишь члены извѣстныхъ титулованныхъ и боярскихъ фамилій. Правда, думные чины вовсе не были наслѣдственными по общему правилу, и государи обладали достаточною степенью власти, чтобы не допустить въ думу неугодныхъ имъ сыновей чиновныхъ бояръ изъ родовитыхъ фамилій. Но практика знаетъ цѣлый рядъ и такихъ случаевъ, когда мѣста отцовъ занимали въ думѣ ихъ сыновья. Опираясь на такую практику, извѣстный дѣятель смутнаго времени, бояринъ кн. В. В. Голицынъ, совершенно категорично выразилъ свои аристократическія притязанія на званіе думнаго совѣтника, замѣтивъ, что „отца моего и дѣда изъ думы не высылывали, и думу они всякую вѣдали, и не купленое у нихъ было боярство“. Но противъ такого чистаго аристократизма въ составѣ думы въ рукахъ московскихъ государей было другое серьезное средство: на второстепенные и третьестепенные чины въ думѣ они проводили угодныхъ имъ представителей изъ среды неродовитыхъ фамилій.

Но отсюда никакъ нельзя сдѣлать тотъ выводъ, какой сдѣланъ проф. Сергѣевичемъ, что „думный чинъ свидѣтельствуетъ не о правѣ думныхъ людей давать совѣты царю, а о правѣ царя призывать въ свою думу не только бояръ, но дворянъ и даже дьяковъ“. Даже и съ его точки зрѣнія о „правѣ князя дѣлать все единолично“, что „не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію и не нуждается ни въ какихъ дальнѣйшихъ доказательствахъ“, нельзя понять институтъ думныхъ чиновъ, какъ лишь право государей призывать въ думу дворянъ и дьяковъ. Казалось бы, что въ силу права дѣлать все единолично, государямъ легко было совсѣмъ устранить бояръ изъ думы и совѣщаться только съ дворянами и даже одними дьяками. Къ чему тутъ думные чины, въ частности бояръ и окольничихъ? Гораздо ближе къ истинѣ другое мнѣніе того же маститаго ученаго о возникновеніи различныхъ думныхъ чиновъ. Для созданія Московскаго государства нужны были московскимъ князьямъ помощники. „Надо было умѣть привлекать ихъ къ себѣ. И московскіе государи умѣли это дѣлать. Они щедро раздавали служилымъ людямъ земли и льготы и образовали преданный себѣ классъ помѣщиковъ и вотчинниковъ. Но не все можно было купить одной щедростью. Приходилось еще имѣть дѣло съ мнѣніями и привычками служилаго класса. Ихъ нельзя было игнорировать, къ нимъ надо было относиться съ нѣкоторой долей уваженія. Эти обычныя мнѣнія требовали, чтобы князья совѣщались съ „старѣйшими“. Но это уже опека, а опека стѣсняетъ. Надо почтить „старѣйшихъ“ и дать дорогу „молодшимъ“. Учрежденіе думныхъ чиновъ счастливо разрѣшило эту трудную задачу“. Итакъ, московскіе государи уступали требованіямъ обычая и совѣщались не только съ дворянами и дьяками, но и со „старѣйшими“, т. е. боярами. Послѣдніе въ силу своего положенія думныхъ людей принимали постоянное участіе въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ, а московскіе государи, если и далеко не всегда по доброй волѣ, но уступая лишь требованіямъ старины, признавали необходимымъ выслушивать мнѣнія своихъ совѣтниковъ, какъ естественную и неизбѣжную обязанность „добраго“ правителя.

II. Вторая перемѣна, отразившаяся на составѣ думы, была обусловлена значительнымъ наплывомъ въ Москву родичей владѣтельныхъ великихъ и удѣльныхъ князей, которые оттѣснили старыя боярскія фамиліи съ верхнихъ ступеней служилой лѣстницы. Высказана даже догадка, что сначала всѣ служилые князья входили въ составъ думы (В.-Будановъ). Безспорно, однако, лишь то, что изъ среды этой титулованной знати въ XVI в. преимущественно шли назначенія въ чины бояръ и частію окольничихъ, такъ что въ нѣкоторые моменты въ составѣ думныхъ чиновъ на долю титулованныхъ представителей приходилось не менѣе ²/₃ общаго состава. Это измѣніе въ составѣ совѣтниковъ государей потому особенно заслуживаетъ вниманія, что традиціи владѣтельныхъ фамилій безпорно значительно усилили политическія притязанія московскаго боярства, чѣмъ и вызваны были суровыя мѣры московскихъ государей какъ противъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и противъ княжескихъ фамилій вообще, особенно противъ княженецкаго землевладѣнія. Изъ этой же среды вышли и виднѣйшіе публицисты XVI в., какъ бояринъ кн. Василій Патрикѣевъ, насильственно постриженный подъ именемъ Вассіана, кровный врагъ Іосифа Волоцкаго, и бояринъ кн. А. М. Курбскій. Такіе знатные оппоненты московскихъ государей особенно подчеркивали двойственность ихъ положенія, т. к. при явно выраженномъ стремленіи къ самодержавію они были поставлены въ необходимость имѣть въ составѣ совѣтниковъ столь явныхъ недоброхотовъ.

III. Третья, наконецъ, перемѣна обусловливалась коренными измѣненіями въ организаціи службы, которая изъ добровольной становится постепенно обязательной. Право отъѣзда вольныхъ слугъ, этотъ основной камень боярскихъ вольностей, постепенно превращается въ понятіе государственной измѣны, ибо отъѣзжать было возможно только къ государевымъ недругамъ. При отсутствіи такой гарантіи вольности и самая оппозиція въ думѣ становилась все болѣе и болѣе невозможной, кромѣ исключительныхъ случаевъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ и политическія притязанія боярства не могли получить естественнаго и нормальнаго выраженія. Такая перемѣна, въ связи съ расшатаннымъ экономическимъ положеніемъ княже-

скихъ и крупныхъ боярскихъ фамилій, и подготовила мало по малу почву для торжества самодержавной монархіи. Но такой исходъ становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ лишь со второй половины XVII в., хотя и тогда значительно скрывается еще за неисчезнувшими пережитками старины.

Число думныхъ людей въ Москвѣ весьма не постоянно и имѣетъ явную наклонность къ возрастанію къ концу періода. По сохранившимся спискамъ въ годъ смерти Василія Темнаго осталось 5 бояръ и 1 окольничій (изъ шести—2 титулованныхъ); въ годъ смерти Ивана III—13 бояръ и 6 окольничихъ (изъ нихъ 11 титулованныхъ); въ годъ смерти Василія Ивановича—20 бояръ и 1 окольничій (въ томъ числѣ 15 титулованныхъ). У Грознаго въ 1553 г. числилось 32 боярина, но въ годъ его смерти осталось 10 бояръ, 1 окольничій и 8 думныхъ дворянъ (списки думныхъ дворянъ сохранились лишь съ 1572 г.). Въ XVII в. общее число думныхъ чиновъ увеличивается: при Борисѣ Годуновѣ ихъ числилось до 30, въ смуту—до 47, при Алексѣѣ Михайловичѣ—59 и при Ѳедорѣ—167.

Участіе въ засѣданіяхъ думы принимаютъ не всѣ думные люди. Помимо отсутствующихъ изъ Москвы и находящихся въ посольствахъ, на кормленіяхъ, по воеводствамъ и пр., даже не всѣ наличные члены могли засѣдать въ думѣ по недосугу ли, или даже въ силу государевой опалы. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что при такихъ условіяхъ число думныхъ людей, присутствовавшихъ на отдѣльныхъ засѣданіяхъ, чрезвычайно непостоянно. Проф. Сергѣевичъ подобралъ рядъ такихъ случаевъ, присоединилъ къ нимъ отдѣльныя свидѣтельства о приглашеніи въ думу и не думныхъ людей и изъ всего этого сдѣлалъ выводъ, что въ думѣ присутствуютъ каждый разъ лишь тѣ изъ думныхъ людей, какихъ призывалъ на данное засѣданіе государь. Но если принять этотъ выводъ, то становится опять не понятнымъ и совершенно не нужнымъ институтъ думныхъ чиновъ. Очевидно, дѣло обстояло не такъ. Обычно въ засѣданіяхъ думы принимаютъ участіе всѣ наличные и не отвлеченные другими спѣшными дѣлами думные люди (см. ниже). Отъ XVII в. сохранились даже оффиціальныя ука-

занія, по какимъ днямъ и въ которомъ часу должны были бояре съѣзжаться „на сидѣнье“ о дѣлахъ.

Но наряду съ обычными и текущими засѣданіями боярской думы московскіе государи, конечно, могли совѣтоваться и совѣтовались интимно съ своими приближенными изъ думныхъ и иныхъ людей, въ частности и съ духовными лицами. Берсень жаловался, что Василій III, запершись самъ третей, у постели всякія дѣла дѣлаетъ. Такое, можетъ быть, преувеличенное обобщеніе обиженнаго совѣтника указываетъ на существованіе особаго интимнаго круга совѣтниковъ у этого государя, что подтверждается и подробнымъ разсказомъ лѣтописи о составленіи завѣщанія этимъ княземъ. Серьезно заболѣвъ въ Волоколамскѣ, Василій III съ бояриномъ и дворецкимъ Шигоною и со своимъ великимъ дьякомъ Путятинымъ „нача мыслити, кого пустити въ ту думу (о духовномъ завѣщаніи) и приказать свой государственный приказъ“. Въ этомъ совѣтѣ самъ-третей рѣшенъ былъ только одинъ вопросъ, какихъ бояръ пустить въ думу о завѣщаніи. По возвращеніи въ Москву, приглашены были на совѣщаніе, кромѣ двухъ поименованныхъ выше, еще трое бояръ, казначей и дьякъ, но затѣмъ были прибавлены еще два боярина и кн. Глинскій, котораго, какъ не думнаго человѣка, вел. кн. прибавилъ въ думу, „поговоря съ бояры“, т. к. Глинскій былъ родственникомъ великой княгинѣ Еленѣ. На этомъ совѣщаніи рѣшены были вопросы о малолѣтнемъ наслѣдникѣ, о великомъ княженіи, какъ ему строиться, и о духовной грамотѣ, которую и приказано было писать двумъ присутствующимъ дьякамъ (эта грамота не сохранилась). Эти девять совѣтниковъ были избраны изъ общаго числа думныхъ людей, которыхъ въ данный моментъ числилось по счету однихъ изслѣдователей болѣе 20, по счету другихъ—не менѣе 35. Остается неизвѣстнымъ, сколько изъ нихъ было на лицо въ Москвѣ, но несомнѣнно, что далеко не всѣ. Та же лѣтопись разсказываетъ, что многіе изъ бояръ, узнавъ о болѣзни государя, пріѣхали изъ своихъ вотчинъ въ Москву, и, черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго засѣданія интимнаго совѣта, у постели больного государя собрались митрополитъ, братья государя и всѣ бояре. На этомъ собраніи опять шла рѣчь о наслѣдникѣ и объ

устроеніи государства. Но что это за собраніе? Засѣданіе ли это боярской думы, какъ думаютъ одни, или простое прощаніе государя со своими слугами, какъ утверждаютъ другіе? Лѣтопись приводитъ любопытныя слова больного Василія къ боярамъ: „мы вамъ государи прироженные, а вы наша извѣчная бояре; и вы, б р а т і е, постойте крѣпко, чтобы мой сынъ учинился на государствѣ государемъ, была бы въ землѣ правда и въ васъ бы розни никоторые не было“ (П. С. Л. VI, 271). Это не прощальное свиданіе, на которое могли бы быть приглашены не только думные люди, а просьба государя къ членамъ думы объ осуществленіи тѣхъ мѣръ, какія были намѣчены и приняты въ интимномъ совѣтѣ. Надо думать, бояре изъявили готовность исполнить волю своего государя и своимъ обязательствомъ содѣйствовать ея осуществленію подкрѣпили рѣшенія интимнаго совѣта. Такое собраніе всѣхъ бояръ у государя невозможно отличить отъ засѣданія боярской думы, помимо лишь необычной внѣшней обстановки. И въ другихъ случаяхъ государи являлись на засѣданія думы съ готовыми рѣшеніями и, конечно, не одинъ разъ успѣвали проводить въ думѣ свою точку зрѣнія. Но это не даетъ права отрицать самые акты совѣщаній. Итакъ, въ этомъ случаѣ рѣшенія интимнаго совѣта были подкрѣплены согласіемъ всѣхъ собравшихся думныхъ людей.

Въ иномъ нѣсколько свѣтѣ рисуютъ значеніе ближней или тайной думы современники XVII в., какъ иностранцы (Маржеретъ, Мейербергъ, Рейтенфельсъ), такъ и Котошихинъ. Послѣдній указываетъ: „А какъ царю лучится о чемъ мыслиті тайно, і въ той думе бываютъ тѣ бояре и околничие, ближние, которые пожалованы изъ спалниковъ, или которымъ приказано бываетъ приходиті; а иные бояре, и околничіе, и думные люді, въ тоѣ полату, въ думу, и ни для какихъ нибуді дѣлъ не ходятъ, развее царь укажетъ“ (II, 5). При увеличившемся числѣ думныхъ людей въ XVII в. такія интимныя совѣщанія сдѣлались естественно болѣе частыми, а такая тайная дума не могла не подрывать значенія боярской думы, хотя всѣ оффиціальные памятники говорятъ только о послѣдней и совершенно не знаютъ тайной думы.

Какая же роль выпала на долю боярской думы въ Москвѣ? Въ исторической литературѣ на этотъ вопросъ даны весьма различные отвѣты. Всѣ изслѣдователи, кромѣ проф. Сергѣевича, признаютъ боярскую (царскую) думу постояннымъ учрежденіемъ, хотя и приписываютъ ей разное значеніе: одни (Неволинъ, Загоскинъ) только совѣщательное и подчиненное, другіе (Ключевскій, В.-Будановъ) гораздо болѣе высокое и важное, равное по силѣ съ авторитетомъ государевой власти.

Проф. Сергѣевичъ свое совершенно особнякомъ стоящее мнѣніе основываетъ на общей посылкѣ, что „мысль о постоянномъ учрежденіи съ опредѣленнымъ составомъ и компетенціей совершенно чужда московскому времени"; что московскіе государи „не чувствовали ни малѣйшей потребности" въ постоянномъ совѣтѣ. А потому памятники говорятъ о „сидѣньи съ боярами", „о боярскихъ приговорахъ", т. е. о совѣтникахъ, и не знаютъ „государевой или боярской думы, какъ учрежденія въ видѣ постояннаго совѣта". Но указаніе на отсутствіе оффиціальнаго названія для учрежденія прежде всего не точно. Хотя оффиціальные памятники говорятъ обыкновенно о думѣ описательно, но имъ извѣстны термины—„царскій синклитъ" (соборный приговоръ 1580 г.) и „царскаго величества дума" (въ грамотѣ 1614 г. „отъ бояръ и отъ окольничихъ и ото всее царскаго величества думы братьи нашей... панамъ радѣ". С. Г. Г., III, № 24). Оффиціозные и частные памятники означаютъ думу „синклитіей", „сенатомъ", „царскимъ совѣтомъ", „радой", „господой". Флетчеръ называетъ засѣданіе „лордовъ совѣта" или думныхъ бояръ терминомъ „boarstwa dumna", т. е. повидимому боярской думой. Но дѣло, конечно, не въ названіи. Что же касается опредѣленности состава и компетенціи, то эта мѣрка, пожалуй, окажется неприложимой и къ цѣлому ряду современныхъ административныхъ органовъ послѣ конституціоннаго періода. Въ Москвѣ порядки могли оказаться еще менѣе опредѣленными. Нельзя же на этомъ основаніи отрицать наличность учрежденій при московскихъ царяхъ. И ихъ не отрицаетъ проф. Сергѣевичъ; онъ только не признаетъ думу за учрежденіе.

Что же говорятъ о думѣ съ боярами памятники? Такія указанія весьма многочисленны и чрезвычайно важны для

характеристики той роли, какая выпала на долю думы. Вотъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ примѣровъ. Въ заголовкѣ Судебника 1-го сказано, что „уложилъ князь вел. съ дѣтми своими и съ бояры о судѣ“ и пр. То же сказано и въ заголовкѣ Судебника 2-го: „Царь и вел. князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи съ своею братіею и зъ бояры сесь Судебникъ уложилъ“. Въ немъ указанъ и дальнѣйшій путь дополненій, которыя должны происходить „съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору“ (выше, 220). Образованной для составленія Уложенія коммиссіи въ числѣ важнѣйшихъ источниковъ названы указы прежнихъ государей и „боярскіе приговоры на всякія государственныя и земскія дѣла“ (выше, 227). Точно также и въ 1681 г. царь Ѳедоръ указалъ: „въ приказѣхъ выписать изъ вершеныхъ дѣлъ... которые дѣла въ приказѣхъ по указу отца его и по его государеву указу вершены, по ихъ государскимъ указамъ и боярскимъ приговорамъ сверхъ Уложенія 157 году и новыхъ статей и учинены ихъ государскіе указы и боярскіе приговоры вновь“ (П. С. З. № 900; ср. № 1513). Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ бояре дѣйствуютъ совмѣстно съ государемъ, ихъ приговоръ стоитъ рядомъ съ государевымъ указомъ. Всѣ эти факты и цѣлый рядъ другихъ подобныхъ давно извѣстны и отмѣчены въ литературѣ. Но имъ противополагаютъ другіе, свидѣтельствующіе, что московскіе государи могли издавать и издали цѣлый рядъ указовъ безъ участія бояръ, по собственному ихъ усмотрѣнію, и что боярскіе приговоры составлялись не иначе, какъ только по указамъ или приказамъ государей, когда это было благоугодно послѣднимъ. Къ такому выводу пришелъ проф. Сергѣевичъ изъ разсмотрѣнія отношеній между московскими государями и ихъ совѣтниками. Но едва ли этотъ выводъ можетъ имѣть рѣшающее значеніе. Въ примѣръ единоличной формы указовъ проф. Сергѣевичъ приводитъ жалованныя льготныя грамоты. Но въ той же формѣ изданы и уставныя грамоты, губныя и земскія. Между тѣмъ первыя губныя грамоты изданы во время младенчества Грознаго, т. е. боярскимъ правительствомъ. Земскія грамоты, отмѣнявшія намѣстническія кормленія, изданы послѣ того, какъ Грозный „бояромъ приказалъ о Казан-

скомъ дѣлѣ промышляти да и о кормленіяхъ сидѣти". Современникъ даже упрекнулъ бояръ за то, что они „начаша о кормленіяхъ седѣти, а Казанское строеніе поотложиша" (П. С. Л. XIII, 523). Надо думать, что и во многихъ другихъ случаяхъ за голой формулой государева указа нерѣдко скрывалось предварительное обсужденіе и рѣшеніе вопроса въ думѣ. Но несомнѣнно, что московскіе государи издавали указы и единолично; такіе указы назывались позднѣе именными. Проф. Сергѣевичъ отмѣтилъ, въ какихъ случаяхъ, по вопросамъ, повидимому, совершенно однороднымъ, государи то обращаются къ содѣйствію боярской думы, то рѣшаютъ дѣла единолично. Первое „бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло отличалось большой сложностью и не могло быть разрѣшено немедленно"; наоборотъ, когда докладъ былъ сравнительно простъ, царь его разрѣшалъ самъ, не обращаясь къ боярамъ. И это мнѣніе надо принять.

Но что же такое боярскій приговоръ? Каково его значеніе? Памятники различаютъ два вида боярскихъ приговоровъ. Въ одномъ рядѣ случаевъ стоитъ оффиціальное выраженіе: „государь указалъ и бояре приговорили"; въ другомъ—„по государеву указу бояре приговорили". Первое выраженіе обыкновенно толкуется изслѣдователями въ смыслѣ боярскаго приговора, состоявшагося въ присутствіи государя, второе обозначаетъ боярскій приговоръ, постановленный въ отсутствіи государя. По мнѣнію проф. Сергѣевича, боярскій приговоръ въ присутствіи государя являлся только исполненіемъ государева указа. „Царь, выслушавъ докладъ и всѣ необходимыя справки для разъясненія дѣла, высказываетъ свою волю, какъ дѣлу быть; если при докладѣ были бояре, они ф о р м у л и р у ю т ъ ц а р с к у ю в о л ю, это и есть боярскій приговоръ. Это и значитъ: царь указалъ, бояре приговорили". Почтенный изслѣдователь приводитъ затѣмъ извѣстную картину засѣданія думы изъ описанія Котошихина: „А лучитца царю мысль свою о чемъ объявиті, и онъ имъ объявя, приказываетъ, чтобъ они, бояре и думные люді, помысля, къ тому дѣлу дали способъ . . . и они мысль свою къ способу объявливаютъ" (II, 5), и комментируетъ эти слова слѣдующимъ образомъ: „Итакъ, царь высказываетъ „мысль", т. е. намѣреніе свое,

свою волю, а боярамъ приказываетъ пріискать способъ осуществить эту мысль; этимъ исполненіемъ царской мысли и исчерпывается вся дѣятельность государевой думы, засѣдающей въ присутствіи царя". Едва ли этотъ комментарій вполнѣ точно передаетъ мысль наблюдательнаго современника. Скорѣе надо понимать его слова въ томъ смыслѣ, что царь ставитъ вопросъ, указываетъ, можетъ быть, свое мнѣніе о его рѣшеніи и предлагаетъ высказаться боярамъ, которые и объявляютъ свои мысли „къ способу" рѣшенія вопроса, т. е. подвергаютъ вопросъ обсужденію. Но если даже и принять предложенное толкованіе, то изъ него явствуетъ, что пріисканіе способовъ къ осуществленію царской воли вовсе не является простой формулировкой этой воли. Къ тому же точная формулировка (письменная) царской мысли была выше средствъ думы, при которой не было никакой канцеляріи, и происходила въ приказахъ на основаніи краткихъ помѣтъ на докладахъ.

Для выясненія роли боярскаго совѣта въ присутствіи государя можно воспользоваться нѣсколькими оффиціальными записями о порядкѣ обсужденія вопросовъ въ думѣ. Въ параллель картинѣ Котошихина любопытно отмѣтить свидѣтельство царской грамоты 1673 г. о совмѣстномъ засѣданіи освященнаго собора и боярской думы по поводу грозящаго нашествія турецкаго султана. По вѣстямъ объ этой опасности царь „совѣтовалъ" съ патріархомъ и архіереями и говорилъ съ боярами, окольничими и думными людьми. „И святѣйшій патріархъ и архіереи, и бояре наши и околничіе и думные люди, помысля о томъ крѣпко и единодушно согласясь, намъ великому государю объявили, на какихъ мѣрахъ тому дѣлу быть и какъ впредь отъ такого находящаго непріятеля осторожность имѣти и какими мѣры" (П. С. З. № 547). Вопросъ возбужденъ государемъ, но единодушное рѣшеніе его предложено освященнымъ соборомъ и боярской думой. При Грозномъ въ 1549 г. шли переговоры съ литовскими послами о перемирьи. Возбужденъ былъ въ думѣ вопросъ, настаивать ли на включеніи въ перемирныя грамоты новаго царскаго титула? Рѣшено было настаивать. Но рядомъ предусматривался и такой исходъ, что послы „заупрямятся, не захотятъ писать". „И царь и вел. князь о томъ говорилъ

много съ бояры, пригоже ли имя его не сполна писати. И бояре говорили, что для недруговъ пригоже и не сполна писати". Возникли пренія. Бояре ссылались на то, что если „разорвать" перемирье, то противъ трехъ недруговъ „истомно стоять, и которые крови христіанскіе прольются за одно имя, а не за землю, ино отъ Бога о грѣсѣ сумнительно". И приговорилъ государь со всѣми бояры, что не сполна писать. Но какъ трудно было царю согласиться съ такимъ исходомъ, видно изъ того, что и послѣ этого рѣшенія, когда дѣйствительно послы заупрямились и отказались вписать новый титулъ, „бояре царю и вел. князю приговаривали и били челомъ, чтобъ писать по старинѣ", безъ новаго титула. И это повторилось два раза (Сб. русск. ист. Общ., LIX, 291, 297, 300). Изъ этихъ двухъ примѣровъ, число которыхъ можно значительно увеличить, наглядно видно, въ какой мѣрѣ справедливо мнѣніе проф. Сергѣевича, что „думные люди не рѣшали государственныхъ вопросовъ, а только отвѣчали на вопросы государей и исполняли ихъ указы". Изъ послѣдняго примѣра видно, что между государемъ и его совѣтниками могли возникнуть и разногласія, и боярамъ съ трудомъ удалось убѣдить пылкаго царя принять ихъ совѣтъ. Возраженія государямъ въ думѣ возникали вовсе не рѣдко. Такія „встрѣчи" или „стрѣчи" терпѣлъ и даже жаловалъ такихъ оппонентовъ Иванъ III и не долюбливалъ его сынъ Василій. Грозный свидѣтельствуетъ, что возраженія въ думѣ его дѣду и отцу доходили до „поносныхъ и укорительныхъ словесъ". Проф. Сергѣевичъ, по поводу извѣстія, что Иванъ III любилъ выслушивать возраженія и даже жаловалъ тѣхъ, кто ему возражалъ, замѣчаетъ: „объ этомъ не пришлось бы говорить, если бы членамъ думы принадлежалъ рѣшающій голосъ. Въ этомъ случаѣ у нихъ было бы право не только возражать, но и рѣшать противъ воли царя". Но при такомъ положеніи дѣлъ въ Москвѣ образовалась бы не монархія, а аристократическая республика. Такой мысли въ литературѣ никто не защищалъ, ни даже проф. Ключевскій, вопреки утвержденію проф. В.-Буданова. И между такимъ воображаемымъ положеніемъ думы и тѣмъ, какое считаетъ возможнымъ удѣлить проф. Сергѣевичъ боярскимъ приговорамъ (простая формулировка воли

царя), цѣлая бездна. Рѣшеніе вопроса между этими двумя крайностями гораздо болѣе соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности.

Но боярская дума могла имѣть засѣданія и въ отсутствіи государя и постановлять приговоры. Памятники знаютъ цѣлый рядъ такихъ случаевъ. Иногда государь прямо уполномачивалъ думу разсмотрѣть возбужденные вопросы и потомъ доложить себѣ. Такъ, въ 1636 г. изъ Помѣстнаго приказа представленъ былъ государю докладъ о помѣстныхъ и вотчинныхъ „статьяхъ“, которымъ возбуждалось 15 законодательныхъ вопросовъ. Государь указалъ: „тѣхъ статей слушать бояромъ, а что о тѣхъ статьяхъ бояре приговорятъ, и о томъ велѣлъ государь доложить себя государя“. По 14 вопросамъ бояре постановили приговоры, и по каждому изъ этихъ приговоровъ „государь указалъ быть той статьѣ такъ, какъ бояре приговорили“. Въ указной книгѣ Приказа помѣчено: „а что о которой статьѣ государевъ указъ и боярской приговоръ, и то писано по статьямъ“. Но одинъ вопросъ бояре отказались рѣшить и приговорили „о той статьѣ доложить государя, какъ о той статьѣ государь укажетъ; а имъ бояромъ о томъ приговаривать не можно, потому что за ними за самими такіе вотчины“ (Христ. III, 229—236). Котошихинъ сообщаетъ, что какъ изготовятъ грамоты въ окрестныя государства, „и тѣхъ грамотъ слушаютъ напередъ бояре, и потомъ они жъ, бояре, слушаютъ въ-другорядъ съ царемъ всѣ вмѣстѣ; такъ же и иные дѣла, написавъ, взнесутъ слушать всѣмъ же бояромъ; и слушавъ, бояре учнутъ слушать въ-другорядъ съ царемъ же“ (II, 5). Отсюда какъ бы слѣдуетъ, что приговоръ думы въ отсутствіи государя вновь пересматривается думою вмѣстѣ съ государемъ. Надо думать, что не было одного установленнаго порядка, такъ какъ изъ приведеннаго случая явствуетъ, что приговоры думы разсматривалъ и одобрялъ государь единолично. Но еще любопытнѣе тѣ случаи, когда приговоры думы въ отсутствіи государя составлялись не по его уполномочію и записывались въ указныя книги приказовъ безъ представленія ихъ на одобреніе государя. Цѣлый рядъ такихъ случаевъ отъ конца XVI и первой половины XVII вв. записанъ въ уставной книгѣ Разбой-

наго приказа. Напр., „А при государѣ царѣ и вел. князѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ всеа Русіи данъ въ Разбойной Приказъ боярской приговоръ"; или: „И 133 году февр. въ 17 день бояринъ кн. Дмитрей Михайловичь пожарской, да дьякъ Семенъ Головинъ о той статьѣ въ Верху у Благовѣщенья докладывалъ бояръ и бояре приговорили" (Христ. III, 50, 52, 55, 59, 67). И такая практика наблюдается не только по вопросамъ уголовнаго законодательства, но и по другимъ. Было бы, однако, неправильно заключать изъ этого, что боярская дума могла дѣйствовать совершенно обособленно и независимо отъ государя. Бояре, конечно, составляли свои приговоры въ увѣренности, что не разойдутся въ мнѣніяхъ съ государемъ, какъ и государи давали свои единоличные указы въ твердомъ убѣжденіи, что могутъ въ этихъ случаяхъ безъ ущерба для дѣла разрѣшить вопросы самостоятельно, не прибѣгая къ содѣйствію боярской думы. Но могло быть и такъ, что бояре сообщали о своихъ приговорахъ и получали словесныя одобренія, но только эти одобренія не отмѣчены въ приказной записи, какъ не попадали нерѣдко въ эти записи и указанія на участіе боярскаго совѣта въ государевыхъ указахъ.

Но наиболѣе обычнымъ былъ порядокъ совмѣстной дѣятельности государя и боярской думы, который и формулированъ въ Судебникѣ 2-мъ (ст. 98): всѣ новыя дѣла, не предусмотрѣнныя Судебникомъ, должны были рѣшаться „съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору". Это правило установлено для приказныхъ судей, и возлагало на нихъ обязанность по всѣмъ новымъ дѣламъ представлять доклады государю и боярской думѣ. То же самое правило, лишь въ иной формулировкѣ, повторено и въ Уложеніи. Тамъ сказано: „А спорныя дѣла, которыхъ въ приказѣхъ зачѣмъ вершити будетъ не мощно, взносити изъ приказовъ въ докладъ къ государю царю и вел. князю Алексѣю Михайловичу всея Русіи и къ его государевымъ бояромъ, и окольничимъ и думнымъ людемъ. А бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ сидѣти въ палатѣ и по государеву указу государевы всякіе дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ" (X, 2). Судебникъ, конечно, не вновь установилъ порядокъ совмѣстныхъ совѣщаній государя съ думными людьми; онъ только формулировалъ текущую

практику, которую санкціонировало и Уложеніе. Эти ясныя, казалось бы, указанія источниковъ вызвали, однако, въ литературѣ попытку совершенно иного ихъ истолкованія.

Проф. Сергѣевичъ такъ комментируетъ указанное правило Судебника: „Избранная рада (о которой писалъ Курбскій; см. выше, 423) не ограничилась одной практикой, ей удалось оформить свои притязанія и провести въ Судебникъ ограниченія царской власти . . . Для пополненія Судебника новыми законодательными опредѣленіями требуется приговоръ „всѣхъ бояръ". Это несомнѣнное ограниченіе царской власти и новость: царь только предсѣдатель боярской коллегіи и безъ ея согласія не можетъ издавать новыхъ законовъ. Жалобы Грознаго были совершенно основательны" (369). Правило же Уложенія проф. Сергѣевичъ относитъ не къ боярской думѣ, а къ особому учрежденію, боярской коллегіи (405). Повидимому, новая догадка объ ограниченіи царской власти построена всецѣло на выраженіи: „и со всѣхъ бояръ приговору", т. к. во всемъ остальномъ формула Судебника вполнѣ соотвѣтствуетъ, казалось бы, обычному выраженію: „государь указалъ и бояре приговорили". Ограниченіе царской власти, безспорно, крупный историческій фактъ, который долженъ быть подготовленъ предшествующими историческими условіями. Но каковы же эти условія? Проф. Сергѣевичъ не приводитъ никакихъ новыхъ указаній и ограничивается лишь общеизвѣстными выдержками изъ переписки Курбскаго съ Грознымъ въ довольно обычномъ ея освѣщеніи. Немногія его замѣчанія могутъ показаться и не вполнѣ послѣдовательными. Онъ говоритъ, что избранной радѣ удалось оформить свои притязанія и провести въ Судебникъ; но послѣдній говоритъ о приговорѣ „всѣхъ" бояръ, а не избранныхъ, что, конечно, не одно и то же. Далѣе, по его мнѣнію, „требованіе Судебника о приговорѣ „всѣхъ бояръ" относится къ будущему и, конечно, никогда не было приведено въ исполненіе; въ настоящее же время царя ограничивалъ не совѣтъ всѣхъ бояръ, а только нѣкоторыхъ" (369). Въ другомъ же мѣстѣ указано, что „послѣ низверженія Сильвестра и Адашева о соблюденіи 98 ст. Судебника, конечно, не могло быть и рѣчи" (462). Оказывается, что въ эпоху

ихъ вліянія эта статья могла и приводиться въ исполненіе, хотя они были заинтересованы въ поддержаніи господства не всѣхъ бояръ, а только избранныхъ. Разрывъ царя съ избранной радой произошелъ вскорѣ послѣ смерти царицы Анастасіи, которая скончалась весной 1560 г. За цѣлое десятилѣтіе со времени изданія Судебника проф. Сергѣевичъ замѣтилъ одинъ лишь случай примѣненія ст. 98. Утверждая, что „государь можетъ призвать и не призвать бояръ въ думу", онъ дѣлаетъ въ примѣчаніи такую оговорку: „единственное отступленіе отъ высказаннаго въ текстѣ положенія можно наблюдать только въ кратковременный періодъ господства „избранной рады" Сильвестра и Адашева. Она имѣла цѣлью сдѣлать царя только предсѣдателемъ своего совѣта. И можно допустить, что иногда и достигала этого. Въ выраженіяхъ указа 1556 г. можно видѣть примѣръ осуществленія желательнаго для избранной рады порядка: „Лѣта 7064 авг. 21 приговорилъ государь царь и великій князь Иванъ Васильевичъ со всѣми бояры". Эта форма совершенно соотвѣтствуетъ порядку установленному 98 ст. Суд. Ц." (386 прим.). Значитъ ли это, что требованіе Судебника, противорѣчащее какъ интересамъ царя, такъ и избранной рады, было все же приведено въ исполненіе? По сохранившимся за пятидесятые годы XVI в. указамъ проф. В.-Будановъ подсчиталъ, что „въ эпоху власти избранной рады законъ объ ограниченіи законодательной власти царя примѣненъ былъ лишь одинъ разъ; царь совѣщался съ нѣкоторыми боярами по собственному выбору два раза, а законодательствовалъ одинъ безъ бояръ шесть разъ" (171 прим.). Къ этому можно присоединить указаніе проф. Сергѣевича, что самый Судебникъ изданъ только „съ бояры", а не со всѣми боярами. Получается, дѣйствительно, странный результатъ: новый законъ объ ограниченіи царской власти остался всецѣло на бумагѣ—явленіе совсѣмъ не понятное при господствѣ и авторитетѣ старины. Но еще болѣе странно, что правило Судебника о совѣщаніи со всѣми боярами практиковалось и до Судебника, и послѣ низверженія избранной рады. Въ упомянутыхъ засѣданіяхъ боярской думы 1549 г., когда обсуждался вопросъ о включеніи въ перемирную грамоту съ Литвой царскаго титула,

„приговорилъ государь со всѣми бояры, что не сполна писати“. Еще раньше, въ 1544 г., когда обсуждался въ думѣ вопросъ, оставаться ли государю въ Москвѣ въ виду грозящаго нашествія крымскаго хана, или нѣтъ, то послѣ преній бояре „сошли всѣ на одну рѣчь“ (П. С. Л., т. XIII, 435). Та же практика наблюдается и послѣ 1560 г. Проф. Сергѣевичъ самъ приводитъ одинъ такой случай: „Въ 81 году окт. въ 9 день, по государеву цареву и великаго князя приказу, преосвященный Антоній митрополитъ и епископы и весь освященный соборъ, и бояре, князь И. Ѳ. Мстиславской, и всѣ бояре приговорили“ (о княженецкихъ вотчинахъ) (А. И. I., № 154 XIX). А вотъ и еще рядъ примѣровъ: „Лѣта 7087 декабря въ 5 день государь царь и великій князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи съ сыномъ своимъ съ царевичемъ со княземъ Иваномъ и со всѣми бояры приговорилъ, какъ ему, прося у Бога милости, итти на свое государево дѣло и на земское, на Нѣмецкую и на Литовскую землю“ (Вивл. XIV, 349). „Лѣта 7090 марта въ 12 день государь царь и великій князь Иванъ Васильевичь всея Русіи приговорилъ со всѣми бояры“ (о ябедникахъ, крамольникахъ и составщикахъ) (Христ. III, 35). И при царѣ Ѳедорѣ соблюдается тотъ же порядокъ: „Лѣта 7094 государь царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичь приговорилъ со всѣми бояры, какъ ему государю, на своего непослушника Свейскаго короля наступивъ, своимъ и земскимъ дѣломъ промышляти“ (Вивл. XIV, 490). Извѣстный апрѣльскій указъ 1597 г. о кабальномъ холопствѣ царь „приговорилъ со всѣми бояры“, тогда какъ не менѣе извѣстный ноябрьскій указъ того же года о бѣглыхъ крестьянахъ начинается формулой — „царь указалъ и бояре приговорили“. Не безынтересно отмѣтить, что въ частной переработкѣ Судебника 1589 г., въ заголовкѣ отмѣчено, что царь „приговорилъ и уложилъ“ его, между прочимъ, „и со всѣми князми и бояры“. Еще интереснѣе, что при учрежденіи опричины въ 1565 г. царь Грозный „государьство свое Московское, воинство, и судъ и управу, и всякіе дѣла земскіе приказалъ вѣдати и дѣлати бояромъ своимъ, которымъ велѣлъ быти въ земскихъ: кн. Ив. Дм. Бѣлькому, кн. Ив. Ѳед. Мстиславскому и всѣмъ бояромъ (Р.

И. Б. III, 257). Этотъ порядокъ удерживается и въ XVII в.: Уложеніе предписываетъ „боярамъ и окольничимъ и думнымъ людемъ... государевы всякіе дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ“. Проф. Сергѣевичъ относитъ, однако, два послѣднихъ указанія не къ боярской думѣ, а къ особой боярской коллегіи.

Получается совершенно странный выводъ: правило Судебника, почти совсѣмъ не примѣнявшееся въ эпоху господства избранной рады, соблюдалось до Судебника и послѣ устраненія избранной рады гораздо чаще и регулярнѣе. Отсюда явствуетъ, что самое правило Судебника неправильно истолковано проф. Сергѣевичемъ; иначе неизбѣжно надо придти къ заключенію, что власть царя была еще болѣе ограничена до Судебника, въ эпоху опричнины и позднѣе, при Ѳедорѣ Ивановичѣ. Такого вывода, конечно, не приметъ и проф. Сергѣевичъ. Что же означаетъ формула Судебника—„съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору?“ Она означаетъ то же самое, что и другая формула—„государь указалъ и бояре приговорили“, т. е. совмѣстное рѣшеніе вопроса государемъ и всѣми наличными членами боярской думы, и ничего болѣе. Нерѣдко встрѣчающаяся отмѣтка объ участіи въ приговорѣ всѣхъ бояръ указываетъ лишь на обычный составъ засѣданій боярской думы: въ нихъ принимали участіе „всѣ бояре“, т. е. всѣ наличные думные люди. Это наблюденіе идетъ въ совершенный разрѣзъ съ выводомъ проф. Сергѣевича, который утверждаетъ, что московскіе государи „всегда имѣли подъ рукой массу совѣтниковъ, но совѣщались только съ тѣми изъ нихъ, съ кѣмъ находили нужнымъ“ (380).

Другой выводъ проф. Сергѣевича, „что дума не имѣетъ никакой“ своей „компетенціи“ (390) надо признать совершенно вѣрнымъ, но только не потому, что дума единственно исполняетъ приказы государей и внѣ этой чисто исполнительной функціи совершенно бездѣйствуетъ, а лишь въ томъ смыслѣ, что она вѣдаетъ дѣла совмѣстно съ государемъ или рядомъ съ нимъ и никакой своей самостоятельной или особой компетенціей не обладаетъ. Отсутствіе самостоятельной компетенціи у думы стоитъ въ связи и съ другой отрицательной чертой въ ея организаціи, подмѣченной проф. Ключев-

скимъ,—„въ отсутствіи ея отвѣтственности передъ государемъ“ (Б. Дума, 468).

Но нельзя не согласиться въ извѣстной мѣрѣ и съ указаніемъ проф. Сергѣевича на нѣкоторую инертность въ дѣятельности думы: она постоянно и много работаетъ, но въ этой повседневной работѣ не замѣтно собственнаго ея почина въ возбужденіи вопросовъ, подлежавшихъ ея разработкѣ. Сами бояре въ 1608 г. прекрасно формулировали это свое свойство, отвѣчая гетману Рожинскому, что въ Московскомъ государствѣ бояре „во всякихъ дѣлахъ безъ царскаго повелѣнья и начинанія ссылаться и дѣлать не привыкли“ (Соловьевъ, VIII, изд. 4, 185). Всѣ вопросы возбуждались въ думѣ исключительно двумя путями: 1) по почину царя и 2) приказными докладами. Указываемый еще въ литературѣ третій путь возбужденія вопросовъ въ думѣ челобитьями частныхъ лицъ и группъ населенія обычно сливался со вторымъ, такъ какъ челобитья, если не удовлетворялись непосредственно усмотрѣніемъ государя, проходили предварительно стадію приказныхъ справокъ и затѣмъ только поступали на обсужденіе думы.

Починъ самого государя являлся, конечно, самыхъ естественнымъ и обычнымъ началомъ въ дѣятельности его совѣта. Это „начинаніе“ государя выражалось въ приказѣ или повелѣніи боярамъ „сидѣти“ или „поговорить“, „помыслить“ о такомъ то дѣлѣ и объявить государю „способъ къ тому дѣлу“. Памятники сохранили множество указаній на подобные царскіе приказы думѣ. Напримѣръ, Грозный въ 1552 г., отъѣзжая въ Троицкій монастырь, приказалъ боярамъ „безъ себя сидѣти“ объ устройствѣ Казанскаго царства и о кормленіяхъ (П. С. Л., т. XIII, 523). Въ 1573 г., во время Ливонскаго похода, въ Новгородѣ государь „велѣлъ боярамъ о свейскомъ дѣлѣ поговорити, какъ съ свейскимъ королемъ впереди быти“. И бояре кн. М. И. Воротынскій съ товарищи приговорили вступить въ переговоры о перемиріи (Карамз. IX, прим. 416). Вышеприведенное указаніе Котошихина (выше, стр. 451), какъ царь объявляетъ боярамъ и думнымъ людямъ свою мысль, вполнѣ подтверждаетъ эту практику. Отъ царя Алексѣя сохранилось „письмо о какихъ дѣлѣхъ говорить боярамъ“. Изъ этого черноваго наброска видно, какъ царь на-

мѣчалъ не только вопросы, но и рѣшенія ихъ, хотя лишь предварительныя, предоставляя боярамъ и измѣнять эти рѣшенія. Напримѣръ, по поводу незаконныхъ дѣйствій астраханскаго воеводы царь записалъ: „за то довелася ему смертная казнь, а то самое легкое, что отсѣчь руку и сослать въ Сибирь“, но тутъ же замѣтилъ: „учинить ему казнь, какую приговорите по сему наказу“ (Записк. Отд. русск. и славян. археол. II, 733—35). Что въ этихъ случаяхъ роль думныхъ людей не была только пассивной, чисто исполнительной, формулирующей лишь царскую волю, указано выше (стр. 451 и слѣд.). Можно присоединить къ приведеннымъ тамъ случаямъ еще одинъ. Въ 1553 г. шли переговоры съ Литвой о вѣчномъ мирѣ или о перемирьи. На засѣданіи думы дьякъ Иванъ Михайловъ (Висковатый) доложилъ, что прежде обычно о перемирьи начинали рѣчь послы, а нынче заговорили объ этомъ бояре. „И язъ, государь, чаю, что имъ хотѣти то слово и въ перемирные грамоты писати“. Государь говорилъ со всѣми бояры, „пригоже ли то слово переставити?“ И бояре говорили, чтобъ о томъ стояти крѣпко; а не возможно будетъ уговорить, то писати, что о томъ говорили бояре. Но дьякъ Иванъ Михайловъ предложилъ другой исходъ: „такъ и есть, нынеча то началось отъ бояръ, били челомъ государю бояре, и государь нашъ то перемирье сдѣлалъ для бояръ своихъ прошенья, ино такъ и написати, какъ ся дѣяло“ (Сб. Р. И. О. LIX, 404). Этотъ проектъ былъ принятъ, и принятое только что боярами рѣшеніе было видоизмѣнено по предложенію посольскаго дьяка.

Въ повседневной практикѣ вопросы, подлежащіе рѣшенію думы, возбуждались докладами изъ приказовъ. Поводы къ представленію такихъ докладовъ не были точно опредѣлены въ московскомъ правѣ. По Судебнику 2-му установленъ обязательный докладъ по дѣламъ новымъ, не предусмотрѣннымъ въ Судебникѣ (ст. 98). Выше высказано сомнѣніе (220) въ точномъ выполненіи этого правила, такъ какъ нельзя допустить, чтобы съ изданіемъ Судебника перестали примѣнять въ практикѣ обычныя нормы. Но съ другой стороны едва ли можно толковать это правило въ томъ смыслѣ, что доклады допускались только въ случаѣ недостатка указныхъ нормъ. Изъ

приказовъ представляли доклады не рѣдко и въ тѣхъ случаяхъ, когда почему либо „судьи" затруднялись или не рѣшались самостоятельно постановить приговоръ. Въ Уложеніи правило о докладахъ формулировано въ болѣе общей формѣ: „А спорныя дѣла, которыхъ въ приказѣхъ за чѣмъ вершити будетъ не мочно, взносити изъ приказовъ въ докладъ государю царю и великому князю и его государевымъ бояромъ и околничимъ и думнымъ людемъ" (X, 2). Почти тѣми же словами описываетъ порядокъ доклада и Котошихинъ: „будетъ котораго дѣла вершиті имъ (приказнымъ судьямъ) за чѣмъ не мочно, и то дѣло взнесутъ предъ царя и предъ бояръ, и что по тому дѣлу будетъ царскій указъ, и по тому такъ и быті" (VII, 42). Рѣшенія государя и думы по такимъ приказнымъ докладамъ и составляли текущее законодательство Московскаго государства, нашедшее свое выраженіе въ дополнительныхъ указахъ къ Судебнику и въ новоуказныхъ статьяхъ (выше, стр. 221 и 234).

Въ этомъ всего отчетливѣе вскрывается та роль, какая выпала на долю боярской думы въ качествѣ постояннаго совѣта при государѣ по законодательнымъ вопросамъ и въ вопросахъ внѣшней политики. Поэтому можно говорить о думѣ, какъ объ одномъ изъ элементовъ въ составѣ государственной власти и именно элементѣ аристократическомъ. По мѣрѣ того, какъ подрывался аристократизмъ въ составѣ думскихъ совѣтниковъ, пропадало и политическое значеніе думы. Дума XVI в. гораздо авторитетнѣе думы XVII в., потому что первая много аристократичнѣе второй и гораздо тверже держится за старый укладъ, за право совѣта, хотя и не умѣетъ точно формулировать своихъ притязаній. Но какъ только формула была выработана и начала развиваться и крѣпнуть въ сознаніи современниковъ, то оказалось, что для проведенія ея въ жизнь не нашлось на лицо достаточныхъ соціальныхъ силъ. Выше были отмѣчены (стр. 292) главныя причины, подорвавшія силы родословной знати къ исходу XVI и въ началѣ XVII в. Смута выдвинула значительно средніе служилые и тяглые классы, и важная роль земскихъ соборовъ отодвинула на второй планъ политическій авторитетъ думы, которая держится гораздо больше старыми традиціями, чѣмъ

новыми живыми силами. Она становится все болѣе только чиновной, бюрократической, и все менѣе аристократичной. Для думы XVI в. нельзя не признать весьма удачной характеристики ея политическаго положенія, предложенную проф. Ключевскимъ. Онъ находитъ, что разграничить власть государя и его боярскаго совѣта чрезвычайно трудно именно потому, что „государь и его совѣтъ не были двумя различными властями, а составляли одно властное верховное цѣлое". Хотя государь „ежедневно дѣлалъ много правительственныхъ дѣлъ безъ участія боярскаго совѣта, какъ и боярскій совѣтъ рѣшалъ много дѣлъ безъ участія государя; но это вызывалось соображеніями правительственнаго удобства, а не вопросомъ о политическихъ правахъ и прерогативахъ, было простымъ раздѣленіемъ труда, а не разграниченіемъ власти" (Б. Дума, 468). Справедливо замѣчено, что „нельзя придумать никакой формы совмѣстности, при которой не пришлось бы, въ случаѣ разногласія, кому нибудь уступить". Но и въ любой изъ современныхъ писаныхъ конституцій съ самымъ подробнымъ разграниченіемъ правъ отдѣльныхъ элементовъ, образующихъ государственную власть, можно отмѣтить цѣлый рядъ нормъ, не имѣющихъ санкціи и соблюдаемыхъ только при данномъ соотвѣтствіи соціальныхъ силъ. Для думы XVII в. гораздо больше подходитъ то, что говоритъ упомянутый авторъ въ другомъ мѣстѣ своего изслѣдованія. „Въ присутствіи государя дума могла имѣть только совѣщательное значеніе. Приговоръ, произнесенный боярами безъ государя, становился окончательнымъ рѣшеніемъ въ силу постояннаго на то полномочія, и тогда дума дѣйствовала, какъ законодательная власть. Когда такіе приговоры восходили на утвержденіе государя, то въ этихъ случаяхъ дума также получала совѣщательное значеніе. Но такіе случаи являются исключительными, какъ отступленіе отъ нормальнаго порядка" (тамъ же, 503). Слѣдуетъ лишь замѣтить, что право постановлять окончательныя рѣшенія лишь по уполномочію низводило думу съ мѣста ей ранѣе принадлежащаго въ составѣ законодательной власти, и единымъ источникомъ послѣдней становился тотъ, отъ кого дума получила свои полномочія, т. е. государь. Для преобразованія такой думы въ сенатъ Петру Великому оставалось сдѣлать немногое.

Въ заключеніе необходимо остановиться на мнѣніи проф. Сергѣевича о „судной боярской коллегіи“. Отрицая думу, какъ учрежденіе, В. И. Сергѣевичъ полагаетъ, что всѣ историки, касавшіеся вопроса о думѣ, ошибочно отнесли къ ней тѣ мѣста источниковъ, которыя характеризуютъ не думу, а отобранную изъ ея среды судную коллегію. Корни этого учрежденія онъ видитъ въ назначаемыхъ каждый разъ особо коммиссіяхъ изъ 2—3 лицъ для разбора даннаго дѣла. Первый же опытъ превратить такія временныя коммиссіи въ постоянную коллегію былъ сдѣланъ Грознымъ при учрежденіи опричнины. Въ началѣ декабря 1564 г. государь съ семьей и съ значительной свитой, захвативъ съ собой всю казну, уѣхалъ изъ Москвы. А 3-го января 1565 г. прислалъ изъ Александровской слободы на имя митрополита увѣдомленіе, что онъ намѣренъ оставить государство вслѣдствіе измѣны бояръ и приказныхъ людей. Взволнованное населеніе отправило къ государю многочисленное посольство съ челобитьемъ, чтобы онъ „государьства не отставлялъ и своими государьствы владѣлъ и правилъ, яко же годно ему“, чтобы людей „на разхищеніе волкомъ не давалъ, наипаче же отъ рукъ силныхъ избавлялъ“; „а хто будетъ государьскіе лиходѣи которые измѣнные дѣла дѣлали, и въ тѣхъ вѣдаетъ Богъ да онъ, государь, и въ животѣ и въ казни его государьская воля“. Государь челобитье принялъ подъ условіемъ класть опалы и казнить непослушныхъ измѣнниковъ „и животы и статки имати“, и сверхъ того „учинити ему на своемъ государьствѣ себѣ опришнину, дворъ ему себѣ и на весь свой обиходъ учинити особной“. Въ опричнину были выдѣлены значительныя части территоріи Московскаго государства (выше, 344), въ которыхъ и были испомѣщены тѣ 1000 головъ князей, дворянъ и дѣтей боярскихъ дворовыхъ и городовыхъ, которые были отобраны въ опричнину. То, что не взято было въ опричнину, осталось въ „земскихъ“, и объ этомъ не выдѣленномъ въ опричнину состоялось слѣдующее распоряженіе государя: „Государьство же свое Московское, воинство и судъ и управу и всякіе дѣла земскіе, приказалъ вѣдати и дѣлати бояромъ своимъ, которымъ велѣлъ быти въ земскихъ: кн. Ивану Дмитреевичу Бѣлскому, кн. Ивану Ѳедоровичю Мстиславскому

и всѣмъ бояромъ; а конюшему и дворетцскому и казначѣемъ и дьякомъ и всѣмъ приказнымъ людемъ велѣлъ быти по своимъ приказомъ и управу чинити по старинѣ, а о болшихъ дѣлехъ приходити къ бояромъ; а ратные каковы будутъ вѣсти или земскіе великіе дѣла, и бояромъ о тѣхъ дѣлехъ приходити ко государю, и государь (приговоря) з бояры тѣмъ дѣломъ управу велитъ чинити" (П. С. Л. XIII, 391—395). Этихъ бояръ, которымъ велѣно быть въ земскихъ, проф. Сергѣевичъ и считаетъ судной боярской коллегіей, дѣйствующей въ качествѣ постояннаго учрежденія, самостоятельно въ предѣлахъ предоставленной ей компетенціи. Хотя онъ и думаетъ, что эта коллегія имѣла опредѣленный составъ, къ сожалѣнію намъ неизвѣстный, и свою опредѣленную компетенцію („ей предоставлено было вѣдать все внутреннее управленіе, военное и гражданское, и судъ"), но на дѣлѣ изъ этого вышло не много: „высшее управленіе, какъ и слѣдовало ожидать, осталось въ рукахъ самого царя". При существующемъ у царя недовѣріи къ боярамъ, имъ „трудно было дѣйствовать самостоятельно даже и въ мелкихъ вопросахъ текущаго суда и управленія. Можно думать, что любимой формой ихъ дѣятельности были доклады государю". „Во всякомъ случаѣ трудно думать, чтобы земскимъ боярамъ предоставлена была компетенція, выходящая за предѣлы прямого примѣненія царскихъ указовъ" (Юр. Др. II, 397—399). Но изъ лѣтописной передачи не сохранившагося указа явствуетъ, что текущее управленіе и судъ осталось „по старинѣ" въ рукахъ приказныхъ людей, а земскимъ боярамъ поручены „большія дѣла", т. е. такія, которыхъ въ приказахъ „вершити было не мочно" по недостатку ли закона, по неумѣнью ли его понять и примѣнить, или за разногласіемъ судей. Здѣсь открывается уже знакомая сфера дѣятельности боярской думы. И составъ земскихъ бояръ точно указанъ въ лѣтописномъ разсказѣ. Это не только князья Бѣльскій и Мстиславскій, но и „всѣ бояре", за исключеніемъ взятыхъ въ опричнину; всѣ прочіе и остались „въ земскихъ". Во всякомъ случаѣ ни составъ, ни компетенція земскихъ бояръ не представляются болѣе опредѣленными, чѣмъ составъ и компетенція боярской думы. Земскіе бояре должны были приходить къ государю о ратныхъ вѣстяхъ и о

великихъ земскихъ дѣлахъ. Но что значили великія дѣла? Опредѣленіе этого предоставлялось разумѣнію самихъ земскихъ бояръ, какъ разумѣнію приказныхъ судей рѣшеніе вопроса о томъ, какія дѣла надо отнести къ большимъ. Весьма сомнительно, что въ подлинномъ указѣ опредѣленіе компетенціи земскихъ бояръ дано въ болѣе точныхъ выраженіяхъ, какъ думаетъ В. И. Сергѣевичъ. Лѣтописецъ изложилъ дѣло вѣроятно терминами самого указа. „Опредѣленная и собственная“ компетенція боярской судной коллегіи даже въ изложеніи проф. Сергѣевича свелась къ „зависимой и несамостоятельной“? Гдѣ же существенныя отличія этой коллегіи отъ думы государей по составу и компетенціи? Ихъ нельзя совсѣмъ указать. Въ довершеніе всего проф. Сергѣевичу не удалось прослѣдить существованіе предполагаемой новой боярской коллегіи даже въ теченіе 10 лѣтъ: по указанію его, она безслѣдно исчезла. Надо думать, что она совсѣмъ и не возникала, а все отнесенное къ ней должно по прежнему относить къ боярской думѣ. Но во второй половинѣ XVII в. возникаетъ новая судная коллегія, извѣстная подъ именемъ Расправной палаты. Объ этой палатѣ извѣстно было исторической литературѣ и до изслѣдованія проф. Сергѣевича. Проф. Н. П. Загоскинъ и почти одновременно съ нимъ проф. Ключевскій отмѣтили, что съ 1681 г. упоминается боярская коллегія „у расправныхъ дѣлъ“, позднѣе получившая названіе Расправной палаты. Оба они согласно указали, что это постоянное учрежденіе возникло изъ прежнихъ временныхъ коммиссій для завѣдыванія Москвой въ отсутствіе государя. Во время нерѣдкихъ отлучекъ государей изъ столицы временныя коммиссіи принимали доклады изъ приказовъ и о важныхъ дѣлахъ посылали царю въ „походъ“, а по прочимъ „чинили указъ, по которымъ мочно“ (Котош. II, 17). При частыхъ отлучкахъ царя Алексѣя въ подмосковные дворцы и монастыри, такія временныя коммиссіи сдѣлались почти обычнымъ текущимъ явленіемъ и естественно перешли въ постоянное учрежденіе. Съ другой стороны, оказалось весьма цѣлесообразнымъ уменьшить значительный притокъ докладовъ изъ приказовъ государю и боярамъ и тѣмъ предотвратить накопленіе дѣлъ въ думѣ. Такимъ отвлекающимъ

учрежденіемъ и явилась Расправная палата, куда и стали направлять приказные доклады по спорнымъ суднымъ дѣламъ. Проф. Сергѣевичъ хочетъ измѣнить эти наблюденія лишь въ томъ, что отодвигаетъ возникновеніе постоянной боярской коллегіи къ концу первой половины XVII в. и находитъ, что такая постоянная коллегія извѣстна уже Уложенію, и въ этомъ смыслѣ толкуетъ вышеуказанную ст. 2 гл. X Уложенія. Но такое толкованіе едва ли можетъ быть принято. Упомянутая статья говоритъ о представленіи докладовъ изъ приказовъ „государю царю и великому князю и его государевымъ боярамъ, околничимъ и думнымъ людемъ" и далѣе предписываетъ боярамъ и думнымъ людемъ „сидѣти въ палатѣ и по государеву указу государевы всякія дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ". Хотя здѣсь упомянутъ терминъ „палата", но онъ обозначаетъ мѣсто засѣданій думныхъ людей, а не учрежденіе, выдѣленное изъ состава думы, такъ какъ статья говоритъ о всѣхъ думныхъ людяхъ. Кромѣ того, въ Расправной палатѣ государь не засѣдалъ, а въ статьѣ идетъ рѣчь о докладѣ государю. Такое несоотвѣтствіе не могло ухорониться отъ вниманія проф. Сергѣевича, но онъ объясняетъ это „недостаткомъ редакціи" (405). Онъ замѣтилъ и другую непослѣдовательность Уложенія: если въ Расправную палату восходятъ всѣ спорныя дѣла изъ приказовъ, то туда же слѣдовало бы направить и челобитья на отказъ въ правосудіи; а между тѣмъ по Уложенію предписано „о томъ бити челомъ и челобитныя подавати государю" (X, 20), а не въ палату. Такіе рѣзкіе недостатки редакціи проф. Сергѣевичъ склоненъ объяснить неумѣньемъ согласовать вновь возникающее учрежденіе съ остатками старины (405 и 408). Но въ тоже время признаетъ, что ст. 2-ю нельзя разсматривать какъ „чистую новость; она только формулируетъ прежнюю практику" (410). Нельзя не признать послѣднюю догадку гораздо болѣе вѣроятной. Прежняя практика знала только доклады государю и боярамъ, а совсѣмъ не постоянной судной коллегіи.

В. Сергѣевичъ. Юр. Древности, II, 350—480; *В.-Будановъ*. Обзоръ, 162—178; *Н. П. Загоскинъ*. Исторія права Московскаго государства, т. II, 1879; *В. Ключевскій*. Боярская дума, съ гл. VII и до конца.

Иб.

Земскіе соборы.

Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ являются формою соучастія населенія въ обсужденіи и рѣшеніи нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вопросовъ законодательства и управленія. Но что это за форма соучастія, какъ она возникла и развивалась — эти вопросы не находятъ согласнаго рѣшенія въ исторической литературѣ.

Со времени Карамзина до недавняго времени стоялъ внѣ сомнѣній сообщенный Карамзинымъ фактъ, что царь Иванъ Васильевичъ, „егда бысть в возрасте 20 году, виде государство свое в велицѣи тузѣ і печали отъ насилия силныхъ і отъ неправдъ, умысли смирити всѣхъ в любовь, і совѣтовавъ со отцомъ своимъ Макариемъ митрополитомъ, како бы уставити крамолы і неправды разорити і вражду утолити, повелѣ собрати свое государство изъ городовъ всякого чину“ (С. Г. Г. II, № 37; Карамзинъ, VIII, прим. 182). Далѣе сообщались тѣ знаменитыя рѣчи, какія молодой царь произнесъ на Лобномъ мѣстѣ къ собравшемуся изъ всѣхъ городовъ народу. Это извѣстіе, заимствованное изъ Хрущевской степенной книги, считалось первымъ хронологическимъ указаніемъ на созваніе перваго земскаго собора. Не малыя усилія изслѣдователей направлены были на то, чтобы выяснить причины, вызвавшія къ жизни эту новую форму общенія власти съ населеніемъ страны въ указанное время. К. Аксаковъ и Бѣляевъ, съ одной стороны, Соловьевъ и Чичеринъ съ другой, Павловъ, Щаповъ, Сергѣевичъ, В.-Будановъ, Загоскинъ, Ждановъ, Дитятинъ, Латкинъ и др. исходили изъ упомянутаго факта и строили на немъ свои догадки.

Но въ 1900 г. С. Ѳ. Платоновъ, обратившійся непосредственно къ Хрущевской степенной книгѣ, убѣдился, что самая книга едва ли старѣе половины XVII в., а упомянутое извѣстіе представляетъ въ ней позднѣйшую интерполяцію, совершенную не раньше, „какъ во второй половинѣ или даже въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XVII в.“. Бытописатель, жившій столѣтіемъ позднѣе описываемыхъ событій, многое изображалъ въ чертахъ и краскахъ своей современности. Этимъ и можно

объяснить самое главное его указаніе, что молодой царь „повелѣ собрати свое государство изъ городовъ всякого чину“. Такіе представители отъ городовъ и чиновъ были обычнымъ явленіемъ на соборахъ XVII в. Но были ли они въ XVI в.? Открытіе проф. Платонова изъ подъ возведеннаго трудами вышеназванныхъ изслѣдователей построенія о первыхъ земскихъ соборахъ вырвало фундаментъ, взамѣнъ котораго необходимо подвести другой. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что еще раньше нѣкоторыми изслѣдователями ощущалось, что въ извѣстіи о первомъ земскомъ соборѣ не все представляется совершенно яснымъ. Такъ, Ждановъ уже приходитъ къ выводу, что земскій соборъ появляется какъ будто незамѣтно въ Московскомъ государствѣ, выростаетъ на одномъ стволу съ соборомъ церковнымъ; но и онъ останавливается передъ вопросомъ о „ближайшей причинѣ появленія земскихъ соборовъ съ народными представителями въ началѣ царствованія Ивана IV“. Гораздо рѣшительнѣе отнесся къ извѣстію о созывѣ изъ городовъ всякаго чина людей В. О. Ключевскій. Онъ призналъ, что „этотъ соборъ надобно пока считать потеряннымъ фактомъ въ исторіи устройства соборнаго представительства XVI в.“, и что „о составѣ соборнаго представительства въ 1550 г. можно судить только по составу дальнѣйшихъ земскихъ соборовъ XVI в.“. Изученіе же вопроса о представительствѣ на соборахъ 1566 и 1598 гг. привело изслѣдователя къ совершенному отрицанію въ ихъ составѣ выборныхъ людей (см. ниже).

Если извѣстіе Хрущевской книги о собраніи изъ „городовъ всякого чину“ должно быть совершенно устранено, то можно ли говорить о какомъ либо собраніи въ тотъ годъ, когда царю шелъ 20-й годъ? Вѣренъ ли самый фактъ, тамъ указанный, хотя и не вѣрно освѣщенный? И откуда могъ почерпнуть свои свѣдѣнія о событіи интерполяторъ конца XVII в.? Уже давно указана связь описаннаго извѣстія съ писаніемъ и обращеніемъ Грознаго къ членамъ созваннаго въ февралѣ 1551 г. Стоглаваго собора и однимъ мѣстомъ письма Грознаго къ Курбскому. Въ писаніи къ Стоглавому собору царь Иванъ вспоминалъ о соборѣ по поводу канонизаціи „великихъ святильниковъ новыхъ чудотворцевъ“, который созванъ

былъ „въ седьмоенадесять лѣто возраста“ государя; вспоминалъ и о другомъ соборѣ „въ 19-ое лѣто своего возраста“, когда разсматривались каноны, житія и чудеса новыхъ чудотворцевъ. Созывъ Стоглаваго собора царь отнесъ „въ 21-ое лѣто отъ родства и въ 18-е лѣто царства своего“. Обращеніе къ членамъ Стоглаваго собора царь началъ опять съ воспоминаній: „въ предъидущее лѣто билъ есми вамъ челомъ и съ бояры своими о своемъ согрѣшеніи, а бояре такоже. И вы насъ въ нашихъ винахъ благословили и простили. А язъ по вашему прощенію бояръ своихъ въ прежнихъ во всѣхъ винахъ пожаловалъ и простилъ да имъ же заповѣдалъ со всѣми хрестьяны царствия своего въ прежнихъ во всякихъ дѣлехъ помиритися на срокъ. И бояре мои всѣ, приказные люди и кормленщики со всѣми землями помирилися во всякихъ дѣлехъ. Да благословился есми у васъ тогдыже Судебникъ исправити по старинѣ и утвердити, чтобы судъ былъ праведенъ“ (ср. выше, стр. 218). Этими указаніями установляются два церковныхъ собора 1547 и 1549 гг. о новыхъ чудотворцахъ и еще, какъ говорятъ, особый „соборъ примиренія“, созванный въ „предыдущемъ“ году относительно Стоглаваго собора. Если въ моментъ созыва послѣдняго царю шелъ 21-й годъ, то „предыдущее“ лѣто ему шелъ 20-й годъ. Отсюда очевидно и взялъ свою дату интерполяторъ XVII в., говоря о созывѣ „изъ городовъ всякого чина“, когда царю шелъ 20-й годъ. Грозный родился 25 августа 1530 г. (лѣта 7038), за шесть дней до новаго года (1 сент. 7039). Семнадцатый годъ ему шелъ съ 25 августа 1546 (7054) по 25 августа 1547 (7055) г. Первый церковный соборъ о чудотворцахъ созванъ былъ въ февралѣ 1547 г., второй такой-же соборъ относятъ къ 1549 г., но безъ точнаго указанія даты. Грозному шелъ тогда 19-й годъ; значитъ, соборъ могъ состояться съ 25 авг. 1548 (7056) по 25 авг. 1549 (7057) г. Стоглавый соборъ созванъ въ февр. 7059 г., а предыдущее лѣто объемлетъ 7058-й съ 1 сент. по 1 сент. 7059 г., т. е. съ 1 сент. 1549 по 1 сент. 1550 г. Съ 24 ноября 1549 г. по 23 марта 1550 г. царь былъ въ походѣ подъ Казань (П. С. Л. XIII, 158—160), а на соборѣ о чудотворцахъ и на примиреніи онъ присутствовалъ лично. Въ іюнѣ же 1550 г. Су-

дебникъ былъ уже готовъ. Поэтому весьма вѣроятной представляется догадка, что царь благословился исправить Судебникъ въ промежутокъ отъ 1 сент. по 23 ноября 1549 г., когда и былъ созванъ, какъ говорили, первый земскій соборъ. Но отъ этого срока всего шесть дней отдѣляютъ и ту дату, когда царю исполнилось 19 лѣтъ. Возможно поэтому допустить догадку, что соборъ примиренія и второй церковный соборъ о чудотворцахъ были не двумя разными, а однимъ собраніемъ. Составъ церковнаго собора 1549 г. указываетъ царь въ писаніи Стоглавому собору: „архіепископы и епископы и честныя архимариты и игумены“ съ митрополитомъ Макаріемъ во главѣ. Соборъ долженъ былъ свидѣтельствовать и составить рѣшенія о всѣхъ изслѣдованіяхъ („обыскахъ“) по поводу житій и чудесъ новыхъ чудотворцевъ. А въ этихъ „обыскахъ“ принимали участіе не только чины духовенства, но и міряне; „пытати и обыскивати“ предписано было также „и князми и боляры и богобоязнивыми людми“ (Стоглавъ, изд. Каз., 44—45; ср. Ключевскій. Житія святыхъ, 461—462). Весьма вѣроятно, что многія изъ этихъ лицъ представляли свои свидѣтельства лично на соборѣ. Извѣстно, что на Стоглавомъ соборѣ присутствовали и мірскіе чины. Въ одномъ изъ обращеній царя, помимо чиновъ освященнаго собора, поименованы „такоже и братія моя, вси любимии мои князи и боляре і воини и все православное хрестьянство“ (Стоглавъ, 30—31). Но въ приведенномъ воспоминаніи обращеніе царя направлено лишь къ членамъ освященнаго собора, у которыхъ онъ съ боярами испрашивалъ въ предыдущее лѣто прощеніе и благословился исправить Судебникъ. На этомъ предыдущемъ собраніи несомнѣнно присутствовали „бояре всѣ, приказные люди и кормленщики“, ибо они играли активную роль въ церемоніи примиренія. Итакъ, на соборахъ 1551 и 1549 гг., было ли ихъ два или только одинъ въ этомъ послѣднемъ году, главное зерно составлялъ соборъ духовенства, но къ нему были присоединены и мірскіе люди въ весьма неопредѣленномъ составѣ и числѣ. Но можно ли это собраніе „предыдущаго лѣта“ считать первымъ такимъ собраніемъ? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно, такъ какъ въ литературѣ уже давно указанъ подобный же фактъ отъ второй

половины XV в. Въ 1471 г., въ моментъ разрыва съ Новгородомъ, великій князь Иванъ Васильевичъ совѣтовался сначала съ митрополитомъ, съ своею матерью и съ „сущими у него боярами его“ о походѣ на Новгородъ, и когда тѣ поддержали его планъ, то тотчасъ же онъ „розосла по всю братію свою, и по всѣ епископы земли своеа, и по князи, и по боаре свои, и по воеводы и по вся воа своа; и якоже вси снидошася къ нему, тогда всѣмъ възвѣщаетъ мысль свою, что итти на Новгородъ ратію . . . И мысливше о томъ не мало . . . князь великій начятъ вътружатися ити на нихъ, тако же и братіа его, и вси князи его, и боаре, и воеводы и вся воа его“ (П. С. Л. VIII, 161; XII, 129—130). Въ составѣ этого совѣщанія намѣчаются три элемента: освященный соборъ (митрополитъ и всѣ епископы), боярская дума (бояре) и, наконецъ, третій довольно неопредѣленный въ лицѣ воеводъ и всѣхъ воевъ. Это несомнѣнно служилые люди—дѣти боярскія, но нельзя допустить, что они созваны всѣ. Какъ они были подобраны, этого нельзя сказать ни о совѣщаніи 1471 г., ни о Стоглавомъ соборѣ относительно присутствовавшихъ на немъ воиновъ, ни о собраніи 1549 г. относительно приказныхъ людей и кормленщиковъ. Однако, на всѣхъ этихъ собраніяхъ безспорными элементами являются освященный соборъ и боярская дума. Отъ совмѣстныхъ засѣданій освященнаго собора и боярской думы собранія 1471, 1549 и 1551 гг. отличаются лишь тѣмъ, что включаютъ въ свой составъ весьма неопредѣленный третій элементъ въ лицѣ то „воеводъ и всѣхъ воевъ“, то „приказныхъ людей и кормленщиковъ“, то „воиновъ“ и даже „всего православнаго хрестьянства“. За невозможностью ближе опредѣлить этотъ элементъ приходится ограничиться лишь указаніемъ, что совмѣстныя совѣщанія освященнаго собора и думы начинаютъ со второй половины XV в. расширяться присоединеніемъ къ нимъ новаго составного элемента изъ среды служилыхъ людей. На этихъ новыхъ участниковъ совѣщаній изъ служилаго общества мало по малу начинаютъ смотрѣть какъ на людей земли или земель, а потому ихъ и привлекаютъ лишь для обсужденія наиболѣе важныхъ и отвѣтственныхъ вопросовъ въ серьезные моменты государственной жизни. Только подобной точкой зрѣнія на значеніе

такихъ расширенныхъ совѣщаній и можно объяснить, почему Грозный усмотрѣлъ въ участникахъ Стоглаваго собора „все православное хрестьянство". Поэтому такія совѣщанія имѣютъ значеніе не только предшественниковъ земскихъ соборовъ, являются не только ячейкой, изъ которой выростаетъ новое учрежденіе; они уже включаютъ въ себѣ всѣ элементы новаго учрежденія, т. е. освященный соборъ, боярскую думу и представительство земли или земель. Дальнѣйшая исторія новаго учрежденія сводится къ исторіи представительства, а именно къ его расширенію и упроченію. Зародышъ учрежденія представляютъ уже совмѣстныя совѣщанія духовнаго собора и боярской думы, при чемъ особенно духовный соборъ долженъ былъ послужить образцомъ мірского совѣта, въ составъ котораго онъ самъ вошелъ, и на который перенесъ свое названіе. Нельзя поэтому не признать вполнѣ правильной мысль Жданова, что земскій соборъ „выростаетъ на одномъ стволу съ соборомъ церковнымъ", которымъ на первыхъ шагахъ своей жизни значительно и закрывается. Потому Ждановъ и назвалъ Стоглавый соборъ „церковно-земскимъ". Но съ такимъ же правомъ могутъ быть названы этимъ именемъ какъ совѣщаніе 1549 г., такъ даже и собраніе 1471 г.

С. Ѳ. Платоновъ, благодаря открытію котораго значительно расчищена почва изслѣдованію вопроса, едва ли не идетъ слишкомъ далеко, полагая, что „въ 1550 г. (или въ 1549 г.) не было никакого особаго собора по дѣлу примиренія бояръ съ землей". Онъ считаетъ первымъ „достовѣрнымъ земскимъ соборомъ—соборъ 1566 г.". Оставляя совершенно въ сторонѣ показанія степенной книги Хрущова, по рѣчамъ Грознаго на Стоглавомъ соборѣ надо признать, что „въ предыдущее лѣто" имѣло мѣсто весьма важное совѣщаніе, на которомъ происходили взаимныя прощенія и примиренія, состоялось рѣшеніе о прекращеніи миромъ процессовъ противъ кормленщиковъ, возбужденъ вопросъ объ исправленіи Судебника, обсуждались вопросы о мѣстничествѣ (Ждановъ) и другія „внутреннія дѣла государства" (В.-Будановъ). По мнѣнію Жданова, послѣ этого собора примиренія, какъ онъ его называлъ, „до 1566 г. мы не встрѣчаемъ указаній на созва-

ніе земскаго собора“; но онъ не считалъ послѣдній соборъ первымъ земскимъ соборомъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что о соборѣ 1566 г. мы имѣемъ болѣе точныя свѣдѣнія, такъ какъ сохранился соборный актъ его дѣятельности съ подписями присутствовавшихъ на немъ членовъ. Онъ былъ созванъ царемъ для обсужденія вопроса, продолжать ли войну съ Литвой за Ливонію, или мириться на предложенныхъ условіяхъ. Никакого рѣшенія по вопросу соборъ не постановилъ; не съ этою цѣлью онъ былъ и созванъ: члены собора опрашивались „порознь, по чинамъ“. Всѣ представленныя членами собора мнѣнія и дошли до насъ съ ихъ подписями (С. Г. Г. I, № 192).

Имѣются указанія русскія и иностранныя, что по смерти Грознаго, при наличности борьбы среди придворныхъ партій, состоялось въ 1584 г. собраніе различныхъ чиновъ для избранія на престолъ царевича Ѳедора. Иностранцы говорятъ объ единодушномъ избраніи высшими и низшими сословіями; русскія извѣстія сообщаютъ объ участіи „всѣхъ людей“ или „именитыхъ людей“, пришедшихъ къ Москвѣ „изо всѣхъ градовъ и всего государства Московскаго“ (Устряловъ. Сказанія современниковъ о самозванцѣ, I, 357; П. С. Л. IV, 320; Никон. Лѣт. VIII, 5). Но изъ этихъ указаній нельзя вывести какихъ либо данныхъ о составѣ этого собранія.

Наконецъ, въ 1598 г. состоялся соборъ для избранія государя на царскій престолъ за прекращеніемъ династіи Рюриковичей со смертью царя Ѳедора. По поводу избранія боярина конюшаго Бориса Годунова составлена избирательная грамота, къ которой члены собора приложили свои руки (А. Э. II, № 7).

Подписи членовъ на соборныхъ актахъ 1566 г. и 1598 г. и послужили главнымъ матеріаломъ проф. Ключевскому для изученія состава представительства на соборахъ XVI в. Результаты его наблюденій совершенно перевернули ходячія мнѣнія объ организаціи представительства въ первый періодъ существованія земскихъ соборовъ. Изъ 374 членовъ собора 1566 г. было 32 духовныхъ лица; это члены освященнаго собора. Далѣе 29 думныхъ людей и 33 приказныхъ, т. е. члены государевой думы и судьи центральныхъ приказовъ,

присутствовавшіе на соборѣ поголовно. Третью группу составляли служилые люди, а именно 97 дворянъ первой статьи, 99 дворянъ и дѣтей боярскихъ второй статьи, 3 торопецкихъ и 6 луцкихъ помѣщиковъ. Послѣдняя группа состояла изъ 12 гостей, 41 человѣка „торговыхъ людей москвичей“ и 22 смольнянъ; это все торгово-промышленные люди. Въ лѣтописной замѣткѣ объ этомъ соборѣ сказано, что царь говорилъ „со всѣмъ еже освященнымъ соборомъ и со всѣми бояры и съ приказными людьми, да и со князми и з дѣтми боярскими и з служилыми людми, да и з гостми и съ купцы и со всѣми торговыми людми“, которые „приговорили, что царю и великому князю Ливонскіе земли городовъ полскому королю никакъ не поступитися и за то крѣпко стояти“ (П. С. Л. XIII, 402). Первыя двѣ группы въ составѣ собора не возбуждають сомнѣній; это не выборныя лица, а члены высшихъ правительственныхъ учрежденій и высшія должностныя лица, присутствовавшіе поголовно и на соборахъ XVII в. Третья группа, самая многочисленная, наиболѣе интересна: оказывается, что 4/5 всѣхъ присутствовавшихъ на соборѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ записаны были по московскому списку, были столичными служилыми людьми. Объ остальныхъ не удалось подобрать свѣдѣній. Но и полученный результатъ доказываетъ громадное преобладаніе столичныхъ служилыхъ людей въ составѣ членовъ военно-служилаго класса. Какимъ же образомъ и въ какомъ качествѣ они попали на соборъ? За отсутствіемъ прямыхъ указаній приходится довольствоваться догадками. Вотъ догадка проф. Ключевскаго. По даннымъ Тысячной книги (выше, стр. 274—275) мы знаемъ, изъ какихъ уѣздовъ набирались дворяне въ отборную тысячу. Получивъ помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ, они не перестали быть помѣщиками на прежнихъ мѣстахъ своего жительства и сохранили съ ними не только хозяйственныя, но и служебныя отношенія: какъ лучшіе мѣстные люди, они и въ новомъ качествѣ столичныхъ дворянъ продолжали нести службу головъ-начальниковъ надъ мѣстными уѣздными сотнями. Если возстановить по тысячной книгѣ мѣста жительства тѣхъ членовъ собора, относительно которыхъ это возможно, то окажется, что всѣ они распредѣляются по 38 уѣздамъ, лежа-

щимъ по западной границѣ и близко къ центру, откуда прежде всего и были мобилизованы дворянскія сотни. Можно думать, что начальники мобилизованныхъ сотенъ и попали на соборъ прямо съ театра военныхъ дѣйствій. Другіе изъ членовъ служилаго класса на соборѣ, неизвѣстные по Тысячной книгѣ, были городовыми воеводами въ городахъ пограничныхъ съ театромъ военныхъ дѣйствій.

Итакъ, членами на соборѣ отъ служилыхъ людей явились почти все столичные служилые люди, бывшіе предводителями дворянскихъ сотенъ и военными начальниками въ пограничныхъ городахъ и въ силу этого близко знакомые съ положеніемъ дѣла, о которомъ они должны были подавать свое мнѣніе правительству. Они явились представителями на земскомъ соборѣ не по избранію и уполномочію своихъ избирателей, а по довѣрію къ нимъ правительства, которое видѣло въ нихъ хорошо освѣдомленныхъ съ положеніемъ дѣлъ начальниковъ, на которыхъ удобно было возложить примѣненіе на мѣстахъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ послѣ совѣщанія съ этими свѣдущими людьми.

Другой изслѣдователь (М. В. Ключковъ), изучившій составъ служилаго представительства на соборѣ 1566 г., пришелъ къ выводу, что московскіе дворяне могли попасть на соборъ не только въ силу тѣхъ связей, какія у нихъ не порывались съ служилыми людьми тѣхъ уѣздовъ, откуда они были взяты въ отборную тысячу, а главнымъ образомъ въ силу своего начальственнаго положенія надъ мѣстными дворянскими полками и сотнями или въ качествѣ военно-административныхъ агентовъ правительства, въ какой бы мѣстности имъ не пришлось выполнять возложенныя на нихъ правительствомъ начальственныя функціи. „Это были отвѣтственные свѣдущіе люди Московскаго государства, созванные на соборъ по мѣсту ихъ службы, а не по мѣсту ихъ землевладѣнія“.

Соборъ 1566 г. тѣмъ существенно отличается по составу отъ прежде упоминаемыхъ совѣщаній правительства съ людьми изъ населенія, что на немъ впервые отмѣчены въ составѣ членовъ лица торгово-промышленныхъ классовъ. Проф. Ключевскій и относительно этой группы членовъ собора 1566 г.

пришелъ къ выводу, весьма близкому съ только что указаннымъ относительно служилыхъ людей. Всѣ члены этой группы, не исключая и смольнянъ, были московскими торговыми людьми. Это лучшіе, отборные въ средѣ торгово-промышленнаго класса, набранные въ Москву изъ торговыхъ людей всѣхъ городовъ Московскаго государства съ тѣмъ, чтобы возложить на нихъ трудную и отвѣтственную службу по финансовому управленію (выше, стр. 299—300). Сдѣлавшись московскими жильцами, они сохраняли связь съ прежними областями своей торгово-промышленной дѣятельности не только хозяйственную, но нерѣдко и административную, когда являлись въ этихъ мѣстахъ финансовыми прикащиками московскаго правительства. Призваны они были на соборъ, какъ лучшіе мѣстные люди и какъ довѣренные органы правительства, которые были хорошо ознакомлены съ положеніемъ дѣлъ въ кругу своей профессіи.

Такимъ образомъ представительство на соборѣ 1566 г. столичнаго дворянства и столичнаго купечества было представительствомъ по государственному и общественному положенію, а отнюдь не по довѣрію и выбору избирателей. Самый же соборъ явился совѣщаніемъ правительства со своими собственными агентами и представлялъ всю землю, поскольку послѣдняя могла быть представлена столицей.

Изученіе состава представительства на соборѣ 1598 г. привело проф. Ключевскаго къ тѣмъ же основнымъ выводамъ, какіе онъ сдѣлалъ относительно состава собора 1566 г. „И теперь сошлись на соборѣ разностепенные носители власти, органы управленія, а не уполномоченные общества; это было представительство по служебному положенію, а не по общественному довѣрію. Но по понятіямъ того времени это было представительное собраніе. На это указываетъ эпитетъ вселенскій, прилагая который къ земскому собору, хотѣли тѣмъ выразить представленіе о собраніи руководителей всѣхъ частей государственнаго управленія. Значитъ, въ земскомъ соборѣ видѣли представительство государственной организаціи... Управляемое же общество подразумѣвалось не какъ политическая сила, которая могла говорить на соборѣ устами своихъ уполномоченныхъ, а какъ паства, о благѣ которой должны были сообща подумать ея приставники.

Соборъ былъ органомъ ея интересовъ, но не ея воли; члены собора представляли общество, насколько управляли имъ" (Русск. Мысль, 1891, № I, 146). Правда, въ числѣ участниковъ этого собора проф. Ключевскій отмѣчаетъ группу дворянъ подъ именемъ „изъ городовъ выборъ", среди которыхъ были, по его мнѣнію, выборные изъ городовыхъ дворянъ. „Присутствіе представителей мѣстныхъ дворянскихъ обществъ изъ ихъ же среды есть новая черта въ соборѣ 1598 г., не замѣтная въ составѣ собора 1566 г., на которомъ провинціальное дворянство было представлено только столичными дворянами" (тамъ же, 142—143). Къ сожалѣнію, почтенный изслѣдователь не приводитъ никакихъ указаній на тѣ условія, которыми могъ бы быть вызванъ къ жизни этотъ новый типъ представительства.

Но если начало выборнаго представительства совершенно чуждо организаціи земскихъ соборовъ XVI в., то могла ли въ ту пору вообще зародиться мысль о возможности выборной организаціи представительства? Выше приведено мнѣніе анонимнаго автора „Иного сказанія" Бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ (стр. 427) о созданіи „единомысленнаго вселенскаго совѣта", состоящаго изъ представителей „ото всякихъ мѣръ всякихъ людей" и образованнаго „погодно" „ото всѣхъ градовъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ". Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что здѣсь идетъ рѣчь о выборномъ представительствѣ. Но тогда возможно ли отнести и самый памятникъ ко второй половинѣ XVI в., и не надежнѣе ли догадка тѣхъ, которые относятъ эту приписку къ Бесѣдѣ ко времени послѣ смуты? Имѣются, однако указанія, что мысли анонимнаго автора, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой части, не были чужды даже правительственнымъ сферамъ второй половины XVI в. Когда посолъ Баторія Гарабурда заговорилъ въ 1585 г. о вѣчномъ мирѣ, то бояре ему отвѣтили: „это дѣло великое для всего христіанства; государю нашему надобно совѣтоваться объ немъ со всею землю; сперва съ митрополитомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, а потомъ съ боярами и со всѣми думными людьми, со всѣми воеводами и со всею землею; на такой совѣтъ съѣзжаться надобно будетъ изъ дальнихъ мѣстъ, изъ Новагорода, Казани, Астрахани, Сибири"

(Соловьевъ VII, изд. 4, 252 и 254; Карамзинъ X, 28). Съѣздъ на совѣтъ всей земли изъ такихъ дальнихъ мѣстъ опять идетъ въ совершенный разрѣзъ съ практикой. Очень возможно, что бояре представили только простую отговорку, какъ и поняли это паны, указавъ кн. Троекурову: „у васъ въ обычаѣ ведется—что сдумаетъ государь да бояре, на томъ и станетъ, а землѣ до того и дѣла нѣтъ". Но важно, что эта отговорка представляетъ совѣтъ земли въ видѣ представительства даже отъ самыхъ отдаленныхъ областей государства. Отъ Сибири, напримѣръ, упоминаются представители одинъ разъ на избирательномъ соборѣ 1612—1613 г.

Итакъ, наряду съ практикой XVI в., не знающей выборнаго представительства на совѣтахъ всей земли, зародилась уже въ то время идея и выборнаго представительства отъ всѣхъ областей государства, не исключая и самыхъ отдаленныхъ, какъ нормальная организація такихъ совѣтовъ. Условія московской современной дѣйствительности благопріятствовали укорененію мысли о выборномъ представительствѣ, такъ какъ въ организаціи отдѣльныхъ частей мѣстнаго управленія выборное начало нашло довольно широкое примѣненіе. По выбору или излюбу мѣстнаго населенія намѣчались губные головы и цѣловальники, излюбленные головы и земскіе судейки, старосты и цѣловальники для присутствія на судѣ сначала у намѣстниковъ и волостелей, а потомъ и выборныхъ судей. Среди крестьянъ черныхъ волостей и на посадахъ выборныя лица уже издавна несутъ важныя функціи по раскладкѣ и сбору податей. Позднѣе другихъ общественныхъ классовъ получаетъ обособленную организацію служилое населеніе. Но и оно разбивается по уѣздамъ на областные міры, и въ каждомъ уѣздѣ провинціальное дворянство избираетъ изъ своей среды городовыхъ прикащиковъ и окладчиковъ—послѣднихъ для опредѣленія служебной годности каждаго служилаго человѣка при разборахъ и верстаньяхъ (выше, стр. 271). Перенесеніе этого выборнаго начала изъ узкой области мѣстнаго управленія въ организацію „вселенскаго совѣта" вовсе не представлялось столь труднымъ для того времени, какъ въ наши дни, такъ какъ московскіе государи не усматривали въ этомъ совѣтѣ никакой опасности для своего авторитета.

Но какъ разъ случилось, что примѣненіе выборнаго начала къ организаціи земскихъ соборовъ совпало съ подъемомъ авторитета земскаго собора и упадкомъ власти государя. Но это было лишь случайнымъ совпаденіемъ, а не слѣдствіемъ новой организаціи соборнаго представительства.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что перемѣна въ организаціи представительства подготовлена событіями смутнаго времени. При крайне слабомъ правительствѣ (царя Шуйскаго) и даже при полномъ его отсутствіи мѣстныя общества должны были взять въ свои руки заботы о собственномъ самосохраненіи и спасеніи отечества отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ—„воровъ" и поляковъ. Такое серьезное и многотрудное дѣло вызываетъ къ жизни не только возникновеніе мѣстныхъ совѣтовъ для обсужденія положенія дѣлъ, но и сношенія мѣстныхъ совѣтовъ между собой. Для обсужденія общихъ предпріятій сѣверо-восточные и другіе города сносятся между собой грамотами и приглашаютъ присылать „для подлиннаго договора, добраго совѣта и поспѣшенья добрыхъ людей изо всѣхъ чиновъ". Такъ, нижегородцы пишутъ на Вологду: „писали мы къ вамъ напередъ сего многижды . . . чтобы вамъ прислати къ намъ о договорѣ и о добромъ совѣтѣ людей добрыхъ изо всѣхъ чиновъ, сколько человѣкъ пригоже". На Вологду же сообщаютъ ярославцы, что „для подлиннаго договора и поспѣшенія посланы къ вамъ дворянинъ, да посадскій человѣкъ". Костромичи шлютъ на Вагу призывъ: „и вы, господіе, къ намъ на Кострому для добраго совѣта не присылали; а изъ Галича къ намъ на Кострому для добраго совѣта прислали дворяне и дѣти боярскіе дворянина, а отъ посадскихъ людей посадскаго человѣка". Такіе мѣстные совѣты и ихъ сношенія охватили цѣлый рядъ городовъ, изъ которыхъ и двинулись первыя ополченія для освобожденія Москвы отъ поляковъ въ 1611 г. Собравшись подъ Москвой, эти ополченія и ихъ предводители пробуютъ организовать правительство „по совѣту всей земли", хотя участниками этого совѣта упоминаются только „всякіе служилые люди и дворовые и казаки". Послѣ неудачи этого ополченія мѣстные совѣты продолжаютъ играть важную роль, особенно въ сѣверо-восточныхъ городахъ, силами которыхъ

главнымъ образомъ и была подготовлена почва для поддержки нижегородскаго ополченія. Когда послѣднее достигло Ярославля, то оттуда разсылались грамоты по городамъ съ призывомъ „совѣтовать со всякими людьми общимъ совѣтомъ и по всемірному своему совѣту . . . прислать къ намъ въ Ярославль изо всякихъ чиновъ людей человѣка по два (и по три) и съ ними совѣтъ свой отписати за своими руками". Эти выборные приглашались для того, чтобы „по совѣту всего государства выбрати общимъ совѣтомъ государя". Ярославское ополченіе вступило въ переговоры и съ Новгородомъ и шведами по поводу избранія государемъ шведскаго королевича и объ этихъ сношеніяхъ также сообщало во всѣ города. Такія грамоты достигли и сибирскихъ городовъ, напримѣръ, Верхотурья, жители котораго приглашались прислать въ Ярославль „совѣтъ всего города, написавъ за своими руками, какъ съ новгородскими послы о королевичѣ говорити и на чемъ постановить". Изъ Верхотурья же сносятся о томъ же съ Тюменью, „чтобы о такомъ великомъ дѣлѣ послати совѣтъ свой въ Ярославль, свѣстяся Сибирскими всѣми городы, а не врознь". (С. Г. Г. II, №№ 236, 239, 278, 281; А. Э. II, №№ 175, 176, 178, 182, 203, 208; Чт. Общ. ист. 1905, кн. 4, смѣсь, 65).

Повидимому, въ Ярославль успѣли съѣхаться многіе выборные изъ городовъ, и тамъ составился „совѣтъ всей земли" въ гораздо болѣе правильной и полной формѣ, чѣмъ совѣтъ ополченія 1611 г., такъ какъ отсутствующіе въ полномъ составѣ освященный соборъ и боярская дума были замѣнены немногими соборными и думными чинами. Но за то здѣсь оказались впервые въ небываломъ числѣ „изо всѣхъ городовъ всякихъ чиновъ выборные люди". Этотъ соборъ въ безгосударственное время явился дѣйствительнымъ олицетвореніемъ единства государства и имѣлъ по уполномочію всей земли несомнѣнный авторитетъ, хотя ему и не суждено было осуществить главной цѣли, для которой онъ былъ созванъ— выбрать государя. Ополченіе двинулось къ Москвѣ и очистило ее отъ поляковъ. Но и послѣ этого подвига ему или выборнымъ въ его составѣ не пришлось приступить къ избранію государя, такъ какъ для этой цѣли въ половинѣ но-

ября 1612 г. разсылались грамоты по городамъ о присылкѣ выборныхъ „изо всякихъ чиновъ людей, по десяти человѣкъ для государьскаго обиранья и совѣта". Хотя о дѣятельности этого избирательнаго собора сохранился подлинный документъ,—избирательная или утверженная грамота объ избраніи на престолъ царя Михаила, но значеніе этого документа справедливо подвергнуто сомнѣнію какъ со стороны содержанія, такъ и относительно полноты подписей. Весьма вѣроятно, что документъ этотъ составленъ и подписи къ нему собирались спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ состоявшагося избранія. На грамотѣ подписалось 277 членовъ, тогда какъ на соборѣ было представлено до 50 городовъ.

По избраніи государя земскій соборъ не былъ распущенъ, а остался постояннымъ совѣтомъ всея земли при вновь избранномъ государѣ для поддержанія его въ тяжеломъ дѣлѣ возстановленія порядка въ совершенно расшатанномъ и разоренномъ государствѣ. Для молодого царя было крайне важно и прямо необходимо имѣть постоянную опору въ народныхъ представителяхъ для приданія надлежащаго авторитета всѣмъ распоряженіямъ слабой правительственной власти. Въ эти годы земскій соборъ спасъ отъ гибели не только отечество, но и ореолъ царской власти. Въ концѣ 1615 г. члены избирательнаго собора были распущены, но одновременно приглашены были новые выборные изъ городовъ, не успѣвшіе, однако, отовсюду съѣхаться къ началу 1616 г. Въ 1616, 1618 и 1619 гг. въ Москвѣ опять присутствуетъ земскій соборъ, и представляется весьма вѣроятнымъ, что въ теченіе этого времени онъ состоялъ изъ тѣхъ же выборныхъ, которые вызваны были на смѣну распущеннымъ въ 1615 г.; по крайней мѣрѣ, за это время не имѣется никакихъ указаній о приглашеніи на соборъ новыхъ выборныхъ. Но по прибытіи въ Москву митрополита Филарета изъ польскаго плѣна и возведенія въ санъ патріарха, на соборѣ 1619 г. проектированъ рядъ важныхъ мѣръ относительно приведенія въ извѣстность и упорядоченія платежныхъ силъ населенія и одновременно постановлено „изъ городовъ изо всѣхъ для вѣдомости и для устроенья взять къ Москвѣ" новыхъ выборныхъ людей изо всѣхъ чиновъ. Эти новые выборные остава-

лись въ Москвѣ повидимому безъ смѣны въ теченіе 1620—1622 гг.

Судя по этимъ даннымъ, земскій соборъ за время 1613—1622 гг. былъ постояннымъ учрежденіемъ, въ помощи и совѣтахъ котораго весьма часто нуждался молодой царь. Въ эти годы какъ бы осуществился планъ анонимнаго публициста XVI в., предлагавшаго „воздвигнути царю вселенскій совѣтъ", держати его „безпрестанно, всегда, погодно" при себѣ и ежедневно распрашивати царю самому „про всякое дѣло міра сего". Послѣ 1622 г. наступаетъ значительный перерывъ въ дѣятельности соборовъ: ближайшее извѣстіе о созывѣ собора относится къ 1632 г., когда оказалась необходимость въ экстренныхъ сборахъ для продолженія войны съ Польшею. Этотъ соборъ не распускался изъ Москвы въ продолженіи двухъ слѣдующихъ лѣтъ. За остальные годы царствованія Михаила Θедоровича извѣстны еще два собора—1636—37 г. и 1642 г., оба созванные по поводу осложненій въ отношеніяхъ къ Турціи изъ за Крыма и Азова.

При Алексѣѣ Михайловичѣ соборы созываются значительно рѣже: за первую половину его царствованія извѣстны—соборъ 1645 г., подтвердившій своимъ избраніемъ вступленіе царя на престолъ; 1648—1649 г., созванный для участія въ выработкѣ и утвержденіи Уложенія; 1650 г., созванный по поводу волненій въ Псковѣ, и 1651—1653 гг. по дѣламъ о присоединеніи Малороссіи. Послѣ этого соборы болѣе не созываются, по крайней мѣрѣ, въ обычномъ ихъ составѣ. Правительство царей Алексѣя и Θедора, нуждаясь нерѣдко въ совѣтахъ представителей земли, предпочитало обращаться лишь къ представителямъ того чина, класса или сословія, которыхъ ближе всего касалось данное дѣло. Таковы были совѣщанія 1660 г. о дороговизнѣ хлѣба съ торговыми людьми; таковы же совѣщанія съ выборными служилыми людьми 1682 г. объ измѣненіи ратнаго устава и совѣщанія съ представителями торговыхъ людей—гостей, гостиной и суконной сотенъ и посадскихъ черныхъ людей и даже уѣздныхъ (но только отъ дворцовыхъ селъ и волостей) того же года по вопросу объ уравненіи тяглой службы и податей всѣхъ указанныхъ группъ торгово-промышленнаго населенія.

Догадываются, что выборные послѣдняго совѣщанія, „двойники“ (по числу выборныхъ отъ каждаго чина населенія), принимали участіе въ дѣяніяхъ „всѣхъ чиновъ“ 27 апрѣля и 26 мая 1682 г. при избраніи на престолъ сначала царевича Петра, а потомъ и царевича Ивана. Послѣ двухъ соборовъ 1682 г. не сохранилось никакихъ указаній на дѣятельность земскихъ соборовъ даже и въ такой неполной формѣ.

Такимъ образомъ земскіе соборы съ выборнымъ представительствомъ появляются только съ начала XVII в. и, просуществовавъ полстолѣтія, начинаютъ замирать. Что же такое земскій соборъ въ этой новой формѣ? Формально составные его элементы тѣ же самые, что и раньше, т. е. освященный соборъ, боярская дума съ нѣкоторыми придворными и приказными чинами, присутствовавшими на соборахъ по личному началу, и, наконецъ, выборные представители. Только при наличности этихъ трехъ элементовъ можно говорить о земскомъ соборѣ, какъ бы слабо ни былъ представленъ третій изъ указанныхъ элементовъ, хотя бы въ лицѣ выборныхъ какого либо одного только чина. Между тѣмъ и люди той эпохи, какъ русскіе, такъ и иностранцы, а вслѣдъ за ними и современные изслѣдователи, расширяютъ рамки наблюдаемаго явленія и видятъ совѣтъ всей земли даже въ случайныхъ проявленіяхъ настроенія и дѣйствіяхъ народной московской толпы. Такъ, говорятъ о земскомъ соборѣ, который при Лжедимитріи судилъ Василія Шуйскаго. Но что это за соборъ? Или еще: самъ Шуйскій, ставшій во главѣ мятежной толпы и руководившій убіеніемъ Самозванца, сдѣлавшись царемъ, утверждалъ, что Лжедимитрія „за его богомерзкія злыя дѣла, осудя истинымъ судомъ, весь народъ Московскаго государства его убилъ“. Объ избраніи на престолъ Шуйскаго нѣкоторые современники положительно утверждаютъ, что онъ „малыми нѣкими отъ царскихъ палатъ излюбленъ бысть“; другіе прямо называютъ его „самоизбраннымъ“. Но въ записи своей онъ указываетъ, что учинился на отчинѣ прародителей своихъ царемъ „за моленіемъ всего освященнаго собора и по челобитью и прошенію всего православнаго христіанства“ (С. Г. Г. II, № 141). По низверженіи Шуйскаго

бояре, кн. Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій съ товарищи, разослали окружную грамоту по городамъ, въ которой сказано: „а вамъ велѣно всѣхъ чиновъ людемъ ѣхать къ Москвѣ, чтобъ выбрать государя на Московское государство . . . и изъ городовъ по ся мѣста никакіе люди не бывали“. Итакъ, изъ послѣднихъ словъ очевидно, что въ Москвѣ никакого собора не могло и быть. А между тѣмъ вслѣдъ за этими словами грамота продолжаетъ: „и мы всѣмъ Московскимъ государствомъ, совѣтовавъ съ святѣйшимъ патріархомъ, съ митрополиты, и съ архіепископы, и съ епископы и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ бояры, и съ околничими, и съ дворяны и съ дьяки думными, и стольники, и съ стряпчими, и съ дворяны и съ дѣтьми боярскими, и съ гостьми, и съ торговыми людьми, и стрѣльцы, и казаки, и со всякими служилыми и съ жилецкими людьми всего Московскаго государства, цѣловали крестъ королевичу Владиславу Жидимонтовичу“ (тамъ же, № 202). Не подлежитъ сомнѣнію, что терминами „вся земля“, „весь народъ“, „все государство“ явно злоупотребляли. Но съ другой стороны возможно допустить, что самое понятіе представительства всей земли было еще столь неопредѣленнымъ, что иные изъ современниковъ могли и совершенно добросовѣстно заблуждаться, представляя себѣ совѣтомъ всей земли совершенно случайное собраніе изъ какихъ либо наличныхъ въ Москвѣ чиновъ. Въ переходный моментъ отъ стараго типа представительства къ новому это было вполнѣ возможно. Какъ свидѣтельствовала сама дума, въ 1610 г. выборные изъ городовъ въ Москву не пріѣхали. Однако, избраніе королевича Владислава состоялось, отправлено было посольство подъ Смоленскъ для веденія переговоровъ, и стоящій во главѣ этого посольства бояринъ кн. В. В. Голицынъ былъ убѣжденъ, что онъ ѣдетъ отъ всей земли, и позднѣе говорилъ, что „отъ однихъ бы бояръ я кн. Василій и не поѣхалъ.“ Можно бы предположить, что въ 1610 г. по поводу избранія Владислава соборъ состоялся по старому типу совѣщаній XVI в. Но изъ окружной грамоты видно, что такой соборъ теперь уже не удовлетворялъ общественное мнѣніе, и въ Москву ждали пріѣзда изъ городовъ людей всѣхъ чиновъ для избранія государя.

Не всегда легко и изслѣдователю съ полной опредѣленностью провести разграничительную черту между совѣтомъ всей земли и какимъ либо случайно составившимся собраніемъ, особенно въ переходный моментъ отъ стараго представительства къ новому—выборному. Но тамъ, гдѣ это можно сдѣлать, не слѣдуетъ принимать никакихъ фикцій и говорить о „фиктивныхъ" соборахъ, когда ясно, что это не соборы.

Точно такъ же едва ли возможно разграничивать соборы по полнотѣ ихъ состава, даже въ эпоху выборнаго представительства. Совершенно правильно указано, что по идеѣ земскій соборъ представляетъ всю землю, все государство, весь народъ или все православное христіанство. Но какъ эта идея осуществлялась въ дѣйствительности? Проф. Загоскинъ думаетъ, что этой идеѣ соотвѣтствовало „олицетвореніе воли и мнѣнія всѣхъ классовъ населенія и всѣхъ областныхъ единицъ государства". Но дѣйствительность не знаетъ ни одного такого собора. Едва ли не правильнѣе подходитъ къ вопросу проф. Сергѣевичъ. Онъ указываетъ, что наши государи ясно преслѣдовали одну цѣль, „чтобы каждый чинъ имѣлъ своего представителя, чтобы не осталось въ государствѣ разряда свободныхъ лицъ не представленнаго. Всѣ оффиціальные протоколы указываютъ на приглашеніе всякихъ чиновъ людей. Но едва ли можно утверждать, что правительство считало безусловно необходимымъ имѣть представителей отъ каждаго чина изъ каждаго отдѣльнаго пункта населенія". Послѣднее указаніе необходимо принять. Но другое указаніе о стремленіи правительства дать представительство каждому разряду свободныхъ лицъ вызываетъ нѣкоторое сомнѣніе, такъ какъ вовсе не всѣ разряды свободныхъ лицъ были представлены на соборахъ. Проф. Сергѣевичъ ссылается на оффиціальные документы о приглашеніи на соборы всѣхъ чиновъ; но онъ самъ указываетъ, что тѣ же источники говорятъ „о выборныхъ отъ всѣхъ чиновъ и городовъ", и не считаетъ возможнымъ придавать значеніе послѣднему указанію. Едва ли можно принять во всемъ объемѣ и ссылку на представительство всѣхъ чиновъ. На всѣхъ почти соборахъ нельзя отмѣтить представительства отъ крестьянъ черныхъ волостей, отъ бѣлаго духовенства. Вѣроятно, правительство и не нахо-

дило особенно настоятельнымъ ихъ присутствіе. Наконецъ, извѣстны и такіе соборы, на которые не вызывались представители и отъ такихъ чиновъ, которые обыкновенно были представлены на соборахъ. Въ литературѣ такіе соборы называются не полными (напр., соборы 1682 г). Но если неполные соборы тоже соборы, то, значитъ, для понятія о земскомъ соборѣ достаточно представительства хотя бы одного какого либо чина.

Отъ какихъ же чиновъ и какимъ образомъ происходили выборы представителей? Первыя указанія о выборныхъ представителяхъ, касающіяся отдѣльныхъ городовъ, упоминаютъ или неопредѣленно о людяхъ изо всякихъ чиновъ, или прямо отмѣчаютъ выборныхъ отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и особо отъ посадскихъ людей. Эти два чина—служилые и посадскіе люди—и являются основными въ составѣ выборнаго представительства отъ областей Московскаго государства. Объ этихъ чинахъ упоминаютъ всѣ оффиціальные документы о дѣятельности земскихъ собровъ XVII в. Значительно рѣже упоминаются представители отъ другихъ чиновъ изъ областей. Такъ, на избирательный соборъ 1613 г. призывались выборные „уѣздные“ люди сверхъ дворянъ и посадскихъ людей. И среди подписавшихся на утверженной грамотѣ упоминаются „уѣздные люди“. Но надо признать совершенно правильнымъ указаніе проф. Платонова, что „осторожнѣе не настаивать на мысли, что на соборѣ 1613 г. сословное представительство было полнѣе, чѣмъ на прочихъ соборахъ XVII в.“, т. к. подъ уѣздными людьми можно понимать представительство крестьянъ только отъ Двинскаго уѣзда и Устюжны „Желѣзныя“, а уѣздные люди всѣхъ другихъ уѣздовъ могли быть только низшими разрядами служилыхъ людей. Выборные отъ крестьянъ дворцовыхъ селъ принимали участіе и въ обсужденіи вопроса объ уравненіи податей и службъ на соборѣ 1682 г. По постановленію собора 1619 г. на слѣдующій соборъ приглашались также выборные и отъ „духовнаго чина“ (можетъ быть, по иниціативѣ новаго патріарха Филарета); но это единственное указаніе на особое представительство духовенства на земскихъ соборахъ, и надо думать, что при наличіи освященнаго собора въ составѣ земскаго собора особое представительство отъ духовенства признано было излишнимъ.

Гораздо пестрѣе выборное представительство отъ столичнаго населенія вслѣдствіе того, что въ его составъ входило значительно большее число чиновъ. Такъ, отъ служилаго населенія призывались отдѣльные представители отъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ, уже явно проявившееся на соборѣ 1618 г. Отъ торгово-промышленнаго населенія особо были представлены гости, гостиная и суконная сотни и всѣ черныя сотни и слободы.

Избирательнымъ округомъ была основная административная единица Московскаго государства—городъ съ уѣздомъ. Исключеніе составлялъ Новгородъ, гдѣ избирательнымъ округомъ являлись пятины, такъ что Новгородъ съ уѣздомъ раздѣленъ былъ на пять округовъ.

Въ распоряженіяхъ о производствѣ выборовъ обыкновенно опредѣлялось и число выборныхъ отъ каждаго чина одного округа, хотя это число далеко не всегда оказывалось одинаковымъ не только для разныхъ чиновъ, но даже и для одного чина. Напримѣръ, въ грамотахъ по городамъ изъ Ярославля въ 1612 г. предлагалось прислать то по 2 человѣка отъ чина, то 2 или по 3. По однимъ извѣстіямъ на избирательный соборъ 1613 г. приглашались выборные изо всякихъ чиновъ по 10 человѣкъ, а по другимъ—самимъ избирателямъ предоставлялось опредѣлить это число, такъ какъ указано было прислать выборныхъ „сколько пригоже". По опредѣленію собора 1619 г. новые выборные вызывались отъ „духовнаго чину человѣка или дву", а отъ дворянъ и посадскихъ по 2 человѣка. Въ октябрѣ 1636 г. разсылались грамоты по городамъ о дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ: „велѣно выбрати изъ городовъ изъ выборныхъ по 2 человѣка, изъ дворовыхъ по 2 человѣка, и изъ городовыхъ по 2 человѣка, всего изъ городовъ по 6 человѣкъ". О посадскихъ людяхъ не упоминается; повидимому, они и не приглашались (Р. И. Б. IX, 39). На соборъ 1642 г. указано было „выбрати изо всякихъ чиновъ" „изъ большихъ статей человѣкъ по 20, и по 15, и по 10 и по 7, а не изо многихъ людей человѣкъ по 5, и по 6, и по 4, и по 3, и по 2 человѣка". Значитъ, число выборныхъ поставлено въ зависимость отъ численности каждаго чина. Но едва ли можно думать, что отъ каждаго округа и чина число

это определено изъ Москвы; а, вѣроятно, каждому чину самому предоставлено было опредѣлить число своихъ выборныхъ. Но выборные отъ посадскихъ людей изъ городовъ на этотъ соборъ не вызывались, такъ что торгово-промышленное населеніе было представлено только отъ г. Москвы. На соборъ 1648—49 г. предписано было выбрать отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ большихъ городовъ по 2 человѣка, „а изъ меньшихъ по человѣку"; посадскихъ же людей городовыхъ прислать отъ всѣхъ городовъ безъ различія по человѣку. Но какіе города надлежало считать большими, какіе меньшими, не объяснено.

Не смотря на указанное разнообразіе практики, можно отмѣтить двѣ общихъ тенденціи за время существованія выборнаго представительства: 1) представительство служилаго населенія всегда по численности преобладаетъ надъ представительствомъ торгово-промышленныхъ классовъ, и 2) значеніе столичнаго населенія въ составѣ земскихъ соборовъ постепенно падаетъ, хотя по численному составу всегда остается первымъ по сравненію съ каждымъ изъ другихъ городовъ; но въ XVI в. земскіе соборы исключительно состоятъ изъ столичныхъ чиновъ и представляютъ всю землю постольку, поскольку Москва отражаетъ въ себѣ все государство. Со времени же междуцарствія, когда Москва и все государство были спасены силами среднихъ служилыхъ и торговыхъ классовъ изъ областей, эти классы въ общемъ составѣ выборнаго представительства заняли по численности господствующее положеніе.

Самые выборы происходили въ каждомъ округѣ особо для каждаго чина. Въ призывныхъ грамотахъ мѣстнымъ воеводамъ предписывалось произвести выборы изъ указанныхъ чиновъ особо: „изъ духовново чину человѣка или дву, а изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ по два человѣка, а изъ гостей и изъ посадскихъ людей по два человѣка". Что здѣсь подразумѣвались отдѣльные выборы отъ каждаго чина, это подтверждается и отписками воеводъ о произведенныхъ выборахъ. Такія отписки по своей краткости и по способу выраженій могутъ подать поводъ къ неправильнымъ ихъ толкованіямъ. Напримѣръ, изъ Боровска воевода сообщаетъ въ 1651 г., что по грамотѣ изъ Разряду „велѣно мнѣ выбрать изъ дворянъ

одного человѣка, изъ посадскихъ людей одного же человѣка ... И я изъ дворянъ одного человѣка, да изъ посадскихъ одного жъ человѣка выбралъ". По буквальному смыслу можно понять, что воевода самъ произвелъ выборы. Но это только способъ выраженія, какъ это явствуетъ изъ такихъ же другихъ отписокъ. Новосильскій воевода доводитъ до свѣдѣнія, что также по грамотѣ изъ Разряда „велѣно мнѣ въ Новосилѣ выбрать лучшихъ дѣтей боярскихъ два человѣка . . . и я выбралъ въ Новосилѣ лучшихъ дѣтей боярскихъ двухъ человѣкъ (такихъ то). И выбравъ я тѣхъ новосильцевъ дѣтей боярскихъ ... и по нихъ я взялъ выборъ за новосильцевъ дѣтей боярскихъ за ихъ руками и послалъ къ тебѣ государю". „Выборъ за руками" или иначе „выборный списокъ за руками"—это ничто иное, какъ избирательный протоколъ, скрѣпленный подписями избирателей, который представлялся въ Москву для подтвержденія правильности выборовъ и удостовѣренія личности выборныхъ. Въ грамотахъ о присылкѣ выборныхъ на соборъ не одинъ разъ упоминается о составленіи такихъ выборовъ или выборныхъ списковъ за руками (Разр. кн. I, 619; А. Э. III, № 105; IV, № 27; Р. И. Б. IX, 39). Но до сихъ поръ извѣстенъ только одинъ такой выборъ какъ разъ о тѣхъ новосильцахъ, о которыхъ сообщалъ воевода. Этотъ „выборъ за руками" содержитъ поименное перечисленіе избирателей и за тѣмъ гласитъ „и всѣ новосильцы дворяне и дѣти боярскія выбрали мы новосильцовъ (такихъ то). И тѣ новосильцы къ тому къ государеву царственному великому и земскому и къ литовскому дѣлу годны и смышлены, и столько ихъ будетъ, то намъ и выборъ". Далѣе идутъ подписи: „къ сему выбору такой то руку приложилъ". Отсюда и самое названіе—„выборъ за руками". Такіе избирательные протоколы составлялись по каждому избирательному собранію. Поэтому верейскій воевода доноситъ, что „изъ дворянъ выбрали дворяне двухъ человѣкъ (такихъ то) и выборы мнѣ дали, а изъ посадскихъ людей выбрали посадскіе люди веретина посадскаго человѣка (такого то) и выборъ на него дали мнѣ". Это лучше всего подтверждаетъ раздѣльность выборовъ по каждому чину. Въ этомъ не могла не отразиться складывающаяся сословность въ составѣ населенія Московскаго государства.

Въ практикѣ, конечно, возможны были и отступленія отъ предписаннаго порядка и прямыя злоупотребленія. Изъ тѣхъ же воеводскихъ отписокъ видно, что нѣкоторые изъ воеводъ иногда по непониманію, а иногда въ силу затруднительныхъ условій сами посылали отдѣльныхъ лицъ на соборъ, помимо выборовъ. Такъ, крапивенскій воевода отписалъ, что „посадскихъ людей на Кропивнѣ только три человѣка, и тѣ худы, бродятъ межъ дворъ, и въ такое государево дѣло ихъ не будетъ. И я вмѣсто лучшихъ посадскихъ людей дву человѣкъ выбралъ съ Кропивны лучшихъ людей дву человѣкъ, соловлянина сына боярскаго Ѳедоса Богданова, для того, что онъ живетъ на Кропивнѣ на посадѣ и почасту бываетъ у твоихъ государевыхъ многихъ дѣлъ съ полковыми бояры и съ воеводы въ подьячихъ, да кропивенскаго пушкаря“. На этой отпискѣ сохранилась помѣта: „Послать грамоту съ осудомъ къ Василію Астафьеву (воеводѣ): послана къ нему грамота, а велѣно дворяномъ промежь себя выбрать, а не ему выбирать, и за то его осудить гораздо. Да онъ же сглупилъ, мимо посадскихъ людей прислалъ въ ихъ мѣсто сына боярскаго да пушкаря, мимо государева указу“ (А. М. Г. II, № 459). Затрудненія воеводъ большею частію заключались въ томъ, что въ данномъ городѣ не оказывалось на лицо чаще всего посадскихъ людей вообще или въ достаточномъ числѣ. Такъ, ливенскій воевода сообщаетъ, что „посадскихъ людей на Ливнахъ нѣтъ, акромѣ бобылей и дворниковъ“, и онъ, „изъ тѣхъ бобылей выбравъ кузнеца Кондрашку Лобова“, послалъ къ Москвѣ. Рыльскій воевода пишетъ, что „изъ посадскихъ людей выбрать не изъ кого, потому что посадскихъ людей въ Рыльскѣ мало, а которые посадскіе людишки есть и они въ государевѣ дѣлѣ на кабакѣ и въ таможенномъ сборѣ въ цѣловальникахъ“. Но нѣсколько дней спустя воевода все же послалъ въ Москву одного посадскаго человѣка, а другого „выбрать было не изъ кого“.

Въ грамотахъ и распоряженіяхъ о высылкѣ въ Москву выборныхъ людей иногда намѣчались и условія ценза, которымъ должны были удовлетворять выборные. Это должны быть лучшіе люди (иногда и средніе и даже молодшіе), что въ то время обычно понималось въ смыслѣ лучшей экономи-

ческой обезпеченности. На ряду съ этимъ указывались иногда умственныя и нравственныя качества избираемыхъ таковыми должны быть люди „добрые и разумные“. „добрые и смышленные“, которымъ „государевы и земскія дѣла за обычай“, или „лучшіе и въ умѣ нескудные“. Соборъ 1619 г. постановилъ прислать новыхъ выборныхъ „добрыхъ и разумныхъ, которые бы умѣли разсказать обиды, и насильства, и разоренья, и чѣмъ Московскому государству полнитца и ратныхъ людей пожаловать и устроить бы Московское государство, чтобъ пришло все въ достоинство“. Болѣе высокій цензъ едва ли можно придумать даже и для современныхъ народныхъ представителей. Конечно, никакой провѣрки соотвѣтствія выборныхъ условіямъ указаннаго ценза не могло быть. Лишь въ „выборномъ спискѣ“ избиратели удостовѣряли, что выборные къ такому дѣлу годны и „столько ихъ будетъ“.

Выборные получали отъ избирателей наказы. Къ сожалѣнію, объ этомъ имѣются только указанія; самые же наказы не извѣстны. Въ разсылаемыхъ изъ Ярославля грамотахъ 1612 г. о посылкѣ туда выборныхъ вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалось „противъ сея грамоты совѣтъ свой къ намъ описати, какъ намъ противъ общихъ враговъ польскихъ и литовскихъ людей стоять, и какъ намъ въ нынѣшнее злое настоящее время безгосударнымъ быть, и выбрати бъ намъ государя всею землею“ (С. Г. Г. II, стр. 596). Выборные на избирательный соборъ 1613 г. должны были пріѣхать, „договоряся въ городѣхъ накрѣпко и взявъ у всякихъ людей о государскомъ избиранья полные договоры“ (Дворц. Разр. I, 9). Недавно стало извѣстно случайное указаніе, что и выборные на соборъ 1648—49 гг. привезли съ собой „челобитья земскихъ людей о ихъ нуждахъ“. Не всѣ эти челобитья были приняты во вниманіе и удовлетворены. Правительство съ неудовольствіемъ вспоминало объ этихъ неудовлетворенныхъ челобитьяхъ и называло ихъ „прихотями“; а выборнымъ людямъ изъ опасенія гнѣва избирателей приходилось запасаться „бережеными грамотами“ (см. выше, 229).

Имѣются указанія и на то, что выборные должны были привозить съ собой „запасы“. Но единственное указаніе объ этомъ, относящееся къ собору 1648—49 г., дополняется

данными того же года, что выборные служилые люди по челобитьямъ получали жалованье за участіе въ „государевомъ и земскомъ дѣлѣ“, а посадскіе люди нѣкоторыя льготы отъ службъ и привилегіи; именно, по челобитью романовца посадскаго человѣка, В. Пронова, „противъ его братьи выборныхъ“, предписано „ту нынѣшнюю службу, что онъ былъ въ выборныхъ, зачесть въ службу“. Общая же привелегія посадскихъ выборныхъ людей заключалась въ томъ, что государь ихъ пожаловалъ „стояльцевъ никакихъ на дворишки ихъ ставить не велѣлъ, и питье, вино и пиво, держать имъ выборнымъ людямъ про себя велѣлъ безъявочно и безпошлинно“ (Русь 1905, № 42). Значить, весьма тяжелое бремя содержанія выборныхъ отчасти падало на ихъ собственный счетъ, отчасти покрывалось на счетъ государства въ видѣ жалованья или нѣкоторыхъ льготъ.

Въ исторической литературѣ ставится вопросъ о томъ, какъ относилось населеніе къ участію въ дѣятельности земскихъ соборовъ? Нѣкоторые изъ авторовъ усматриваютъ отрицательное отношеніе населенія къ такому важному съ нашей точки зрѣнія праву въ томъ, что, какъ видно изъ ряда случаевъ, избиратели не являлись на выборы, что изъ иныхъ городовъ выборные вовсе не пріѣзжали на соборы, и правительству приходилось подтверждать предписанія о непремѣнной и немедленной высылкѣ ихъ въ Москву; что выборные тяготились обязанностью пріѣзжать на соборы и за свои труды просили и получали отъ государя разныя милости и пожалованія. Такіе случаи дѣйствительно наблюдаются въ практикѣ выборнаго представительства. Но можно ли на основаніи ихъ дѣлать заключенія о томъ, что населеніе вообще отрицательно относилось къ земскимъ соборамъ? Если бы нѣчто подобное существовало, то какъ же могли бы созываться соборы? А они созываются нерѣдко, и неизвѣстенъ ни одинъ случай, что соборъ не могъ бы состояться за неприбытіемъ выборныхъ. Что выборные не смотрѣли на свое участіе, какъ на важное право для огражденія своихъ индивидуальныхъ правъ и для контроля за законностью управленія—это, конечно, вѣрно; но грѣхъ за такой отрицательный отвѣтъ долженъ пасть не на московскаго выборнаго XVII в. Участіе на со-

борахъ было несомнѣнно тяжелой обязанностью. И трудности переѣздовъ до Москвы, и расходы на переѣзды и на собственное содержанiе въ теченiе сессiи—все это надо было перенести, такъ какъ правительственныя дiеты вовсе не были чѣмъ то установившимся. Кромѣ того нельзя не принять во вниманiе, что и отмѣченные случаи неаккуратности избирателей и выборщиковъ были результатомъ нерѣдко не инертности населенiя, а неисправности московскаго правительственнаго механизма. Правительство, предписывая присылку выборныхъ изъ такихъ то чиновъ, нерѣдко и само не знало, что въ тѣхъ или иныхъ городахъ совсѣмъ не было людей какого либо чина, напримѣръ, посадскихъ. Такiя предписанiя ставили мѣстныхъ администраторовъ въ немалое затрудненiе, и не всѣ изъ нихъ умѣли найтись и сообщить о невозможности производства выборовъ за отсутствiемъ посадскихъ людей. Наряду съ этимъ бывало и такъ, что предписанiя о высылкѣ выборныхъ въ Москву къ указанному сроку получались на мѣстахъ уже по истеченiи этого срока. Мудрено ли, что при такихъ условiяхъ и мѣстной власти, и избирателямъ могло представляться, что не стоитъ и производить выборы, такъ какъ выборные могли бы совершенно напрасно проѣздить въ Москву, не заставъ уже тамъ соборной сессiи. Значитъ, нельзя ставить въ вину исключительно избирателямъ всѣ случаи, когда выборы не производились и выборные не прiѣзжали въ Москву. Но, конечно, и тогда, какъ и въ наши дни, были и уклоняющiеся. Но для русскихъ людей XVII в. это во всякомъ случаѣ гораздо извинительнѣе, чѣмъ для ихъ потомковъ XX в., такъ какъ выполненiе этой обязанности тогда было много труднѣе, чѣмъ осуществленiе современнаго права.

Нельзя при этомъ не отмѣтить одной характерной черты той старинной эпохи. Иногда изъ того или иного чина какого либо города прiѣзжало въ Москву большее количество выборныхъ, чѣмъ это назначено было по предписанiю изъ Москвы. Такъ. на соборъ 1648—49 г. требовалось прислать дворянъ изъ большихъ городовъ по 2 человѣка, изъ меньшихъ по 1 человѣку, а изъ Новгорода по 1 человѣку отъ пятины. Между тѣмъ изъ Новгорода прибыло 8 дворянъ, изъ Рязани—8; а изъ Бѣжецка, Казани, Калуги, Торопца по 2

человѣка посадскихъ, хотя посадскіе люди призывались по одному отъ города. Въ этомъ надо ужъ усмотрѣть не инертность, а излишнее усердіе со стороны населенія. И всѣ прибывшіе сверхъ нормы допускаются безпрепятственно на засѣданія собора. Такая практика указываетъ на то, что число представителей отъ каждаго чина изъ каждаго избирательнаго округа вовсе не имѣло значенія, какъ это видно изъ дальнѣйшаго.

Какъ происходили самыя совѣщанія на соборахъ, къ сожалѣнію, очень мало извѣстно. Подробныхъ протоколовъ не сохранилось, да врядъ ли они и составлялись. Сохранившіяся оффиціальныя записи о дѣятельности нѣкоторыхъ соборовъ указываютъ, что при открытіи сессіи государь или замѣняющее его лицо произносилъ рѣчь, въ которой объяснялись поводы къ созванію собора и формулировался вопросъ, подлежащій обсужденію. Но какъ шли самыя обсужденія, этого обыкновенно и не передаютъ упомянутыя записи, сообщая лишь окончательный результатъ соборной сессіи. Этотъ результатъ сообщается обыкновенно въ такой формѣ: такіе то чины (идетъ ихъ перечисленіе) „государю говорили на соборѣ", „били челомъ на соборѣ государю", „и на соборѣ государю челомъ ударили" (Разр. кн. I, 563, 779; II, 484, 621). Мнѣніе членовъ собора, такимъ образомъ, изображается въ видѣ общаго согласнаго ихъ мнѣнія. Но какъ оно составилось?

При выясненіи этого вопроса необходимо обратить вниманіе на то, что засѣданія земскихъ соборовъ существенно различались въ зависимости отъ того, съ какою цѣлью созванъ тотъ или иной соборъ. Одни соборы должны были выработать какое либо постановленіе или рѣшеніе; другіе созывались не для постановки рѣшенія, а лишь для ознакомленія правительства съ мнѣніями и настроеніями разныхъ чиновъ населенія. Проф. Сергѣевичъ совершенно правильно отмѣтилъ, что необходимо отличать „порядки тѣхъ соборовъ, чинамъ которыхъ прямо предписывалось отвѣчать на вопросы государя „порознь". Такія предписанія мы имѣемъ для соборовъ 1566, 1642 и 1653 гг., на которыхъ обсуждались сложнѣйшіе вопросы внѣшней политики . . . Въ виду особой трудности этихъ вопро-

совъ, правительство обращалось къ чинамъ не съ цѣлью придти къ соборному ихъ рѣшенію, а только для того, чтобы узнать ихъ мнѣнія, оставляя за собой самостоятельное рѣшеніе вопроса“ (Сб. Гос. Зн., II 30). Проф. Н. П. Загоскинъ не согласился съ этимъ мнѣніемъ. О членахъ собора 1653 г. сохранилось указаніе, что они „допрашиваны порознь, по чинамъ“. Эти и подобныя выраженія и остановили на себѣ вниманіе проф. Загоскина, который справедливо замѣтилъ, что такія выраженія „легко могутъ привести къ слишкомъ поспѣшному и вслѣдствіе того неосновательному предположенію, будто на этихъ соборахъ подача мнѣній производилась путемъ допроса отдѣльныхъ лицъ каждой сословной группы; ясно, что при этомъ предположеніи исключается возможность свободныхъ совѣщаній и дебатовъ въ средѣ соборныхъ людей“. Къ этому мнѣнію присоединился и проф. Латкинъ. Совершенно вѣрно, что „допросъ“ надо понимать не буквально, и что мнѣнія могли подаваться совершенно свободно. Но дѣло вовсе не въ томъ, производился ли допросъ, или мнѣнія подавались послѣ предварительныхъ свободныхъ дебатовъ, а въ томъ, что мнѣнія подавались порознь, и не было соборнаго приговора. А въ этомъ и заключается мнѣніе проф. Сергѣевича. Принявъ это мнѣніе, легко объяснить отдѣльныя мнѣнія печатника Висковатаго на соборѣ 1566 г. и дворянъ Беклемишова и Желябужскаго на соборѣ 1642 г.: такъ какъ на этихъ соборахъ не требовалось соборнаго рѣшенія, каждый могъ подать отдѣльное мнѣніе.

Когда же земскому собору предстояло выработать рѣшеніе или приговоръ, то, согласно исконному правилу стараго права, рѣшеніе должно было быть единогласнымъ. Только въ такомъ случаѣ имѣлся на лицо приговоръ всей земли. Такъ, на соборѣ 1598 г. патріархъ Іовъ предложилъ, чтобы „всѣхъ чиновъ всякіе люди царьствующаго града Москвы и всея Російскія земля намъ и всему освященному собору мысль свою объявили и совѣтъ дали: кому на великомъ преславномъ государьствѣ государемъ быти?“ Къ этому онъ прибавилъ, что у него „и у всего освященнаго вселенскаго собора, и у бояръ, и у дворянъ, и у приказныхъ и у служилыхъ у всякихъ людей, и у гостей, и у всѣхъ православныхъ крестьянъ, ко-

торые были на Москвѣ, мысль и совѣтъ всѣхъ единодушно, что намъ мимо государя Бориса Ѳедоровича иного государя никого не искати". На это всѣ, „которые пріѣхали изъ далнихъ городовъ, велегласно аки единѣми усты глаголаху: нашъ совѣтъ и желаніе то жъ единомысленно съ тобою" и проч. (А. Э. II, 24—25). Въ утверженной грамотѣ объ избраніи Михаила Ѳедоровича Романова разсказано, что „всѣ православные хрестьяне всего Московского государства, от мала і до велика і до сущих младенецъ (sic), яко едиными усты вопияху і взываху, что быти . . . государемъ царемъ і великимъ княземъ . . . Михайлу Федоровичю". И далѣе: „И по даннеі благодаті от св. Духа, вси во единомыслие совокупившеся . . . обрали на Владимерское, и на Московское и на Ноугородцкое, и на царство Казанское, и Астороханское и Сибирское, и на всѣ великие преславные государства Росийскаго царствія государемъ царемъ" и проч. (Чтен. Общ. Ист. 1906, кн. 3, 44—45). Точно такъ же на соборѣ 1618 г., когда обсуждался вопросъ о походѣ на Москву королевича Владислава, „государю царю и великому князю говорили на соборѣ митрополиты, и архіепископы, и епископы, и весь освященный соборъ, и бояре, и околничіе, и думные люди, и столники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе, и дьяки, и жилцы, и дворяне и дѣти боярскіе изъ городовъ и всякихъ чиновъ люди Московского государства: что они всѣ единодушно дали обѣтъ Богу за православную крестьянскую вѣру и за него государя стоять" (Кн. разр. I, 563). Это же подтверждается и вышеприведеннымъ указаніемъ, что мнѣніе всѣхъ чиновъ собора приводится какъ ихъ согласное общее мнѣніе.

Высказана догадка, что и въ такихъ случаяхъ вопросъ сначала обсуждался отдѣльными сословными группами. „По всей вѣроятности, чины собора занимали мѣста по сословіямъ, и сперва члены каждаго сословія переговаривались между собой, а потомъ уже одно сословіе, какъ цѣлое, сносилось съ другими" (проф. Сергѣевичъ). Это весьма возможно, хотя необходимо допустить и совмѣстное обсужденіе такихъ вопросовъ, которые не представляли какихъ либо трудностей, и отвѣтъ на которые подсказывался формулой вопроса. Нече-

го было, конечно, и обсуждать того, что члены собора будутъ единодушно стоять за православную вѣру и государя. Но какъ стоять и какъ помогать правительству, это могло уже вызвать и специальные отвѣты по особымъ группамъ членовъ собора. Нельзя поэтому принять мнѣніе проф. Загоскина (и присоединившагося къ нему проф. Латкина), будто „каждая сословная группа постановляла при каждомъ земскомъ соборѣ отдѣльное рѣшеніе, но эти рѣшенія для подачи ихъ государю редактировались въ одно общее, цѣлостное рѣшеніе земскаго собора". Но кѣмъ редактировались (проф. Латкинъ отвѣчаетъ: дьяками) и можно ли было ихъ соединить во едино? Дѣло, конечно, прежде всего не въ редакціи, а въ существѣ отвѣта. Дать общій отвѣтъ чины собора могли, только столковавшись между собой, а не при посредствѣ дьяковъ. Отдѣльныя же рѣшенія сословныхъ группъ и средактировать было невозможно, и они заносились особо въ соборный актъ. Напримѣръ, на соборѣ 1632 г. въ рѣчи государя предложено было чинамъ собора, чтобъ они „въ споможеніе ратнымъ людемъ на жалованье дали денегъ". Чины собора изъявили готовность помочь и государю челомъ ударили, но дали разно: духовныя власти дали изъ домовыхъ и келейныхъ денегъ; бояре и прочіе служилые и приказные люди обѣщали дать, „а что кто дастъ, и тому они принесутъ росписи". О рѣшеніи гостей и торговыхъ людей въ записи не сказано; но съ нихъ предписано было собрать пятую деньгу съ животовъ и промысловъ. Итакъ, форма помощи отъ каждой сословной группы различная, и соединить ихъ воедино невозможно. Такое разъединеніе членовъ собора по группамъ было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ разобщенности интересовъ слагающихся сословій. По цѣлому ряду вопросовъ та или иная сословная группа затруднялась представить свое мнѣніе по совершенной неосвѣдомленности съ даннымъ вопросомъ или, какъ говорили тогда, п. ч. „такое то дѣло имъ не за обычай". Правительство по своему извлекло отсюда указанія для собственной политики относительно призванія или непризванія на соборы различныхъ сословныхъ группъ. На соборы 1637 и 1642 гг. не вызывались городовые посадскіе люди, такъ какъ на этихъ соборахъ обсуждались техническіе воен-

ные вопросы по поводу осложненія отношеній къ Турціи. Для обсужденія вопросовъ о размѣрѣ тяглыхъ служебъ и сборовъ въ 1682 г. призвали только выборныхъ посадскихъ и уѣздныхъ людей.

Та же разобщенность между группами населенія привела и у насъ, какъ и на западѣ, къ расчлененію единаго собранія на особыя совѣщанія. Въ 1648—49 г. государь, освященный соборъ и боярская дума засѣдали особо отъ выборныхъ людей, которые совѣщались въ отвѣтной палатѣ подъ предсѣдательствомъ боярина кн. Ю. А. Долгорукова. Такъ же отдѣльно шли совѣщанія выборныхъ служилыхъ людей подъ руководствомъ боярина кн. В. В. Голицына съ товарищами въ 1682 г. по вопросу о преобразованіи служилаго строя. Государь съ освященнымъ соборомъ и думой, позднѣе принявъ участіе въ дѣлѣ объ уничтоженіи мѣстничества, засѣдали въ особомъ помѣщеніи. Такимъ образомъ у насъ намѣчались двѣ палаты противъ трехъ Англіи и Франціи.

Итакъ, рѣшеніе земскаго собора, какъ бы оно ни подготовлялось, должно быть единогласнымъ. Частности же, вытекающія изъ единогласнаго рѣшенія, могли быть разрѣшены отдѣльными сословными группами и не тождественнымъ образомъ. Но отъ такихъ рѣшеній необходимо отличать мнѣнія, которыя могли быть представлены не только „порознь“ отъ каждаго чина, но и каждымъ членомъ отдѣльно.

Рѣшеніе земскаго собора получало, однако, силу приговора всей земли только при согласіи государя съ составленнымъ рѣшеніемъ. Иначе говоря, государю принадлежала санкція рѣшенія. Въ такой же мѣрѣ это относится и къ избирательнымъ соборамъ, такъ какъ безъ согласія избраннаго въ государи не могло бы состояться и избраніе, а, стало быть, не появилась бы и утвержденная грамота.

Соборы созываются государями. Исключеніе составляютъ избирательные соборы, созываемые въ отсутствіе государя для его избранія. Въ этомъ случаѣ починъ исходитъ или отъ высшаго представителя духовной власти, патріарха и освященнаго собора, или отъ боярской думы, или отъ замѣняющаго ее временнаго правительства. Поводами къ ихъ созванію всегда являлись тѣ или иныя важныя событія внѣшней

и внутренней жизни государства, когда правительство находило необходимымъ опереться въ своихъ дѣйствіяхъ на явно выраженное одобреніе или сочувствіе земскаго совѣта. Иванъ III въ 1471 г., Грозный въ 1566 г., Михаилъ Ѳедоровичъ въ 1618, 1621, 1637, 1642 гг. и Алексѣй Михайловичъ въ 1651—1653 гг. не считаютъ возможнымъ предпринять чрезвычайно отвѣтственныя дѣйствія въ международныхъ отношеніяхъ Московскаго государства, не освѣдомившись съ настроеніемъ болѣе широкихъ общественныхъ классовъ. Точно такъ же и наиболѣе важныя событія внутренней жизни государства, не говоря уже объ избраніи государей, вызываютъ къ дѣятельности совѣты земли въ 1548—49, 1551, 1619, 1648—49 гг., когда обсуждались крупныя мѣры къ обновленію и упроченію тѣхъ или иныхъ сторонъ государственно-общественной жизни. Первыя девять лѣтъ царствованія Михаила Ѳедоровича земскій соборъ безпрерывно находился при государѣ, соправительствуя ему въ трудномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ возрожденія расшатанной и разоренной страны. Наконецъ, поводомъ къ созванію земскихъ соборовъ являлась и острая нужда правительства въ экстренныхъ средствахъ для обороны страны (1632—34 гг.).

И этотъ краткій перечень можетъ послужить достаточнымъ матеріаломъ для оцѣнки того спора, какой одно время разгорѣлся въ нашей исторической литературѣ между славянофилами и западниками по поводу значенія нашихъ земскихъ соборовъ. Если славянофилы, съ К. Аксаковымъ во главѣ, несомнѣнно переоцѣнили роль московскихъ соборовъ, увидѣвъ въ нихъ не простую первую ступень въ исторіи представительныхъ учрежденій, а чуть ли не панацею отъ всѣхъ бѣдъ государственной жизни, какъ своеобразный продуктъ славянскаго генія, то западники перегнули дугу въ другую сторону, и, напримѣръ, Чичеринъ подвелъ такой итогъ всей исторіи земскихъ соборовъ: „земскіе соборы исчезли не вслѣдствіе сословной розни или опасеній монарховъ, а просто вслѣдствіе внутренняго ничтожества. Кратковременная роль ихъ была кончена; они не могли болѣе дать правительству ни помощи, ни совѣта“. Въ настоящее время едва ли кто нибудь присоединится къ этому мнѣнію. Когда исторія земскихъ соборовъ

была лучше изучена, представились въ болѣе ясномъ свѣтѣ и ихъ заслуги въ исторіи страны. Нельзя не присоединиться къ той оцѣнкѣ, какую далъ земскимъ соборамъ начала XVII в. проф. Сергѣевичъ: „выборные люди стояли въ уровень съ ихъ высокимъ призваніемъ и хорошо понимали потребности своего времени; они безъ всякой розни соединились у престола избраннаго ими государя и не жалѣли ни жизни, ни имущества для спасенія отечества. Одной патріотической дѣятельности земскихъ соборовъ начала XVII в. уже довольно, чтобы Россія всегда вспоминала о нихъ съ благодарностью“. Лучшимъ опроверженіемъ мысли, что соборы не могли дать ни помощи, ни совѣта правительству, служитъ то обстоятельство, что это правительство въ теченіе столь долгаго времени обращается за совѣтомъ и помощью къ земскому собору. Въ параллель нелестной характеристикѣ, какую далъ Чичеринъ представленнымъ на соборѣ 1642 г. мнѣніямъ его чиновъ, проф. Сергѣевичъ подробно разсмотрѣлъ всѣ эти мнѣнія и отмѣтилъ ту чрезвычайно трезвую сдержанность, съ какой отнеслись эти чины къ поставленному на ихъ обсужденіе трудному вопросу; онъ подвелъ такой итогъ своему разбору: „такое голосованіе можетъ сдѣлать честь патріотизму любого собранія представителей“. Но если бы даже и можно было отыскать какіе либо крупные промахи въ дѣятельности земскихъ соборовъ, нельзя не признать за ними того огромнаго значенія, какого они несомнѣнно не могли не имѣть въ качествѣ той связи, какая создавалась благодаря имъ между представителемъ власти и населеніемъ. Такое значеніе „вселенскаго совѣта“ мѣтко оцѣнилъ еще анонимный публицистъ XVI в., указавъ что „таковою царскою мудростью и воиновымъ валитовымъ разумомъ вѣдомо да будетъ царю самому про все всегда самодержства его, и можетъ скрѣпити отъ грѣха власти и воеводы своя и приказные люди вся и приближенныхъ своихъ воеводъ и воиновъ отъ поминка и отъ посула и отъ всякія неправды, и сохранитъ ихъ отъ многихъ безчисленныхъ властелиныхъ грѣховъ и ото всякихъ льстивыхъ льстецовъ и отъ обавниковъ ихъ, и объявлено будетъ тѣми людьми таковое дѣло передъ царемъ“.

Но если столь значительны были заслуги земскихъ со-

боровъ передъ страной и передъ властью, то какъ же случилось, что ихъ перестали созывать? Историческая литература предлагаетъ нѣсколько разныхъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ. Оставляя въ сторонѣ такія крайнія мнѣнія, какъ Чичерина, который исчезновеніе соборовъ видитъ въ ихъ внутренней ничтожности, или К. Аксакова, по мнѣнію котораго виновникомъ паденія соборовъ является, конечно, Петръ Великій, изъ прочихъ мнѣній можно отмѣтить прежде всего точку зрѣнія тѣхъ, которые упадокъ соборовъ относятъ уже къ царствованію царя Алексѣя и видятъ то въ соборѣ 1653 г., то даже и въ соборѣ 1648—49 г. только одну формальность безъ какого либо значенія (Соловьевъ, Бѣляевъ). Тенерь, когда дѣятельность этихъ соборовъ лучше освѣщена, едва ли кто нибудь будетъ настаивать на этомъ мнѣніи; къ тому же въ немъ нѣтъ объясненія самыхъ причинъ, вызвавшихъ упадокъ учрежденія. Впервые проф. Сергѣевичъ предложилъ прямой отвѣтъ на вопросъ, почему съ 1653 г. царь Алексѣй пересталъ созывать соборы. Выборные люди очень часто указывали на злоупотребленія въ области суда и администраціи, путемъ челобитныхъ добивались устраненія какъ этихъ, такъ и другихъ злоупотребленій со стороны бояръ и духовныхъ властей и успѣвали иногда въ этомъ, нанося не разъ прямой ущербъ ихъ имущественнымъ интересамъ (отнятіе слободъ по Уложенію). „Могла ли такая дѣятельность мелкихъ городовыхъ дворянъ нравиться сильнымъ ближнимъ людямъ и сильному духовенству... Высшіе чины и духовныя власти имѣли слишкомъ много причинъ, чтобы удерживать Алексѣя Михайловича отъ созванія выборныхъ людей, а какъ постоянные совѣтники государя, они имѣли и много средствъ подъ руками, чтобы выставить соборы, какъ учрежденіе, ни на что не нужное. Этимъ вліяніемъ и слѣдуетъ объяснить тотъ фактъ, что соборы исчезли изъ нашей государственной практики“.

Проф. Загоскинъ полагаетъ, что отвѣтъ на поставленный вопросъ крайне простъ, и нѣтъ никакой надобности доискиваться „до сокровенныхъ причинъ и до замысловатыхъ комбинацій“. По его мнѣнію, „земскіе соборы окончили свое существованіе вслѣдствіе уничтоженія причинъ, вызвавшихъ ихъ къ жизни... Государственная власть окончательно выра-

боталась въ форму неограниченнаго самодержавія; государство окрѣпло, стало на твердо выбранную дорогу и сознало духовныя и матеріальныя свои силы; находившіеся въ состояніи броженія государственные элементы были подчинены интересамъ государства, а областныя земщины сплотились и внѣшнимъ и внутреннимъ образомъ въ понятіе цѣлостнаго организма, проникнутаго единствомъ духа и интересовъ". Но такъ какъ указанныя явленія не вдругъ получили свою законченность, то земскіе соборы исчезли не разомъ, а вымираютъ постепенно. Къ этому мнѣнію очень близко примыкаетъ и мнѣніе проф. Латкина. Для него вполнѣ ясно, что соборы прекратились потому, что прекратилось дѣйствіе причинъ, вызвавшихъ ихъ существованіе: „государство упорядочилось, внѣшніе враги изгнаны изъ его предѣловъ, внутренніе уничтожены, государственная казна перестала пустѣть, издано было новое Уложеніе, однимъ словомъ, правительству не приходилось болѣе находиться въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и искать выхода изъ нихъ съ помощью народа". Однако, это объясненіе повидимому не вполнѣ удовлетворило и самого автора, который хочетъ его дополнить и точкой зрѣнія проф. Сергѣевича, соединяя въ одну группу мнѣнія профессоровъ Сергѣевича и Загоскина, какъ дополняющія одно другое. Но какъ соединить эти мнѣнія? По существу своему они взаимно уничтожаются одно другимъ. Въ самомъ дѣлѣ, если соборы прекратили свое существованіе вслѣдствіе того, что не было болѣе нужды созывать ихъ, то противъ чего же боролись бояре и духовенство? Если же они боролись, старались выставить соборы учрежденіемъ не нужнымъ, значитъ, надобность въ созывѣ соборовъ не перестала существовать и чувствовалась царемъ. И не въ излишне ли розовомъ колоритѣ нарисована картина проф. Загоскина, скопированная проф. Латкинымъ?

Проф. Влад.-Будановъ видитъ „причину прекращенія созыва соборовъ въ реформаторскомъ направленіи дѣятельности правительства, въ которой оно не надѣялось найти сочувствія и поддержки населенія". А проф. Платоновъ снова возвращается къ мысли проф. Сергѣевича, указавъ, что на соборѣ 1648—49 г. средніе общественные классы успѣли про-

вести если не всѣ, то многія изъ своихъ „прихотей“, чѣмъ и вызвали противъ себя прямое неудовольствіе „верхней палаты“ собора, т. е. освященнаго собора и боярской думы. Онъ не сомнѣвается въ томъ, что никто иной, какъ „смиренный Никонъ, близко знакомый съ дѣятельностью собора 1648—49 г., наложилъ первый свою тяжелую руку на земскій соборъ. „При его то власти пришелъ конецъ земскимъ соборамъ“, и послѣ 1653 г. соборы перестали созываться: ихъ замѣняютъ или совѣщанія съ экспертами, или совѣщанія съ освященнымъ соборомъ и думой, какъ это нерѣдко встрѣчалось и раньше.

Не подлежитъ сомнѣнію, что власть правительства значительно окрѣпла въ царствованіе „тишайшаго“ царя. Присоединеніе Малороссіи и удачныя войны съ Польшей значительно усилили территоріальную мощь Московскаго государства. Царь сдѣлался не только государемъ „всея Руси“, но „всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцемъ“. Сохранилось даже сообщенное Татищевымъ преданіе, что „царь Алексѣй Михайловичъ, получа случай самому въ Польшѣ войскомъ управлять, и черезъ то силою паки часть самовластія возвратилъ“ (Утро, сборн. изд. Погодинымъ, 272—273). Это повидимому басня, отражающая лишь сознаніе современниковъ объ усиленіи власти государя. Но все это не спасало Московскаго государства отъ тяжелыхъ, чуть не критическихъ моментовъ въ его внутренней жизни. Достаточно вспомнить мѣдный бунтъ, Разиновщину. Эти событія надвигались не неожиданно. Еще въ 1660 г. правительство допрашивало московскихъ торговыхъ людей о причинахъ хлѣбной дороговизны и о тѣхъ мѣрахъ, какими можно было бы такую „дороговь унять“. Въ 1662 г. государь вновь приказалъ допросить торговыхъ людей Москвы, „чтобъ нынѣшнюю настоящую дороговь за помощію Божіею умалить и общество бъ христіанское видѣть безъ оскорбленія“. Очевидно, правительству было извѣстно, что оскорбленія обществу христіанскому отъ дороговизны достигли крайнихъ предѣловъ: „бѣдные люди отъ нынѣшнея всякія дороговли хлѣбныя и харчевныя помираютъ голодною смертью“. Торговые люди и на этотъ разъ въ своихъ сказкахъ указали рядъ мѣръ для возстановленія пра-

вильной торговли жизненными припасами и въ числѣ другихъ мѣръ отмѣтили необходимость изъятія изъ обращенія мѣдныхъ денегъ. Но любопытно, что во всѣхъ поданныхъ сказкахъ отмѣчается необходимость обсудить положеніе дѣлъ при участіи земскаго собора. Такъ, торговые люди суконной сотни откровенно заявили, что „о мѣдныхъ деньгахъ сказать и ихъ на мѣрѣ поставить, что имъ быть или перемѣнить, о томъ не домыслимся, что то дѣло великое всего государства, всей земли". Тяглые люди черныхъ сотенъ и слободъ точно такъ же отмѣтили въ своей сказкѣ: „нынѣ мы о поможеніи всякихъ товаровъ дешевой цѣны и о мѣдныхъ деньгахъ сказать и на мѣрѣ ихъ поставить не вѣдаемъ и о томъ великаго государя милости просимъ, чтобъ великій государь указалъ взять изо всякихъ чиновъ и изъ городовъ лутчихъ людей, а безъ городовыхъ людей о мѣдныхъ деньгахъ сказать не умѣть, потому что то дѣло всего государства и всѣхъ городовъ и всякихъ чиновъ людей". Наконецъ, та же мысль повторена и въ сказкѣ гостей и гостиной и суконной сотенъ торговыхъ людей: „а чѣмъ тому помочь, и о томъ мы нынѣ одни сказать подлинно недоумѣемся для того, что то дѣло всего государства, всѣхъ городовъ и всѣхъ чиновъ, и о томъ у великаго государя милости просимъ, чтобъ пожаловалъ великій государь, указалъ для того дѣла взять изо всѣхъ чиновъ на Москвѣ и изъ городовъ лутчихъ людей по 5 человѣкъ, а безъ нихъ намъ однимъ того великаго дѣла на мѣрѣ поставить невозможно" (А. Зерцаловъ. О мятежахъ въ Москвѣ и с. Коломенскомъ, Чтен. Общ. ист. 1890, кн. 3, стр. 260, 264—265). Не смотря на такія настойчивыя указанія свѣдущихъ лицъ, земскій соборъ не былъ созванъ. Не опасенія же, что выборные люди не поддержатъ реформаторскихъ стремленій правительства помѣшали его созвать. Не могъ помѣшать въ данный моментъ и Никонъ, уже покинувшій патріаршій столъ. Надо думать, что въ составѣ правительства оказалось не мало другихъ лицъ, быть можетъ, и самъ государь подъ ихъ вліяніемъ, которыя не хотѣли и даже боялись земскаго собора. Упомянутыя сказки были составлены въ февралѣ или апрѣлѣ 1662 г., а 25 іюля того же года поднялся въ Москвѣ „гиль", и повторились сцены подобныя тѣмъ, какія при-

лось переживать царю въ 1648 г. По челобитью думныхъ и начальныхъ людей, всякихъ чиновъ служилыхъ и всякихъ же торговыхъ и жилецкихъ людей, государь указалъ „тѣхъ воровъ и мятежниковъ переимать, чтобъ тѣ воры большаго дурна не учинили", послѣ чего съ ними жестоко расправились. Правительство справилось и съ этимъ бунтомъ и съ Разинскимъ безъ содѣйствія совѣта всей земли. Но какой цѣной!... Могъ ли земскій соборъ въ составѣ, намѣченномъ торговыми людьми, предупредить такіе „гили" и даже „качаніе міра", этого, конечно, сказать нельзя. Московское правительство рѣшило обойтись собственными приказными и военными силами и обошлось. Надо полагать, что это сознаніе роста и крѣпости административно-приказныхъ силъ въ центрѣ и областяхъ и было главной причиной паденія земскихъ соборовъ, изъ среды которыхъ правительство не безъ основанія могло ожидать новыхъ неудобныхъ „прихотей". Стоящіе у власти московскіе думные и приказные люди второй половины XVII в., образовавшіе сильные корни будущей могущественной бюрократіи, иначе оцѣнили значеніе и пригодность земскаго совѣта, чѣмъ родовитый титулованный публицистъ половины XVI в., рекомендовавшій царю искать совѣта и у „всенародныхъ человѣкъ".

Послѣдній вопросъ, на которомъ необходимо остановиться, сводится къ оцѣнкѣ политическаго авторитета земскаго собора. Въ литературѣ и по этому вопросу высказаны весьма различныя мнѣнія. Извѣстна мистическая формула К. Аксакова: „правительству — сила власти, землѣ — сила мнѣнія". Онъ полагалъ, что эти двѣ силы всегда дѣйствовали въ одномъ направленіи, а потому и идеализировалъ земскій соборъ. Большинство другихъ изслѣдователей приписываетъ земскимъ соборамъ лишь совѣщательное значеніе. Такъ, проф. Загоскинъ приходитъ къ выводу, что „московскіе земскіе соборы не имѣли верховной государственной власти, не имѣли значенія ограничительнаго, но имѣли значеніе исключительно совѣщательное, вспомогательное". Проф. Латкинъ хотя и считаетъ невѣрнымъ мнѣніе славянофиловъ о чисто совѣщательномъ значеніи земскихъ соборовъ, но въ то же время примыкаетъ къ мнѣнію проф. Загоскина въ томъ, что въ основѣ

„того явленія лежалъ фактъ, а не право“. Но какъ далеко онъ идетъ за проф. Загоскинымъ, этого нельзя сказать, такъ какъ указаніе на то, что „наши государи нуждались въ содѣйствіи русской земли и пользовались имъ въ формѣ соборовъ; этимъ все и исчерпывалось“, не разъясняетъ дѣла. Точнѣе и вѣрнѣе освѣщаетъ вопросъ проф. Сергѣевичъ. Онъ не считаетъ возможнымъ принять мнѣніе о совѣщательномъ значеніи соборовъ и не сомнѣвается въ томъ, что значеніе ихъ „идетъ далѣе, хотя никакой указъ формально и не признавалъ за ними того положенія, которымъ въ дѣйствительности они пользовались. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что московскіе государи признаютъ за собою право дѣйствовать и помимо соборовъ; этимъ правомъ они пользуются и въ эпоху соборовъ. Но рядомъ съ этимъ они признаютъ что то и за народомъ, въ силу чего и обращаются иногда къ его согласію. Съ исторической точки зрѣнія, это „что то“ есть несомнѣнно слабый остатокъ порядковъ княжеской эпохи, когда князь и народъ находились въ непосредственныхъ другъ къ другу отношеніяхъ“. Было бы лишь необходимо добавить къ этимъ словамъ, что политическій авторитетъ земскихъ соборовъ за время ихъ существованія не оставался на одной высотѣ, а росъ и падалъ. Это и указано въ мнѣніи проф. Платонова, который хотя и полагаетъ, что соборъ „игралъ роль по преимуществу совѣщательную“, но отмѣчаетъ, что „въ исключительныя минуты государственной жизни ему усваивалась верховная власть. Въ эпохи междуцарствія она принадлежала ему нераздѣльно; при новой династіи, въ важнѣйшіе моменты ея дѣятельности (мѣропріятія 1619 г., Соборное Уложеніе, присоединеніе Малороссіи и т. п.) сами государи сливали свой авторитетъ съ авторитетомъ „всея земли“. Но проходилъ исключительный моментъ, наступало затишье, и соборы опять входили въ свою обычную роль совѣтника“.

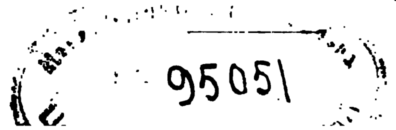
Прежде всего съ точки зрѣнія политическаго авторитета необходимо различать виды соборовъ. Избирательнымъ соборамъ принадлежала несомнѣнно учредительная власть: они или избирали новую династію (1598 и 1613 г. г.), или подтверждали право наслѣдника на занятіе престола (1584 и

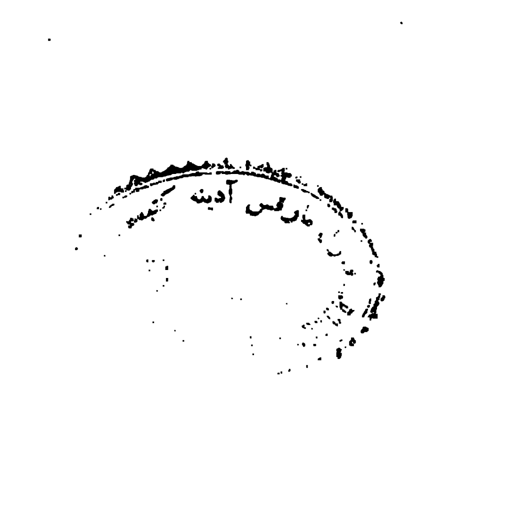
1645 г. г.). Далѣе, совершенно разный авторитетъ надо признать за соборами, созванными лишь для представленія мнѣній правительству, и за соборами, которые должны были выработать рѣшеніе и постановить приговоръ. Въ послѣднемъ случаѣ соборы являлись элементами верховной власти, что подтверждается весьма рельефно тѣмъ, что въ актахъ распорядительныхъ по поводу приведенія въ исполненіе соборныхъ рѣшеній обыкновенно содержится указаніе, что мѣра принята „по нашему указу и всей земли приговору“, „по всемірному приговору“, или же прямо указывается, что государь „приговорилъ со властьми и съ бояры и всякихъ чиновъ съ людьми Московскаго государства“, или, что „по государеву указу, а по приговору властей и бояръ и думныхъ и всякихъ чиновъ людей съ соборнаго Уложенья сбирано“ и проч. Потому то вслѣдъ за постановленіемъ соборнаго рѣшенія государь приказывалъ „послати съ собору въ городы свои грамоты“ (А. Э. III, №№ 68, 79 — 81, 105, 275; Кн. разр. I, 564, 617, 781; II, 480—487, 618). Очевидно, считалось важнымъ и необходимымъ для придапія силы распоряженію сослаться на приговоръ собора. Это сознаніе, что государь однолично или съ думой не могъ рѣшать нѣкоторыхъ вопросовъ безъ совѣта всей земли, проникаетъ въ правительственные круги еще при Грозномъ; такъ, напримѣръ, заключить вѣчный миръ съ Польшей правительство Грознаго не рѣшилось (выше, стр. 478).

Авторитетъ совѣта всей земли началъ быстро рости съ упадкомъ власти государя послѣ прекращенія династіи, особенно въ смутное время. Выше было указано, какъ царь Шуйскій оффиціально провозгласилъ, что даже законному прирожденному государю нельзя оставаться на государствѣ, если его не похотятъ всякихъ чиновъ люди Московскаго государства (стр. 435). Этимъ признано за „землей“ право смѣщенія государей. Такъ же высоко стоитъ авторитетъ земскаго совѣта и въ первые годы царствованія Михаила Өедоровича. Соправительство царя и собора не вызвало, однако, между ними никакихъ конфликтовъ въ силу „единства стремленій центральнаго правительства и создавшаго его представительнаго собранія“ спасти и упрочить русскую землю. Но по мѣрѣ того, какъ крѣпъ авторитетъ царя, усиливалась пра-

вительственная власть, — политическій авторитетъ земскаго собора никнетъ, и, наконецъ, соборы совсѣмъ исчезаютъ, уступивъ мѣсто абсолютной бюрократической монархіи.

К. Аксаковъ. По поводу VI тома Исторіи Россіи Соловьева; Замѣчанія на ст. Соловьева Шлецеръ и анти-историческое направленіе; Краткій историческій очеркъ земскихъ соборовъ. Всѣ эти статьи въ т. I Полн. собр. соч. 1861 и 1889; *Соловьевъ.* Шлецеръ и анти-историческое направленіе, Русск. Вѣстн. 1857, т. VIII, 442—450; *П. В. Павловъ.* О нѣкоторыхъ земскихъ соборахъ XVI и XVII вв., Отеч. Зап. 1861, т. CXX и CXXIII; *Щаповъ.* Великорусскія области и смутное время, Отеч. Зап. 1861, т. CXXXIX; Земскій соборъ 1642 г., Вѣкъ 1862, № 11; Земскій соборъ 1648—49 г. и собраніе депутатовъ 1767 г., Отеч. Зап. 1862. № 11; *Чичеринъ.* О народномъ представительствѣ, 1866, стр. 360—382; *Бѣляевъ.* Земскіе соборы на Руси, Рѣчь и отчетъ Моск. Унив. за 1867 г. и отдѣльно 1902; *В. Сергѣевичъ.* Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ, Сб. гос. зн. II, 1875, и Лекціи и изслѣд., 161—229; *В.-Будановъ.* Критика на ст. Сергѣевича, Кіев. Унив. Изв. 1875, окт.; Обзоръ, 178—190; *Н. П. Загоскинъ.* Исторія права Московскаго государства, т. I, 1877, 207—344; *И. Ждановъ.* Церковно-земскій соборъ 1551 г., Ист. Вѣстн. 1880, № I и Сочиненія т. I, 1904; *И. Дитятинъ.* Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи Московскаго государства, Русск. Мысль 1880, № 5, и Статьи по ист. русск. права, 1895; Къ вопросу о земскихъ соборахъ, Русск. Мысль, 1883, № 12; *С. Ѳ. Платоновъ.* Замѣтки по исторіи земскихъ соборовъ, Ж. М. Н. Пр. 1883, № 3 и, Статьи по русск. ист. 1903; Рѣчи Грознаго на земскомъ соборѣ 1550 г., Ж. М. Н. Пр. 1900, № 3; Къ исторіи Московскихъ земскихъ соборовъ, Журналъ для всѣхъ, 1905, №№ 2 и 3 и отдѣльно; *В. Латкинъ.* Земскіе соборы древней Руси, 1885; Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ, 1884; *В. Ключевскій.* Составъ представительства на земскихъ соборахъ, Русск. Мысль 1890, № 1; 1891, № 1; 1892, № 1; *В. И. Алексѣевъ.* Новый документъ по исторіи земскаго собора 1648—49 г., Древности. Труды Арх. Комм. Москов. Арх. Общ. т. II, вып. I; *П. Г. Васенко.* Хрущевскій списокъ Степенной книги и извѣстіе о земскомъ соборѣ 1550 г., Ж. М. Н. Пр. 1903, № 4; *М. Клочковъ.* Дворянское представительство на земскомъ соборѣ 1566 г., Вѣстн. Права 1904, ноябрь; *С. Веселовскій.* О земскомъ соборѣ, Русь 1905, № 42 (18 февр.); *С. В. Рождественскій.* О земскомъ соборѣ 1642 г., Сб. статей, посвященныхъ В. И. Ламанскому, ч. I, 1907.

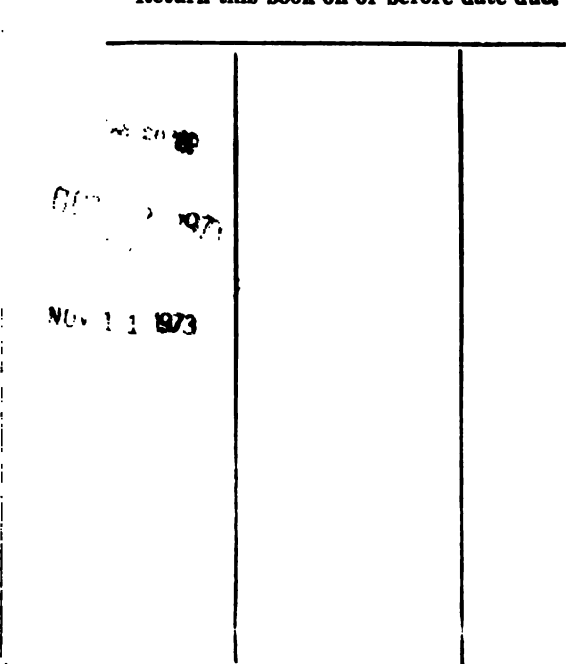

آدینه

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.:	Строка:	*Напечатано*:	*Должно быть*:
5	8 сверху	общелавянскія	общеславянскія
37	7 снизу	до-фотіевой	до-Фотіевой
39	1 сверху	православныимь	православныимъ
69	12 „	посланые	посланные
76	18 снизу	(Кар. 177)	(Кар. 77)
82	19 „	дворны и его	дворный его
104	17 сверху	а своядімъ	а своя імъ
144	14 снизу	конкуррировать	конкурировать
163	16 „	этого Но	Но
—	15 „	подтвержденія	подтвержденія этого
181	15 „	119 и 127	119 и 125
192	12 „	въ новгородъ	въ Новгородъ
—	11 „	Новгородьци	новгородьци
202	18 сверху	прародительей	прародителей
213	2 „	то та-	то
232	11 снизу	обязательственыя	обязательственныя
276	10 сверху	не образуетъ	не образуютъ
341	9 „	тротцкого	троетцкого
400	1 снизу	русскаго	русская

2р 54к.

Stanford University Libraries
3 6105 124 426 821
JN
6500
D52
1908
V.1

NOV 1 1 1973

Цѣна 3 рубля.

[illegible]